

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Е.Н. Бегалиев,

доктор юридических наук, доцент,
Почетный работник образования РК
(Республика Казахстан)

С.А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

Г.А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

К.К. Гасанов,

доктор юридических наук, профессор

С.С. Жевлакович,

кандидат социологических наук, доцент,
Заслуженный работник высшей школы РФ

О.В. Зиборов

доктор юридических наук, доцент

И.А. Калининченко,

кандидат педагогических наук

В.Л. Кубышко,

кандидат педагогических наук

В.О. Лучин,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный юрист РФ

С.С. Маилян,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ

А.Л. Миронов,

кандидат юридических наук, доцент

Н.В. Румянцев,

доктор юридических наук

Д. Субошич,

кандидат юридических наук, профессор

В.Ю. Федорович,

кандидат юридических наук, доцент

Ю.А. Цыпкин,

доктор экономических наук, профессор

Б.С. Эбзеев,

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
Заслуженный юрист РФ

Н.Д. Эриашвили,

кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

E.N. Begaliev,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Honorary Worker of Education of the RK
(Republic of Kazakhstan)

S.A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

G.A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

K.K. Gasanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S.S. Zhevlakovich,

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

O.V. Ziborov

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

I.A. Kalinichenko,

Candidate of Pedagogical Sciences

V.L. Kubyshko,

Candidate of Pedagogical Sciences

V.O. Luchin,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia

S.S. Mailyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A.L. Mironov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N.V. Rumyantsev,

Doctor of Legal Sciences

D. Subošić,

PhD, professor

V.Yu. Fedorovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Yu.A. Tsyarkin,

Doctor of Economic Sciences, Professor

B.S. Ebzeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia

N.D. Eriashvili,

Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the Field of Science and Technology

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL COUNCIL

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

С.В. Алексеев,

доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Почетный работник науки и техники РФ

Ю.М. Антонян,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

А.В. Барков,

доктор юридических наук, профессор

А.Р. Белкин,

доктор юридических наук, профессор

Е.В. Богданов,

доктор юридических наук, профессор

С.А. Боголюбов,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

Г.А. Василевич,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РБ (Республика Беларусь)

Т.М. Гандилов,

доктор юридических наук профессор, Заслуженный юрист России

А.В. Ендольцева,

доктор юридических наук, профессор

О.Д. Жук,

доктор юридических наук, профессор, Почетный работник прокуратуры РФ

С.М. Зырянов,

доктор юридических наук, профессор

С.В. Иванцов,

доктор юридических наук, профессор

О.Ю. Ильина,

доктор юридических наук, профессор

Н.Г. Кадников,

доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ

Р.А. Каламкарян,

доктор юридических наук, профессор

В.П. Камышанский,

доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего образования РФ

И.Б. Кардашова,

доктор юридических наук, профессор

Н.А. Колоколов,

доктор юридических наук, профессор, судья Верховного Суда РФ (в отставке)

И.И. Котляров,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

С.Я. Лебедев,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

А.Н. Левушкин,

доктор юридических наук, профессор

Н.П. Майлис,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ

LEGAL SCIENCES

S.V. Alekseev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia, Honorary Worker of Science and Technology of Russia

Yu.M. Antonyan,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia

A.V. Barkov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

A.R. Belkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

E.V. Bogdanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S.A. Bogolyubov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of Russia

G.A. Vasilevich,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the RB (Republic of Belarus)

T.M. Gandilov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

A.V. Endoltseva

Doctor of Legal Sciences, Professor

O.D. Zhuk,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Prosecutor of Russia

S.M. Zyryanov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

S.V. Ivantsov,

Doctor of Legal Sciences, Professor

O.Yu. Ilyina,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N.G. Kadnikov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia

R.A. Kalamkaryan,

Doctor of Legal Sciences, Professor

V.P. Kamyshanskiy,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Education of Russia

I.B. Kardashova,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N.A. Kolokolov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Judge of Supreme Court of Russia (Resigned)

I.I. Kotlyarov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

S.Ya. Lebedev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

A.N. Levushkin,

Doctor of Legal Sciences, Professor

N.P. Maylis,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

В.П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

Н.Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г.Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

Н.В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

Р.С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

Ш.М. Нурадинов,
доктор юридических наук, профессор

А.М. Осавелюк,
доктор юридических наук, профессор

А.С. Прудников,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

А.В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д.П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л.В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

Е.Н. Хазов,
доктор юридических наук, профессор

О.В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор, Почетный работник
высшего профессионального образования РФ

Л.А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Н.М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

А.П. Шергин,
доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ

Б.С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ

А.Б. Янишевский,
доктор юридических наук

V.P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N.F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G.B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

N.V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R.S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S.M. Nuradinov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A.M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A.S. Prudnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

A.V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D.P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L.V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

E.N. Khazov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O.V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher
Professional Education of Russia

L.A. Chegovadze,
Doctor of Legal Sciences, Professor

N.M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia

A.P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Honored Worker of Science of Russia

B.S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science
of Russia, Honored Lawyer of Russia

A.B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т.А. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю.Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

В.И. Бобешко,
доктор экономических наук, профессор

Р.П. Бульга,
доктор экономических наук, профессор

Л.П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ

Д.В. Дианов
доктор экономических наук, профессор

А.Ф. Дятлова
доктор экономических наук, профессор

ECONOMIC SCIENCES

T.A. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu.T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V.I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R.P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L.P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

D.V. Dianov
Doctor of Economic Sciences, Professor

A.F. Dyatlova
Doctor of Economic Sciences, Professor

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Р.В. Илюхина,

доктор экономических наук, профессор

В.Г. Когденко,

доктор экономических наук, профессор

М.А. Комаров,

доктор экономических наук, профессор

Е.И. Кузнецова,

доктор экономических наук, профессор

Н.П. Купрешенко,

доктор экономических наук, профессор

И.А. Майбуров,

доктор экономических наук, профессор

В.Б. Мантусов,

доктор экономических наук, профессор

В.С. Осипов,

доктор экономических наук, профессор

Г.Б. Поляк,

доктор экономических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С.Г. Симагина,

доктор экономических наук, профессор

Н.В. Цхададзе,

доктор экономических наук, профессор

R.V. Ilyuhina,

Doctor of Economic Sciences, Professor

V.G. Kogdenko,

Doctor of Economic Sciences, Professor

M.A. Komarov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

E.I. Kuznetsova,

Doctor of Economic Sciences, Professor

N.P. Kupreshchenko,

Doctor of Economic Sciences, Professor

I.A. Mayburov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

V.B. Mantusov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

V.S. Osipov,

Doctor of Economic Sciences, Professor

G.B. Polyak,

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S.G. Simagina,

Doctor of Economic Sciences, Professor

N.V. Tskhadadze,

Doctor of Economic Sciences, Professor

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.С. Агапов

доктор психологических наук, профессор

И.В. Грошев,

доктор психологических наук, доктор экономических наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ

А.Г. Караяни,

доктор психологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Государственной премии

В.М. Крук,

доктор психологических наук, профессор

Л.Н. Костина,

доктор психологических наук, доцент

И.Б. Лебедев,

доктор психологических наук, профессор

Б.А. Спасенников,

доктор юридических наук, доктор медицинских наук,
профессор

А.Н. Сухов,

доктор психологических наук, профессор

С.Н. Федотов,

доктор психологических наук, профессор

В.Л. Цветков,

доктор психологических наук, профессор

Г.У. Човдырова,

доктор психологических наук, доктор медицинских наук,
профессор

С.Р. Аблеев,

доктор философских наук, доцент

В.Ю. Бельский,

доктор философских наук, профессор

А.Л. Золкин,

доктор философских наук, доцент

А.Д. Иоселиани,

доктор философских наук, профессор

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

V.S. Agapov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

I.V. Groshev,

Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Honored Worker of Science of Russia

A.G. Karayani,

Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Winner of the State Award

V.M. Kruk,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

L.N. Kostina,

Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor

I.B. Lebedev,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

B.A. Spasennikov,

Doctor of Legal Sciences, Doctor of Medical Sciences,
Professor

A.N. Sukhov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

S.N. Fedotov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

V.L. Tsvetkov,

Doctor of Psychological Sciences, Professor

G.U. Chovdyrova,

Doctor of Psychological Sciences, Doctor of Medical Sciences,
Professor

S.R. Ableev,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V.Yu. Belsky,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

A.L. Zolkin,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A.D. Ioseliani,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор
Н.Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор
М.В. Саудаханов
кандидат юридических наук

Ответственный секретарь
Д.Е. Барикаева

В подготовке номера
участвовали:
Л.С. Антоненко,
М.И. Никитин,
А.И. Антошина

Верстка номера
О.А. Головлева

Журнал зарегистрирован
Министерством Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации № 77-14723

Индекс по каталогу Агентства
«Роспечать» — 84629

Подписано в печать 23.06.2020
Цена договорная

Адрес редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16
E-mail:
vestnik.mosu.mvd@mail.ru

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Содержание № 3 • 2020

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

IX Всероссийская конференция «Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития»

КАЛИНИЧЕНКО И.А. О приоритетных направлениях подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации в условиях информатизации общества	11
ФЕДОРОВИЧ В.Ю. Что такое «киберпреступление»?	15
ЗАЙЦЕВ О.А. Основные направления развития уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации	18
ХИМИЧЕВА О.В., АНДРЕЕВ А.В. Цифровизация как тренд развития современного уголовного процесса	21
ГАВРИЛОВ Б.Я. Сокращенное досудебное производство: современное состояние и пути совершенствования	24
ГРИГОРЬЕВ В.Н. Дифференциация ответственности за отказ в принятии доказательств	31
МАСЛЕННИКОВА Л.Н. К вопросу о политическом значении цифровизации досудебного производства в уголовном процессе ...	34
ЕНДОЛЬЦЕВА А.В., ЕНДОЛЬЦЕВА Ю.В. Информационные технологии: неизбежный путь дальнейшего развития уголовного судопроизводства	37
АГУТИН А.В. Либерально-правовая стратегия и бытие российского уголовного судопроизводства	41
СУМИН А.А. Презумпция невиновности и меры процессуального принуждения: совмещение несовместимого	45
ТИСЕН О.Н. Практические проблемы применения института судебного штрафа в российском уголовном судопроизводстве	47
ПОБЕДКИН А.В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу)	50
КЛЕЩИНА Е.Н. О совершенствовании уголовно-процессуального закона в условиях развития информационных технологий	56
ЦВЕТКОВ Ю.А. Следственная власть в эпоху постправды	59
МИЧУРИНА О.В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства	65
ВОРОНОВ Д.А. Использование электронных документов в целях информирования участников досудебного производства ...	69
ВОЛЫНСКАЯ О.В. Развитие юридической мысли и перспективы в борьбе с киберпреступностью в сфере уголовного судопроизводства	72
ШАРОВ Д.В. Запрет на арест предпринимателя в «цифровую» эпоху: реальность или фикция?	75
МИРОНОВА А.В. Оказание международной правовой помощи в получении электронных доказательств	78
ФЕДЮКИНА А.Ю. О месте электронных носителей информации в системе доказательств по уголовным делам	81
ИВАНОВ Д.А. Информационные ресурсы как средство получения следователем информации об имуществе, на которое может быть наложен арест в целях возмещения вреда, причиненного преступлением	84

• Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

• При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

• В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8.

Печать офсетная.

Тираж 1500 экз.

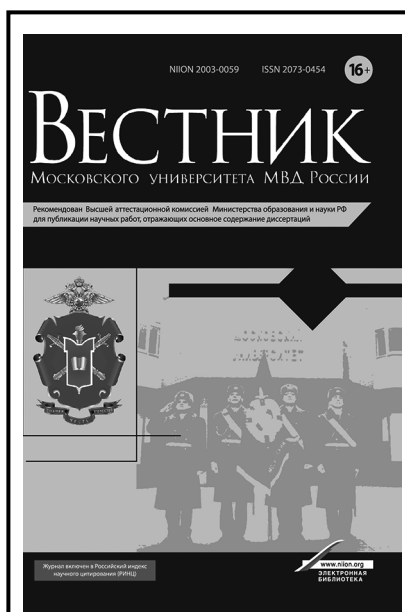
(1-й завод — 300).

**Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12**

АЛОНЦЕВА Е.Ю. Правомерность ограничения конституционных прав и свобод граждан при производстве следственных действий, связанных с получением электронной информации	88
ШАРОВ А.В. О необходимости изменения подхода к доказыванию в уголовном судопроизводстве происхождения компьютерных файлов	91
ЖАМКОВА О.Е. Использование видеозаписи в уголовном судопроизводстве	94
СОЛОМАТИНА А.Г. Допустимость использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве	97
СОПНЕВА Е.В. Информирование в электронной форме лиц, в отношении которых выдвинуто подозрение	100
ШИШОВ В.В. Электронный документооборот при возбуждении перед судом ходатайства о применении судебного штрафа	103
ПАНФИЛОВ П.О. Изменение уголовно-процессуального закона, вызванное цифровизацией экономических отношений: реальность и потребность	106
ГРИГОРЬЕВА Н.В., УГОЛЬНИКОВА Н.В. Современные проблемы соблюдения прав участников уголовного судопроизводства	110
ЕСИНА А.С., БЛИНОВА Е.В. Неразглашение данных предварительного следствия: проблемы правоприменения и вопросы толкования	113

ВАСИЛЬКОВ К.А. Функции превенции как правовой категории: теоретико-правовой анализ	118
ЕЛИНСКИЙ В.И., АХМЕДОВ Р.М., ИВАНОВА Ю.А. Роль и значение Союза Советских Социалистических Республик в оказании интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан	123
ВАСИЛЕВИЧ С.Г. Презумпция невиновности как фундаментальный правовой принцип	126
ОЛИМПИЕВ А.Ю. К вопросу об основах конституционного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации	135
ПРУДНИКОВ А.С. Конституционно-правовое регулирование получения разрешения на проживание в Эстонской Республике	138
ТАРАСОВ А.М. Полномочия Президента Российской Федерации по контролю за деятельностью правоохранительных органов	141
ХАЗОВ Е.Н., ХАЛИЛОВ Р.М. Правовые гарантии конституционных прав и свобод человека и гражданина в России	147
АНОХИН С.А. Сущность франчайзинга и специфика его правового регулирования в России	152
ЖУРИЛО П.И. К вопросу о статусе земельных участков, изымаемых для государственных и муниципальных нужд	155
ИВАНОВ А.П., ИГНАТЬЕВА С.В. Гражданско-правовое регулирование защиты жилищных прав физических лиц при осуществлении реновации	158
НИКИТИН М.И. О допустимости ограничений свободы завещания недвижимого имущества детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации	162
ЧЕГОВАДЗЕ Л.А., КУПРИЯНОВА А.А. Квалификация договора: право сторон или обязанность суда?	165
ДАВИТАДЗЕ М.Д. Уголовная ответственность за диверсию	169
ИВАНЦОВ С.В., ДОБРЕНКОВ А.И. Органы внутренних дел в системе предупреждения дорожно-транспортных преступлений несовершеннолетних: функции и проблемные вопросы	174

Каждый номер журнала содержит научные публикации членов профессорско-преподавательского состава Университета, адъюнктов, аспирантов, авторов из других образовательных учреждений. Для публикации в журнале представляют свои научные статьи также сотрудники различных подразделений органов внутренних дел, иных правоохранительных органов, судьи, прокурорские работники, нотариусы, члены государственных и муниципальных органов власти. Данные статьи отличаются большим объемом эмпирического материала, который может быть эффективно использован в ходе дальнейших научных исследований, в учебном процессе, а также в ходе правоприменительной практики, что придает журналу прикладной характер.

Решением ВАК Минобрнауки России журнал «Вестник Московского университета МВД России» включен в утвержденный Министерством образования и науки РФ Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Подписной индекс Агентства
«Роспечать» 84629,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

КАБАНОВ Н.А. Криминологические последствия массовых беспорядков	180
КУДАШКИН С.К. К вопросу о разграничении массовых беспорядков и группового хулиганства	184
ЧИНЕНОВ А.В. Криминологические особенности специального предупреждения преступлений, совершаемых при ликвидации юридического лица	189
МИРОНОВ В.В. К вопросу о значении стадии возбуждения уголовного дела и ее сохранении в российском уголовном процессе	193
ПОПОВ А.М., МЕДВЕДЕВА С.В. Особенности доказывания по уголовным делам в суде первой инстанции	197
ПРОХОРОВА Е.А., САМОРОКА В.А., БАЛАЯНЦ М.С. Дифференциации уголовно-процессуальной формы предварительного расследования	203
КЛИМЕНКОВ И.Н. Некоторые вопросы разграничения компетенции по обеспечению конкуренции между органами внутренних дел и ФАС России	207
ПОПОВ С.А. Особенности организации антикоррупционной системы безопасности в МВД России	213
СМИРНОВ П.В. Юридические последствия конфликта интересов при осуществлении адвокатом защиты по уголовному делу	217
АКИМОВА Г.В. К вопросу о противодействии молодежному экстремизму в России	221
ГУСЕВА С.Г., КОНЯХИНА Т.Я., СКВОРЦОВА А.П. О роли административных регламентов в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации	228
ПРУДНИКОВА Т.А. Трудовая деятельность и учеба иностранных граждан в Королевстве Нидерландов	231
КИСЕЛЕВСКАЯ Л.Е. Соотношение здравого смысла, воли, усмотрения и интереса со способностью лиц с особенностями правового статуса понимать значение своих действий или руководить ими в гражданском судопроизводстве	234

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГОЛЬЦЕВ Д.С. Экспертная профилактика по делам об экономических правонарушениях	239
КУПРЕЩЕНКО Н.П., КУШХОВА А.А. Экономическая безопасность России во взаимодействии с современными миграционными процессами	242
МАСЛОВА В.М. Инновационный подход к системе управления персоналом	246
ЯКОВЛЕВ А.А. Оценка текущего положения и некоторых перспектив использования евро как наднациональной валюты ...	249
НИКУЛИНА Н.Н., БЕРЕЗИНА С.В., ШАШКИНА М.Е. Сущность и технологии индивидуализации страхования в условиях цифровизации	254

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОСИН Р.В. Индивидуально-психологические особенности личности, влияющие на успешность овладения профессией сотрудника полиции	260
СИТАРОВ В.А., ПАШКОВА О.А. Основные факторы достижения академической успешности студентов	263
СУХОВ А.Н. Традиционные и современные средства криминогенного общения	267
ШМАНЕВА Л.В., ШМАНЕВ С.В. Методология прогнозирования экономических кризисов в интересах укрепления национальной безопасности	273

FOUNDER:

Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

*Scientific editor, responsible
for the publication, the Winner
of the Award of the Government
of the Russian Federation in the
field of a science and technics,
Doctor of Economics Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical
Sciences, Professor*

N.D. Eriashvili

E-mail: nodari@unity-dana.ru

Tel. 8 (499)740-68-30

EDITORIAL STAFF:

Editor-in-Chief

M.V. Saudakhanov

Candidate of Legal Sciences

Executive secretary

D.E. Barikaeva

*In edition preparation
participated:*

L.S. Antonenko,

M.I. Nikitin,

A.I. Antoshina

Imposition

O.A. Golovleva

The journal is registered
by Ministry for Press,
Broadcasting and Mass
Communications
of the Russian Federation

**The certificate of registration
№ 77-14723**

**Zip Code at the List of the
Agency «Rospechat» — 84629**

*It is sent for the press 23.06.2020
Contractual price*

Editorial Staff address:

109028, Moscow,

Malyj Ivanovskij per., d. 2.

Tel. 628-57-16

E-mail:

vestnik.mosu.mvd@mail.ru

VESTNIK

MOSKOVSKOGO UNIVERSITETA MVD ROSSII

Contents № 3 • 2020

JURISPRUDENCE

IX All-Russian conference «Criminal procedure: current state and strategy of development»

KALINICHENKO I.A. About priority directions of training of personnel for law-enforcement bodies of the Russian Federation in the conditions of informatization of society	11
FEDOROVICH V.YU. What is «cybercrime»?	15
ZAITSEV O.A. Main directions of development criminal procedure legislation in terms of digitalization	18
KHIMICHEVA O.V., ANDREEV A.V. Digitalization as a trend in the development of modern criminal proceedings	21
GAVRILOV B.YA. Reduced pre-trial proceedings: current state and ways of improvement.	24
GRIGORYEV V.N. Differentiation of responsibility for failure in accepting evidence.	31
MASLENNIKOVA L.N. On the political significance of digitalization of pre-trial proceedings in criminal proceedings	34
ENDOLTSEVA A.V., ENDOLTSEVA YU.V. Information technology: the inevitable way further development of criminal proceedings	37
AGUTIN A.V. Liberal legal strategy and the existence of Russian criminal justice	41
SUMIN A.A. Presumption of innocence and coercive measures: combining the incompatible	45
TISEN O.N. Practical problem of applying the institution of a judicial fine in Russian criminal proceedings	47
POBEDKIN A.V. Ethical and axiological risks of digitalization fashion for criminal proceedings (about the fallacy of the technological approach to the criminal process)	50
KLESHCHINA E.N. About improvement of the criminal procedure law in the conditions of development of information technologies	56
TSVETKOV YU.A. Investigative power in the post-truth era	59
MICHURINA O.V. Artificial intelligence vs internal persuasion: view on the future of criminal proceedings	65
VORONOV D.A. Using of electronic documents to inform participants of pre-trial criminal proceedings.	69
VOLYNSKAYA O.V. Development of legal thought and prospects in the fight against cybercrime in the field of criminal justice	72
SHAROV D.V. The ban on the arrest of the entrepreneur in the digital age: fact or fiction?	75
MIRONOVA A.V. Provision of international legal aid in obtaining electronic evidence	78
FEDYUKINA A.YU. On the place of electronic information carriers in the system of evidence in criminal cases	81
IVANOV D.A. Information resources as a means of obtaining information by the investigator about the property, which can be seized in order to compensate for the harm caused by the crime	84

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii» the reference to the journal is obligatory.

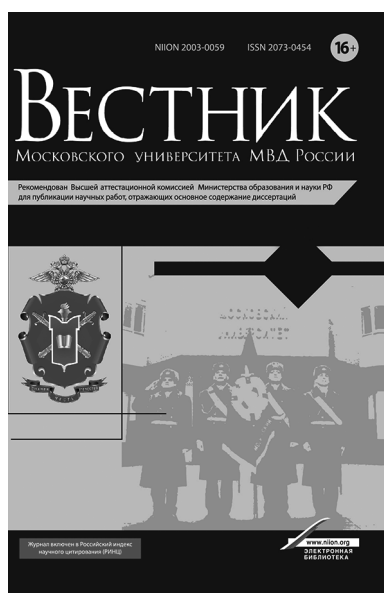
- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st batch — 300)

Moscow University
of Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot
117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

ALONTSEVA E.YU. Legitimacy of restriction of constitutional rights and freedoms of citizens in the course of investigative actions related to obtaining electronic information	88
SHAROV A.V. On the need to change the approach to proving the origin of computer files in criminal proceedings	91
ZHAMKOVA O.E. Use of video recordings in criminal proceedings	94
SOLOMATINA A.G. Admissibility of the use of artificial intelligence in criminal proceedings	97
SOPNEVA E.V. Electronic notification of persons served with suspicion	100
SHISHOV V.V. Electronic document flow during initiation before the court, petitions for the application of a court fine	103
PANFILOV P.O. Changing the criminal procedure law caused by the digitalization of economic relations: reality and need	106
GRIGOR'EVA N.V., UGOL'NIKOVA N.V. Modern problems of compliance with the rights of participants of criminal proceedings	110
ESINA A.S., BLINOVA E.V. Non-disclosure of preliminary investigation data: enforcement and interpretation issues	113
VASILKOV K.A. Functions of the prevention as a legal category: theoretical and legal analysis	118
ELINSKIY V.I., AKHMEDOV R.M., IVANOVA YU.A. Role and significance of the Union of Soviet Socialist Republics the provision of international assistance Democratic Republic of Afghanistan	123
VASILEVICH S.G. Presumption of innocence as a fundamental legal principle	126
OLIMPIEV A.YU. On the basis of constitutional proceedings in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation	135
PRUDNIKOV A.S. Constitutional and legal regulation of obtaining a residence permit in the Republic of Estonia	138
TARASOV A.M. Powers of the President of the Russian Federation to control the activities of law enforcement agencies	141
KHAZOV E.N., KHALILOV R.M. Legal guarantees of constitutional rights and freedoms human and citizen in Russia	147
ANOKHIN S.A. The essence of franchising and the specifics of its legal regulation in Russia	152
ZHURILO P.I. On the status of land plots seized for state and municipal needs	155
IVANOV A.P., IGNATYEVA S.V. Civil regulation of the protection of housing rights of individuals during the renovation	158
NIKITIN M.I. On the permissibility of restrictions on the freedom of wills of real estate of orphaned children and children left without parental care in Russian Federation	162
CHEGOVADZE L.A., KUPRIYANOVA A.A. Qualification of the contract: the right of the parties or the obligation of the court?	165
DAVITADZE M.D. Criminal liability for sabotage	169
IVANTSOV S.V., DOBRENKOV A.I. The internal affairs bodies in the system of preventing road traffic crimes of minors: features and issues	174

Each issue of the journal contains scientific publications of members of the faculty of the University, adjuncts, graduate students, authors from other educational institutions. Employees from various departments of the internal affairs agencies and other law enforcement agencies, judges, prosecutors, notaries, members of state and municipal authorities also submit their research articles for publication in the journal. These articles are distinguished by a large amount of empirical material that can be effectively used in the course of further scientific research, in the educational process, and also in the course of law-enforcement practice, which gives the journal an applied character.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of Russia, the journal «Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia» is included in the List of leading reviewed scientific journals and publications approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, which should publish the main scientific results of the dissertation for the degree of doctor and candidate of science.

Zip Code at the List of the Agency «Rospechat» 84629, or on the website Scientific electronic library:
<http://elibrary.ru>

KABANOV N.A. Criminological consequences of mass unrest.	180
KUDASHKIN S.K. To the question of delimitation of mass riots and group disorderly conduct.	184
CHINENOV A.V. Criminological features of the special prevention of crimes committed during the liquidation of a legal entity.	189
MIRONOV V.V. On the importance of the stage of criminal proceedings and its preservation in the Russian criminal proceedings	193
POPOV A.M., MEDVEDEVA S.V. Features of evidence in criminal cases in the court of first instance.	197
PROKHOROVA E.A., SAMOROKA V.A., BALAYANTS M.S. About differentiation of the criminal procedural form of preliminary investigation.	203
KLIMENKOV I.N. Some issues of delimitation of competence to ensure competition between law enforcement bodies and the FAS Russia.	207
POPOV S.A. Features of the organization of an anti-corruption security system in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.	213
SMIRNOV P.V. Legal consequences of a conflict of interest when a lawyer is defending a criminal case	217
AKIMOVA G.V. On the issue of countering youth extremism in Russia	221
GUSEVA S.G., KONYAKHINA T.YA., SKVORTSOVA A.P. On the role of administrative regulations in activities bodies internal Affairs of the Russian Federation.	228
PRUDNIKOVA T.A. Employment and study of foreign citizens in the Kingdom of the Netherlands	231
KISELEVSKAYA L.E. The relationship of common sense, will, discretion and interest with the ability of persons with legal status to understand the meaning of their actions or to lead them in civil proceedings	234

ECONOMIC SCIENCE

GOLTSEV D.S. Expert prevention in cases on economic violations . . .	239
KUPRESCHENKO N.P., KUSHHOVA A.A. The economic security of Russia in conjunction with modern migration processes	242
MASLOVA V.M. Innovative approach to personnel management system	246
YAKOVLEV A.A. Assessment of existing position and of some perspectives of using of euro as above national currency	249
NIKULINA N.N., BEREZINA S.V., SHASHKINA M.E. The essence and technology of individualization of insurance in the context of digitalization	254

PSYCHOLOGICAL SCIENCE

OSIN R.V. Individual psychological characteristics of the personality influencing the success of ownership of professional police officer.	260
SITAROV V.A., PASHKOVA O.A. Main factors for achieving academic success of students.	263
SUKHOV A.N. Traditional and modern means of criminal communication.	267
SHMANEVA L.V., SHMANEV S.V. Methodology for forecasting economic crises in the interests of strengthening national security	273

О ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Игорь Александрович Калининченко, начальник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук, генерал-лейтенант полиции
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Проанализировано состояние преступности, связанной с использованием информационных технологий, в современной России. Рассмотрены международные исследования в области противодействия преступлениям в сфере информационных технологий. Сформулирована задача приоритетной подготовки и переподготовки специалистов, способных противодействовать преступлениям в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: киберпреступность, кибербезопасность, киберугрозы, преступления в сфере информационных технологий, подготовка кадров, переподготовка кадров.

ABOUT PRIORITY DIRECTIONS OF TRAINING OF PERSONNEL FOR LAW-ENFORCEMENT BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF INFORMATIZATION OF SOCIETY

Igor A. Kalinichenko, Head of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences, the General-the Lieutenant of Police
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. The state of crime related to the use of information technologies in modern Russia has been analyzed. International research in the field of combating crimes in the field of information technologies was considered. The task of priority training and retraining of specialists able to counter crimes in the field of information technologies has been formulated.

Keywords: cybercrime, cybersecurity, cyber threats, crimes in the field of information technology, training, retraining.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Калининченко И.А. О приоритетных направлениях подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации в условиях информатизации общества. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):11–14.

В современной жизни общества и государства вряд ли осталась хоть одна сфера деятельности, на которую информационные (цифровые) технологии не оказали бы существенного влияния. Мы уже привыкли к использованию системы онлайн-платежей, получению государственных услуг в электронном виде, к совершению некоторых сделок с помощью различных интернет-сервисов и другим возможностям, которые предоставляются в XXI в.

В последнее время глобальное оцифровывание выступает одним из основных трендов современной жизни российского общества, что определено Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203¹.

Общий вектор развития российского общества состоит в переходе в информационную (компьютерную) сферу основных видов деятельности. Однако,

надо учитывать, что IT-технологии используют и криминальные элементы. В настоящее время практически любое преступление может быть совершено с использованием информационных технологий, дистанционным способом. И это не только хищения денежных средств или мошенничество, но и преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, преступные деяния против общественной безопасности и государственной власти.

Статистические данные о состоянии преступности показывают неуклонный рост количества преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. Так, за девять месяцев 2019 г. число зарегистрированных преступлений, связанных

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

с использованием информационных технологий, увеличилось на 69,2% по сравнению с аналогичным периодом 2018 г.². В 2018 г. Следственный департамент МВД России также отмечал рост таких преступлений по сравнению с 2017 г. более чем в два раза³.

Расширение масштабов IT-преступности далеко не чисто российское явление. Согласно данным международной организации Europol, в некоторых странах Европейского Союза и Великобритании материальный ущерб от киберпреступлений превысил по объему ущерб от традиционных преступлений⁴.

Новые виды преступлений, совершаемые в киберсфере, появление «инновационных» способов совершения традиционных преступлений ставят перед всеми правоохранительными органами непростые задачи. Система органов внутренних дел Российской Федерации занимает одно из центральных мест в борьбе с IT-преступлениями, обеспечивая их выявление, раскрытие и расследование. Для реализации этих задач сотрудники органов предварительного следствия и дознания, оперативных и экспертно-криминалистических подразделений должны не только «идти в ногу со временем», но и «быть на шаг впереди» — обладать современными знаниями, умениями и навыками расследования преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, в том числе знать способы совершения таких преступлений и уметь собрать доказательственную информацию, быстрее чем данная информация будет изменена или полностью удалена злоумышленниками.

Необходимость «перезагрузки» в работе правоохранительных органов по борьбе с IT-преступлениями уже давно очевидна во многих странах. В 2014–2016 гг. корпорация RAND⁵ выпустила серию практических исследований под общим названием «Приоритетность криминальной юстиции»⁶. Согласно указанному исследованию, корпорация RAND отметила основные приоритеты развития органов, осуществляющих расследование преступлений в сфере высоких технологий:

- 1) создание системы электронных досье на преступников и преступления, включая создание единых каталогов и систем классификации;
- 2) обучение офицеров полиции «web-технологиям» по специальным для них программам;
- 3) улучшение сетевых и информационных технологий для органов «криминальной полиции», судов и исправительных учреждений;

- 4) соблюдение гражданских прав, личной жизни и кибербезопасности⁷.

Россия также не находится в стороне от решения этих задач. Президент РФ неоднократно отмечал данный аспект как одну из основных задач государства. Например, 20 февраля 2019 г. в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию В.В. Путин определил: «нам необходимы специалисты, способные работать на передовых производствах, создавать и использовать прорывные технические решения. Для этого нужно обеспечить широкое внедрение обновленных учебных программ на всех уровнях профессионального образования, организовать подготовку кадров для тех отраслей, которые еще только формируются»⁸. Президент РФ, в первую очередь, указывает на необходимость подготовки технических специалистов, которые в будущем будут развивать информационное общество и государство. Однако, наравне с обучением инженеров и IT-специалистов, необходимо осуществлять и подготовку кадров правоохранительных органов, которые смогут использовать передовые достижения науки и техники, предупреждать, пресекать, раскрывать и расследовать преступления

² Решение коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации России 1 ноября 2019 г. № 3км // Документ опубликован не был.

³ Согласно статистике Следственного департамента МВД России, сотрудниками МВД России в 2018 г. было расследовано 211 290 преступлений, связанных с использованием информационных технологий. Это составляет 5,3% от общего числа расследуемых преступлений сотрудниками МВД России в 2018 г. За девять месяцев 2019 г. доля указанных преступлений увеличилась до 14,2%; Состояние преступности за 2018 г. // URL://<http://www.-mvd.rf>; Аналитический обзор «Правоприменительной практики расследования преступлений, совершенных в сфере информационно-коммуникационных технологий, по итогам 2018 г.» // Следственный департамент МВД России. М., 2019.

⁴ Доклад Европола от 28 сентября 2016 г. // Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA). 2016, 28 September 2016.

⁵ RAND (аббревиатура от Research and Development — дословный перевод «Исследования и разработка») — американская некоммерческая организация, которая выполняет функции стратегического исследовательского центра. Основное направление ее деятельности — содействие научной, образовательной и благотворительной деятельности в интересах общественного благополучия и безопасности, разработка и выявление новых методов анализа стратегических проблем и новых стратегических концепций. RAND является аналогом российских научных исследовательских институтов. Иногда в англоязычной научной литературе данную корпорацию называют «фабрика мыслей».

⁶ Научное исследование производилось сотрудниками корпорации RAND с привлечением сотрудников полиции США и Европейских стран, сотрудников Денверского Университета и исследовательского центра Министерства юстиции США.

⁷ Приоритеты криминальной полиции: серия практических исследований (The priority for the criminal police) // Электронный ресурс Objective analysis. Effective Solutions // URL://<https://www.rand.org/topics/criminal-justice.html>

⁸ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

в сфере информационных технологий. В отсутствие указанных специалистов российское общество и государство столкнется с ситуацией, когда преступления рассматриваемой категории будут оставаться не раскрытыми.

Организации работы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, было посвящено заседание коллегии МВД России, состоявшееся 1 ноября 2019 г. В решении коллегии определено: 1) создать структурные подразделения, специализирующиеся на противодействии преступлениям, связанным с использованием ИТ-технологий; 2) расширить штатную численность сотрудников подразделений БСТМ МВД России; 3) создать информационно-поисковые базы данных; 4) обеспечить подготовку кадров для создаваемых подразделений МВД России⁹.

Потребность в изучении и интеграции международного опыта борьбы с преступлениями, связанными с использованием информационных технологий, отмечается и видными российскими учеными [2]. Как важнейшие направления этой деятельности профессора В.С. Овчинский и Ю.Н. Жданов рассматривают необходимость реформирования правоохранительных органов и подготовки квалифицированных кадров для «полиции будущего» [1].

Как видно, одной из приоритетных задач, которая ставится перед правоохранительными органами в настоящее время, является обучение специалистов, которые способны расследовать преступления, связанные с использованием информационных технологий. Но не менее важной задачей является и переподготовка кадров. Это обусловлено совершенствованием уже имеющихся знаний, умений и навыков действующих сотрудников.

Однако, меры по борьбе с киберпреступностью вряд ли достигнут своей цели, если правоохранительные органы не будут вооружены теоретическими разработками, позволяющими использовать последние достижения науки и техники в раскрытии и расследовании преступлений. Причем такие научные исследования предполагают комплексный подход, требуют привлечения специалистов разных научных специальностей.

Обучение «штучных» специалистов, которые будут способны раскрывать и расследовать преступления, связанные с использованием ИТ-технологий,

безусловно, даст положительный эффект. Однако основная задача системы образования состоит в обеспечении необходимыми знаниями, умениями и навыками большинства сотрудников органов внутренних дел. Как представляется, для этого не стоит разрушать фундаментальное устройство системы образования, а требуется ее модернизация в трех основных направлениях. Во-первых, это повышение квалификации профессорско-преподавательского состава профильных высших учебных заведений; во-вторых, разработка и внедрение методов обучения, которые позволят получить необходимые знания для сотрудников органов внутренних дел в период получения высшего образования; и, в-третьих, повышение квалификации действующих сотрудников. Очевидно, все указанные направления тесно взаимосвязаны.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, являясь одним из ведущих профильных учебных заведений страны, к настоящему моменту наработал существенный опыт в обучении специалистов, способных противодействовать преступлениям, связанным с использованием информационных технологий.

В целях повышения квалификации профессорско-преподавательского состава Университета уже несколько лет действует специальная группа, включающая преподавателей кафедр как юридического, так и инженерного профиля, которая углубленно занимается научной и учебно-методической разработкой указанной проблематики. Члены данной группы тесно взаимодействуют не только со следственными органами, осуществляющими расследование преступлений, совершенных с использованием ИТ-технологий, но также с организациями, работающими в сфере информационный безопасности (Лабораторией Касперского, Group-IB и др.), подразделениями безопасности кредитно-финансовых организаций (Сбербанк, ВТБ и др.). Указанная группа ученых ведет активные научные изыскания как лично, так и в составе авторских коллективов. Так, в 2020 г. запланировано проведение научного исследования, посвященного противодействию информационным преступлениям, связанным с хищением денежных средств. Безусловно, развитие научного потенциала невозможно в любой закрытой среде, поэтому МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя

⁹ Решение коллегии Министерства внутренних дел России от 1 ноября 2019 г. № 3км // Документ опубликован не был.

заключен ряд соглашений о совместной деятельности с ведущими кредитно-финансовыми учреждениями страны, негосударственными организациями, осуществляющими помощь в раскрытии и расследовании IT-преступлений, и ведущими вузами страны.

Для первоначальной подготовки кадров для органов внутренних дел РФ в структуре МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя создан специализированный факультет — Факультет подготовки специалистов в области информационной безопасности, где обучаются будущие специалисты по защите информации. Высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав, необходимая лабораторная база позволяет осуществлять учебный процесс по нескольким инженерным специальностям — «Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере», «Информационная безопасность автоматизированных систем».

Будущие следователи, дознаватели, оперативные сотрудники также приобретают способность выявлять, раскрывать и расследовать IT-преступления. На всех учебных площадках Университета активно функционируют полигоны, одной из задач которых является выработка у курсантов умений и навыков по изъятию информации, содержащейся на электронных носителях информации. Например, на базе Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования практические занятия проводятся в воссозданном операционном офисе банка. Указанный полигон позволяет обучить будущих следователей и дознавателей проводить следственные действия, изымать информацию в электронной форме, грамотно взаимодействовать с представителями организаций кредитно-финансовой сферы. В программу обучения курсантов и слушателей введены специальные дисциплины, к примеру, «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации», которые способны сформировать соответствующие компетенции, установленные государственными стандартами. В рамках изучения традиционных и специальных дисциплин проводятся выездные занятия не только в следственных органах, но и в организациях кредитно-финансовой сферы, компаниях, чьи сотрудники привлекаются в качестве специалистов при расследовании уголовных дел.

Не менее важным направлением деятельности МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя является переподготовка действующих сотрудников органов внутренних дел. Созданная в Университете уникальная

полигонная база, информационная среда, функционирующая на всех учебных площадках, позволяет повышать квалификацию сотрудников, осуществляющих предварительное расследование, оперативно-разыскную и экспертно-криминалистическую деятельность, причем проходящих службу не только в Московском регионе. При этом в программу переподготовки включены не столько теоретические занятия (например, по актуализации знаний нормативно-правовой базы), сколько практические занятия с привлечением сотрудников следственных органов, специализирующихся на расследовании IT-преступлений, работников кредитно-финансовых организаций, представителей платежных систем, а также негосударственных организаций.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что одной из основных задач государства в рамках борьбы с преступлениями, совершенными с использованием информационных технологий, является подготовка и переподготовка кадров правоохранительных органов, которые способны эффективно предупреждать, выявлять, документировать и расследовать указанные категории преступлений.

В рамках подготовки и переподготовки таких кадров необходимо дать обучающимся не только знания законодательства, выработать умения и навыки его применения, но и привить способность взаимодействовать с учреждениями кредитно-финансовой сферы, государственными и негосударственными организациями, сотрудники которых привлекаются в качестве специалистов при производстве следственных действий. Важно также развить способность каждого сотрудника органов внутренних дел к самостоятельному обучению, постоянному совершенствованию своих профессиональных знаний, навыков и умений.

Литература

1. Овчинский В.С., Жданов Ю.Н. Полиция будущего. М., 2018.
2. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом: хрестоматия / Сост. В.С. Овчинский. М.: Норма, 2017.

References

1. Ovchinskiy V.S., Zhdanov Yu.N. Politsiya budushchego. M., 2018.
2. Osnovy bor'by s kiberprestupnost'yu i kiberterrorizmom: khrestomatiya / Sost. V.S. Ovchinskiy. M.: Norma, 2017.

ЧТО ТАКОЕ «КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЕ»?

Василий Юрьевич Федорович, заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя по научной работе, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. На основе анализа международных нормативных правовых актов, в частности Соглашения государств — участников Содружества Независимых Государств по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, сформулирован авторский подход к определению общего понятия преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: киберпреступность, кибербезопасность, киберугрозы, преступления в сфере информационных технологий, компьютерная информация, IT-преступления, преступления в сфере компьютерной информации.

WHAT IS «CYBERCRIME»?

Vasily Yu. Fedorovich, Deputy Chief of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' on Scientific Work, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Police Colonel
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. Based on the analysis of international legal acts, in particular the Agreement of States — participants of the Commonwealth of Independent States in struggle against crimes in sphere of computer information, formulates the author's approach to the definition of the General concept of crimes committed in the sphere of information technologies.

Keywords: cybercrime, cybersecurity, cyber threats, crimes in the field of information technology, computer information, IT-crimes, crimes in the field of computer information.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Федорович В.Ю. Что такое «киберпреступление»? Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):15–17.

Технологический прогресс, свидетелями которого мы являемся, часто называют новой информационной революцией. Информатизация всех сфер жизни общества дает колоссальные возможности для развития экономики, финансовой сферы, улучшения социального обеспечения, образования, медицины, проведения фундаментальных и прикладных научных исследований на всех направлениях. В результате многие сферы жизни общества «перемещаются» в информационную среду. Примерами таких трансформаций могут служить проведение электронного подсчета голосов на выборах Президента Российской Федерации в 2018 г., подача налоговой отчетности в электронной форме, запись на прием к врачу через информационные сервисы и многие другие.

Но, как всякая революция, информатизация общества, кроме глобальных позитивных изменений, влечет за собой и глобальные угрозы. Как отмечает известнейший российский криминолог профессор В.С. Овчинский, самыми опасными из таких угроз есть и будут киберпреступность и кибертерроризм [1].

Согласно Ежегодному докладу о глобальных рисках в 2019 г.¹, подготовленному Международной организацией «World Economic Forum»², проблемы кибербезопасности и киберпреступности заняли четвертое и пятое места в списке мировых угроз. В этом документе отмечается постоянный рост данных угроз всем сферам жизни общества, а также прогнозируется увеличение такого рода преступных действий в ближайшие десять лет.

Тенденция роста числа преступлений в сфере информационных технологий отмечается не только в странах Европейского союза, но и в Российской Федерации. Например, 10 апреля 2019 г. Генеральный прокурор России Ю.Я. Чайка, выступая на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Россий-

¹ The Global Risks Report 2019 (14th Edition) // World Economic Forum // URL://http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf

² Дословный перевод — «Всемирный Экономический Форум», данная организация занимается изучением проблем государственного и частного сотрудничества по проблемам глобального, регионального и отраслевого характера.

ской Федерации, отметил, что общее количество преступлений снизилось на 3%, однако органы прокуратуры второй год подряд фиксируют двукратное увеличение преступлений, совершенных с использованием информационных технологий³. Рост указанной категории преступлений отмечался и на состоявшейся 1 ноября 2019 г. коллегии Министерства внутренних дел России⁴.

Несмотря на очевидную значимость борьбы с киберпреступностью, в настоящее время ни на международном уровне, ни в отечественных нормативно-правовых актах нет четко сформулированного общего понятия киберпреступления.

Как отмечает профессор В.С. Овчинский, в нормативных правовых актах понятия «киберпреступность» «компьютерные преступления», «преступления, с использованием электронных средств связи», «преступления в сфере высоких технологий», «ИТ-преступления» часто взаимозаменяются [1].

Так, одной из первых попыток определиться с терминами, используемыми в данной сфере, стало Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации⁵, подписанное еще в 2001 г. в Минске.

Согласно ст. 1 указанного документа «преступления в сфере компьютерной информации» — это уголовно наказуемое деяние, предметом посягательства которого является компьютерная информация; далее данная статья определяет понятия «компьютерная информация», «вредоносная программа» и «неправомерный доступ».

Наряду с указанием на предмет преступного посягательства данных преступлений, в ст. 3 Соглашения перечисляется, какие именно уголовно наказуемые деяния к ним относятся. Это — совершенные умышленно:

а) осуществление неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети;

б) создание, использование или распространение вредоносных программ;

в) нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети лицом, имеющим доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети, повлекшее уничтожение, блокирование или модификацию охраняемой

законом информации ЭВМ, если это деяние причинило существенный вред или тяжкие последствия;

г) незаконное использование программ для ЭВМ и баз данных, являющихся объектами авторского права, а равно присвоение авторства, если это деяние причинило существенный ущерб.

Очевидно, данный список не исчерпывающий, поскольку в нем отсутствует, к примеру, хищение денежных средств из кредитно-финансовых учреждений с использованием информационных технологий (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ «Кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств»).

Конечно, рассматриваемый документ уже не может в полной мере отражать все многообразие преступных деяний, совершаемых в информационной сфере. Именно поэтому Российской Федерацией предложен проект нового Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств⁶.

В данном проекте используется не только иная терминология — «преступления в сфере информа-

³ Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <http://www.procrf.ru/news/734623-doklad-generalnogo-prokurora-rf.html>

⁴ Решение коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации России 1 ноября 2019 г. № 3км // Документ опубликован не был.

⁵ Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (1 июня 2001 г., г. Минск, ратифицировано Российской Федерацией Федеральным законом от 1 октября 2008 г. № 164-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Согласно информации, опубликованной на официальном сайте Исполнительного комитета СНГ, данный документ согласован и принят (Итоги заседания Совета глав государств СНГ (г. Душанбе, Республика Таджикистан, 28 сентября 2018 г.) // URL: <http://www.cis.minsk.by/news.php?id=9918>). Однако, он вступает в силу по истечении 30-дневного срока с даты получения депозитарием третьего уведомления о выполнении подписавшими его Сторонами внутригосударственных процедур, необходимых для его вступления в силу. Например, ныне действующее Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств было принято 1 июня 2001 г., а ратифицировано Российской Федерацией 1 октября 2008 г. См. также: Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (г. Душанбе, 28 сентября 2018 г.) (не вступило в силу) // СПС «Гарант»; Постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2017 г. № 983 «О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий» // СПС «КонсультантПлюс».

ционных технологий». В нем применен иной подход: не формулируя основное понятие, документ закрепляет список уголовно наказуемых деяний, значительно расширенный по сравнению с действующим соглашением. Так, понятие «преступления в сфере информационных технологий» дополнено также хищением имущества, распространением порнографических материалов и другими деяниями.

Стоит отметить, что указанный проект Соглашения государств — участников Содружества Независимых Государств, коррелирует и с международными нормативными правовыми актами. Так, основным актом в сфере борьбы с киберпреступностью стран Европейского союза и стран Северной Америки является Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185⁷ (далее — Будапештская конвенция).

В Будапештской конвенции используется термин «преступность в сфере компьютерной информации», которому определения не дается. Однако, в разд. 1, состоящем из 12 статей, описываются деяния, которые должны признаваться преступлениями и правонарушениями в этой сфере. Стоит отметить, что преступлениями признаются практически те же деяния, что и в проекте Соглашения государств — участников Содружества Независимых Государств (хотя Будапештская конвенция специально выделяет правонарушения юридических лиц, которые осуществляют получение, хранение и обработку персональных данных в электронном (информационном) виде).

Обратим внимание, что в указанных нормативных правовых актах отсутствует четкое описание термина «киберпреступление» или «преступления в сфере информационных технологий». Как представляется, такой подход вполне оправдан и обусловлен рядом факторов:

- ♦ во-первых, эта категория преступлений весьма динамична, постоянно появляются новые виды преступных деяний и определить их исчерпывающий перечень проблематично;
- ♦ во-вторых, в настоящее время при подготовке или совершении практически любого пре-

ступления могут использоваться информационные технологии;

- ♦ в-третьих, введение такого понятия будет ограничивать правоохранительные органы в формах совместной деятельности при противодействии такого рода преступлениям.

Кроме того, подобный подход, когда отсутствует четкое (рамочное) определение категории преступления, уже применялся в нормативных правовых актах. Например, основным источником термина «коррупция» принято считать Конвенцию Организации Объединенных Наций против коррупции⁸, в которой нет определения указанного термина, однако сформулирована совокупность наказуемых правовых деяний.

Таким образом, полагаем нецелесообразным четко определять в законодательстве понятие «киберпреступление», «преступление в сфере информационных технологий» и проч. Вместо этого следует сформулировать совокупности преступных деяний, связанных с использованием информационных технологий, нарушающих права граждан и юридических лиц, затрагивающих интересы общества и государства.

Литература

1. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом: хрестоматия / Сост. В.С. Овчинский. М.: Норма, 2017.

References

1. Osnovy bor'by s kiberprestupnost'yu i kiberterrorizmom: khrestomatiya / Sost. V.S. Ovchinskiy. M.: Norma, 2017.

⁷ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185; принято называть Будапештской конвенцией. Будапештская конвенция не ратифицирована Российской Федерацией; Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (г. Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // СПС «Гарант».

⁸ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.1
ББК 67.411

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10123
© О.А. Зайцев, 2020

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Олег Александрович Зайцев, исполняющий обязанности заведующего отделом уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судостройства, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (117218, Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, д. 34)
E-mail: crim@izak.ru

Аннотация. Изложены организационно-правовые основы развития информационного общества Российской Федерации в условиях цифровизации, требования уголовно-процессуального законодательства и ведомственных нормативных актов относительно применения современных цифровых технологий при производстве по уголовному делу. Сформулированы основные направления дальнейшего совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное законодательство, цифровизация, электронное уголовное дело.

MAIN DIRECTIONS OF DEVELOPMENT CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION IN TERMS OF DIGITALIZATION

Oleg A. Zaitsev, Acting Head of the Department of Criminal, Criminal Procedure Legislation; Judicial System, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (117218, Moscow, ul. Bolshaya Cheremushkinskaya, d. 34)
E-mail: crim@izak.ru

Abstract. Organizational and legal bases of development of information society of the Russian Federation in the conditions of digitalization, requirements of the criminal procedural legislation and departmental regulations concerning application of modern digital technologies at production on criminal case are stated. The main directions of further improvement of the domestic criminal procedure legislation are formulated.

Keywords: criminal proceedings, criminal procedure legislation, digitalization, electronic criminal case.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Зайцев О.А. Основные направления развития уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):18–20.

Российская Федерация достаточно активно участвует в современных процессах, связанных с автоматизацией, роботизацией, развитием искусственного интеллекта, обменом «большими данными». Основопологающим документом в данном направлении является Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹. Стратегия направлена на формирование системы цифровой экономики России, где данные в цифровом формате служат ключевым фактором производства в различных сферах социально-экономической деятельности.

Происходящие изменения в области информатизации заставляют отказываться от устаревающих механизмов в работе. Данное обстоятельство касается и отечественного уголовного судопроизводства.

Применение процедур и методов, которые ранее признавались достаточно эффективными, в настоящее время нередко затрудняют уголовный процесс, не отвечают ожиданиям современного общества. Это обстоятельство не только порождает многочисленные жалобы граждан, но и в корне подрывает авторитет органов государственной власти. Особое беспокойство вызывает наличие отдельных ошибок, которые допускаются из-за растущего потока информации, увеличивающейся статистики [2, с. 57–61].

Безусловно, в перспективе нас ожидает переход на ведение уголовного судопроизводства в элек-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

тронном формате. В связи с этим, представляет особый интерес опыт тех стран, где уже внедрены различного рода программные системы под условным названием «Электронное уголовное дело».

К примеру, в Саудовской Аравии расследование большинства дел заканчивается в течение двух дней. В этой стране перешли на электронные уголовные дела более десяти лет назад, при этом сократили сроки расследования на 80%.

Успешный опыт правоохранительной реформы Грузии также был связан с их переходом в 2011 г. на электронный формат уголовного дела. Интересен опыт и других стран, достигших в этих вопросах существенных результатов. Среди них Южная Корея, Сингапур, Эстония и др. В настоящее время электронные уголовные дела внедрены в судопроизводство Молдовы, Казахстана, Украины, апробируются в Узбекистане.

В одних странах электронное производство по делу полностью вытеснило его аналог в бумажном формате, в других — допускается уголовное судопроизводство как в цифровом формате, так и на бумажном носителе [4, с. 42–57].

Современное уголовно-процессуальное законодательство РФ содержит различного рода возможности использования цифровых технологий в доказывании в ходе производства по делу. В частности, у властных участников уголовного процесса имеется право:

- ♦ выполнения процессуальных документов не только типографским, но и электронным способом (ст. 474 УПК РФ);
- ♦ изготовления копий судебных решений в форме электронного документа (ст. 474.1 УПК РФ);
- ♦ направления исполнительного листа вместе с копией судебного решения судебному приставу-исполнителю в форме электронного документа, подписанного судьей, усиленной квалифицированной электронной подписью (ст. 393 УПК РФ);
- ♦ направления участнику уголовного судопроизводства (по его заявлению) копии судебного решения в электронном виде посредством использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет (ст. 474.1 УПК РФ).

Кроме того, субъекты уголовно-процессуальных отношений вправе представлять в суд заявления, жалобы, ходатайства, представления по уголовному делу, а также по вопросам, связанным с исполнением судебного акта и приговора, в форме электронного документа (ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ).

Необходимо отметить, что ведомственные нормативные акты также предусматривают различные возможности применения информационно-цифровых технологий. Так, согласно приказу МВД России

от 29 августа 2014 г. № 736 (ред. от 7 ноября 2016 г.) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» лица, пострадавшие от совершенного преступления, вправе подавать заявления о преступлениях в электронной форме посредством официальных сайтов. Для приема заявлений о преступлениях в электронной форме, направляемых посредством официальных сайтов, применяется специальное программное обеспечение, предусматривающее обязательное заполнение заявителем реквизитов, необходимых для работы с заявлениями о преступлениях².

На портале «Государственные услуги» сформирован ресурс «Безопасность и правопорядок», через который граждане могут направить в органы прокуратуры обращения на нарушение их прав³.

Внедрению цифровых технологий в уголовное судопроизводство препятствуют следующие проблемы:

- ♦ недостаточное финансирование имеющихся проектов относительно применения современных информационных технологий;
- ♦ слабая система обеспечения безопасности используемых информационных систем и сети;
- ♦ ненадлежащий уровень подготовки лиц по применению современных информационных технологий при производстве по уголовному делу.

В настоящее время в научной литературе встречаются различные подходы относительно дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства в условиях цифровизации. В частности, одни ученые-процессуалисты полагают необходимым возможность полной замены на досудебных стадиях бумажного носителя уголовного дела на электронный формат [1, с. 58–65], другие — призывают ограничивать использование цифровизации только в целях решения проблемы расследования дел в разумные сроки [2, с. 57–61].

Особо следует выделить наиболее прогрессивные взгляды исследователей, которые читают, что современный уровень развития информационных технологий позволяет полностью перейти к ведению всего уголовного судопроизводства в электронном формате [5, с. 6–12; 6, с. 52–56; 7, с. 95–101].

² Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 (ред. от 7 ноября 2018 г.) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // СПС «КонсультантПлюс».

³ URL://<http://www.gosuslugi.ru/category/safety>

Действительно, одним из основных перспективных направлений, связанных с модернизацией действующего уголовно-процессуального законодательства, является поэтапный переход от письменной формы к электронному уголовному делу, позволяющему осуществлять взаимодействие между участниками процесса по формату «paper-free» (без бумажного документооборота).

Реализация данного направления вызывает необходимость внесения изменений и дополнений и в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части:

- ♦ возможности производства по делу в электронном формате;
- ♦ внесения необходимых учетных сведений и реквизитов электронных форм в информационные системы;
- ♦ процедуры создания электронных документов и порядка использования их в доказывании по делу;
- ♦ законодательного закрепления определения того, что понимается под документами в электронном виде;
- ♦ допустимых способов (видов) подписания участниками судопроизводства электронных документов (посредством электронной цифровой подписи или планшета подписи);
- ♦ порядка и сроков уведомления либо вызова участников судопроизводства с помощью SMS-оповещений;
- ♦ электронного взаимодействия участников судопроизводства на всех стадиях уголовного процесса для осуществления необходимых процедур, связанных с рассмотрением дел и материалов в электронном формате;
- ♦ возможностей электронного взаимодействия с экспертами и специалистами в целях получения заключений в электронном формате;
- ♦ определения круга должностных лиц судебных и правоохранительных органов, имеющих доступ к материалам электронного дела;
- ♦ процедур доступа участников судопроизводства к материалам электронного дела;
- ♦ расширения возможностей подачи жалоб и ходатайств участников судопроизводства в электронном формате;
- ♦ порядка и сроков передачи электронного дела по подсудности (подследственности); их прекращения (объединения, выделения) и т.п.

Литература

1. Абдулвалиев А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Право и политика. 2013. № 1. С. 58–65.

2. Андреева О.И., Зайцев О.А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 57–61.

3. Гладышева О.В. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. Орел, 2018.

4. Зайцев О.А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 42–57.

5. Зуев С.В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4. С. 6–12.

6. Калентьева Т.А. К вопросу о возможности введения электронного формата уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 83. Томск, 2019.

7. Качалова О.В., Цветов Ю.А. Электронно уголовное дело — инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.

References

1. Abdulvaliev A.F. Predposylki i perspektivy vnedreniya elektronnoy formy ugovolnogo dela v deyatel'nost' sudbnnykh organov // Pravo i politika. 2013. № 1. S. 58–65.

2. Andreeva O.I., Zaytsev O.A. Perspektivy vedeniya rossiyskogo ugovolnogo sudoproizvodstva v elektronnom formate // Ugolovnaya yustitsiya. 2018. № 12. S. 57–61.

3. Gladysheva O.V. Obespechenie prav uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva v usloviyakh tsifrovizatsii // Sovremennoe ugovolno-protsessual'noe pravo — uroki istorii i problemy dal'neyshego reformirovaniya. Orel, 2018.

4. Zaytsev O.A. Osobennosti ispol'zovaniya elektronnoy informatsii v kachestve dokazatel'stv po ugovolnomu delu: sravnitel'no-pravovoy analiz zarubezhnogo zakonodatel'stva // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2019. № 4. S. 42–57.

5. Zuev S.V. Elektronnoe ugovolnoe delo: za i protiv // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2018. № 4. S. 6–12.

6. Kalent'eva T.A. K voprosu o vozmozhnosti vvedeniya elektronnoy formy ugovolnogo dela v rossiyskom ugovolnom sudoproizvodstve // Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti. Ch. 83. Tomsk, 2019.

7. Kachalova O.V., Tsvetov Yu.A. Elektronno ugovolnoe delo — instrument modernizatsii ugovolnogo sudoproizvodstva // Rossiyskoe pravosudie. 2015. № 2. S. 95–101.

УДК 343.1
ББК 67.411

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10124
© О.В. Химичева, А.В. Андреев, 2020

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ТРЕНД РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Ольга Викторовна Химичева, начальник кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: olga-him@mail.ru

Алексей Владимирович Андреев, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: Andreev68rus@yandex.ru

Аннотация. Сформулирован ряд уголовно-процессуальных проблем, связанных с расследованием преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, в современный период цифровизации российского общества. На основе анализа сложившейся ситуации предложены основные направления развития уголовно-процессуального законодательства, которые позволят повысить эффективность расследования преступлений.

Ключевые слова: киберпреступность, кибербезопасность, преступления в сфере информационных технологий, совершенствование уголовно-процессуального законодательства, следственные действия.

DIGITALIZATION AS A TREND IN THE DEVELOPMENT OF MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS

Olga V. Khimicheva, Head of the Department of Criminal Procedure, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: olga-him@mail.ru

Aleksey V. Andreev, Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117437, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: Andreev68rus@yandex.ru

Abstract. Analyzed the direction of digitalization of society. A number of criminal procedural problems related to the investigation of crimes related to the use of information technologies are formulated. Based on the analysis of the current situation, the main directions of development of legislation that will improve the effectiveness of crime investigation are proposed.

Keywords: cybercrime, cybersecurity, crimes in the field of information technology, improvement of criminal procedure legislation, investigative actions.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Химичева О.В., Андреев А.В. Цифровизация как тренд развития современного уголовного процесса. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):21–23.

Основные направления развития российской внутренней и внешней политики, состоящие в расширении применения информационных и коммуникационных технологий, определены нормативно в Указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹. В своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г.² Президент РФ В.В. Путин отметил: «Сегодня скорость технологических изменений в мире многократно возрастает, и мы должны создать собственные технологии и стандарты по тем направлениям, которые определяют будущее. Речь прежде всего об искусственном интеллекте, ... циф-

ровых технологиях. ...В этой связи считаю правильным ускорить цифровую трансформацию реального сектора экономики. При этом установить требование, чтобы национальные проекты осуществлялись главным образом на основе программных продуктов отечественного производства».

Действительно, сложно отрицать, что все основные виды государственной деятельности стреми-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

² Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г. // URL://http://kremlin.ru/events/president/news/62582

тельно переходят в информационную (компьютерную) сферу. Так, на выборах Президента РФ в 2018 г. применялись новейшие технологии, которые не имеют аналогов во всем мире; использовались электронные системы для обработки и подсчета голосов избирателей. В экономической сфере — система «ИС» предлагает своим пользователям отказаться от «бумажного» документооборота и перейти к автоматизированным электронным документам. В настоящее время такие крупнейшие банки, как Сбербанк России и Альфа-банк, разрабатывают систему электронного документооборота на базе технологии блокчейн³, активно развиваются различные криптовалюты. Только лишь 20–25% денежных средств в нашей стране представлено в бумажном виде.

Безусловно, многие уже оценили положительные возможности «оцифровывания» жизни и общества: система онлайн-платежей и покупок, возможность записи к различным врачам-специалистам, получение документов из государственных органов не выходя из дома, осуществление некоторых сделок с помощью различных сервисов и многое другое. Однако, информационные технологии открывают и новые грани незаконной, иногда преступной деятельности.

В настоящее время практически любое преступление может быть совершено с использованием информационных технологий. Еще десять лет назад правоохранительные органы не сталкивались с дистанционными способами доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ), незаконного приобретения, хранения, перевозки, изготовления, переработки наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228 УК РФ), краж (ст. 158 УК РФ) и других преступлений. Однако, сейчас у всех на слуху группа «Синий кит», «Закладчики» (незаконное распространение наркотических веществ через различные онлайн-сервисы), распространены хищения денежных средств с банковских счетов.

Статистические данные отражают неуклонное ежегодное увеличение количества преступлений, совершенных с использованием информационных технологий: так, за девять месяцев 2019 г. рост составил почти 70% (69,2). При этом всего лишь 20% от числа выявленных преступлений раскрываются и можно лишь предполагать, сколько таких деяний «остаются в тени»⁴ [3].

В материалах состоявшейся 1 ноября 2019 г. Коллегии МВД России, специально посвященной мерам по совершенствованию организации работы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений,

совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, указано, что в таких преступных деяниях применяются банковские карты, сеть Интернет, средства мобильной связи и компьютерной техники.

Неудивительно, что большинство так называемых IT-преступлений направлены на хищение денежных средств. В материалах Коллегии обращено внимание, что распространение получили:

- ♦ мошенничества, сопровождающиеся внесением в единые государственные реестры фиктивных сведений о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, в результате которых злоумышленники приобретают возможность завладения имуществом, активами физических и юридических лиц, в том числе с государственной долей в уставном капитале;

- ♦ «дистанционные мошенничества», совершаемые лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы;

- ♦ кражи с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе кражи с банковского счета, в равно в отношении электронных денежных средств.

Наряду с названными, IT-технологии применяются при совершении преступлений против здоровья населения и общественной нравственности (в частности, в 94,9% случаях незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228.1 УК РФ) связаны с использованием сети Интернет); преступлений против общественной безопасности и государственной власти (информационно-телекоммуникационное пространство является основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций).

Понятно, что борьба с киберпреступлениями должна вестись по всем фронтам, и особое значение имеет создание нормативно-правовой базы, адекватной современному периоду развития общества и государства.

Так, серьезной трансформации подвергается правовое регулирование в области уголовного права: в 2011 г. вступила в силу гл. 28 УК РФ (Преступления в сфере компьютерной информации); в 2012 г. принята ст. 159.6 УК РФ (Мошенничество в сфере компьютер-

³ Под технологией «блокчейн» (англ. blockchain или block chain) понимается выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков (связный список), содержащих информацию.

⁴ Решение коллегии Министерства внутренних дел России от 1 ноября 2019 г. № 3км // Документ опубликован не был.

ной информации); в 2017 г. гл. 28 УК РФ дополнена ст. 274.1 (Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации); в 2018 г. в ч. 3 ст. 158 УК РФ включен п. «г» (Кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств) и др.

Уголовное судопроизводство также не стоит особняком от проблем, связанным с информатизацией общества и государства.

Прежде всего, вопросы использования IT-технологий неизбежно проникают в сферу уголовного производства, поскольку оно проводится по весьма специфическим IT-преступлениям. Местом преступления по таким уголовным делам является не участок местности, а страница в сети Интернет, а объектом преступного посяательства выступают не только объекты материального мира, но и сама информация или виртуальные объекты (виртуальные денежные средства, криптовалюта, какие-либо предметы из виртуальных игр и др.).

Однако, применение IT-технологий становится частью и самой уголовно-процессуальной деятельности.

В качестве положительного примера стоит отметить практику допроса судом свидетеля и потерпевшего, рассмотрения апелляционных и кассационных жалоб в суде с помощью систем видео-конференц-связи. Эта система позволяет не обеспечивать непосредственное присутствие в зале судебного заседания участников процесса, которые в это время могут находиться за тысячи километров от места, где слушается дело. В результате сокращаются и сроки рассмотрения уголовных дел, и процессуальные издержки, но при этом не ограничивается право осужденного, других лиц на присутствие в судебном заседании.

Вместе с тем, такой порядок производства предусмотрен только для судебного разбирательства. Что же касается досудебных стадий, то допросов без фактического контакта следователя с допрашиваемым лицом уголовно-процессуальный закон не устанавливает, соответственно, в случае необходимости, к примеру, производства следственных действий в другом месте следователь должен руководствоваться традиционными правилами, установленными ст. 152 УПК РФ. На наш взгляд, регламентация производства следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи является одним из направлений будущего развития уголовного судопроизводства.

Кроме того, «цифровизация» уголовного судопроизводства ставит весьма серьезные вопросы,

трудно разрешимые с позиций традиционного подхода к доказыванию по уголовным делам. Одним из них является изъятие информации, содержащейся на электронном носителе. УПК РФ (ст. 164.1) предусматривает порядок изъятия такой информации, однако, остается нерешенным ряд проблем.

Во-первых, нормативно не определено, как изъять информацию, если ее электронный носитель находится за пределами юрисдикции РФ? Ведь международные договоры по вопросам изъятия данной информации заключены нашей страной далеко не со всеми государствами. На практике необходимость получения информации, содержащейся на электронном носителе (например, на сервере, физически находящемся за пределами России), возникает довольно часто, поскольку в сети Интернет легко найти список стран, где можно дистанционно зарегистрировать интернет-страницу и с помощью ее осуществлять преступную деятельность.

Во-вторых, уголовно-процессуальный закон предусматривает изъятие информации с непосредственного электронного носителя: согласно ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста. Другими словами, следователь должен находиться рядом с носителем информации и, самое главное, иметь доступ к нужной информации. Зная об этом, злоумышленники часто кодируют информацию или создают возможность ее дистанционного удаления при изъятии носителя информации (например, информация, находящаяся в облачном хранилище, при изъятии компьютера может быть удалена или изменена при помощи другого носителя — мобильного телефона). Исходя из этого, в уголовно-процессуальном законе важно регламентировать процессуальный механизм получения информации без изъятия самого носителя.

В практической деятельности следователи сталкиваются и с другими процессуальными проблемами при проверке и оценке доказательств в электронной форме: к примеру, в каком порядке изымать криптовалюту, как проверить документы, составленные только в электронном виде и подписанные электронной цифровой подписью, и др.

Как видим, цифровизация неизбежна в уголовном судопроизводстве, и задача состоит в том, чтобы наиболее оптимальным образом урегулировать использование IT-технологий, «внедрить» их в традиционные процедуры, свойственные производству по уголовным делам.

СОКРАЩЕННОЕ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Борис Яковлевич Гаврилов, профессор кафедры управления органами расследования преступлений, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-майор юстиции (в отставке)
Академия управления МВД России (125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8)
E-mail: profgavrilov@yandex.ru

Аннотация. Анализируются проблемы современного состояния и пути совершенствования дознания, обращаясь при этом к протокольной форме расследования, что представляется особенно актуальным в условиях возможного возвращения в российское законодательство уголовного проступка.

Ключевые слова: предварительное расследование, досудебное производство, сокращенное дознание, процессуальная форма, уголовный проступок.

REDUCED PRE-TRIAL PROCEEDINGS: CURRENT STATE AND WAYS OF IMPROVEMENT

Boris Ya. Gavrilov, Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the General-the Major of Justice (retired)
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (125993, Moscow, ul. Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh, d. 8)
E-mail: profgavrilov@yandex.ru

Abstract. The problems of the current state and ways to improve the investigation are analyzed, while referring to the Protocol form of investigation, which is particularly relevant in the context of a possible return to the Russian legislation of criminal misconduct.

Keywords: preliminary investigation, pre-trial proceedings, abbreviated inquiry, procedural form, criminal offense.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Гаврилов Б.Я. Сокращенное досудебное производство: современное состояние и пути совершенствования. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):24–30.

28 февраля 2019 г. на расширенном заседании коллегии МВД России Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что важно планомерно повышать уровень раскрываемости преступлений и на это должны быть направлены все ресурсы, оперативно-следственные и технические возможности органов внутренних дел¹. Это означает, что ключевой принцип неотвратимости наказания реализуется далеко не в полной мере, что, безусловно, тревожит и общество, и российских граждан.

Говоря о практических результатах деятельности органов внутренних дел, Министр внутренних дел генерал полиции Российской Федерации В.А. Колокольцев в своем выступлении на данной коллегии обратил внимание на то, что достижению отдельных положительных результатов в борьбе с преступностью способствовало в числе других фак-

торов и совершенствование законодательных основ правоохранительной деятельности, в которой значительное место занимает раскрытие и расследование преступлений².

В этой связи следует отметить, что, несмотря на произошедшие в России за три последних десятилетия экономические и социально-правовые изменения, современное уголовное судопроизводство, включая стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, является, с одной стороны, чрезвычайно затратным, а с другой, — не обеспечивает реализацию задачи борьбы с преступностью, сформулированную в ст. 6 УПК РФ как назначение уголовного судопроизводства.

¹ URL://<https://мвд.рф/news/item/16024980>

² URL://<https://мвд.рф/news/item/16024980>

В этой связи автор затрагивает проблемы современного состояния и путей совершенствования дознания как одной из форм предварительного расследования, обращаясь при этом к так называемой протокольной форме расследования непосредственно полицией преступлений, не обладающих признаком значительной общественной опасности, при очевидности факта противоправного деяния и отсутствии сложности в его доказывании, что представляется особенно актуальным в условиях возможного возвращения в российское законодательство уголовного проступка, о чем сегодня идет активная научная дискуссия [6, с. 2–5] и проект Федерального закона о котором внесен в Государственную Думу в 2018 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации³.

При этом, оценивая современное состояние и пути совершенствования действующих форм предварительного расследования, следует учитывать, что введение Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ⁴ в уголовно-процессуальное законодательство сокращенного дознания вызвало, с одной стороны, значительный научный интерес, а с другой, — его неоднозначную оценку как среди ученых-процессуалистов, так и практикующих юристов из-за возникших проблем, обусловленных как постановкой вопроса о введении сокращенной формы расследования, так и правоприменительной практикой реализации положений данного Федерального закона.

При этом следует учесть ряд факторов:

♦ *первый фактор* обусловлен заформализованностью российского уголовного судопроизводства;

♦ *второй фактор* заключается в том, что сегодня срок предварительного следствия и последующего судебного разбирательства уголовных дел, по которым обвиняемый, подсудимый содержится под стражей, составляет в среднем пять месяцев, а дознания — не менее трех месяцев [3, с. 3], что снижает эффективность уголовно-правовых мер как в отношении лица, совершившего преступление, так и затрудняет реализацию потерпевшим своего конституционного права на доступ к правосудию и возмещение причиненного преступлением вреда (ст. 52 Конституции РФ);

♦ *третий фактор* непосредственно обусловлен введением в УПК РФ нормы-принципа (ст. 6¹ «Разумный срок уголовного судопроизводства»), что

требует научного обоснования и законодательных предложений по сокращению процессуальных сроков расследования уголовных дел о преступлениях, обстоятельства которых очевидны, например, совершившее их лицо задержано с поличным, оно не оспаривает этого обстоятельства и, соответственно, не представляет сложности в доказывании противоправного деяния;

♦ в качестве еще одного достаточно существенного *фактора* введения дознания в сокращенной форме, по мнению автора, явилась необходимость принятия в процессе реализации идеи создания в Российской Федерации единого Следственного комитета и изъятия из МВД России права производства предварительного следствия (от чего в настоящее время отказались), законодательных мер, обеспечивающих расследование в форме дознания порядка 70% преступлений, что не представляется возможным без возвращения в уголовное судопроизводство процессуальных правил расследования значительной части преступлений по упрощенной процедуре.

Разрешение перечисленных выше проблем предварительного расследования возможно, в первую очередь, путем дальнейшего совершенствования законодателем процессуальных правил сокращенного, но не на «бумаге», как сегодня, а в действительности, — дознания или в предложенной автором в последующие годы так называемой протокольной формы расследования, в которой усматривается определенная аналогия протокольной формы досудебной подготовки материалов.

В этих целях в Академии управления МВД России в ноябре 2011 г. был проведен «круглый стол» с привлечением научной общественности и практикующих юристов из значительного числа субъектов Российской Федерации за счет использования возможностей видеоконференцсвязи и опубликования материалов «круглого стола» [9, с. 292–297].

³ Проект федерального закона, внесенный в Государственную Думу Пленумом Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2017 г. № 42 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» // URL: <https://www.vsrif.ru/files/24307/>

⁴ Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

Особо следует остановиться на научной дискуссии, которая активно развернулось после внесения в Государственную Думу Российской Федерации двух проектов федеральных законов. Первый, от 21 ноября 2011 г. № 33012-6⁵ разработан в Администрации Президента Российской Федерации при участии Следственного комитета РФ, а второй законопроект от 21 ноября 2011 г. № 632173-5 внесен Советом Федерации Российской Федерации⁶, который содержал в себе озвученные ранее представителями Генеральной прокуратуры Российской Федерации предложения о введении сокращенного производства по уголовным делам вне зависимости от формы расследования (об этом законопроект сегодня, к сожалению, забыли). При их обсуждении были высказаны серьезные сомнения относительно возможности практической реализации положений разработанных законопроектов в силу юридических сложностей предложенного механизма их правоприменения.

Подробный анализ указанных законопроектов с учетом изложенных выше обстоятельств дан В.В. Кальницким и К.В. Муравьевым [9, с. 292–297], а также В.А. Семенцовым [14, с. 378–380].

Правоприменительная практика действия Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ подтвердила опасения автора и других ученых, что реализация его положений в практической деятельности органов дознания будет существенно затруднена, что подтверждено научным анализом правоприменения сокращенного дознания. Так, профессором С.И. Гирько с положительной точки зрения отмечено, что «в уголовном судопроизводстве, по сути, восстановлена процессуальная форма унифицированного досудебного производства (дознания) как основного «процессуального инструмента» осуществления полицией своих процессуальных полномочий». Одновременно автором высказан ряд принципиальных замечаний, требующих обсуждения среди научной общественности и внесения законодателем соответствующих изменений на основе предлагаемого им мониторинга данного Закона [7, с. 2–5], *проведение которого не представилось возможным* (выд. — Б.Г.). Достаточно критически положения Федерального закона № 23-ФЗ были оценены А.П. Кругликовым на основании имеющегося негативного опыта деятельности в СССР «несудебных органов», «особых совещаний», «троек»

[11, с. 45–49], а также А.Р. Белкиным [2, с. 4–12] и рядом других ученых-процессуалистов.

С учетом собственного видения путей совершенствования расследования в форме дознания автор также высказывает обоснованные сомнения в реализации Федерального закона № 23-ФЗ, подтверждая их статистическими данными о результатах оперативно-служебной деятельности органов дознания после вступления его в действие [3, с. 23]. К числу существенных недостатков дознания в сокращенной форме автор, как и профессор С.И. Гирько, относит необоснованность позиции законодателя в выборе формы предварительного расследования в зависимости от ходатайства подозреваемого, который может использовать его как часть тактики для уклонения от уголовной ответственности.

Одновременно к сказанному выше о недостатках данного Закона представляется необходимым дополнительно указать на ряд следующих обстоятельств:

♦ первое, как положительное следует оценить то, что законодателем через положения Федерального закона № 23-ФЗ сделан значительный шаг к исключению из уголовного процесса нормы о возбуждении уголовного дела, поскольку сегодня до возбуждения уголовного дела разрешено получение от лица, в том числе в отношении которого проводятся проверочные действия в связи с возможным подозрением его в совершении преступления, объяснения, которое при соблюдении процессуальных норм, в том числе его получение с участием адвоката (защитника), может явиться доказательством по уголовному делу, а также изъятие в ходе проверки сообщения о преступлении предметов и документов по правилам УПК РФ, назначение и производство судебной экспертизы и др. Тем самым, до возбуждения уголовного дела в настоящее время разрешено, по сути, производство основных следственных действий [4, с. 90–91];

♦ другое обстоятельство заключается в том, что сбылись опасения, что дознание в сокращенной

⁵ Проект Федерального закона от 21 ноября 2011 г. «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 33012-6» // Российская газета. 2012, 11 марта.

⁶ Проект Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 632173-5 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института сокращенной формы уголовного судопроизводства» // URL://<https://pravo.ru>

форме (гл. 32¹ УПК РФ) «заработает» в полную силу, поскольку, например, за первый год действия данной формы предварительного расследования в суд ежеквартально направлялось чуть более трех тыс. уголовных дел. И, хотя их количество в последующие годы увеличилось (в 2014 г. направлено в суд 32 тыс., в 2015 г. — 60,3 тыс., в 2016 г. — 83 тыс., в 2017 г. — 105 тыс. и в 2018 г. — 92,5 тыс. уголовных дел), однако по экспертным оценкам авторов законопроекта их количество должно составлять не менее 150–200 тыс. в год.

С учетом указанных результатов действия вновь введенной в УПК РФ гл. 32¹ и в дополнение к ранее озвученной позиции автор полагает возможным сокращенное дознание построить по принципиально иной схеме:

1) форма расследования должна определяться исключительно тяжестью совершенного преступления;

2) решение о производстве расследования должно быть за уголовно-процессуальным законом и лицом, производящим расследование, и не может зависеть от волеизъявления подозреваемого;

3) предоставленное потерпевшему согласно подп. 6 ч. 1 ст. 226² УПК РФ право возражать против производства дознания в сокращенной форме может быть распространено исключительно на расследование уголовных дел частного и по ряду составов преступлений — частно-публичного обвинения. На гипертрофированность механизма согласования позиций подозреваемого и потерпевшего о принятии решения о производстве дознания в сокращенной форме обращает внимание и профессор А.С. Александров [1, с. 264–265]. В свою очередь, И.А. Попов считает целесообразным получать согласие потерпевшего в письменной форме только один раз при удовлетворении ходатайства подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме [12, с. 19–22], с чем лично автор согласиться не может;

4) не менее актуальным является процессуальный срок расследования уголовного дела. Вряд ли возможно согласиться с позицией законодателя, установившего в ч. 1 ст. 226⁶ УПК РФ срок производства дознания в этой форме — 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Более того, фактически установленный законодателем срок расследования увеличивается за счет двух суток, предоставляемых подозреваемому для заявления ходатайства о про-

изводстве дознания в сокращенной форме после разъяснения ему данного права, и еще 24 часов с момента поступления ходатайства дознавателю, который обязан принять указанное решение (ч. 2 и 3 ст. 226⁴ УПК РФ). И это, не считая времени после возбуждения уголовного дела и до первого допроса подозреваемого, которое может длиться и сутки, и двое, и более, поскольку законодатель этот срок не ограничивает (ч. 1 ст. 226⁴ УПК РФ). Ну и вряд ли отвечает требованиям сокращенного дознания возможность продления прокурором срока дознания до 20 суток (*дополнительно к основному сроку еще пять суток* — выд. Б.Г.), поскольку логичным можно считать общий срок сокращенного дознания не свыше 30 суток [10, с. 48].

С учетом приведенных выше обстоятельств, автором предлагаются следующие процессуальные компоненты реально сокращенного дознания и судебного разбирательства уголовных дел:

1) расширение перечня преступлений, отнесенных к компетенции органов дознания, с учетом возможного возвращения в УК РФ уголовного проступка [13, с. 7–9];

2) при расследовании преступлений по сокращенным правилам доказывания обязательным условием является незамедлительное после регистрации сообщения о преступлении начало расследования по уголовному делу, минуя этап проверки сообщения о преступлении и, соответственно, без вынесения процессуального решения о возбуждении уголовного дела;

3) должны быть предусмотрены следующие основания производства дознания в сокращенной форме:

♦ начало производства расследования в отношении конкретного лица по признакам преступления, отнесенного к подследственности органа дознания (п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ);

♦ признание подозреваемым факта совершенного деяния, характера и размера причиненного вреда и согласие с правовой оценкой противоправного деяния;

♦ учет обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, предусмотренных п. 1–5 ч. 1 ст. 226² УПК РФ (при определенных обстоятельствах этот перечень может быть сокращен);

4) должна быть принципиально изменена форма расследования преступлений указанной категории. Необходим переход на протокольную форму и, как

вариант, в целях ее реализации — введение формализованного бланка протокола, в котором предлагается предусмотреть необходимые виды следственных действий: осмотр места происшествия, допрос подозреваемого, потерпевшего, а при необходимости — свидетеля с разъяснением им процессуальных прав, изъятие вещественных доказательств и приобщение их к уголовному делу, назначение судебной экспертизы (только в случае обязательного ее производства);

5) расследование по предложенной нами протокольной форме может осуществляться по преступлениям небольшой и средней тяжести, отнесенным к подследственности как органов дознания, так и органов предварительного следствия, как, например, кражи металлического ведра с гвоздями на сумму 196 руб., совершенной гражданином А.С. Ардачевым путем проникновения в сарай хозяйственного назначения на территории садового участка⁷.

6) УПК РФ должен содержать правовую норму, не допускающую производство иных, кроме указанных выше, следственных действий, о чем автором впервые заявлено на конференции в Академии управления МВД России 26 мая 2011 г.⁸, и одновременно уточняющую, что к протоколу должна быть приложена справка с указанием свидетелей, которые могут быть вызваны в судебное заседание, справка о судимости и, возможно, иные документы, необходимые, по мнению органа расследования, в судебном разбирательстве;

7) срок производства по такому уголовному делу ограничивается двумя сутками, что в условиях очевидности совершенного преступления и, исходя из реальной практики расследования большинства противоправных деяний (в будущем — уголовных проступков), является вполне достаточным;

8) в целях расследования уголовного дела в указанный выше срок и для обеспечения исполнения приговора подозреваемое лицо (около 150 тыс. в год дополнительно к числу задерживаемых сегодня 130 тыс. подозреваемых) в обязательном случае задерживается в порядке ст. 91, 92 УПК РФ на срок до 48 часов, что также должно способствовать резкому сокращению числа лиц, находящихся в федеральном розыске (ежегодно порядка 100 тыс.), в основном, за указанные преступления;

9) после направления прокурором уголовного дела в суд, последний незамедлительно назначает су-

дебное заседание и одновременно в соответствии с п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ, с учетом внесения в данную норму незначительных изменений, продлевает задержание подозреваемого на срок не более 72 часов, в течение которого рассматривает уголовное дело;

10) по причинам, указанным выше, расследование по протокольной форме производства должны производить, наряду с дознавателями, иные должностные лица органа дознания, например, участковые уполномоченные полиции.

Решение изложенных проблем способно обеспечить расследование в форме сокращенного дознания и их последующее судебное разбирательство за год порядка 150–200 тыс. преступлений (в 1995–1996 г. ежегодно направлялось в суд порядка 250–300 тыс. материалов по протокольной форме досудебной подготовки).

Актуальность введения протокольной формы расследования обусловлена необходимостью обеспечения реализации осуществляемых Российской Федерацией законодательных мер по гуманизации уголовного закона от 3 июля 2016 г., направленных на либерализацию уголовной ответственности за отдельные виды преступлений, не представляющих значительной общественной опасности, включая возвращение в российское законодательство уголовного проступка.

В этой связи следует отметить, что как среди ученых, так и практикующих юристов вопросы дифференциации уголовно-наказуемых деяний на преступления и уголовные проступки сегодня подвергаются активному обсуждению, что обуславливается необходимостью их социально-политической и правовой оценки с учетом характера и степени общественной опасности противоправного деяния и лица, его совершившего.

При этом следует отметить, что еще до принятия нового Уголовного кодекса 1996 г. В.Н. Кудрявцевым, Г.А. Кригером, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковским, М.Д. Шаргородским и рядом других ученых высказывалась идея выделения в уголовном законе уголовных проступков, которая нашла свое отражение при подготовке рабочей группой В.И. Курляндского проекта Кодекса уголовных проступков

⁷ Архив Кировского районного судов Ставропольского края.

⁸ Юридический консультант (ежемесячный информационно-аналитический журнал). 2012. № 3. С. 10–23.

(1974 г.). В зарубежном законодательстве деление на преступления и проступки сегодня имеет место (Испания, Франция, Германия, Польша и др.).

Сегодня с учетом развития общественных отношений, предусматривающих, в том числе и гуманизацию уголовного законодательства, создались реальные условия для введения в российское законодательство уголовных проступков, которые характеризуются:

♦ *во-первых*, остающимся по-прежнему значительным числом осужденных лиц, что обусловлено перенасыщенностью уголовно-правовых запретов в действующем российском уголовном законодательстве;

♦ *во-вторых*, декриминализацией преступлений, при анализе которой отмечается смягчение, в целом, карательной политики государства. Одновременно следует отметить, что перевод части преступлений в административные правонарушения негативно скажется на борьбе с некоторыми видами противоправных деяний (кражами, наркопреступлениями, преступлениями на бытовой почве, включая убийства);

♦ *в-третьих*, наличием у миллионов российских граждан судимости, роль которой негативно влияет на ресоциализацию осужденных, поскольку затрагиваются их права на определенные профессии, устанавливаются ограничения в бытовой сфере и других;

♦ *в-четвертых*, введение уголовного проступка создаст предпосылки для исключения закрепленного в ч. 2 ст. 14 УК РФ понятия деяния в силу малозначительности, не представляющей общественной опасности, наличие которого сегодня в УК РФ порождает неоднозначную судебную практику. Так, Смирныховским районным судом Сахалинской области в силу малозначительности деяния оправдан гражданин П., незаконно выловивший рыбу кету в количестве восьми штук в местах ее нереста, чем причинил ущерб на сумму 4640 руб., тогда как в Иркутской области гражданин М. был осужден за вылов рыбы окуня в количестве 30 шт. (причиненный ущерб составил 510 руб.);

♦ *в-пятых*, многократным снижением (с 1992 г. — почти в восемь раз) уровня уголовно-процессуального реагирования на сообщения о преступлении.

Более того, из числа расследованных уголовных дел в суд ежегодно направляется не более 25–30%;

♦ *в-шестых*, реальный показатель преступности. Например, в 2018 г. коэффициент преступности в

России на 100 тыс. населения составил 1400 преступлений, в Германии, Франции, Италии он превышает среднероссийский в 4–5 раз, а в Швеции — в 8,5 раз, хотя для специалистов в уголовно-правовой сфере очевидно их несоответствие безопасности личности и состоянию общественного порядка.

Тем самым возвращение в российское законодательство уголовного проступка позволит разграничить преступность на две основные группы — преступления и уголовные проступки. Безусловно более реалистичной станет и статистическая картина преступности.

Одновременно признание законодателем уголовного проступка обуславливает необходимость разработки упрощенной (протокольной) формы их расследования, содержание которой изложено выше.

Сегодня дело за российским законодателем.

Литература

1. Александров А.С., Сафин Р.Р., Юнусов Р.Р. К вопросу о сокращенной форме досудебного производства по уголовному делу // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4. С. 264–265.
2. Белкин А.Р. Новеллы уголовно-процессуального законодательства — шаги вперед или возврат на проверенные позиции? // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 4–12.
3. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1. С. 23.
4. Гаврилов Б.Я. Правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод личности. М., 2005.
5. Гаврилов Б.Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Российский следователь. 2013. № 21. С. 3.
6. Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Уголовный проступок в контексте реформирования российского уголовного закона // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 2–5.
7. Гирько С.И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения // Российский следователь. 2013. № 21. С. 2–5.
8. Гордиенко В.В. Законодательное установление уголовного проступка и исключение института отказных материалов // Российский следователь. 2010. № 15. С. 11.

9. Кальницкий В.В., Муравьев К.В. Законопроект о сокращенном дознании концептуально эклектичен // Мат. Междунар. науч.-практ. конф. «Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях», 2–3 ноября 2012 г. Тюмень, 2012.

10. Ковтун Н.Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 48.

11. Кругликов А.П. Дополнение УПК РФ новой Главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // Российская юстиция, 2013. № 7. С. 45–49.

12. Попов И.А. Дознание в сокращенной форме: достоинства, недостатки и первые результаты // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3. С. 19–22.

13. Рогова Е.В. Понятие и сущность уголовного проступка // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 3. С. 7–9.

14. Семенцов В.А. Сокращенная форма расследования // Мат. Междунар. науч.-практ. конф. «Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях», 2–3 ноября 2012 г. Тюмень, 2012.

References

1. Aleksandrov A.S., Safin R.R., Yunusov R.R. K voprosu o sokrashchennoy forme dosudebnogo proizvodstva po уголовному delu // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2012. № 4. S. 264–265.

2. Belkin A.R. Novelly уголовно-protsessual'nogo zakonodatel'stva — shagi vpered ili vozvrat na provedennyye pozitsii? // Uголовное sudoproizvodstvo. 2013. № 3. S. 4–12.

3. Gavrilov B.Ya. Dosudebnoe proizvodstvo po UPK RF: kontseptsiya sovershenstvovaniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2016. № 1. S. 23.

4. Gavrilov B.Ya. Pravovoe regulirovanie zashchity konstitutsionnykh prav i svobod lichnosti. M., 2005.

5. Gavrilov B.Ya. Sovremennyye problemy dosudebnogo proizvodstva i mery po ikh razresheniyu // Rossiyskiy sledovatel'. 2013. № 21. S. 3.

6. Gavrilov B.Ya., Rogova E.V. Uголовный prostupok v kontekste reformirovaniya rossiyskogo uголовного zakona // Rossiyskaya yustitsiya. 2016. № 11. S. 2–5.

7. Gir'ko S.I. Proizvodstvo po уголовному delu doznaniya v sokrashchennoy forme: prognozy i suzhdeniya // Rossiyskiy sledovatel'. 2013. № 21. S. 2–5.

8. Gordiyenko V.V. Zakonodatel'noe ustanovleniye uголовного prostupka i isklucheniye instituta otkaznykh materialov // Rossiyskiy sledovatel'. 2010. № 15. S. 11.

9. Kal'nitskiy V.V., Murav'ev K.V. Zakonoprojekt o sokrashchenom doznanii kontseptual'no eklektichen // Мат. Mezhdunar. nauch.-prakt. конф. «Sovershenstvovanie deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po bor'be s prestupnost'yu v sovremennykh usloviyakh», 2–3 noyabrya 2012 g. Tyumen', 2012.

10. Kovtun N.N. Doznanie v sokrashchennoy forme: kollizii i lakuny normativnogo regulirovaniya // Rossiyskaya yustitsiya. 2013. № 12. S. 48.

11. Kругликов А.П. Dopolnenie UPK RF novoy Glavoy o doznanii v sokrashchennoy forme i nekotorye problemy differentsiatsii uголовного sudoproizvodstva // Rossiyskaya yustitsiya, 2013. № 7. S. 45–49.

12. Popov I.A. Doznanie v sokrashchennoy forme: dostoinstva, nedostatki i pervyye rezul'taty // Uголовное sudoproizvodstvo. 2013. № 3. S. 19–22.

13. Rogova E.V. Ponyatie i sushchnost' uголовного prostupka // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2012. № 3. S. 7–9.

14. Sementsov V.A. Sokrashchennaya forma rassledovaniya // Мат. Mezhdunar. nauch.-prakt. конф. «Sovershenstvovanie deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po bor'be s prestupnost'yu v sovremennykh usloviyakh», 2–3 noyabrya 2012 g. Tyumen', 2012.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОТКАЗ В ПРИНЯТИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Виктор Николаевич Григорьев, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры, доктор юридических наук, профессор Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (125130, Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1)
E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

Аннотация. В ситуации распространения фактов немотивированного отказа в принятии доказательств, представленных в установленном порядке участниками уголовного судопроизводства, влекущего за собой порой неправомерные решения, возникает необходимость в установлении ответственности за такие деяния.

С точки зрения действующего законодательства, субъектом ответственности в подобных ситуациях может быть только суд. Для возложения указанной ответственности на должностных лиц органов исполнительной власти, в производстве которых находится уголовное дело (следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель), наделенных законодателем односторонней функцией обвинения (гл. 6 УПК РФ), необходимо предварительно пересмотреть нормативную конструкцию состязательности с тем, чтобы снять с них статус односторонности в исследовании доказательств и представления только одной стороны — обвинения.

Ключевые слова: суд, участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения, односторонность в расследовании и судебном разбирательстве, фрагментация обстоятельств преступления, оптимизация уголовного судопроизводства.

DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY FOR FAILURE IN ACCEPTING EVIDENCE

Victor N. Grigoryev, Leading Researcher, Training Group for Scientific and Pedagogical and Scientific Personnel of the Office of the Scientific Secretary, Adjuncture, Doctoral Study, Doctor of Legal Sciences, Professor Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (125130, Moscow, ul. Narvskaya, d. 15a, str. 1)
E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

Abstract. In a situation of spreading the facts of an unmotivated refusal to accept evidence presented in the established manner by participants in criminal proceedings, sometimes entailing unlawful decisions, it becomes necessary to establish responsibility for such acts.

From the point of view of the current legislation, only the court can be the subject of responsibility in such situations. In order to assign the indicated responsibility to the officials of the executive authorities in the process of the criminal case (the investigator, the head of the investigative body, the body of inquiry, the head of the unit of inquiry, the head of the body of inquiry, the inquirer) vested with the legislator with a one-sided prosecution function (Chapter 6 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), it is necessary to first review the normative design of competition in order to remove from them the status of one-sidedness in the study of evidence and the presentation of only one First side — prosecution.

Keywords: court, participants in criminal proceedings by the prosecution, unilateralism in the investigation and trial, fragmentation of the circumstances of a crime, optimization of criminal proceedings.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Григорьев В.Н. Дифференциация ответственности за отказ в принятии доказательств. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):31–33.

Подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Так сказано в ч. 2 ст. 86 УПК РФ. В той же статье УПК предусмотрено, что защитник вправе собирать доказательства (ч. 3). Стало быть, и представлять он их вправе.

Казалось бы, простые и для понимания, и для исполнения нормы. Однако, в последние годы все чаще

наблюдается ситуация, когда не только следователь (дознаватель), но даже и суд отказываются принимать доказательства, представленные обвиняемым, его защитником, другими участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты.

Между тем, в их статусе — следователя, дознавателя, суда — такая обязанность и не прописана. Ранее, в эпоху «тоталитаризма», нормативным основанием требовать от следователя и суда принятия представленных участниками уголовного судопроизводства

доказательств была норма о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, в соответствии с которой суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны были принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства (ч. 1 ст. 20 УПК РСФСР). В УПК РФ такая норма отсутствует, равно как нет и иных норм, обязывающих следователя или суд принимать доказательства, представленные участниками уголовного судопроизводства.

Норма нормой, но есть еще здравый смысл, который вполне может побудить тех, в чьем производстве находится уголовное дело, поинтересоваться представленными доказательствами. Одних — из профессионального любопытства, других — из чувства процессуального самосохранения. Ну а вдруг там алиби?! Факты последних лет показывают, что здравый смысл здесь не срабатывает.

Мы поинтересовались причинами, которые обуславливают складывающуюся практику. Наиболее адекватный ответ был получен нами в результате интервьюирования Судьи Верховного Суда Российской Федерации в отставке. Ответ его был, как всегда, обстоятельный, с учетом многочисленных факторов и, по сути, сводился к тому, что судья предпримет всевозможные процессуальные меры, чтобы не принять от стороны защиты доказательство, ставящее под сомнение предъявленное обвинение, чтобы не позволить опрокинуть процесс. Далее шла детализация: в противном случае надо будет это доказательство исследовать, самостоятельно разбираться в обстоятельствах происшедшего и, не дай бог, самостоятельно принимать решение и идти вразрез с обвинительной властью. «Оно ему надо!» Гораздо проще проигнорировать представленное доказательство: нет его в деле, стало быть и хлопот никаких нет. При этом вопросы о законности, состязательности, объективности уголовного судопроизводства как бы и не существуют, довлеет лишь один бюрократический «жупел» — «засилить» дело. Порой такая позиция влечет за собой тяжкие последствия, вплоть до осуждения невиновных к реальному лишению свободы.

В такой ситуации возникает необходимость в принуждении должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело, к выполнению

предписаний закона, определяющих назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). В соответствии с научными основаниями криминализации тех или иных деяний [2; 3] возникает вопрос об установлении ответственности за отказ в принятии доказательств, представленных участниками уголовного судопроизводства в установленном порядке.

При более детальном рассмотрении данного вопроса нельзя не обратить внимания на то, что суд, с одной стороны, и следователь, дознаватель, орган дознания, лицо производящее дознание, с другой, — находятся, с точки зрения ответственности за отказ в принятии доказательств, в неравнозначном положении.

Прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель — представители органов исполнительной власти, на которые законом прямо возложена лишь одна функция в уголовном процессе — функция обвинения: в гл. 6 УПК РФ они отнесены к числу участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Поэтому данные участники, следуя букве закона, не только не обязаны, а даже не вправе принимать доказательства, работающие не на обвинение.

Суд, в отличие от других государственных органов и должностных лиц, предназначенных осуществлять уголовное преследование (прокурор, следователь, орган дознания, дознаватель), не поставлен законодателем в положение одностороннего участника уголовного судопроизводства (гл. 5 УПК РФ). Это не только дает ему основание и возможность всесторонне выяснять действительные обстоятельства совершенного преступления и выносить законные и обоснованные приговоры, но и накладывает обязанность принимать все доказательства как подтверждающие версию обвинения, так и опровергающие ее. Выполняя свое предназначение органа правосудия, не связанного законодателем односторонней позицией участника уголовного судопроизводства, суд обязан своевременно диагностировать факты произвольной трактовки органами предварительного расследования обстоятельств происшествия и принять все меры к ее дезавуированию, включая исследование представленных участниками уголовного судопроизводства доказательств.

Данное суждение применимо к общему порядку производства в суде первой инстанции (разд. IX

УПК РФ). При особом порядке судебного разбирательства (разд. X УПК РФ), при котором судья не проводит исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу, суд лишен такой возможности. Он, в силу установленного законом порядка, вынужден доверяться следователю. «Так как в этом случае, в отличие от обычного порядка, доказательства в судебном разбирательстве не исследуются (ч. 5 ст. 316 УПК РФ), — верно замечает С.А. Шейфер, — судья поневоле руководствуется доказательствами, собранными на досудебных стадиях, как бы принимая их на веру» [5].

Однако, распространившийся уже более чем на половину уголовных дел стереотип принятия результатов предварительного следствия на веру порой проявляется и в общем порядке судебного разбирательства. Характерные в этом отношении примеры описаны в литературе [1, с. 195–197; 4, с. 72–78].

Таким образом, с точки зрения действующего законодательства субъектом ответственности за отказ принять доказательства, представленные участниками уголовного судопроизводства в установленном порядке, является только суд. Должностные лица органов исполнительной власти, в производстве которых находится уголовное дело, наделенные законодателем односторонней функцией обвинения, выпадают из этого правового поля. Более того, обязанные по закону действовать односторонне, они вступают в очевидный конфликт с законом, если будут собирать оправдательные доказательства, в том числе, путем принятия их от обвиняемого или его защитника. Конкретно такое поведение будет противоречить принципу состязательности, согласно нормативной формулировке которого функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ч. 2 ст. 15).

Стало быть, о возложении ответственности за отказ принять доказательства, представленные участниками уголовного судопроизводства в установленном порядке, речь может идти только в отношении суда (судей). Для его постановки в отношении должностных лиц органов исполнительной власти, в производстве которых находится уголовное дело (следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель), необходимо предварительно пересмотреть нормативную кон-

струкцию состязательности с тем, чтобы вместо препятствования установлению действительных обстоятельств происшедшего она стала бы эффективным инструментом для этого. Начать здесь следует со снятия с должностных лиц обязанности быть односторонними в исследовании доказательств и представлять только одну сторону — обвинения.

Литература

1. Григорьев В.Н. Суд не на осуд, а на рассуд // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: Сб. мат. междунар. науч.-практ. конф. / Кол. авт.; Под ред. В.М. Зиминой, Т.Ю. Новиковой, Е.А. Ануфриевой, В.П. Бодаевского, Д.А. Захарова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018.
2. Нечаев А.Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017.
3. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М.: Наука, 1982.
4. Савенков А.В. О произвольной фрагментации при фиксации сведений о преступлении // Юрист-Правовед. 2018. № 2 (85). С. 72–78.
5. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008.

References

1. Grigor'ev V.N. Sud ne na osud, a na rassud // Problemy primeneniya ugovnogo i ugovno-protses-sual'nogo zakonodatel'stva: Sb. mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / Kol. avt.; Pod red. V.M. Zimina, T.Yu. Novikovoy, E.A. Anufrievoy, V.P. Bodaevskogo, D.A. Zakharova. Simferopol': IT «ARIAL», 2018.
2. Nechaev A.D. Kontseptual'nye osnovy i teoretic-heskoe modelirovanie kriminalizatsii i dekriminalizatsii: Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2017.
3. Osnovaniya ugovno-pravovogo zapreta. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya / Otв. red. V.N. Kud-ryavtsev, A.M. Yakovlev. M.: Nauka, 1982.
4. Savenkov A.V. O proizvol'noy fragmentatsii pri fiksatsii svedeniy o prestuplenii // Yurist-Pravoved. 2018. № 2 (85). S. 72–78.
5. Sheyfer S.A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo reguli-rovaniya. M.: Norma, 2008.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ¹

Лариса Николаевна Масленникова, профессор кафедры уголовно-процессуального права, доктор юридических наук, профессор Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9)
E-mail: mln1954@yandex.ru

Аннотация. В статье, посвященной памяти М.С. Строговича, рассматриваются проблемы рационализации уголовного процесса, критикуются недостатки досудебного производства, определяется политическое значение цифровизации досудебного производства для развития уголовного процесса и государства.

Ключевые слова: рационализация, цифровизация уголовного процесса, электронное взаимодействие государства и населения, доступ к правосудию, политическое значение цифровизации досудебного производства.

ON THE POLITICAL SIGNIFICANCE OF DIGITALIZATION OF PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Larisa N. Maslennikova, Professor of the Department of Criminal Procedure Law, Doctor of Legal Sciences, Professor Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (125993, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9)
E-mail: mln1954@yandex.ru

Abstract. In the article, devoted to the memory of M.S. Strogovich, the problems of rationalization of the criminal process are considered, the shortcomings of pre-trial proceedings are criticized, the political significance of digitalization of pre-trial proceedings for the development of the criminal process and the state is determined.

Keywords: rationalization, digitalization of the criminal process, electronic interaction between the state and the population, access to justice, political significance of digitalization of pre-trial proceedings.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Масленникова Л.Н. К вопросу о политическом значении цифровизации досудебного производства в уголовном процессе. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):34–36.

30 сентября 2019 г. исполнилось 125 лет со дня рождения выдающегося советского ученого Михаила Соломоновича Строговича. «Трудно переоценить роль М.С. Строговича — писал его ученик В.М. Савицкий — в формировании основных, краеугольных понятий советской юридической науки» [2, с. 303]. Многие из нас учились на трудах М.С. Строговича и продолжают постигать мудрость права применительно к современной действительности, обращаясь к его научным постулатам.

Без малого сто лет назад, будучи еще сравнительно молодым ученым, М.С. Строгович опубликовал статью «Рационализация уголовного процесса» [4], многие положения которой не потеряли своей актуальности и сегодня.

«В настоящий момент вопрос об упрощении, рационализации уголовного процесса — писал М.С. Строгович в 1927 г. — получает особую остроту и определенное политическое значение в связи

с общей кампанией по усовершенствованию госаппарата и проведению режима экономии. Эта кампания с необходимостью должна затронуть работу нашего суда, в частности производство по уголовным делам, так как совершенно очевидным является наличие ряда дефектов в работе судебно-следственных органов, крайняя сложность и длительность производства уголовных дел, формализм и волокита, т.е. те недостатки, на борьбе с которыми сейчас заострено внимание...» [3, с. 16].

Современный уголовный процесс как в зеркале отражает описанные выше дефекты судебно-следственных органов. Досудебное производство современного уголовного процесса представляет собой

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта № 18-29-16018 «Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию, в условиях развития цифровых технологий» при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

сложную, длительную деятельность, характеризующуюся формализмом и волокитой.

Сложная и неповоротливая система досудебного производства, представленная двумя стадиями (тремя формами расследования, которым предшествует квази-расследование в виде доследственной проверки) создает существенные препятствия для доступа к правосудию в максимально короткие сроки. Препятствуют доступу к правосудию и незаконные решения, определяющие динамику производства (незаконные отказы в приеме и регистрации сообщений о преступлении, отказы в возбуждении уголовного дела, незаконные и необоснованные решения о приостановлении и прекращении уголовного дела). Отсутствие оперативного и действенного контроля за законностью действий (бездействий) и решений, принимаемых в досудебном производстве, также блокирует доступ к правосудию.

Перефразируя слова М.С. Строговича, можно утверждать, что в настоящее время вопрос об упрощении, рационализации и цифровизации досудебного производства получает особую остроту и определенное политическое значение в связи с необходимостью построить уголовное судопроизводство, обеспечивающее доступ к правосудию.

Во время четвертой промышленной революции, получившей условное название Industry 4.0, которая базируется на современных цифровых технологиях и предполагает колоссальные темпы развития, глубинные изменения во всех сферах общества, прогнозируется переход на полностью цифровое производство, управляемое интеллектуальными системами в режиме реального времени в постоянном взаимодействии с внешней средой. Существует мнение, что будущее за искусственным интеллектом, технологиями дополненной реальности, системами анализа больших данных. Сегодня предпринимаются попытки разобраться, как эффективно применять их в государственном управлении и как органично внедрять в самые различные отрасли, в том числе и в сферу уголовного судопроизводства.

В уголовно-процессуальной теории развернулись дискуссии относительно благ и рисков внедрения современных цифровых технологий в уголовный процесс.

Ученые исследуют вопросы регистрации сообщений о преступлении и особенности расследования в новой цифровой реальности, оптимизацию

судебного контроля и надзора прокурора на начальном этапе уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий, особенности информационно-коммуникационного обеспечения уголовного судопроизводства РФ, перспективы введения электронной формы уголовного дела, электронное правосудие. Предметом научных исследований становятся отличия в понимании сущности электронного правосудия в России и за рубежом, вопросы обеспечения доступа к правосудию в Европейском Союзе в условиях развития цифровых технологий, вопросы доказывания и доказательств в новых условиях, применение электронной подписи в уголовном судопроизводстве и др.

Мы все чаще слышим о цифровой трансформации (цифровой трансформации права, цифровой трансформации уголовного судопроизводства в целом и досудебного производства в частности).

Ключевым моментом в трансформации уголовного процесса в целом и досудебного производства в частности должно стать электронное взаимодействие государства и общества (населения) в новой цифровой реальности.

Взаимодействие государства с населением подразумевает сильные горизонтальные связи (платформа электронного взаимодействия государственных органов и заинтересованных лиц). Взаимодействие государственных структур должно подразумевать строгую вертикальную иерархию (платформа электронного взаимодействия между государственными органами по вертикали, например в прокуратуре или МВД). Будущее досудебного производства, которое должно обеспечивать в уголовном судопроизводстве доступ к правосудию, за горизонтальным сотрудничеством, участниками которого являются государство и граждане [1, с. 141].

Появляются принципиально новые возможности участия в уголовном процессе (в том числе в удаленном доступе) и новые возможности влияния на принятие решений (автоматизация регистрации сообщения о преступлении и начала расследования, возможность подачи жалоб, ходатайств, получение решений в режиме он-лайн, дистанционное участие в следственных и иных процессуальных действиях и др.).

Многие государства уже прошли этот путь, когда на основе разных сайтов формируется экосистема, которая в итоге замыкается на один портал.

В России пока в большей степени развивается электронное взаимодействие по вертикали одной системы или ведомства (внутри судебной системы, прокуратуры, МВД) и практически отсутствует межведомственное электронное взаимодействие государственных органов и государственных органов с населением в сфере уголовного судопроизводства, в частности в досудебном производстве. Наиболее интенсивно развивается цифровизация судебной системы и прокуратуры. Цифровизация досудебного производства значительно отстает и на законодательном, и на организационном уровне.

Политическое значение цифровой трансформации уголовного процесса в целом и досудебного производства в частности заключается в том, что без цифровой трансформации государственного управления, без электронного взаимодействия государственных органов между собой и с населением в сфере уголовного процесса не возможна трансформация государства в целом, как государства развитого, отвечающего критериям современного государства.

Необходимо менять парадигму досудебного производства, рассматривая его как начальный этап уголовного процесса, имеющий целью обеспечить доступ к правосудию путем регистрации сообщения о преступлении и его оперативного расследования. С момента регистрации сообщения о преступлении (в том числе электронной регистрации) до принятия итогового решения по результатам расследования в единую электронную систему обеспечения доступа к правосудию должны быть объединены государственные органы (суд, прокурор, следователь, дознаватель) и лица, заинтересованные в достижении правосудия по конкретному делу. Политическое значение цифровизации досудебного производства заключается в наиболее оптимальном обеспечении доступа к правосудию в новой цифровой реальности.

Современное понимание рационализации уголовного процесса связано, как и во времена М.С. Строговича, с упрощением уголовного процесса. «Упростить уголовный процесс — писал в свое время М.С. Строгович, — означает упростить реальные стадии, которые проходит уголовное дело, и те формы, в которые облакаются действия следствия и суда при производстве по этому делу...» [4]. Эти слова весьма актуальны и сегодня. Из досудебного производства необходимо убрать все лишнее, приводящее к волоките (например, доследственную проверку). Однако этого

уже мало. Рационализация современного уголовного процесса и, в частности, досудебного производства может быть достигнута за счет рационального управления автоматическими системами регистрации сообщения о преступлении, принятия решений, обеспечивающих доступ к правосудию, проверки их законности, обеспечительных мер независимого судебного органа, интегрированных в единое информационное пространство. Нет сомнений в том, что цифровая трансформация досудебного производства повысит доверие населения к государству и имеет большое политическое значение как для защиты прав граждан на доступ к правосудию, так и для развития уголовного процесса и развития государства в целом.

Литература

1. Масленникова Л.Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 137–144.
2. Савицкий В.М. Михаил Соломонович Строгович (краткий биографический очерк). В кн. Строгович М.С. Избранные труды. В 3 т. Т. 1 Проблемы общей теории права. М.: Наука, 1990.
3. Строгович М.С. Рационализация уголовного процесса // Избранные труды. В 3 т. Т. 2. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. М., 1992.
4. Строгович М.С. Рационализация уголовного процесса // Вестник Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верх Суда СССР. 1927. № 3.

References

1. Maslennikova L.N. Transformatsiya dosudebnogo proizvodstva v nachal'nyy etap ugovornogo sudoproizvodstva, obespechivayushchiy dostup k pravosudiyu v eru Industry 4.0 // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2019. № 6 (103). S. 137–144.
2. Savitskiy V.M. Mikhail Solomonovich Strogovich (kratkiy biograficheskiy ocherk). V kn. Strogovich M.S. Izbrannye trudy. V 3 t. T. 1 Problemy obshchey teorii prava. M.: Nauka, 1990.
3. Strogovich M.S. Ratsionalizatsiya ugovornogo protsesssa // Izbrannye trudy. V 3 t. T. 2. Garantii prav lichnosti v ugovornom sudoproizvodstve. M., 1992.
4. Strogovich M.S. Ratsionalizatsiya ugovornogo protsesssa // Vestnik Verkhovnogo Suda SSSR i Prokuratury Verkh Suda SSSR. 1927. № 3.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: НЕИЗБЕЖНЫЙ ПУТЬ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Алла Васильевна Ендольцева, профессор кафедры правовых основ управления МГИМО(У) МИД России, профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: allaend2015@mail.ru

Юлия Владимировна Ендольцева, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: sivellinn@gmail.com

Аннотация. Говоря о внедрении электронно-информационных технологий в уголовное судопроизводство, названы некоторые пути их использования при производстве по уголовному делу, отмечены их положительные стороны. Однако, при этом высказывается озабоченность по поводу информационной безопасности уголовного судопроизводства и необходимости ее обеспечения, поскольку такая деятельность является настолько важной, что должна осуществляться одновременно с информационной технологизацией уголовного процесса, а скорее всего, даже опережая ее.

Ключевые слова: электронно-информационные технологии, цифровая фиксация показаний, видео-конференц-связь, электронная подпись, электронное уголовное дело, информационная безопасность уголовного судопроизводства.

INFORMATION TECHNOLOGY: THE INEVITABLE WAY FURTHER DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Alla V. Endoltseva, Professor of the Department of Legal Foundations of Management MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure, Doctor of Legal Sciences, Professor Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: allaend2015@mail.ru

Yulia V. Endoltseva, Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: sivellinn@gmail.com

Abstract. Speaking about the introduction of electronic information technologies in criminal proceedings, some ways of their use in criminal proceedings are named, noting their positive aspects. However, there is concern about the information security of criminal proceedings and the need to ensure it, since such activities are so important that they should be carried out simultaneously with the information technology of the criminal process, and most likely even ahead of it.

Keywords: electronic information technology, digital recording of testimonies, video conferencing, electronic signature, electronic criminal case, information security of criminal proceedings.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Ендольцева А.В., Ендольцева Ю.В. Информационные технологии: неизбежный путь дальнейшего развития уголовного судопроизводства. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):37–40.

Современное общество, как известно, характеризуется существенным повышением роли информационно-коммуникационных технологий, которые позволяют качественно улучшить все сферы жизнедеятельности человека, обеспечив его эффективными инструментами интеллектуального труда. Сбор информации, ее обработка и передача стали

уже невозможны без применения электронно-информационных технологий как эффективного способа работы с информацией и ее источниками.

Использование информационных технологий в уголовном судопроизводстве уже стало предметом многих научных исследований, в том числе диссертационных. Целью современных ученых является

разработка оптимальных информационных правовых механизмов обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также технических средств, обеспечивающих эффективность уголовно-процессуальной деятельности и ее результативность. Прежде всего, актуальными сейчас являются: обоснование самой системы информационного обеспечения уголовно-процессуальной деятельности, разработка правовых основ использования информационных (электронно-информационных) технологий в уголовном судопроизводстве, внедрение в институт доказывания по уголовному делу такого нового вида доказательств, как электронная информация, технико-криминалистическое обеспечение использования информационных технологий, переход на электронный документооборот в процессе производства по уголовному делу.

Как отмечают авторы, «уголовный процесс... проходит стадию реформирования его технической базы, ориентируемую в настоящее время на полную компьютеризацию. Это позволит существенно сократить время уголовного процесса, повысить оперативность ведения уголовных дел, усовершенствовать связи между различными структурами правоохранительных органов, использовать базы данных международных организаций, создать систему оперативной связи органов регионального, республиканского и международного масштаба» [5].

В научных работах названы различные пути развития уголовного процесса на базе внедрения информационных технологий. Тем не менее, хотелось обратить внимание на следующие вопросы. Это, во-первых, *цифровая фиксация показаний участников уголовного судопроизводства* посредством аудио- и видеозаписи, производимой при помощи компьютерной техники. Такой метод может дополнить или вообще заменить протокольную форму фиксации показаний, обеспечив объективность и полноту отображения информации, имеющей процессуальное значение. Есть мнение авторов о том, что в перспективе технические средства копирования, хранения, передачи электронной информации сделают ненужной традиционную форму уголовно-процессуальных документов, т.е. возможен переход исключительно на электронный документооборот [4, с. 188]. Конечно, при этом важно исключить возможность вмешательства в цифровую среду с целью

ее намеренного изменения. Этого возможно избежать посредством применения, например, одноразовых CD-R-дисков, которые заверяются подписями участников следственного действия. Если все же возникнут сомнения по поводу оригинальности записи, произведенной на CD-R-диске, то возможно ее подтверждение заключением фоноскопической экспертизы.

Во-вторых, отметим возможность введения в уголовный процесс *технологии удостоверения процессуального документа* любым участником следственного или иного процессуального действия *электронной цифровой подписью* вместо его обычной подписи и тесно связанное с этим применение дистанционных форм проведения процессуальных действий. Это особенно важно в случаях невозможности, возникшей у лица, явиться по вызову следователя или дознавателя по месту предварительного расследования. Например, свидетель проживает в другом регионе, а следователь, не имея возможности туда выехать, не считает целесообразным давать органу дознания поручение о производстве его допроса в порядке реализации положений ч. 1 ст. 152 УПК РФ, а проводит его допрос самостоятельно, но дистанционно, в том числе посредством видео-конференц-связи. В настоящее время применение видео-конференц-связи стало допустимым в судебном производстве (ст. 278¹ УПК РФ). Целесообразно использовать такую же возможность в период предварительного расследования преступлений. Эта процедура может стать необходимой в порядке обеспечения безопасности лица, проходящего по уголовному делу [2, с. 19], особенно свидетеля. Однако, для реализации данного предложения необходимо, чтобы у допрашиваемого лица уже имелась электронная подпись, полученная в установленном порядке. Видимо, возникнет необходимость регламентации порядка получения электронной цифровой подписи лица, проходящего по уголовному делу, в ускоренной и упрощенной форме, в отличие от общего регламента ее получения. Либо на государственном уровне должна быть решена задача получения электронной подписи всеми совершеннолетними дееспособными гражданами.

Следующим аспектом может быть *использование следователем, дознавателем или судом, вместо переводчика как участника уголовного процесса* при проведении следственных (судебных) действий

с участником уголовного процесса, не владеющим или недостаточно владеющим языком уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК РФ), *мобильного устройства систем синхронного перевода показаний такого лица (электронного переводчика)*. Также возможно применение технических средств для надлежащего перевода текстов различных документов, имеющих значение для уголовного дела, или процессуальных документов, вручаемых участникам уголовного судопроизводства, не владеющим языком уголовного судопроизводства. Такие технические устройства должны быть сертифицированы на предмет правильности перевода. Прежде всего, это обеспечит достоверность перевода, позволит избежать не только ложного перевода как умышленной деятельности лица, осуществляющего перевод, или не правильного перевода, искажающего суть показаний, но и избежать судебных издержек в виде сумм, выплачиваемых переводчику за исполнение им своих обязанностей в ходе производства по уголовному делу (п. 4 ч. 2 ст. 131 УПК РФ).

Еще одним моментом, на котором следует особо остановиться, является дискуссия по поводу *электронного уголовного дела*. Создание электронного уголовного дела, причем как в досудебном, так и судебном производстве, как это предлагают авторы [6, с. 42], несомненно, позволит упростить решение ряда процессуальных вопросов, например, восстановление утраченного уголовного дела или его материалов в порядке ст. 158¹ УПК РФ; ознакомление с материалами уголовного дела участников уголовного процесса в порядке ст. 216, 217, ч. 2 и 3 ст. 225, ч. 4 ст. 226⁷ УПК РФ; передачу уголовного дела в электронном виде в вышестоящие судебные инстанции при обжаловании решения нижестоящего суда; возвращение уголовного дела из суда апелляционной инстанции для обращения его к исполнению судом первой инстанции (ст. 390 УПК РФ). Кроме того, наличие электронного уголовного дела и соответствующих информационных систем взаимодействия как внутри самих органов предварительного расследования, так и вне их (с прокурором, судом) позволит ликвидировать практику постоянного ксерокопирования материалов уголовного дела, представляемых для обоснования ходатайств следователя вышестоящему руководителю следственного органа с целью продления срока следствия или ходатайств дознавателя, представляемых

прокурору для продления срока дознания, а также представляемых в суд для избрания меры пресечения или иной меры процессуального принуждения, а затем и решения вопроса, если он возникает, о продлении срока содержания под стражей или домашнего ареста. Особенно учитывая изменения в ч. 8 ст. 109 УПК РФ. На такие организационные моменты тратится впустую драгоценное уголовно-процессуальное время, строго регламентирующее сроки расследования, а с учетом загруженности следователей и дознавателей такой «неблагодарный» труд, как ксерокопирование одних и тех же материалов по нескольку раз, отнюдь не благоприятствует эффективной уголовно-процессуальной деятельности.

В связи со сказанным необходимы научные исследования не только проблем, обозначенных в начале статьи, но также связанных «с нормативным установлением единого подхода к организации информационного взаимодействия в электронной форме органов судебной власти с правоохранительными органами и иными государственными структурами на федеральном и региональном уровне» [3, с. 48–52].

Научно-технический прогресс неуклонно движется вперед, появляются новые информационные технологии, происходит, как показывает практика, постепенное их внедрение в уголовное судопроизводство, обуславливая его дальнейшее развитие. В настоящей статье отмечены положительные стороны технологизации уголовно-процессуальной деятельности и ее уголовно-процессуальных форм, свидетельствующих о необходимости оптимизации уголовного процесса. Однако, при этом нельзя не заметить беспокойства авторов и не выразить собственную озабоченность по поводу возможных противоправных деяний, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, сопровождающей производство по уголовному делу, нарушением правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации.

Поэтому не менее важной проблемой является обеспечение информационной безопасности уголовного судопроизводства. Под информационной безопасностью в уголовном процессе авторы понимают «состояние защищенности информации,

имеющей значение для расследования преступления», которое обеспечивается «комплексом правовых, организационных, тактических и технических мер по предотвращению угроз информационной безопасности и устранению последствий их реализации» [1, с. 18].

Объектом информационной безопасности в уголовном судопроизводстве является, прежде всего, само уголовное дело, особенно если оно будет иметь электронную форму и еще не рассмотрено в суде с принятием судебного решения, вступившего в законную силу. Ведь в материалах уголовного дела сосредоточены не только доказательства по уголовному делу, «интересные» для определенных лиц еще в период расследования уголовного дела, но и сведения об участниках (подозреваемых, обвиняемых, лицах, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве и их защитниках, с одной стороны, а с другой, — о потерпевших, свидетелях, экспертах, а также о должностных лицах, ведущих производство по уголовному делу). Обеспечение информационной безопасности уголовного процесса должно осуществляться одновременно с внедрением информационных технологий в уголовное судопроизводство, а скорее всего, даже опережая этот процесс.

Литература

1. *Войников В.В.* Тактика обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве: Дисс. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2002.
2. *Дмитриева А.А.* Теоретическая модель безопасного участия личности в уголовном судопроизводстве: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2017.
3. *Ершов В.В.* Правовые проблемы информационного электронного взаимодействия субъектов процессуального доказывания // Информационные

технологии, связь и защита информации МВД России: Сб. статей. Вып. 1. М., 2012.

4. *Кувычков С.И.* Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде: Дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.

5. *Никитин Р.О.* Правовое обеспечение использования электронно-информационных технологий в уголовном процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005.

6. *Познанский Ю.Н.* Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовного дела в разумные сроки // Труды академии управления МВД России. 2015. № 1(33). С. 42.

References

1. *Voynikov V.V.* Taktika obespecheniya bezopasnosti v ugovolnom sudoproizvodstve: Diss. ... kand. jurid. nauk. Kaliningrad, 2002.
2. *Dmitrieva A.A.* Teoreticheskaya model' bezopasnogo uchastiya lichnosti v ugovolnom sudoproizvodstve: Diss. ... dokt. jurid. nauk. M., 2017.
3. *Ershov V.V.* Pravovye problemy informatsionnogo elektronno vzaimodeystviya sub'yektov protsessual'nogo dokazyvaniya // Informatsionnye tekhnologii, svyaz' i zashchita informatsii MVD Rossii: Sb. statey. Vyp. 1. M., 2012.
4. *Kuvychkov S.I.* Ispol'zovanie v dokazyvanii po ugovolnym delam informatsii, predstavlennoy v elektronnom vide: Diss. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2016.
5. *Nikitin R.O.* Pravovoe obespechenie ispol'zovaniya elektronno-informatsionnykh tekhnologiy v ugovolnom protsesse: Diss. ... kand. jurid. nauk. Vladimir, 2005.
6. *Poznanskiy Yu.N.* Elektronnoe ugovolnoe delo v reshenii problemy rassledovaniya ugovolnogo dela v razumnye sroki // Trudy akademii upravleniya MVD Rossii. 2015. № 1(33). S. 42.

ЛИБЕРАЛЬНО-ПРАВОВАЯ СТРАТЕГИЯ И БЫТИЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Александр Васильевич Агутин, профессор кафедры уголовного права и процесса, доктор юридических наук, профессор
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (603950, Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23)
E-mail: agutin.av@yandex.ru

Аннотация. Доказывается, что либерально-правовая стратегия развития уголовного судопроизводства России не соответствует подлинным ценностям российского народа, его менталитету. Обращается внимание на то, что преобразование отечественного уголовного судопроизводства под воздействием либерально-правовой стратегии уголовного судопроизводства означает нарушение единства уголовно-процессуальной деятельности. Делается вывод о том, что утрата отечественным уголовным судопроизводством сущностного единства, к которому приведет либерально-правовая стратегия, проявится в отрыве мировосприятия, миропонимания и миропредставления должностных лиц — участников уголовного судопроизводства от мировосприятия, миропонимания и миропредставления как в целом российской общности, так и иных участников, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, либерализм, культурно-историческое наследие, ценности, менталитет, либерально-правовая стратегия.

LIBERAL LEGAL STRATEGY AND THE EXISTENCE OF RUSSIAN CRIMINAL JUSTICE

Aleksandr V. Agutin, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Doctor of Legal Sciences, Professor
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (603950, Nizhny Novgorod, pr-t Gagarina, d. 23)
E-mail: agutin.av@yandex.ru

Abstract. It is proved that the liberal legal strategy for the development of criminal justice in Russia does not correspond to the true values of the Russian people and their mentality. Attention is drawn to the fact that the transformation of domestic criminal proceedings under the influence of a liberal legal strategy of criminal proceedings means a violation of the unity of criminal procedure. It is concluded that the loss of essential unity in domestic criminal proceedings, which will lead to a liberal legal strategy, will be manifested in the separation of the worldview, worldview and worldview of officials participating in criminal proceedings from the worldview, worldview and worldview of both the Russian community as a whole, and other participants involved in criminal procedural activities.

Keywords: criminal justice, liberalism, cultural and historical heritage, values, mentality, liberal legal strategy.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Агутин А.В. Либерально-правовая стратегия и бытие российского уголовного судопроизводства. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):41–44.

Управленческое воздействие либеральных схем, доктрин, теорий, стратегий и т.п. подобное будет осуществляться на нашу общность до тех пор, пока по замыслу либералов она не будет уничтожена. Мы против наступления подобных негативных последствий. Со своей стороны, мы выступаем за перевод управления российской общностью с канонов либерализма на управление, которые бы в своих основаниях опирались на наше культурно-историческое наследие и систему традиционных духовно-нравственных ценностей нашего народа.

Наше предложение о переводе управления российской общностью в соответствии с культурно-истори-

ческим наследием и системой традиционных ценностей нашего народа в полной мере относится и к отечественному уголовному судопроизводству. Настало время отказаться от либеральных догм в уголовном судопроизводстве. Свои размышления по этому поводу осуществим посредством осмысления его узловых положений, связанных с формированием и осуществлением мыслительной деятельности в уголовно-процессуальной сфере. К их числу мы, прежде всего, относим положения, которые прямо или косвенно обусловлены менталитетом и мировоззрением российского народа.

В наши дни мыслительная деятельность в уголовном процессе формируется и осуществляется в

условиях господства либерально-правовой концепции уголовного судопроизводства. В основном она реализуется потенциалом концепции должной правовой процедуры и концепцией прав человека и гражданина. Как в целом либерально-правовая концепция, так и в части концепций должной правовой процедуры и прав, и свобод человека и гражданина, не соответствуют культурно-историческому наследию и системе традиционных ценностей российского народа. В настоящей статье для удобства изложения вышеперечисленные концепции мы будем обозначать в качестве единого целого, имеющего наименование «либерально-правовая стратегия российского уголовного судопроизводства».

Либерально-правовая стратегия российского уголовного судопроизводства не только не соответствуют культурно-историческому наследию и системе ценностей российского народа. Она являются их антиподом. В основе либерально-правовой стратегии российского уголовного судопроизводства лежит либеральная философия, в свою очередь, опирающаяся в своих истоках на пантеистическую мистику и сатанизм. Их основное назначение заключается в переводе человеческих общностей, включая и российскую общность, на инстинктивные формы жизнедеятельности.

В контексте уголовного судопроизводства перевод российской общности на инстинктивные формы жизнедеятельности означает свертывание или уничтожение культурно-исторического наследия и системы традиционных ценностей российского народа. И не только. Перевод отечественного уголовного судопроизводства на инстинктивный уровень его бытия предполагает разрушение ценностно-смыслового ядра нашего народа и основных форм самосознания народа (веры, традиций и обычаев).

Свертывание (уничтожение) культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей, а также разрушение ценностно-смыслового ядра и основных форм самосознания народа предполагает фрагментацию общественного и индивидуального сознаний (мировоззрений). Их фрагментация является верным признаком духовной болезни — социальной шизофрении. В обозначенном смысле социальная шизофрения предполагает самоуничтожение и дезинтеграцию отечественного уголовного судопроизводства посредством нарушения его целостности, сопровождающееся «расщеплением социального сознания, с

распадом мы на множество враждебных друг другу не мы» [2, с. 98].

На философском уровне либерально-правовой стратегии российского уголовного судопроизводства проблема социальной шизофрении заключается в отсутствии у нее единства с менталитетом российского народа. Ум, мышление, образ мыслей и душевный склад нашего народа не уместается в узкий камзол либерально-правовой стратегии российского уголовного судопроизводства. Менталитет российского народа является одной из характеристик наших сограждан как личностей «живущих в конкретной культуре, с их особым способом восприятия мира, образом мыслей, иерархией жизненных ценностей, формами бытового и социального поведения» [1, с. 2–8].

Менталитет нашего народа представляют собой глубинные структуры отечественной культуры. Они исторически воплощены «в сознании и поведении многих поколений, а потому — при всей своей отнесенности исторической изменчивости — в своих основах постоянные, стабильные образования» [8, с. 79–84]. По своей сути, менталитет российского народа является его своеобразным врожденным духовным кодом (геном). М.А. Шиминая, анализируя ментальные особенности управленческой деятельности, отмечает: «Менталитет и управление находятся в неразрывной связи. Соответствие между управлением и менталитетом обуславливает относительно устойчивую систему производства, сглаживает противоречия между управляемыми и управляющими, способствует преодолению кризисных ситуаций» [8, с. 79–84].

В контексте предмета настоящего исследования суждение М.А. Шиминой о взаимосвязи и взаимообусловленности управления с менталитетом российского народа позволяет высказать нижеследующее суждение. Учет менталитета в управлении как на уровне российской общности в целом, так и на уровне правовой доктрины обуславливает относительно устойчивую систему уголовно-процессуальной деятельности, а также нейтрализует ее внешне и внутрисистемные противоречия (конфликты).

Взаимосвязь и взаимообусловленность уголовно-процессуальной деятельности с менталитетом российского народа обеспечивает ее функционирование даже в кризисных условиях, исходя из параметров, определенных культурно-историческим наследием и

системой ценностей нашей общности. В любом случае менталитет обеспечивает стабильность, последовательность, ясность, устойчивость и определенность отечественного уголовного судопроизводства.

Диаметрально иная ситуация складывается тогда, когда отечественное уголовное судопроизводство не взаимосвязано и не взаимообусловлено менталитетом российского народа. С позиции управления ее возможно характеризовать в качестве нестабильной, непоследовательной, неясной, неустойчивой и неопределенной уголовно-процессуальной деятельности. В своей совокупности эти перечисленные свойства уголовно-процессуальной деятельности являются собой признаки искусственной нелинейной дезорганизации отечественного уголовного судопроизводства. Иначе даже можно сказать: «Отечественное уголовное судопроизводство вне взаимосвязи и взаимообусловленности с менталитетом российского народа порождает деморализованную уголовно-процессуальную деятельность».

В наши дни деморализация уголовно-процессуальной деятельности в основном осуществляется за счет гиперболизации положений либерально-правовой стратегии уголовного судопроизводства и свертывания менталитета российского народа. Подобное преобразование отечественного уголовного судопроизводства под воздействием либерально-правовой стратегии уголовного судопроизводства означает нарушение единства уголовно-процессуальной деятельности. Отсутствие единства либерально-правовой стратегии уголовного судопроизводства с менталитетом нашего народа означает проведение потенциалом указанной стратегии разрушительных начал для отечественной уголовно-процессуальной деятельности. В этом смысле либерально-правовая стратегия российского уголовного судопроизводства являет собой доктрину по нейтрализации управления и самоуправления в отечественном уголовном процессе.

Отсутствие единства между менталитетом российского народа и либерально-правовой стратегией уголовного судопроизводства является основой для порождения указанной стратегией социальной шизофрении, целенаправленной на омертвление общественного, надындивидуального и индивидуального сознаний при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Эта мертвенность (безжизненность) сознаний влечет собой увеличение в геометрической прогрессии равнодушия и безразличия в уго-

ловно-процессуальной сфере. Они, на наш взгляд, являются основными формами инфекционного заражения социальной шизофренией отечественного уголовного судопроизводства.

В условиях поражения уголовного судопроизводства симптомами социальной шизофрении оно будет постулировать положения, согласно которым его потенциалом окажется либо затруднительное, либо невозможное эмоциональное восприятие. Эта невозможность восприятия потенциалом уголовного судопроизводства эмоционального является наглядной иллюстрацией того факта, что, пораженная либерально-правовой стратегией российского уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальная деятельность характеризуется деформацией всех входящих в нее компонентов. При ее осуществлении окажутся затруднительными ситуации, требующие сострадания и сочувствия.

На уровне социальной системы проблема социальной шизофрении, порождаемой либерально-правовой стратегией уголовного судопроизводства, заключается в утрате уголовно-процессуальной деятельностью внутреннего единства. Она окажется несогласованной с жизнью (бытием) нашего народа, составной частью которого является отечественное уголовное судопроизводство. Под воздействием либерально-правовой стратегии российского уголовного судопроизводства оно не будет воплощать в себе сущностного единства.

Утрата отечественным уголовным судопроизводством сущностного единства будет проявляться в отрыве мировосприятия, миропонимания и миропредставления должностных лиц — участников уголовного судопроизводства от мировосприятия, миропонимания и миропредставления как в целом российской общности, так и иных участников, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность. В результате в уголовно-процессуальной сфере будет появляться своеобразное поле недоверия, потенциально содержащие в себе многообразные и многоликие конфликты в процессе осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Литература

1. Артемова В.Г., Филиппова Я.В. Менталитет русского народа: традиция и эволюция // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 2. С. 2–8.

7. *Шими́на М.А.* Ментальные особенности управленческой деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4 (12). С. 79–84.

7. *Shimina M.A.* Mental'nyye osobennosti upravlencheskoy deyatel'nosti // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2008. № 4 (12). S. 79–84.

УДК 343.1
ББК 67.411

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10130
© А.А. Сумин, 2020

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ И МЕРЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: СОВМЕЩЕНИЕ НЕСОВМЕСТИМОГО

Александр Александрович Сумин, профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, доцент Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Анализируется применимость некоторых мер уголовно-процессуального принуждения в условиях действия презумпции невиновности. Сделан вывод о существовании ряда дискуссионных вопросов о совместимости названной презумпции с ограничением конституционно защищаемых прав и свобод личности.

Ключевые слова: уголовный процесс, презумпция невиновности, меры процессуального принуждения.

PRESUMPTION OF INNOCENCE AND COERCIVE MEASURES: COMBINING THE INCOMPATIBLE

Aleksandr A. Sumin, Professor of the Department of Criminal Procedure, Doctor of Legal Sciences Associate Professor Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. Analyzed the applicability of certain coercive measures of criminal procedural under the conditions of the presumption of innocence. It is concluded that there are a number of debatable issues in the compatibility of the presumption with a limitation of constitutionally protected rights and freedoms of the individual.

Keywords: criminal procedure, presumption of innocence, coercive measures of criminal procedure.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Сумин А.А. Презумпция невиновности и меры процессуального принуждения: совмещение несовместимого. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):45–46.

Частью 1 ст. 49 Конституции РФ¹ сформулировано основное положение презумпции невиновности: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Таким образом, любой человек, в отношении которого ведется уголовное производство, считается невиновным до наступления условия, указанного в названной правовой норме.

В связи с таким конституционно определенным содержанием презумпции невиновности возникает естественный вопрос о допустимости применения мер процессуального принуждения к невиновному лицу.

Представляется целесообразным, прежде всего, обратить внимание на то, что следует различать законодательное *установление* мер государственного принуждения и реальное *применение* таких мер.

Понятно, что установление мер государственного принуждения правовыми нормами различной юридической силы направлено на обеспечение правопорядка в обществе и государстве. Столь же очевидно, что применение указанных мер наступает в случае, когда субъект того или иного правоотношения с умыслом или по неосторожности нарушает или пытается нарушить те правовые предписания, которыми данное общественное отношение регулируется. Если субъект находится

в рамках «правового поля», то нет необходимости принуждать его к соблюдению правовых норм.

Возвращаясь от этого обобщенного посыла, касающегося мер государственного принуждения, обратимся к конкретной ситуации — применению мер уголовно-процессуального принуждения к лицу, в отношении которого ведется уголовное производство.

Рассмотрим применение такой меры пресечения, как задержание по подозрению в совершении преступления. По мнению автора, само по себе такое подозрение вряд ли вообще может служить основанием для задержания: конституционно охраняемое право на личную свободу вряд ли допустимо ограничивать на основе одних лишь предположений. В этом смысле другое конституционное положение о допустимости досудебного задержания человека на срок не более 48 часов вступает в логическое противоречие с презумпцией невиновности. Задержание лица, «застигнутого при совершении преступления или непосредственно после его совершения» (п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ), еще как-то можно логически связать с ограничением личной свободы подозреваемого, поскольку ч. 3 ст. 55 Конституции РФ допускает, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это

¹ СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства», хотя и в таком случае наличие такой логической связи крайне спорно: о том, имело ли место преступление или иное деяние, объективно похожее на преступление, но таковым не являющееся (например, очевидцы застали тот момент, когда человек, находящийся в состоянии необходимой обороны, наносит телесное повреждение другому лицу, которое как раз и совершило (покушалось на совершение) преступление в отношении обороняющегося), вряд ли может быть сделан бесспорный вывод на месте происшествия и иногда даже в течение тех трех часов, которые отведены законом для принятия решения о составлении протокола задержания или об освобождении лица, доставленного в орган дознания или к следователю. Можно возразить, что в описываемой ситуации одной из целей задержания как раз и будет необходимость разбирательства имевшей место ситуации. Тогда следует признать, что задержание имеет целью (в данном случае) обеспечение предварительного расследования. Тогда имеет место правоотношение, объектом которого является порядок уголовного судопроизводства и, следовательно, применение принуждения становится возможным только при противоправном поведении подозреваемого, которое должно посягать на объект правоотношения. Если подозреваемый не пытался скрыться или иным образом воспрепятствовать уголовно-процессуальной деятельности, то вряд ли можно делать вывод о наличии правового основания для применения процессуального принуждения. Предположения о возможной в будущем времени противоправной деятельности подозреваемого — слишком малоубедительное основание для ограничения конституционных прав и свобод.

Более того, по мнению автора, задержание по подозрению в совершении преступления — это вообще правовой парадокс. Общеизвестно (хотя это прямо не установлено законом), что протокол задержания по подозрению в совершении преступления составляется лишь после возбуждения уголовного дела. Но уголовное дело может быть возбуждено только при наличии основания — достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), при этом в постановлении о возбуждении уголовного дела указывается юридическая квалификация преступления, в совершении которого подозревается лицо (п. 4 ч. 2 ст. 146 УПК РФ). Но коль скоро приводится юридическая квалификация, то возникает вопрос: что мешает привлечь лицо в качестве обвиняемого одновременно с возбуждением уголовного дела. А привлечение в качестве обвиняемого предполагает уже не задержание, а избрание меры пресечения, проводимое в условиях состязательности сторон перед судом. Конечно, существует ст. 100 УПК РФ, которую с учетом изложенного

выше суждения нельзя охарактеризовать иначе как правовое извращение (повторимся: если существуют достаточные данные, указывающие на признаки преступления, и есть лицо, в отношении которого по этим признакам возбуждено уголовное дело, то нет никаких препятствий для обвинения такого лица).

С презумпцией невиновности крайне плохо согласуется и избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, и продление процессуального срока этой меры пресечения. Да, закон допускает избрание данной меры пресечения сразу же на срок до двух месяцев, и, как правило, суды устанавливают именно предельный срок, после чего суд «умывает руки» и его абсолютно не интересует, не изменились ли обстоятельства настолько, что дальнейшее применение этой меры пресечения не вызывается необходимостью или не отпали ли вообще основания для содержания под стражей, полагая, очевидно, что выяснение этих обстоятельств — забота прокурора, руководителя следственного органа и следователя. Но тогда с неизбежностью следует вывод, что пресловутый «судебный контроль» — фикция. Что касается ситуации с продлением срока содержания под стражей, то по отношению к презумпции невиновности она выглядит еще более печально, поскольку с учетом всех возможных и невозможных обстоятельств предельный срок применения данной меры пресечения может составлять до 18 (!) месяцев (ч. 3 ст. 109 УПК РФ). Ну и что же из того, что есть конституционно установленная презумпция невиновности? Пусть обвиняемый сидит с этой презумпцией без обвинительного приговора ... А потом еще полтора — два года до окончания судебного разбирательства и проверки приговора суда первой инстанции судом апелляционной инстанции. Два-три года лишения свободы без обвинительного приговора — это, видимо, как раз в духе рассматриваемой презумпции.

Не менее интересным выглядит положение с избранием мер пресечения, не требующих судебного решения. Формально предварительное следствие может длиться «до греческих календ», а точнее — до истечения срока давности уголовной ответственности за инкриминируемое обвиняемому преступление; и все это время может продолжать действовать избранная следователем мера пресечения (подписка о невыезде, личное поручительство, присмотр за несовершеннолетним обвиняемым, наблюдение командования воинской части). Конечно, ограничения прав и свобод личности этими мерами пресечения несопоставимы с ограничениями, возникающими при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, но они, все же, есть, несмотря ни на какую презумпцию невиновности.

Изложенное позволяет сделать вывод о наличии ряда дискуссионных вопросов в совместимости названной презумпции с ограничением конституционно защищаемых прав и свобод личности.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО ШТРАФА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ольга Николаевна Тисен, старший прокурор управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук
Генеральная прокуратура Российской Федерации (125993, Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 15а)
E-mail: olga-tisen@yandex.ru

Аннотация. Проводится анализ практики применения в российском уголовном судопроизводстве института судебного штрафа; анализируются проблемы, возникающие в судебной практике; приводятся пути их решения.

Ключевые слова: судебный штраф, прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования.

PRACTICAL PROBLEM OF APPLYING THE INSTITUTION OF A JUDICIAL FINE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Olga N. Tisen, Senior Prosecutor of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences
General Prosecutor's Office of the Russian Federation (125993, Moscow, ul. Bolshaya Dmitrovka, d. 15a)
E-mail: olga-tisen@yandex.ru

Abstract. Analyzed the practice of applying the Institute of judicial penalty in Russian criminal proceedings, analyzes the problems that arise in judicial practice, and provides ways to solve them.

Keywords: court fine, termination of criminal case, termination of criminal prosecution.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Тисен О.Н. Практические проблемы применения института судебного штрафа в российском уголовном судопроизводстве. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):47–49.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в УК РФ введена ст. 51¹ УПК РФ, предусматривающая возможность освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, с назначением ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа¹.

Согласно ст. 76² УК РФ и ст. 25¹ УПК РФ мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа применяется к лицу, впервые совершившему преступление небольшой или средней тяжести, в случае если им возмещен ущерб или иным образом заглажен причиненный преступлением вред.

Проект закона о судебном штрафе внесен Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации постановлением от 31 июля 2015 г. № 37 одновременно с предложениями о смягчении ответственности за преступления, предусмотренные ст. 116, 119, 327 УК РФ, декриминализацией ст. 157 УК РФ и о внесении в УК РФ ст. 116¹ и 119¹ УК РФ.

Анализ текста пояснительной записки к законопроекту свидетельствует о том, что его целью являлось снижение числа фактов привлечения к уголовной ответственности за деяния, не обладающие общественной опасностью. При обсуждении законопроекта речь, прежде всего, шла о негативных последствиях судимости родителей для детей лиц, осужденных за побои и угрозу убийством в семье и т.д.

Однако, практика пошла по другому пути. Эта мера уголовно-правового характера получила широкое применение не только по уголовным делам о преступлениях экстремистской, террористической, коррупционной направленности, должностных преступлениях, но и в отношении обвиняемых в преступлениях, последствием которых стала смерть человека.

Так, в 2017–2018 гг. суды освободили от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа 341 обвиняемого в преступлениях, в результате действий которых погибли люди (ч. 1 ст. 109, ч. 2 ст. 143, ч. 3 ст. 264 УК РФ).

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что иногда суды при аналогичных обстоятель-

¹ Российская газета. 2016, 8 июля.

ствах дела в одних случаях освобождали обвиняемых в совершении таких преступлений от уголовной ответственности (в том числе при возражении родственников погибших потерпевших), а в других — назначали наказание в виде реального лишения свободы в колонии-поселении.

Как правило, прокуроры в судебных заседаниях возражали против применения института судебного штрафа по таким делам, однако их аргументы не повлияли на внутреннее убеждение судей.

Нормы уголовно-процессуального законодательства не предусматривают участия прокурора в процедуре обращения следователя в суд с ходатайством об освобождении от уголовной ответственности в порядке гл. 51¹ УПК РФ. В результате институт судебного штрафа нередко используется следователями уже на первоначальном этапе расследования — до установления всех обстоятельств совершенного преступления — и используется в качестве инструмента скорейшего завершения расследования.

Возражения гособвинителей в судебном заседании на практике не влияют на характер принятого судом решения. Кроме того, имеются многочисленные факты отмены судами апелляционных инстанций постановлений судов об отказе в удовлетворении ходатайств о применении судебного штрафа по двухобъектным составам и принятия решений об освобождении обвиняемых в таких преступлениях от уголовной ответственности в суде апелляционной инстанции.

Имеются случаи освобождения от уголовной ответственности с применением судебного штрафа руководителей государственных органов и учреждений, годами якобы безвозмездно предоставлявших предпринимателям под магазины и офисы недвижимость, являющуюся собственностью государства, расположенную в центре городов².

В 2017–2019 гг. от уголовной ответственности с применением судебного штрафа судами освобождено свыше 650 лиц, обвиняемых (подозреваемых) в преступлениях против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, предусмотренных гл. 30 УК РФ. В большинстве случаев это лица, обвиняемые по ст. 291¹ и 285 УК РФ³.

Отметим, что закон не содержит прямого запрета на освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа лицам, обвиняемым в совершении преступлений с формальным составом.

Под категорию преступлений, в отношении которых может быть использован институт судебного штрафа, подпадают в том числе деяния, предусмот-

ренные ч. 2 ст. 133, ч. 1 ст. 134, ч. 1 ст. 135, 240¹ УК РФ. Этот факт вызвал озабоченность правоприменителей, в связи с чем еще в 2016 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект, предполагающий установление запрета на применение рассматриваемого основания освобождения от уголовной ответственности в отношении лиц, обвиняемых в таких деяниях⁴.

Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, изложенным в Обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа от 10 июля 2019 г. (далее — Обзор), суд в каждом конкретном случае должен решить, достаточны ли предпринятые лицом, совершившим преступление, действия для того, чтобы расценить уменьшение общественной опасности содеянного как позволяющее освободить лицо от уголовной ответственности. При этом ВС РФ отметил, что суд обязан не просто констатировать наличие или отсутствие указанных в законе оснований для освобождения от уголовной ответственности, а принять справедливое и мотивированное решение с учетом всей совокупности данных, характеризующих в том числе особенности объекта преступного посягательства, обстоятельства его совершения, изменение общественной опасности деяния вследствие предпринятых лицом действий для возмещения ущерба или заглаживания причиненного преступлением вреда.

Между тем, анализ текстов судебных постановлений об освобождении лиц от уголовной ответственности по уголовным делам о должностных преступлениях, деяниях экстремистской и террористической направленности с формальными составами свидетельствует, что в большинстве случаев в качестве заглаживания причиненного преступлением вреда суды рассматривали «принесение извинений государству в лице следователя и суда».

Из протоколов судебных заседаний следует, что на практике такое «принятие мер к заглаживанию вреда, причиненного преступлением», выражалось в том, что в суде обвиняемые обращались к конкрет-

² Дело № 1-349/2017 по обвинению Р. по ч. 1 ст. 285 УК РФ // Архив Ленинского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики за 2017 г.

³ Решение по делу 1-5/2016 — 05/10/2016 — РосПравосудие // URL: <https://rospravosudie.com/court-sovetskoy-gavanskij-garnizonnyj-voennyj-sud-xabarovskij-kraj-s/act-535232069>.

⁴ Проект Федерального закона № 1132207-6 «О внесении изменений в статьи 76¹ и 78³ Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 21 июля 2016 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

ному следователю, заявившему ходатайство о применении судебного штрафа, и председательствующему судьбе со словами: «Прошу простить меня, больше такого не повторится». На этом комплекс «действий для возмещения ущерба или заглаживания причиненного преступлением вреда» заканчивался.

Согласно п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ, если в ходе судебного заседания суд придет к выводу о том, что сведения об участии лица в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении ходатайства о применении к лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, суд должен принять решение об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа с возвращением ходатайства и материалов уголовного дела руководителю следственного органа или прокурору.

В этой связи при рассмотрении таких ходатайств суд должен удостовериться не только в том, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, в отсутствии иных оснований для прекращения уголовного дела или уголовного преследования, но и убедиться в верности квалификации преступления и выполнении в ходе предварительного расследования требований ст. 73 УПК РФ, в том числе полноте установления вреда, причиненного преступлением.

В случае, если суд придет к выводу о наличии в действиях подозреваемого/обвиняемого признаков более тяжкого преступления, должно быть принято решение об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа и возвращении материалов следователю.

Закон позволяет применять институт судебного штрафа, в том числе при совершении лицом нескольких преступлений небольшой и средней тяжести, независимо от их количества. При этом возможность назначения суммы судебного штрафа по совокупности преступлений УПК РФ не предусмотрена вообще, что позволяет судам назначать минимальные суммы судебных штрафов за совершение нескольких преступлений.

Анализ практики применения судами норм гл. 51¹ УПК РФ свидетельствует о том, что в ряде случаев институт судебного штрафа рассматривался обвиняемыми в качестве легального способа откупиться от уголовной ответственности и выйти из

уголовно-правового конфликта без каких-либо, в том числе материальных, потерь.

Имеются факты изменения обвиняемыми своей позиции по делу после применения в отношении них меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размерах, значительно превышающих их ожидания.

В абсолютном большинстве указанных случаев прокуроры возражали против удовлетворения ходатайств об освобождении от уголовной ответственности с применением судебного штрафа и впоследствии обжаловали такие судебные постановления. Однако представления прокуроров были отклонены.

Чаще всего суды апелляционной инстанции в обоснование таких решений приводили положения п. 2 ч. 5 ст. 446² УПК РФ, предусматривающей лишь два основания для отказа в удовлетворении ходатайства о применении судебного штрафа:

- 1) сведения об участии лица в совершении преступления, изложенные в постановлении, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела;
- 2) уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям.

При этом суды ссылались на соблюдение норм ст. 25¹ УПК РФ, предусматривающей в качестве условия применения рассматриваемой меры уголовно-правового характера совершение преступлений небольшой/средней тяжести и заглаживание вреда, причиненного преступлением.

Принимая решение об освобождении от уголовной ответственности лиц, обвиняемых в совершении деяний с двухобъектным составом, суды, как правило, указывали, что вред преступлением не причинен.

Пробелы в действующем законодательстве и отсутствие разъяснений ВС РФ по этому вопросу привели к тому, что в большинстве случаев гособвинители не имеют юридических оснований для результативного оспаривания несправедливых решений судов.

Практика применения института судебного штрафа, очевидно, свидетельствует о необходимости внесения изменений в действующее законодательство, в том числе дополнений, предусматривающих согласование прокурором ходатайства не только дознавателя, но и следователя о применении института судебного штрафа.

Кроме того, целесообразно закрепить запрет на применение института судебного штрафа по делам о преступлениях с двухобъектными составами, а также преступлениям, последствием которых стала смерть человека.

ЭТИКО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ МОДЫ НА ЦИФРОВИЗАЦИЮ ДЛЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (ОБ ОШИБОЧНОСТИ ТЕХНОЛОГИЧНОГО ПОДХОДА К УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУ)

Александр Викторович Победкин, начальник кафедры уголовной политики, доктор юридических наук, профессор Академии управления МВД России (125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8)
E-mail: apobedkin71@mail.ru

Аннотация. В статье ставится вопрос об опасности безоглядного распространения повального увлечения цифровыми реформами на сферу уголовного судопроизводства. Опасность очевидной моды на цифровизацию чревата забвением многочисленных насущных проблем уголовного судопроизводства, требующих первоочередного решения. В настоящее время вопросы цифровизации уголовного судопроизводства обсуждаются именно на волне моды. Сторонники ее широкого внедрения в уголовный процесс не имеют четкого представления о том, в каких формах современные технологии следует использовать при производстве по уголовным делам. В результате организационная составляющая цифровизации необоснованно смешивается с «оцифровыванием» собственно уголовно-процессуальных отношений. Вполне возможное (в разумных пределах) использование цифровых технологий в уголовно-процессуальной деятельности их апологетами нередко необоснованно рассматривается как «революция» в уголовно-процессуальной теории и уголовно-процессуальном праве. Тем самым ставятся под угрозу доказанные многолетними научными исследованиями закономерности в сфере уголовного процесса; права человека, испытывающего сложности с использованием «гаджетов»; уголовное судопроизводство превращается в сухую чиновничью деятельность, которой оно не может являться в силу своего особого социального и нравственного назначения.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация уголовного процесса, нравственные начала уголовного процесса, научно-технические средства в уголовном судопроизводстве, доказательства.

ETHICAL AND AXIOLOGICAL RISKS OF DIGITALIZATION FASHION FOR CRIMINAL PROCEEDINGS (ABOUT THE FALLACY OF THE TECHNOLOGICAL APPROACH TO THE CRIMINAL PROCESS)

Aleksandr V. Pobedkin, Head of the Department of Criminal Policy, Doctor of Legal Sciences, Professor Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (125993, Moscow, ul. Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh, d. 8)
E-mail: apobedkin71@mail.ru

Abstract. The article raises the question of the danger of the reckless spread of the craze for digital reforms in the field of criminal proceedings. The danger of an obvious digitalization fashion is fraught with oblivion of the many pressing problems of criminal proceedings requiring a first-priority solution. Currently, the digitalization of criminal proceedings is being discussed precisely in the wake of fashion. Proponents of its widespread adoption in the criminal process do not have a clear idea of the forms in which modern technology should be used in criminal proceedings. As a result, the organizational component of digitalization unreasonably mixes with the «digitization» of criminal procedure relations themselves. The quite possible (within reasonable limits) use of digital technologies in criminal procedural activities by their apologists is often unreasonably regarded as a «revolution» in criminal procedural theory and criminal procedural law. Thereby, the laws proved in the sphere of criminal process, proved by many years of scientific research, are threatened; the rights of a person having difficulty using gadgets; criminal proceedings turn into a dry bureaucratic activity, which cannot be due to its special social and moral purpose.

Keywords: digital technologies, digitalization of the criminal process, moral principles of the criminal process, scientific and technical means in criminal proceedings, evidence.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Победкин А.В. Этико-аксиологические риски моды на цифровизацию для уголовного судопроизводства (об ошибочности технологичного подхода к уголовному процессу). Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):50–55.

«...не может быть на земле судья преступника, прежде чем сам сей судья не познает, что и он точно такой же преступник, как и стоящий пред ним, и что он-то за преступника, стоящего пред ним, может, прежде всех и виноват. Когда же постигнет сие, то возможно стать и судиею».

Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы

Даже в результате беглого ознакомления с научными публикациями в области уголовного судопроизводства последних лет, содержанием научных форумов по вопросам совершенствования уголовно-процессуальной деятельности создается впечатление, что основной уголовно-процессуальной

проблемой является внедрение в уголовный процесс цифровых технологий. Все остальные болевые точки вроде бы успешно сняты: права и свободы человека обеспечены на должном уровне, уголовный процесс справедлив и эффективен, обстоятельства по уголовным делам всегда устанавливаются быстро и правильно, потерпевший имеет доступ к правосудию в полном объеме, приговоры правосудны, правда и нравственность торжествуют в судах. Как минимум, создается впечатление, что все проблемы такого рода или второстепенны или могут быть легко решены переводом уголовного процесса на цифровую платформу.

В массовом увлечении цифровыми технологиями нет ничего удивительного. Психологи довольно легко могли бы объяснить механизмы распространения и захвата человеческого сознания некими идеями, формами поведения, занимающими на определенный промежуток времени (чаще всего, короткий) доминирующее положение как в массовом, так и в индивидуальном сознании. Ничего нового в таких механизмах нет. Неумеренная тяга цифровизировать уголовное судопроизводство объясняется двумя феноменами, которые, вступая между собой во взаимодействие, раскручивают маховик активности. Это мода и эффект реформ. Модные течения, подхваченные эффектом реформ, поистине не имеют берегов.

Неразумно было бы отрицать, что прорыв, который так необходим России, неразрывно связан с использованием новейших информационно-коммуникационных, в том числе и цифровых технологий. Документы стратегического планирования предусматривают систему широкомасштабных глобальных мероприятий, которые, будучи реализованными, позволят нашей стране занять место в группе лидеров по уровню технологического развития (Указы Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы; от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года; от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и др.).

Конечно, влияние цифровых технологий должны испытывать все сферы общественной жизни. Вместе с тем, они содержательно принципиально различны, характеризуются имманентными специфическими чертами, которые не могут не учитываться при оценке масштабов внедрения в них тех или иных технологий.

Право — явление, имеющие социальные корни, оно рождено из общественной потребности упорядочения отношений между людьми и, при всех разных на него взглядах, хотя бы и с формальной точки зрения представляет собой систему правил поведения. Все способы их выражения, реализации всегда были и будут только средствами, а не сутью права. В этой связи сама постановка вопроса о необходимости создания «цифрового права»¹ требует принципиального уточнения [1]. О чем идет речь: о регулировании отношений в области использования цифровых технологий, или об их применении в ходе реализации норм права, или об особенностях работы с электронными источниками информации? Вероятно, называть «цифровым правом» нормы, определяющие некие концептуальные понятия в области информации, в том числе и цифровой, работы с ней, условно и можно. Такие нормы заложены, пусть и в зачаточном состоянии, в федеральном законодательстве (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»), ряде подзаконных нормативных актов и пока вряд ли могут быть достаточным основанием для того, чтобы считать «цифровое право» самостоятельной отраслью права. Однако, даже в случае создания надлежащих условий для ее выделения, некоторые правила работы с электронными источниками информации, использования информационных технологий, заложенные в систему норм иной отрасли права, будут составлять содержание именно этой отрасли, а никак не цифрового права.

Уголовное судопроизводство, будучи особой сферой деятельности, сопряженной с решением человеческих судеб, пронизанной нравственными началами больше чем правовыми, безусловно, не может обходиться без использования научно-технических достижений. Действительно, таковые как в современном отечественном уголовном судопроизводстве, так и в деятельности по его организационному обеспечению используются недостаточно эффективно².

Это, однако, не повод для абсолютизации стремления оцифровать уголовный процесс, превращения цифровизации в навязчивую идею, практически идеологию [3, с. 245–249], для ложных представле-

¹ Такой же вопрос ставится в Докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 г. // Российская газета. 2019, 11 июня.

² Отдельные предложения по более эффективному использованию информационных технологий при производстве по уголовным делам высказывались и автором настоящей работы [2, с. 27–38].

ний о найденной «кнопке», которая решит застарелые уголовно-процессуальные проблемы, последовательно уходящие из фокуса внимания процессуалистов именно в результате модного увлечения цифровизацией.

Даже самые активные сторонники организации уголовного судопроизводства исключительно на цифровой платформе [4, с. 24–34; 5] признают, что на нее должен переводиться лишь эффективный уголовный процесс³.

Мода на цифровизацию ввергла исследователей в горячку, пока не позволяющую, даже невзирая на многочисленные проведенные конференции, разобратся в вопросе о том, что собственно вообще имеется ввиду под цифровизацией уголовного судопроизводства. Между тем, принципиально важно определиться: нужна ли цифровизация собственно уголовно-процессуальных отношений (процессуальная регламентация порядка реализации процессуальных прав, исполнения уголовно-процессуальных обязанностей на цифровой платформе), либо речь идет только об оптимизации делопроизводства с использованием цифровых технологий. Последнее вообще не должно быть предметом внимания процессуалистов, тогда как первое вполне заслуживает разумного обсуждения (в части обеспечения более эффективного доступа жителей страны к правосудию, повышения уровня защиты и возможности реализации их прав при сохранении, однако, традиционных форм общения человека с должностным лицом, ответственным за осуществление уголовного судопроизводства).

Подчеркиваем, необходимо именно разумное обсуждение. Практика уголовного судопроизводства в мире убедительно показывает, что развитие цифровых технологий не способно кардинально повлиять на процессуальную форму, как не смогли повлиять на нее изобретение колеса, запуск космических кораблей, изобретение радио и т.д. [7, с. 15–25].

В этой связи представляется разумным предположение, согласно которому большей частью цифровые технологии должны использоваться именно в делопроизводственной сфере, и особенно активно — в сфере организации отношений между собой должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу (например, в части обмена материалами между руководителем следственного органа и прокурором, прокурором и судьей и др.).

Попытки кардинальной реформы собственно содержания уголовного процесса (уголовно-процессуальных отношений) путем ломки концептуальных

уголовно-процессуальных категорий и институтов достаточного основания под собой не имеют по двум основным причинам.

Причина первая. Цифровая информация — всего лишь вид информации, имеющей, конечно, некоторые особенности, как их имеет и любая другая информация — аудиальная, визуальная, письменная и т.д. Однако, под каждый вид информационного сигнала корректировать уголовно-процессуальный закон — занятие бесперспективное.

Между тем, предложения отказаться в связи с развитием цифровых технологий от убедительно доказанных положений уголовно-процессуальной теории, апробированных ключевых процессуальных норм, часто звучат на научных форумах и со страниц юридической литературы.

Настаивают даже на изменении нормативной дефиниции доказательств, которые определять как «любые сведения и информацию, отраженные в документах, процессах, предметах или объектах ... доступные для верификации и установления аутентичности...», которые «могут быть представлены в рукописной, типографской и электронной формах» [8, с. 13], а для электронных доказательств предлагаются свои критерии относимости, допустимости и достоверности [8, с. 12].

Озвучено категоричное мнение: электронные доказательства — самостоятельный вид доказательства [9, с. 129–133], т.е. «сведения, содержащиеся в электронном документе и/или на электронном носителе информации...» [9, с. 133]. Верно констатируя, что необходимость выделения того ли иного вида доказательства определяется особенностями собирания доказательств, обусловленными спецификой сведений [9, с. 132], сторонники этого мнения подменяют аргументацию. Действительно, специфика электронной информации не вызывает в науке серьезных возражений [9, с. 129–132], однако это не может считаться достаточным аргументом выделения самостоятельного вида доказательств. Самостоятельный вид доказательств объективно необходим тогда, когда речь идет о специфике физической формы информационного сигнала, воспринимае-

³ Справедливости ради заметим, что видение эффективности процесса указанными авторами (депроцессуализация досудебного производства, отказ от процессуальной фигуры следователя, обвинение частными лицами в цифровой среде и т.д.) представляется крайне спорным. Из той же серии весьма сомнительных надежд на всемогущество цифровых технологий ожидания, что они так серьезно поспособствуют обеспечению прав человека, что заявитель сам с помощью электронных технологий сможет выбирать квалификацию преступления [6, с. 91–100].

мого должностным лицом, собирающим доказательство. Электронная же информация специфична только с точки зрения ее носителя (условно и, заметно упрощая: электронная информация воспринимается не с бумаги, предмета, а электронного носителя, файла, оставаясь при этом аудиальной, письменной вербальной, предметно-образной).

Другой же критерий, выделяемый авторами, настаивающими на самостоятельности электронной информации как в виде доказательств — особенности собирания, фиксации доказательств, — является не критерием, а следствием особенностей физической формы информации. Однако, способы вовлечения в уголовное судопроизводство информации, содержащейся на электронных носителях, вполне традиционны и зависят от физической природы воспринимаемого должностным лицом сигнала: осмотр, обыск, выемка, принятие представленных предметов. Отдельные особенности процессуальной формы осмотра и копирования информации с электронных носителей никак не могут считаться достаточными для выделения самостоятельного источника доказательств, как не являются основанием для этого и особенности работы с письменными документами, аудио-, видео- и другими документами. В самом деле, нельзя же считать обязательное участие специалиста при изъятии электронных носителей (задача которого — решить вопрос о том, может ли копирование информации с электронного носителя повлечь за собой ее утрату или изменение, а также оказать содействие в копировании) глобальной особенностью, обуславливающей выделение самостоятельного вида доказательств⁴.

Обратим внимание, что ни в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (известно, что в арбитражном судопроизводстве новейшие информационно-телекоммуникационные технологии активно используются), ни в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее соответственно — АПК РФ, ГПК РФ) в числе видов доказательств вполне обоснованно не предусмотрен такой вид доказательств, как электронное доказательство⁵.

Ссылки же на наличие регламентации электронных доказательств в ряде зарубежных государств [10, с. 238] для России не имеет существенного практического значения ввиду особой нормативной дефиниции доказательства и традиционных отечественных теоретических представлений об уголовно-процессуальном доказывании.

Очевидно, что на волне моды УПК РФ к месту и не к месту последовательно загромождается оговор-

ками относительно электронных носителей информации (например, не к месту — ч. 4 ст. 81, ч. 1 ст. 81.1, п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ), что создает ложное представление о некоем особом доказательственном характере электронных носителей информации, хотя даже по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности основными доказательствами являются не электронные носители, а письменные документы, изымаемые в огромных объемах, относительно работы с которыми никаких процессуальных особенностей в УПК РФ не предусмотрено (похоже только потому, что письменный документ — не в модном тренде).

Причина вторая. Увлечение цифровизацией чревато выхолащиванием из уголовного судопроизводства человека с его чувством ответственности, нравственностью, опытом, человечностью. Возникает опасность игнорирования возможностей и потребностей невластных участников уголовного процесса.

Показательно, что, невзирая на все достоинства цифровых технологий, граждане их сильно опасаются. Это констатирует и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, к которому, как следует из вышеуказанного его доклада, в 2018 г. поступили многочисленные обращения именно по вопросу цифровизации, использования цифровой подписи. В докладе это связывается с недостаточной разъяснительной работой с населением, однако не отрицается, что развитие цифровых технологий и в самом деле таит в себе «известные опасности, связанные с возможностью ограничения права на свободу, расширением механизмов контроля над личностью», а «государству и гражданскому обществу еще предстоит поиск социального компромисса относительно решения данной фундаментальной коллизии между правом на безопасность и качество жизни, с одной стороны, и правом на личную свободу, — с другой».

Нет сомнений, что опасность цифровых технологий и в этом тоже. Однако, она и в другом. Во-первых, — в размежевании власти и человека, в ограничении возможности невластных участников уголовного судопроизводства прямого личного обще-

⁴ М.И. Воронин как раз и пишет, что сохранность и достоверность электронной информации обеспечивается, прежде всего специалистом [9, с. 132]. Заметим, что сохранность любого вида доказательства обеспечивается должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело. Им же устанавливается (отнюдь — не обеспечивается) достоверность.

⁵ Вместе с тем, различие в перечнях видов доказательств в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ), АПК РФ и ГПК РФ с точки зрения единых познавательных закономерностей критики не выдерживает.

ния с теми, кто призван решать их судьбу. Уголовное судопроизводство — сфера человеческой деятельности, которая не может быть исчерпана чиновничьими характеристиками. Она, как сопряженная с некой особой миссией (восстановление справедливости, нравственная оценка содеянного, воздаяние за содеянное), неизбежно предъявляет неизмеримо более высокие требования к лицам, ее осуществляющим, и никак не может сводиться к обмену документами между ними и другими участниками процесса. Иначе говоря, деятельность должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс, не ограничена правоотношениями и включает в себя выполнение миссии человеческого общения. Личное взаимодействие ходе процессуального действия позволяет человеку реализовать потребность (при ее наличии) в исповедальности, проникнуться чертами того, кому предстоит решать его судьбу, поверить (в худшем случае — не поверить) в него. Интернет, цифровые платформы здесь помощники далеко не всегда, как никакой виртуальный храм не заменит настоящего.

Опасность цифровых технологий и в их ненасытности. Развиваясь, они, по аналогии с раковыми клетками, начинают пожирать обычные формы взаимодействия вне зависимости от возможностей человека такими технологиями воспользоваться. Так, например, налоговые органы зачастую уже не утруждают себя рассылками уведомлений о налогах, подлежащих уплате, возложив всю ответственность на налогоплательщика. Учитывать, что некоторые категории жителей страны могут не иметь соответствующих гаджетов, навыков пользования ими, близких людей готовых в этом помочь, никто, конечно, не хочет. В уголовном судопроизводстве такое бездушие губительно. Развитие цифровых технологий общения человека и должностного лица, наделенного властными полномочиями в уголовном процессе, допустимо только при условии сохранения и традиционных форм взаимодействия и выбор варианта — безусловное право человека. Взвешенные суждения, согласно которым внедрение цифровых технологий необходимо там, где требуется усилить гарантии реализации прав личности (предоставление большей информации о движении уголовного дела и др.) не поддержать, конечно, нельзя [11, с. 149].

Упование на могущество цифровых технологий как на панацею разрушает и без того во многом утраченную готовность должностных лиц, принимающих процессуальные решения, нести за них человеческую и процессуальную ответственность. Попытки заменить сплав совести, опыта, милосердия, справедливо-

сти и твердости как основы процессуальных решений механистическими методами упречны с точки зрения как нравственности, так и эффективности. Справедливое решение — далеко не всегда математически верное, потому нельзя поддерживать и желание отдельных специалистов внедрить в процесс принятия процессуальных решений искусственного интеллекта, в том числе и по «бесконфликтным делам» [6, с. 96], даже, несмотря на опыт США, где требования населения к ходу и результатам уголовного судопроизводства принципиально отличны от российских. Зарубежный опыт требует особенно внимательного и скрупулезного анализа на предмет его заимствования именно потому, что в России, в силу особых духовно-нравственных характеристик народа, он может и не прижиться.

В этой связи и выразительная категоричность суждений о неизбежности следования по пути зарубежных государств (например: «Цифровизация в Российской Федерации должна пойти по уже апробированной дороге развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве. Вариантов нет» [6, с. 97]) как в Грузии, Казахстане, Эстонии, Саудовской Аравии, в которой производство по уголовному делу зачастую завершается за два дня [6, с. 97]. Завершить процесс за два дня можно. При соответствующем изменении процессуальной формы, это дело нехитрое. Однако, нельзя забывать и собственном историческом опыте молниеносных процессов, загубленных человеческих судьбах, подорванном авторитете власти, генетической потребности россиянина в справедливости, которая иногда и может потребовать и времени.

Использование новейших, включая цифровые, технологий в интересах уголовного процесса (как в рамках процессуальной формы, так и в организационной сфере), вне всяких сомнений, необходимо. Однако, для этого нет никакой объективной потребности ломать традиционные институты и понятия, предавать забвению особое социальное предназначение уголовного процесса как средства восстановления справедливости и переключать вектор научного обеспечения с решения сущностных проблем отечественного уголовного судопроизводства исключительно (или в большей мере) на его цифровизацию.

Литература

1. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018, 30 мая.
2. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях ин-

формационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51).

3. Поляков М.П., Смолин А.Ю. Цифровые технологии на службе правосудия: идеологические предпосылки и технические перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42).

4. Александров А.С. Русский уголовно-процессуальный догматизм или цифровой мир: что победит? // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: Мат. Всерос. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. К.А. Калиновского, Л.А. Зашляпина, 2018.

5. Потапов Д.В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

6. Зув С.В. Трансформация уголовного судопроизводства: перспективы и возможные риски // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения): Мат. конф. В 3 ч. Ч. 3. М.: РГ-Пресс, 2019.

7. Головки Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1.

8. Медведева М.О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

9. Воронин М.И. Электронные доказательства — самостоятельный вид доказательств // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения): Мат. конф. В 3 ч. Ч. 3. М.: РГ-Пресс, 2019.

10. Вилкова Т.Ю. Досудебное производство в условиях развития цифровых технологий в России и за рубежом: сравнительный анализ // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения): Мат. конф. В 3 ч. Ч. 3. М.: РГ-Пресс, 2019.

11. Попова И.П. Нравственные основания уголовного судопроизводства в аспекте цифровых технологий // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: XVI Междунар. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения): Мат. конф. В 3 ч. Ч. 3. М.: РГ-Пресс, 2019.

References

1. Zor'kin V.D. Pravo v tsifrovom mire // Rossiyskaya gazeta. 2018, 30 maya.

2. Gavrilin Yu.V., Pobedkin A.V. Modernizatsiya ugolovno-protsessual'noy formy v usloviyakh informatsionnogo obshchestva // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2019. № 3 (51).

3. Polyakov M.P., Smolin A.Yu. Tsifrovye tekhnologii na sluzhbe pravosudiya: ideologicheskiye predposylki i tekhnicheskiye perspektivy // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2018. № 2 (42).

4. Aleksandrov A.S. Russkiy ugolovno-protsessual'nyy dogmatizm ili tsifrovoy mir: chto pobedit? // Yuridicheskaya istina v ugolovnom prave i protsesse: Mat. Vseros. nauch.-prakt. konf. / Pod obshch. red. K.A. Kalinovskogo, L.A. Zashlyapina, 2018.

5. Potapov D.V. Problemy vzaimodeystviya sledovatelya, rukovoditelya sledstvennogo organa i prokurora v dosudebnoy proizvodstve po ugolovnomu delu: Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2019.

6. Zuev S.V. Transformatsiya ugolovnogo sudoproizvodstva: perspektivy i vozmozhnyye riski // Rossiyskaya pravovaya sistema v usloviyakh chetvertoy promyshlennoy revolyutsii: XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kutafinskie chteniya): Mat. konf. V 3 ch. Ch. 3. M.: RG-Press, 2019.

7. Golovko L.V. Tsifrovizatsiya v ugolovnom protsesse: lokal'naya optimizatsiya ili global'naya revolyutsiya? // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2019. № 1.

8. Medvedeva M.O. Ugolovno-protsessual'naya forma informatsionnykh tekhnologiy: sovremennoe sostoyaniye i osnovnyye napravleniya razvitiya: Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2018.

9. Voronin M.I. Elektronnyye dokazatel'stva — samostoyatel'nyy vid dokazatel'stv // Rossiyskaya pravovaya sistema v usloviyakh chetvertoy promyshlennoy revolyutsii: XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kutafinskie chteniya): Mat. konf. V 3 ch. Ch. 3. M.: RG-Press, 2019.

10. Vilkova T.Yu. Dosudebnoye proizvodstvo v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy v Rossii i za rubezhom: sravnitel'nyy analiz // Rossiyskaya pravovaya sistema v usloviyakh chetvertoy promyshlennoy revolyutsii: XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kutafinskie chteniya): Mat. konf. V 3 ch. Ch. 3. M.: RG-Press, 2019.

11. Popova I.P. Nravstvennyye osnovaniya ugolovnogo sudoproizvodstva v aspekte tsifrovyykh tekhnologiy // Rossiyskaya pravovaya sistema v usloviyakh chetvertoy promyshlennoy revolyutsii: XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Kutafinskie chteniya): Mat. konf. V 3 ch. Ch. 3. M.: RG-Press, 2019.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Елена Николаевна Клещина, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, доктор юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9)
E-mail: elena-kleshchina@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются тенденции совершенствования уголовно-процессуального закона с учетом развития информационных технологий. Делается вывод о том, что внесенные в последние годы в текст УПК РФ изменения и дополнения не в полной мере отражают современные реалии, складывающиеся в правоприменительной практике, что требует своего решения на законодательном уровне.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон, вещественные доказательства, следственные действия, участники уголовного процесса.

ABOUT IMPROVEMENT OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW IN THE CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES

Elena N. Kleshchina, Professor of the Department of Criminology and Criminal Enforcement Law, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor
Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (125993, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9)
E-mail: elena-kleshchina@mail.ru

Abstract. Trends in improving the criminal procedure law are considered taking into account the development of information technology. It is concluded that the amendments and additions made to the text of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in recent years do not fully reflect current realities that are emerging in law enforcement practice, which requires its decision at the legislative level.

Keywords: criminal procedure law, material evidence, investigative actions, participants of the criminal process.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Клещина Е.Н. О совершенствовании уголовно-процессуального закона в условиях развития информационных технологий. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):56–58.

Важнейшим фактором развития современного общества является использование и совершенствование информационных технологий. Такие процессы ведут к созданию единого информационного пространства, представляющего собой совокупность различных баз, банков данных, технологий их ведения и использования, информационно-телекоммуникационных систем и сетей, функционирующих на основе единых принципов, обеспечивающих информационное взаимодействие граждан, организаций, государства.

В этих условиях чрезвычайно важное значение имеет своевременное совершенствование законодательства, в том числе и уголовно-процессуального закона, регулирующего порядок производства по уголовному делу.

Важно отметить, что в последние годы и в основном в период с 2012 г. по 2018 г. в уголовно-процессуальный закон был внесен ряд поправок, в основном направленных на уточнение порядка производства следственных действий.

Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ была изменена ч. 4 ст. 81 УПК РФ и изложена в следующей редакции: «Изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами предметы, включая электронные носители информации, и документы подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты, с учетом требований ст. 6.1 УПК РФ».

Этим же Федеральным законом ст. 82 УПК РФ была дополнена п. 5 ч. 2, в соответствии с которой

вещественные доказательства в виде электронных носителей информации:

а) хранятся в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность ознакомления посторонних лиц с содержащейся на них информацией и обеспечивающих их сохранность и сохранность указанной информации;

б) возвращаются их законному владельцу после осмотра и производства других необходимых следственных действий, если это возможно без ущерба для доказывания.

Далее, Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ была изменена редакция ч. 7 ст. 185 УПК РФ, в соответствии с действующей редакцией, при наличии достаточных данных полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, следователем по решению суда могут быть проведены их осмотр и выемка.

Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ в УПК РФ была введена ст. 164.1, регламентирующая особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий.

Согласно обозначенной статье, при производстве по уголовным делам, указанным в ч. 4.1 ст. 164.1 УПК РФ, изъятие электронных носителей информации не допускается, за исключением случаев, когда:

1) вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации;

2) изъятие электронных носителей информации осуществляется на основании судебного решения;

3) на электронных носителях информации содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владелец электронного носителя информации не обладает либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение.

В рассматриваемой статье также регламентировано, что электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста. По ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них ин-

формации специалистом, участвующим в следственном действии, в присутствии понятых с изымаемых электронных носителей информации осуществляется копирование информации. В случае копирования информации делается отметка в протоколе следственного действия.

Указанным Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. также в ст. 164 УПК РФ была введена ч. 4.1, в соответствии с которой при производстве следственных действий по уголовным делам о преступлениях, круг которых определен в ч. 4 ст. 164 УПК РФ, не допускается необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе не допускается необоснованное изъятие электронной информации, за исключением случаев, предусмотренных ст. 164.1 УПК РФ, перечисленных нами выше.

В приведенных нормах УПК РФ, которые введены в закон, очевидно, не только стремлением законодателя упорядочить условия хранения вещественных доказательств, а также производства следственных действий, с учетом необходимости изъятия электронных носителей информации, но и стремлением обеспечить охрану прав не только юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, но и любой личности при их производстве.

Следует отметить, что указанные поправки в УПК РФ являются и результатом реализации положений Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации (Будапешт, 2001 г.). Положения рассматриваемой Конвенции необходимы для сдерживания действий, направленных против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем, сетей и компьютерных данных, а также против злоупотребления такими системами, сетями и данными путем обеспечения уголовной наказуемости деяний, обозначенных в Конвенции, и предоставления полномочий, достаточных для эффективной борьбы с такими преступлениями, а также разработки договоренностей относительно оперативного и надежного международного сотрудничества.

В Конвенции обозначены меры, которые следует принять на национальном уровне государствам, ее ратифицировавшим, в том числе и меры, направленные на совершенствование процессуального законодательства, в частности, порядка производства обыска и выемки хранимых компьютерных данных, а

также совершенствование международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Однако, изменения, внесенные в последние годы в текст УПК РФ, не в полной мере отражают современные реалии, складывающиеся в обществе и требующие своего решения на законодательном уровне.

К примеру, в практической деятельности следователей, дознавателей до настоящего времени отсутствует единый подход при работе с электронными сообщениями, поступившими и хранящимися, например, в телефонах участников уголовного процесса или с письмами, поступившими на их электронную почту, и содержащими важные сведения, имеющие значение для уголовного дела, на основе которых могут быть установлены обстоятельства, подлежащие доказыванию. По-другому говоря, не сложился единообразный подход к изъятию такой информации и приобщению ее к материалам уголовного дела, что объясняется отсутствием законодательной регламентации такого порядка.

В этой связи, нами поддерживается позиция ученых о том, что необходимо введение в УПК РФ такого вида доказательства, как «электронное доказательство». По нашему мнению, справедливо подчеркивают О.А. Зайцев, П.С. Пастухов о том, что в современный период «возрастает доля электронной информации в средствах уголовно-процессуального доказывания» [3, с. 41].

Е.С. Дворецкая указывает на то, что «было бы целесообразно установить в законе исчерпывающий перечень электронных доказательств, определив их по аналогии с письменными доказательствами, а именно посредством перечисления: электронный документ, электронное сообщение, иные электронные доказательства. Соответственно необходимо законодательно закрепить понятие электронного документа как документированной информации, представленной в электронной форме, и имеющей значение для рассмотрения и разрешения уголовного дела» [2, с. 81].

М.И. Воронин указывает на то, что «для нужд уголовно-процессуального регулирования вполне достаточным будет определение и использование таких понятий, как «электронное доказательство», «электронный документ», «электронный носитель информации». При этом, под «электронным доказательством» следует понимать сведения, содержащиеся в электронном документе и (или) на электронном носителе информации, на основании которых субъекты доказывания устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [1, с. 79].

Таким образом, в современных реалиях очевидна необходимость дальнейшего развития уголовно-процессуального закона и практики его применения.

Литература

1. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. 2019. № 7. С. 79.
2. Дворецкая Е.С. Проблемы применения электронных доказательств // Государство и право. 2019. № 2. С. 81.
3. Зайцев О.А., Пастухов П.С. Использование информационных технологий в российском уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 41.

References

1. Voronin M.I. Elektronnyye dokazatel'stva v UPK: byt' ili ne byt'? // Lex russica. 2019. № 7. S. 79.
2. Dvoret'skaya E.S. Problemy primeneniya elektronnykh dokazatel'stv // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 2. S. 81.
3. Zaytsev O.A., Pastukhov P.S. Ispol'zovanie informatsionnykh tekhnologiy v rossiyskom ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2016. № 5. S. 41.

СЛЕДСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ

Юрий Анатольевич Цветков, директор Научно-исследовательского института, кандидат юридических наук, доцент Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (125080, Москва, ул. Врубеля, д. 12)
E-mail: yutsvet@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена издержкам информатизации и цифровизации, которые в комплексе обозначаются как ситуация постправды. В условиях широкого доступа к большим массивам данных (big data) и отсутствия четких критериев отграничения истины от искажения и дезинформации становится возможной манипуляция общественным сознанием в деструктивных целях. На примере обсуждения проблемы следственной власти показано, как неточности в методологии приводят к искажениям результатов социологических исследований. Эмпирической базой работы служат результаты социологического исследования по изучению общественного мнения о деятельности Следственного комитета Российской Федерации и других правоохранительных органов, проведенного научно-исследовательским институтом Московской академии СК России.

Ключевые слова: Следственный комитет, правоохранительные органы, общественное мнение, эффект Линди, идиосинкразический кредит, антихрупкость.

INVESTIGATIVE POWER IN THE POST-TRUTH ERA

Yuriy A. Tsvetkov, Director of the Research Institute, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (125080, Moscow, ul. Vrubelya, d. 12)
E-mail: yutsvet@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the costs of Informatization and digitalization, which are collectively referred to as the post-truth situation. In the conditions of wide access to large data sets (big data) and the absence of clear criteria for distinguishing truth from distortion and misinformation, it becomes possible to manipulate public consciousness for destructive purposes. On the example of the discussion of the problem of investigative power it is shown how inaccuracies in the methodology lead to distortions of the results of sociological research. The empirical basis of the work is the results of a sociological study on the study of public opinion on the activities of the Investigative Committee of the Russian Federation and other law enforcement agencies, conducted by the research Institute of the Moscow Academy of the IC of Russia.

Keywords: Investigative Committee, enforcement authorities, public opinion, Lindy effect, idiosyncratic credit, antifragility.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Цветков Ю.А. Следственная власть в эпоху постправды. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):59–64.

Все, что нас не убивает, делает нас сильнее
Ф. Ницше

Если вы окажетесь в Нью-Йорке, не лишайте себя удовольствия попробовать один из символов американской кулинарии — чизкейк «Нью-Йорк» под клубничным соусом. Лучший его образец подают в ресторане Lindy's на Бродвее. Именно оттуда себе на завтрак ежедневно заказывала чизкейк Элизабет Тейлор, в какой бы части света она ни находилась. Впрочем, прославился Lindy's не только своими кондитерскими достижениями, но и открытием такого научного феномена, как *эффект Линди*.

Завсегдатаи ресторана, — актеры, режиссеры и критики, лакомясь чизкейками и обсуждая бродвейские премьеры, выявили закономерность. У спектаклей, которые продержались на сцене сто дней, ожи-

даемая продолжительность жизни — еще, как минимум, сто дней. Если спектакль пользуется успехом уже двести дней, значит, он продержится столько же, и т.д. Специалист в области прогнозирования, в прошлом профессиональный трейдер, Нассим Талеб считает эффект Линди одним из самых надежных эвристических правил [5, с. 207–223]. Оно может стать надежным ориентиром для принятия правильных стратегических решений в эпоху *постправды*, в которую человечество вошло после таких знаковых событий, как Brexit и президентские выборы в США 2016 г. Именно тогда рухнуло доверие западного общества к оплоту демократии — независимым СМИ. Современные информационные и цифровые технологии сделали доступным огромный массив знаний и возможность высказывания своего мнения для непрофессионалов. Соответственно, произошла девальвация знания, ос-

нованного на экспертных суждениях, комментариях и новостных сообщениях [8]. В этой статье мы покажем, насколько зыбкими могут быть оценки, основанные на данных социологических исследований, и как резонансные события могут быть использованы в целях манипулирования общественным мнением для дискредитации следственной власти.

В 2020 г. исполняется 10 лет Федеральному закону № 403 «О Следственном комитете Российской Федерации». Если применить эффект Линди, то можно спрогнозировать, что Следственный комитет будет работать еще не менее десяти лет. Конечно, такой прогноз опирается, в первую очередь, на объективные данные (социальная востребованность) и не в состоянии учесть всех субъективных факторов, которые могут возникнуть в результате изменения политической конъюнктуры. Социологическое исследование общественного мнения о деятельности Следственного комитета, проведенное научно-исследовательским институтом Московской академии СК России¹, подтверждает этот прогноз. Вместе с тем, оно выявило и те зоны риска, на которых следует максимально сосредоточить внимание. Проведение собственного исследования стало необходимым ввиду неоднозначности результатов аналогичных исследований, проводимых другими социологическими службами. Особенно важно было разобратся с уровнем доверия общества к правоохранительным органам на фоне такого знакового события 2019 г., как задержания по подозрению в сбыте наркотиков журналиста «Медузы» Ивана Голунова.

Интернет-издание на своем портале опубликовало интервью с директором по исследованиям Института проблем правоприменения при Европейском университете К.Д. Титаевым. Необходимо отметить, что перу этого автора принадлежит серия социологических исследований о деятельности российских правоохранительных органов, в том числе и следственных [6]. Направленность публикации задает ее название: «Мы знаем, что правоохранительная система в России прогнила. Но как это произошло — и что с этим делать». В самом интервью собеседники развивают этот тезис, хотя он основан всего лишь на одном конкретном эпизоде. Однако, детальный разбор текста позволяет нам увидеть технологию манипуляции данными, столь характерной для эпохи постправды.

Социолог утверждает, что «наши правоохранительные органы — это испорченные советские правоохранительные органы» (*в отечественной истории*

аналогов Следственному комитету не было). Корнем всех проблем является институт предварительного следствия и процессуальная фигура следователя, которая, как он утверждает, возникла в 1930-е г. на базе НКВД (*на самом деле, уже в 1808 г. в системе МВД была учреждена должность следственного пристава*). Именно на стадиях предварительного следствия якобы возникают пытки и фальсификации, и прочие негативные стороны уголовного судопроизводства (*на самом деле именно на стадии следствия удается выявить пытки и фальсификации, совершенные в ходе ОРМ, и отфильтровать такие дела, примером чему как раз и является дело в отношении И. Голунова*). Воплощением следственной идеи является образованный в 2007 г. Следственный комитет (*это верно*), в котором реализована наихудшая из возможных моделей организации досудебного производства (*а вот это спорно*). Самым оптимальным, в том числе и с точки зрения защиты прав человека, вариантом было бы создание такой модели, при которой полиция раскрывала преступления и при минимальном участии прокуратуры оперативно передавала их на рассмотрение в суд. Последнюю модель социолог почему-то называет «классической» (*таковой она является только для стран англо-американской правовой семьи, в то время как даже для Германии она сравнительно новая — с 1974 г.*). На вопрос журналиста, есть ли данные о доверии общества к правоохранительным органам, К.Д. Титаев ответил, что таких данных нет². Однако, различными социологическими службами исследования в этой области проводились, хотя по причинам, о которых будет сказано ниже, делать на их основе однозначные выводы не следует. Именно поэтому мы и провели собственное исследование, результаты которого представляем здесь.

Тезис «Медузы» о том, что правоохранительная система в России прогнила, не нашел подтверждения. Уровень доверия общества к основным правоохранительным органам в целом находится на приемлемом уровне. Именно орган следственной власти — Следственный комитет Российской Федерации — вместе с ФСБ России, по уровню доверия граждан занимает

¹ Исследование проведено в июне 2019 г. методом личного формализованного интервью на выборке объемом 1500 респондентов, репрезентирующей население России по региону, полу, возрасту, уровню образования и роду занятий.

² URL: <https://meduza.io/feature/2019/06/26/my-znaem-chto-pravoohranitelnaya-sistema-v-rossii-prognila-no-kak-eto-proizoshlo-i-chto-s-etim-delat>

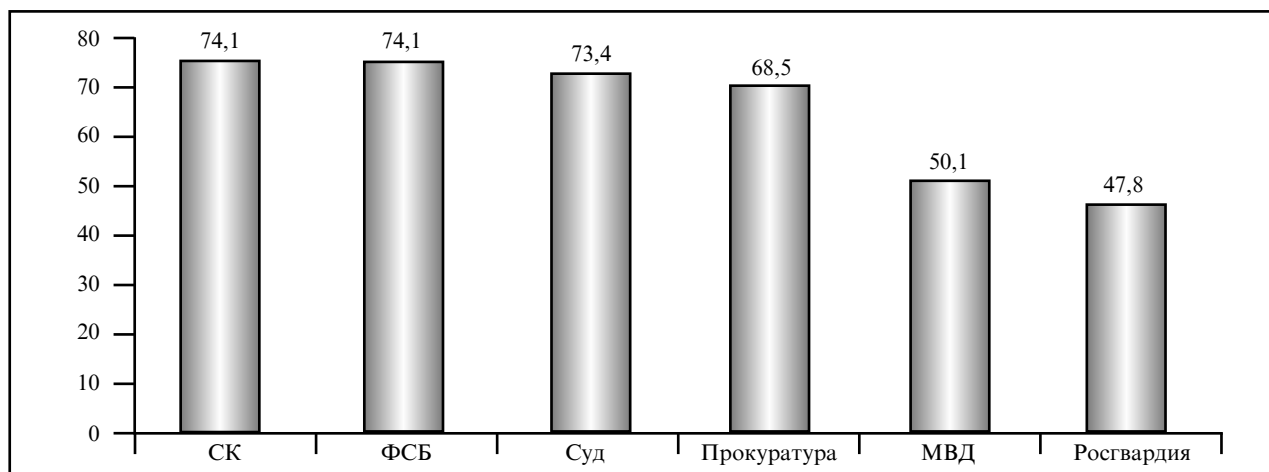

Рис. 1. Уровень доверия граждан России к правоохранительным органам

первое место (по 74,1%). Рейтинг доверия образуется из суммы показателей по категориям «Полностью доверяю» и «Скорее доверяю, чем не доверяю» (рис. 1).

В рейтинге абсолютного доверия («Полностью доверяю») СК России находится на третьем месте (27%) после ФСБ (32,3%) и суда (28,6%). Заметим, что оба метода построения рейтинга абсолютно правомерны, однако каждый из них дает различные результаты. Мы полагаем, что примененный нами метод более справедлив, иначе существенная доля голосов граждан оказалась бы потерянной.

Немалое значение имеет также способ формулирования вопросов респондентам: открытый (без указания конкретных органов) и закрытый (с указанием конкретных органов), как это было сделано в данном исследовании. В зависимости от способа формулирования вопросов существенно меняются показатели опросов. Так, широкий общественный резонанс получили данные ВЦИОМ 2019 г. о доверии главе государству, когда при открытом вопросе они составили 30,5%, а при закрытом — 72,3%³.

Рейтинги доверия правоохранительным органам нередко выстраиваются на основании вопросов, лишь косвенно указывающих на отношение граждан к этим органам (например, к кому они обратились бы в первую очередь с заявлением о нарушении их прав, либо узнаваемость руководителя того или иного ведомства). Впоследствии на их основе делаются выводы о том, что лидирует в них, например, прокуратура — (48%), на втором месте МВД России (21%), в то время как уровень доверия СК России составляет всего 9% [2]. Здесь необходимо учитывать, что у прокуратуры и МВД России более широкая, по сравнению со Следственным комитетом, сфера дея-

тельности. Вполне логично, что граждане чаще обращаются именно в эти органы. Однако, именно эти данные ошибочно трактуются как индикатор доверия общества в целом к тому или иному ведомству.

Показательно, что Следственный комитет сохраняет высокий уровень доверия общества, несмотря на серьезные репутационные издержки, понесенные в результате задержания в 2016 г. и последующего осуждения за получение взятки руководящих работников центрального аппарата и ГСУ СК России по г. Москве М.И. Максименко и Д.В. Никандрова. Данный эпизод был первым крупным коррупционным скандалом с момента образования ведомства, если не считать уголовного дела 2008 г. за аналогичное преступление в отношении бывшего руководителя ГСУ СК при прокуратуре РФ Д.П. Довгия. С социально-психологической точки зрения этот феномен объясняется наличием у Следственного комитета так называемого *идиосинкразического кредита*.

Идиосинкразический кредит — это готовность общества (группы) прощать лидеру или, как в нашем случае, организации те или иные неэффективные, ошибочные решения, игнорировать негативную информацию об их деятельности. Эффект описан американским социальным психологом Е. Холландером. Ученый объяснял его двумя факторами, действующими как по отдельности, так и в комбинации. Во-первых, группа наделяет таким кредитом новых, молодых лидера или организацию, на которых возлагают большие надежды. Во-вторых, деятельность их обладает высокой групповой ценностью, на фоне которой отдельные недостатки кажутся не столь существенными

³ URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9728>

[9, с. 117–127]. В случае Следственного комитета говорить о молодости ведомства уже нельзя. Однако, утверждать, что его деятельность приносит российскому обществу пользу, и эта его полезность компенсирует в общественном сознании отдельные негативные аспекты его работы, на основании полученных данных можно определено. Таким образом, идиосинкразический кредит всегда будет исчерпываться на уровне предельной полезности организации для общества.

В целом различия в показателях доверия граждан между Следственным комитетом, ФСБ, прокуратурой и судом статистически незначительны, ими можно пренебречь. Более существенным является отрыв МВД, однако полученные ведомством 50% — это, тем не менее, не 21%, как по данным ВЦИОМ. А вот результаты Росгвардии указывают как раз на то, что «молодость» организации не во всех случаях является достаточным основанием для получения идиосинкразического кредита.

Характерной особенностью ситуации постправды и в целом важной проблемой оценки общественного мнения о деятельности правоохранительных органов является то, что источником его формирования служит не личный опыт гражданина, а тот образ, который сложился у него на основе информации, распространяемой по различным каналам.

Третья часть опрошенных респондентов имела опыт личного (продолжительного или однократного) общения с сотрудниками Следственного комитета. Однако, только четверть (22,5%) непосредственно соприкасалась с самой деятельностью ведомства. В основном это был однократный опыт (участие в качестве понятого или дача свидетельских показаний). Более половины респондентов сформировала свое мнение о деятельности ведомства на основе сведений из Интер-

нета. У 40% опрошенных представление о деятельности Следственного комитета сложилось на основе публикаций в прессе (газетах, журналах) и новостных, публицистических теле- и радиопередач. При этом 40% из них считают, что СМИ достаточно правдиво освещают работу Следственного комитета, а каждый пятый указал на то, что в таких публикациях недостаточно раскрывается значение ведомства. Каждый третий обсуждал сведения о деятельности Следственного комитета со своими друзьями, знакомыми и в кругу семьи. Для 15% респондентов источником мнения о деятельности ведомства явились слухи и беседы в общественных местах.

Большинство респондентов (71,5%) в основном удовлетворительно оценивает деятельность Следственного комитета. Только каждый восьмой (12,3%) выставил результатам деятельности оценку «неудовлетворительно». Из тех, кто лично соприкасался с деятельностью СК России, доля неудовлетворенных несколько выше — 19,2% (рис. 2).

Мы не станем подробно раскрывать характер положительных оценок деятельности Следственного комитета, — они приведены в статье исполняющего обязанности ректора Московской академии СК России А.М. Багмета [1, с. 2–4]. Основной критерий определения сведений, которым в ситуации постправды следует доверять, содержится в английской мудрости: «Если архиепископ Кентерберийский утверждает, что верит в Бога, значит, оно просто выполняет свою работу, а если признается, что не верит, значит, скорее всего, говорит правду». Поэтому мы проанализируем критические отзывы.

В комментариях тех 12,3% респондентов, которые работу Следственного комитета оценили неудовлетворительно, преобладают характеристики, часто

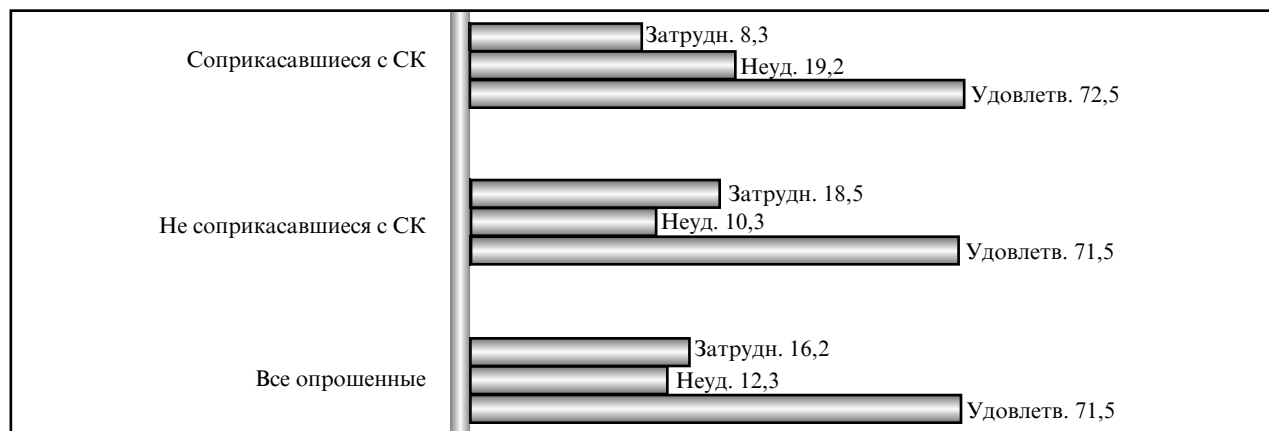

Рис. 2. Уровень удовлетворенности деятельностью СК России

ставящиеся в упрек практически всем правоохранительным органам (коррупционность, вседозволенность, недостаточный уровень профессионализма и культуры). Высокую эвристическую значимость для оценки качества системы СК России представляют ответы тех респондентов, которые имели продолжительный опыт взаимодействия со следственными органами — заявителей и потерпевших. Из тех, кто имел непосредственный опыт взаимодействия со Следственным комитетом (таковых, напомним, лишь четверть), 27,2% выступали в роли заявителя или потерпевшего. Большинство из них (74,8%) не удовлетворены или частично удовлетворены мерами, принятыми следственными органами СК России по результатам рассмотрения их обращений. Причины, по которым они дали такую оценку принятым в СК России мерам, отражены на рис. 3.

Оценивая показатель количества лиц, не удовлетворенных мерами, принятыми по их заявлениям в Следственном комитете, необходимо учитывать, что по большинству сообщений о преступлении принимаются решения об отказе в возбуждении уголовного дела. А это, безусловно, не то решение, которое является желаемым для заявителя и с которым он психологически готов согласиться. Так, в 2018 г. в следственные органы СК России поступило 738 147 сообщений о преступлениях. За этот период возбуждено 136 193 уголовных дела, а количество вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела составило 472 613. Удельный вес возбужденных уголовных дел к числу рассмотренных сообщений о преступлении составил 19,4%⁴. Следовательно, доля лиц, оставшихся неудовлетворенными принятыми по

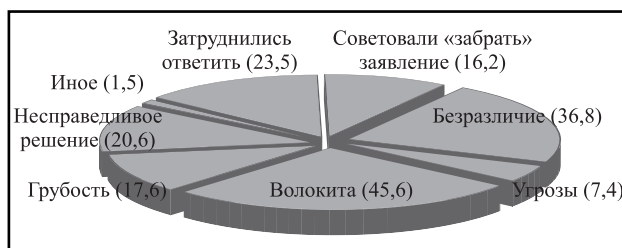

Рис. 3. Причины, по которым заявители не удовлетворены принятыми СК России мерами

их заявлению мерами (4/5), полностью совпадает с удельным весом решений об отказе в возбуждении уголовного дела в общей массе рассмотренных сообщений о преступлении (4/5).

Приведенные данные в значительной степени деформируют такие оценки, как «Несправедливость решения» и «Безразличие к проблеме, с которой обратился заявитель». Вместе с тем, трудно поддаются объяснению упомянутые респондентами факты неэтичного (грубость и угрозы) и недобросовестного (волокита, советы «забрать заявление») поведения следователей, даже невзирая на то, что в абсолютном выражении на них указала лишь малая часть опрошенных (52 человека из 1500). Решение этой проблемы может носить исключительно системный характер, сочетать образовательное, воспитательное и контрольное воздействия на систему.

Подавляющее большинство респондентов (примерно 3/4) признало, что в результате работы Следственного комитета полностью или в значительной

⁴ Материалы к расширенному заседанию коллегии СК России «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2018 г. и задачах на 2019 г.». М.: СК России, 2019.

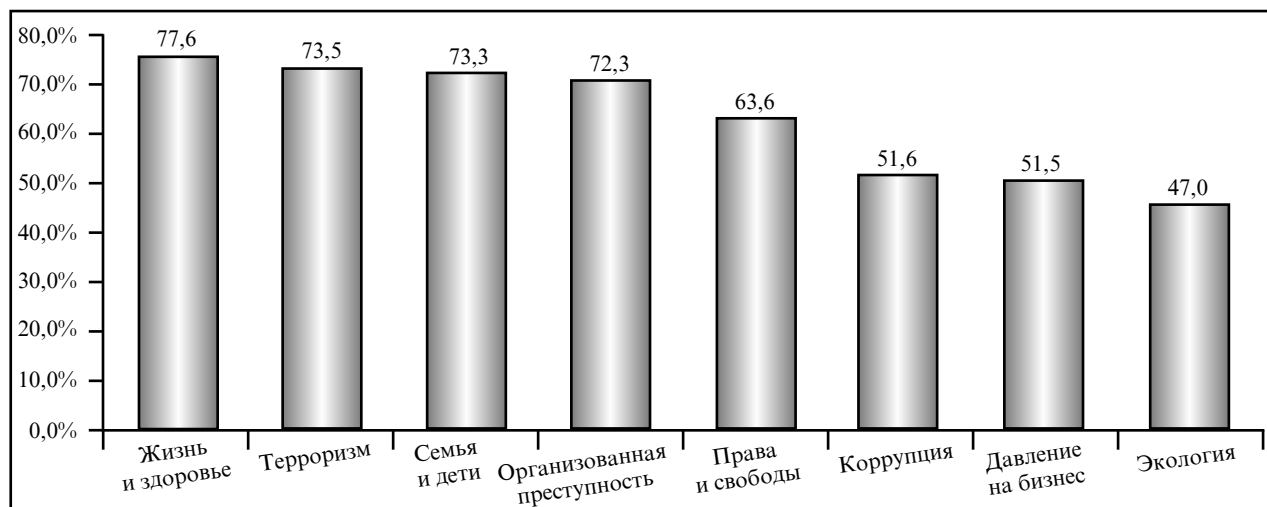

Рис. 4. Что (от чего) надежно защищает СК России

мере испытывает чувство защищенности от посягательств на жизнь и здоровье, семью и детей, а также от терроризма и организованной преступности. Высокую степень защищенности политических, социальных и трудовых прав признали почти 2/3 опрошенных. Положительно работу Следственного комитета по защите государства от коррупции, хищения бюджетных средств, а также давления на бизнес оценила только половина из них. Самую низкую оценку граждан получила деятельность СК России по защите от экологических преступлений (рис. 4).

Недостаточно высокая оценка работы СК России по расследованию коррупционных преступлений стала, скорее всего, следствием «наложения» информации о коррупции в самом ведомстве, о чем мы сказали выше. В части же результатов следственной деятельности в сфере защиты бизнеса от незаконного давления и борьбы с экологической преступностью, оценки, вероятно, вполне справедливы. Данные направления никогда ранее не были приоритетными для Следственного комитета, и результаты социологического исследования должны стать теми реперными точками, при опоре на которые может быть скорректирована стратегия следственной деятельности.

В то время, как футурологи предсказывают отмирание к 2050 г. целых профессий, включая и профессию юриста [7, с. 40–46], а некоторые «эксперты» из того же Европейского университета предвещали Следственному комитету ликвидацию уже к 2017 г. [3, с. 20–24], ресурс общественной поддержки у следственной власти имеется, и его должно хватить на ближайшие 10 лет. Лучшим экспертом и единственным справедливым судьей Нассим Талеб считает время. Он подчеркивает, что явления со свойствами «Линди» стареют, т.е. их ожидаемая продолжительность жизни со временем удлиняется. Институты и явления, подпадающие под действие этого эффекта, мыслитель называет антихрупкими, т.е. способными не разрушаться в ситуации кризиса, а, наоборот, обретать новые качества и, в конечном счете, укрепляться [4].

Антихрупкость Следственного комитета, не в последнюю очередь, обеспечивается за счет его надежной обратной связи с обществом. СК России является, возможно, самым транспарентным правоохранительным органом. Мы открыто говорим не только о своих достижениях, но и о проблемах, в том числе и на страницах настоящей статьи. И в этом мы следуем девизу Александра Невского: *Не в силе Бог, а в правде!*

Литература

1. Багмет А.М. Следственный комитет Российской Федерации — 10 лет на службе обществу и государству // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 2–4.
2. Егоров И. Прокуроров оценили в баллах: опубликован рейтинг доверия к силовым структурам и судам // Российская газета. 2018. 22 мая.
3. Поздняков М.Л. Каким не стать Следственному комитету России к 2017 г. // Уголовное судопроизводство. 2014. № 1. С. 20–24.
4. Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Пер. с англ. Н. Караева. М., 2016.
5. Талеб Н.Н. Рискую собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни / Пер. с англ. Н. Караева. М., 2018.
6. Титаев К.Д., Шклярук М.С. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность. М., 2016.
7. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века / Пер. с англ. Ю. Гольдберга. М.: Синдбад, 2019.
8. Fuller S. Post-truth / Knowledge as a power game. London: Anthem Press, 2018.
9. Hollander E. Conformity, Status and Idiosyncrasy Credit // Psychological Review. 1958. Vol. 65 (2). P. 117–127.

References

1. Bagmet A.M. Sledstvennyy komitet Rossiyskoy Federatsii — 10 let na sluzhbe obshchestvu i gosudarstvu // Rossiyskaya yustitsiya. 2019. № 11. S. 2–4.
2. Egorov I. Prokurorov otsenili v ballakh: opublikovannyy reyting doveriya k silovym strukturam i sudam // Rossiyskaya gazeta. 2018. 22 maya.
3. Pozdnyakov M.L. Kakim ne stat' Sledstvennomu komitetu Rossii k 2017 g. // Ugolovnoye sudoproizvodstvo. 2014. №1. S. 20–24.
4. Taleb N.N. Antikhrupkost'. Kak izvlech' vygodu iz khaosa / Per. s angl. N. Karaeva. M., 2016.
5. Taleb N.N. Riskuya sobstvennoy shkuroy: Skrytaya asimmetriya povsednevnoy zhizni / Per. s angl. N. Karaeva. M., 2018.
6. Titaev K.D., Shklyaruk M.S. Rossiyskiy sledovatel': prizvaniye, professiya, povsednevnost'. M., 2016.
7. Kharari Yu.N. 21 urok dlya XXI veka / Per. s angl. Yu. Goldberga. M.: Sindbad, 2019.
8. Fuller S. Post-truth / Knowledge as a power game. London: Anthem Press, 2018.
9. Hollander E. Conformity, Status and Idiosyncrasy Credit // Psychological Review. 1958. Vol. 65 (2). P. 117–127.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПРОТИВ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ: ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Оксана Валерьевна Мичурина, профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: okmich@inbox.ru

Аннотация. В современном научном пространстве все активнее исследуются потенциальные сферы использования искусственного интеллекта. Ведутся полемики о перспективах и рисках его применения в различных областях судопроизводства и, как следствие, возможности замены компьютерной программой внутреннего убеждения в уголовном судопроизводстве. Основываясь на мнениях ученых и практиков, а также уже накопленном отечественном и зарубежном опыте использования современных технологий в сфере правоприменения, взвесив все аргументы за и против, автор статьи представила свой взгляд на будущее обозначенной проблемы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, COMPAS, алгоритм оценки рисков, надлежащая процедура, внутреннее убеждение, оценка доказательств, допустимость доказательств, процессуальное решение, будущее уголовного судопроизводства, права и законные интересы.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE VS INTERNAL PERSUASION: VIEW ON THE FUTURE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Oksana V. Michurina, Professor of Criminal Procedure, Doctor of Legal Sciences, Professor
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: okmich@inbox.ru

Abstract. In the modern scientific space, the potential areas of the use of artificial intelligence are increasingly being investigated. There are debates about the prospects and risks of its use in legal proceedings and, as a consequence, the possibility of replacing the internal conviction in criminal proceedings by a computer program. Based on the opinions of scientists and practitioners, as well as the already accumulated domestic and foreign experience in using modern technologies in the field of law enforcement, the author of the article tried, having weighed all the arguments for and against, to present her view on the future of the indicated problem.

Keywords: artificial intelligence, COMPAS, risk assessment algorithm, due process, internal persuasion, assessment of evidence, admissibility of evidence, procedural decision, future of criminal proceedings, rights and legitimate interests.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Мичурина О.В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):65–68.

То, что сегодня выглядит фантастическим, завтра вполне может стать реальным. Технологии стремительно совершенствуются и мир вокруг нас меняется. К примеру, современный мобильный телефон уже решает не только задачи в области связи, но и навигации, развлечений, а также получения информации. Да и доступ к информации, а также ее фиксация значительно упростилась. Теперь технологии не только дополняют человеческую память, но и заменяют ее. На волне последних технологических достижений заметно вырос интерес к искусственному интеллекту и потенциальным сферам его применения, в том числе в судопроизводстве. И, если в рамках гражданского судопроизводства искусственный интеллект уже прогнозируем, то замена им внутрен-

него убеждения в отечественном уголовном судопроизводстве видится нам пока несколько иллюзорной. Попытаемся, взвесив все аргументы за и против, представить свой взгляд на будущее обозначенной проблемы.

Уголовно-процессуальный закон упоминает о внутреннем убеждении в контексте с принципом свободы оценки доказательств, когда судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель могут оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь законом и совестью (ч. 1 ст. 17 УПК РФ).

Стоит напомнить, что оценка доказательств — неотъемлемая составляющая процесса доказывания,

итоговая его часть, без которой не обходится принятие ни одного решения по уголовному делу. Таким образом, оценка является еще и этапом вынесения процессуального решения. Она бывает промежуточной, когда оценивается отдельно взятое доказательство и окончательной, когда оценке подвергается вся совокупность доказательств. В последнем случае главная проблема оценки заключается в неизбежности возникающих противоречий между доказательствами. При свободной оценке противоречия снимает внутреннее убеждение лица, ведущего производство по уголовному делу. Мы доверяем ему? Не всегда. Обусловлено это тем, что, с одной стороны, внутреннее убеждение, основываясь на всестороннем исследовании доказательств, стремится быть объективным, с другой стороны, оно остается субъективным, так как напрямую связано с сознанием человека, его воззрением, жизненным опытом, воспоминаниями, эмоциями и пр.

В случае с искусственным интеллектом вопрос устранения противоречий в доказательствах исключает субъективный аспект. Но, что такое искусственный интеллект? Ни в одном официальном документе не содержится его нормативного определения, хотя сам термин активно используется. Такое положение отдельные исследователи объясняют отсутствием единого правового подхода к установлению его сущностных характеристик, отсюда и невозможностью дать точную дефиницию [1, с. 197–206].

Тогда допустимо ли использовать искусственный интеллект при принятии процессуальных решений в уголовном судопроизводстве? Опыт отдельных стран уже имеет подобную практику оптимизации процедуры оценки доказательств, исходя из заложенного в компьютерную программу алгоритма. Какие риски и преимущества с ним связаны? Чтобы понять их, необходимо разобраться с рисками и преимуществами традиционного метода оценки доказательств, основанного на внутреннем убеждении.

Так, при принятии любого судебного решения, от меры пресечения в виде заключения под стражу до постановления приговора, берутся в расчет не только полнота собранных доказательств на предмет установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, но и вероятность повторного правонарушения лицом. Вывод судьи об этом основывается на его мнении, которое он делает исходя из существа уголовного дела, личности обвиняемого (подсуди-

мого) и других собранных по уголовному делу доказательств. Традиционно считается, что такой подход имеет высокую степень уязвимости в связи с обвинением в предвзятости. Даже, несмотря на то, что убеждение это формируется самостоятельно, а не навязывается извне.

Аналогичным образом вырабатывает внутреннее убеждение дознавателя (следователя) перед составлением обвинительного заключения (обвинительного акта или обвинительного постановления). Ведь руководствуясь законными основаниями, он может принять совсем иное решение, допускающее, к примеру, в отдельных случаях прекращение уголовного дела и уголовного преследования при совершении преступления лицом впервые. Или же усматривая необходимость избрания той или иной меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, следователь (дознаватель) выбирает ту, которая позволила бы обеспечить надлежащее производство по уголовному делу и пресечь возможность продолжить заниматься им преступной деятельностью. Тут тоже учитываются определенные обстоятельства: тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и др.

Вместе с тем, оценка доказательств и, как ее результат, внутреннее убеждение, — это не безотчетное чувство. Не может быть итогом оценки доказательств догадка, предположение. Им становится только убеждение в наличии или отсутствии каких-либо обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Оценка доказательств должна быть основана на рассмотрении совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств. В их системе значение каждого отдельного взятого доказательства возрастает, а совокупность всех доказательств усиливает значение каждого из них. Именно на этой совокупности и основывается конечный вывод по уголовному делу. Признав, что необходимые следственные действия произведены и объем собранных доказательств достаточен для обоснования вывода, следователь (дознаватель), а также судья составляют итоговое процессуальное решение.

При оценке доказательств судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель руко-

водствуются законом и совестью. Закон служит непосредственным основанием для признания доказательства допустимыми или недопустимым. К примеру, если фактические данные получены из не указанного в законе источника или с нарушением установленного порядка получения доказательств. Требование руководствоваться совестью отражает внутренний критерий соблюдения правил, обеспечивающих свободу при выражении своего убеждения, зависит от конкретного человека, качеств и свойств личности. Мы не ставим под сомнение необходимость упоминания в УПК РФ совести при оценке доказательств, но это понятие должно получить более конкретное правовое оформление, понятное для правоприменителя. Что же касается искусственного интеллекта, то руководство совестью к нему вообще не применимо в силу того, что это морально-нравственная категория, представляющая собой чувство человека, ответственного за свое поведение (решение) перед отдельными людьми и всем обществом. Выражение нравственного самосознания невозможно заложить в компьютерную программу. Поэтому такое решение никак не соотносится с совестью.

В этой связи закономерно встает вопрос о возможности принятия решения не по своему внутреннему убеждению, а когда уже имеется четко заданный алгоритм действий. Проведенное нами исследование показало, что отдельные правоприменители хотели бы осуществлять свою деятельность именно таким образом. Пусть их и не большинство, но 25,7% опрошенных респондентов высказались за необходимость осуществления процессуальной деятельности исключительно по четким правилам, которые им предписывал бы определенный сценарий, как необходимо поступать в той или иной ситуации. При этом больше половины из них ратуют за возможность принимать решения исходя из заложенного в компьютерную программу алгоритма. В качестве основного аргумента почти у всех 25,7% опрошенных фигурировало, что тем самым упрощается их работа. И лишь единицы объясняли исключением в ходе такой процедуры субъективного аспекта. Справедливости ради следует отметить, что 74,3% практических работников не считают необходимым использовать в своей профессиональной деятельности подобный алгоритм действий. Иными словами, исследование демонстрирует, что хотя мнения практиков и разделились, однако возмож-

ность автоматического принятия решения некоторыми из них вполне допускается.

Такая точка зрения представляет определенный научный интерес, однако к ее реализации следует подходить очень осторожно. Безусловно, позицию практиков и их аргументы можно понять. Между тем, там, где присутствует четкий алгоритм получения вывода и, соответственно, принятия решения, говорить о внутреннем убеждении уже не приходится.

В истории уголовного процесса господствовала когда-то теория формального доказывания. В развитии виде она имела отношение только к инквизиционному процессу и давно изжила себя. Ей на смену пришла новая система, являющаяся полным ее антиподом — теория свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению. Конечно, формальный способ оценки доказательств тоже обладает рядом преимуществ, сводя к минимуму, если не исключая полностью, ошибки, но верен он будет лишь при точности алгоритма. Нам думается, что создать такой алгоритм для уголовного судопроизводства почти невозможно.

В обоснование этого обратимся к опыту США, где давно ведутся дискуссии о надлежащей правовой процедуре, касающейся алгоритмов прогнозирования, в частности, оценки рисков. Многие американские суды, полицейские органы и пенитенциарные учреждения используют машинные алгоритмы для определения уровня различных рисков, начиная от вероятности того, что обвиняемый совершит еще одно преступление и заканчивая риском того, что он не явится на судебное заседание. Судьи используют алгоритмы для принятия решений об освобождении под залог, назначении наказания и условно-досрочном освобождении. Тем не менее, ни сами судьи, ни другие государственные органы не пишут эти программы, а покупают их у частных компаний. Яркий пример тому система COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions). Компания, разработавшая это программное обеспечение, считает пол важным фактором, влияющим на принятие решения в уголовном судопроизводстве. По мнению разработчиков, мужчины гораздо чаще становятся рецидивистами, а значит, их с меньшей вероятностью порекомендуют для освобождения. Таким образом, женщины чаще, чем мужчины освобождаются от уголовной ответственности. Кроме того, именно мужчины получают более стро-

гие виды уголовных наказаний и большие сроки лишения свободы. Как влияют эти данные на такие решения и насколько важен именно пол при их вынесении? Компания разработчик не дает ответа на этот и подобные вопросы, прикрываясь законами о коммерческой тайне, чтобы скрыть свой код от контроля. Поэтому проверить алгоритмы на предмет корректной работы не представляется возможным. Невозможно это сделать и по причине нормативного пробела в силу отсутствия на текущий момент законов или каких-либо стандартов, их устанавливающих.

Неудачный опыт применения искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве уже имеет реальные последствия. Показателен в этой связи пример с неким Эриком Лумисом, который Верховным Судом штата Висконсин (США) был признан виновным в том, что скрывался от полиции и находился за рулем автомобиля без разрешения хозяина машины. Во время допроса Лумис ответил на ряд вопросов, и его ответы были введены в программу для оценки рисков COMPAS. Программа оценила риски Лумиса как высокие, в результате судья назначил ему максимально возможное наказание — шесть лет лишения свободы.

Лумис попытался оспорить приговор на том основании, что у него не было возможности оценить механизм принятия решений алгоритмом. Его адвокаты также утверждали, что права и законные интересы Лумиса были нарушены, так как этот алгоритм принимает во внимание пол и расовую принадлежность подсудимого. Тем не менее, Верховный Суд штата вынес решение против Лумиса, постановив, что знание итогового решения алгоритма уже подразумевает достаточный уровень прозрачности¹.

Позже Верховный Суд США отказался пересмотреть вынесенное по делу Эрика Лумиса судебное решение.

Таким образом, по причине закрытости кода подобных алгоритмов обвиняемые (подсудимые) не могут знать, почему именно они были классифицированы в определенную группу и какими критериями руководствуется искусственный интеллект при оценке рисков, а значит отсутствует обоснованность таких выводов. Существуют серьезные про-

блемы и относительно того, что даже если код программы был написан грамотно, в нем могут отразиться некоторые предубеждения писавших его людей, пусть и неосознанные. Можно ли считать допустимой процессуальную процедуру, использовавшую такое программное обеспечение? С нашей точки зрения, вряд ли.

Нами не оспаривается вывод, что оценка доказательств по внутреннему убеждению не лишена недостатков, так как она напрямую связана с субъективным моментом. Но и искусственный интеллект не показал себя достойной альтернативой по причине того, что оказался тоже необъективен. Едва ли стоит надеяться, что когда-нибудь будет создан алгоритм оценки, который полностью исключит субъективный момент, ведь в любом случае он создается человеком, его сознанием. И никакого универсального алгоритма, который был бы пригоден на все случаи доказывания, не существует. В связи с этим, выводы наши не обнадеживающие: можно сколько угодно «изобретая велосипед» придумывать новые способы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, но основным останется внутреннее убеждение лица, осуществляющего производство по уголовному делу. Оно будет таковым столько, сколько предполагается существовать человеку как сознательному существу.

Литература

1. Шестак В.А., Волеводз А.Г. Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2.

References

1. Shestak V.A., Volevodz A.G. Sovremennye potrebnosti pravovogo obespecheniya iskusstvennogo intellekta: vzglyad iz Rossii // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2019. T. 13. № 2.

¹ Решение Верховного Суда штата Висконсин от 2016 г. по делу «Штат Висконсин против Эрика Лумиса (апеллянта)» [State of Wisconsin v. Eric L. Loomis / Decision of the Supreme Court of Wisconsin No. 2016 WI 68 of 2016] // URL: <http://www.scotusblog.com/wp-content/uploads/2017/02/16-6387-op-bel-wis.pdf>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ В ЦЕЛЯХ ИНФОРМИРОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Денис Александрович Воронов, заместитель начальника отдела уголовно-процессуального законодательства и информационного права Уголовно-правового управления, кандидат юридических наук, доцент
Договорно-правовой департамент МВД России (119991, г. Москва, ул. Житная, д. 12-А)
E-mail: voronius@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы, связанные с отсутствием в российском уголовно-процессуальном законодательстве порядка использования электронных документов в целях информирования участников досудебного производства. На основе результатов исследования сформулированы предложения по внесению изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: электронный документ, электронное уголовное дело, информирование, уведомление, ознакомление, предъявление, материалы уголовного дела, досудебное производство.

USING OF ELECTRONIC DOCUMENTS TO INFORM PARTICIPANTS OF PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Denis A. Voronov, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure Legislation and Information Law of the Criminal Law Department, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia (119991, Moscow, ul. Zhitnaya, d. 12-A)
E-mail: voronius@yandex.ru

Abstract. Discussed the problem associated with the absence in the Russian criminal procedure legislation of the procedure for using electronic documents in order to inform participants in the pre-trial criminal proceedings.

Keywords: electronic document, electronic criminal case, informing, notification, familiarization, presentation, criminal case materials, pre-trial proceedings.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Воронов Д.А. Использование электронных документов в целях информирования участников досудебного производства. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):69–71.

Актуальность внедрения электронных технологий в уголовный процесс предопределена необоснованными затратами сил, средств и времени, необходимых для традиционного документооборота на бумажных носителях. Одна из таких проблем обусловлена «бумажной» формой информирования участников досудебного производства. В контексте данной публикации под информированием участников досудебного производства понимается уведомление об уголовно-процессуальных актах¹, предоставление копий процессуальных документов, а также ознакомление с материалами уголовного дела.

Информирование участников досудебного производства охватывает широкий спектр процессуальных актов и представляет значительную часть деятельности субъектов уголовного процесса. Необходимость использования бумажных носителей приводит к несвоевременному представлению процессуальной информации, увеличивает сроки явки участников уголовного процесса и затягивает их ознакомление с материалами уголовного дела.

Наиболее остро проблема информирования участников досудебного производства проявляется при их ознакомлении с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования. УПК не предусматривает ознакомления с материалами уголовного дела по копиям, вследствие чего, во-первых, следователь, дознаватель или по их поручению должностное лицо органа дознания должны присутствовать и контролировать данный процесс, а во-вторых, ознакомление нескольких участников должно осуществляться в порядке эстафеты, а не одновременно. Такое положение дел создает условия для злоупотребления правом.

Практике известна технология «карусели», когда вначале обвиняемый ходатайствует о раздельном ознакомлении (ч. 1 ст. 217 УПК РФ), затем он и его защитник максимально затягивают данный процесс, а непосредственно перед окончанием установленного судом срока для ознакомления защитника с материа-

¹ Под уголовно-процессуальными актами имеются в виду процессуальные решения и действия [4, с. 75–80].

лами уголовного дела обвиняемый отказывается от него, ходатайствуя о назначении нового защитника, и весь процесс повторяется снова [2, с. 30–34; 3, с. 47–50].

С учетом того, что УПК РФ предусматривает возможность предъявления сторонам дополнительных материалов в ходе их ознакомления с уголовным делом (ч. 2 ст. 219 УПК РФ), данная процедура может осуществляться не последовательно, а одновременно. Для реализации такого подхода необходимо закрепить в законе возможность ознакомления сторон с копиями материалов уголовного дела, в том числе в электронном виде. Получение участниками досудебного производства копий материалов уголовного дела не тождественно их ознакомлению с ними, поэтому они должны иметь разумный срок для их изучения.

Отдельного внимания заслуживает проблема вручения копии обвинительного заключения по многоэпизодным уголовным делам в отношении нескольких обвиняемых, материалы которых имеют большой объем².

Оптимизация процессуального информирования может быть обеспечена путем предоставления участникам досудебного производства процессуальной информации в виде электронных документов. Такое информирование предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством ряда зарубежных стран [1, с. 76–80].

В настоящее время электронное информирование в отечественном уголовном процессе возможно лишь в качестве альтернативного варианта, поскольку доступ к интернет-технологиям имеется не у всех граждан, а использование технических средств для обмена информацией является их правом, а не обязанностью. Альтернативность необходима также ввиду того, что цифровизация процессуального информирования потребует соответствующего технического оснащения правоохранительных органов.

До урегулирования в УПК РФ и иных актах порядка применения электронной подписи в целях цифровизации процессуального документооборота, представляется возможным допустить использование электронных графических копий процессуальных документов (сканов), направляемых с помощью широко используемых средств коммуникации, например, электронной почты. Для этих целей также может быть адаптирована единая система идентификации и аутентификации³.

С учетом изложенного в целях оптимизации досудебного производства на данном этапе полагаем возможным предусмотреть в УПК следующие изменения.

1. Дополнить гл. 21 УПК РФ новым общим условием предварительного расследования «Использование электронных документов», предусмотрев в ней следующее правила.

При наличии соответствующей технической возможности участнику уголовного судопроизводства может быть предложено дать согласие на получение повесток, уведомлений о принятых процессуальных решениях, копий иных процессуальных документов в электронной форме (СМС-сообщения, электронная почта, факсимильные сообщения, иные способы и средства передачи электронных данных). Согласие лица на указанное электронное информирование должно быть подтверждено распиской, в которой, наряду с данными об этом лице и его согласием на электронное информирование, указываются способы связи (номер телефона, адрес электронной почты, факса, иные способы связи), посредством которых должны осуществляться соответствующие вызовы, уведомления, вручение копий процессуальных документов.

Электронный документ должен соответствовать требованиям, предъявляемым к документам на бумажном носителе. Электронный документ, созданный без использования электронной подписи, должен представлять собой графическую копию процессуального документа, изготовленного на бумажном носителе. Посредством СМС-сообщений могут быть переданы исключительно вызовы для участия в процессуальных действиях и уведомления о принятых решениях.

Факт электронного информирования удостоверяется приобщением к уголовному делу соответствующего документа, содержащего сведения о способе передачи данных, адресате, дате отправления и содержании соответствующего процессуального документа.

Представление по окончании предварительного расследования потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, обвиняемому и его защитнику электронных копий материалов уголовного дела производится в порядке, предусмотренном гл. 30 УПК РФ (соответствующие изменения в данную главу предлагаются далее).

Лицо, содержащееся под стражей, знакомится с электронными документами при помощи технических средств, предоставляемых администрацией мест содержания под стражей либо органом предварительного расследования. Умышленное повреждение данных технических средств приравнивается к отказу в реализации права на ознакомление с материалами уголовного дела.

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2011 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 сентября 2011 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 11.

³ Постановление Правительства РФ от 28 ноября 2011 г. № 977 «О федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» // СЗ РФ. 2011. № 49. Ст. 7284.

2. Дополнить ч. 1 ст. 161 УПК РФ «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования» положением о том, что участник уголовного судопроизводства обязан исключить возможность доступа иных лиц к информации, содержащейся на технических средствах, используемых для получения электронных процессуальных документов (например, сохранение в тайне пароля, использование для идентификации личности отпечатка пальца и т.п.).

3. В гл. 30 УПК РФ «Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору» предусмотреть следующие особенности ознакомления участников уголовного судопроизводства с копиями материалов уголовного дела, в том числе содержащихся на электронных носителях.

Ознакомление потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела может обеспечиваться путем одновременного предоставления им копий материалов уголовного дела, а при наличии технической возможности — копий материалов уголовного дела на электронных носителях.

Предоставление копий материалов уголовного дела оформляется распиской соответствующего участника уголовного судопроизводства, в которой указывается количество листов уголовного дела, копии которых предоставляются для ознакомления, время и способ передачи копий. При большом объеме материалов уголовного дела, а также в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 219 УПК РФ, копии материалов уголовного дела могут предоставляться частями.

Способ предоставления участникам уголовного судопроизводства электронных копий материалов уголовного дела (передача технического средства, обеспечивающего возможность ознакомления с электронными документами, или электронного носителя, копирование на электронный носитель участника уголовного судопроизводства, отправление на электронную почту, иное) определяется следователем в зависимости от технической возможности и объемов уголовного дела.

Срок ознакомления с материалами уголовного дела исчисляется с момента предоставления копий данных материалов, в том числе на электронных носителях. Отказ участника уголовного судопроизводства от принятия копий материалов уголовного дела удостоверяется составлением протокола в соответствии со ст. 167 УПК РФ. Если в течение пяти суток со дня составления протокола соответствующий участник уголовного судопроизводства не обратился с заявлением о предоставлении ему копий материалов уголовного дела, следовательно, при условии ознакомления с материалами уголовного дела иных участников уголовного судопроизводства, состав-

ляет обвинительное заключение и направляет материалы уголовного дела прокурору.

Если ознакомление с материалами уголовного дела производится по их копиям, то решение о предоставлении участнику уголовного судопроизводства для ознакомления оригиналов конкретных материалов уголовного дела принимается следователем в порядке, установленном гл. 15 УПК РФ.

В протоколе ознакомления с материалами уголовного дела, составляемом в порядке, предусмотренном ст. 218 УПК РФ, указывается с какими материалами уголовного дела был ознакомлен участник уголовного судопроизводства в оригиналах и в копиях.

Аналогичные правила необходимо предусмотреть применительно к процедуре ознакомления участников уголовного судопроизводства с обвинительным актом (постановлением) и материалами уголовного дела при окончании дознания (дознания в сокращенной форме).

4. Дополнить ст. 222 «Направление уголовного дела в суд» положением, согласно которому копия обвинительного заключения может вручаться в электронном виде. При этом в соответствующей расписке должно быть указано количество листов обвинительного заключения и прилагаемой к нему справки, копии которых вручаются, а также дата, время и способ передачи электронных копий.

Литература

1. Зазулин А.И. Нормативное обеспечение электронного документооборота в уголовном судопроизводстве: опыт ФРГ // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 76–80.
2. Костенко К.А. Проблемы теории и практики противодействия затягиванию ознакомления с материалами уголовного дела путем приглашения обвиняемым нового защитника // Российский судья. 2016. № 9. С. 30–34.
3. Лизунов А.С., Лизунов А.С. Злоупотребление правом на защиту на этапе ознакомления с материалами уголовного дела // Законность. 2018. № 10. С. 47–50.
4. Муравьев К.В. Уголовно-процессуальные правоприменительные акты // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5 № 2 С. 75–80.

References

1. Zazulin A.I. Normativnoe obespechenie elektronnoho dokumentooborota v ugolovnom sudoproizvodstve: opyt FRG // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2018. № 4(19). S. 76–80.
2. Kostenko K.A. Problemy teorii i praktiki protivodeystviya zatyagivaniyu oznakomleniya s materialami ugolovnogo dela putem priglaseniya obvinayemym novogo zashchitnika // Rossiyskiy sud'ya. 2016. № 9. S. 30–34.
3. Lizunov A.S., Lizunov A.S. Zloupotreblenie pravom na zashchitu na etape oznakomleniya s materialami ugolovnogo dela // Zakonnost'. 2018. № 10. S. 47–50.
4. Murav'ev K.V. Ugolovno-protsessual'nye pravoprimeritel'nye akty // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta. 2019. T. 5 № 2 S. 75–80.

РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В БОРЬБЕ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Ольга Владимировна Волынская, профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: ovolinskaya@mail.ru

Аннотация. Представлен краткий обзор современного состояния нормативного урегулирования и правоприменительной практики по одному из значимых направлений — борьбе с киберпреступностью.

Ключевые слова: законодательство, доказательства, киберпреступность, уголовное судопроизводство.

DEVELOPMENT OF LEGAL THOUGHT AND PROSPECTS IN THE FIGHT AGAINST CYBERCRIME IN THE FIELD OF CRIMINAL JUSTICE

Ol'ga V. Volynskaya, Professor of the Department of Criminal Procedure, Doctor of Legal Sciences, Professor Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: ovolinskaya@mail.ru

Abstract. A brief overview of the current state of regulatory regulation and law enforcement practice in one of the significant areas — the fight against cybercrime is presented.

Keywords: legislation, evidence, cybercrime, criminal proceedings.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Волынская О.В. Развитие юридической мысли и перспективы в борьбе с киберпреступностью в сфере уголовного судопроизводства. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):72–74.

Проблема киберпреступности уже большое время вызывает огромное беспокойство не только в профессиональных кругах, но и в среде обычных людей. В современном мире каждый — от простого пользователя до крупной компании — банка и государства — рискует в любой момент стать жертвой анонимных злоумышленников в киберпространстве.

Учитывая стремительное развитие телекоммуникаций, электронных платежных систем, персональных электронных устройств, социальных сетей, криптовалют и множества иных современных технологий и явлений, следует согласиться с тем, что формируется единое информационное пространство, обладающее огромными интегративными свойствами.

Деятельность физических и юридических лиц, государств, в том числе их экономическая активность, не мыслимы без использования достижений информационных технологий. Таким образом, данная деятельность вызывает интерес преступных элементов.

Это лишь, так скажем, «надводная часть айсберга», именуемая киберпреступностью, о чем свидетельствует большое количество публикаций по

данной проблематике. К сожалению, в них отсутствуют сведения о более-менее реальном состоянии киберпреступности, так как получить такие сведения из общедоступных источников сбора эмпирической информации невозможно. Такими сведениями не располагают в полном объеме даже сотрудники специализированных оперативных подразделений правоохранительных органов, так как особый механизм совершения киберпреступлений относит их к числу сверхвысоколатентных. Ситуация усугубляется еще и тем, что в отчетах Главного информационно-аналитического центра МВД России отдельно не выделялись преступления, совершенные с использованием вредоносных программ и программно-технических средств, а указанные в них статистические сведения о преступлениях в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ) нельзя использовать для оценки реального состояния киберпреступности.

Абсолютное большинство киберпреступлений имеет своей целью посягательства не на отношения в сфере безопасного использования компьютерного оборудования, а на другие объекты уголовно-право-

вой охраны, чаще всего на право собственности или на основы конституционного строя и безопасности государства. Причем в ряде случаев имеет место идеальная совокупность преступлений. В связи этим преступления в сфере компьютерной информации претендуют лишь на дополнительную квалификацию к основным киберпреступлениям — кражам, мошенничествам, приведению в негодность объектов жизнеобеспечения. Но в практической деятельности правоохранительных органов этого не происходит и киберпреступления, как правило, квалифицируются только по основному составу. Причины этого сводятся к тому, что экспертно-криминалистические подразделения в целом не располагают достаточным количеством экспертов, имеющих допуск к проведению необходимых видов судебных компьютерно-технических экспертиз. В связи с этим при расследовании, например, хищений, совершенных с использованием вредоносных компьютерных программ, соответствующие экспертизы почти не проводятся, а без этого нельзя дополнительно квалифицировать действия виновных лиц по ст. 273 УК РФ (создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ).

В 2015 г. было зарегистрировано 2382 преступления в сфере компьютерной информации, что в структуре общей преступности составляет всего 0,1%¹. Данный показатель удельного веса со всей очевидностью демонстрирует несостоятельность сведений официальной статистики для их использования в научной оценке современного состояния киберпреступности.

Однако, число преступлений неуклонно повышается в ежегодном исчислении: уже в 2017 г. было зарегистрировано более 90 587 преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий.

Кроме того, созданию искаженного представления о масштабах проблемы способствуют, в частности, следующие ее черты:

- 1) высокая латентность;
- 2) сложность выявления на стадии подготовки;
- 3) скоротечность реализации преступного замысла;
- 4) сложность установления субъекта преступления;
- 5) недостаточный уровень подготовки следственных кадров;
- 6) интернационализация преступной деятельности;
- 7) значительность ущерба².

Справедливости ради следует сказать, что в настоящее время ГИАЦ МВД России впервые выделил рассматриваемую категорию деяний в своем ежегодном отчете.

Обращает на себя внимание, что и в сфере уголовного судопроизводства, а именно изменения, внесенные в последние годы в текст УПК РФ, не в полной мере отражают современные потребности правоприменителя, в том числе и по отношению к такому актуальному направлению, как борьба с киберпреступностью. Но наш взгляд, определенная пробельность права имеет место по отношению к теории доказательств и доказывания. К примеру, до сих пор, несмотря на то, что в ст. 81.1 УПК РФ (принята в 2016 г.) содержится указание на рассмотрение электронных носителей информации в качестве вещественных доказательств, самостоятельного значения они не имеют, о чем свидетельствует отсутствие указания на них как таковых в перечне ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Полагаем, такой подход нерационален, поскольку интерес представляет не только процессуальная форма (т.е. предмет материально мира, выраженный в качестве вещественного доказательства), но и сама информация, если она имеет отношение к предмету доказывания, отраженная на материальном носителе. Таким образом, именно сочетание этих двух вышеуказанных составляющих свидетельствует о возможности законодательного определения электронных носителей информации в качестве самостоятельного вида доказательств, подлежащего включению в ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Не следует забывать, что основной целью использования современных информационных технологий в сфере уголовного судопроизводства является качественное обеспечение процесса раскрытия и расследования преступлений посредством получения, хранения, передачи, обмена и использования доказательственной информации, находящейся в причинно-следственной связи с событием преступления. Это позволит избежать ошибок в правоприменительной деятельности, под которыми

¹ Чекунов. И.Г., Шумов Р.Н. Современное состояние киберпреступности в Российской Федерации // СПС «Консультант-Плюс».

² Линников А.С. Экономические последствия расширения масштабов киберпреступности в России и мире // СПС «Консультант-Плюс».

ми понимаются, как правило, нарушения при использовании разработанных методик и правил работы с доказательствами, вызванные невнимательностью, небрежностью или слабой теоретической подготовкой специалиста, а также недостаточность нормативного регулирования и, как уже упоминалось, не в полной мере точно выраженная в статистических показателях апробированность исследуемого явления.

Полагаем, что устранению указанных нарушений, в определенной мере, будет способствовать Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 г.³. Важно, что одним из первых приоритетных направлений в концепции назван: «Высокотехнологичный надзор — формирование на основе комплексной оптимизации выполнения надзорных функций единой безопасной цифровой платформы для обеспечения электронного взаимодействия органов прокуратуры всех уровней между собой и с другими государственными органами, внедрение современных механизмов и технологий противодействия киберпреступности и правонарушениям в цифровой среде.

Нельзя забывать и о реализации международной стратегии киберпреступности, в рамках которой немаловажным представляется:

а) непосредственное снижение количества совершаемых киберпреступлений путем принятия эффективного и строго законодательства в сфере противодействия киберпреступлениям, расширения числа оперативных и следственных мероприятий и международного сотрудничества полицейских и судебных органов;

б) развитие индустриальных и технологических ресурсов для обеспечения средств кибербезопасности⁴.

Изложенное свидетельствует о необходимости комплексного исследования с привлечением познаний из различных отраслей права и поиска оптимальных путей повышения эффективности правоприменения в сфере борьбы с киберпреступностью.

³ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Шафеев К.А. Правовое регулирование ответственности за киберпреступления в праве Европейского Союза // СПС «Консультант-Плюс».

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя Уголовно- исполнительное право 11-е издание	УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО 11-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 303 с. Гриф МО РФ Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник» Гриф НИИ образования и науки Под ред. С.М. Иншакова, А.П. Скибы Рассмотрены вопросы, касающиеся понятия и предмета уголовно-исполнительного права, системы уголовно-исполнительного законодательства, правового положения лиц, в отношении которых исполняется наказание, общих принципов исполнения наказания. Освещены вопросы исполнения всех видов уголовных наказаний (обязательные работы, ограничение свободы, арест) и наказаний, применяемых в отношении осужденных военнослужащих. Рассмотрены освобождение от отбывания наказания, участие адвоката в подготовке и рассмотрении дел Европейским судом по правам человека, тюремные системы зарубежных стран. Для студентов, аспирантов, преподавателей высших юридических образовательных учреждений, а также специалистов уголовной юстиции и исполнения наказания.
--	--

ЗАПРЕТ НА АРЕСТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В «ЦИФРОВУЮ» ЭПОХУ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ФИКЦИЯ?

Денис Васильевич Шаров, адвокат, кандидат юридических наук, доцент
Адвокатская палата г. Москвы (119002, Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43)
E-mail: SharovDen@gmail.com

Аннотация. Констатируется постепенная институционализация очередного особого производства в уголовном судопроизводстве — производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности.

Анализируются проблемы применения на практике запрета законодателя на применение в отношении предпринимателей такой меры пресечения, как заключение под стражу. Делается вывод о том, что несмотря на прямой запрет на применение в отношении предпринимателей меры пресечения в виде заключения под стражу, содержащийся в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, суды далеко не всегда учитывают данные обстоятельства, особенно если в дело, так или иначе, вовлечено государство. Приводятся примеры из практической деятельности, подтверждающие данный вывод.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, арест предпринимателя, предприниматель.

THE BAN ON THE ARREST OF THE ENTREPRENEUR IN THE DIGITAL AGE: FACT OR FICTION?

Denis V. Sharov, Lawyer, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Moscow chamber of lawyers (119002, Moscow, per. Sivtsev Vrazhek, d. 43)
E-mail: SharovDen@gmail.com

Abstract. Stated the gradual institutionalization of the next special proceedings in criminal proceedings-proceedings in criminal cases of crimes in the sphere of economic and entrepreneurial activity.

The problems of practical application of the legislator's ban on the use of such a preventive measure as detention against entrepreneurs are analyzed. It is concluded that despite the direct ban on the use of a preventive measure against entrepreneurs in the form of detention, contained in p. 1.1 of art. 108 of the Criminal Procedure Code, the courts do not always take into account these circumstances, especially if the state is involved in the case, one way or another. Examples from practical activities confirming this conclusion are given.

Keywords: preventive measures, detention, arrest of an entrepreneur, entrepreneur.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Шаров Д.В. Запрет на арест предпринимателя в «цифровую» эпоху: реальность или фикция? Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):75–77.

В последние годы на наших глазах в уголовно-процессуальном законодательстве постепенно институализируется очередное особое производство — производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности.

В законе установлены серьезные изъятия из общих правил производства по этой категории уголовных дел, связанные, в частности, с порядком возбуждения и прекращения уголовного дела, признания предметов и документов вещественными доказательствами.

При этом наиболее значимым и самым спорным из них явился прямой запрет законодателя на применение в отношении предпринимателей такой меры пресечения, как заключение под стражу.

Оправдан ли этот шаг? Большой вопрос!

Однако, оставим за скобками рассуждения о целесообразности этого запрета, тем более, что перечень аргументов как за, так и против данного политического решения хорошо известен. Начиная от возгласов «Хватит кошмарить бизнес!» и заканчивая отсылкой на нарушение принципа всеобщего равенства граждан перед законом и судом.

Вместо этого посмотрим, как указанное положение реализуется на практике.

Всем известна поговорка, приписываемая по одним источникам М.Е. Салтыкову-Щедрину, по другим — князю П.А. Вяземскому, о том, что суровость российских законов смягчается необязательностью их выполнения.

В настоящее время, впору говорить, что не только суровость, но и мягкость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения.

Дело в том, что несмотря на прямой запрет на применение в отношении предпринимателя меры пресечения в виде заключения под стражу, содержащийся в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, суды далеко не всегда учитывают данные обстоятельства.

Во-первых, на практике следственные органы при ходатайстве о заключении предпринимателей под стражу и определении сферы предпринимательской деятельности часто ссылаются на п. 11 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», который разъясняет мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ), при этом распространяя данное разъяснение на все составы мошенничества, включая ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Согласно указанному пункту Постановления, состав мошенничества в сфере предпринимательской деятельности имеет место только в случае, если обеими сторонами являются индивидуальные предприниматели или коммерческие организации, и если ущерб от этого деяния нанесен только им¹.

Суды принимают данную позицию.

Иными словами, если, например, одной из сторон конфликта является государство или государству в результате данного преступления причинен хоть какой-нибудь вред, то суды никогда не признают это деяние совершенным в сфере предпринимательской деятельности.

Следовательно, на лицо его совершившее, будь оно хоть трижды предпринимателем, не будет распространяться запрет на заключение под стражу.

Таким образом, если в деле хоть как-то присутствует государство, то все запреты, связанные с недопустимостью заключения предпринимателей под стражу, как по мановению волшебной палочки вдруг перестают работать.

Во-вторых, даже если это преступление никак не затронуло интересы государства, дискреция суда при избрании в отношении предпринимателей меры пресечения в виде заключения под стражу сегодня настолько широка, что на практике зачастую граничит с произволом.

Мне пришлось столкнуться с такой ситуацией.

Руководитель одной коммерческой организации без какого-либо государственного участия предложила своим знакомым выступить соинвесторами в коммерческом проекте по строительству электростанции на солнечной энергии в одной из зарубежных стран.

Они согласились. Около двух лет она в качестве руководителя девелоперской фирмы занималась развитием данного проекта в постоянном контакте со своими соинвесторами. Летала за границу на переговоры, проводила там деловые встречи, вела иную деловую активность. Все это документально подтверждено.

Когда стало окончательно ясно, что по ряду причин проект «не пошел», то по заявлению соинвесторов в отношении нее было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Далее, несмотря на то, что деяние было совершено в сфере предпринимательской деятельности, она была сначала задержана, а потом заключена под стражу, причем срок данной меры пресечения неоднократно продлевался.

Я подключился к этому делу уже в суде.

При изучении материалов дела выяснились следующие интересные подробности.

14 сентября 2018 г. следователь объявляет об окончании следственных действий и начинает с обвиняемой процедуру ознакомления с материалами уголовного дела.

После чего, следователь в октябре, а затем и в ноябре 2018 г. выходит в суд с ходатайствами о продлении срока ее содержания под стражей, при этом в обоих случаях в качестве единственной причины такого продления он указывает необходимость завершения с обвиняемой ознакомления с материалами уголовного дела.

Суд, понятное дело, срок продлевает.

Все это время обвиняемая находится под стражей и никакие материалы уголовного дела ей не предъявляются.

Далее следователь, только по одному ему понятным причинам, задним числом выносит постанов-

¹ Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

ление о возобновлении следственных действий, датируемое 14 сентября 2018 г., в котором зачем-то ссылается на судебные решения о продлении срока заключения под стражу, вынесенные в октябре и ноябре 2018 г., и как ни в чем не бывало продолжает расследование по делу.

Понятно, что 14 сентября 2018 г. знать о точных датах этих продлений он просто не мог, следовательно, данное постановление было вынесено им позднее и, как уже указывалось, задним числом.

Это подтверждается и материалами дела, согласно которым с 14 сентября 2018 г. в течение четырех последующих месяцев по уголовному делу не было проведено ни одного не только следственного, но даже и процессуального действия. Вообще ни одного.

При этом, обвиняемая, будучи предпринимателем, все это время содержалась под стражей, получается, по полностью надуманному основанию.

В судебном разбирательстве защита вышла в суд с ходатайством о признании всех доказательств, собранных после 14 сентября 2018 г., недопустимыми доказательствами и возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ.

Учитывая имеющиеся в деле нарушения уголовно-процессуального закона, суд согласился с нашей позицией, признал указанные доказательства недопустимыми и возвратил дело прокурору, однако меру пресечения оставил без изменения.

В настоящее время дело снова находится у следователя, при этом моя подзащитная, напомню, являющаяся предпринимателем, содержится под стражей уже свыше 14 месяцев.

Такая вот дискреция суда на практике.

В заключение следует отметить, что последняя новелла, внесенная в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 315-ФЗ, и призванная уточнить, на кого конкретно распространяются гарантии, установленные данной нормой², так своей цели и не достигла.

Напомню, что речь идет об актуальной на настоящий момент редакции ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, а

именно: «Заключение под стражу в качестве меры пресечения при отсутствии обстоятельств, указанных в п. 1–4 ч. 1 настоящей статьи, не может быть применено в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1–4 ст. 159, 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201 УК РФ, если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, а также ч. 5–7 ст. 159, 171, 171.1, 171.3–172.3, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4 и 190–199.4 УК РФ».

Все дело в том, что данная редакция практически полностью дублирует разъяснение, изложенное в абз. 2 п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога».

Таким образом, ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ является сегодня не более чем нормативизацией указанного выше разъяснения Пленума ВС РФ, которое уже применяется на практике с 2013 г.³. Никакого нового смысла для правоприменителей она не привнесла.

Единственная ее заслуга — это придание данному разъяснению нормативно-правовой природы, что, конечно же, тоже не так уж и мало.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

³ Правовая позиция Федеральной палаты адвокатов РФ о проекте федерального закона № 280281-7 «О внесении изменений в статьи 108 и 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

ОКАЗАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ В ПОЛУЧЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Анна Валентиновна Миронова, начальник кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент Московский областной филиал ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» (143100, Московская область, Рузский район, пос. Старотеряево)
E-mail: mir.av@mail.ru

Аннотация. В последние годы растет количество электронных доказательств, используемых в предварительном расследовании. Эти доказательства могут храниться за пределами Российской Федерации, поэтому для их получения необходимо обращаться за правовой помощью. В статье рассматриваются вопросы оформления запроса о получении электронного доказательства.

Ключевые слова: электронное доказательство, преступление, информационно-коммуникационные технологии, услуги, запрос о взаимной правовой помощи, договор.

PROVISION OF INTERNATIONAL LEGAL AID IN OBTAINING ELECTRONIC EVIDENCE

Anna V. Mironova, Head of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Moscow Regional Branch of FGKOU VO «Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'» (143100, Moscow region, Ruzskiy rayon, pos. Staroteryayevo)
E-mail: mir.av@mail.ru

Abstract. In recent years, the amount of electronic evidence used in the preliminary investigation has been growing. This evidence may be stored outside the Russian Federation, therefore, to obtain it, you must seek legal assistance. The article discusses the issues of processing a request for electronic evidence.

Keywords: electronic evidence, crime, information and communications technology, services, mutual legal assistance request, contract.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Миронова А.В. Оказание международной правовой помощи в получении электронных доказательств. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):78–80.

На протяжении нескольких лет отмечается стремительный рост количества преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. В 2015 г. отмечен их рост на 298,5%, в 2017 г. — на 24,5%. Если в 2017 г. органами предварительного расследования осуществлялось производство по 105 645 уголовным делам о такого вида преступлениях, то за восемь месяцев 2019 г. выявлено 180 153 преступления (рост составил 66,8%)¹.

Увеличение количества преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий, а также в отношении компьютерной информации оказывает влияние и на рост удельного веса электронных доказательств по уголовным делам, поскольку следы совершения многих таких преступлений будут существовать только в электронном виде.

Информационно-коммуникационные технологии предоставляют возможность совершения преступлений с использованием различных сетей на территории России, находясь за ее пределами. Наглядным примером этому стала волна ложных минирова-

ний различных объектов (торговых центров, вокзалов, школ, больниц зданий местных администраций и других учреждений) в 2017–2019 гг. в России. Эти преступные действия по заявлениям представителей государственных органов осуществлялись гражданами России и зарубежных стран, находившимися за пределами нашего государства. В связи с чем неотложной проблемой становится необходимость активизации международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Существенное место в таком сотрудничестве принадлежит международно-правовым механизмам регулирования и взаимодействия правоохранительных органов в вопросах противодействия и расследования преступлений, совершаемых с помощью компьютерных интернет-технологий. Вопрос о развитии практики взаимной правовой помощи по уголовным делам становится все более актуальным.

В раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых удаленно, помимо доказательств в обще-

¹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL://http://genproc.gov.ru

принятой форме, очень важную роль играют доказательства, которые могут быть предоставлены поставщиками услуг связи, используемых для обмена сообщениями с целью совершения преступлений (Интернет, социальные сети и зашифрованные приложения).

В четырех своих резолюциях Совет Безопасности Организации объединенных наций призвал государства-члены собирать и сохранять доказательства с тем, чтобы можно было проводить расследования и привлекать к ответственности лиц, ответственных за террористические акты². В резолюции № 2322 (2016 г.) конкретно отмечается значительное увеличение числа запросов о сотрудничестве в области сбора цифровых данных в Интернете и подчеркивается важность рассмотрения вопроса об оценке методов и передовой практики, в частности методов расследования и электронных доказательств.

Вышесказанное свидетельствует о готовности большинства стран оказывать правовую помощь, в том числе в предоставлении электронных доказательств.

Особенность некоторых электронных доказательств состоит в краткосрочности их существования, в возможности мгновенного уничтожения, поэтому существенной проблемой получения таких доказательств, при оказании правовой помощи по уголовным делам, является длительность процесса направления запроса о предоставлении информации, документов и прочих сведений, имеющих значение для уголовного дела.

Отсутствие регламентации как в международно-правовых актах, так и в УПК РФ конкретных сроков исполнения запросов является препятствием для оперативного исполнения запросов и получения ответов по ним.

Для решения проблем получения международной помощи необходимо обеспечить условия для сотрудничества с иностранными государствами, к которым относятся: правовая основа, соблюдение принципа взаимности, обеспечение прав личности, в соответствии с законодательством страны, оказывающей помощь.

В большинстве стран взаимная правовая помощь осуществляется только на основе договора, хотя в ряде стран помощь может оказываться на основе принципов взаимности или международной вежливости, или в соответствии с требованиями внутреннего законодательства. Несмотря на то, что в большинстве договоров об оказании правовой помощи не говорится о предоставлении по ним электронных доказательств, они могут служить правовой основой для их получения.

В договоре между Россией и США о взаимной правовой помощи по уголовным делам определено,

что под правовой помощью понимается любая помощь, оказываемая Сторонами в связи с предупреждением, пресечением, расследованием преступлений и уголовным преследованием, а также с производством, имеющим отношение к таким уголовным делам, в том числе, включающая предоставление документов, материалов и других предметов³. В договоре между Россией и Канадой⁴, Индией о взаимной правовой помощи по уголовным делам предусмотрено предоставление информации, документов и иных записей, включая досье преступников, материалы судопроизводства и материалы государственных учреждений и т.д.

В международном сообществе государств, стремящихся подчеркнуть озабоченность преступлениями с использованием цифровых технологий, принят ряд договоров, которые касаются исключительно международного сотрудничества и электронных доказательств или киберпреступности. К ним относятся Будапештская конвенция Совета Европы о киберпреступности, Конвенции Африканского союза о кибербезопасности и защите персональных данных (2014 г.), Лиги арабских государств по борьбе с правонарушениями, связанными с информационными технологиями (2010 г.) и ряд других.

Даже если государства не являются участниками определенных договоров, запрос о взаимной правовой помощи может основываться на договорах глобального уровня. Ряд резолюций Совета Безопасности ООН призывают государства оказывать друг другу максимальную помощь в связи расследованиями по уголовным делам, например, связанных с поддержкой террористических актов.

Важно соблюдать требования к оформлению запроса о взаимной правовой помощи. Ежегодно 3–4% запросов, поступивших в Главное управление международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ, для направления в иностранные государства об оказании правовой помощи возвращаются в Следственный департамент МВД России и в Следственный комитет России в связи с недостатками в их оформлении. Причиной возврата запросов являются отсутствие в них указания на истребование конкретных сведений, информации о преступлении,

² Резолюции Совета Безопасности ООН № 2322 (2016 г.), № 2331 (2016 г.), № 2341 (2017 г.) и № 2396 (2017 г.) // URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-2016>

³ Договор между Российской Федерацией и Республикой Индией о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 21 декабря 1998 г. // СЗ РФ. 2000. № 28. Ст. 2884.

⁴ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам (г. Москва 17 июня 1999 г.) // СЗ РФ. 2002. № 47. Ст. 4635; Договор между Российской Федерацией и Канадой о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 октября 1997 г. // СЗ РФ. 2001. № 9. Ст. 788.

по которому ведется расследование, формы правовой помощи, предусмотренной ст. 454 УПК РФ и международными договорами.

В запросе о правовой помощи в получении электронного доказательства необходимо изложить:

- ♦ цель; например, целью является идентификация субъекта, с указанием информации, которая поможет в этом (подробная информация о субъекте: имя, дата рождения, гражданство, номер документов, удостоверяющих личность, IP-адрес). Следует указать информацию, которая возможно была получена от поставщика услуг связи;

- ♦ краткое изложение закона, по которому проводится уголовное расследование (норма уголовного закона и закона, к которому она отсылает, например, закона об оружии);

- ♦ краткое изложение фактов, имеющих отношение к запрашиваемому электронному доказательству (например, с определенной электронной почты были направлены сообщения, содержание которых свидетельствует о совершении преступления, или имя профиля в социальной сети, используемое для совершения преступления и т.п.). Поскольку большинство основных поставщиков услуг сосредоточено в США, необходимо изучение законодательства, закрепляющего процедуры предоставления электронных доказательств;

- ♦ требуемая форма электронных доказательств (например, основная информация о подписчике, данные о пользователе, данные трафика, данные контента с объяснением технических терминов, используемых в записях).

Все данные, излагаемые в запросе, должны быть актуальны; рекомендуется указывать период времени, в который эти данные необходимо представить и насколько они смогут способствовать расследованию.

В некоторых странах существует правило транспарентности (информационной открытости/прозрачности), поэтому в запросе о правовой помощи надо формулировать просьбу о неразглашении с обоснованием ее веской причиной. Например, такой причиной может быть тот факт, что раскрытие информации может создать угрозу жизни конкретного человека, уничтожению доказательств и бегству от правосудия и т.п. В США неразглашение информации может быть установлено судебным приказом, за сроком действия которого необходимо следить.

Существуют и общие требования к запросу о правовой помощи (направление в рамках предварительного расследования по уголовному делу, язык изложения, правила оформления и порядка направления запроса), и особенности, обусловленные видом правовой помощи.

Таким образом, запрос о получении электронных доказательств должен соответствовать требованиям

отечественного уголовно-процессуального законодательства, а также быть обоснованным, содержательным и, вместе с тем, кратким, понятным, не противоречащим общим правовым стандартам и правилам международной вежливости.

Литература

1. Александров А.С., Кувычков С.И. О надежности «электронных доказательств» в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2013. № 5 (10).
2. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Собираение доказательств в виде сведений на электронных носителях в уголовном судопроизводстве России: необходимо совершенствование процессуальной формы // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47). С. 106–114.
6. Кокорева Л.В., Молоканова А.А. Порядок обращения с электронными носителями информации: процессуальный аспект // Уголовно-процессуальное законодательство: связь времен: Сб. науч. трудов Всерос. конф. (Московский областной филиал МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 14 марта 2019 г.) / Под общ. ред. Л.В. Кокоревой, О.Н. Лавровой, А.В. Мироновой. М., 2019.
7. Лаврова О.Н., Горач Н.Н. Проблемы теории и практики расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Актуальные вопросы производства предварительного следствия: теория и практика: Сб. науч. трудов Всерос. науч.-практ. конф. (11 апреля 2019 г.). М., 2019.
8. Марфицин П.Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3 (39). С. 106–109.

References

1. Aleksandrov A.S., Kuvychkov S.I. O nadezhnosti «elektronnykh dokazatel'stv» v ugolovnom protsesse // Biblioteka kriminalista. 2013. № 5 (10).
2. Gavrilin Yu.V., Pobedkin A.V. Sobiraniye dokazatel'stv v vide svedeniy na elektronnykh nositelyakh v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: neobkhodimo sovershenstvovaniye protsessual'noy formy // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 3 (47). S. 106–114.
6. Kokoreva L.V., Molokanova A.A. Poryadok obrashcheniya s elektronnyimi nositelyami informatsii: protsessual'nyy aspekt // Ugolovno-protsessual'noe zakonodatel'stvo: svyaz' vremen: Sb. nauch. trudov Vseros. konf. (Moskovskiy oblastnoy filial MosU MVD Rossii imeni V.Ya. Kikoty, 14 marta 2019 g.) / Pod obshch. red. L.V. Kokorevoy, O.N. Lavrovoy, A.V. Mironovoy. M., 2019.
7. Lavrova O.N., Gorach N.N. Problemy teorii i praktiki rassledovaniya prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii // Aktual'nye voprosy proizvodstva predvaritel'nogo sledstviya: teoriya i praktika: Sb. nauch. trudov Vseros. nauch.-prakt. konf. (11 aprelya 2019 g.). M., 2019.
8. Marfitsin P.G. Nekotorye podkhody k formulirovaniyu ponyatiya «elektronnoe dokazatel'stvo» v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2017. № 3 (39). S. 106–109.

О МЕСТЕ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ В СИСТЕМЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Анна Юрьевна Федюкина, доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: Fedyukina.a@mail.ru

Аннотация. Проанализированы вопросы, касающиеся расследования преступлений, совершенных с использованием электронных носителей информации. Рассмотрено понятие «электронный носитель информации» в контексте действующего законодательства; предложено авторское определение электронного носителя. Освещены проблемные аспекты порядка изъятия и копирования информации, содержащейся на электронных носителях. Обозначены проблемные аспекты определения места электронных носителей в системе доказательств по уголовным делам.

Ключевые слова: электронный носитель информации, информационная среда, доказательства, следственные действия, вещественные доказательства, законный владелец информации.

ON THE PLACE OF ELECTRONIC INFORMATION CARRIERS IN THE SYSTEM OF EVIDENCE IN CRIMINAL CASES

Anna Yu. Fedyukina, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: Fedyukina.a@mail.ru

Abstract. Analyzed the issues related to the investigation of crimes committed using electronic media. The concept of «electronic information carrier» is considered in the context of the current legislation, on the basis of which the author's definition of electronic media is proposed. The problematic aspects of the order of withdrawal and copying of information contained in electronic media are highlighted. The problematic aspects of determining the place of electronic media in the system of evidence in criminal cases are outlined.

Keywords: electronic information carrier, information environment, evidence, investigative actions, physical evidence, legal owner of information.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Федюкина А.Ю. О месте электронных носителей информации в системе доказательств по уголовным делам. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):81–83.

В современном мире информационные технологии стремительно внедряются в преступный мир. Для того, чтобы совершить кражу или мошенничество теперь не обязательно лезть в карман за кошельком или иметь непосредственный контакт с жертвой. Преступники научились похищать сотни тысяч рублей, не выходя из дома, используя обычный смартфон, компьютер, планшет, либо иное электронное устройство с вредоносным программным обеспечением.

Так, в 2018 г. органами внутренних дел было зарегистрировано более 206 тыс. преступлений в сфере телекоммуникационной и компьютерной систем, совершенных с использованием или применением расчетных карт, компьютерной техники, программных средств, фиктивных электронных платежей, сети Интернет и средств мобильной связи¹.

По данным Генеральной прокуратуры, за первые восемь месяцев 2019 г. в Российской Федерации было зарегистрировано около 2 млн киберпреступлений, что на 66,8% выше показателя за предыдущий год. В первую очередь, это преступления, которые совершены с использованием информационно-коммуникационных технологий, либо же в сфере компьютерной информации².

Приведенная статистика свидетельствует о необходимости совершенствования уголовно-процессуального законодательства, введение в него современ-

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2018 г. // URL://<https://media.mvd.ru/>

² Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–август 2019 г. // URL://<http://genproc.gov.ru/>

ных институтов, с помощью которых расследование преступлений, совершенных в информационной среде, станет более эффективным. Одной из таких новаций можно считать появление в уголовно-процессуальном кодексе такого доказательства, как электронный носитель информации.

В связи с тем, что УПК РФ не дает понятия электронного носителя информации, трактовать его можно достаточно широко.

В соответствии с п. 3.1.9 ГОСТ 2.051-2013 электронный носитель — материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемых с помощью средств вычислительной техники³. Под материальными носителями обычно понимают карты памяти sim или flash, дискеты, CD, DVD, BLU-Ray диски, жесткие диски компьютера, магнитные ленты и другие информативные электронные устройства.

Отдельные авторы к электронным носителям информации относят непосредственно мобильные устройства (телефоны, смартфоны), с помощью которых можно получить информацию о записях в телефонной книге, журналах вызовов, текстовых сообщениях, о контактах в электронной почте, переписке в различных социальных сетях, изображениях; аудио- и видеофайлах и других действиях с телефоном [1, с. 32]. Следуя данной логике к этой группе можно отнести компьютер, моноблок, ноутбук или планшет, в файлах которого хранится интересующая правоохранительные органы информация. Электронными носителями, по своей сути, являются банковские платежные карты и другие технические средства (например, банкоматы или терминалы) с помощью которых осуществляется перевод денежных средств.

Так, согласно п. 19 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» существует такое понятие, как электронное средство платежа — это средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств⁴.

Думается, что в рамках уголовно-процессуальной работы под электронными носителями уместно

понимать любые предметы, имеющими информационный накопитель данных, которые косвенно или напрямую будут иметь значение для уголовного дела.

В 2018 г. в УПК РФ появилась ст. 164.1, посвященная особенностям изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий. Исходя из смысла статьи — изъятие электронных носителей теперь может быть произведено в ходе любого следственного действия, а не только в ходе обыска и выемки, как это было ранее. Вместе с тем, законодатель наложил ограничения по кругу уголовных дел, в рамках которых может быть произведено изъятие электронного носителя. В частности, по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности, которые зачастую совершаются в информационной среде, электронные носители могут изыматься при соблюдении следующих условий:

- ♦ вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации;
- ♦ есть соответствующее судебное решение;
- ♦ на электронных носителях информации содержится информация, полномочиями на хранение и использование которой владеет электронный носитель информации не обладает, либо которая может быть использована для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение.

Перечисленные условия, на наш взгляд, вызывают ряд вопросов. Во-первых, как может быть назначена экспертиза в отношении электронного носителя, который еще не был изъят в ходе следственного действия. Во-вторых, надо полагать, что санкция суда на изъятие электронного носителя требуется, если оно будет сопряжено с производством обыска, выемки, осмотра жилища, либо иных следственных действий, производимых по решению суда, полученного в порядке ст. 165 УПК РФ. Соот-

³ ГОСТ 2.051-2013 Единая система конструкторской документации (ЕСКД). Электронные документы. Общие положения (с поправкой) (введен в действие приказом Росстандарта от 22 ноября 2013 г. № 1628-ст) // СПС «Консультант плюс».

⁴ Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе: (последняя редакция)» // СПС «Консультант Плюс».

ветственно, в неотложных случаях изъятие электронных носителей должно допускаться без судебного решения, на основании постановления следователя (дознателя) с последующим уведомлением прокурора и судьи.

Еще одной составляющей изъятия электронных носителей является возможность копирования содержащейся в них информации. Копирование должно осуществляться специалистом, в присутствии понятых. Инициатором копирования информации является законный владелец электронного носителя. При этом необязательно, что законным владельцем будет непосредственно подозреваемый или обвиняемый, это может быть сторонне лицо (обладатель содержащихся данных), не имеющее, на момент производства следственного действия, процессуального статуса участника процесса.

Согласно ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ копирование информации осуществляется на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изымаемых электронных носителей информации или обладателем содержащейся на них информации. Получается, что следователь не вправе произвести копирование информации, содержащейся на электронном носителе на иной, нежели электронный, носитель, например, распечатать информацию. Согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2017 г. № 482 порядок снятия копий с документов, изготовленных на бумажном носителе, для копирования их законным владельцам, не распространяется на копирование информации с электронных носителей информации, изъятых в ходе досудебного производства по уголовным делам⁵.

Судебно-следственная практика показывает, что, в ряде случаев, лицу, производящему расследование, достаточно сложно определить, к какому виду доказательств, перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, следует отнести электронный носитель. Более того, суды, как правило, разграничивают понятия «предметов документов» — как вещественных доказательств и «электронных носителей» — как вещественных доказательств, возводя их в отдельную категорию доказательств⁶. Об этом свиде-

тельствует и ст. 81.1 УПК РФ, которая закрепляет порядок признания предметов и документов, включая электронные носители информации, вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики. В ч. 1 ст. 81 УПК РФ, посвященной вещественным доказательствам, об электронных носителях не упоминается. Вместе с тем, в ч. 4 этой же статьи указывается, что изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами электронные носители информации подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты. Тем самым, косвенно признавая за электронными носителями статус вещественных доказательств по любым уголовным делам.

В заключении отметим, что институт электронных носителей информации нуждается в более расширенном толковании со стороны законодателя. Отсутствие понятия электронного носителя информации и его четкой принадлежности к определенному виду доказательств; пробелы в процессуальном статусе законного владельца информации и обладателя, содержащихся в них данных; не достаточная регламентация порядка изъятия и копирования информации с электронных источников, несколько тормозит процесс доказывания по уголовным делам. Будем надеяться, что эти неясности в скором времени будут разрешены.

Литература

1. *Скобелин С.Ю.* Использование специальных знаний при работе с электронными следами // Российский следователь. 2014. № 20. С. 32.

References

1. *Skobelin S. Yu.* Ispolzovanie spetsialnykh znaniy pri rabote s elektronnyimi sledami // Rossiyskiy sledovatel'. 2014. № 20. S. 32.

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2017 г. № 482 «Об утверждении положения о порядке снятия копий с документов по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики» // СПС «Консультант плюс».

⁶ Апелляционное постановление Московского городского суда от 14 мая 2018 г. по делу № 10-7118/2018 // СПС «Консультант плюс».

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ КАК СРЕДСТВО ПОЛУЧЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ИНФОРМАЦИИ ОБ ИМУЩЕСТВЕ, НА КОТОРОЕ МОЖЕТ БЫТЬ НАЛОЖЕН АРЕСТ В ЦЕЛЯХ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Дмитрий Александрович Иванов, начальник кафедры предварительного расследования, доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: ida_2008_79@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются возможности использования информационных ресурсов в целях получения следователем информации об имуществе, на которое может быть наложен арест. Обоснован вывод о том, что использование следователем различных стремительно развивающихся баз данных и информационных ресурсов в целях установления имущества, на которое может быть наложен арест, создает реальные гарантии возмещения вреда, причиненного преступлением.

Ключевые слова: вред, причиненный преступлением, следователь, наложение ареста на имущество, предварительное расследование.

INFORMATION RESOURCES AS A MEANS OF OBTAINING INFORMATION BY THE INVESTIGATOR ABOUT THE PROPERTY, WHICH CAN BE SEIZED IN ORDER TO COMPENSATE FOR THE HARM CAUSED BY THE CRIME

Dmitry A. Ivanov, Head of the Department of Preliminary Investigation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: ida_2008_79@mail.ru

Abstract. The possibilities of using information resources in order to obtain the investigator information on property that may be seized. The conclusion is substantiated that the use by the investigator of various rapidly developing databases and information resources in order to establish property that may be seized creates real guarantees of compensation for damage caused by the crime.

Keywords: harm caused by a crime, investigator, seizure of property, preliminary investigation.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Иванов Д.А. Информационные ресурсы как средство получения следователем информации об имуществе, на которое может быть наложен арест в целях возмещения вреда, причиненного преступлением. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):84–87.

Говоря о наличии сведений относительно имущества, подлежащего аресту, представляется актуальным осветить вопрос, касающийся информационных ресурсов с помощью которых следователь может получить такого рода информацию. Своевременным будет указать учреждения и организации, в которых можно получить интересующие следователя сведения с учетом специфики того или иного имущества, на которое предполагается наложить арест.

В качестве таких источников выступают:

♦ Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр)¹, где представляется необходимым получить сведения об имеющихся правах на недвижимое имущество и сдел-

ках с ним, а также об участии в долевом строительстве². Территориальные органы Росреестра и отделения Бюро технической инвентаризации (БТИ) также обладают информацией о наличии земельных участков, зарегистрированных на конкретное лицо либо на его родственников. *В частности, как успешное ре-*

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июня 2009 г. № 457 «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2009. № 25. Ст. 3052.

² Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 40.

шение данной задачи следует отметить материалы уголовного дела № 108652, расследованного в Следственном управлении МВД по Чувашской Республике в отношении Ш., являющегося учредителем и директором ООО «Стар21.ком», ООО «Прайд», ООО «Драйв-авто» и ООО «Ипсум», по признакам преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 196, ч. 4 ст. 159, ч. 2 ст. 201 УК РФ по фактам мошенничества в отношении физических лиц и преднамеренного банкротства, повлекшее причинение имущественного вреда на сумму 306 млн руб. В результате надлежащей и оперативной организации совместной работы органов предварительного следствия и территориальных органов Росреестра установлены третьи лица, на которых зарегистрированы четыре земельных участка, фактически принадлежащих обвиняемому. На обнаруженные земельные участки наложен арест, тем самым приняты меры обеспечительного характера в размере 332 млн руб.³;

♦ Федеральная налоговая служба (ФНС России)⁴, обладающая сведениями о зарегистрированных юридических лицах и индивидуальных предпринимателях. Примером надлежащей работы органов предварительного расследования и ФНС России по обеспечению возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемыми деяниями, могут служить материалы уголовного дела № 10/14138, возбужденного в Следственном управлении МВД по Республике Северная Осетия — Алания по ч. 4 ст. 159 УК РФ по факту хищения М. и С. путем незаконного возмещения налога на добавленную стоимость (НДС) посредством предоставления сведений о совершении мнимых сделок между подконтрольными преступникам организациями бюджетных денежных средств в сумме 265 млн 911 тыс. руб. В целях возмещения вреда, причиненного бюджету Российской Федерации, установлено место нахождения и наложен арест на имущество обвиняемых на общую сумму 376 млн 356 тыс. руб., превышающий общую сумму причиненного имущественного вреда⁵;

♦ Государственная инспекция безопасности дорожного движения МВД России, которая может предоставить сведения о зарегистрированных транспортных средствах (с рабочим объемом двигателя внутреннего сгорания более 50 куб. см и максимальной конструктивной скоростью более 50 км/час, а также прицепов к ним, предназначенных для движения по автомобильным дорогам общего пользования);

♦ банки и кредитные организации⁶, располагающие сведениями о банковских операциях и других сделках в рублях и в иностранной валюте, а также о предоставлении в аренду специальных помещений или находящихся в них сейфов и ячеек, предназначенных для хранения документов и иных ценностей;

♦ в нотариальных конторах, у нотариусов, занимающихся частной практикой, и уполномоченных на совершение нотариальных действий должностных лиц можно получить информацию (документы) о совершенных нотариальных действиях;

♦ национальное центральное бюро Интерпола⁷ обладает сведениями из других государств о сбыте похищенного имущества⁸. При этом в ходе предварительной проверки сообщений о преступлениях и правонарушениях в сфере экономики, а также в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий по делам указанной категории через НЦБ Интерпола могут быть получены официальные наименования юридических лиц, зарегистрированных за рубежом. Кроме этого НЦБ Интерпола располагает сведениями об их юридических адресах, номерах и датах регистрации; фамилиях и именах физических лиц — руководителей (в отдельных случаях — учредителей, акционеров); направлениях деятельности; размерах уставного капитала; сведениях о деятельности юридических и физических лиц криминального характера;

³ Обзор Следственного департамента МВД России «О состоянии совместной работы по установлению, изъятию и возврату потерпевшим имущества и денежных средств» от 4 мая 2016 г. № 17/2-11237.

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2004 г. № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» (с изм. и доп.) // Российская газета. 2004, 6 окт.

⁵ Обзор Следственного департамента МВД России «О состоянии совместной работы по установлению, изъятию и возврату потерпевшим имущества и денежных средств» от 4 мая 2016 г. № 17/2-11237.

⁶ Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 30 июля 1996 г. № 1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции — Интерпола» (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 32. Ст. 3895.

⁸ Приказ МВД России № 786, Минюста России № 310, ФСБ России № 470, ФСО России № 454, ФСКН России № 333, ФТС России № 971 от 6 октября 2006 г. «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» (с изм. и доп.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 47. С. 5–8.

♦ при расследовании уголовных дел о преступлениях экономической и коррупционной направленности запрашивается информация в подразделениях Росфинмониторинга о наличии счетов, движении активов, имуществе и других ценностях подозреваемых (обвиняемых), а также их близких родственников. Примером своевременного обращения и эффективного взаимодействия органов предварительного расследования с территориальными подразделениями Росфинмониторинга может служить *уголовное дело, расследованное в Следственном управлении УМВД России по Архангельской области в 2015 г. по обвинению П. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 2 ст. 174.1 УК РФ. В ходе предварительного следствия с целью установления факта притворности сделки по продаже обвиняемым П. недвижимого имущества следователем был направлен запрос в МРУ Росфинмониторинга по Северо-Западному федеральному округу с постановкой конкретных задач на установление параметров состоявшейся сделки. Полученные результаты о мнимости сделки были использованы при производстве предварительного расследования, и на здание стоимостью 5 млн. 911 тыс. руб. был наложен арест, что позволило обеспечить возмещение причиненного имущественного вреда на 100%⁹.*

Указав основные государственные органы, располагающие информационными ресурсами в которых имеется интересующая следователя информация об имуществе, на которое может быть наложен арест, следует отметить, что, начиная с первоначального этапа предварительного следствия, именно следователю должен организовать незамедлительное проведение следственных действий, направленных на выявление имущества и денежных средств, подлежащих аресту, в целях последующего удовлетворения заявленных исковых требований. Следует также обеспечить установление движения похищенных денежных средств по расчетным счетам фиктивных организаций, определение конечных получателей похищенного, а также конкретных лиц, являющихся выгодоприобретателями по сделкам, совершенным с указанными денежными средствами.

Должностным лицам, осуществляющим предварительное расследование, целесообразно использовать современные информационные базы данных (страховых компаний, банков, кредитных организаций и т.п.), а также информацию, содержащуюся в

аккаунтах подозреваемых (обвиняемых), зарегистрированных в социальных сетях («Одноклассники», «ВКонтакте», «Фейсбук» «Инстаграм» и др.) с целью получения достоверных данных о возможном владении или распоряжении имуществом, на которое может быть наложен арест.

В случаях, когда предметом хищения являются денежные средства, похищенные с расчетных счетов физических и юридических лиц, целесообразно осуществлять их розыск путем истребования в банках выписок по расчетным счетам. При этом следователю рекомендуется обращаться в районные суды с ходатайствами о наложении ареста на похищенные денежные средства в целях недопущения последующего их перевода и обналичивания.

По уголовным делам, предметом хищения по которым являются мобильные устройства (телефоны, планшетные компьютеры), целесообразно обращаться в суды с ходатайствами о разрешении получения в компаниях–операторах сотовой связи информации о совершенных с похищенных мобильных устройств соединениях и о лицах, в чьем пользовании находится похищенное имущество. Обоснованным будет и последующее изъятие указанного имущества, осуществляемое в ходе проведения таких следственных действий, как обыск, личный обыск, выемка.

При расследовании уголовных дел по фактам неправомерного завладения недвижимым имуществом следователям необходимо принимать меры к прекращению дальнейших сделок с указанным объектом недвижимости с целью возмещения имущественного вреда потерпевшим. При этом объекты недвижимости следует признавать вещественными доказательствами, а в информационный реестр Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии направлять сообщения о прекращении регистрации сделок с указанными объектами недвижимости. Одновременно, и как можно более оперативно, вносить в суд ходатайство о наложении ареста на имущество [1, с. 16–17].

Подтверждение успешной реализации данного направления деятельности могут служить мате-

⁹ Обзор Следственного департамента МВД России «О состоянии совместной работы по установлению, изъятию и возврату потерпевшим имущества и денежных средств» от 4 мая 2016 г. № 17/2-11237.

риалы уголовного дела, расследованного в Следственном управлении УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве, из которых следует, что М. не позднее 21 ноября 2012 г. в не установленном следствием месте вступил в предварительный сговор с не установленными следствием лицами, направленный на приобретение права собственности на квартиру, расположенную по адресу г. Москва, ул. Лавочкина, д. XX, корп. X, кв. XXX, принадлежащую по праву собственности Б. В дальнейшем, реализуя свой преступный умысел, М. совместно с не установленными следствием соучастниками, используя поддельный паспорт и представляясь личными данными Б., путем обмана заключил с К. договор купли-продажи указанной квартиры. Таким образом, М. совместно с не установленными следствием соучастниками путем обмана распорядился чужим имуществом, лишив Б. права собственности на квартиру. В ходе предварительного расследования потерпевшим Б. был заявлен гражданский иск, и в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска на указанную квартиру был наложен арест в виде запрета ею распоряжаться, а Управлению Росреестра по г. Москве направлен запрет на осуществление государственной регистрации сделок с указанной квартирой¹⁰.

В заключение следует отметить, что наложение ареста на имущество как мера процессуального

принуждения носит превентивный и, в то же время, обеспечительный характер, заключающийся в пресечении умысла подозреваемого, обвиняемого, направленного на сокрытие, реализацию или иное законное отчуждение имущества. При этом использование следователем различных стремительно развивающихся баз данных и информационных ресурсов в целях установления имущества, на которое может быть наложен арест, создает реальные гарантии возмещения вреда, причиненного преступлением.

Литература

1. Епихин А.Ю. Наложение ареста на имущество как мера обеспечения исполнения приговора в виде значительного штрафа // Российский следователь. 2012. № 16. С. 16–17.

References

1. Epikhin A.Yu. Nalozhenie aresta na imushchestvo kak mera obespecheniya ispolneniya prigovora v vide znachitel'nogo shtrafa // Rossiyskiy sledovatel'. 2012. № 16. S. 16–17.

¹⁰ Обзор Следственного департамента МВД России «О состоянии совместной работы по установлению, изъятию и возврату потерпевшим имущества и денежных средств» от 4 мая 2016 г. № 17/2-11237.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

4-е изд., перераб. и доп. Учебник. 439 с.
Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»
Гриф НИИ образования и науки
Под ред. И.А. Климова

Изложены базовые положения теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в Российской Федерации. Приведены материалы, касающиеся правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, оперативно-розыскного обеспечения уголовного судопроизводства и других вопросов, не составляющих государственную тайну.

В основе учебника — Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 5 июля 1995 г. (с многочисленными изменениями и дополнениями).

Для студентов, слушателей и курсантов учебных заведений системы правоохранительных органов Российской Федерации.

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Оперативно-розыскная деятельность

Учебник
Четвертое издание

ПРАВОМЕРНОСТЬ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОЛУЧЕНИЕМ ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИИ

Елена Юрьевна Алонцева, доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук,
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: alontseva.alena@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы правомерности ограничения конституционных прав и свобод граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство, в отношении которых производятся следственные действия, связанные с получением электронной информации; проблемы возникающие при этом.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, следственные действия, электронная информация, конституционные права и свободы граждан, правомерность, судебное решение.

LEGITIMACY OF RESTRICTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS IN THE COURSE OF INVESTIGATIVE ACTIONS RELATED TO OBTAINING ELECTRONIC INFORMATION

Elena Yu. Alontseva, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: alontseva.alena@yandex.ru

Abstract. Discussed the legality of restricting constitutional rights and freedoms of citizens involved in criminal proceedings in respect of which investigative steps are taken related to obtaining electronic information, problems arising from this.

Keywords: criminal proceedings, investigative actions, electronic information, constitutional rights and freedoms of citizens, lawfulness.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Алонцева Е.Ю. Правомерность ограничения конституционных прав и свобод граждан при производстве следственных действий, связанных с получением электронной информации. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):88–90.

Охрана прав и свобод человека и гражданина — прямая обязанность государства. В уголовном судопроизводстве эта обязанность возложена на государственные органы и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Преступность, ее формы, качество, изменились и представляют серьезную и значимую угрозу для общества в настоящее время, в связи с чем выявление, предотвращение, раскрытие и расследование преступлений требует соответствующего реагирования и качественного расследования по уголовному делу.

В современном мире, в эпоху информационных технологий, расследование преступлений связано с получением информации, имеющей значение для уголовного дела, которая в том числе хранится на электронных носителях либо может быть получена с их помощью.

В рамках данной статьи предполагается рассмотреть актуальные аспекты правомерности и законности получения информации для уголовного дела, содержащейся на электронных носителях.

В ходе расследования уголовного дела получение такой информации предусмотрено только при производстве следственных действий. Электронный носитель информации — это материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью вычислительной техники¹. Термин «электронные носители информации» был введен в УПК РФ впервые Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 143, который

¹ Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. Гост 2.051-2006 // Приказ Ростехрегулирования от 22 июня 2006 г. № 119-ст // URL://-https://official.academic.ru/30372

рассматривается как отдельный вид вещественных доказательств². В 2016 г. законодатель внес в УПК РФ новую ст. 81.1 «Порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики», в которой уточняет порядок признания вещественными доказательствами электронных носителей³. Далее в 2018 г. введена отдельная статья, посвященная особенностям изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий (ст. 164.1 УПК РФ)⁴.

Тем не менее, анализ норм уголовно-процессуального кодекса свидетельствует о том, что существующий процессуальный порядок получения и использования электронной информации недостаточно регламентирован законодателем. В систему следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, включены следственные действия, производство которых связано с получением такой информации. К ним относятся: контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ), наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ). Изъятие электронных носителей либо копирование информации возможно в ходе выемки и обыска (ст. 182, 183 УПК РФ). Надо полагать, что изъятие электронных носителей осуществляется и на стадии возбуждения уголовного дела в рамках проверки сообщения о преступлении. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ по поступившему сообщению о преступлении следователь вправе изымать предметы и документы; полагаем, что к ним можно отнести и электронные носители. Данное процессуальное действие возможно осуществить только в рамках одного следственного действия — осмотра места происшествия (ст. 176 УПК РФ).

Возникает справедливый вопрос относительно необходимости судебного решения для данного процессуального действия, как того требует ст. 164.1 УПК РФ. В связи с тем, что производство следственных действий связано с ограничением конституционных прав и свобод граждан, необходимо определить условия правомерности и недопустимости незаконного их ограничения и нарушения. Правомерность — это качественная характеристика (свойство) фактических действий, деятельности, отображающая их правовой (правомерный) характер⁵. Полагаем, что

правомерность производства следственного действия связана с его познавательным элементом и процессуальным порядком производства, что обусловлено несколькими составляющими. К процессуальной составляющей правомерности относится основание производства следственного действия — фактическое и юридическое (ч. 1 ст. 164 УПК РФ), процессуальный порядок, регламентированный конкретной статьей УПК РФ, права и обязанности участников следственного действия, удостоверительный момент и законность государственного принуждения, применяемого при его производстве. Каждый из указанных аспектов при производстве следственных действий, направленных на получение доказательств из информации, хранящейся на электронных носителях и полученной с использованием телекоммуникационных сетей, направлен на защиту конституционных прав и свобод граждан. Бесспорно, что только при строгом следовании нормам закона можно устанавливать законность способов получения информации и трансформации ее в доказательства по уголовному делу.

Обоснованно утверждать, что наиболее важной гарантией правомерности выступает требование о том, что указанные следственные действия производятся на основании судебного решения (юридическое основание). Причем безотлагательность производства следственного действия (как например при производстве обыска, выемки в жилище, личного обыска в случаях, не терпящих отлагательства) без предварительного судебного решения законодателем запрещена. Следует заметить, что законодатель не устанавливает перечень участников уголовного судопроизводства, в отношении которых могут произведены указанные следственные действия, но ознакомиться с судебным решением и с протоколами следственных действий может только обвиняемый при ознакомлении с материалами уголовного дела, воспользовавшись правом, предусмотренным п. 14 ч. 4 ст. 47 УПК РФ. В данном случае следует обратиться к судебной практике.

² Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. В 4 т. М.: Рус.яз.: Полиграфресурсы, 1999.

Так, по данному вопросу Конституционный Суд РФ в определении от 21 декабря 2006 г. № 590-О установил: «Если на почтово-телеграфные отправления наложен арест, не означает, что проведение названных следственных действий может быть произвольным. Закон устанавливает, что для их проведения во всяком случае необходимо наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела, либо они могут содержаться в бандеролях, посылках или других почтово-телеграфных отправлениях»⁶. Определение фактического основания для производства следственного действия в данном случае следует также отнести к правомерности его производства. Конституционный суд РФ в своем решении не связывает наличие фактического основания с процессуальным положением лица, в отношении которого может быть произведено какое-либо из указанных следственных действий. Далее справедливо остановиться на лицах, принимающих участие в следственных действиях. При наличии судебного решения субъектом производства является должностное лицо органа предварительного расследования в производстве которого находится уголовное дело. Положения ст. 164.1 УПК РФ категорично предписывают изъятие информации и копирование информации, содержащейся на электронных носителях проводить только с участием специалиста, что не вызывает каких-либо сложностей и возражений по той причине, что участие специалиста предусмотрено соответствующими нормами УПК РФ, он является процессуальным участником следственного действия и относится к участникам уголовного судопроизводства. При выемке информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, либо почтово-телеграфных отправлениях, материальные носители информации хранятся операторами сотовой связи созданы либо самими участниками уголовного судопроизводства (письма, электронные письма). Производство таких следственных действий, как контроль и запись телефонных и иных переговоров, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка сопряжено с вовлечением лиц, непосредственно не имеющих отношение к расследуемому уголовному делу, — это либо специальные подразделения, либо федеральный орган исполнительной власти, либо обычные операторы связи или сотрудники почтовых

учреждений. Следовательно сам непосредственно не осуществляет прослушивание и запись переговоров, либо задержание почтово-телеграфной корреспонденции. Техническую часть следственного действия выполняют либо специальные оперативные подразделения, либо сотрудники почтовых учреждений и операторы сотовой связи, куда поступает судебное решение; их нельзя отнести к специалистам, их деятельность не регулируется нормами уголовно-процессуального кодекса. При этом фонограммы создаются сотрудниками специализированных подразделений, так как сами переговоры ведутся устно. Следовательно, получая запись на электронных носителях, должен быть уверен в том, что оперативные подразделения органов исполнительной власти, имея специальное техническое оснащение и возможности, не могут различными способами исказить информацию о времени записи, дате и т.д. Средства, способы и технические средства, используемые при прослушивании и записи телефонных переговоров определяются оперативными подразделениями и сведения о них не подлежат разглашению. С учетом этого следует более тщательно подходить к собиранию, проверке и оценке доказательств, полученных таким способом. Так фонограммы, материальные носители информации должны быть после каждого осмотра и прослушивания опечатаны, при наличии основания должна быть назначена фоноскопическая экспертиза. Аргументирование данного вывода связано с результатами обобщения судебной практики.

Итак, в результате рассмотрения отдельных аспектов правомерности ограничения конституционных прав и свобод граждан при получении электронной информации в рамках следственных действий следует сделать вывод о том, что необходимо уточнить процессуальный порядок изъятия информации, содержащейся на электронных носителях на стадии возбуждения уголовного дела. Также нуждается в дальнейшем изучении вопрос, касающийся законности получения информации, содержащейся на электронных носителях в случаях, когда сам следователь получает ее от лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 590-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Мачалабы Н.Н. на нарушение его конституционных прав статьями 125, 165, 182, 185, 186, 404, 406 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 5, 9, 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // URL: https://legalacts.ru/doc/Opredelenie-Konstitucionnogo-suda-ot-21-dekabrja-2006-g_-N-590_O/#100009

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ ПОДХОДА К ДОКАЗЫВАНИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ФАЙЛОВ

Александр Васильевич Шаров, начальник кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Анализируются вопросы использования в доказывании электронных документов. Делается вывод о том, что процесс доказывания должен обладать иным набором инструментов, средств, относящихся к работе с электронными документами (компьютерными файлами и т.д.), носить более оперативный характер, характеризующийся существенным снижением бумажного документооборота.

Ключевые слова: доказывание, уголовное судопроизводство, компьютерные файлы, электронный документ, информационные технологии.

ON THE NEED TO CHANGE THE APPROACH TO PROVING THE ORIGIN OF COMPUTER FILES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Aleksandr V. Sharov, Head of the Department of Criminology, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. The issues of using electronic documents in proving are analyzed. It is concluded that the proof process should have a different set of tools, tools related to working with electronic documents (computer files, etc.), be more operational, characterized by a significant reduction in paper document flow.

Keywords: evidence, criminal proceedings, computer files, electronic document, information technologies.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Шаров А.В. О необходимости изменения подхода к доказыванию в уголовном судопроизводстве происхождения компьютерных файлов. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):91–93.

Известно, что процесс доказывания по уголовным делам состоит, как писал М.С. Строгович, «...в установлении посредством доказательств исчерпывающих фактов и обстоятельств, которые имеют значение для разрешения расследуемого уголовного дела» [2, с. 295]. Не вдаваясь в многочисленные дискуссии о проблемах доказывания, отметим, что в целом, процесс доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве основывается на общих методологических положениях: о первичности материи и вторичности сознания; человеческое сознание в состоянии правильно отразить объективную реальность; процесс познания осуществляется по схеме «от живого содержания — к абстрактному мышлению, а от него — к практике»; установление истины — это результат цели познания; «практика является критерием истины» [1, с. 107–108].

Доказывание как одно из разновидностей процесса познания истины предполагает установление источ-

ника и содержания доказательства, его связи с событием, обличение полученных обстоятельств в процессуальную форму. Такая форма предполагает ее гармоничное, непротиворечивое наполнение содержанием, которое составляет суть доказательства, его смысл. Практически всегда такое наполнение обеспечивает применение криминалистических средств и методов. Приведенные выше методологические основы справедливости и для криминалистического познания, в частности, они применяются в теории идентификации.

Криминалистическая идентификация как частная научная теория базируется на трех постулатах: объекты материально мира индивидуальны и тождественны только самим себе; объекты материального мира относительно устойчивы; при взаимодействии объекты отражают на себе следы такого взаимодействия. Приведенные положения справедливы для так называемых «традиционных» материальных объектов — объектов, имеющих уникальный, неповтори-

мый набор признаков, по которым его можно выделить из числа ему подобных, т.е. осуществить идентификацию, установить тождество (провести идентификацию или отождествление). Эти признаки отражаются в результате взаимодействия объекта с окружающей действительностью.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ применяет понятие идентификации в том же смысле, говоря, например, о материалах «...фото- и видеосъемки изъятых животных, а также иные сведения и документы, содержащие видовые и индивидуальные признаки животного, позволяющие его идентифицировать (инвентарный номер, кличка, метки и другие, в случае необходимости также результаты исследований)» (подп. «в» п. 9 ч. 2 ст. 82 УПК РФ «Хранение вещественных доказательств») и в ряде других случаев.

Однако, необходимо понимать, что криминалистическая идентификация объекта, так или иначе, основывается на постулате о его индивидуальности и неповторимости и тождественности только самому себе. Эта точка зрения господствует в настоящее время, несмотря на наличие убедительных доводов о ее недостатках. В частности, наиболее ярко такие недостатки проявляются при использовании в доказывании так называемых «цифровых» (виртуальных, компьютерно-технических и т.п.) следов, в частности компьютерных файлов.

По своей природе такие объекты, как и «традиционные», также материальны. Однако, они не могут классифицироваться по известным «традиционным» основаниям классификации материальных следов, поскольку несколько иным способом отражаются в окружающей действительности. Этот способ можно познать посредством применения специальных средств и методов, относящихся к информационным технологиям. Т.е. речь должна идти о информационно-технологической (компьютерно-технической и т.п.) идентификации.

Совершая преступление с использованием информационных технологий, преступник пользуется определенными алгоритмами, т.е. наборами правил и инструкций, которые, несомненно, должны привести к достижению преступного результата. Практически все преступления сходного вида совершаются также сходными способами. Анализ уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 146 (Нарушение авторских и смежных прав), ст. 272 (Неправомерный доступ к компьютерной информации), ст. 273 (Созда-

ние, использование и распространение вредоносных компьютерных программ) УК РФ, показывает, что преступники действовали практически одним и тем же способом: незаконно «скачивали» из сети Интернет дистрибутив программы, хранили его на носителе, затем устанавливали на компьютер пользователя. Для преодоления внутренней защиты программы от нелегального пользования применяли различные программы, позволяющие активировать незаконно установленное программное обеспечение. Подходы к расследованию уголовных дел о таких преступлениях также не отличаются оригинальностью, в чем можно убедиться при изучении практически «одинаковых» обвинительных заключений.

Сфера информационных технологий функционирует по своим закономерностям создания, изменения, хранения, использования информации и т.д. Преобразуя эти закономерности для нужд раскрытия и расследования преступления, правоохранители не имеют права изменять источник информации, структуру информации, форму ее хранения. Например, для представления этих объектов в качестве доказательств можно применять твердую копию документа — полученную на устройствах вывода ЭВМ, надлежащим образом удостоверенную форму внешнего представления электронного документа, выполненную на бумажном носителе¹.

Т.е. в доказывании также необходимо пользоваться средствами и методами, предназначенными для работы с такой информацией. Иными словами, для работы с компьютерными файлами необходимо применять специализированные средства вычислительной техники (программное обеспечение и т.п.), а не «традиционные» криминалистические средства и методы. Такое же правило необходимо применить и к процессуальной форме доказательства, поскольку она активно должна отражать содержание доказательства.

Применять криминалистические закономерности идентификации к компьютерным файлам нельзя ввиду возможности их фактического клонирования: функция копирования на самом деле не производит копию файла, она производит тот же самый файл. В этом легко убедиться, проверив их контрольные сум-

¹ «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. ГОСТ 2.051-2006». Введен приказом Ростехрегулирования от 22 июня 2006 г. № 119-ст. С учетом Межгосударственного стандарта «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. ГОСТ 2.051-2013 // СПС «КонсультантПлюс».

мы или хэш-код² — «...некоторое значение, рассчитанное по набору данных путем применения определенного алгоритма, и используемое для проверки целостности данных при их передаче и хранении... и могут быть использованы для сравнения двух наборов данных на неэквивалентность...»³.

Этим подвергается сомнению одна из научных основ криминалистической идентификации — тождественность объекта только самому себе, поскольку образуется несколько тождественных объектов. Такая позиция основывается на существовании в сфере информационных технологий иного подхода к идентификации объектов — компьютерных файлов, в частности, электронных документов.

Идентичный документ — это документ, одинаковый с исходным по содержанию и формату и (или) кодам данных и может быть выполнен только на одинаковых видах носителя данных⁴. Это определение показывает, что в уголовном судопроизводстве в качестве доказательств используются далеко не идентичные объекты. Действительно, имеются необходимые признаки идентичности электронного документа — содержание, формат, код данных. Однако, различие в видах носителя проверяемого и обнаруженного документа перечеркивает возможность оперирования термином «идентичный».

В такой ситуации более подходит термин «аутентичный документ» — документ, одинаковый с исходным по содержанию и различный по формату и (или) кодам данных и может быть выполнен на одинаковых или разных видах носителя данных⁵. Действительно, такой подход практически полностью устраивает процесс доказывания, за одним исключением: УПК РФ не содержит какого-либо упоминания об аутентичных документах.

Такой подход неприемлем. Считаю необходимым привести в соответствие норм УПК РФ с действующими нормативами и нормативными актами, регулирующими сферу информационных технологий, поскольку существующее положение необъективно отражает процесс получения таких доказательств и процесс доказывания в целом. Нет необходимости применять к так называемым «цифровым» следам те же средства и методы познания, которые применяются к «традиционным» следам. Первые образуются посредством движения электрических зарядов, а вторые — посредством непосредственного контакта (механического и иного) следообразующего и следовоспринима-

ющего объектов, поэтому подход к процессу доказывания в уголовном судопроизводстве происхождения компьютерных файлов необходимо менять.

Имеющийся набор средств доказывания, который обязательно необходимо применить для технической идентификации или аутентификации электронного документа, слишком громоздкий. Эти средства выполняют единственную роль — придание должной процессуальной формы идентифицированию, но только криминалистическому, а это неприемлемо.

Следовательно, процесс доказывания должен обладать иным набором инструментов, средств, относящихся к работе с электронными документами (компьютерными файлами и т.д.), носить более оперативный характер, характеризующийся существенным снижением бумажного документооборота, например, посредством применения специально разработанных электронных форм, отказа от производства судебно-компьютерных экспертиз для решения задачи идентификации файлов в пользу проведения следственного осмотра с применением доступных приложений, включающих хэш-код и пр. Первый шаг в этом направлении уже сделан в 2016 г., когда в УПК РФ была введена гл. 56 «Порядок использования электронных документов и бланков процессуальных документов».

Литература

1. *Ендольцева А.В., Сыдорук И.И., Химичева О.В.* и др. Уголовный процесс: Учеб. пособие / Под ред. И.И. Сыдорука, А.В. Ендольцевой. 4-е изд. М., 2017.
2. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968.

References

1. *Endoltseva A. V., Sydoruk I. I., Khimicheva O. V.* i dr. *Ugolovnyy protsess: Ucheb. posobie* / Pod red. I. I. Sydoruka, A. V. Endoltsevoy. 4-e izd. M., 2017.
2. *Strogovich M. S.* *Kurs sovetskogo ugolovnogogo protsessa*. M., 1968.

² Хэш-код — строка бит, являющаяся выходным результатом хэш-функции. См.: ГОСТ Р 34.11-2012 «Информационная технология. Криптографическая защита информации. Функция хэширования. Опубликовано на официальном сайте Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии // URL://<http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=180209>

³ URL://https://ru.wikipedia.org/wiki/Контрольная_сумма

⁴ «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. ГОСТ 2.051-2006». Введен приказом Ростехрегулирования от 22 июня 2006 г. № 119-ст. С учетом Межгосударственного стандарта «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения. ГОСТ 2.051-2013 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Там же.

УДК 343.1
ББК 67.411

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10144
© О.Е. Жамкова, 2020

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОЗАПИСИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ольга Евгеньевна Жамкова, доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: olga_zhamkova@mail.ru

Аннотация. Затронуты отдельные проблемные вопросы, связанные с возможностью использования видеозаписи в сфере уголовного судопроизводства. Делается вывод о том, что использование видеозаписи при производстве по уголовному делу имеет устойчивые тенденции и перспективы к развитию и совершенствованию.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, видеозапись, следственные действия, доказательства.

USE OF VIDEO RECORDINGS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Ol'ga E. Zhamkova, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: olga_zhamkova@mail.ru

Abstract. Some problematic issues related to the possibility of using video recordings in criminal proceedings were raised. It is concluded that the use of video recording in criminal proceedings has stable trends and prospects for development and improvement.

Keywords: criminal proceedings, video recording, investigative actions, evidence.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Жамкова О.Е. Использование видеозаписи в уголовном судопроизводстве. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):94–96.

Современное развитие общества все более часто требует от правоприменителей использования в повседневной деятельности современных информационных технологий. Информационные технологии планомерно и постепенно включаются и в уголовное судопроизводство. С 2011 г. допускается допрос свидетелей и потерпевших путем использования систем видео-конференц-связи (ст. 278.1 УПК РФ). Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 553 в УПК РФ введена ст. 164.1, регламентирующая особенности изъятия электронных носителей информации и копирования информации с них¹.

Следует отметить, что предложения по совершенствованию использования информационных технологий в уголовно-процессуальной деятельности чрезвычайно разнообразны. Так, например, высказываются рекомендации о введении технологии удостоверения процессуального документа любым участником уголовного судопроизводства, заменив ею обычную подпись. Интересным представляется и мнение относительно возможности предоставления потерпевшим права на отслеживание в режиме реального времени (через Интернет) движения производства по уголовному делу. Особое внимание занимает проект «Элек-

тронное уголовное дело», которое должно стать кульминацией электронного документооборота [1, с. 95].

В рамках данной статьи представляется интересным проанализировать возможности и перспективы использования видеозаписи в уголовном судопроизводстве.

1. Уголовно-процессуальным кодексом РФ предусмотрено несколько ситуаций, при которых возможно применение видеозаписи и использование материалов видеозаписи по уголовному делу, а именно:

♦ при выполнении следственного действия может производиться видеозапись, с последующим приложением к протоколу следственного действия кассеты или карты с результатами видеозаписи (ч. 2, 8 ст. 166 УПК РФ, ч. 4 ст. 189 УПК РФ, ч. 4 ст. 190 УПК РФ, ч. 4 ст. 192 УПК РФ). Запрет на осуществление видеозаписи предусмотрен лишь при обыске, осмотре или выемке в жилых и служебных помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности, по делам доверителей адвоката.

¹ Проект Федерального закона № 1027065-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части обязательности отнесения материалов фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи к доказательствам по делу» // URL://<http://asozd.duma.gov.ru/>

- ♦ применение видеозаписи обязательно при допросе, очной ставке, опознании и проверке показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, за исключением случаев, когда они или их законные представители возражают против этого (ч. 5 ст. 191 УПК РФ);

- ♦ проведение видеозаписи возможно при производстве освидетельствования (ч. 5 ст. 179 УПК РФ);

- ♦ к материалам уголовного дела могут приобщаться материалы видеозаписи вещественных доказательств (п. 8. ч. 2 ст. 82 УПК РФ);

- ♦ материалы видеозаписи могут использоваться в качестве доказательств по уголовному делу (ч. 2 ст. 84 УПК РФ);

- ♦ материалы видеозаписи в обязательном порядке предоставляются для ознакомления обвиняемому и защитнику по окончании расследования (ч. 1 ст. 217 УПК РФ);

- ♦ лица, присутствующие в зале судебного заседания, вправе вести видеозапись с разрешения председательствующего в судебном заседании, о чем делается отметка в протоколе судебного заседания (ч. 5 ст. 241 УПК РФ, ч. 5 ст. 259 УПК РФ);

- ♦ по ходатайству сторон возможно оглашение видеозаписи показаний подсудимого, потерпевшего, свидетеля в судебном заседании (ч. 1 ст. 276 УПК РФ, ч. 1 ст. 281 УПК РФ).

Видеозапись в вышеперечисленных случаях, наравне с фотографированием, киносъемкой, аудиозаписью, выступает средством фиксации хода и результатов производства следственных и иных процессуальных действий. Зачастую именно видеозапись при производстве, например, такого следственного действия, как проверка показаний на месте, способствует возможности цельного восприятия происходящих событий, последовательной фиксации фактов. Кроме того, использование видеозаписи при производстве таких следственных действий, как осмотр, следственный эксперимент позволяет следователю не приглашать для участия в следственных действиях понятых, используя технические средства фиксации информации. В данном аспекте использование видеозаписи представляется обоснованным и необходимым средством, способствующим эффективно решать задачи уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования.

2. Современные тенденции развития уголовного судопроизводства свидетельствуют о расширения и закреплении в законе новых средств доказывания.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 84 УПК РФ материалы видеозаписи могут быть приобщены в качестве доказательств по уголовному делу, если изложенные в них сведения имеют значение для уголовного дела.

Есть мнение придать императивный характер данной норме и в обязательном порядке, без оценки данных материалов следователем, признавать их доказательствами по уголовному делу². Предлагается закрепить специальной нормой положение о том, чтобы рассматривать материалы видеозаписи (в том числе, и материалы фиксации работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки) в качестве доказательств в судебном процессе. Аргументом, обосновывающим данную позицию, выступает тот факт, что следователь вряд ли будет приобщать к материалам уголовного дела видеозаписи, которые не имеют отношения к делу. И именно суд вправе оценить данное доказательство как допустимое.

Следует отметить, что указанная позиция представляется автору статьи спорной. С одной стороны, расширение возможностей использования видеозаписи в доказывании по уголовным делам выступает позитивной тенденцией, поскольку позволяет однозначно устанавливать ряд необходимых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. С другой стороны, автоматическое признание результатов видеозаписи доказательством по уголовному делу может привести к ряду нарушений уголовно-процессуальных норм. На первый план выступает проблема возможной фальсификации доказательств на видеоносителе, поскольку данная информация может легко поддаваться монтажу, коррекции и даже созданию целых фрагментов на цифровых носителях. Несомненно, технологии средств и методов распознавания фальсификации информации непрерывно совершенствуются. Вместе с тем, не все экспертные лаборатории оснащены необходимым оборудованием и программным обеспечением. Соответственно, императивное требование законодателя об обязательном приобщении результатов видеосъемки в качестве доказательств по уголовному делу будет требовать в каждом случае обязательного экспертного подтверждения факта подлинности.

² Проект Федерального закона № 1027065-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части обязательности отнесения материалов фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи к доказательствам по делу» // URL://<http://asozd.duma.gov.ru/>

Также следует отметить, что в соответствии с нормами УПК РФ никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, поэтому материалы видеосъемки, наравне с иными доказательствами, подлежат обязательной проверке путем сопоставления с другими доказательствами, установления их источников с целью определения относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательства.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что возможности использования видеозаписи в доказывании по уголовным делам, несомненно, многогранны. Вместе с тем, их широкое использование должно сопровождаться созданием механизма контроля и проверки подлинности используемых материалов.

3. Одним из направлений использования видеозаписи при производстве по уголовному делу выступает возможность видеофиксации хода судебного заседания.

Действующий УПК РФ предусматривает необходимость ведения протокола судебного заседания в письменной форме, а с 1 сентября 2019 г. также и протоколирование с использованием средств аудиозаписи (ч. 1 ст. 259 УПК РФ). Вместе с тем, для объективной фиксации судебного процесса возможно применение также и видеозаписи судебного заседания (ч. 5 ст. 259 УПК РФ). Осуществление видеозаписи на сегодняшний день не является обязательным, поскольку зависит от наличия технической возможности и усмотрения судьи. Вместе с тем, видеозапись имеет такое же доказательственное значение, как и протокол судебного заседания, может способствовать устранению коллизий при обнаружении неточностей в случае несоответствия письменной формы протокола судебного заседания и его аудиозаписью. Стороны могут по ходатайству ознакомиться с материалами видеозаписи, при необходимости вносить в них замечания. Единственная сложность использования видеозаписи судебных заседаний возникает в связи с недостаточной технической оснащенностью необходимым оборудованием залов судебных заседаний. Думается, что со временем эта проблема будет разрешена. До недавнего времени аудиопроколирование представлялось правоприменителям невыполнимой задачей. А сегодня соответствующие нормы УПК РФ уже вступили в законную силу³.

Таким образом, видеозапись судебного заседания позволит повысить гарантии постановления судом законного, обоснованного и справедливого приговора и обеспечить судебную защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Дискуссионным остается вопрос о предоставлении возможности осуществлять видеозапись лицам, присутствующим на судебном заседании. Законодатель разрешает лицам, присутствующим в зале заседания осуществлять аудиозапись и письменную запись (ч. 5 ст. 241 УПК РФ). Видеозапись может производиться с разрешения председательствующего в судебном заседании. Следует отметить, что ст. 123 Конституции РФ закрепляет положение о том, что разбирательство во всех судах открытое, что позволяет осуществлять своего рода контроль за деятельностью суда, а также поддерживает определенную связь суда с обществом. С этой точки зрения свободное осуществление видеозаписи судебного заседания способно повысить уровень доверия населения к судебной власти и обеспечить гражданам большую доступность к средствам судебной защиты.

Вместе с тем, следует отметить, что современные общедоступные средства монтажа видеозаписи, в том числе, с искажением содержания, наложением иного озвучивания, может существенно подорвать авторитет судей и сделать их объектом всеобщего порицания без возможности для правоохранительных органов пресечь размещение таких видеоматериалов.

В этой связи представляется более оправданным закрепление на законодательном уровне обязательной видеозаписи судебного заседания только специально уполномоченными службами (лицами) судебных органов, с возможностью ознакомления с его содержанием заинтересованных лиц уголовного судопроизводства.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что в данной статье были затронуты только отдельные проблемные вопросы, связанные с возможностью использования видеозаписи в сфере уголовного судопроизводства. Отрадно отметить, что использование видеозаписи при производстве по уголовному делу имеет устойчивые тенденции и перспективы к развитию и совершенствованию.

Литература

1. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело — инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2.

References

1. Kachalova O.V., Tsvetkov Yu.A. Elektronnoe ugovolnoe delo — instrument modernizatsii ugovolnogo sudoproizvodstva // Rossiyskoe pravosudie. 2015. № 2.

³ Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2018, 31 июля.

ДОПУСТИМОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Анна Георгиевна Соломатина, доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: a.smorodinova@mail.ru

Аннотация. Исследуется концепция искусственной интеллектуализации уголовно-процессуальной деятельности. Рассмотрена актуальность ее совершенствования в обозначенном векторе научного развития. Предложены приемлемые варианты использования средств и методов, обладающих искусственным разумом в целях оптимизации уголовного судопроизводства. Обозначены основные проблемы интеграции искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство, рассмотрены основные риски, предложены пути их преодоления.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность, правосудие, уголовное судопроизводство, искусственный интеллект, нейронные сети, юнит искусственного интеллекта, интеллектуальные системы, компьютер, робот, разум, мышление.

ADMISSIBILITY OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Anna G. Solomatina, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: a.smorodinova@mail.ru

Abstract. The concept of artificial intellectualization of criminal procedural activity is studied. The relevance of its improvement in the designated vector of scientific development is considered. Acceptable options for using tools and methods that have artificial intelligence in order to optimize criminal proceedings are proposed. The main problems of integrating artificial intelligence in criminal proceedings are identified, the main risks are considered, and ways to overcome them are proposed.

Keywords: criminal procedural activity, justice, criminal proceedings, artificial intelligence, neural networks, artificial intelligence unit, intelligent systems, computer, robot, mind, thinking.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Соломатина А.Г. Допустимость использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):97–99.

Указом Президента РФ утверждена «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹. К одному из основных направлений развития российских информационных и коммуникационных технологий в Стратегии отнесен искусственный интеллект.

В современной реальности в различных сферах — от высказываний на научном и государственном уровнях до обыденных разговоров активно обсуждаются возможности искусственного интеллекта, целесообразности его использования на благо человека, общества и государства.

Искусственный интеллект (ИИ) — одна из новейших областей науки и техники. Работа по его созданию началась после Второй мировой войны, а само название появилось в 1956 г. В 1950 г. Алан Тьюринг опубликовал свою статью о создании мыслящих машин [2, с. 433–460], а в 1956 г. Джон Маккарти представил свое определение искусственного интел-

лекта — искусственным интеллектом является способность интеллектуальных машин выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека [4, с. 12; 5, с. 15].

В настоящее время ИИ определяют как цифровое воспроизведение процессов сознательной активности человека и социума в целом в части творческой обработки и рассуждений на основе нетривиально формализуемой информации в условиях временных и ресурсных ограничений неопределенности и неполноты исходных данных, создающее кибернетические объекты, способные самостоятельно ставить цели и их достигать с качеством не ниже среднего специалиста, способное в перспективе заменить существующие виды деятельности и профессии [3, с. 8].

¹ Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002>

Мы называем себя Homo Sapiens — человек разумный, так как имеем разум. На протяжении тысячелетий ученые пытаются разгадать механизм мышления человеческого мозга. Понять — как некоторый объем материи может воспринимать, объяснять, предсказывать мир более сложный, чем он?

Ученые, воплотившие в жизнь искусственный интеллект, пошли еще дальше: они попытались не просто понять, но и создали объекты, обладающие искусственным разумом. На сегодняшний день существуют тысячи приложений искусственного интеллекта глубоко проникшие в инфраструктуру каждой отрасли жизнедеятельности: в интеллектуальных вербальных программах алгоритмы рассчитаны на распознавание до миллиарда слов, компьютерная программа автоматически переводит с одного языка на другой, автомобили управляются без участия человека. Появились системы, не только способствующие человеку в труде, но и одерживающие над ним победу.

В 1997 г. DEEP BLUE IBM стала первой компьютерной программой, победившей чемпиона мира Гари Каспарова в шахматном матче со счетом 3,5–2,5. Г. Каспаров заявил, что он почувствовал «новый вид интеллекта» по ту сторону шахматной доски. В последующем лучшие из шахматистов анализировали проигрыш Г. Каспарова и провели несколько матчей, но и в их соревнованиях одержал победу компьютер.

Корпорация iRobot на протяжении нескольких лет реализует роботизированные пылесосы Roomba. Комплекс решений «умный дом» довел до автоматизации повседневные действия, избавив тем самым пользователей от рутины. Программа PackBot служит для обработки опасных материалов, обезвреживания взрывчатых веществ и определения местоположения снайперов.

Это всего лишь несколько примеров программ, наделенных искусственным разумом, которые существуют сегодня. Не магия или научная фантастика, а точная наука, техника и математика.

Представляется, что использование ИИ не имеет границ. Уже сейчас можно заявить, что в скором будущем не останется отрасли науки, сферы жизнедеятельности человека, где не был бы задействован ИИ.

Уголовно-процессуальная деятельность не может быть исключением. Наоборот, в связи с особым характером государственного принуждения, она должна смелее обогащаться инструментами ИИ.

Что ИИ может сделать сегодня для совершенствования уголовно-процессуальной деятельности? Краткий ответ труден. Попробуем высказать несколько предложений.

В настоящий момент видится два варианта развития событий по использованию ИИ в уголовном судопроизводстве.

1. Использование искусственного интеллекта как вспомогательного инструмента для способствования в работе следователя, судьи, других участников уголовного судопроизводства. Этот вариант наиболее вероятен и частично применяем в настоящее время.

Данный этап может содержать появление искусственно интеллектуализированных решений, не имеющих юридической силы, но способствующих отправлению правосудия. Возможно появление консультантов, а также программ, которые будут вести расследование уголовного дела и вершить правосудие совместно с человеком. Представляется, что возможно задействование нейронных сетей при производстве некоторых процессуальных действий и принятии процессуальных решений.

Среди основных областей применения нейронных сетей вполне приемлемо прогнозирование, принятие решений, распознавание текста и образов, оптимизация, анализ, обработка, хранение данных.

На данном этапе ИИ способен анализировать представленные данные, оценивать и проверять доказательства, давать рекомендации. При таком подходе ИИ позволит ускорить уголовный процесс.

2. Полное замещение агентом или юнитом ИИ [7, с. 5] функций органов расследования, суда, других участников уголовного судопроизводства. Данный вариант выглядит более фантастичным. Не исключаем, что эти этапы могут быть и не реализованы.

Однако, идеи создания мобильного телефона и беспилотного автомобиля тоже не представлялись реалистичными 50 лет назад. Технологии не стоят на месте, они развиваются и меняют методы и способы взаимодействия человека с миром. Использование любой технологии должно быть ограничено целесообразностью ее применения и здравым смыслом. Уголовное судопроизводство решает вопросы, оказывающие непосредственное воздействие на судьбу человека, его права и свободы, а значит, использование ИИ в данной сфере должно быть обдуманным и обоснованным.

Поэтому в настоящий момент актуально говорить о содействии ИИ расследованию преступлений и правосудию.

Естественно, первое что подлежит осмыслению — это соответствие возможностей и последствий использования ИИ назначению уголовного судопроизводства и его принципам.

Есть мнение и о том, что использование ИИ, является попыткой дегуманизации отправления правосудия. Поручение решения правовых проблем искусственному, а не человеческому разуму представляется искажением концепции справедливости. При отдаче уголовного судопроизводства на откуп ИИ происходит отделение судебного процесса от эмоциональной

или моральной составляющей субъектов доказывания или судьи. В американских судах статистика использования ИИ при вынесении приговоров неоднозначна. При аналогичных вводных совершения преступления юнитом ИИ более строгий приговор выносится в отношении афроамериканцев, так как по существующей статистике, которая легла в основу для формирования баз информационных данных, этой категорией граждан преступления совершаются чаще и зачастую носят рецидивный характер.

Может правы те ученые, которые заявляют, что вершить правосудие должен только человек мыслящий. Но, если вспомнить статистику следственных и судебных ошибок, вопиющие факты вынесения неправосудных приговоров, то ИИ не заинтересованный в исходе дела в таком сравнении явно выигрывает. Юнит ИИ способен выносить решения при осуществлении уголовного судопроизводства беспристрастно и безустанно, что имеет немаловажное значение.

Также среди ученых высказываются опасения, что машины, обладающие искусственным разумом, заменят следователей и судей, оставив их без рабочих мест. Представляется, что для исключения таких угроз следует остановить развитие цивилизации, вооружиться сохой, вернуть жалование тиунам, доводчикам и праветчикам [8, с. 8]. Аппарат уголовной юстиции создан не в целях организации рабочих мест, а в целях реализации публично-правовых идей уголовного судопроизводства. Если поддерживать данную позицию — можно сетовать на стремление искоренить преступность — в этом случае органы предварительного расследования, суды также окажутся не востребованными.

Представляется, что реальной угрозой является выход из-под человеческого контроля носителей ИИ. В связи с этим некоторые авторы отмечают, что важнейшая задача человечества состоит не в порождении все более сложных и независимых машин, а в собственном совершенствовании. В противном случае фатальная справедливость природного существования безжалостно вычеркнет слабого Homo Sapiens из Книги Жизни со всеми его интеллектуальными компьютерными игрушками и технологическими костылями [1, с. 64].

Данные опасения разумны, но ответ должны держать ученые. Если они создали машину, наделенную искусственным разумом, то должны предусмотреть и противодействие — «антивирусную программу» для пресечения ее неконтролируемого бунта, исключить такую мотивацию. Следует согласиться с Г.И. Колесниковой: главное отличие человека от искусственного интеллекта в мотивации. Пока у ИИ нет мотивации, он остается инструментом [6, с. 34].

Допускаем, что некоторые идеи, высказанные в этой статье, на первый взгляд, кажутся утопичными.

Но давайте вернемся на 20 лет назад в кабинет следователя. Поставим на стол печатную машинку, возьмем в руки фотоаппарат «Зенит» и терпеливо будем ждать проявления такого нужного нам доказательства в темной комнате фотолаборатории. Не получилось — засвечена пленка... Могли ли мы представить развитие такого научно-технического прогресса, в достижениях которого уголовный процесс существует сегодня.

Литература

1. Аблеев С.Р. Моделирование сознания и искусственный интеллект: пределы возможностей // Вестник экономической безопасности. 2015. № 3. С. 58–64.
2. Алан Тьюринг. Вычислительная техника и интеллект // Mind 49. 1950. С. 433–460.
3. Гусарова Н.Ф. Введение в теорию искусственного интеллекта. СПб: Университет ИТМО, 2018.
4. Джордж Ф. Люгер. Искусственный интеллект. М.: Вильямс, 2003.
5. Джонс М.Т. Программирование искусственного интеллекта в приложениях. М., 2011.
6. Колесникова Г.И. Искусственный интеллект: проблемы и перспективы // Видеонаука. 2018. № 2 (10). С. 34–39.
7. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2018.
8. Целуйко А.В. История создания и развития правоохранительных органов России: Лекция. Домодедово, 2008.

References

1. Ableev S.R. Modelirovaniye soznaniya i iskusstvennyy intellekt: predely vozmozhnostey // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2015. № 3. S. 58–64.
2. Alan T'yuring. Vychislitel'naya tekhnika i intellekt // Mind 49. 1950. S. 433–460.
3. Gusarova N.F. Vvedeniye v teoriyu iskusstvennogo intellekta. SPb: Universitet ITMO, 2018.
4. Dzhordzh F. Lyuger. Iskuststvennyy intellekt. M.: Vil'yams, 2003.
5. Dzhons M.T. Programmirovaniye iskusstvennogo intellekta v prilozheniyakh. M., 2011.
6. Kolesnikova G.I. Iskuststvennyy intellekt: problemy i perspektivy // Videonauka. 2018. № 2 (10). S. 34–39.
7. Morkhat P.M. Pravosubyektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noy sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: Avtoref. diss. ... dokt. yurid. nauk. M., 2018.
8. Tseluyko A.V. Istoriya sozdaniya i razvitiya pravookhranitel'nykh organov Rossii: Lektsiya. Domodedovo, 2008.

УДК 343.1
ББК 67.411

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10146
© Е.В. Сопнева, 2020

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ИНФОРМИРОВАНИЕ В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ВЫДВИНУТО ПОДОЗРЕНИЕ

Елена Владимировна Сопнева, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции в отставке
Издательство «Юнити-Дана» (123298, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1)
E-mail: evsopneva@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются необходимость и возможность, преимущества и условия информирования в электронной форме лиц, в отношении которых выдвинуто подозрение.

Ключевые слова: информирование, электронная форма, лицо.

ELECTRONIC NOTIFICATION OF PERSONS SERVED WITH SUSPICION

Elena V. Sopneva, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Retired Police Colonel
Unity-Dana publishing house (123298, Moscow, ul. Irina Levchenko, d. 1)
E-mail: evsopneva@mail.ru

Abstract. Discussed the necessity and opportunity, advantages and prerequisites for electronic forms of notification of persons served with suspicion.

Keywords: informing, electronic format, person.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Сопнева Е.В. Информирование в электронной форме лиц, в отношении которых выдвинуто подозрение. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):100–102.

Использование информационных технологий в уголовном судопроизводстве является естественным продолжением общего состояния современного научно-технического развития различных сфер деятельности и обусловлено потребностью в оптимизации используемых процедур. Для возникновения и развития такого процесса в уголовно-процессуальной сфере имеются предпосылки правового, процессуального и технического характера. Рассматриваемая идея заложена в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы¹, согласно которой должны быть обеспечены доступ граждан к информации, свобода выбора средств получения знаний при работе с информацией. Отправным моментом в понимании сущности, характеристик, направлений использования информационных технологий являются положения Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»². Специфика этого явления в уголовно-процессуальном праве остается вне регулирования, однако отдельные черты являются предметом анализа в трудах [2, с. 13–17; 3, с. 125–140] ученых. Такая ситуация

позволяет предложить индивидуальное понимание проявлений информационных технологий в уголовном судопроизводстве.

На данный момент мы наблюдаем введение в уголовно-процессуальный закон³ некоторых элементов информационных технологий. Их совокупный анализ позволяет выделить группы таких проявлений: электронные носители информации и правила работы с ними, электронные документы в уголовном процессе, использование электронной почты, телефонов для получения информации, автоматизированные информационные системы.

На этом фоне ученые отмечают, что многие страны ушли далеко вперед. Это относится к Саудов-

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // СПС «Консультант Плюс».

² Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информационных технологиях, информации и о защите информации» // СПС «Консультант Плюс».

³ 2012 г. — ч. 4 ст. 81, ч. 8 ст. 166 УПК РФ; 2015 г. — ч. 5.1 ст. 42 УПК РФ; 2016 г. — ст. 81.1, ч. 2 ст. 393, ст. 474.1 УПК РФ; 2018 г. — ст. 164.1 УПК РФ; 2019 г. — ч. 1 ст. 30, п. 17 ч. 2 ст. 42, п. 16 ч. 4 ст. 44 УПК РФ.

ской Аравии, Южной Кореи, Республике Казахстан и другим [1, с. 118–123]. Оставляя вне детального представления проявления информационных технологий в законодательстве зарубежных государств, обратим внимание, что такой обзор позволяет констатировать: страны постсоветского пространства сделали большой шаг вперед в этом направлении. Например, в УПК Республики Казахстан запрос (поручение, ходатайство) направляется в иностранное государство по электронному или иному средству связи. Согласно ч. 1^й ст. 236 УПК Республики Молдовы повестка может быть отправлена по электронной почте или посредством других электронных систем сообщения.

Из всего многообразия вариантов использования информационных технологий, цифровизации в уголовном процессе, сделаем акцент на одном простом, но результативном элементе — способе передачи информации. Речь идет о возможности и необходимости использования электронной формы информирования лица, в отношении которого выдвинуто подозрение. Естественно, рассматриваемые положения могут быть распространены и на иных участников уголовно-процессуальных отношений, ввиду наличия общих преимуществ и условий использования электронной формы информирования. Специфика работы с лицом, в отношении которого выдвинуто подозрение, обусловлена непродолжительным процессуальным временем существования, в рамках которого необходимо не только проинформировать о возникающих правах и иных процессуальных возможностях, но и получить ответную реакцию заинтересованного лица, создать условия для их использования, обеспечить реализацию. Представляется необходимым уточнить, что подозрение выдвигается в отношении подозреваемого как участника стадии предварительного расследования, а также заподозренного (в нашем понимании [4, с. 1474–1481]) как участника стадии возбуждения уголовного дела. Случаи информирования подозреваемого четко предусмотрены в нормах УПК РФ, например, лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, незамедлительно об этом уведомляется (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), подозреваемый уведомляется о приостановлении предварительного следствия (ч. 1 ст. 209 УПК РФ). Однако, внимательное прочтение уголовно-процессуального закона позволяет выявить более широкий пе-

речень сфер информирования указанного участника уголовно-процессуальных отношений. Например, заявитель должен быть незамедлительно уведомлен о решении, принятом по жалобе, и дальнейшем порядке его обжалования (ч. 3 ст. 124 УПК РФ). Случаи информирования заподозренного, как лица, в отношении которого выдвинуто подозрение в стадии возбуждения уголовного дела, не имеют четкого перечисления в УПК РФ. Однако, анализ положений ст. 144 УПК РФ, в части приобретения таким лицом прав и иных процессуальных возможностей, не нашедших перечисления в указанной норме закона, в совокупности с иными положениями закона, позволяет выявить некоторые сферы информирования. Например, лицо, проводящее проверку сообщения о преступлении, обязано проинформировать о решении, принятом по результатам рассмотрения жалобы.

Полагаем уместным отметить, что процесс информирования — это двусторонний акт, поскольку и на лицо, в отношении которого выдвинуто подозрение, законодатель возлагает обязанность передавать следователю значимые сведения. Например, подозреваемый должен незамедлительно уведомить орган, которым он вызывался, о наличии причин, препятствующих явке по вызову в назначенный срок (ч. 3 ст. 113 УПК РФ).

Таким образом, при взаимном информировании посредством использования электронной формы создается ситуация эффективного и оптимального достижения желаемого результата, создающего отправной момент для перехода имеющихся отношений в качественное иное русло. Тогда использование электронной формы уведомления скажется на нормативно-правовом закреплении статуса участников таких отношений, механизме организации отношений между субъектом производства по уголовному делу и адресатом информирования.

Итак, мы наблюдаем очевидные преимущества использования электронной формы информирования для участников уголовного судопроизводства. Например, достигается экономия сил и средств субъектов возникающих уголовно-процессуальных отношений, обеспечивается своевременность и оперативность доведения значимой информации до сведения адресата, возможность установления быстрой обратной связи и получение информации о реакции

лица, способах использования предоставленной возможности, повышается доступность граждан к сфере реализации своих прав.

Понимание преимуществ использования электронной формы информирования как обоснование ее необходимости, влечет определение условий применения как показателя возможности ее реализации. Правовое условие заключается в обеспечении законности используемой формы, что обусловлено введением в уголовно-процессуальный закон соответствующего разрешения, корректировкой взаимосвязанных правовых явлений. Процессуальное условие сводится к пониманию, что содержание, структура, реквизиты документа остаются неизменными, поскольку использование электронной формы информирования не влечет отхода от законодательно установленных требований к документу. Здесь уместно выбрать вариант информирования, который может заключаться в доведении до сведения лица значимых для него выдержек, или же в направлении лицу электронного перевода бумажного документа. Техническое условие проявляется в выяснении технических характеристик используемых устройств, их «шаговой» доступности для участников информирования, возможности идентификации. Организационное условие обязывает получить согласие лица на использование электронной формы информирования, обеспечение тайны предварительного расследования, расположение в уголовном деле документа на бумажном носителе.

Итак, точечная процессуальная застройка уголовного судопроизводства путем использования электронной формы взаимного информирования в условиях, делающих этот способ оптимальным и ре-

зультативным, позволяет учесть современные тренды и соблюсти классические ценности.

Литература

1. Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С. 118–123.
2. Разумов Н.В., Запругин Д.Г. Использование информационных технологий в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 13–17.
3. Соколов Ю.Н. Технологичность — свойство уголовного судопроизводства // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Т. 15. Вып. 1. С. 125–140.
4. Сопнева Е.В. Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 1474–1481.

References

1. Zuev S.V. Tsifrovaya sreda ugolovnogo sudoproizvodstva: problemy i perspektivy // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. 2018. № 4. S. 118–123.
2. Razumov N.V., Zaprutin D.G. Ispol'zovanie informatsionnykh tekhnologiy v ugolovnom sudoproizvodstve // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2018. № 4 (19). S. 13–17.
3. Sokolov Yu.N. Tekhnologichnost' — svoystvo ugolovnogo sudoproizvodstva // Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 2015. T. 15. Vyp. 1. S. 125–140.
4. Sopneva E.V. Zapodozrennyy kak sposob vyrazheniya podozreniya // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2014. № 4. S. 1474–1481.

УДК 343.1
ББК 67.411

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10147
© В.В. Шишов, 2020

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ ПЕРЕД СУДОМ ХОДАТАЙСТВА О ПРИМЕНЕНИИ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Виктор Викторович Шишов, преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: shishoff88@gmail.com

Аннотация. Анализируется возможность введения электронного документооборота при производстве по уголовному делу. Делается вывод о том, что введение электронного документооборота при возбуждении перед судом ходатайства о применении судебного штрафа значительно увеличит эффективность процессуального контроля и надзора за расследованием уголовных дел, не нарушит права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, будет способствовать эффективному и экономичному судопроизводству.

Ключевые слова: судебный штраф, электронный документооборот, досудебное производство, уголовное дело, следователь, прокурор.

ELECTRONIC DOCUMENT FLOW DURING INITIATION BEFORE THE COURT, PETITIONS FOR THE APPLICATION OF A COURT FINE

Viktor V. Shishov, Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: shishoff88@gmail.com

Abstract. The possibility of introducing electronic document management in criminal proceedings is analyzed. It is concluded that the introduction of electronic document management when filing a petition before the court for the application of a court fine will significantly increase the effectiveness of procedural control and supervision of criminal investigations, will not violate the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings, and will contribute to effective and economical proceedings.

Keywords: court fine, electronic document circulation, pre-trial proceedings, criminal case, investigator, prosecutor.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Шишов В.В. Электронный документооборот при возбуждении перед судом ходатайства о применении судебного штрафа. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):103–105.

Повседневная действительность современного человека уже не представляется без использования различных новых информационных технологий, направленных на улучшение условий жизнедеятельности, в том числе и труда. Бесспорно, развиваются и некоторые вопросы, связанные с совершенствованием деятельности сотрудников правоохранительных органов. Так, за последнее время у сотрудников органов внутренних дел появилась своя ведомственная электронная почта, отдельные сотрудники обладают электронно-цифровой подписью, что позволяет в течение дня рассмотреть поступивший в этот же день документ и принять оперативное решение с уведомлением заинтересованных лиц. О необходимости продолжения совершенствования использования современных информационных технологий говорит и В. Лебедев, полагающий необходимым в краткосрочной перспективе обязать организации и органы предоставлять документы в суд в электронном виде¹.

В УПК РФ электронный документооборот в досудебном производстве не рассматривается, однако на необходимость его введения указывают в своих трудах В.А. Задорожная [5, с. 70–75], С.В. Зуев [6, с. 6–12], П.С. Пастухов [9, с. 81–87], Л.Г. Халиуллина [10, с. 75–79], О.В. Качалова и Ю.А. Цветков [7, с. 95–101].

М.О. Медведева полагает, что электронный документооборот в уголовном судопроизводстве должен включать в себя «систему электронного уголовного дела, являющегося информационным ресурсом, открытым для участников уголовного дела в пределах прав доступа, установленных УПК РФ для каждого конкретного процессуального действия» [8, с. 19].

А.М. Долгов также полагает, что электронный документооборот в большей степени будет связан с электронным уголовным делом [4, с. 32–35].

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 13 июня 2019 г.) // URL://http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

Стоит признать, что действительно назрела необходимость введения такого электронного документооборота, поскольку при наличии электронной почты следователи, дознаватели все также продолжают нарочно доставлять материалы проверки, уголовные дела, не представляющие особой сложности, руководителям следственных подразделений, в органы прокуратуры для осуществления надлежащего контроля и надзора.

Введение электронного документооборота позволило бы устранить возможные факты фальсификации по уголовным делам, установить оперативный контроль, надзор за расследованием уголовных дел и, как следствие, обеспечить своевременность принятия мер прокурорского реагирования.

Однако, несмотря на наличие положительных качеств внедрения электронной формы уголовного судопроизводства, стоит обратить внимание на наличие возможности доступа третьих лиц к такому документообороту, внесения каких-либо корректировок, препятствующих нормальному производству по уголовному делу, опасности разглашения тайны следствия, что совершенного справедливо отмечал Л.В. Головкин [3, с. 18–19].

Имеющийся в системе МВД сервис электронного документооборота (СЭД), как представляется, используется неэффективно. Так, вопросы продления срока предварительного следствия у руководителя следственного органа могли бы рассматриваться посредством электронного документооборота. В настоящее время следователи сталкиваются с различного рода проблемами при необходимости продления срока предварительного следствия. Так, в Следственном управлении Управления на транспорте по ЦФО сложилась следующая практика. Для продления срока предварительного следствия следователю необходимо составить справку о ходе расследования с указанием перечня произведенных следственных действий и процессуальных решений, заключение об обоснованности продления срока следствия, протокол оперативного совещания об обоснованности и законности продления срока следствия. С указанными документами, а также материалами уголовного дела, следователь прибывает в Следственное управление, где выделяется один либо два дня в неделю для рассмотрения такого рода ходатайств. Ввиду того, что в указанные дни прибывают следователи различных подразделений, находящихся в подчинении Управления, следователи, порой, впустую проводят в очереди 3–4 часа, которые они могли бы эффективно использовать для производства следственных и процессуальных

действий. Учитывая, что в подчинении Управления на транспорте по ЦФО находятся подразделения, дислоцированные в г. Белгороде, г. Воронеже, г. Тамбове, для согласования процессуальных решений в Управлении необходимо выделять отдельный день.

Учитывая, что СЭД МВД России уже доказал свою эффективность в использовании, полагаю, что его необходимо использовать и в части согласования процессуальных решений путем их скрепления электронной цифровой подписью руководителя. Следователь, направивший в Следственное управление ходатайство о продлении срока предварительного следствия, а также в отсканированном виде материалы уголовного дела в телефонном режиме сможет дать пояснения относительно возникших у руководства вопросов, а в освободившееся время производить следственные и процессуальные действия по уголовному делу.

Заметим, что законодатель крайне осторожно подходит к вопросу введения электронного документооборота в досудебном производстве, несмотря на имеющуюся возможность подачи исковых заявлений в электронной форме, представляется, что стоит начать с малого, а именно опробовать направлять электронные уголовные дела для рассмотрения в суд по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. К такой категории относятся дела, оконченные постановлением о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Достоинством таких дел будет являться согласие лица, в отношении которого данное дело прекращается, как правило, отсутствие конфликта, когда причиненный преступлением ущерб возмещен или вред потерпевшему заглажен иным образом, относительная несложность уголовного дела о преступлении небольшой или средней тяжести. Первым шагом внедрения электронного уголовного дела будет являться направление в суд хотя бы отсканированных материалов уголовного дела с ходатайством, скрепленным электронной цифровой подписью следователя и руководителя следственного органа, его согласовавшего.

В уголовно-процессуальной науке неоднократно указывалось на ограничение процессуальных полномочий прокурора при прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа, когда следователь, согласовав с руководителем следственного органа постановление о применении судебного, направляет его сразу в суд [11, с. 86–89; 1, с. 19].

Справедливым представляется замечание А.Г. Владова, полагающего, что «исключение прокурора из этого процесса снижает гарантированность качества и создает возможность направления в суд «сырого» продукта» [2, с. 30–33].

Вопрос обеспечения реализации надзорных полномочий прокурора при направлении ходатайства следователя в суд о применении судебного штрафа сможет решить электронный документооборот. Следовательно путем направления электронного уголовного дела предоставит прокурору возможность компетентно подготовиться к судебному заседанию по рассмотрению ходатайства следователя, а также оперативно принять меры в случае выявления нарушений.

Таким образом, введение электронного документооборота при возбуждении перед судом ходатайства о применении судебного штрафа значительно увеличит эффективность процессуального контроля и надзора за расследованием уголовных дел, не нарушит права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, будет способствовать эффективному и экономичному судопроизводству.

Литература

1. Багаутдинов Ф.Н., Хайдаров А.А. Роль и полномочия прокурора в механизме реализации положений уголовно-процессуального закона о судебном штрафе // Российская юстиция. 2018. № 10. С. 19.
2. Власов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с применением судебного штрафа: проблемы прокурорского надзора // Законность. 2017. № 1. С. 30–33.
3. Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 18–19.
4. Долгов А.М. О необходимости правовой регламентации электронного документооборота при расследовании уголовного дела // Юридический Вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 3. С. 32–35.
5. Задорожная В.А. Производство по уголовному делу в электронном формате по законодательству Республики Казахстан // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 6–12.
6. Зуев С.В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 6–12.
7. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело — инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
8. Медведева М.О. Уголовно-процессуальная форма информационных технологий: современное состояние и основные направления развития: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 19.
9. Пастухов П.С. Электронный документооборот в уголовном процессе США // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 81–87.
10. Халиуллина Л.Г. Электронная форма процессуальных документов в уголовном процессе: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 75–79.
11. Химичева О.В. Соотношение прокурорского надзора и ведомственного (процессуального) контроля при производстве о назначении меры уголовно-правового характера // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 1 (23). С. 86–89.

References

1. Bagautdinov F.N., Khaydarov A.A. Rol' i polnomochiya prokurora v mekhanizme realizatsii polozheniy ugovolno-protsessual'nogo zakona o sudebnom shtrafe // Rossiyskaya yustitsiya. 2018. № 10. S. 19.
2. Vlasov A.G. Osvobozhdenie ot ugovolnoy otvetstvennosti s primeneniym sudebnogo shtrafa: problemy prokurorskogo nadzora // Zakonnost'. 2017. № 1. S. 30–33.
3. Golovko L.V. Tsifrovizatsiya v ugovolnom protsesse: lokal'naya optimizatsiya ili global'naya revolyutsiya // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2019. № 1. S. 18–19.
4. Dolgov A.M. O neobkhodimosti pravovoy reglamentatsii elektronnoho dokumentooborota pri rassledovanii ugovolnogo dela // Yuridicheskiy Vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 3. S. 32–35.
5. Zadorozhnaya V.A. Proizvodstvo po ugovolnomu delu v elektronnom formate po zakonodatel'stvu Respubliki Kazakhstan // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2018. № 4 (19). S. 6–12.
6. Zuev S.V. Elektronnoe ugovolnoe delo: za i protiv // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2018. № 4 (19). S. 6–12.
7. Kachalova O.V., Tsvetkov Yu.A. Elektronnoe ugovolnoe delo — instrument modernizatsii ugovolnogo sudoproizvodstva // Rossiyskoe pravosudie. 2015. № 2. S. 95–101.
8. Medvedeva M.O. Ugolovno-protsessual'naya forma informatsionnykh tekhnologiy: sovremennoe sostoyanie i osnovnye napravleniya razvitiya: Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2018. S. 19.
9. Pastukhov P.S. Elektronnyy dokumentooborot v ugovolnom protsesse SSHA // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2018. № 4 (19). S. 81–87.
10. Khaliullina L.G. Elektronnaya forma protsessual'nykh dokumentov v ugovolnom protsesse: problemy teorii i praktiki // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2016. № 4 (11). S. 75–79.
11. Khimicheva O.V. Sootnoshenie prokurorskogo nadzora i ведомstvennogo (protsessual'nogo) kontrolya pri proizvodstve o naznachenii mery ugovolno-pravovogo kharaktera // Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya. 2019. № 1 (23). S. 86–89.

ИЗМЕНЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА, ВЫЗВАННОЕ ЦИФРОВИЗАЦИЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПОТРЕБНОСТЬ

Павел Олегович Панфилов, преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: pasha_panfilov@mail.ru

Аннотация. Анализируется состояние экономических отношений, а также действующего законодательства с учетом изменений, происходящих в связи с развитием цифровых технологий. Делается вывод о том, что современный уголовный процесс в России не готов обеспечивать потребности общества в цифровой среде, однако реформировать его необходимо с учетом сохранения единства, гарантий правильного установления обстоятельств по уголовному делу.

Ключевые слова: цифровизация, уголовный процесс, экономические отношения, смарт-контракт, предпринимательская деятельность, уголовное дело, преступление.

CHANGING THE CRIMINAL PROCEDURE LAW CAUSED BY THE DIGITALIZATION OF ECONOMIC RELATIONS: REALITY AND NEED

Pavel O. Panfilov, Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)

Abstract. The state of economic relations, as well as the current legislation, is analysed taking into account the changes taking place in connection with the development of digital technologies. It is concluded that the modern criminal process of Russia is not ready to meet the needs of society in the digital environment, but it is necessary to reform it taking into account the preservation of unity, guarantees of correct establishment of circumstances in the criminal case.

Keywords: digitalization, criminal process, economic relations, smart contract, business activity, criminal case, crime.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Панфилов П.О. Изменение уголовно-процессуального закона, вызванное цифровизацией экономических отношений: реальность и потребность. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):106–109.

Все современные дискуссии о цифровизации, компьютеризации, роботизации общества¹, развитии системы искусственного интеллекта, как правило, обусловлены изменениями в экономических отношениях: оптимизация средств производства (автоматизация производства); упрощение товарообмена и взаиморасчета (введение безналичных платежей, купля-продажа товаров посредством электронных интернет-платформ); улучшение качества оказания услуг (доставка продукции дронами, предоставление информации посредством мессенджеров) и т.д. Так, например, темпы роста безналичных платежей растут из года в год. В 2017 г. доля расходов граждан России по картам в общих расходах на приобретение товаров и услуг выросла до 39% против всего 4% в 2008 г. (рост за 10 лет в 10 раз)². Задача государства — реагировать на изменения в жизни общества, создавая правовую базу для развития новых средств ведения бизнеса, новых способов взаимодействия субъектов хозяйственной

деятельности, тем самым защищая права, свободы и интересы граждан, которые вступают в экономические отношения.

«Рамочными» документами, определяющими основные направления развития указанной сферы, являются программа «Цифровая экономика», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р³ и «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203⁴.

¹ URL://https://issek.hse.ru/news/keywords/98458456/

² URL://https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/news/-2018/cash_and_cashless_payments.pdf

³ URL://http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4Ps-B79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf

⁴ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

Однако, с 1 октября 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ⁵, который предусматривает ряд нововведений в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ), касающихся закрепления базовых положений для регулирования рынка новых «цифровых» объектов экономических отношений, а также для совершения и исполнения сделок в цифровой среде (смарт-контракты)⁶. Кроме того, с 1 января 2020 г. вступил в силу Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ⁷, который урегулировал отношения, возникающие в связи с функционированием инвестиционных платформ (являющихся по своей сути информационной системой), обращением утилитарных цифровых прав.

Указанный закон урегулировал так называемый «краудфандинг», т.е. деятельность площадок, которые собирают средства от неопределенного количества участников на реализацию проектов, требующих больших затрат (выпуск фильма, открытие ресторана, создание приложения для компьютера и т.д.). Если за определенное время денежная сумма, требуемая для реализации проекта, не была собрана, то денежные средства должны быть возвращены инвесторам. В свою очередь, если требуемая сумма была собрана, то организаторы проекта должны отчитаться перед инвесторами, предоставив результат или бонусы в виде скидки в ресторане, билетов в кино, процентов от заработка и т.д. Все отношения между участниками проходят в рамках электронной платформы, где расчеты происходят в виде электронных денег, а договоры инвестирования заключаются с помощью информационных технологий. При этом с учетом изменений в ГК РФ, внесенных Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ, допускается совершение сделки с помощью электронных или иных технических средств. Более того, согласно ч. 2 ст. 309 ГК РФ, сделка может предусматривать исполнение ее сторонами обязательств при наступлении определенных обстоятельств путем применения информационных технологий, т.е. исполнение произведет сама информационная система. Более того, закон предусматривает возможность заключения договора путем обмена электронными документами.

Таким образом, экономическая сфера общественных отношений все дальше отходит от классической схемы личного взаимодействия продавца с покупателем, потребителя услуг, с тем, кто эти услуги предоставляет. Если раньше, чтобы совершить сделку, встречи продавца и покупателя (их представителей, посредников) было не избежать, то сейчас благодаря появлению большого количества цифровых платформ, личный контакт необязателен. Более того, вышеуказанные изменения в законодательстве прямо

свидетельствуют о создании определенной цифровой среды, которая теперь урегулирована нормами права. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ не исключает возможность совершения преступлений в указанной сфере, в ч. 4 ст. 10 прямо указано, что оператором не может быть лицо, имеющее неснятую или непогашенную судимость за преступления в сфере экономики, тем самым, вводя новые ограничения для лиц, имеющих судимость; законодатель, как представляется, старается снизить вовлечение в указанную сферу криминального элемента.

В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: достаточно ли в уголовном судопроизводстве средств, для фиксации следов преступления, сведений, которые имеют значение для уголовного дела в цифровой среде? Если да, то какие они? Если нет, то насколько масштабные изменения требуются?

В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) не так давно были введены особые правила производства следственных действий и работы с электронными носителями информации по уголовным делам в сфере экономической и предпринимательской деятельности.

Согласно ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ при производстве следственных действий по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1–4 ст. 159, ст. 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 Уголовного кодекса РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также ч. 5–7 ст. 159, ст. 171, 171.1, 171.3–172.2, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4 и 190–199.4 УК РФ⁸, не допускается необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе, необоснованное изъятие электронных носителей информации, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ.

Однако, в УПК РФ не конкретизируется, что следует понимать под «мерами», способными привести к приостановлению указанной деятельности и что, собственно, под этим «приостановлением» подразумевается. Отсутствие конкретики может повлечь как утрату информации, имеющей доказательственное значение, так и злоупотребления участников процесса.

⁵ Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части 1, 2 и статью 1124 ч. III Гражданского кодекса Российской Федерации» // РГ. 2019, 20 марта.

⁶ URL://<http://www.consultant.ru/news/2/>

⁷ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // РГ. 2019, 7 авг.

⁸ Далее по тексту эта совокупность будет обозначена как уголовные дела о преступлениях в сфере экономической или предпринимательской деятельности.

Сомнительно и обеспечение «экономических интересов». Среди хозяйствующих субъектов в ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ названы только юридические лица и индивидуальные предприниматели. Однако, в России существуют организационно правовые формы, созданные без прав юридического лица, которые занимаются предпринимательской деятельностью, но под защиту исследуемой нормы не попадают: паевые инвестиционные фонды, простые товарищества, филиалы и подразделения юридических лиц⁹ и др.

Особенности работы с электронными носителями информации определены в ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ и ограничиваются требованием об обязательном участии специалиста при их изъятии и правилами копирования (на какие носители осуществляется копирование; при каких случаях копирование не осуществляется; требования к протоколу следственного действия при копировании). Также в ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ указаны случаи, при которых допускается изъятие электронных носителей информации. Однако, положения п. 1 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ не соответствуют ст. 195 УПК РФ и их реализация на практике весьма затруднительна. Так, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 195 УПК РФ в постановлении о назначении судебной экспертизы указываются материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта. Если эти материалы не изъятые, значит указать их в постановлении невозможно, а, следовательно, и судебную экспертизу назначить нельзя.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ при проведении следственного действия в случаях нетерпящих отлагательства, следователь (дознатель) изъять электронный носитель информации не может, поскольку соответствующие изменения не были внесены в ст. 165 УПК РФ. Отсутствуют корреспондирующие изменения и в ст. 29 УПК РФ, касающиеся полномочий суда [6, с. 173]. Таким образом, сложности правоприменения новых положений УПК РФ — очевидно, не в пользу правильного установления обстоятельств по уголовному делу и никак не связаны с цифровизацией правоотношений.

Пункт 3 ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ допускает изъятие электронных носителей информации в случае, если специалист заявит о возможности использования информации для совершения новых преступлений, либо копирование которой, по заявлению специалиста, может повлечь за собой ее утрату или изменение. Однако, вызывает вопросы, как технический специалист, обладающий инженерным образованием, может дать юридическую квалификацию возможных действий владельца информации.

Единственным отличием от общего порядка проведения следственных действий, вызванным спецификой изымаемых объектов, является обязатель-

ное участие специалиста при изъятии электронных носителей и копировании с них информации (ч. 2 ст. 164 УПК РФ).

Таким образом, никаких специальных норм, связанных с особенностями отражения следов преступления, сведений, имеющих значения для дела, в цифровой среде ст. 164.1 УПК РФ не содержит. Основной причиной ее введения является не развитие информационных технологий в экономических отношениях [1, с. 8] (именно эта причина была главной при принятии тех нормативных правовых актов, которые приведены в начале данной статьи), а необходимость преодоления провозглашенной (и, на наш взгляд, не соответствующей действительности) презумпции правового нигилизма сотрудников правоохранительных органов [5, с. 46].

Помимо ст. 164.1 и ч. 4.1 ст. 164, УПК РФ содержит и гл. 56, которая определяет порядок использования электронных документов и бланков процессуальных документов. Однако, механизм реализации отдельных положений этой главы не разработан, а смысл отдельных норм сводится к необходимости дублирования электронного документа на бумажном носителе (ч. 2 ст. 474.1 УПК РФ).

Несмотря на все вышеизложенное, отметим, что необходимость «цифровой революции» в уголовном процессе вызывает сомнения. Также как и гражданское право, гражданский процесс, уголовное судопроизводство должно реагировать на изменяющиеся общественные отношения, особенности коммуникации между людьми, появление новых форм взаимодействия, сохраняя при этом свое единство; должно развиваться, а «не выхолащивать традиционные гарантии правильного установления обстоятельств по уголовному делу» [2, с. 31]. Так, даже «смарт-контракт», предусмотренный гражданским законодательством, сведен к тому, что для совершения сделки в электронной форме необходима возможность воспроизвести ее содержание в неизменном виде на материальном носителе, а также достоверно определить волеизъявляющее лицо (ст. 160 ГК РФ).

Тем не менее, следует признать, что имеющиеся в УПК РФ средства фиксации сведений, имеющих значение для уголовного дела, могут оказаться недостаточными для вовлечения в уголовный процесс информации, расположенной, например, в инвестиционной цифровой платформе, придания ей соответствующей процессуальной формы. Необходимость корректировки закона в этом направлении признают,

⁹ ОК 028-2012. Общероссийский классификатор организационно-правовых форм (утв. приказом Росстандарта от 16 октября 2012 г. № 505-ст) (ред. от 24 октября 2018 г.) (вместе с «Пояснениями к позициям ОКОПФ») // СПС «КонсультантПлюс».

в том числе, и те специалисты, которые не видят острой необходимости в «глубоком» реформировании уголовного судопроизводства в контексте цифровизации [3, с. 24].

Более того, имеющиеся средства и формы коммуникации следователя с участниками уголовного судопроизводства могут быть совершенствованы по аналогии с теми механизмами, которые предусмотрены гражданским правом (конечно, с сохранением тех повышенных гарантий, которые имеет уголовный процесс, ввиду того что ошибка и фальсификация, может привести к тяжелым и необратимым последствиям как для конкретной личности, так и для государства). Так, тот способ правового регулирования, который был приведен для заключения «смарт-контракта» (ст. 160 ГК РФ), возможно было бы использовать и при подаче заявления о преступлении, а при его совмещении с возможностями видео-конференц-связи и цифровой подписи, при допросе участников уголовного судопроизводства в ходе предварительного расследования.

В условиях, отмеченного исследователями, диспропорционального проникновения цифровых технологий в различные регионы страны [4, с. 82], а также нестабильной работы самих технических устройств и наличии ошибок программного обеспечения (например, привлечение к административной ответственности за превышение скорости на автомобиле, которым гражданин никогда не управлял [2, с. 19]) цифровизация уголовного процесса должна происходить с безусловным сохранением всех имеющихся процессуальных гарантий законности (или даже их повышением). По тем же соображениям, представляется, что внедрять цифровые технологии в первую очередь следует в те процессуальные институты, которые характеризуются условиями бесконфликтности, где обстоятельства очевидны обеим сторонам процесса и реального спора о фактах нет (например, судебный штраф [7, с. 111–113]). Это позволит опробовать технологии и в случае сбоев, выявлении недостатков в работе минимизировать негативные последствия для участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, очевидно, что средств фиксации следов преступления, сведений, которые имеют значение для уголовного дела в цифровой среде в действующем УПК РФ недостаточно. Все имеющиеся в уголовно-процессуальном законе особенности работы с объектами информационной среды, напрямую с процессом цифровизации не связаны. Одновременно с этим, недопустимо изменять уголовно-процессуальную форму в русле цифровых технологий, без учета ее единства, сохранения традиционных для уголовного процесса России гарантий правильного установления обстоятельств по уголовному делу.

Литература

1. Васюков В.Ф., Булыжкин А.В. Изъятие электронных носителей информации при расследовании преступлений: нерешенные проблемы правового регулирования и правоприменения // Российский следователь. 2016. № 6.
2. Гаврилин Ю.В., Победкин А.В. Собираение доказательств в виде сведений на электронных носителях в уголовном судопроизводстве России: необходимо совершенствование процессуальной формы // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47).
3. Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1.
4. Коваленкова О.Г. Проблемы цифровизации российской экономики: региональный аспект // Развитие экономики в эпоху цифровых технологий: Сб. науч. статей / Под. ред. И.В. Фроловой, Т.В. Матыцыной, Н.Ю. Лебедевой. М., 2018.
5. Панфилов П.О. Особенности производства по уголовным делам в сфере экономической и предпринимательской деятельности: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
6. Попова Л.В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019.
7. Шишов В.В. Прекращение уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: право или обязанность компетентных органов? // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1.

References

1. Vasyukov V.F., Bulzhkin A.V. Izyatie elektronnykh nositeley informatsii pri rassledovanii prestupleniy: nereshennyye problemy pravovogo regulirovaniya i pravoprimereniya // Rossiyskiy sledovatel'. 2016. № 6.
2. Gavrilin Yu.V., Pobedkin A.V. Sobiraniye dokazatel'stv v vide svedeniy na elektronnykh nositelyakh v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: neobkhodimo sovershenstvovaniye protsessual'noy formy // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 3 (47).
3. Golovko L.V. Tsifrovizatsiya v ugovnom protsesse: lokal'naya optimizatsiya ili global'naya revolyutsiya? // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2019. № 1.
4. Kovalenkova O.G. Problemy tsifrovizatsii rossiyskoy ekonomiki: regional'nyy aspekt // Razvitiye ekonomiki v epokhu tsifrovyykh tekhnologiy: Sb. nauch. statey / Pod. red. I.V. Frolovoy, T.V. Matytsynoy, N.Yu. Lebedevoy. M., 2018.
5. Panfilov P.O. Osobennosti proizvodstva po ugovnym delam v sfere ekonomicheskoy i predprinimatel'skoy deyatel'nosti: Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2019.
6. Popova L.V. Osobennosti ugovno-protsessual'nogo regulirovaniya dosudebnogo proizvodstva po ugovnym delam ob ekonomicheskikh prestupleniyakh, sovershennykh v sfere predprinimatel'skoy deyatel'nosti: Diss. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2019.
7. Shishov V.V. Prekrashcheniye ugovnogo dela v svyazi s naznacheniyem mery ugovno-pravovogo kharaktera v vide sudebnogo shtrafa: pravo ili obyazannost' kompetentnykh organov? // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 1.

УДК 343.1
ББК 67.411

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10149
© Н.В. Григорьева, Н.В. Угольникова, 2020

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Наталья Владимировна Григорьева, доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: navalagri@mail.ru

Наталья Викторовна Угольникова, заместитель начальника кафедры уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: nvugolnikova@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства на различных этапах уголовного процесса. Определяется многообразный характер обращений, в которых затрагиваются проблемы соблюдения прав участников уголовного судопроизводства. Предлагается осуществление ряда мер, в целях повышения эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовно-процессуальной сфере.

Ключевые слова: гарантии, права, участники уголовного процесса, обращение.

MODERN PROBLEMS OF COMPLIANCE WITH THE RIGHTS OF PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Natal'ya V. Grigor'eva, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: navalagri@mail.ru

Natal'ya V. Ugol'nikova, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: nvugolnikova@yandex.ru

Abstract. Topical issues of ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings at various stages of criminal proceedings are considered. The diversity of applications that address the rights of participants in criminal proceedings is defined. A number of measures are proposed to improve the protection of human and civil rights and freedoms in the area of criminal procedure.

Keywords: guarantees, rights, participants in criminal proceedings, appeal.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Григорьева Н.В., Угольникова Н.В. Современные проблемы соблюдения прав участников уголовного судопроизводства. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):110–112.

На современном этапе развития общественных отношений необходимость обеспечения прав и законных интересов участников досудебного и судебного производства выступает важнейшим условием достижения назначения уголовного судопроизводства, определенного в ст. 6 УПК РФ. В данный процесс вовлечено колоссальное число лиц, что подтверждается статистическими данными. В частности, в 2018 г. расследовано 1 087 983 уголовных дела (за январь–август 2019 г. расследовано 714 697 преступлений)¹, производство завершено по 889 885 уголовным делам, направлено в суды 883 946 уголовных дел, 681 769 лиц осуждено по результатам производства, оправдательные приговоры вынесены в отношении 2082 лиц, потерпевшими были признаны 1,3 млн лиц².

Изучение обращений в адрес руководителя следственного органа, прокурора, суда, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации свидетельствует о том, что на протяжении многих лет сохраняет свою актуальность проблема соблюдения прав участников уголовного процесса.

Обжалование в прокуратуру решений органов предварительного расследования на этапе принятия,

¹ Показатели преступности в России // Статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации за январь–август 2019 г. / Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ // URL://<http://crimestat.ru/analytics>

² Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 г. / Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // URL://<http://ombudsmanrf.org/content/doclad2018>

регистрации и рассмотрения сообщения о преступлении 2018 г. выразилось в 425 580 (+2,4%) обращениях; обжалование решений, принятых в ходе предварительного расследования выразилось в 249 401 (+0,9%) обращениях. За шесть месяцев 2019 г. органами прокуратуры рассмотрено 373 930 (+3%) обращений по аналогичным вопросам³. Обжалование действий должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство в судебном порядке в 2018 г. выразилось в 121 845 жалобах, при этом по 5413 (4,4%) приняты решения об удовлетворении⁴.

Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации в 2018 г. рассмотрено 38 698 обращений, из которых 11 191 обращение (28,92%) касались уголовно-процессуальной тематики⁵.

Защита прав граждан в уголовно-процессуальной сфере должна быть абсолютно гарантирована, поскольку уголовное судопроизводство связано с возможностью существенного ограничения прав и свобод, в том числе, установленных Конституцией РФ.

Характер обращений, в которых затрагиваются вопросы соблюдения прав участников уголовного судопроизводства, охватывает различные этапы уголовного процесса и очень многообразен.

В первую очередь, обращения касаются обоснованности и справедливости приговоров и иных судебных решений⁶, квалификации деяний осужденных, чрезмерной суровости (мягкости) приговоров, несогласия с решениями судов в части возмещения причиненного ущерба, неправильного применения норм материального и процессуального права. Обоснованность отказа применения отсрочки отбывания наказания (ст. 82 и 82.1 УК РФ) и отсрочки исполнения приговора (ст. 398 УПК РФ) заявители ставят под сомнение в отдельных обращениях. Пишут и о бездействии судебных приставов-исполнителей по взысканию причиненного преступлением вреда.

Традиционно большое количество обращений связано с нарушениями прав заявителей в стадии возбуждения уголовного дела, а именно при приеме, регистрации и рассмотрении заявлений о преступлении. Также имеет место формальный подход при проведении доследственной проверки, беспокоят, необоснованные отказы в возбуждении уголовного дела, пересылка в другие органы по подследственности или территориальности без достаточных оснований материалов проверки и уголовных дел. Только прокурорами в 2018 г. отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела — 2 225 641 (-6,5%), за восемь месяцев 2019 г. данный показатель составляет 1 365 886⁷.

Незамедлительное признание лица потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела является

императивным требованием ст. 42 УПК РФ. Однако, на практике имеют место случаи игнорирования данных правовых предписаний.

В последнее время в судебно-следственной практике обострилась проблема применения доказательств, полученных с нарушением требований закона, ввиду их недопустимости. Остаются проблемы, сопряженные с нарушением при производстве предварительного следствия и дознания права на разумные сроки, необоснованностью привлечения к уголовной ответственности, превышением должностных полномочий лицами, уполномоченными на осуществление предварительного расследования, нарушениями в процессе доказывания, особенно при собирании и оценке доказательств.

Продолжают поступать обращения относительно нарушений прав граждан, допущенных при производстве отдельных следственных действий.

Необоснованность избрания и продления меры пресечения в виде заключения под стражу стала предметом значительного числа жалоб, следует отметить сохранение тенденции арестов предпринимателей. Судами в 2018 г. удовлетворено ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу — 102 165 (90,2%), домашнего ареста — 6329 (88,2%), залога — 108 (88,5%), о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности — 335 (62,2%), о производстве следственных действий по судебному решению — 595 520 (95,7%).

Высказывают недовольство участники уголовного процесса и на решения о прекращении уголовного дела или его приостановлении, указывая на их необоснованность и немотивированность, принятие зачастую без проведения всех необходимых следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Поступают обращения, касающиеся розыска

³ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2018 г. и январь–июнь 2019 г. / Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ // URL://<http://genproc.gov.ru/stat/data/>

⁴ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2018 г. / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ // URL://<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>

⁵ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 г. / Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // URL://<http://ombudsmanrf.org/content/doclad2018>

⁶ В 2018 г. только в апелляционном порядке судами рассмотрено 336 191 жалоб и представлений на судебные решения по уголовным делам. См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2018 г. в апелляционном порядке / Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ // URL://<http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>

⁷ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2018 г. и январь–июнь 2019 г. / Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ // URL://<http://genproc.gov.ru/stat/data/>

лиц, совершивших преступления. Отмена решений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) прокурорами в 2018 г. составила 26 637 (-10,7%) постановлений; о приостановлении предварительного расследования — 432 661 (-1,8%). За восемь месяцев 2019 г. данный показатель составляет 16 691 и 283 093 соответственно.

Особого внимания требуют проблемы обеспечения права на государственную защиту, предусмотренного в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

По мнению заявителей, ошибки, допущенные на этапе предварительного расследования, влекут обращения, предметом которых стали вопросы возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Причины сложившейся ситуации проявляются не только в наличии конфликта интересов при производстве по уголовному делу, но и в нерешенности ряда системообразующих вопросов. Неэффективность стадии возбуждения уголовного дела; неравномерный объем полномочий прокурора в зависимости от формы предварительного расследования; отсутствие адекватных реалиям критериев оценки эффективности деятельности следователей и дознавателей; злоупотребление полномочиями и правами; судебный контроль применения заключения под стражу не содержит процессуальных средств проверки доказанности оснований избрания и продления указанной меры пресечения; несовершенный порядок легализации результатов оперативно-разыскной деятельности; отсутствие полномочий наблюдения субъектов общественного контроля в ходе предварительного расследования; неразумное усложнение процессуальной формы расследования преступлений небольшой и средней тяжести; отсутствие единого правового статуса следственных аппаратов СК РФ, МВД России и ФСБ России и др.

Законность досудебного производства, обоснованность привлечения к уголовной ответственности должны являться приоритетными в сфере внимания органов прокуратуры и суда. Кроме этого, полагаем необходимым вновь обратиться к исследованию эффективности процессуальной формы института возбуждения уголовного дела, с целью усиления гарантированности правового статуса потерпевшего при принятии решения о возбуждении уголовного дела.

Требуется совершенствование и законодательство о применении мер процессуального принуждения, с позиции усиления судебного контроля продления сроков содержания под стражей, в том числе, при

продлении сроков, мотивированных ознакомлением обвиняемого с материалами уголовного дела.

Изъятие в ходе обыска социально значимых документов (водительское удостоверение, полис медицинского страхования, социальная карта и др.), предметов, используемых в качестве источника дохода, должно осуществляться только при наличии достаточных оснований, в противном случае действия следователя (дознавателя) могут причинить существенный материальный, физический или моральный вред гражданину.

Также, весьма актуальным было бы принятие ориентирующего постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения отсрочки отбывания наказания и исполнения приговора.

С целью совершенствования производства по возобновлению уголовного дела ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, полагаем целесообразным внести изменения в п. 3 ч. 4 ст. 413 УПК РФ и уточнить понятие «иные новые обстоятельства», поскольку прослеживается возможность неоднозначного толкования указанной категории.

Следует согласиться с позицией Уполномоченного по правам человека в РФ о том, что реальное возмещение вреда, причиненного потерпевшему с учетом положений Конституции РФ и международных стандартов, гарантированное государством, возможно только при наличии рабочего правового механизма (Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, Рекомендаций Комитета Министров Совета Европы № (85) 11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса»)⁸.

Предупреждение нарушений законности в уголовном судопроизводстве и усиление гарантированности его участников требует продолжить деятельность по развитию взаимодействия основных правоохранительных уголовно-процессуальных механизмов — Уполномоченного по правам человека в РФ, судебных органов, органов предварительного расследования и прокуратуры.

В заключение хотелось бы отметить, что в большинстве случаев проверка обращений участников уголовного судопроизводства на действия (бездействие) и решения органов расследования, прокуратуры и суда не подтверждает нарушений. Соответственно, правоохранительные органы в основном действуют правомерно, принимают решения в соответствии с законом.

⁸ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2018 г. / Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // URL: <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2018>

УДК 343.1
ББК 67.411

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10150
© А.С. Есина, Е.В. Блинова, 2020

Научная специальность 12.00.09 — уголовный процесс

НЕРАЗГЛАШЕНИЕ ДАННЫХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ

Алла Сергеевна Есина, доцент кафедры предварительного расследования, кандидат юридических наук, доцент Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: esina-alla@list.ru

Елена Владимировна Блинова, преподаватель кафедры предварительного расследования Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: elena.pirogova2012@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются отдельные проблемные вопросы, возникающие в деятельности следователя при применении положений ст. 161 УПК РФ. Даются рекомендации правоприменителям по уяснению понятийного аппарата, разрешению сложных ситуаций, которые могут иметь место в правоприменительной практике.

Ключевые слова: неразглашение данных предварительного следствия, следователь, тайна, общие правила производства предварительного расследования, участники уголовного процесса, общие правила производства следственных действий.

NON-DISCLOSURE OF PRELIMINARY INVESTIGATION DATA: ENFORCEMENT AND INTERPRETATION ISSUES

Alla S. Esina, Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: esina-alla@list.ru

Elena V. Blinova, Lecturer of Department Preliminary Investigation Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: elena.pirogova2012@yandex.ru

Abstract. Some problematic issues that arise in the activities of an investigator when applying the provisions of art. 161 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are considered. The author gives recommendations to the law enforcement officer on understanding the conceptual apparatus, resolving complex situations that may occur in law enforcement practice.

Keywords: non-disclosure of preliminary investigation data, investigator, secret, general rules of preliminary investigation, participants of criminal proceedings, general rules of investigation.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Есина А.С., Блинова Е.В. Неразглашение данных предварительного следствия: проблемы правоприменения и вопросы толкования. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):113–117.

В последние годы граждане России уделяют особое внимание обеспечению конфиденциальности персональных данных в условиях всеобщей компьютеризации и возможностей обобщения, изучения таковых, а также предоставления этой информации заинтересованным лицам. В этой связи в законодательстве России все большее значение предается обеспечению защиты данных, содержащих конфиденциальную информацию.

В постановлении Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 утвержден план реализации государственной программы «Обеспечение обществен-

ного порядка и противодействие преступности» на период 2017–2020 г., содержащий в себе подпрограмму «Предварительное следствие»¹, основными задачами которой являются повышение качества и эффективности предварительного следствия, дознания, обеспечение защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений,

¹ Приложение 1 к Государственной программе Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденной постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 // URL://http://www.pravo.gov.ru

защита личности от незаконного ограничения прав и свобод в ходе предварительного следствия². Реализация программы и решение поставленных задач включают в себя, в том числе, и совершенствование процедуры обеспечения неразглашения данных досудебного производства.

Законодатель, совершенствуя Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), старается оптимизировать процесс обеспечения конфиденциальности информации, содержащейся в материалах доследственных проверок и уголовных дел. Именно это направление обеспечивается положениями ст. 161 (о том, что данные досудебного производства не подлежат разглашению), положениями ч. 2 ст. 241 УПК РФ (о том, что есть основания для проведения закрытого судебного разбирательства, когда этого требует обеспечение неразглашения государственной или иной охраняемой законом тайны), положениями ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ (о том, что следователь вправе предупреждать участников проверки сообщения о преступлении о неразглашении данных).

В уголовном законе установлена ответственность за разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ). Анализ статистических данных позволяет составить представление о практике применении ст. 310 УК РФ в деятельности органов предварительного расследования. Так, в период времени с 2001 по 2011 гг. по ст. 310 УК РФ было возбуждено всего 29 уголовных дел. Только по 54% из них были установлены лица, совершившие разглашение данных, а 46% преступлений остались нераскрытыми [1, с. 414]. Число осужденных по ст. 310 УК РФ невелико: в период с 1997 по 2003 гг. оно составило всего 15 человек [2, с. 264]; в период с 2009 по 2010 гг. имел место только один обвинительный приговор суда в Астраханской области³ [6]; в период с 2011 по 2013 гг. ни одного уголовного дела по ст. 310 УК РФ не возбуждалось; в 2014 г. было возбуждено одно уголовное дело и был вынесен один оправдательный приговор; в 2015 г. возбуждено два уголовных дела и имели место два обвинительных приговора; в 2016 г. возбуждено одно уголовное дело; в 2017 г. при рассмотрении уголовного дела в суде по ст. 310 УК РФ — лицо было признано невменяемым.

На основании вышеприведенной статистики можно констатировать, что преступления, связанные

с разглашением данных предварительного расследования, относятся более всего к категории латентных преступлений. Одна из причин такого состояния дел состоит в том, что, применяя положения ст. 161 УПК РФ, ст. 310 УК РФ практические сотрудники органов предварительного следствия испытывают определенные затруднения, обусловленные, в том числе, разночтением отдельных понятий и терминов, используемых при применении правила, установленного в ст. 161 УПК РФ.

Запрет на разглашение данных предварительного расследования означает, по смыслу ст. 161 УПК РФ, недопустимость их передачи (распространения) лицам, не являющимся участниками уголовного судопроизводства, или в объеме, превышающем пределы необходимости и достаточности для реализации прав, предусмотренных законом для каждого конкретного участника.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в тексте ст. 161 УПК РФ отсутствует перечень участников, к которым относится данное правило. Можно понимать законодателя таким образом, что любой участник, задействованный по уголовному делу (кроме должностных лиц) обязан не разглашать данные предварительного расследования. Обязанность не разглашать данные предварительного следствия возлагается на таких участников уголовного судопроизводства, как потерпевший, гражданский истец, защитник, гражданский ответчик, его представитель, свидетель, эксперт, специалист, переводчик и понятые. В этом перечне особое внимание следует обратить на защитника, который имеет в уголовном деле не свой, а представляемый интерес. Мы полагаем, что защитник, так же как и иные участники процесса, предупреждается о недопустимости разглашения данных предварительного расследования. Соответствующие требования закреплены в ч. 3 ст. 53 УПК РФ, предусматривающей, что защитник не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с осуществлением защиты, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, предусмотренном ст. 161 данного Кодекса; т.е. защитник, также несет ответственность по ст. 310 УК РФ

² URL://<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544264/>

³ Статистические сведения Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL://<http://www.cdep.ru>

в случае разглашения данных предварительного расследования.

Что касается подозреваемого и обвиняемого, то их статус, определенный ст. 46 и 47 УПК РФ, не предполагает возложения на них обязанности давать подписку о неразглашении данных, ставших им известными в связи с участием в предварительном расследовании, и привлечения их к уголовной ответственности за их разглашение⁴. Вместе с тем, закон допускает применение к ним, в случае необходимости, уголовно-процессуальных мер принудительного характера, в частности мер пресечения, если имеются достаточные основания полагать, что подозреваемый или обвиняемый, в том числе путем разглашения данных предварительного расследования, может препятствовать производству по уголовному делу или (п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ)⁵.

Законодатель, сформулировав правило о неразглашении данных предварительного расследования, установил, таким образом, некие гарантии, обеспечивающие «тайну расследования», его качество и соблюдение прав участников уголовного судопроизводства. В рассматриваемой норме не уточняется категория расследуемого преступления, количество обвиняемых, статус участников, о которых может быть распространена информация и другие данные. Иными словами, законодатель обязывает следователя по любому уголовному делу принять меры не только к сохранению «тайны предварительного расследования», но и к обеспечению реализации этого правила в период производства по уголовному делу.

Изучение правоприменительной практики позволяет утверждать, что многие субъекты расследования пренебрегают данным правилом. В материалах изученных уголовных дел (по г. Москве) подписки о неразглашении данных предварительного расследования имелись в 20 (12%) случаях, в то время как в 150 случаях (88%) подписки о неразглашении данных в материалах уголовных дел отсутствуют.

У правоприменителей возникает как минимум два вопроса: 1) какая информация относится к данным предварительного расследования; 2) имеет ли значение для наступления уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ источник, из которого участник уголовного дела получил информация по делу (от следователя либо из иного источника).

Отвечая на первый поставленный вопрос следует обратить внимание, что в ст. 161 УПК РФ де-

ляется акцент на неразглашение данных, полученных именно в ходе предварительного расследования. Именно о разглашении этой информации идет речь и в ст. 310 УК РФ. В материалах уголовного дела могут содержаться сведения, прямо или косвенно относящиеся к охраняемой законом тайне (персональные данные, налоговая, банковская, коммерческая, медицинская тайна, тайна усыновления и др.), а потому их несанкционированное распространение (разглашение) следует рассматривать как посягающее на права личности и, тем самым, представляющее общественную опасность. Необоснованное предание огласке данных предварительного расследования может не только привести к нарушению прав и законных интересов граждан (в том числе участников уголовного процесса, информация о частной жизни которых, личной и семейной тайне в той или иной степени неизбежно отражается в материалах предварительного расследования), но и серьезно осложнить само производство по уголовному делу, послужить основанием к всевозможным жалобам на действия следователя.

Приведем пример из практики. Следователь назначил и провел по уголовному делу судебно-психиатрическую экспертизу обвиняемому, который был признан вменяемым. При выполнении требований ст. 216 УПК РФ потерпевшему были представлены для ознакомления все материалы уголовного дела, в том числе и заключение эксперта. Защитник написал жалобу, обвинив следователя в том, что он не принял мер к обеспечению неразглашения данных предварительного следствия и не предупредил потерпевшего о неразглашении данных предварительного следствия, которые ему стали известны в результате ознакомления со всеми материалами дела. В частности, защитника насторожил факт того, что потерпевший получил информацию из заключения судебно-психиатрической экспертизы о психическом состоянии обвиняемого. Надо признать, что

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 г. № 467-О по жалобе гражданина П.Е. Пятничука на нарушение его конституционных прав положениями ст. 46, ст. 86 и ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // URL://<http://www.garant.ru>

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2443-О «По жалобе граждан Дмитрия Владимировича Динзе и Олега Геннадьевича Сенцова на нарушение их конституционных прав положениями п. 3 ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 53 и ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL://<http://www.pravo.gov.ru>

жалоба была обоснованной и ее можно было избежать, если бы следователь в ходе расследования выполнил требование ст. 161 УПК РФ и предупредил бы потерпевшего (равно как и иных участников по уголовному делу) о неразглашении данных предварительного следствия.

Законодатель не дублирует правило, установленное в ст. 161 УПК РФ в нормах, регулирующих различные процессуальные и следственные действия. Например, в ст. 164 УПК РФ, определяющей общие правила производства следственных действий, не упоминается о необходимости обеспечения неразглашения данных, полученных в ходе следственного действия. Полагаем, что такой подход законодателя оправдан. Вместе с тем, в отдельных случаях, законодатель может напомнить о необходимости соблюдения правила, установленного в ст. 161 УПК РФ. Так, в ч. 7 ст. 182 УПК РФ, устанавливающей порядок и правила производства конкретного следственного действия, указано «применять меры, к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск» (ч. 7 ст. 182 УПК РФ). В этом случае соответствующая запись должна быть обязательно отражена в протоколе следственного действия.

Определяя пределы того, что входит в понятие «данных предварительного расследования», следует обратиться к положению в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, где говорится о том, что участник проверки сообщения о преступлении **может быть предупрежден** о неразглашении информации, которая была им получена в период доследственной проверки. Таким образом, законодатель допускает, что данные, которые не подлежат разглашению, могут быть получены участником процесса и до возбуждения уголовного дела. Насколько могут оказаться «секретными» и не подлежащими разглашению данные доследственной проверки, определяет сам следователь. Не случайно, законодатель указывает, что участник проверки сообщения о преступлении **может быть** (выд. авт.) предупрежден о неразглашении; т.е. до предварительного расследования, получение подписки о неразглашении данных от участника процесса рассматривается законодателем не как обязанность следователя, а как его право, т.е. остается на его усмотрение. Вместе с тем, если следователь придет к выводу, что данные предварительной проверки

могут влиять на качество дальнейшего расследования, на безопасность кого-либо из участников процесса, то он вправе запретить разглашать информацию, полученную до возбуждения уголовного дела. Следует признать, что данное действие со стороны следователя имеет только предупредительный характер, поскольку в уголовном законе не предусмотрена ответственность за разглашение данных доследственной проверки.

Относительно второго поставленного вопроса — об источнике информации, следует иметь в виду, что не подлежат разглашению лишь те данные, которые стали известны лицу, например, при участии в следственных и процессуальных действиях по уголовному делу, либо от следователя. Разглашение информации, которая стала известна лицу из иных источников, например, средств массовой информации, законом не предусмотрена и в этом случае подписка не отбирается.

Мы полагаем, что если участнику процесса стала известна информация, полученная из других источников, то он должен предупредить об этом следователя, который обязан сделать соответствующую отметку, оформляя подписку о неразглашении данных предварительного расследования с этим участником.

Понимая, что не любая информация, полученная в ходе предварительного расследования, может быть запрещена к распространению, законодатель дал перечень тех сведений, которые могут быть переданы огласке, даже без разрешения следователя (ч. 4 ст. 161 УПК РФ):

- ♦ о нарушении закона органами государственной власти и их должностными лицами;
- ♦ распространенные следователем, дознавателем или прокурором в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети Интернет или иным публичным способом;
- ♦ переданные огласке в открытом судебном заседании;
- ♦ не является разглашением данных предварительного расследования в случаях изложения сведений по уголовному делу в жалобах, подаваемых в государственные и межгосударственные органы, в суд с целью составления и подачи жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ по защите прав и свобод человека, а также, если они предоставляются лицу, привлекаемому к участию в этом деле в качестве специалиста,

при условии дачи им письменного обязательства о неразглашении указанных сведений без согласия следователя или дознавателя⁶.

Кроме того, следователь может официально разрешить разглашать сведения, содержащиеся в материалах уголовного дела, представителям пресс-служб правоохранительных органов для оглашения в средствах массовой информации, если такой шаг тактически оправдан.

В случае установления факта разглашения данных предварительного расследования уголовная ответственность может наступить только в том случае, если лицо было заранее предупреждено о неразглашении в установленном законом порядке. Именно подписка о неразглашении является юридическим основанием к началу уголовного преследования по ст. 310 УК РФ.

В законе не получили закрепления требования к оформлению (форме и содержанию) подписки о неразглашении данных предварительного расследования. Вместе с тем, не вызывает сомнений, что подписка берется в письменной форме. По нашему мнению, в подписке о неразглашении данных предварительного расследования необходимо отражать следующую информацию:

- ♦ дата оформления подписки о неразглашении (это важный момент для наступления уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ. В случае установления факта разглашения данных до предупреждения о неразглашении — уголовная ответственность не наступает);

- ♦ указать период действия данной подписки. Обычно срок сохранения сведений в тайне определяется сроками следствия. После направления дела в суд материалы уже не являются секретом, и их разглашение не является преступлением;

- ♦ указание на статус участника уголовного процесса, от которого подписка отбирается;

- ♦ перечень (конкретизация) той информации, которая не должна подлежать огласке. Следует иметь в виду, что не подлежат разглашению данные, которые стали известны лицу, например, при участии в следственных и процессуальных действиях по уголов-

ному делу. Разглашение информации, которая стала известна лицу из иных источников, например, средств массовой информации, не запрещена законом и в этом случае подписка не отбирается;

- ♦ наконец само предупреждение (отметка о предупреждении) об уголовной ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ.

Полагаем, что соответствующие требования к подписке о неразглашении должны быть установлены на законодательном уровне.

В рамках данной работы авторы попытались указать некоторые проблемные вопросы, которые возникают в правоприменительной практике при применении ст. 161 УПК РФ, дать авторское толкование содержания некоторых терминов и положений уголовно-процессуального закона с точки зрения буквального понимания смысла положений закона, используемых терминов. Исследование по данному вопросу показало, что основания для совершенствования общих правил производства предварительного следствия еще имеются.

Литература

1. Новикова М.А. Проблемы установления субъекта разглашения следственной тайны и сведений о мерах безопасности // Вестник Воронежского государственного университета. 2011. № 1 (10). С. 414.

2. Преступления против правосудия: Учебник / Под. ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2005.

References

1. Novikova M.A. Problemy ustanovleniya subyekta razglasheniya sledstvennoy tayny i svedeniy o merakh bezopasnosti // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 1 (10). S. 414.

2. Prestupleniya protiv pravosudiya: Uchebnik / Pod. red. A.V. Galakhovoy. M.: Norma, 2005.

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 6 октября 2015 г. № 2443-О «По жалобе граждан Дмитрия Владимировича Динзе и Олега Геннадьевича Сенцова на нарушение их конституционных прав положениями п. 3 ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 53 и ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL://<http://www.pravo.gov.ru>

ФУНКЦИИ ПРЕВЕНЦИИ КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Константин Александрович Васильков, следователь отдела по расследованию дорожно-транспортных происшествий Следственного управления Управления МВД России по г. Барнаулу (656056, Алтайский край, Барнаул, пр. Комсомольский, д. 13)
E-mail: konstantin.vasilkov.95@mail.ru

Аннотация. Определяется понятие функций правовых категорий в рамках современной действительности на основе анализа теоретических представлений научной общественности о функциях права. Выделяются функции превенции как правовой категории в контексте ее сущностной ориентации.

Ключевые слова: правовая категория, функции правовой категории, функции превенции.

FUNCTIONS OF THE PREVENTION AS A LEGAL CATEGORY: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Konstantin A. Vasilkov, Investigator of the Traffic Accident Investigation Department Investigative Department of the Ministry of internal Affairs of Russia in Barnaul (656056, Altai territory, Barnaul, pr. Komsomol'skiy, d. 13)
E-mail: konstantin.vasilkov.95@mail.ru

Abstract. The concept of functions of legal categories within the framework of modern reality is defined based on the analysis of theoretical representations of the scientific community about the functions of law. The functions of prevention as a legal category in the context of its essential orientation are highlighted.

Keywords: legal category, functions of legal categories, functions of prevention.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Васильков К.А. Функции превенции как правовой категории: теоретико-правовой анализ. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):118–122.

Наука теории права и само право в рамках российской действительности постоянно совершенствуются. Их преобразование вызвано многими факторами, в том числе динамикой общественных отношений и, как следствие, выделением новых (ранее не анализируемых) правовых категорий. Одной из таких является превенция. В рамках других научных исследований нами уже анализировалась данная категория [4, с. 115–121] и, кратко обозначая свою позицию, мы отмечаем, что у превенции как правовой категории можно видеть следующие характеристики: универсальность, всеобщность, нормативность и возможность абстрактного обобщения. Вместе с тем, не вызывает сомнения тот факт, что, доказывая существование превенции в данном контексте, необходимо более детально остановиться на ее функциях.

В науке правоведения ранее не изучались функции правовых категорий в общетеоретическом смысле и, с учетом поставленной темы исследования, мы будем отталкиваться от определения функции права.

Профессором Н.И. Матузовым право в объективном смысле трактуется как «совокупность юридических норм, выраженных (внешне объективированных) в соответствующих актах государства (Конституциях, законах, кодексах, указах, постановлениях и т.д.)» [13, с. 71]. В более углубленном варианте можно привести определение, данное О.И. Цыбулевской, которая определяет право как «систему общеобязательных, формально-определенных правил поведения, санкционированных и охраняемых государством, выражающих меру свободы и ответственности личности, направленных на регулирование общественных отношений» [9, с. 87]. Обе позиции верны и общеприняты, при этом одна дополняет другую.

В свою очередь, в трактовке Н.И. Матузова функция права — это «основные пути (каналы) правового воздействия, выражающие роль права в упорядочении общественных отношений. Имеются в виду методы воздействия права на общественные отношения,

которые отражают его сущность и природу, необходимость самого данного явления» [13, с. 74].

О.И. Цыбулевская пишет, что «под функциями права принято понимать основные направления правового воздействия на общественные отношения» [9, с. 89].

Позиция И.В. Григорьевой полностью согласуется с мнением И.В. Матузова, однако с некоторым дополнением. Так, профессор пишет, что «с помощью понятия «функции права» можно познать социальное назначение права в обществе, его динамику. Главное предназначение права состоит в создании и обеспечении правопорядка, в чем заинтересованы общество, государство, иные субъекты» [14, с. 40].

Т.Н. Радько отмечает, что «функция права — это проявление его «имманентных» специфических свойств. В функции аккумулируются такие свойства права, которые вытекают из его качественной самостоятельности как социального феномена» [12, с. 252].

По мнению Л.А. Морозовой функции права — это «основные направления правового воздействия на общественные отношения в целях их упорядочения, урегулирования и придания им необходимой стабильности, единства и динамизма» [11, с. 147].

Все вышеприведенные позиции органично дополняют друг друга и согласуются между собой. Возвращаясь к теме исследования, логично вывести тезис, что общетеоретическое определение функций правовых категорий можно смело ставить в один ряд с трактовкой функций права, поскольку правовая категория — это абстрактное представление определенной группы однородных общественных отношений, проявляющихся одновременно во всех отраслях и формах права. На этой основе позволим себе сделать вывод, что функции правовой категории — это направления ее воздействия на общественные отношения, вытекающие из ее качественной самостоятельности как социального феномена и необходимые для упорядочивания и придания стабильности и единства общественным отношениям.

Кратко рассматривая вопрос относительно конкретных функций права в контексте темы исследования, отметим, что в теории права в настоящее время выделяется самостоятельная функция — превентивная. В целом, она определяется учеными как «обособленное, прогрессивное направление однородного (гомогенного) воздействия на социальную систему, сознание, волю и поведение людей, которое нацелено

на недопущение нарушения социальных связей и общественных отношений, прав и законных интересов граждан, их коллективов и организаций» [6, с. 18]. Некоторые уходят в углубленное изучение данной функции, в конкретных отраслях, например, трудового права [2, с. 57]. Отдельные ученые пишут, что «общая позиция авторов, исследовавших превентивную функцию права, сводится к воздействию системы юридических норм на общественные отношения с целью предупреждения» [15, с. 77].

По нашему мнению, такой подход к превенции не является верным, поскольку с учетом современных реалий и множества правовых норм, задающих и регулирующих алгоритмы предупредительно-профилактического воздействия, превенцию нужно рассматривать как правовую категорию и выделять функции внутри нее самой, а не превентивные функции внутри каждой отрасли права.

В этой связи, с учетом всего вышеизложенного, функции превенции как правовой категории можно определить как направление ее воздействия на общественные отношения, волю и поведение людей через предупредительно-профилактические приемы и средства, определяемые с учетом специфики предмета и метода правового регулирования конкретной отрасли права, детерминирующее стабильный и единый механизм предвосхищающего недопущения противоправного поведения.

Выделяя конкретные функции превенции, отметим, что анализируемая нами правовая категория является частью действующего права и необходимо учитывать схожий характер функций права и превенции; в этой связи важное методологическое значение имеет подход к выделению функций права, поэтому будем отталкиваться от последнего.

Так, все функции превенции можно отнести к двум формам воздействия: динамической и статической. Динамическая характеризуется длящимся процессом. Другими словами, для такой формы нужен стимул, который может быть выражен в форме действия, юридического факта и т.д., в зависимости от конкретной ситуации.

В другом случае, независимо от наличия стимула, действуют статическая форма: целенаправленная, постоянная и, как правило, абстрактная. Отметим, что данные формы воздействия реализуются в трех видах: только динамическая, только статическая, либо комбинированная. Подразделять конкретную функцию

под форму воздействия, полагаем, нецелесообразно, поскольку в каждой конкретной ситуации последняя может меняться.

В соответствии с вышеизложенным и опираясь на общую теорию права, полагаем, что у превенции можно выделить три основные функции: охранительную, воспитательную и мотивационную. Все они действуют взаимосвязано и каждая дополняет другую; иными словами, без первой не будет работать вторая и т.д. В свою очередь, в рамках охранительной функции существуют две подфункции: карательная и компенсационная.

В этой связи, следует отметить, что «вопрос о существовании различных подфункций права был поставлен еще в работах С.С. Алексеева при подразделении регулятивной функции на регулятивно-статическую и регулятивно-динамическую» [1, с. 105]. В новейшей же правовой действительности можно привести выдержку из трудов А.В. Малько и Д.А. Липинского в области анализа подфункций охранительной функции права, где указано, что «не существует общей охранительной функции права — это научная абстракция, обобщение, сделанное наукой теории государства и права» [8, с. 36]. Данная идея, по нашему мнению, логична и отражает современную ситуацию в контексте теории права относительно его функций, что позволяет выделить соответствующие подфункции. Во избежание недопонимания, разясним, что здесь речь идет об охранительной функции права в целом, однако данный вывод не противоречит выделению охранительной функции в рамках превенции как правовой категории. Приступим непосредственно к анализу.

Охранительную функцию превенции ярче всего можно представить через систему правовых ограничений и запретов, которые установлены государством и, соответственно, правом, в целях защиты: во-первых, прав и свобод лиц по отношению друг к другу; во-вторых, общественных отношений и общества в целом; в-третьих — государства. Вышеуказанные ограничения и запреты закреплены в большом количестве нормативных правовых актов различного уровня (при этом данная функция может выражаться в любом из элементов структуры нормы права: гипотезе, диспозиции, санкции, в зависимости от конкретной отрасли). Данная функция выступает основополагающей при рассмотрении превенции как правовой категории. Поскольку законодатель (закрепляя),

а в дальнейшем правоприменитель (реализуя отдельные охранительные нормы права) составляют предупредительно-профилактическую практику, их деятельность строит фундамент превенции. Можно заключить, что все остальные функции превенции прямо или косвенно связаны с охранительной и зависимы от нее. Для более конкретного понимания полагаем необходимым провести разграничение охранительной функции права и превенции.

Охранительная функция права «направлена на охрану основополагающих ценностей — жизни, здоровья, чести, достоинства, свободы, собственности, правопорядка, безопасности и т.д.» [13, с. 85]. Полагаем, что в данной трактовке ключевое понятие — «основополагающие ценности». Одновременно, проводя разграничение, отметим, что охранительная функция права является общей по отношению к охранительной функции превенции, поскольку, как было указано ранее, любая правовая категория — это часть права. В этой связи превенция, категоризируя колоссальные сферы общественных отношений, имеет охранительную функцию, которая по своей специфике в данном контексте узконаправленна на предупредительно-профилактическое воздействие, в то время как охранительная функция права действует шире.

Далее рассмотрим карательную подфункцию. Для анализа используем ретроспективный метод. Так, во времена начала развития древних государств и их правовых систем превенция уже существовала, однако проявлялась незначительно. «Примером может служить одна из норм Законов XII таблиц — источника права Древнего Рима: «В третий базарный день пусть разрубят должника на части. Если отсекут больше или меньше, то пусть это не будет вменено им в вину». Когда наказание приводилось в исполнение, это воздействовало на сознание должников. Такое воздействие заключалось в «устрашении» и, тем самым, в предупреждении новых правонарушений» [7, с. 4]. Приведенная выдержка показывает, что целью санкций за неправомерное поведение в ранние годы становления права и государства было исключительно наказание лишь с небольшой долей профилактики (в случае, если наказывали публично, как показано в примере).

В связи с этим нами была выделена карательная подфункция превенции в рамках охранительной. Вместе с тем, в условиях действующего правового

поля, в современной действительности данное направление воздействия выражено в равной степени как в наказании конкретного лица за совершение противоправного деяния и в устрашении на примере последнего отдельного лица, социальной группы или всего социума (в зависимости от масштаба разглашения в средствах массовой информации), так и в правовом предупреждении совершения правонарушений вновь. Полагаем, что прямое действие санкции является стимулом (как с правовой, так и с психологической точек зрения) для лица придерживаться в будущем правомерного поведения.

Правовое предупреждение ярче всего можно видеть на примере такого явления, как административная преюдиция, когда лицо не только наказывают за сам факт совершения деяния, но и профилируют возможность совершения правонарушений этим же лицом в будущем. Можно сказать, что в данном случае действует как первичная, так и вторичная превенция [5, с. 78–83].

Также можно с уверенностью говорить о том, что карательная функция выражена в различных видах юридической ответственности: уголовная, административная, гражданская, дисциплинарная. Вопрос строгости наказания в каждом конкретном случае индивидуален, однако в самом факте привлечения лица к ответственности можно увидеть превенцию, а именно отражение ее функционального назначения.

Далее проанализируем компенсационную подфункцию. Здесь название говорит само за себя, за исключением специфики направления воздействия. Вместе с тем, отметим, что данную функцию видно гораздо слабее, нежели предыдущие рассматриваемые. Как уже было указано, превенция, как правило, выражена тогда, когда правонарушение уже совершено и (в идеальном варианте) пресечено, поэтому в самом общем виде компенсационную подфункцию можно видеть через восстановление социальной справедливости в нарушенной ранее области общественных отношений.

Обе вышеуказанные подфункции действуют поочередно, одна за другой; при этом с точки зрения целесообразности логично «включение» сначала карательной, а затем компенсационной подфункции, хотя проанализировать более конкретно такую последовательность едва ли получится (в связи с индивидуализацией наказания).

Воспитательная функция превенции, полагаем, не нуждается в детальном анализе. Превенция формирует в гражданах и отдельных социальных группах установку на правомерное поведение в обществе и, тем самым, в масштабах государства снижает уровень перерожденного правосознания и дает возможность (строит фундамент) становления и развития гражданского общества.

Разграничивая воспитательную функцию права и превенции, отметим, что воспитательная функция права выражается в том, что «право, отражая определенную идеологию, оказывает специфическое педагогическое воздействие на лиц, формирует у субъектов мотивы правомерного поведения» [13, с. 84]. В данном случае, равно как и в предыдущем, приведенная трактовка шире, чем воспитательная функция превенции, поскольку в первой речь идет о «правовой идеологии», что является структурным элементом правосознания и охватывает все право в целом. Одновременно с этим воспитательная функция превенции узконаправлена, и для ее действия в любом случае нужен мотив (закрепление соответствующей обязывающей нормы или пресечение и наказание за уже совершенный противоправный поступок).

Мотивационная функция превенции проявляется в стечении совокупности факторов: во-первых, в том, что законодатель закрепляет, во-вторых, в том, что правоприменитель реализует, а гражданин, в свою очередь, анализирует нормы права предупредительно-профилактической направленности, направляя неопределенное количество субъектов на правомерное поведение.

Исходя из этимологии понятия «мотив», логично привести цитату из словаря С.И. Ожегова, который пишет, что это «побудительная причина, повод к какому-нибудь действию» [10, с. 940]. В данном случае, во-первых, наличие самой нормы (законодатель), во-вторых, правомерные действия по привлечению лица к ответственности (правоприменитель) и, в-третьих, внутреннее убеждение гражданина, основанное или на наказании, или на страхе наказания (гражданин), являются причинами, побуждающими к правомерному поведению.

Таким образом, подводя промежуточный вывод в исследовании превенции как правовой категории (в контексте ее функций), можно отметить, что основные направления воздействия превенции ранее не анализировались как самостоятельные, что опреде-

ляет новизну и актуальность проведенной работы. Одновременно с этим комплексное и абстрактное восприятие как самой превенции, так и ее функционального назначения играют важную роль в правоприменительной практике и, следовательно, в качественном выражении предупреждения и профилактики. Также, подчеркивая важность и значимость исследования, позволим себе согласиться с мнением о том, что «именно надлежащая реализация функций правовыми категориями составляет основу их ценностного содержания» [3, с. 61].

Литература

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
2. Арапчор О.М. Превентивная функция российского трудового права: Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013.
3. Баринов П.С. Функциональная ценность правовых категорий: общетеоретический аспект // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 5. С. 60–65.
4. Васильков К.А. Категориальная сущность превенции в гражданском праве России: вопросы теории и практики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4. С. 115–121.
5. Васильков К.А. Классификация видов превенции в рамках современного правового поля // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 3. С. 78–83.
6. Данченко А.А. Превентивная функция российского права: Дисс. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2002.
7. Иванов И.И. Криминалистическая превенция (комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив): Дисс. ... докт. юрид. наук. СПб., 2004.
8. Малько А.В., Липинский Д.А. О подфункциях охранительной функции права // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2. С. 34–39.
9. Общая теория государства и права: Учебник / Под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касеовой. Саратов, 2018.
10. Ожегов С.И., Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2000.
11. Теория государства и права: Учебник / Л.А. Морозова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010.
12. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 2003.
13. Теория государства и права: Учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. М.: Юрист, 2004.
14. Теория государства и права: Учеб. пособие / И.В. Григорьева. Тамбов, 2009.
15. Тихонов Я.И. Институт превенции в системе Российского права: Дисс. ... канд. юрид. наук. Вологда, 2019.

References

1. Alekseev S.S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve. M., 1966.
2. Arapchor O.M. Preventivnaya funktsiya rossiyskogo trudovogo prava: Diss. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2013.
3. Barinov P.S. Funktsional'naya tsennost' pravovykh kategoriy: obshcheteoreticheskiy aspekt // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2016. № 5. S. 60–65.
4. Vasil'kov K.A. Kategorial'naya sushchnost' preventsii v grazhdanskom prave Rossii: voprosy teorii i praktiki // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 4. S. 115–121.
5. Vasil'kov K.A. Klassifikatsiya vidov preventsii v ramkakh sovremennogo pravovogo polya // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 3. S. 78–83.
6. Danchenko A.A. Preventivnaya funktsiya rossiyskogo prava: Diss. ... kand. yurid. nauk. Kostroma, 2002.
7. Ivanov I.I. Kriminalisticheskaya preventsiya (kompleksnoe issledovanie genezisa, sostoyaniya, perspektiv): Diss. ... dokt. yurid. nauk. SPb., 2004.
8. Mal'ko A.V., Lipinskiy D.A. O podfunktsiyakh okhranitel'noy funktsii prava // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2017. № 2. S. 34–39.
9. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik / Pod red. S.Yu. Naumova, A.S. Mordovtza, T.V. Kasaevoy. Saratov, 2018.
10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. 4-e izd., dop. M., 2000.
11. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik / L.A. Morozova. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Eksmo, 2010.
12. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik / Pod red. V.K. Babaeva. M.: Yurist, 2003.
13. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik / N.I. Matuzov, A.V. Mal'ko. M.: Yurist, 2004.
14. Teoriya gosudarstva i prava: Ucheb. posobie / I.V. Grigor'eva. Tambov, 2009.
15. Tikhonov Ya.I. Institut preventsii v sisteme Rossiyskogo prava: Diss. ... kand. yurid. nauk. Vologda, 2019.

УДК 34
ББК 67

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10152
© В.И. Елинский, Р.М. Ахмедов, Ю.А. Иванова, 2020

Научная специальность 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК В ОКАЗАНИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ АФГАНИСТАН

Валерий Иванович Елинский, заведующий кафедры государственного и административного права,
доктор юридических наук, профессор

Российский технологический университет МИРЭА (119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 78)

E-mail: 20745@rambler.ru

Руслан Маратович Ахмедов, доцент кафедры государственного и административного права,
кандидат юридических наук, доцент

Российский технологический университет МИРЭА (119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 78)

E-mail: ahmedov@list.ru

Юлия Александровна Иванова, доцент кафедры государственного и административного права,
кандидат юридических наук, доцент

Российский технологический университет МИРЭА (119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 78)

E-mail: julia-ivanova-77@yandex.ru

Аннотация. Ход Афганской войны (1979 г. по 1989 г.) на сегодняшний день знаком далеко не каждому жителю Российской Федерации, а так же иных стран бывшего Советского Союза. В конце прошлого века из-за ярых политических реформ и экономических кризисов афганская кампания была вытеснена из общественного сознания, но сегодня, когда проделана значительная работа историков, возникла возможность беспристрастно взглянуть на события минувших военных лет.

Ключевые слова: Афганистан, СССР, война, боевые действия, интернациональная помощь, взаимодействие государств, идеологи.

ROLE AND SIGNIFICANCE OF THE UNION OF SOVIET SOCIALIST REPUBLICS THE PROVISION OF INTERNATIONAL ASSISTANCE DEMOCRATIC REPUBLIC OF AFGHANISTAN

Valery I. Elinskiy, Head of the Department of State and Administrative Law, Doctor of Legal Sciences, Professor

Russian Technological University MIREA (119454, Moscow, pr-t Vernadskogo, d. 78)

E-mail: 20745@rambler.ru

Ruslan M. Akhmedov, Associate Professor of the Department of State and Administrative Law,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Russian Technological University MIREA (119454, Moscow, pr-t Vernadskogo, d. 78)

E-mail: ahmedov@list.ru

Yuliya A. Ivanova, Associate Professor of the Department of State and Administrative Law, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor

Russian Technological University MIREA (119454, Moscow, pr-t Vernadskogo, d. 78)

E-mail: julia-ivanova-77@yandex.ru

Abstract. The course of the Afghan war (1979 to 1989) is not familiar to every citizen of the Russian Federation, as well as other countries of the former Soviet Union. At the end of the last century, due to violent political reforms and economic crises, the Afghan campaign was forced out of the public consciousness, but today, when significant work has been done by historians, it is possible to look at the events of the past war years impartially.

Keywords: Afghanistan, the USSR, war, fighting, international assistance, interaction of States, ideologists.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Елинский В.И., Ахмедов Р.М., Иванова Ю.А. Роль и значение Союза Советских Социалистических Республик в оказании интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):123–125.

История отношений нашей страны с Афганиста-
ном насчитывает сотни лет. Их дружественный на-
строй не менялся в зависимости от перемен во

властвующих структурах. Афганистан был одним из
первых, кто установил дипломатические отношения
с Советской Россией. К 1978 г. около 60% суще-

ствующих предприятий в стране были построены при технической поддержке СССР. Однако, даже помощь благодушного соседа (СССР) не могла кардинально изменить порядок вещей и в начале 1970-х гг. Афганистан оставался одним из беднейших государств мира. Опираясь на статистические данные официальных источников, можно говорить о том, что 40% афганцев жили в абсолютной нищете, из которой не находили выхода.

Победа Апрельской революции в Афганистане положила начало новому витку отношений между нашими странами. Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА) обещала народу новый мир, выгодно отличающийся от прежнего. Нур Мохаммад Тараки, как генеральный секретарь партии, официально провозгласил начало социалистических преобразований в Афганистане. Советское руководство такая идеологическая и социальная ориентация южного соседа не могла не заинтересовать. Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве стран был заключен 5 декабря 1978 г.

К сожалению, победа революции или же итоги переворота, как называют это некоторые ученые, не смогли сгладить противоречия, давно возникавшие в Народно-демократической партии Афганистана. Борьба между двумя фракциями («Хальк» во главе с Н.-М. Тараки и Х. Амином и «Парчам» под предводительством Б. Кармалы) становилась все более и более ожесточенной. Экономика страны к 1979 г. сохранялась в крайне плачевном состоянии. Отношение людей к новой власти было резко негативным в связи с многократным нарушением ею всех норм и канонов мусульманской веры, несоблюдением обычаев, остававшихся незыблемыми основами жизни афганского общества в течение столетий. В воздухе витало напряжение, назревала гражданская война. Ранней весной того же года генеральный секретарь правящей партии обратился к руководству СССР с просьбой ввести войска на территорию Афганистана, дабы предотвратить худший сценарий событий. Причиной данного события явилось выступление против Народно-демократической партии Афганистана коалиции, включающей в себя исламские фундаменталистские организации, которое в конечном счете вылилось в марте 1979 г. в мятеж, произошедший в городе Герат.

Многие документальные источники свидетельствуют о том, что в советском руководстве не было единства во мнении в отношении ввода войск Афга-

нистан. К примеру, Николай Васильевич Огарков, начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР, считал необходимым воздержаться от попыток военного разрешения конфликта политических противоречий в соседней стране. Однако, оперативные разведданные содержали информацию о намерении США применить свои вооруженные силы для установления собственного господства в регионе, который они называли «мягким подбрюшьем Советского Союза». В связи с этим 12 декабря 1979 г. на встрече Л.И. Брежнева с Ю.В. Андроповым, Д.Ф. Устиновым, А.А. Громыко и К.У. Черненко (всего присутствовало пять членов Политбюро из 12) было принято решение о вводе ограниченного воинского контингента в Афганистан.

Основные геополитические причины данного решения — стремление советских руководителей создать наиболее стабильную и безопасную обстановку непосредственно у южных границ Советского Союза, оказать поддержку ориентированной на социализм правящей партии Афганистана, а также усилить собственное влияние в регионе.

Афганистан не даром называют «сердцем Азии»; через пространство страны проходит множество сухопутных торговых путей. В начале 1970-х гг. контакты с южными республиками в составе Союза были довольно активны и приносили определенную обоюдную прибыль, однако дестабилизация обстановки внутри Афганистана привела к разгулу наркоторговли, что вынудило руководство СССР усилить таможенный контроль при ввозе товаров, увеличить пограничные подразделения на советско-афганской границе.

Народно-демократическая партия Афганистана, при власти которой он и стал Демократической республикой, во многом строила свою программу действий в соответствии с направлением развития Союза Советских Социалистических Республик. Идеологи движения допустили наигрубейшую ошибку при построении своей политической линии, а именно не учли особенностей культуры и традиций родной земли. Разные племена, каждое со своей этнической памятью, историей и ответвлением вероучения, разные конфессии внутри ислама. Люди не поняли и не приняли социалистических изменений, направленных отчасти на стирание различий в общей массе населения, что привело к провалу преобразований, проводимых новой властью и к назреванию тотального кризиса в государстве.

Границы с Ираном, Пакистаном и Индией, являющихся активными промышленными и торговыми странами, а также особенности геополитического положения в целом способствовали формированию внешне- и внутривосточного курса Афганистана как экономического центра среднеазиатского региона. При этом многие страны Запада, в частности США, Великобритания, Франция, преследовали в данной местности свои собственные военно-политические и экономические интересы, что отнюдь не укрепляло позиции государства на мировой арене и ни коим образом не способствовало повышению уровня жизни его граждан. Советский Союз, в целях укрепления своего влияния в регионе и не допущения присутствия у собственных границ контингента войск стратегического (военного и идеологического) противника, обязан был оказать содействие официальным властям Демократической республики Афганистан в противостоянии с душманами, группировками и банд-формированиями моджахедов, поддерживаемыми, а порой искусственно создаваемыми, государствами капиталистического лагеря, в первую очередь Соединенными Штатами Америки.

Итогом многолетней миссии советских войск по оказанию интернациональной помощи Демократической республике Афганистан стало осознание как руководством страны, так и простыми гражданами СССР необходимости мирного разрешения данного конфликта в рамках действия международных конвенций, договоров, касающихся общеправовых вопросов регулирования государственной жизни и ратифицированных большинством цивилизованных стран мира. К 1985 г. становилась все более очевидной мысль о том, что сам Союз Советских Социалистических Республик нуждается во внутренней реформации, назревали и искали выхода внутренние проблемы, начиная от роста сепаратистских настроений в кругах политической элиты малых республик и заканчивая обострением продовольственного вопроса. Поддержка же дружественного нам Афганистана по-прежнему имела огромное геополитическое значение, однако финансирование нахождения ограниченного контингента советских войск в стране значительно затрудняло решение важнейших государственных задач внутри самого Союза.

В связи с вышеперечисленными обстоятельствами с 1986 г. был начат планомерный постепенный вывод советских войск из Афганистана. В СССР

и в России нашего времени многие граждане отмечают как великий праздник 15 февраля. Именно в этот день в 1989 г., как тогда говорили, последний советский воин-интернационалист покинул территорию среднеазиатского соседа. После вывода ограниченного контингента войск гражданская война в Демократической республике Афганистан не прекратилась, а, к сожалению, не без помощи «партнеров» с Запада, разгорелась с новой силой. До сих пор страну разрывают противоречия, не исчезнувшие и за последние 26 лет, прошедших уже с распада СССР.

Такова краткая политическая история оказания интернациональной помощи Демократической республике Афганистан ограниченным контингентом советских войск в период с 1979 по 1989 г. Тысячи наших солдат отдали жизнь, защищая простых людей, оказавшихся брошенными на произвол судьбы в буре гражданской войны, охватившей Афганистан. Как представляется, самое главное, что современная российская молодежь должна знать и помнить: там были простые люди, настоящие патриоты своей родины; люди, которые выполняли свой долг, боролись за мир и лучшее будущее таких же людей в соседней стране. Не будем забывать героев Афгана. Нашему поколению необходимо сохранить память о великом подвиге, совершенном советскими солдатами на чужой земле и передать знание о нем потомкам.

Литература

1. *Бояркин С.* Солдаты афганской войны. Новосибирск: Астейя, 1999.
2. *Волос А.* Победитель. М.: Акпресс; АСТ; Мн.: Харвест, 2008.
3. *Ермаков О.* Арифметика войны. М.: Астрель, 2012.
4. *Майоров А.* Правда об Афганской войне. М.: Правда человека, 1996.
5. *Моисеев И.* Сектор обстрела. М., 2007.

References

1. *Boyarkin S.* Soldaty afganskoy voyny. Novosibirsk: Asteya, 1999.
2. *Volos A.* Pobeditel'. M.: Akpress; AST; Mn.: Kharvest, 2008.
3. *Ermakov O.* Arifmetika voyny. M.: Astrel', 2012.
4. *Mayorov A.* Pravda ob Afganskoy voyne. M.: Pravda cheloveka, 1996.
5. *Moiseenko I.* Sektor obstrela. M., 2007.

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП

Сергей Григорьевич Василевич, доцент кафедры конституционного права, кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет (220030, Республика Беларусь, Минск, пер. Изумрудный, д. 9)
E-mail: Gregory_1@tut.by

Аннотация. Анализируется понятие и содержание принципа презумпции невиновности в совершении преступлений и иных правонарушений. Роль презумпции — освобождение стороны, в пользу которой она установлена, от доказывания. Подчеркивается, что для решения вопроса о привлечении к административной ответственности, как и к любой иной ответственности, важно установить вину лица. Проблемы доказывания в административном процессе являются не менее актуальными, чем, например, в уголовном процессе и других отраслях права. Особую актуальность приобретает разрешение конфликта между публичными и частными интересами при рассмотрении административных дел, связанных с определением виновности при фиксации превышения транспортными средствами скоростного режима работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи. Ответственность собственников (владельцев) транспортных средств в связи с установлением таких фактов вызывает часто возражения со стороны ученых и практиков. Спорной является практика прекращения производства по административному делу, когда автомобиль припаркован с нарушением действующих правил, а собственник ссылается на то, что автомобиль был передан в управление близкому родственнику, против которого он имеет конституционное право не свидетельствовать. В статье автором высказаны на этот счет собственные суждения.

Ключевые слова: презумпция невиновности, административная ответственность, скоростной режим, парковка.

PRESUMPTION OF INNOCENCE AS A FUNDAMENTAL LEGAL PRINCIPLE

Sergey G. Vasilevich, Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
Belarusian state University (220030, Republic of Belarus, Minsk, per. Izumrudnyy, d. 9)
E-mail: Gregory_1@tut.by

Abstract. Analyzed the concept and content of the principle of presumption of innocence in the Commission of crimes and other offenses. The role of a presumption is to exempt the party in whose favor it is established from proof. It is emphasized that to resolve the issue of bringing to administrative responsibility, as well as to any other responsibility, it is important to establish the guilt of the person. Problems of proof in administrative proceedings are no less relevant than, for example, in criminal proceedings and other branches of law. Of particular relevance is the resolution of the conflict between public and private interests in the consideration of administrative cases related to the determination of guilt when recording exceeding the speed limit by vehicles operating in automatic mode with special technical means that have the functions of photo and film shooting, video recording. The responsibility of owners (owners) of vehicles in connection with the establishment of such facts often raises objections from scientists and practitioners. A controversial practice is the termination of proceedings in an administrative case, when the car is parked in violation of the current rules, and the owner refers to the fact that the car was transferred to the management of a close relative, against whom he has a constitutional right not to testify. In the article, the author makes his own judgments on this issue.

Keywords: presumption of innocence, administrative responsibility, speed limit, parking.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Василевич С.Г. Презумпция невиновности как фундаментальный правовой принцип. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):126–134.

Презумпция — это предположение, признаваемое достоверным, пока не будет доказано обратное. Согласно ст. 49 Конституции Российской Федерации каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать

свою невиновность. Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

Схожая по смыслу редакция содержится в ч. 2 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком [3, с. 761–779].

Европейский Суд по правам человека в своей практике вынес ряд решений, основные идеи которых сводятся к следующему: «принцип презумпции невиновности действует на протяжении всего уголовного процесса, независимо от результатов расследования, а не только при рассмотрении обоснованности обвинения», презумпция невиновности является, «наряду с другими правами, составным элементом концепции справедливого судебного разбирательства по уголовным делам», «этот принцип нарушается, если суд объявит обвиняемого виновным, в то время, как его виновность не была предварительно доказана; если отсутствуют формальные основания подтверждения этого, следует, чтобы мотивация судьи давала основание полагать, что он предполагал обвиняемого виновным», «свобода выражения своего мнения, гарантируемая ст. 10 Конвенции, распространяется и на свободу получения и распространения информации. Следовательно, п. 2 ст. 6 (имеется в виду Европейская Конвенция — С.Г.) не может препятствовать властям информировать общественность о ведущихся уголовных расследованиях, но она требует, чтобы власти делали это сдержанно и деликатно, как того требует презумпция невиновности» [2, с. 483–488]. Таким образом, только небольшой ряд приведенных позиций Европейского суда показывает, какое значение придается презумпции невиновности лица в совершении преступления.

В литературе справедливо обращается внимание, что указанная презумпция «включает в себя правило оценки доказательств и правило бремени доказывания» [4, с. 307]. С точки зрения презумпции невиновности правило оценки доказательств, по мнению К. Экштайна, означает, что «судья в уголовном процессе не должен выносить обвинительный приговор в том случае, когда он при объективном рассмотрении должен был бы иметь серьезные и неустранимые сомнения касательно какого-либо результата доказательств, изобличающего обвиняемого» [4, с. 307]. Вместе с тем, не можем согласиться с позицией, что «сомнение в пользу подсудимого представляет конституционную защиту обвиняемого, к которой может апеллировать только он, но не обвинение» [4, с. 307]. Полагаем, что и обвинение может изменить свою позицию, если нет весомых доказательств вины. Подозрение не может быть надежной основой для назначения наказания.

В свою очередь, правило бремени доказывания выражается в формулировке ст. 26 Конституции, согласно которой обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Укреплению этого требования способствует и другая норма, закрепленная в Конституции (ст. 27): никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы.

Молчание (отказ от дачи показаний) нельзя рассматривать как косвенное признание вины.

В связи с нарушением принципа презумпции невиновности в совершении преступления возникает вопрос о материальной компенсации. Такой авторитетный орган, как Европейский суд по правам человека придерживается подхода, в соответствии с которым Конвенция не обязывает государства «возместить лицу, обвиненному в совершении уголовного преступления, его убытки, если уголовное преследование было прекращено» [2, с. 486]. В то же время, он считает, что «решение об отказе «обвиняемому» в возмещении его издержек и расходов вследствие прекращения судебного разбирательства может повлечь постановку вопроса о соответствии п. 2 ст. 6 в том случае, если мотивировочная часть, которая не может быть отделена от постановляющей, по существу приближается к установлению вины обвиняемого без предварительного доказательства ее в установленном законом порядке, и, в частности, без предоставления возможности заинтересованному лицу осуществить право на защиту» [2, с. 486]. Таким образом, исходя из позиции Европейского суда по правам человека, можно сделать вывод, что необходимо возмещать материальный ущерб лицу при нарушении принципа презумпции невиновности в совершении преступления, в том числе не только на стадии прекращения производства по уголовному делу по нереабилитирующим основаниям, но тем более при его осуждении, когда невиновность была подтверждена позднее (во время отбытия или после отбытия наказания).

В качестве позитивного обстоятельства отметим, что даже в советский период действовали нормативные акты, предусматривавшие возмещение ущерба лицам, незаконно осужденным. Так, действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. № 4892-х «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государст-

венных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей»¹. Согласно Указу, право на возмещение ущерба возникает при условии постановления оправдательного приговора; прекращения уголовного дела за отсутствием события преступления, за отсутствием в деянии состава преступления или за недоказанностью участия гражданина в совершении преступления; прекращения дела об административном правонарушении. Однако, ущерб не подлежал возмещению, если гражданин в процессе дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства путем самооговора препятствовал установлению истины и, тем самым, способствовал признанию его виновным. Конечно, в условиях существовавших тогда идеологических установок, а также представления, что советская милиция — народная милиция и там исключены злоупотребления властью, другую позицию сложно было бы представить. Правда, оказалось не все так идеально. Известно из публикаций, что и расстрелянный по наущению «Витебскому делу» гражданин также «добровольно» сознался в убийстве. К сожалению, эта норма советского времени «перекочевала» в действующий Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь². В соответствии со ст. 460 УПК вред, причиненный гражданину в результате незаконного задержания, содержания под стражей и домашнего ареста, временного отстранения от должности, помещения в психиатрический стационар, осуждения, применения принудительных мер безопасности и лечения, возмещается государством в полном объеме независимо от вины лица, производящего дознание, органа дознания, следователя, прокурора, Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лиц, исполняющих их обязанности, либо суда. Возмещается физический, имущественный и моральный вред, причиненный физическому лицу, и по восстановлению нарушенных трудовых, пенсионных, жилищных, иных личных неимущественных прав физического лица, а также по возмещению имущественного вреда и восстановлению деловой репутации юридического лица.

При этом право на возмещение указанного вреда, как отмечено в ст. 461, имеют обвиняемый, оправданный судом; подозреваемые по некоторым категориям дел; лица, незаконно помещенные в психиатрический стационар, либо лица, к которым незаконно применена принудительная мера безопасности и лечения;

юридические лица, которым в результате незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс, причинен вред либо деловой репутации которого нанесен ущерб и др.

Однако, эти правила не распространяются на случаи обоснованного применения мер процессуального принуждения, отмены обвинительного приговора или его изменения ввиду принятия акта амнистии, а также закона, устраняющего уголовную ответственность, **равно как и на случаи, когда лицо добровольно оговорило себя в совершении преступления.**

Последнее положение вызывает возражения. Им, к сожалению, руководствуются суды. Так, суд Минского района отказал в компенсации Михаилу Гладкому, которого незаконно осудили на восемь лет лишения свободы. Он пять лет провел в колонии, а затем еще два года отбывал исправительные работы. В 2003 г. его осудили за убийство брата на восемь лет лишения свободы, однако в 2011 г. нашли настоящего убийцу, которому за пять убийств вынесен приговор в виде смертной казни. Михаил Гладкий требовал возместить имущественный и моральный вред за период отбывания наказания, однако суд данный иск не удовлетворил по той причине, что он дал признательные показания. Представители Министерства финансов, ссылаясь на ч. 2 ст. 461 УПК, в суде настаивали, что раз Михаил Гладкий добровольно себя оговорил, компенсация ему не положена. Того же мнения придерживается и прокурор³.

Исходя из такой редакции Закона суды применяют его нормы, хотя, на наш взгляд, могли бы воспользоваться положениями ст. 112 Конституции Республики Беларусь и сделать в установленном порядке запрос в Конституционный Суд о проверке конституционности указанного ограничения. Ведь строить доказательство на признании вины, значит выносить неубедительный (незаконные и необоснованный) приговор.

Юристам, да и обычным гражданам, известно изречение: «Признание — царица доказательств». Но

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. № 4892-х «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» // Эталон. Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Мн., 2020.

² Закон Республики Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» // Эталон. Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Мн., 2020.

³ Суд отказал в компенсации Михаилу Гладкому, которого незаконно осудили на восемь лет URL://http://naviny.by/rubrics/society/2015/01/28/ic_news_116_453127

это в древности, когда право только развивалось, шли по этому пути: в римском праве так называли признание вины самим подсудимым, которое делает излишними все иные доказательства, улики и дальнейшие следственные действия (исторически известно, что «помощь» в признании своей вины часто оказывалась варварскими способами — пытками). Обычно это выражение имеет иронический характер, как отражение следственной и судебной практики, существовавшей в эпоху сталинских репрессий в СССР. Его ассоциируют с именем Генерального прокурора СССР А.Я. Вышинского (1883–1954). Исследования некоторых ученых показывают, что так рассуждал не Вышинский, а Прокурор РСФСР (с 1928) Н.В. Крыленко (1885–1938, репрессирован в 1938 г.). В качестве примера приводится его выступление на процессе «Промпартии» (4 декабря 1930 г.). Он заявил: «Лучшей уликой при всех обстоятельствах является все же сознание подсудимых»⁴. Не утверждается, что на практике А.Я. Вышинский так не поступал, но в своем учебнике «Теория судебных доказательств в советском праве» (1946) он назвал взгляд на личное признание обвиняемого как «царицу доказательств» «в корне ошибочным принципом средневекового процессуального права», когда «переоценка значения признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой»⁵. Такое отношение к доказательной базе, по мнению Вышинского, не имело ничего общего с «передовым советским правом». Он писал: «...было бы ошибочным придавать обвиняемому или подсудимому, вернее, их объяснениям, большее значение, чем они заслуживают этого... В достаточно уже отдаленные времена, в эпоху господства в процессе теории так называемых законных (формальных) доказательств, переоценка значения признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой, являвшейся в те времена чуть ли не единственным процессуальным доказательством, во всяком случае считавшейся наиболее серьезным доказательством, «царицей доказательств» (*regina probationum*). ...Этот принцип совершенно неприемлем для советского права и судебной практики. Действительно, если другие обстоятельства, установленные по делу, доказывают ви-

новность привлеченного к ответственности лица, то сознание этого лица теряет значение доказательства и в этом отношении становится излишним. Его значение в таком случае может свестись лишь к тому, чтобы явиться основанием для оценки тех или других нравственных качеств подсудимого, для понижения или усиления наказания, определяемого судом... Такая организация следствия, при которой показания обвиняемого оказываются главными и — еще хуже — единственными устоями всего следствия, способна поставить под удар все дело в случае изменения обвиняемым своих показаний или отказа от них»⁶.

УПК Республики Беларусь обязывает органы уголовного преследования принять все предусмотренные законом меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, собрать доказательства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, установить обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела, защиты прав и законных интересов участвующих в уголовном деле лиц. Суд, сохраняя объективность и беспристрастность, обеспечивает сторонам обвинения и защиты необходимые условия для реализации их прав. Решение о виновности либо невиновности обвиняемого суд выносит лишь на основе достоверных доказательств, подвергнутых всестороннему, полному и объективному исследованию и оценке (ст. 18). Суд, орган уголовного преследования оценивают доказательства, руководствуясь законом и своим внутренним убеждением, основанным на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности. Никакие доказательства для органа дознания, следователя, прокурора, суда не имеют заранее установленной силы (ст. 19). Согласно ст. 356 УПК обвинительный приговор постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность обвиняемого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств. Приговор не может быть основан на предположениях.

Позитивный опыт есть в Российской Федерации. Согласно ст. 133 Уголовно-процессуального кодекса

⁴ Царица доказательств // URL://<http://www.bibliotekar.ru/enc-Slov/22/1.htm>

⁵ Там же.

⁶ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве // URL://<https://books.google.by/books?id=kaD9AgAAQ-BAJ&pg=PP1&lpg=PP1&dq>

Российской Федерации возмещение ущерба (вреда) не распространяются на случаи, когда примененные в отношении лица меры процессуального принуждения или постановленный обвинительный приговор отменены или изменены ввиду издания акта об амнистии, истечения сроков давности, недостижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, или в отношении несовершеннолетнего, который хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) и руководить ими в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом и др. Ограничения для лиц, признавших свою вину, в российском уголовно-процессуальном законодательстве нет.

На наш взгляд, в силу изложенных выше причин, прежде всего потому, что действует принцип презумпции невиновности, указание на недопустимость возмещения вреда, когда лицо «добровольно» оговорило себя в совершении преступления, необходимо исключить из Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

Обратим внимание на то, что согласно ст. 461 УПК Республики Беларусь право на возмещение вреда, указанного в ст. 460, на которую мы выше ссылались, имеют не только обвиняемый, оправданный судом; подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование против которых прекращено и другие лица, но и лица, признанные в установленном законом порядке наследниками этих лиц, члены семьи умершего. Обоснованные возражения вызывала практика, в соответствии с которой осуществлялось прекращение уголовного дела по нереабилитирующему основанию (констатировалась виновность погибшего) без согласия близких родственников умершего.

Аналогичный подход, касающийся принципа презумпции невиновности в совершении преступления, в целом обеспечивается и при вменении в вину административного, трудового и иного правонарушения. В административном процессе органы, наделенные правом привлекать к ответственности, и гражданин находятся в отношении власть — подчинение. Содействовать уравниванию положения этих сторон как раз и помогает презумпция невиновности как гарантия против привлечения к ответственности лица, виновность которого осталась под сомнением, а значит вина

не доказана. Презумпция невиновности предполагает наличие только убедительных доказательств вины. Конечно, некоторые изъятия из указанного принципа для иных правонарушений должны быть объективно обусловлены и установлены в законе.

В сферах гражданской и административной ответственности есть исключения, обусловленные спецификой соответствующих правоотношений. Так, в гражданском и трудовом законодательстве существуют изъятия из общего правила о бремени доказывания вины; предусмотрена ответственность и при отсутствии вины (например, если вред причиняется в результате действия источника повышенной опасности). Согласно нормам трудового законодательства о материальной ответственности материально ответственные лица, которым товарные или иные ценности доверены под сохранность (например, заведующий складом), обязаны, во избежание полной материальной или иной ответственности, доказывать отсутствие своей вины в необеспечении их сохранности.

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) определяет вину как психическое отношение физического лица к совершенному им противоправному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности. Немаловажным является и то обстоятельство, что виновным в совершении административного правонарушения может быть признано лишь вменяемое физическое лицо, совершившее противоправное деяние умышленно или по неосторожности. Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что этим юридическим лицом не соблюдены нормы (правила), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, и данным лицом не были приняты все меры по их соблюдению.

Признать лицо виновным в совершении административного правонарушения можно лишь при наличии совокупности соответствующих доказательств. Доказательства, полученные с нарушением закона, допустимых способов их получения, не будут иметь юридической силы. Кроме того, на основе неправильной оценки доказательства, совокупности доказательств по делу об административном правонарушении правоприменительный орган может прийти к некорректному выводу об отсутствии в действиях лица, в отношении которого ведется административный процесс, состава правонарушения, и в этой связи

оно останется без наказания. В то же время, на практике часто встречаются ситуации, когда невиновное лицо на основе неправильно оцененных и косвенных доказательств признается виновным в совершении правонарушения, которое оно на самом деле не совершало. В этой связи необходимо отметить, что в оценке доказательств определенную роль играет и субъективный фактор.

Помимо сбора и оценки доказательственной базы, правоприменительному органу при ведении административного процесса надлежит ответить еще и на такие вопросы, как, например, наличие события административного правонарушения; обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность; обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении; характер и размер ущерба; иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Необходимо выяснять еще причины и условия совершения правонарушения.

Согласно ст. 4.9 КоАП в случае фиксации превышения скорости движения транспортного средства работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи административной ответственности подлежит собственник (владелец) транспортного средства, за исключением случаев, определенных ч. 3 этой статьи. В случае, если собственником (владельцем) транспортного средства является юридическое лицо, привлечению к административной ответственности в порядке, предусмотренном ч. 3-1 ст. 10.3 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, подлежит лицо, управлявшее таким транспортным средством. При наличии у органа, ведущего административный процесс, до вынесения постановления о наложении административного взыскания в порядке, предусмотренном ч. 3-1 ст. 10.3 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, информации о лице, управлявшем транспортным средством в момент фиксации административного правонарушения, административной ответственности подлежит это лицо. Собственник (владелец) транспортного средства считается не подвергавшимся административному взысканию, если при ведении административного процесса будет установлено, что в момент фиксации административного пра-

вонарушения транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица либо к данному моменту выбыло из его обладания в результате противоправных действий других лиц. Таким образом, может сложиться впечатление, что действительно, принцип презумпции невиновности нарушается. Однако, и в Конституции Республики Беларусь, о чем нами уже отмечалось, и во Всеобщей декларации прав человека (ст. 11) идет речь о презумпции невиновности в совершении именно преступления, а не иного правонарушения. Внимательный анализ ст. 4.9 КоАП показывает, что в ней нет противоречия принципу презумпции невинности в совершении административного правонарушения. Наоборот, содержащиеся нормы содействуют установлению конкретного виновника, так как собственник (владелец) транспортного средства знает, кому оно передано. Он обязан сообщить о лице, которому было доверено управление транспортным средством.

Правонарушения, выявленные посредством фиксации превышения скорости движения, нарушения правил остановки или стоянки транспортного средства работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, составляют огромную долю среди всех административных правонарушений. В 2018 г. их зафиксировано 1 706 953 или 39% от общего числа правонарушений. Полагаем возможным для них установить более короткий срок, по истечении которого лицо считается не имеющим административного взыскания, а именно: сразу же после исполнения наложенного взыскания. Это позволит улучшить ситуацию с исполнением взысканий, а также решением иных вопросов, например, с приемом на работу. В настоящее время из-за нехватки кадров в некоторых организациях указывают допустимый максимум административных взысканий, при наличии которых гражданин может быть принят на работу.

Сложилась практика, когда сотрудники ГАИ выявляют нарушение правил остановки или стоянки автомобиля, например, на зеленой зоне, но владелец автомобиля в транспортном средстве отсутствует. Так, инспектор ДПС Государственной автомобильной инспекции одного из районов города Минска составил протокол об административном правонарушении в отношении гражданина П. за совершение им правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 18.22 КоАП, развившегося в нарушении правил остановки, т.е. в остановке водителем транспортного средства в зоне действия дорожного знака «Остановка запрещена». В

протоколе об административном правонарушении гражданин П. указал, что транспортное средство, принадлежащее ему на праве собственности, в зоне действия указанного знака не останавливал и не парковал. За рулем он не был, а автомобиль передал во временное управление своему близкому родственнику. Ссылаясь на ст. 27 Конституции Республики Беларусь, он вообще отказался сообщать, кому был передан автомобиль. В такой ситуации начальником ОГАИ района города Минска дело об административном правонарушении в отношении П. было «прекращено по п. 10 ч. 1 ст. 9.6 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (ПИКоАП)⁷ в связи с недоказанностью виновности лица, в отношении которого ведется административный процесс, в совершении административного правонарушения».

Действительно, согласно указанной статье Основного Закона гражданин вправе не свидетельствовать против самого себя, членов своей семьи и близких родственников. В ст. 1.4 ПИКоАП определено, что к близким родственникам относятся родители, дети, усыновители, усыновленные, удочеренные, братья и сестры, дед, бабушка, внуки, а также супруг, супруга (обратим внимание, что супруги ошибочно отнесены к близким родственникам, а усыновленные и удочеренные лица также являются детьми, поэтому в данной статье следовало, если уже и выделять их, то использовать фразу «в том числе»).

В такой ситуации сотруднику ГАИ необходимо было определить субъект правонарушения. Казалось бы, все очевидно, и собственник транспортного средства, гражданин П., совершил правонарушение, но это не доказано. Ведь он ссылается на то, что за рулем не был, машина дана близкому родственнику. Действует ли в данном случае в полном объеме в отношении гражданина П. презумпция невиновности? Какие он имеет права и какие несет обязанности? Должностные лица ГАИ, доверившись показаниям П., что автомобилем в этот период он не управлял, а свидетельствовать против неустановленного близкого родственника, пользуясь гарантией, предусмотренной ст. 27 Конституции, он не намерен, приняли решение о прекращении административного процесса в отношении гражданина П. в связи с недоказанностью его вины.

На первый взгляд, никаких претензий как к гражданину П., так и к должностным лицам ГАИ, вроде

бы, предъявлять нельзя. Первый апеллировал к нормам ст. 26 (презумпция невиновности), ст. 27 (право не свидетельствовать против близкого родственника) Конституции, п. 1 ч. 3 ст. 4.6 ПИКоАП (воспроизводит содержание ст. 27 Конституции). Он утверждал, что в соответствии с ними не обязан доказывать свою невиновность, имеет право не свидетельствовать против самого себя, членов своей семьи и близких родственников. Важным при решении вопроса о привлечении к административной ответственности в данном случае является и норма, закрепленная в ст. 2.7 ПИКоАП, согласно которой лицо не может быть привлечено к административной ответственности, пока в порядке, установленном данным Кодексом, не будет установлена его виновность в совершении правонарушения, предусмотренного КоАП. В обычной ситуации обязанность доказывать виновность лица, в отношении которого ведется административный процесс, возлагается на должностное лицо органа, ведущего административный процесс. Обстоятельства, излагаемые в постановлении о наложении административного взыскания, не могут основываться на предположениях. Сомнения в обоснованности вывода о виновности лица, в отношении которого ведется административный процесс, толкуются в его пользу.

Поскольку должностным лицом органа, ведущего административный процесс, необходимые и достаточные доказательства, свидетельствовавшие о наличии состава названного выше правонарушения в действиях гражданина П., собраны не были, то на основании, в том числе упомянутых выше норм, а также факта недоказанности виновности гражданина П., как отмечено выше, в отношении него прекращен административный процесс.

Однако, так ли уж бессильны в такой, казалось бы «патовой», ситуации сотрудники правоохранительных органов? Полагаем, что нет. И в Конституции, и во Всеобщей декларации прав человека (ст. 11) идет речь о презумпции невиновности в совершении именно преступления, а не иного правонарушения. Однако, это не исключает, но даже предполагает распространение указанного принципа на администра-

⁷ Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. № 194-З: принят Палатой представителей 9 ноября 2006 г.: одобрен Советом Республики 1 декабря 2006 г. // Эталон. Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Мн., 2020.

тивные правонарушения. При этом законодатель в рамках правового регулирования отношений, связанных с иными видами юридической ответственности, может решать вопрос о том, как распределяется бремя доказывания вины. Согласно ст. 2.7 ПИКоАП лицо не может быть привлечено к административной ответственности пока в порядке, установленном этим Кодексом, не будет установлена его виновность в совершении правонарушения, предусмотренного КоАП. Обязанность доказывать виновность лица, в отношении которого ведется административный процесс, возлагается на должностное лицо органа, ведущего административный процесс, за исключением случая, предусмотренного ч. 5 ст. 2.7 ПИКоАП. Лицо, в отношении которого ведется административный процесс, не обязано доказывать свою невиновность. Обстоятельства, излагаемые в протоколе об административном правонарушении, в постановлении о наложении административного взыскания, не могут основываться на предположениях. Сомнения в обоснованности вывода о виновности лица, в отношении которого ведется административный процесс, толкуются в его пользу.

В нашей ситуации есть собственник и есть очевидный факт нахождения автомобиля в запрещенной для парковки зоне. Налицо непосредственная причинно-следственная связь. У предполагаемого правонарушителя — собственника автомобиля — имеется возможность обосновать свою невиновность, подтвердив, что он не был за рулем. Но для этого надо подтвердить данный факт. Не исключаем, что и близкий родственник мог передать автомобиль иному лицу, которое и совершило правонарушение. В этой связи собственник, указывая, кому передан автомобиль, свидетельствует не о факте совершения близким родственником административного правонарушения, а опровергает презумпцию своей виновности как собственника автомобиля. Поэтому при неуказании собственником, кому был передан автомобиль, он должен нести ответственность на основании норм, предусмотренных в КоАП и ПИКоАП [1, с. 117]. Кстати, заметим, что согласно Указу Президента Республики Беларусь от 17 января 2013 г. № 36 «О некоторых вопросах принудительной отбуксировки (эвакуации) транспортных средств»⁸ при отбуксировке транспортного средства на охраняемую стоянку за нарушение правил остановки и стоянки транспортного средства, а также иных правил дорожного дви-

жения (ст. 18.22 КоАП), оплата работ (услуг) по принудительной отбуксировке (эвакуации), а также хранению отбуксированного (эвакуированного, доставленного) транспортного средства на охраняемой стоянке осуществляется собственником (владельцем) отбуксированного (эвакуированного, доставленного) транспортного средства или уполномоченным им лицом органу внутренних дел или государственной организации, которому (которой) принадлежит средство эвакуации и (или) охраняемая стоянка. Другими словами, так или иначе, но кто-то из указанных лиц должен произвести необходимую оплату. Не может быть ситуации, когда ни собственник, ни иное лицо не должны платить, так как транспортное средство передано кому-то, но кому, собственник не указывает, ссылаясь на мнимое в данном случае право «не свидетельствовать...». Но к такому выводу можно прийти, если «никто» не виноват и дело прекращено.

Обратим внимание на позицию Конституционного суда Российской Федерации, которую он выразил в одном из своих определений, касаясь вопроса о презумпции невиновности. Было подчеркнуто, что также важны не только указанная презумпция, но и принцип неотвратимости ответственности, защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и свобод других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства⁹.

Нарушение скоростного режима, правил остановки и стоянки транспортного средства, а также иных правил дорожного движения в ряде случаев совершается в условиях неочевидности. На наш взгляд, уклоняясь от сообщения о том, кому был передан автомобиль, аргументируя это правом не свидетельствовать против близкого родственника и иных предусмотренных в законе лиц, собственник автомобиля в определенной степени злоупотребляет этим правом (не свидетельствовать против себя, членов своей семьи и близких родственников). Здесь ведь не идет речь о свидетельствовании для подтверждения

⁸ Указ Президента Республики Беларусь от 17 января 2013 г. № 36 «О некоторых вопросах принудительной отбуксировки (эвакуации) транспортных средств» // Эталон. Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Мн., 2020.

⁹ Определение Конституционного суда Российской Федерации от 25 января 2012 г. № 177-о-о «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Штатнова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав примечанием к статье 1.5 и статьей 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

вины иного лица: выясняется, в чьем распоряжении был автомобиль.

В данном случае важно обеспечить баланс публичных и частных интересов. Поэтому сотрудники ГАИ имеют все правовые основания и, более того, обязаны, с учетом принципа неотвратимости наказания (взыскания), привлечь к административной ответственности собственника автомобиля, если он не дает сведений о том, кому он передал управление своим автомобилем. Он, в свою очередь, вправе обжаловать вынесенное в отношении него постановление по делу об административном правонарушении в вышестоящий орган (вышестоящему должностному лицу) либо в суд и представить при этом доказательства того, что на момент совершения административного правонарушения автомобиль находился в пользовании другого лица. К представлению этих доказательств собственника обязывает закрепленный в ст. 115 Конституции принцип состязательности правосудия.

В целях исключения спорных ситуаций полезно было бы ч. 1, 3, 4 ст. 4.9 КоАП Республики Беларусь изложить в следующей редакции.

1. В случаях фиксации превышения скорости движения транспортного средства работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, **а также нарушения правил его остановки или стоянки** административной ответственности подлежит собственник (владелец) транспортного средства, за исключением случаев, определенных ч. 3 и 4 настоящей статьи.

3. При наличии у органа, ведущего административный процесс, до вынесения постановления о наложении административного взыскания в порядке, предусмотренном ч. 3-1 ст. 10.3 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, информации о лице, управлявшем транспортным средством в момент фиксации административного правонарушения, **а также о лице, нарушившем правила остановки или стоянки**, административной ответственности подлежит это лицо.

4. Собственник (владелец) транспортного средства не подлежит административной ответственности, если при ведении административного процесса будет установлено, что в момент фиксации административного правонарушения, **остановки или стоянки** транспортное средство находилось во владении

или в пользовании другого лица либо к данному моменту выбыло из его обладания в результате противоправных действий других лиц.

Наложение административного взыскания не препятствует привлечению виновного к таким видам юридической ответственности, как дисциплинарная, материальная и имущественная. Вместе с тем, недопустимо привлечение к уголовной ответственности, наряду с административной, что косвенно вытекает из анализа статей УК Республики Беларусь. Соответствующий запрет следует предусмотреть в КоАП.

С учетом изложенного отметим, что существующий уровень административных правонарушений, тенденция к их росту свидетельствуют о необходимости поиска более эффективных мер административного воздействия, в том числе оптимизации системы и пределов административных взысканий. Факт административного правонарушения должен быть поводом для анализа, причин и условий, способствовавших его совершению. Органы административной юрисдикции должны более активно вносить представления об устранении причин и условий совершения правонарушений.

Литература

1. *Василевич С.Г.* Актуальные проблемы административно-деликтного права на современном этапе. Мн., 2017.
2. *Микеле де Сальвиа.* Прецеденты Европейского суда по правам человека. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
3. Права человека: Сб. междунар.-правовых актов / Сост. В.В. Щербов. Мн.: Белфранс, 1999.
4. *Экштайн К.* Основные права и свободы по Российской Конституции и Европейской Конвенции: Учеб. пособие для вузов. М.: Nota Bene, 2004.

References

1. *Vasilevich S.G.* Aktual'nye problemy administrativno-deliktnogo prava na sovremennom etape. Mn., 2017.
2. *Mikele de Sal'via.* Pretsedenty Evropeyskogo suda po pravam cheloveka. SPb.: Yuridicheskij tsentr Press, 2004.
3. Prava cheloveka: Sb. mezhdunar.-pravovykh aktov / Sost. V.V. Shcherbov. Mn.: Belfrans, 1999.
4. *Ekshtayn K.* Osnovnye prava i svobody po Rossiyskoy Konstitutsii i Evropeyskoy Konventsii: Ucheb. posobie dlya vuzov. M.: Nota Bene, 2004.

УДК 34
ББК 67

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10154
© А.Ю. Олимпиев, 2020

Научная специальность 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анатолий Юрьевич Олимпиев, профессор кафедры частного права, доктор исторических наук, кандидат юридических наук
Государственный университет управления (109542, Москва, Рязанский пр-т, д. 99)
E-mail: a.olimpiev@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены правовые позиции Конституционного Суда, касающиеся основ конституционного производства. Проанализированы акты Конституционного Суда по вопросам об общеобязательности и юридической силе решений, принимаемых в порядке конституционного судопроизводства; об особенностях осуществления конституционного производства; о субъектном составе конституционно-процессуальных отношений; о процедуре рассмотрения дела без проведения слушания.

Ключевые слова: судебная власть, правосудие, права и свободы человека и гражданина, Конституционный Суд Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, конституционное судопроизводство.

ON THE BASIS OF CONSTITUTIONAL PROCEEDINGS IN DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Anatoly Yu. Olimpiyev, Professor Department of Private Law, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences
State University of Management (109542, Moscow, Ryazansky pr-t, d. 99)
E-mail: a.olimpiev@yandex.ru

Abstract. The legal positions of the constitutional Court concerning the bases of constitutional proceedings are considered. Analyzed the acts of the constitutional Court on the issues of General obligation and legal force of decisions taken in the course of constitutional proceedings; on the specifics of constitutional proceedings; on the subject matter of constitutional procedural relations; on the procedure for considering a case without a hearing.

Keywords: judicial power, justice, human and civil rights and freedoms, Constitutional Court of the Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, constitutional legal proceedings.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Олимпиев А.Ю. К вопросу об основах конституционного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):135–137.

Конституционный Суд Российской Федерации — это самостоятельный и независимый судебный орган конституционного контроля, который в целях защиты основ конституционного строя, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации¹ (далее — Конституция РФ, Основной Закон) осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Конституционный Суд занимает исключительное место и играет ключевую роль в формировании и эффективном функционировании правовой системы Российской Федерации, поскольку обладает особым правомочием по проверке нормативных правовых актов на их соответствие Основному Закону.

Для достижения указанных целей деятельности Конституционного Суда необходимо неукоснительное исполнение его решений, являющихся общеобязательными в силу положений Конституции РФ. При этом неисполнение, а равно и ненадлежащее исполнение актов конституционного правосудия, выступающих в качестве императива правового государства, где лишь правовыми средствами возможно решить любые юридические споры, наносит серьезный ущерб как, в частности, самому правосудию, так, в целом, и судебной системе и государству, подрывая тем самым доверие со стороны собственных граждан.

Конституционный Суд уделяет особое внимание вопросам, касающимся общеобязательности и юридической силы решений, принимаемых в порядке конституционного судопроизводства, и указывает на обязательность их неукоснительного соблюдения на всей территории РФ для всех субъектов правоотношений².

При этом юридическая сила решений, принимаемых Конституционным Судом, превышает юридическую силу любых нормативных правовых актов,

ставших предметом проверки, на основании которой и принимается конкретное решение. Вместе с тем, при вынесении решения осуществляемая Конституционным судом интерпретация положений Основного Закона по своей силе превышает такую интерпретацию любым другим органом³.

В случае, если нормативный правовой акт признан несоответствующим положениям Конституции, то в отношении как граждан, которые обратились в Конституционный Суд, так и вынесенных до принятия акта Конституционного Суда, но при этом неисполненных решений, такой акт органа конституционного судопроизводства будет иметь обратную силу. Как бы то ни было, компетентные органы в любом случае обязаны пересмотреть дела, которые стали для заявителей поводом для обращения в Конституционный Суд Российской Федерации⁴.

Признание нормативного правового акта или нормы неконституционными означает, что их действие, а, следовательно, и применение в имеющемся виде должны быть прекращены. Более того, прекращение действия в их неконституционном истолковании распространяется и на будущее время, если после внесения необходимых изменений и дополнений смысл таких норм продолжит расходиться с конституционно-правовым смыслом, заложенным Конституционным Судом в своем решении. Следует отметить, что решение Конституционного Суда является поводом для возбуждения дела ввиду появления новых обстоятельств в отношении заявителей рассматривавшегося дела. В свою очередь, что касается тех лиц, которые не являлись участниками конституционного судопроизводства, но в отношении которых были применены нормы, признанные неконституционными на основании решения Конституционного Суда, такое решение также является основанием для пересмотра судебных актов, принятых ранее на основании норм, не соответствующих Конституции РФ⁵.

Значительное внимание Конституционного Суда также уделяется вопросам, касающимся особенностей осуществления конституционного производства. Согласно Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁶ допустимым в Конституционный Суд является запрос о проверке нормативного правового акта на соответствие положениям Основного Закона лишь в том случае, когда заявитель полагает правовой акт не подлежащим действию в силу его неконституцион-

ности либо подлежащим действию, несмотря на отказ применять и исполнять его федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации или их должностными лицами, поскольку последние считают такой нормативный правовой акт неконституционным. Вместе с тем, тот факт, что суд общей юрисдикции при проверке нормативного правового акта может вынести решение о его несоответствии федеральному закону, а равно закону субъекта Российской Федерации, не исключает возможности последующей проверки такого акта, но уже в порядке конституционного судопроизводства⁷.

По вопросам субъектного состава конституционно-процессуальных отношений правовая позиция Конституционного Суда состоит в том, что определенный законом круг лиц, которые имеют право выступать в конституционном судопроизводстве в качестве представителей, имеет своей целью наиболее полное обеспечение права каждого на квалифицированную юридическую помощь и защиты прав стороны в таком судопроизводстве, учитывая при этом исключительную особенность правовой природы Конституционного Суда, который уполномочен решать лишь вопросы права.

В этой связи выводы, к которым пришел Конституционный Суд, заключаются в том, что у РФ отсутствуют какие бы то ни было международные обязательства относительно тех лиц, которые обладают правом выступать в Конституционном Суде в качестве представителя. В этом смысле, например, факт вхождения РФ во Всемирную Торговую Организацию не повлек никаких изменений в определение категорий лиц, имеющих правовые основания для представительства заявителей в Конституционном Суде. Отметим, что к таким лицам относятся адвокаты и кандидаты либо доктора юридических наук, т.е. лица, имеющие ученую степень по юридической специальности и полномочия которых могут быть подтверждены соответствующими удостоверяющими документами⁸.

Еще один аспект, удостоившийся пристального внимания со стороны Конституционного Суда, касается процедуры рассмотрения дела без проведения слушания, которое также именуется «письменным производством». Так, если какое-либо нормативное положение будет признано Конституционным Судом неконституционным в порядке такого производства, то юридическим последствием для подобного норма-

тивного положения станет утрата им юридической силы со дня опубликования, что означает, во-первых, невозможность его применения, а во-вторых, необходимость внесения законодателем конкретных изменений в правовое регулирование. При этом Конституционный Суд обладает полномочием по определению порядка исполнения своего решения, что продиктовано необходимостью гарантировать стабильность правоотношений в интересах субъектов права. Вместе с тем, в основе такого права Конституционного Суда лежит необходимость соблюдения баланса конституционно значимых интересов и недопустимости нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении прав и свобод человека и гражданина⁹.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2012 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положения части 1 статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Акционерная компания трубопроводного транспорта нефтепродуктов «Транснефтепродукт»; постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации»; постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 АПК РФ в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор»; постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 УПК РФ в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко»; определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2000 г. № 243-О «Об отказе в удовлетворении ходатайства государственного унитарного предприятия «Научно-исследовательский центр по испытаниям и доводке автоматотехники» (НИЦИАМТ) об официальном разъяснении постановления Конституционного Суда РФ от 12 октября 1998 г. по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. «Об основах налоговой системы в РФ»; определение Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2008 г. № 556-О-Р «О разъяснении постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П по делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 ГПК РФ»; определение Конституционного Суда РФ от 1 июня 2010 г. № 755-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина С.В. Белякова на нарушение его конституционных прав пунктом 5 части 2 статьи 392 ГПК РФ» и др.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2012 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положения части 1 статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Акционерная компания трубопроводного транспорта нефтепродуктов «Транснефтепродукт». Вместе с тем вопрос о ретроспективном значении итоговых решений был разрешен и в ряде других определений Конституционного Суда, например: определение Конституционного Суда РФ от 14 января 1999 г. № 4-О «По жалобе гражданки И.В. Петровой

на нарушение ее конституционных прав частью 2 статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ»; определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2004 г. № 78-О «По ходатайству Высшего Арбитражного Суда РФ об официальном разъяснении определения Конституционного Суда РФ от 14 января 1999 г. по жалобе гражданки И.В. Петровой на нарушение ее конституционных прав частью 2 статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» и др.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 1496-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А.Н. Абидуева на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 4 статьи 392 ГПК РФ».

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2013 г. № 51-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина П.А. Шлыкова на нарушение его конституционных прав рядом положений УПК РФ»; постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части 2 статьи 371, части 3 статьи 374 и пункта 4 части 2 статьи 384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Себребренникова»; определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2004 г. № 211-О «По жалобе гражданки А.И. Севастьяновой на нарушение ее конституционных прав пунктом 6 статьи 311 АПК РФ»; определение Конституционного Суда РФ от 29 января 2009 г. № 44-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан М.М. Евлоева и О.Э. Харсиева на нарушение их конституционных прав частью 1 статьи 1, частью 2 статьи 376, частями 2 и 3 статьи 377, частью 2 статьи 378, статьями 385, 389 и пунктом 5 части 2 статьи 392 ГПК РФ»; определение Конституционного Суда РФ от 22 ноября 2012 г. № 2013-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А.В. Козлова на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 5 части 1 статьи 51 УПК РФ».

⁶ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 29 июля 2018 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 4 июня 2013 г. № 882-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Ростовской области о проверке конституционности положений пункта 2 части 1 статьи 26, частей 1, 2 и 4 статьи 251, частей 2 и 3 статьи 253 ГПК РФ и статьи 5 Закона Ростовской области «Об охране зеленых насаждений в населенных пунктах Ростовской области» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 1; постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции РФ» // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3004; постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2000 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре РФ» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ» // СЗ РФ. 2000. № 16. Ст. 1774.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора РФ — Протокола о присоединении РФ к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // СЗ РФ. 2012. № 29. Ст. 4169; определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 337-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина В.П. Макарова на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 53, главами VI и VII Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ»; определение Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2008 г. № 149-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан О.В. Березовского и Е.И. Головина на нарушение их конституционных прав пунктом 2 статьи 1070 ГК РФ, частью 2 статьи 20, частью 1 статьи 134 ГПК РФ и частью 2 статьи 53 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ».

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2012 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 125 и части 1 статьи 152 УПК РФ в связи с жалобой гражданки Р.Г. Мишиной» // СЗ РФ. 2012. № 32. Ст. 4618.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛУЧЕНИЯ РАЗРЕШЕНИЯ НА ПРОЖИВАНИЕ В ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Анатолий Семенович Прудников, профессор кафедры конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: prudil@rambler.ru

Аннотация. Раскрыты особенности иммиграционной политики Эстонской Республики, основы иммиграционного законодательства и процедуры получения разрешения на проживание в Эстонской Республике в соответствии с Законом «Об иностранцах».

Ключевые слова: Эстонская Республика, иностранный гражданин, разрешение, проживание, процедура, закон, право, иммиграционная политика.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF OBTAINING A RESIDENCE PERMIT IN THE REPUBLIC OF ESTONIA

Anatoliy S. Prudnikov, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: prudil@rambler.ru

Abstract. The features of the immigration policy of the Republic of Estonia, the basis of immigration legislation and the procedure for obtaining a residence permit in the Republic of Estonia in accordance with the Aliens Act are described.

Keywords: Estonia, foreign citizen, permit, residence, procedure, law, law, immigration policy.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Прудников А.С. Конституционно-правовое регулирование получения разрешения на проживание в Эстонской Республике. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):138–140.

Изучение юридической и иной литературы показало, что Эстонская Республика (далее — Эстония) полиэтническое государство, где титульной нацией являются эстонцы (свыше 65%), с численностью населения по состоянию на 1 января 2020 г. свыше 1 млн 325 тыс. человек¹. По мнению экспертов, численность населения уменьшается, что вызвано как естественными причинами, так и миграционными процессами.

Сравнивая данные переписи населения 2000-х гг. с более ранними показателями, следует отметить, что на 1 января 2020 г. население Эстонии составляло 1 565 622 человека, что почти в два раза (1,8 раза) больше, чем в 50-х гг., из них 963 тыс. представителей эстонской национальности (61,5%) и 602 381 представителей других национальностей (остальные 38,5%)². Более того, ситуация практически уникальная для Европы, — 26% эстонского населения было рождено за границей, в то время как коренное население составляло на десять процентов меньше, до 50-х гг.³

В таком контексте развивалась ограничительная политика в области миграции и относительно консервативная политика в области натурализации в Эстонии в начале 2000-х гг. Недавним изменениям в

иммиграционной политике, как показывает изучение практики, способствовала относительно успешная интеграция иммигрантов в эстонском обществе, а также спад прироста и старение населения, быстрый экономический рост, как результат, ожидаемая нехватка трудовых ресурсов.

Основой Эстонского иммиграционного законодательства являются следующие нормативные правовые акты: Закон «Об иностранцах»⁴, который регулирует правовое положение иностранцев в Эстонии, их пребывание, проживание, занятость и основы для обязательств; Закон «Об обязательстве по выезду и запрете на въезд»⁵; Закон «О документах, удостоверяющих личность»⁶; Закон «О гражданстве»⁶.

¹ URL://http://wiki-org.ru

² Katus and Puur. 2006.

³ Закон Эстонской Республики от 9 декабря 2009 г. «Об иностранцах» (вступил в силу 1 января 2011 г.).

⁴ Закон Эстонской Республики от 21 октября 1998 г. «Об обязательстве по выезду и запрете на въезд».

⁵ Закон Эстонской Республики от 2 марта 1999 г. № 536 «О документах, удостоверяющих личность».

⁶ Закон Эстонской Республики «О гражданстве» (принят 19 января 1995 г. (RT I, 1995, 12, 122)).

Важно отметить, что из-за конкретных исторических обстоятельств, управление миграционными процессами в Эстонии в основном основывалось на рассмотрении обращений мигрантов из третьих стран внутри страны, т.е. рассмотрение обращений от граждан третьих стран, уже проживших в Эстонии в течение длительных периодов времени. В настоящее время, когда ситуация стала более предсказуемой, поскольку прошлые резиденты либо приняли гражданство, либо получили право постоянного проживания, больше внимания стало уделяться внешним службам и регулированию и администрированию новых отношений.

Законом «Об иностранцах»⁷ предусмотрены следующие основания для проживания в Эстонии: адмиссия⁸ с целью оплачиваемой деятельности — занятость, самозанятость и бизнес; воссоединение семьи; учеба; профессиональная подготовка и исследования; проживание на основании международного соглашения; временное проживание в исключительных случаях, например, жертвы или свидетели преступлений в области торговли людьми; постоянное или долгосрочное проживание.

Глава 6 Закона «Об иностранцах»⁹ устанавливает фиксированную годовую иммиграционную квоту следующим образом: «Годовой иммиграционной квотой является квота для иностранцев, иммигрирующих в Эстонию, не превышающая 0,05% от постоянного населения Эстонии ежегодно». Нужно отметить, что система квот в Эстонии, хотя и не уникальна сама по себе, очень отличается от подобных систем в некоторых других странах: она является контролирующей мерой, которой установлен абсолютный потолок для адмиссий ежегодно, а не «желаемая квота», основанная на оценке спроса. Ежегодная иммиграционная квота зафиксирована и устанавливается на центральном уровне без участия местных правительств, социальных партнеров или гражданского общества.

Некоторые исключения в систему квот были введены посредством Закона «Об иностранцах»¹⁰, когда были определены категории мигрантов, не попадающих под действие системы квот. К ним относятся: этнические эстонцы; большинство членов семей, въезжающих в страну согласно процедуре воссоединения семьи; граждане Соединенных Штатов Америки и Японии, конкретные лица, представляющие национальный интерес по экономическому, образовательному, научному или культурному развитию; лица, подающие на разрешение на проживание для учебы; и иностранцы, имеющие разрешение Европейского Союза на долговременное проживание.

Законом «Об иностранцах»¹¹ предусмотрено, что визовое заявление должно, за исключением пограничной процедуры, подаваться в иностранное

представительство Эстонии, которое принимает решение о выдаче виз.

Таким образом, эстонские иностранные представительства, подчиненные министерству иностранных дел, занимают центральное место в вопросах рассмотрения визовых заявлений. Однако, в силу возникающих противоречий в ходе принятия решений консульскими представительствами, были разработаны сопутствующие меры по ограничению их прав в данной сфере. Например, создание обязательной автоматизированной цифровой консультационной системы, включающей Управление по гражданству и миграции, Пограничное управление, Центральную уголовную полицию и Полицию безопасности. На практике это — дополнительный компонент к нынешней системе регистрации виз, являющейся национальным компонентом визовой информационной системы (ВИС) ЕС.

Согласно Закону «Об иностранцах»¹² предусмотрена выдача следующих категорий виз: категория А — виза для транзита через аэропорт, категория В транзитная виза; категория С — краткосрочная виза на период до 90 дней; категория D — долгосрочная виза на период до шести месяцев. Типы виз, выдаваемых Эстонией, предусмотрены Шенгенскими общими консульскими инструкциями (ОКИ)¹³.

Для получения визы заявитель должен отвечать следующим требованиям: иметь действительный проездной документ, цель запланированного пребывания должна соответствовать положениям законодательства, регулирующего временное пребывание иностранцев в Эстонии; заявитель должен обеспечить покрытие расходов на жилье во время пребывания; доказать свое намерение покинуть Эстонию по истечении срока пребывания; обеспечить покрытие стоимости возвращения в страну происхождения; иметь медицинскую страховку, гарантирующую покрытие расходов, связанных с медицинским лечением в результате болезни или несчастного случая.

В Законе «Об иностранцах» подробно установлены основания для отказа в выдаче визы, которые включают семь требований, несоблюдение которых влечет автоматический отказ в выдаче визы. Основные из этих требований касаются соответствия условиям для выдачи визы, а также отсутствия угроз общественному порядку и безопасности или национальной безопасности. Кроме того, основаниями для отказа в выдаче виз являются: совершенное заявителем пре-

⁷ Закон от 9 декабря 2009 г. «Об иностранцах».

⁸ Адмиссия — разрешение въехать в страну.

⁹ Глава 6 Закона от 9 декабря 2009 г. «Об иностранцах».

¹⁰ Глава 7 Закона от 9 декабря 2009 г. «Об иностранцах».

¹¹ Закон от 9 декабря 2009 г. «Об иностранцах».

¹² Глава 7 Закона от 9 декабря 2009 г. «Об иностранцах».

¹³ Глава 8 Закона от 9 декабря 2009 г. «Об иностранцах».

ступление и/или не оплаченный штраф за совершение нарушения, а также отсутствие согласия консультирующего органа¹⁴.

На основании распоряжения Правительства Эстонии от 27 апреля 2004 г. № 150¹⁵ предусмотрен срок в 30 дней со дня подачи заявления, в течение которого должна быть выдана виза, и 30 дней дополнительно для регистрации приглашения в случае, когда оно является основанием для визы.

Следует отметить, что к уполномоченным органом в сфере миграции относится Управление гражданства и миграции (далее — УГМ), которое является органом ответственным за управление миграцией, имеет центральный департамент и четыре региональных, а также различные местные бюро, подчиненные региональным департаментам. Другие уполномоченные органы имеют следующую компетенцию: Министерство иностранных дел — занимается заявлениями на разрешение на проживание, поданными из-за рубежа; Управление рынка труда — занимается заявлениями на разрешение на работу и миграцию в целях занятости; Пограничное управление и Полицейское управление — обеспечивают соблюдение закона. Управление миграцией ответственно за вопросы адмиссии, пребывания и проживания иностранцев.

Изучение практики показывает, что заявления о разрешении на проживание могут быть составлены на эстонском, русском и английском. Заявления должны быть поданы лично в иностранное представительство Эстонии. Однако, данное правило на практике является скорее исключением и, в первую очередь, применяется к заявителям, обращающимся впервые. Поскольку, во-первых, граждане стран, освобожденных от визового требования, и члены их семей освобождены и от необходимости получения разрешения на проживание, и, во-вторых, нормативно установлен список исключений, в том числе те из них, согласно которым УГМ может выдавать внутри страны.

При обращении заявители должны представить требуемую подтверждающую документацию и внести соответствующий сбор. Многим заявителям потребуется представить доказательство наличия средств к существованию и легального дохода. Главой 43 Закона «Об иностранцах»¹⁶ предусмотрено, что легальным доходом считается законно заработанное вознаграждение за работу, доход, полученный от законной деловой деятельности, собственность, пенсия, стипендия, материальное обеспечение или пособия, выплачиваемые иностранным государством и содержание, обеспечиваемое членами семьи, зарабатывающими легальный доход. Заявления должны содержать информацию относительно наличия и качества жилья, например размер жилья, количество проживающих в нем лиц и т.д., и медицинской страховки.

Решения по заявлениям рассматриваются в течение шести месяцев тогда, когда необходим подсчет квоты; в течение трех месяцев, когда нет требования о квоте; в течение двух месяцев в случае обновления; и один месяц в случае выдачи разрешения на работу. Следует отметить, что планируется сократить сроки рассмотрения заявлений, в частности по адмиссии с целью занятости. На практике это означает только то, что определенные сроки будут приближены к тем, которые уже применяются на практике.

Прежде чем отказать в выдаче разрешения на проживание и/или на работу, включая обновление данных разрешений, административный орган должен предоставить право на слушание. Обычно об этом сообщается в письменном виде: заявителю предоставляют обоснования и подробности возможного отрицательного решения, так чтобы он мог оспорить их до того, как решение вынесено официально. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что подобное слушание не является средством правовой защиты.

В заключение следует отметить, что конституционное право на апелляцию, как отражено в главах Конституции Эстонской Республики¹⁷, предусматривает и право на подачу апелляции, и позитивное обязательство государства внедрять процедуры для эффективной защиты конституционных прав. Однако, в отношении миграционных процедур, за исключением визовых, действует следующий порядок: заявитель имеет право на подачу административной апелляции прежде, чем обращаться в административный суд. Однако, поскольку Закон «Об иностранцах» не предусматривает автоматической отсрочки исполнения решения при подаче апелляции, иностранный гражданин должен также обратиться в административный суд за первоначальной защитой, чтобы отложить действие административного решения.

Литература

1. Прудников А.С., Прудникова Т.А., Харламов С.О. Деятельность подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции. Правовые и организационные аспекты: Учеб. пособие. М., 2018.

References

1. Prudnikov A.S., Prudnikova T.A., Kharlamov S.O. Deyatel'nost' podrazdeleniy organov vnutrennikh del po voprosam migratsii. Pravovye i organizatsionnye aspekty: Ucheb. posobie. M., 2018.

¹⁴ Глава 10 Закона от 9 декабря 2009 г. «Об иностранцах».

¹⁵ Распоряжение Правительства Эстонии от 27 апреля 2004 г. № 150.

¹⁶ Глава 43 Закона от 9 декабря 2009 г. «Об иностранцах».

¹⁷ Главы 13 и 15 Конституция Эстонской Республики (принята на референдуме 28 июня 1992 г.).

УДК 351.741
ББК 67

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10156
© А.М. Тарасов, 2020

Научные специальности: 12.00.02 – конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; 12.00.11 — судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ПОЛНОМОЧИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО КОНТРОЛЮ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Анатолий Михайлович Тарасов, главный научный сотрудник НИЦ, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный сотрудник ОВД Российской Федерации
Академия управления МВД России (125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8)
E-mail: Tarasov.tam@yandex.ru

Аннотация. Уровень исполнительской дисциплины в правоохранительных органах не всегда находится на высоком уровне. В ряде случаев положения нормативных правовых актов, в том числе изданных Президентом РФ, выполняются несвоевременно и не в полном объеме. В своих выступлениях на заседаниях коллегии МВД России в 2018–2020 гг. глава государства отмечал необходимость увеличения общего уровня раскрываемости преступлений. Выступая на заседании коллегии ФСБ России 20 февраля 2020 г. Президент РФ поставил перед системой ФСБ задачу по обеспечению жесткого контроля за прохождением финансовых потоков, которые выделяются для реализации национальных проектов из госбюджета.

При этом следует сказать, что недоработки подконтрольных органов, состояние их исполнительской дисциплины зачастую можно связать не только с состоянием их организационной деятельности, но и с их недостаточным ресурсным обеспечением, в частности, таким, как правовое, финансовое, материально-техническое, кадровое и др.

Актуальность, важность и новационность рассмотрения данной темы подтверждается стратегическим конституционным статусом Президента РФ как главы государства, гаранта прав и свобод человека и гражданина (ст. 80 Конституции РФ). Исследование вопросов, связанных с правовым обеспечением осуществляемого Президентом РФ контроля имеет существенное значение для теории и практики государственного управления.

Значимость данной темы вытекает также из места и роли правоохранительных и контролирующих органов, установленной в ст. 45 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, в которой определено, что обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется, в том числе путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и органов государственного контроля (надзора).

Востребованность и новизна этой темы подтверждаются и в выступлении Президента РФ 28 февраля 2019 г. на заседании коллегии МВД России, где глава государства подчеркнул важность внедрения специальной цифровой платформы для осуществления контроля за тем, что происходит в правоохранительной сфере.

Сделаны выводы о том, что Президент РФ как главный и стратегический субъект системы государственного контроля наделен Конституцией РФ и федеральными, в том числе конституционными законами, полномочиями по осуществлению контроля за всеми направлениями деятельности правоохранительных органов исполнительной власти, в том числе за оперативно-разыскной деятельностью, а также за деятельностью Следственного комитета РФ.

С учетом особого места и роли прокуратуры Российской Федерации в системе органов государственной власти, установленных в ст. 129 Конституции РФ, Президент РФ не наделен прямыми полномочиями по осуществлению руководства и контроля за деятельностью прокуратуры РФ. Однако, вопросы формирования кадровой политики, возложения на прокуратуру полномочий по осуществлению координации деятельности по борьбе с преступностью находятся в ведении главы государства. Вместе с тем, следует отметить, что в п. 7 ст. 12 Федерального закона о прокуратуре РФ предусмотрена подотчетность прокуратуры Президенту РФ — по вопросам состояния правопорядка и законности, а также о проделанной работе по их укреплению. В отличие от руководства правоохранительных органов исполнительной власти и Следственного комитета РФ, Президент РФ не правомочен давать прямые указания или поручения Генеральному прокурору РФ.

Особый статус Президента РФ в отношении руководства и контроля за деятельностью правоохранительных органов позволяет сделать обоснованный вывод о важности включения в проект Федерального закона «О федеральном, региональном и муниципальном контроле в Российской Федерации», разработанного Минэкономразвития России, отдельного раздела, касающегося полномочий главы государства в части регулирования и организации президентского контроля за указанными органами госвласти.

Ключевые слова: Президент РФ, Конституция РФ, правоохранительные органы, контроль и надзор, МВД России, ФСБ России, Следственный комитет РФ.

POWERS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION TO CONTROL THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Anatoly M. Tarasov, Chief Research Officer of SIC, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Officer of the Internal Affairs Department of the Russian Federation Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (125993, Moscow, ul. Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh, d. 8)
E-mail: Tarasov.tam@yandex.ru

Abstract. The level of Executive discipline in law enforcement agencies is not always at a high level. In some cases, the provisions of regulatory legal acts, including those issued by the President of the Russian Federation, are not implemented in time or in full. In his speeches at the meetings of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2018–2020, the head of state noted the need to increase the overall level of crime detection. Speaking at a meeting of the Board of the FSB of Russia on February 20, 2020 The President of the Russian Federation has set the FSB system the task of ensuring strict control over the passage of financial flows that are allocated for the implementation of national projects from the state budget.

At the same time, it should be noted that the shortcomings of the controlled bodies, the state of their performance discipline can often be associated not only with the state of their organizational activities, but also with their insufficient resources, in particular, such as legal, financial, material and technical, personnel, etc.

The relevance, importance and innovation of this topic is confirmed by the strategic constitutional status of the President of the Russian Federation as the head of state, the guarantor of human and civil rights and freedoms (art. 80 of the Constitution of the Russian Federation). The study of issues related to the legal support of the control exercised by the President of the Russian Federation is essential for the theory and practice of public administration.

The significance of this topic also stems from the place and role of law enforcement and regulatory agencies established in art. 45 of the «National security Strategy of the RF», approved by presidential decree No. 683 of December 31, 2015, which defines that state and public security is ensured, including by improving the effectiveness of law enforcement agencies and state control (supervision) bodies.

The relevance and novelty of this theme is confirmed in the speech of the President of the Russian Federation February 28, 2019 at the Board meeting of the MIA of Russia, where the head of state stressed the importance of implementing a customized digital platform to monitor what is happening in the field of law enforcement.

Conclusions are made that the President of the Russian Federation as the main and strategic subject of the state control system is vested with the Constitution of the Russian Federation and Federal, including constitutional laws, powers to monitor all areas of activity of law enforcement agencies of Executive power, including operational and investigative activities, as well as the activities of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Given the special place and role of Prosecutor's office of the Russian Federation in system of bodies of state power established in art. 129 of the Constitution, the President of the Russian Federation does not have direct power to exercise direction and control over the activities of the Prosecutor's office. However, the head of state is responsible for the formation of personnel policy and the assignment of powers to the Prosecutor's office to coordinate activities in the fight against crime. However, it should be noted that in p. 7 of art. 12 of the Federal law on the Prosecutor's office of the Russian Federation provides for accountability of the Prosecutor's office to the President of the Russian Federation — on the state of law and order, as well as on the work done to strengthen them. Unlike the leadership of law enforcement bodies of Executive power and the Investigative Committee of the Russian Federation, the Russian President is not empowered to give direct instructions or orders to the Prosecutor General of the Russian Federation.

The special status of the President of the Russian Federation in respect of management and control over activity of law enforcement bodies allows to draw a valid conclusion about the importance of inclusion in the draft Federal law «On the Federal, regional and municipal control in the Russian Federation» developed by the Ministry of economic development, a separate section dealing with the powers of head of state in the regulation and organization of presidential control over those agencies of state power.

Keywords: President of the Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, law enforcement agencies, control and supervision, Ministry of Internal Affairs of Russia, FSB of Russia, Investigative Committee of the Russian Federation.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Тарасов А.М. Полномочия Президента Российской Федерации по контролю за деятельностью правоохранительных органов. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):141–146.

В теории управления под контролем, как правило, понимается деятельность уполномоченных по осуществлению контроля субъектов управления, направленная на установление отклонений в работе подконтрольных структур в ходе исполнения ими требований нормативных правовых актов, принятых решений. В значении системы контроля понимается совокупность взаимосвязанных элементов или составляющих, в частности: целей и задач контроля, субъектов, объектов и предметов контроля, а также принципов, функций, процедур контроля.

Все перечисленные составляющие понятия контроль (контрольная деятельность) и система контроля в указанных значениях направлены на достижение основных целей контроля, к которым относятся не только своевременное и в полном объеме установление отклонений в работе подконтрольных структур, но и принятие компетентными должностными лицами мер по их устранению и предупреждению в будущем. Это вполне применимо и к контролю,

осуществляемому Президентом РФ за деятельностью правоохранительных органов исполнительной власти (далее — президентский контроль).

Рассмотрение вопросов, связанных с осуществлением президентского контроля с учетом конституционных полномочий Президента РФ и специального статуса правоохранительных органов, связанного с осуществлением ими таких, в частности, специфических видов деятельности, как оперативно-разыскная или предварительное следствие, полагаем, представляет дополнительную актуальность и интерес как в теоретическом, так и в прикладном значении¹.

¹ Рассматриваются полномочия Президента РФ, без учета контрольных полномочий таких субъектов, образующих систему президентского контроля, как Администрация Президента РФ, а также Контрольное управление Президента РФ, являющегося структурным подразделением Администрации Президента РФ. В соответствии с п. 1 Положения «Об Администрации Президента РФ», утвержденного Указом Президента РФ от 25 марта 2004 г. № 400, Администрация создана для обеспечения деятельности главы государства и осуществления контроля за исполнением принятых им решений.

О важности рассматриваемой в данной статье темы свидетельствует и особое место, и роль правоохранительных органов и органов госконтроля, установленные в ст. 45 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, в которой определено, что обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется, в том числе, путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и органов государственного контроля (надзора).

Учитывая стратегический конституционный статус Президента РФ в качестве главы государства (ст. 80 Конституции РФ), президентский контроль относится к главенствующему и стратегическому виду внешнего государственного контроля [3, с. 8–17]. Поэтому исследование вопросов, связанных с правовым обеспечением осуществляемого Президентом РФ контроля за деятельностью правоохранительных органов, имеет стратегическое значение для теории государственного управления и контроля.

Изучение деятельности субъектов государственного контроля свидетельствует о системном применении ими мер, нацеленных на дальнейшее совершенствование организации планирования и проведения контрольной работы. При подготовке контрольных мероприятий активно используются современные информационные системы и базы данных, а в ходе контрольных мероприятий — мониторинг, дистанционные технологии, риск-ориентированный подход, направленные на повышение эффективности государственного, в том числе президентского, контроля. Следует также отметить, что на основе анализа результатов ранее проведенных контрольных мероприятий — проверок, аудита, инспектирования, надзора — субъектами госконтроля разрабатываются и принимаются решения по своевременному и в полном объеме устранению подконтрольными структурами отклонений, а также недопущению их впредь, т.е. принимаются меры превентивного плана.

Вместе с тем, уровень исполнительской дисциплины в некоторых правоохранительных органах исполнительной власти не всегда находится на высоком уровне. В ряде случаев требования нормативных правовых актов, в том числе по дальнейшему активному оздоровлению криминальной обстановки в стране, выполняются не в полном объеме. При этом, справедливости ради, следует сказать, что сбои связаны зача-

стую не только с организационно-исполнительской деятельностью правоохранительных органов, но и с их недостаточным ресурсным обеспечением, в частности, таким, как правовое, финансовое, материально-техническое, кадровое и др.

Об обоснованности и актуальности рассмотрения темы контроля свидетельствует и позиция В.В. Путина, высказанная на заседаниях коллегий ряда правоохранительных органов. Так, выступая на заседании коллегии ФСБ России 20 февраля 2020 г. Президент поставил задачу по налаживанию жесткого контроля за прохождением финансовых потоков, выделяемых из бюджета для реализации национальных проектов². В своих выступлениях на заседаниях коллегии МВД России в 2018–2020 гг. глава государства отмечал необходимость увеличения общего уровня раскрываемости преступлений³, повышения эффективности борьбы с коррупцией. В 2019 г. он подчеркнул важность внедрения специальной **цифровой платформы для осуществления контроля за тем, что происходит в правоохранительной сфере**⁴. Выступая на заседании коллегии МВД России 26 февраля 2020 г., глава государства среди актуальных задач отметил противодействие экстремизму, обеспечение безопасности в местах проведения масштабных мероприятий, дальнейшую декриминализацию экономики, защиту отечественного бизнеса, активное выявление преступлений в сфере природопользования и др. Перечисленные Президентом задачи (направления деятельности МВД России) являются предметами президентского контроля.

В обоснование наличия полномочий главы государства контролировать деятельность правоохранительных органов исполнительной власти сошлемся на ст. 32 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», в которой установлено, что Президент РФ руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами обороны, безопасности, внутренних дел, он же утверждает по представлению Председателя Правительства РФ положения об этих органах и назначает их руководителей, а также осуществляет иные полномочия как

² URL://<http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanie-kollegii-fsb-20-02-2020.html>

³ URL://<https://www.rbc.ru/society/28/02/2018/5a9684819a79470cdf4dc586>

⁴ URL://<http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913>

Верховный Главнокомандующий Вооруженными силами РФ и Председатель Совета Безопасности РФ. Поскольку контроль является функцией, элементом, составной частью системы управления, то в понятие руководить (управлять) входит и осуществление контроля.

Полномочия главы государства по осуществлению контроля за деятельностью правоохранительных органов установлены и в федеральных законах, регламентирующих деятельность правоохранительных органов. Например, в ст. 49 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» определено, что госконтроль за деятельностью полиции в пределах своих полномочий осуществляют Президент РФ, палаты Федерального Собрания РФ, Правительство РФ. В качестве субъекта госконтроля Президент назван и в Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» и др. При этом следует пояснить, что, учитывая стратегический и главенствующий конституционный статус Президента РФ и осуществляемого главой государства контроля, данный вид контроля ведется за основными, наиболее важными, значимыми направлениями работы правоохранительных органов.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» к одним из основных направлений ее деятельности или **к предметам** президентского контроля относятся следующие: осуществление защиты от противоправных посягательств на личность, общество и государство; выявление и раскрытие полицией преступлений и административных правонарушений, а также их предупреждение и пресечение; розыск лиц и производство дознания по уголовным делам; осуществление экспертно-криминалистической деятельности; обеспечение правопорядка в общественных местах и безопасности дорожного движения и др. В свою очередь, **объектом** президентского контроля является вся деятельность полиции на стратегически значимых направлениях ее деятельности.

Согласно ст. 8 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» органы ФСБ осуществляют следующие основные виды деятельности: контрразведывательную и разведывательную, борьбу с преступностью и терроризмом, пограничную деятельность и обеспечение информационной безопасности, являющиеся предметами президентского контроля. В выступлении на итоговом заседании коллегии ФСБ России 20 февраля 2020 г. Президент РФ к важным направлениям работы орга-

нов безопасности отнес противодействие экстремизму, обеспечение экономической безопасности, включая выявление преступных схем в финансовой и налоговой сферах, а также в топливно-энергетическом и оборонно-промышленном комплексах и др.⁵

Кстати, в ст. 1 названного закона установлено, что руководство деятельностью ФСБ России осуществляет Президент РФ. В этой связи также важно отметить, что в ст. 12 Федерального закона от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» определено, что общее руководство органами внешней разведки, например, СВР России, также осуществляет Президент РФ. Перечисленные выше основные виды деятельности МВД России и ФСБ России, являются предметами президентского контроля, а сама деятельность по основным ее направлениям является объектом президентского контроля.

В целях более широкого исследования темы, указанной в названии данной статьи, важно определить, хотя бы кратко, с понятием правоохранительные органы и с их перечнем. Термин правоохранительные органы исполнительной власти применяется для обозначения государственных органов, выполняющих схожие задачи, на которые в обязательном порядке возложена функция осуществления правоохранительной деятельности. В свою очередь, под понятием правоохранительная деятельность следует понимать вид деятельности, проводимой специально созданными органами государственной власти, которые называются правоохранительными, осуществляющими правоохранительные функции, например, борьбу с правонарушениями, их предупреждение, оперативно-розыскную деятельность, расследование преступлений, обеспечение общественного порядка, исполнение судебных решений и др.

Анализ указов Президента РФ, которыми были утверждены положения о федеральных органах исполнительной власти, свидетельствует, что к правоохранительным органам исполнительной власти относятся МВД России⁶, МЧС России⁷, ФСБ России⁸, ФСО России⁹, Фе-

⁵ URL://<http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanie-kolleгии-fsb-20-02-2020.html>

⁶ Положение об МВД России утверждено Указом Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699.

⁷ Положение об МЧС России утверждено Указом Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 868.

⁸ Положение о ФСБ России утверждено Указом Президента РФ от 11 августа 2003 г. № 960.

⁹ Положение о ФСО России утверждено Указом Президента РФ от 7 августа 2004 г. № 1013.

деральная служба исполнения наказаний (ФСИН)¹⁰, Федеральная служба судебных приставов (ФССП)¹¹, Федеральная служба войск национальной гвардии РФ (Росгвардия)¹². Изучение постановлений Правительства РФ позволяет сделать вывод, что к правоохранительным органам исполнительной власти относится также Федеральная таможенная служба (ФТС России), в функции которой входит проведение оперативно-разыскной деятельности и дознания¹³.

Кроме того, согласно ст. 11 Федерального закона от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» к правоохранительным органам исполнительной власти относится Служба внешней разведки (СВР России) и Минобороны России, в структуру которого входят Главное управление полиции, а также Главное управление Генштаба Вооруженных сил РФ — орган внешней разведки Минобороны России, более известный как ГРУ Генштаба ВС РФ¹⁴. Отметим, что начальник ГУ Генштаба ВС РФ (ГРУ) подчиняется Министру обороны РФ и начальнику Генштаба Вооруженных сил РФ. Верховным Главнокомандующим Вооруженными силами РФ, как уже указывалось выше, является Президент РФ.

В качестве дополнительного подтверждения наличия у Минобороны России полномочий по осуществлению внешней разведдеятельности сошлемся на подп. 23 п. 7 Положения о Минобороны России, утвержденного Указом Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1082, в котором установлено, что Минобороны России в интересах обеспечения безопасности России уполномочено осуществлять разведывательную деятельность. Кстати, проведение разведдеятельности входит и в функции ФСБ России, но во взаимодействии с органами внешней разведки РФ (ст. 12 Федерального закона от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке»).

Рассматривая полномочия главы государства за деятельностью правоохранительных органов исполнительной власти, следует подчеркнуть, что одним из основных направлений их работы является оперативно-разыскная деятельность (ОРД). В соответствии со ст. 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» к органам (субъектам), уполномоченным проводить оперативно-разыскную деятельность [1, с. 27–28], относятся оперативные подразделения органов внутренних дел, органов ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, а также орган внешней разведки Минобороны России,

известный как Главное управление Генштаба ВС РФ — орган внешней разведки, осуществляющий ОРД только в целях обеспечения безопасности данного органа.

В соответствии со ст. 20 Федерального закона об ОРД госконтроль за ОРД в соответствии с полномочиями, определяемыми Конституцией РФ, федеральными, в том числе конституционными законами, осуществляют глава государства, палаты Федерального Собрания РФ и Правительство РФ. Проведение прокурорского надзора за ОРД предусмотрено ст. 21 данного Закона.

Некоторые специалисты в сфере правоохранительной деятельности к правоохранительным органам относят Государственную фельдъегерскую службу Российской Федерации (ГФС России) [4, с. 614–622]. При этом учитывается, что в ч. 5 ст. 8 Федерального закона от 17 декабря 1994 г. № 67-ФЗ «О федеральной фельдъегерской службе»¹⁵ установлено, что лица начальствующего состава органов ГФС России проходят службу в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации»¹⁶, а также то, что ГФС, в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О федеральной фельдъегерской службе», а также Положением «О государственной фельдъегерской службе Российской Федерации», утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 7 апреля 2014 г. № 213, ГФС является **федеральным органом исполнительной власти**, который наделен полномочиями по осуществлению функции в сфере обеспечения федеральной фельдъегерской связи в РФ и является **составной частью сил и средств обеспечения безопасности РФ**. Кроме того, ст. 6 Федерального закона о ГФС наделает лиц начальствующего состава органов федеральной фельдъегерской связи применять физическую силу, а также хранить, носить и применять специальные средства, боевое ручное стрелковое и холодное оружие, но только в установленном порядке и при исполнении своих служебных обязанностей.

¹⁰ Положение о ФСИН утверждено Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314.

¹¹ Положение о ФССП утверждено Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1316.

¹² Положение о Росгвардии утверждено Указом Президента РФ от 30 сентября 2016 г. № 510.

¹³ Положение о ФТС утверждено постановлением Правительства РФ от 16 сентября 2013 г. № 809.

¹⁴ Положение о Минобороны России утверждено Указом Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1082.

¹⁵ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ СПС «КонсультантПлюс».

В части, касающейся предмета нашего исследования отметим, что согласно ст. 14 Федерального закона о ГФС полномочиями по осуществлению контроля за федеральной фельдъегерской связью наделены Президент РФ и Правительство РФ (в пределах своих полномочий), а надзор — Генпрокурор РФ и подчиненные ему прокуратуры.

Определяя перечень подконтрольных Президенту РФ правоохранительных органов, важно также отметить, что в соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» названный Комитет является федеральным государственным органом, осуществляющим полномочия в сфере уголовного судопроизводства, поэтому он также является правоохранительным органом. Вместе с тем, Комитет в соответствии с указанным Законом не относится к органам исполнительной власти, а имеет специальный статус. При этом следует подчеркнуть, что в соответствии с п. 3 ст. 1 данного Закона руководство деятельностью Следственного комитета, а, следовательно, и контроль за его деятельностью, уполномочен осуществлять Президент РФ.

Отметим также, что востребованность осуществления Президентом контроля за деятельностью следственных органов имманентно связана с конституционными полномочиями главы государства, вытекающими из ст. 80 Конституции РФ, в которой установлено, что Президент РФ — гарант Конституции, прав и свобод человека и гражданина. При этом поясним, что Президент РФ в связи со своей максимальной загруженностью уполномочен давать поручения по проведению контроля Контрольному управлению Президента РФ.

Как свидетельствует проведенное исследование, а также анализ проекта Федерального закона «О федеральном, региональном и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹⁷, разработанного Минэкономразвития России, в данном законопроекте не определены полномочия главы государства в части осуществления внешнего государственного, в том числе президентского, контроля за деятельностью правоохранительных органов [2, с. 14–25; 3, с. 8–17]. Вместе с тем, конституционные полномочия Президента РФ в отношении руководства и контроля за деятельностью указанных органов позволяет сделать обоснованный вывод о необходимости включения в законопроект раздела или отдельных пунктов, касающихся полномочий Президента РФ как главы государства, гаранта Кон-

ституции РФ, прав и свобод человека и гражданина за сферой деятельности правоохранительных органов.

Выводы.

1. Деятельность правоохранительных органов исполнительной власти, а также Следственного комитета РФ, в том числе состояния организации предварительного следствия, подконтрольна главе государства.

2. Особый конституционный статус Президента РФ в отношении руководства и контроля за деятельностью правоохранительных органов исполнительной власти и Следственного комитета РФ позволяет сделать обоснованный вывод о важности включения в проект Федерального закона «О федеральном, региональном и муниципальном контроле в РФ» отдельного раздела (пунктов), касающихся полномочий главы государства в части регулирования и организации государственного, в том числе президентского, контроля за указанными органами госвласти.

Литература

1. Павличенко Н.В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: Моногр. М., 2016.
2. Тарасов А.М. О законодательном обеспечении государственного контроля за деятельностью органов исполнительной власти // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 1 (49). С. 14–25.
3. Тарасов А.М. Президентский контроль — стратегический вид внешнего государственного контроля // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 8–17.
4. Черников В.В. Органы охраны правопорядка: Учебник. 4-е изд. М.: Проспект, 2018.

References

1. Pavlichenko N.V. Pravovye i teoreticheskie problemy obespecheniya neglasnosti v operativno-rozysknoy deyatel'nosti: Monogr. M., 2016.
2. Tarasov A.M. O zakonodatel'nom obespechenii gosudarstvennogo kontrolya za deyatel'nost'yu organov ispolnitel'noy vlasti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2019. № 1 (49). S. 14–25.
3. Tarasov A.M. Prezidentskiy kontrol' — strategicheskii vid vneshnego gosudarstvennogo kontrolya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2019. № 4 (52). S. 8–17.
4. Chernikov V.V. Organy okhrany pravoporyadka: Uchebnik. 4-e izd. M.: Prospekt, 2018.

¹⁷ СПС «КонсультантПлюс».

УДК 34
ББК 67

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10157
© Е.Н. Хазов, Р.М. Халилов, 2020

Научная специальность 12.00.02 — конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИИ

Евгений Николаевич Хазов, профессор кафедры конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, профессор
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: evg.hazov@yandex.ru

Руфат Марданович Халилов, соискатель по кафедре конституционного и муниципального права
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: rufa-k@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные теоретические вопросы правовых гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина. Анализируются основные направления механизма реализации правовых гарантий прав и свобод человека на современном этапе развития России.

Ключевые слова: конституция, конституционные нормы, государство, правовое обеспечение, реализация, правовые гарантии, конституционные права и свободы человека и гражданина.

LEGAL GUARANTEES OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS HUMAN AND CITIZEN IN RUSSIA

Evgeniy N. Khazov, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Doctor of Legal Sciences, Professor
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: evg.hazov@yandex.ru

Rufat M. Khalilov, Applicant for the Department of Constitutional and Municipal Law
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: rufa-k@yandex.ru

Abstract. Actual theoretical issues of legal guarantees of constitutional rights and freedoms of man and citizen are considered. The main directions of the mechanism for implementing legal guarantees of human rights and freedoms at the present stage of development of Russia are analyzed.

Keywords: Constitution, constitutional norms, state, legal support, implementation, legal guarantees, constitutional rights and freedoms of man and citizen.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Хазов Е.Н., Халилов Р.М. Правовые гарантии конституционных прав и свобод человека и гражданина в России. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):147–151.

Одним из видов гарантий являются правовые (юридические) гарантии основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина.

Необходимость правовых (юридических) гарантий в том, чтобы как можно полно претворить в жизнь права, свободы и обязанности человека и гражданина. В связи с этим их характер, система и виды должны, возможно, полнее соответствовать определенным формам реализации прав и свобод, а также содействовать осуществлению обязанностей и привлечению к ответственности. Содержание гарантий весьма динамично и обусловлено их целевой, институциональной и функциональной направленностью, зависит от общественно-политических, духовных и

иных процессов, происходящих в стране на определенных этапах ее исторического развития [18].

Правовые (юридические) гарантии не следует ни отрывать, ни, тем более, противопоставлять другим видам гарантий. Значение их можно правильно понять и оценить, анализируя в единстве с другими гарантиями, рассматривая как часть единого целого. Системный подход к правовым (юридическим) гарантиям реализации прав и свобод человека позволяет правильно определить их понятие.

Под юридическими (правовыми) гарантиями следует понимать признание и закрепление прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в Конституции и других нормативных актах государства и обес-

печение их реализации всей правоохранительной деятельностью данного государства, общественно-политическими организациями, их должностными лицами и самой личностью [11].

Основной принцип построения системы правовых гарантий реализации прав и свобод человека и гражданина — их всеобщность, и право защищать свои права и свободы всеми способами не запрещенные законом, не противоречащими закону.

Важнейшим принципом обеспечения гарантий реализации статуса личности является комплексность и полнота гарантий. Этим принципом должны руководствоваться в своей деятельности все государственные органы, органы местного самоуправления, общественно-политические организации и должностные лица.

Другим неперенным принципом, предъявляемым к гарантиям, является эффективность. Сущность этого принципа состоит в том, что гарантии во всех случаях должны обеспечивать человеку возможность реального пользования предоставленными законодательством благами и исполнения обязанностей. Названный принцип особенно важен при оценке правовых гарантий. В данном случае эффективность, прежде всего, зависит от того, насколько указанные средства приравнены к реализации именно этой категории прав и свобод, от возможных нарушений и восстановления их, когда они уже нарушены. Разработка таких средств — первоочередная задача правовой науки [7].

Можно выделить следующие признаки правовых гарантий реализации статуса личности в Российской Федерации как юридических средств, от действительности которых зависят степень реализации прав и свобод, исполнение ими обязанностей и законность привлечения их к ответственности.

Во-первых, правовые гарантии реализации основных прав и свобод определяются компетенцией государственных органов, органов местного самоуправления, общественно-политических организаций и должностных лиц по решению вопросов, связанных с реализацией правового статуса личности, наделению данных органов и должностных лиц необходимыми полномочиями.

Во-вторых, обязанность государственных органов, органов местного самоуправления, общественно-политических организаций и должностных лиц, обладающих соответствующими полномочиями, применять в целях обеспечения реализации статуса личности комплекс мероприятий, указанных в законе.

В-третьих, установление ответственности как государственных органов, органов местного самоуправления, общественно-политических организаций и должностных лиц за неисполнение либо несвоевременное исполнение обязанностей, связанных с реализацией прав и свобод человека.

В-четвертых, обязанность уполномоченных государственных органов, органов местного самоуправления, общественно-политических организаций и должностных лиц восстанавливать нарушение прав и свобод личности, возмещать им причиненный моральный и материальный ущерб, добиваться привлечения виновных лиц к ответственности [6].

В механизме реализации правовых (юридических) гарантий прав и свобод человека и гражданина можно выделить следующие элементы: информирование человека и гражданина о его правах, свободах и обязанностях; выделение круга вопросов, связанных с точным установлением оснований принадлежности личности соответствующего права и обязанности, их объема, конкретного содержания и пределов использования; определение правовых средств, которые необходимо использовать в процессе соблюдения, охраны и защиты прав и свобод; установление органа (лица), от действия которого зависит реализация прав и свобод личности; непосредственное совершение действий, связанных с реализацией статуса личности в соответствии с законодательством; применение правовых средств защиты от нарушения прав и свобод, восстановление нарушенного права конкретного лица [12].

Правовые гарантии реализации правового статуса личности в России многочисленны и разнообразны. Их объединяет общее свойство: все они выражены и закреплены в правовых нормах. Эти гарантии непосредственно связаны с применением правовых норм и осуществляются регулируемой надлежащими нормативными актами деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественно-политических организаций и граждан [13, с. 135–142].

Правовые гарантии непосредственно обеспечивают процесс реализации статуса личности. Их проявление и действие связаны с характером права, свободы или обязанности, а также с определенными юридическими фактами или юридическими (фактически) составами. Особое место в правовых гарантиях занимает правоприменительная деятельность компетентных органов обеспечительного или охранитель-

ного характера. Издаваемые при этом правоприменительные акты выступают юридическими фактами в процессе непосредственной реализации человеком и гражданином своих прав и свобод. Ими приводятся в движение конкретные правонарушения, т.е. они возникают, изменяются или прекращаются.

Важно отметить, что правовые гарантии реализации правового статуса направлены на осуществление прав (свобод) человека и гражданина, правомерность исполнения обязанностей и законность привлечения к ответственности. Это обусловлено тем, что при исполнении обязанностей лицо вправе и должно надлежащим образом исполнять те из них, которые установлены законодательством. При привлечении к юридической ответственности лицо вправе и должно быть привлечено к ответственности только в соответствии с законодательством в рамках процессуальной процедуры [5, с. 20–25].

Правовые гарантии реализации прав и свобод человека и гражданина можно подразделить на основные две группы гарантий: обеспечивающие его реализацию и обеспечивающие его защиту.

Правовые гарантии реализации направлены на использование личности своих прав, исполнение ими обязанностей и законности привлечения их к ответственности. Гарантии защиты действуют, как правило, в случае нарушения статуса, возникновения препятствий на пути его использования. К первой группе относятся нормы, определяющие пределы прав и свобод; их конкретизацию в текущем законодательстве; юридические факты, с которыми связываются обладание и непосредственное пользование ими; процессуальные формы реализации; меры поощрения и льготы для стимулирования правомерной и инициативной их реализации.

Вторую группу правовых гарантий составляют механизмы и институты защиты прав и свобод: конституционный контроль и надзор; меры защиты и меры ответственности виновных за нарушение прав и свобод личности; процессуальные формы осуществления контроля и надзора; средства предупреждения и профилактики нарушений прав личности, другие установленные законодательством меры [9, с. 96–98].

Права, свободы и обязанности не просто декларируются, а закрепляются нормами права. Однако этого недостаточно, так как нормы права нарушаются, и тогда начинает действовать государственно-правовой механизм защиты прав и свобод, обеспечения исполнения гражданами возложенных на них обязанностей.

Эту деятельность осуществляют все органы государства. Поскольку право является центральным элементом нормальной основы конституционного строя, следовательно, правовые (юридические) гарантии производны от общих гарантий (экономических). Отличие правовых гарантий от других видов гарантий состоит в следующем. Если общие экономические, политические и социально-нравственные гарантии являются предпосылкой реализации прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, то правовые гарантии, устанавливаемые государством в результате творческой деятельности, направлены на конкретное осуществление прав, свобод и обязанностей человека и гражданина и их охрану от противоправных посягательств и нарушений.

Правовые (специальные) гарантии и общие тесно взаимосвязаны друг с другом. Примером может послужить тесная взаимосвязь с общими экономическими гарантиями в том, что они закреплены в ст. 8 Конституции России, и гарантируются единством экономического пространства, свободным перемещением товаров, услуг и финансовых средств, поддерживают конкуренцию, свободу экономической деятельности. Пункт 2 ст. 8 Конституции говорит о том, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности, тем самым на их базе строятся рыночные отношения в нашей стране¹.

Такая же тесная взаимосвязь существует между правовыми (юридическими) гарантиями и общими политическими гарантиями. Детерминация правовых гарантий политическим строем общества проявляется в том, что в Российской Федерации признается идеологическое многообразие, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а также признается политическое многообразие и многопартийность.

Хотя совершенствование политических институтов влияет на развитие правовой системы, но этот процесс не является автоматическим. Возможно определенное отставание юридических форм от требований политики. Это отставание преодолевается с помощью госу-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // URL://<http://www.pravo.gov.ru>

дарства, которое приводит юридические формы в соответствие с политическими требованиями [2, с. 55].

Именно поэтому для укрепления правовых гарантий важное значение приобретает правовая реформа, признанная придавать и укреплять РФ как демократическое, федеративное, правовое, светское, социальное государство с республиканской формой правления.

Правовые гарантии нельзя рассматривать в отрыве от общих социально-нравственных гарантий. Их взаимосвязь и взаимообусловленность проявляются в следующем. Чем выше уровень духовной культуры граждан, их идейность, тем нетерпимее они относятся к нарушению прав и свобод человека и гражданина [4, с. 95–107]. В тоже время, правовые гарантии направлены на свободное развитие личности. Социально-нравственный аспект реализации правовых норм приобретает в обществе все большее значение, отражая процесс постепенного преобразования правовых норм в нормы общественного саморегулирования [10, с. 241].

В процессе применения правовых гарантий прослеживается ряд особенностей. Во-первых, некоторые правовые гарантии служат средством реализации всей системы прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в России. Например, ФЗ от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «О гражданстве РФ»², является правовой (юридической) гарантией не только личных, но и политических, экономических, социально-культурных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина.

Во-вторых, особенность применения правовых гарантий это и есть гарантированность прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в их равенстве, взаимосвязи, единстве, без чего не возможна подлинная свобода индивида в обществе. В демократическом обществе, осуществление прав и свобод человеком и гражданином неотделимо от исполнения ими своих обязанностей.

Если какому-то человеку и гражданину представлены права и свободы, то для других индивидов общества, государства — это обязанность не нарушать эти права.

Использование гражданином прав и свобод не должно наносить ущерб правам других граждан, а это можно в том случае, когда права граждан обеспечиваются соблюдением ими своих обязанностей [8, с. 32].

В-третьих, реализация правовых гарантий не является самоцелью. Главным является достижение социального эффекта от использования человеком и

гражданином своих прав, свобод и обязанностей, удовлетворение ими своих насущных потребностей. Насколько те или иные права, свободы и обязанности реальны для индивида, мы судим, однако, не только по числу и силе экономических, политических, социально-нравственных и правовых (юридических гарантий), но и по результатам использования человеком и гражданином своих прав, свобод и обязанностей, по тому, в какой степени удовлетворяются жизненные потребности человека, личности.

В связи с этим особое значение приобретает организационная деятельность государства. Без многогранной организационной деятельности государства невозможно осуществление не только специальных (правовых) гарантий, но и всей системы общих гарантий.

Однако, в случае нарушения правовых предписаний, содержащихся в правовых гарантиях, органами государства или их должностными лицами, сами эти нарушители должны отвечать по закону за свое противоправное поведение. В правовом государстве необходима ответственность не только человека и гражданина перед государством, но и государства, общества перед человеком и гражданином.

Права и свободы человека и гражданина должны быть надежно защищены от любого произвола власти и ее представителей.

Представляется целесообразным дать еще одну классификацию правовым гарантиям по отраслям права. На наш взгляд, следует выделить виды правовых гарантий: международно-правовые; конституционно-правовые; административно-правовые; административно-процессуальные; гражданско-правовые; гражданско-процессуальные; уголовно-правовые; уголовно-процессуальные; финансово-правовые; гарантии трудовых прав; семейно-правовые; земельно-правовые; экологическо-правовые [14].

Из числа правовых гарантий в особую группу следует выделить конституционные гарантии, так как именно конституционные гарантии являются связующим звеном между общими и правовыми (специальными) гарантиями, содержащимися в отдельном законодательстве.

Среди правовых гарантий особое место занимают конституционно-правовые гарантии, так как консти-

² Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «О гражданстве Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 17 октября 2019 г.) // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

туционно-правовые нормы, гарантирующие систему прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, определяют наиболее общие установки ориентации личности. Подобно тому, как конституционное право занимает главенствующее место в системе Российского права, так и конституционно-правовые гарантии играют ведущую роль во всей системе правовых гарантий. Для того, чтобы в полной мере раскрыть сущность конституционно-правовых гарантий в системе правовых гарантий основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина, прежде всего необходимо рассмотреть их понятие и особые юридические свойства.

Литература

1. Гончаров С.И., Хазов Е.Н. Основные элементы юридического механизма реализации прав, свобод и обязанностей человека. М., 2003.
2. Горшенева И.А., Зинченко Е.Ю., Егоров С.А. и др. Конституционное право зарубежных стран. М., 2017.
3. Гхиквадзе В.М. Государство, демократия, законность. М., 1967.
4. Зинченко Е.Ю., Зинченко О.В. Функции и цели конституционной ответственности как взаимосвязанные категории. М., 2014.
5. Каламкьян Р.А. Юридические гарантии прав личности в Российской Федерации (по мат. «круглого стола») // Государство и право. 2000. № 11. С. 95–107.
6. Лобзов К.М., Богданов А.В., Хазов Е.Н. Правовой статус личности как субъект правоотношений в современном законодательстве Российской Федерации (теоретико-методологический анализ) // Вестник экономической безопасности. 2015. № 7. С. 20–25.
7. Лучин В.О., Эбзеев Б.С., Хазов Е.Н. др. Конституционное право России. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2019.
8. Маилян С.С., Зиборов О.В., Эриашвили Н.Д. и др. Правоведение. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2019.
9. Мальцев Г.В. Социалистический гуманизм и права человека // Правоведение. 1977. № 5. С. 32.
10. Мигачев Ю.И. Понятие и виды юридических гарантий // Государство и право. 2000. № 11. С. 96–98.
11. Тихомиров Ю.А. Теория закона. М., 1982.
12. Хазов Е.Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России: теоретические основы и проблемы реализации: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2011.
13. Хазов Е.Н. Конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России. М., 2013.
14. Хазов Е.Н., Зинченко Е.Ю. Теоретические основы юридического механизма реализации экономических прав и свобод человека. В сб.: Правовые аспекты договорной и судебной-исковой работы в войсках национальной гвардии (теория и практика). М., 2019.
15. Хазов Е.Н. Гарантии конституционных прав и свобод человека и гражданина в России. М., 2004.
16. Хазов Е.Н., Горшенева И.А., Егоров С.А. и др. Обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий. М., 2017.
17. Хазов Е.Н., Горшенева И.А., Иванцов С.В. и др. Организация деятельности полиции зарубежных стран: Учеб.-метод. пособие. М., 2017.
18. Эбзеев Б.С., Лучин В.О., Белоновский В.Н. и др. Актуальные проблемы конституционного права России. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019.

References

1. Goncharov S.I., Khazov E.N. Osnovnye elementy yuridicheskogo mekhanizma realizatsii prav, svobod i obyazannostey cheloveka. M., 2003.
2. Gorsheneva I.A., Zinchenko E.Yu., Egorov S.A. i dr. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran. M., 2017.
3. Gkhikvadze V.M. Gosudarstvo, demokratiya, zakonnost'. M., 1967.
4. Zinchenko E.Yu., Zinchenko O.V. Funktsii i tseli konstitutsionnoy otvetstvennosti kak vzaimosvyazannyye kategorii. M., 2014.
5. Kalamkaryan R.A. Yuridicheskiye garantii prav lichnosti v Rossiyskoy Federatsii (po mat. «kruglogo stola») // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 11. S. 95–107.
6. Lobzov K.M., Bogdanov A.V., Khazov E.N. Pravovoy status lichnosti kak subyekt pravootnosheniy v sovremennom zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii (teoretiko-metodologicheskii analiz) // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2015. № 7. S. 20–25.
7. Luchin V.O., Ebzeev B.S., Khazov E.N. dr. Konstitutsionnoe pravo Rossii. 10-e izd., pererab. i dop. M., 2019.
8. Mailyan S.S., Ziborov O.V., Eriashvili N.D. i dr. Pravovedenie. 4-e izd., pererab. i dop. M., 2019.
9. Mal'tsev G.V. Sotsialisticheskiiy gumanizm i prava cheloveka // Pravovedeniye. 1977. № 5. S. 32.
10. Migachev Yu.I. Ponyatie i vidy yuridicheskikh garantiy // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 11. S. 96–98.
11. Tikhomirov Yu.A. Teoriya zakona. M., 1982.
12. Khazov E.N. Konstitutsionnye garantii prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii: teoreticheskie osnovy i problemy realizatsii: Avtoref. diss. ... dokt. yurid. nauk. M., 2011.
13. Khazov E.N. Konstitutsionnye garantii prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii. M., 2013.
14. Khazov E.N., Zinchenko E.Yu. Teoreticheskie osnovy yuridicheskogo mekhanizma realizatsii ekonomicheskikh prav i svobod cheloveka. V sb.: Pravovyye aspekty dogovornoy i sudebno-iskovoy raboty v voyskakh natsional'noy gvardii (teoriya i praktika). M., 2019.
15. Khazov E.N. Garantii konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii. M., 2004.
16. Khazov E.N., Gorsheneva I.A., Egorov S.A. i dr. Obespechenie konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina pri provedenii operativno-rozysknykh meropriyatiy. M., 2017.
17. Khazov E.N., Gorsheneva I.A., Ivantsov S.V. i dr. Organizatsiya deyatelnosti politzii zarubezhnykh stran: Ucheb.-metod. posobie. M., 2017.
18. Ebzeev B.S., Luchin V.O., Belonovskiy V.N. i dr. Aktual'nye problemy konstitutsionnogo prava Rossii. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2019.

УДК 34
ББК 67

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10158
© С.А. Анохин, 2020

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

СУЩНОСТЬ ФРАНЧАЙЗИНГА И СПЕЦИФИКА ЕГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

Сергей Александрович Анохин, доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, кандидат юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: retro595@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы определения понятия «франчайзинг»; исследуется специфика его правового регулирования в России; проводится анализ элементов договора коммерческой концессии. По результатам исследования выявляются проблемные моменты правового регулирования франчайзинговых отношений; предлагаются меры по совершенствованию отечественного законодательства.

Ключевые слова: франчайзинг, договор коммерческой концессии, договор франчайзинга, франшиза, франчайзер, франчайзи.

THE ESSENCE OF FRANCHISING AND THE SPECIFICS OF ITS LEGAL REGULATION IN RUSSIA

Sergey A. Anokhin, Associate Professor of Civil and Labour Law, Civil Process, Candidate of Legal Sciences
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: retro595@yandex.ru

Abstract. The article deals with the definition of the concept of «franchising», examines the specifics of its legal regulation in Russia, analyzes the elements of a commercial concession agreement. According to the results of the study, the problematic aspects of legal regulation of franchising relations are identified and measures are proposed to improve domestic legislation.

Keywords: franchising, commercial concession agreement, franchise agreement, franchise, franchisor, franchisee.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Анохин С.А. Сущность франчайзинга и специфика его правового регулирования в России. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):152–154.

Франчайзинг как особый инструмент осуществления предпринимательской деятельности появился в России в конце 80-х гг. XX в. и в современной экономике играет важную роль. По данным российской ассоциации франчайзинга, за 10 лет количество занятых в сфере франчайзинга выросло с 300 тыс. до 1 млн человек, число франшизных брендов — с 400 до 2,2 тыс., франчайзинговый оборот составляет около 6 млрд USD в год¹.

Франчайзинг представляет собой вид организации предпринимательской деятельности. Этимологически слово «франчайзинг» происходит от английского franchising — право, привилегия. Впоследствии это слово закрепилось в англоязычных государствах, а слово «концессия» произошло от латинского concessio, означающее уступку, разрешение. Исторически термин «концессия» имел иное значение, чем то, которое сложилось в современной практике. Изда-

тельно сферой применения концессии являлась сфера частно-государственного партнерства либо привлечения иностранного капитала в развитие промышленности и сырьевой сферы. Еще один термин «франшиза» — от французского «franchise» — льгота, привилегия. По своей сути эти три термина равнозначны, и различия между ними обусловлены, в первую очередь, особенностями транскрипции терминов при переводе на русский язык англоязычной или франкоязычной литературы.

А.А. Еремин определяет франчайзинг следующим образом: «франчайзинг представляет собой форму продолжительного делового сотрудничества, в рамках которого более крупная и известная фирма (франчайзер или правообладатель) передает по до-

¹ Российская ассоциация франчайзинга // URL://<https://rusfranch.ru/presscenter/>

говору право менее известной и более мелкой фирме (франчайзи или пользователю) лицензию (которая по-другому называется франшиза). Переданная лицензия предназначена для производства или реализации товарной продукции, предоставления работ или услуг под товарным знаком (маркой) правообладателя в указанном регионе (стране) и на оговоренных в договоре условиях и сроке» [2, с. 5].

В целом, исследование литературы показало, что у отечественных ученых нет общей теоретико-методологической базы и обоснования термина «франчайзинг». Данное обстоятельство можно объяснить низкой правовой регламентацией франчайзинга в отечественном законодательстве и отсутствием нормативно-закрепленных определений термина «франчайзинг» и франчайзинговых отношений.

Франчайзинг, как юридическая категория, по сути своей, обладает следующими признаками:

- 1) франчайзинг — это договор;
- 2) механизм франчайзинга предполагает, что одно лицо, называемое франчайзер, имеет возможность предоставить другому лицу, которое называется франчайзи, специально оговоренное в контракте право, дающее возможность применять при ведении бизнеса полный комплекс «принадлежащих франчайзеру исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации товарной продукции или услуг и (или) предприятий»;
- 3) цель использования механизма франчайзинга — рост рынка сбыта товарной продукции или услуг предприятия, который будет осуществлен путем замены непосредственного его участия в правовых отношениях со сторонними лицами другим хозяйствующим субъектом [3, с. 24].

По своему содержанию термины «франчайзинг» и «франшиза» соответствуют содержанию определенных в гл. 54 Гражданского кодекса РФ терминов «коммерческая концессия» и «договор коммерческой концессии».

Термин «коммерческая концессия» применяется в Гражданском кодексе РФ. Договор коммерческой концессии — это договор, по которому один из субъектов предпринимательской деятельности (правообладатель), который имеет отработанную на практике систему ведения промышленной (коммерческой) деятельности в определенной сфере, предоставляет другому субъекту предпринимательской

деятельности (правополучателю) право пользования этой системой (объект исключительного права) за оговоренное вознаграждение (возмездно) на указанных в договоре условиях².

Исследование правовой природы договора коммерческой концессии показало, что он является достаточно сложным. Его конструкция содержит элементы нескольких договоров: договора имущественного найма, лицензионного договора, агентского договора, договора о совместной деятельности. Специфической особенностью договора коммерческой концессии является его предмет. Так, исходя из ст. 1027 ГК РФ, предмет договора коммерческой концессии — это комплекс исключительных прав, которые передаются с целью организации предпринимательской деятельности. Исключительные права могут быть отнесены к двум категориям. В первую очередь, — это право на товарный знак и фирменное наименование. По своей природе данные имущественные права являются общеизвестными и открытыми. Во вторую очередь, — это имущественные права на методы и способы ведения предпринимательской деятельности. Данные права являются ноу-хау правообладателя и относятся к закрытой информации. Права на объекты, которые относятся к промышленной собственности и принадлежат правообладателю, должны обязательно быть оформлены лицензией [1, с. 86].

Характерной чертой договора коммерческой концессии является ряд ограничений, которые также характерны и для агентского и дистрибьюторского договоров. Основным условием является территориальность деятельности пользователя. В целом, перечень всех существующих ограничительных условий, которые можно применять при заключении договора коммерческой концессии, указан в п. 1 ст. 1033 ГК РФ³.

Негативным моментом описанных ограничений является то, что при некоторых обстоятельствах такие ограничения приводят и к ограничению конкуренции, а иногда и нарушают антимонопольное законодательство.

Кроме того, что франчайзинг регулируется законодательно на уровне федерального и муници-

² Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. II) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 18 марта 2019 г., с изм. от 28 апреля 2020 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

³ Там же.

пального законодательства, различные ассоциации международного уровня разрабатывают собственные кодексы поведения, которые также регулируют деятельность франчайзинговых компаний.

Несмотря на достаточно динамичное развитие российского франчайзинга, в целом внедрение данной формы бизнес-партнерства в отечественную экономику сталкивается со значительными трудностями. В правовых публикациях признается как недостаточность регулирования франчайзинга на основе имеющихся положений ГК РФ, так и несовершенство обозначенных норм гл. 54 ГК РФ. Ввиду этого ставится вопрос о необходимости дальнейшего развития правовой базы франчайзинга в России.

Так, ст. 1034 ГК РФ, в которой установлена субсидиарная ответственность франчайзера по предъявляемым к франчайзи требованиям, явно составлена с нарушением основного принципа франчайзинговой схемы — а именно, независимость франчайзера и франчайзи.

Как один из недостатков законодательного регулирования договора коммерческой концессии, можно отметить, что бессрочный договор одна из сторон может расторгнуть с уведомлением за полгода без объяснения причин его расторжения (ст. 1037 ГК РФ). В этом случае, франчайзи могут получить огромные убытки.

Приведем некоторые предполагаемые изменения гл. 54 ГК РФ. В гражданском законодательстве предлагаем:

- ♦ закрепить законодательно термин «франчайзинг» (в ГК РФ);
- ♦ запретить заключение бессрочных договоров и заключать договор на франчайзинг только на определенный срок, так как основным предметом договора на франчайзинг являются исключитель-

ные права (на эти права действия охранных документов ограничены по сроку);

- ♦ исключить подлежащее передаче по договору право на фирменное наименование, так как оно является правом неотчуждаемым и фактически «именем» юридического лица.

В заключение можно отметить, чтобы изменить коммерческую концессию во франчайзинг необходимо кардинально переработать гл. 54 ГК РФ. Думается, что разработка и принятие специального закона о франчайзинге будут способствовать дальнейшему эффективному внедрению франчайзинговых схем в развитие малого бизнеса в России.

Литература

1. *Ворожевич А.С., Гринь О.С., Корнеев В.А. и др. Право интеллектуальной собственности: Учебник / Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. Т. 3. М.: Статут, 2018.*
2. *Еремин А.А. Франчайзинг и договор коммерческой концессии. Теория и практика применения. М.: Юстицинформ, 2017.*
3. *Юрицин А.А. Франчайзинг и договор коммерческой концессии: итоги и перспективы правового регулирования. М.: Юстицинформ, 2018.*

References

1. *Vorozhevich A.S., Grin' O.S., Korneev V.A. i dr. Pravo intellektual'noy sobstvennosti: Uchebnik / Pod obshch. red. L.A. Novoselovoy. T. 3. M.: Statut, 2018.*
2. *Eremin A.A. Franchayzing i dogovor kommercheskoy kontsessii. Teoriya i praktika primeneniya. M.: Yustitsinform, 2017.*
3. *Yuritsin A.A. Franchayzing i dogovor kommercheskoy kontsessii: itogi i perspektivy pravovogo regulirovaniya. M.: Yustitsinform, 2018.*

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, ИЗЫМАЕМЫХ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Павел Игоревич Журило, адъюнкт кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: zhurilo-pavel@mail.ru

Научный руководитель: профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор **Н.Д. Эриашвили**

Аннотация. Рассматриваются тенденции развития законодательства о земле в свете обсуждения проблем, вызванных осуществлением реновации жилого фонда в городе Москве. Ключевым в исследовании ставится правовой вопрос о правовом статусе земель под многоквартирным домом, подлежащим изъятию для муниципальных и государственных нужд.

Ключевые слова: реновация в Москве, право собственности на земельный участок, изъятие для муниципальных и государственных нужд.

ON THE STATUS OF LAND PLOTS SEIZED FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

Pavel Igorevich Zhurilo, Adjunct of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: zhurilo-pavel@mail.ru

Research supervisor: Professor of the Department of Civil and Labour Law, Civil Process of the Moscow University of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor **N.D. Eriashvili**

Abstract. Discussed the development trends of land legislation in the light of a discussion of the problems caused by the renovation of the housing stock in Moscow. The key issue in the study is the legal status of land under an apartment building, subject to seizure for municipal and state needs.

Keywords: renovation in Moscow, ownership of the land, exemption for municipal and state needs.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Журило П.И. К вопросу о статусе земельных участков, изымаемых для государственных и муниципальных нужд. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):155–157.

Стартовавшая в г. Москве программа реновации жилого фонда¹ подняла множество юридических вопросов, связанных с защитой и реализацией прав собственности. Одна из важнейших — отсутствие сведений о расположении границ земельного участка под многоквартирным домом, а также проблему регистрации прав на долю в праве общей долевой собственности на нее.

Ключевой проблемой на сегодняшний день является до сих пор не исполненная надлежащим образом обязанность органов государственной власти и местного самоуправления по образованию земельных участков, на которых расположены многоквартирные дома, установленная Федеральным законом

от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации»².

На сегодняшний день проблема является актуальной и исследуется научным сообществом, а также рассматривается на уровне высших судебных инстанций. Как верно отмечают Н.Д. Эриашвили и

¹ Федеральный закон от 1 июля 2017 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей регулирования отдельных правоотношений в целях реновации жилищного фонда в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве» // СЗ РФ. 2017. № 27. Ст. 3938.

² Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 15.

Т.М. Дауди, говоря о целенаправленном «обеспечении жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при переселении и освобождении жилых помещений в г. Москве»³, в первую очередь, при принятии нормативно-правовых актов, в том числе на уровне субъекта Российской Федерации стоит четко определять его направленность, а значит и содержание. Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 67 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»⁴, если земельный участок не сформирован и в отношении него не проведен государственный кадастровый учет, собственники помещений в многоквартирном доме вправе владеть и пользоваться земельным участком в той мере, в какой это необходимо для эксплуатации ими многоквартирного дома, а также объектов, входящих в состав общего имущества в таком доме. При этом земельный участок, на котором расположен данный дом, должен быть достаточным для размещения на нем элементов озеленения и благоустройства, иных предназначенных для обслуживания, эксплуатации и благоустройства данного дома и расположенных на указанном земельном участке объектов.

Основной целью исследования нами определено рассмотрение практической реализации указанных норм и сопутствующие им проблемы. Так, основной проблемой является ущемление прав и экономических интересов граждан при изъятии собственности.

Впервые данная проблема начала остро проявляться в результате сноса многоквартирных домов, признанных аварийными, а также в результате регистрации и постановки на кадастровый учет земельных участков, расположенных под многоквартирными домами. В результате таких действий суды, нередко, вставали на сторону государственных и муниципальных органов власти⁵, что обусловлено фактическим пользованием гражданами и юридическими требованиями, предъявляемыми к земельным участкам.

Но более всего указанная проблематика проявляется в период проведения реновации жилищного фонда в г. Москве. В частности, при предоставлении равноценного жилого помещения или де-

нежной выплаты возникал вопрос о стоимости доли от общей долевой собственности на земельный участок под многоквартирным домом. Учитывая позицию М.О. Белозерской, которая утверждает, что стоимость земельных участков, на которых в данный момент размещаются многоквартирные дома, подлежащие реновации приближается к 16 трлн руб.⁶, можно смело утверждать, что стоимость земельных участков в г. Москва заметно увеличивает стоимость жилого помещения.

Практическое применения данных тезисов находит свое отражение в действующих нормах законодательства. Статьей 32 Жилищного кодекса Российской Федерации⁷ (далее — ЖК РФ) предусмотрен порядок обеспечения жилищных прав собственников помещений в многоквартирном доме при изъятии земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом (в том числе, в случае признания дома аварийным). Собственникам помещений предлагается либо возмещение за изымаемое жилое помещение, либо другое жилое помещение. Размер возмещения определяется в соответствии с ч. 7 ст. 32 ЖК РФ. В него входит, в том числе, рыночная стоимость общего имущества в многоквартирном доме, включая стоимость земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом. Однако, отсутствие сведений о земельных участках, как мы уже указывали, приводит к значительному ущемлению прав собственников недвижимости при получении возмещения.

На сегодняшний день в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен законопроект № 831790-7⁸, вносящий измене-

³ Эриашвили Н.Д., Дауди Т.М. О некоторых проблемах правового регулирования реновации в городе Москве // Закон и право. 2017. № 9. С. 39–41.

⁴ Постановление пленума ВС РФ и ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Российская газета. 2010, 21 мая.

⁵ Апелляционное определение саратовского областного суда от 25 марта 2015 г. по делу № 33-108 // СПС «Консультант-Плюс».

⁶ Белозерская М.О. Круглый стол в Московской городской Думе «Правовое поле и реновация по-московски» // URL://-http://www.activist.msk.ru/2017/06/blog-post.html

⁷ Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ «Жилищный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14.

⁸ Система обеспечения законодательной деятельности // URL://http://sozd.duma.gov.ru

ния в Жилищный кодекс Российской Федерации и Земельный кодекс Российской Федерации⁹. Так, согласно ст. 1 указанного законопроекта ст. 16 ЖК РФ дополняется ч. 61. Указанная норма позволяет определить правовой статус земельного участка под многоквартирным домом, а значит решение об изъятии земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом и иные объекты недвижимого имущества, входящие в состав многоквартирного дома, для государственных или муниципальных нужд, не может быть принято при отсутствии в Едином государственном реестре недвижимости сведений о местоположении границ этого земельного участка, определенного с учетом расположения на таком земельном участке иных объектов недвижимого имущества, входящих в состав указанного многоквартирного дома. Помимо этого, стоит отметить и ч. 62, которая определяет и то, что образование земельного участка, на котором расположен многоквартирный дом, не может быть осуществлено по границе (контуру) многоквартирного дома. Такая норма, позволяющая соблюсти права и законные интересы жильцов-собственников, таким образом, что без учета площади той территории, без которой невозможно

обслуживание здания и иных объектов, входящих в состав общего имущества жильцов — невозможно осуществить изъятие земельного участка. Помимо этого, дополнительная площадь земельного участка, в конечном итоге, повышает его стоимость, а значит и размер доли каждого собственника жилого помещения, расположенного в многоквартирном доме.

Подводя итог стоит отметить тенденцию, указывающую на то, что при реализации больших проектов, связанных с серьезными экономическими затратами, коим безусловно является программа реновации жилого фонда в г. Москве, всегда проявляются те слабые точки нормативного регулирования, которые вызывают вопросы и споры, а впоследствии, безусловно, требуют рассмотрения и внесения поправок. Рассмотрение в законодательных органах Российской Федерации указанного ранее законопроекта и, надеемся, его дальнейшее принятие говорит о практикоориентированном подходе к регулированию вопросов права собственности.

⁹ Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ «Земельный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

9-е изд., перераб. и доп. Учебник. 687 с.

Гриф МО РФ

Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник»

Гриф НИИ образования и науки

Под ред. Л.В. Тумановой, Н.Д. Амаглобели

На основе современного законодательства системно и комплексно раскрыты основные темы курса: цели, задачи, принципы гражданского судопроизводства, сущность и источники гражданского процессуального права, гражданские процессуальные правоотношения, понятие доказательств и доказывания, участники и сроки судопроизводства, порядок и особенности его ведения. Рассмотрены основные положения арбитражного процесса, нотариата, третейского суда, а также порядок обращения российских граждан в Европейский суд по правам человека.

Особое внимание уделено порядку пересмотра судебных постановлений в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций, особенностям производства по делам, связанным с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов, а также пересмотру по новым или вновь открывшимся обстоятельствам судебных постановлений, вступивших в законную силу.

Учтены последние изменения, внесенные в Гражданский процессуальный кодекс РФ, по состоянию на 1 апреля 2018 г.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений юридического профиля, а также для всех интересующихся вопросами гражданского процесса.

Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя

Гражданский процесс

Учебник

Девятое издание

УДК 347
ББК 67

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10160
© А.П. Иванов, С.В. Игнатьева, 2020

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РЕНОВАЦИИ

Александр Павлович Иванов, адъюнкт кафедры гражданского права и гражданского процесса
Санкт-Петербургский университет МВД России (198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1)
E-mail: Ivanovalexcivil@mail.ru

Светлана Викторовна Игнатьева, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ
Санкт-Петербургский университет МВД России (198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1)
E-mail: svetignateva60@mail.ru

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ **С.В. Игнатьева**

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы гражданско-правового регулирования жилищных прав при осуществлении реновации. Анализируются вопросы юридического толкования понятия «реновация жилищного фонда» и содержания права на жилище. Раскрывается сущность гражданского права на жилище и его доктринальное обоснование. Анализируется законодательство реновации жилищного фонда г. Москвы и рассматривается существующая практика осуществления и защиты жилищных прав физических лиц в процессе реформирования правоотношений реновации в столице. На основе анализа судебной практики в области защиты гражданских прав при осуществлении реновации выявляются наиболее острые проблемы, требующие своего разрешения в данной сфере.

Ключевые слова: гражданско-правовое регулирование, юридическое толкование реновации, жилищный фонд, право на жилище, законодательство реновации, защита гражданских прав, жилищные права физических лиц.

CIVIL REGULATION OF THE PROTECTION OF HOUSING RIGHTS OF INDIVIDUALS DURING THE RENOVATION

Aleksandr P. Ivanov, Adjunct of the Department of Civil Law and Civil Procedure
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (198206, St. Petersburg, ul. Letchika Pilyutova, d. 1)
E-mail: Ivanovalexcivil@mail.ru

Svetlana V. Ignatyeva, Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (198206, St. Petersburg, ul. Letchika Pilyutova, d. 1)
E-mail: svetignateva60@mail.ru

Research supervisor: Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation **S.V. Ignatyeva**

Abstract. Topical issues of civil law regulation of housing rights in the implementation of renovation are considered. The article analyzes the issues of legal interpretation of the concept of housing renovation and the content of the right to housing. The article reveals the essence of the civil right to housing and its doctrinal justification. The article analyzes the legislation of renovation of the housing stock in Moscow and examines the existing practice of implementing and protecting the housing rights of individuals in the process of reforming the legal relations of renovation in the capital. Based on the analysis of judicial practice in the field of civil rights protection during renovation, the most acute problems that need to be resolved in this area are identified.

Keywords: civil law regulation, legal interpretation of renovation, housing fund, right to housing, legislation on renovation, protection of civil rights, housing rights of individuals.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Иванов А.П., Игнатьева С.В. Гражданско-правовое регулирование защиты жилищных прав физических лиц при осуществлении реновации. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):158–161.

Инициированные в последние несколько лет властями программы реновации жилищного фонда актуализировали многочисленные научные дискуссии по проблемам защиты гражданских прав на жилище в свете проводимых реформ.

По целевой направленности реновация городского фонда жилищных застроек (прежде всего столицы и крупных городов страны) призвана решить

проблему приведения этого фона в соответствие с современными требованиями экосистемы и эргономики городской среды, т.е. создания и развития более комфортных условий проживания горожан. В связи с тем, что значительное число жителей городов проживает в коммунальных квартирах, общежитиях и аварийных домах, то необеспеченность комфортной жилой площадью этой категории граждан пред-

ставляет большую социальную проблему, требующую своего разрешения.

Рассмотрим понятие реновации жилищного фонда в отечественной правовой теории.

Термин «реновация», в широком смысле, можно определить как процесс модернизации, реконструкции или восстановления старых и исторических зданий [6], обновление жилого фонда, как правило, мегаполисов и городов средней и малой численности, с целью приведения жилого фонда в соответствие с современными условиями и требованиями комфорта, инфраструктуры городского пространства и среды.

Так, К.И. Кузмечева определяет реновацию жилищного фонда как частичный или полный снос жилищного фонда с последующей подготовкой территории (участка) для нового строительства на высвобождаемой территории¹. В отличие от нее, М.К. Топоркова указывает, что под реновацией жилищного фонда в г. Москве понимается совокупность мероприятий, выполняемых в соответствии с программой реновации жилищного фонда в г. Москве, направленных на обновление среды жизнедеятельности и создание благоприятных условий проживания граждан, общественного пространства в целях предотвращения роста аварийного жилищного фонда в г. Москве, обеспечения развития жилых территорий и их благоустройства². Таким образом, в трактовке М.К. Топорковой значительно расширено понятие реновации, включающая целевую направленность реновационных программ.

Итак, реновация жилищного фонда, в широком смысле, — это постоянное улучшение условий жизни человека. На разных этапах и сроках эксплуатации здания в ее рамках может проводиться ремонт, капитальный ремонт, модернизация, реконструкция и снос. В узком смысле, реновация жилищного фонда — это определенная реновационной концепцией совокупность мероприятий, направленная на предотвращение роста ветхого (аварийного) жилищного фонда, обеспечения развития жилых территорий и их благоустройства, создания современной инфраструктурной среды, отвечающей требованиям городской экокультуры.

В контексте проводимой реформы, направленной на реконструкцию, восстановление или обновление жилого фонда, неизбежным является проблема защиты прав на жилье, особенно, если речь идет о сносе части зданий. В гражданском праве в настоящее время сформировалось понимание права на жилище как права, обладающего сложной правовой природой,

объединяющей естественное и позитивное начала, а его содержание представляется как совокупность правомочий [5, с. 35–43].

Проанализируем более подробно сущность гражданского права на жилище и его доктринальное обоснование и трактовку.

Право на жилище провозглашено в ст. 40 Конституции Российской Федерации.

Жилище — достаточно емкое и широкое понятие. Конституционные признаки жилища вытекают из ч. 1 ст. 27, ч. 2 и 3 ст. 40 Конституции РФ, а также связанными с ней нормами гражданского и жилищного законодательства РФ:

- ♦ жилище должно обладать определенными физическими характеристиками т.е. оно должно быть признанным жилым помещением;

- ♦ жилище должно характеризоваться определенным местом расположения.

Оба эти элемента (жилье и его место расположение), будучи тесно связанными между собой, составляют единое благо. Соответственно, право на жилище в гражданском праве определяется как возможность иметь это благо, пользоваться им и требовать устранения всяческих препятствий в этом [7, с. 152–155].

Таким образом, право на жилище в гражданском праве выражается в различных вещных правах на жилые помещения и включает гражданско-правовые правомочия по владению, пользованию и распоряжению жилым помещением.

Гражданско-правовое содержание права на жилище предполагает для гражданина РФ свободу в выборе жилого помещения для постоянного или преимущественного проживания, которое является для него основным, куда он после непродолжительного либо длительного отсутствия намеревается вернуться и обладает правом пользования, которое служит предварительным условием его регистрации по месту жительства [8, с. 9–14].

Следует отметить, что жилое помещение может быть расположено на любой территории. Выбирая в качестве места жительства жилое строение, расположенное вне территории населенных пунктов, граждане

¹ Кузмечева К.И. Реновация жилищного фонда города Москвы // URL: <http://cyberleninka.ru/article/renovatsiyazhilishnogo-fonda-goroda-moskvy>

² Топоркова М.К. Реализация программы реновации жилищного фонда в городе Москве // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32466545>

должны осознанно принимать те возможные неудобства, которые являются следствием проживания на таких территориях.

По мнению Т.М. Дауди, отсутствие у территории статуса населенного пункта не возлагает на органы публичной власти обязанности по ее благоустройству, созданию и поддержанию коммунальной, транспортной и иных инфраструктур, за исключением решения вопросов, непосредственно связанных с осуществлением основных прав и свобод человека и гражданина [3, с. 47–54].

Если обратиться к международному праву, то можно отметить, что впервые право на жилище было закреплено в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека, которая гласит, что каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи. Показательным является тот факт, что эта идея была поддержана позже в ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

В современном мире трактовка жилища значительно углубилась и функционально расширилась (особенно в контексте, к примеру, столь популярных в последние годы концепций «умных городов» и «умных домов»). Поэтому в настоящее время этому праву придается особое социальное значение.

Жилище — это социальное благо, имущество, объект, на который направлены притязания человека [1, с. 5–10].

Интерес (как в теоретическом, так и прикладном аспектах) представляет анализ взаимосвязи конституционного права на жилище с иными гражданскими правами, так как выявление таких взаимосвязей позволяет определить значимость и ценность каждого из этих закрепленных в ГК РФ и ЖК РФ прав.

Что касается г. Москвы, то в рамках проводимой реновации жилищного фонда был принят ряд законодательных актов (наряду с внесением изменений в действующие нормативные акты), положивший начало программе обновления жилого фонда. Аналогичный федеральный закон был принят в отношении Санкт-Петербурга³.

Анализ законодательства показывает, что реновация направлена на защиту прав и законных интересов граждан, предполагает обеспечение заложенного в за-

коне принципа равнозначности и равноценности обмениваемых жилых помещений.

Однако, многие замечания, высказываемые в ходе дискуссии по поводу реновации, до сих пор обсуждаются в обществе, порождая многочисленные споры и требуя нахождения оптимальных нормативно-правовых решений в области правового регулирования реновационных отношений.

Рассмотрим существующую практику осуществления и защиты жилищных прав физических лиц на примере реновации в г. Москве.

Следует отметить, что реформирование реновационных правоотношений в столице проходило достаточно резонансно, порождая массу протестных мнений, по сути разделив общественное мнение на два лагеря — ее сторонников и противников. В Московский городской суд поступил ряд заявлений, в которых гражданам пытались оспорить законность реновации. Это нашло свое отражение и в многочисленных публикациях, в попытках теоретического осмысления проблемы реализации права на жилище в аспекте как конституционных, так и гражданских прав гражданина РФ.

Противоречие возникает между стремлением населения улучшить свои жилищные условия, с одной стороны, и отсутствием гарантий удобного расположения будущего жилья, соответствующей социальной и транспортной инфраструктуры, — с другой; несовпадение интересов ответственных за реализацию реновации органов управления, с одной стороны, и недоверием многих будущих переселенцев заверениям органов власти относительно получения адекватного условиям жизни жилья, — с другой.

Соответственно, проводимое реформирование, породило не только общественный резонанс, но даже и инициировало ряд судебных исков, обострив в многочисленных дискуссиях по реновации проблему защиты гражданских прав при ее проведении.

При этом ключевой проблемой обращения в суд граждан стала проблема неприкосновенности собственности [2, с. 74–78].

Анализ судебной практики в области защиты гражданских прав в связи с реновацией, позволяет разделить такие споры на следующие виды:

- ♦ спор о законности реновации вообще;

³ Закон г. Санкт-Петербурга от 16 апреля 2008 г. № 238-99 «Об адресной программе Санкт-Петербурга «Развитие застроенных территорий в Санкт-Петербурге» // URL: http://www.gov.spb.ru/norm_baza/npa

♦ споры относительно включения или исключения из программы реновации отдельных видов жилой постройки.

При этом, при формировании и реализации программы реновации ключевым аспектом является наделение собственников недвижимости правом определять судьбу своего имущества.

Следует отметить, что споры о включении в программу реновации или исключении из нее преимущественно разрешались не в пользу собственников.

Таким образом, программа реновации приводит к необходимости принятия судами таких решений, которые бы учитывали мнения большинства собственников. И хотя нормативно-правовая база предусматривает гарантии собственникам жилья, она, в тоже время, не исключает того факта, на который указывает П.И. Журило: «осуществление реновации целиком и полностью экономический проект, ставящий во главу угла не нужды граждан, а экономическую целесообразность и выгоду» [4, с. 140–142].

Обобщая анализ особенностей гражданско-правового регулирования осуществления и защиты жилищных прав физических лиц при осуществлении реновации можно сделать следующие выводы:

♦ в ситуации выбора собственника равнозначного жилья не проработан законодателем механизм определения категории «равнозначное жилое помещение» (которое, помимо площади, предполагает учет таких показателей, как жилое помещение плохого качества, с худшим расположением и неразвитой инфраструктурой микрорайона, время ожидания переселения и др.);

♦ в ситуации выбора равноценного возмещения нет законодательно определенной методики оценки стоимости жилого помещения в многоквартирном доме, включенном в программу реновации, что порождает риски занижения этой стоимости (физический и функциональный износ);

♦ в ситуации вывода дома, подлежащего реновации, из эксплуатации не определен перечень прав выселяемых граждан, что порождает риски их нарушения в процессе выселения.

История реализации программы реновации показала, что с точки зрения права, единственный способ реализовать масштабный проект, каким является реновация жилищного фонда, это начать с изменения федерального законодательства и принятия единого федерального закона, который бы регулировал процесс реновации жилищного фонда на всей территории страны.

Литература

1. Барсукова В.Н. Право человека на достойную жизнь: общая характеристика // Современное право. 2016. № 1. С. 5–10.
2. Беспамятнова Я.Б. Проблема баланса частных и публичных интересов при реализации процедуры реновации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 6 (109). С. 74–78.
3. Дауди Т.М. Реализация жилищных и имущественных прав граждан на жилое помещение при реновации жилищных фондов // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 47–54.
4. Журило П.И. Частные и публичные интересы в правовом поле при осуществлении реновации жилого фонда в г. Москве // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 140–142.
5. Коновальчикова С.С. Содержание конституционного права на жилище и его структура: новые грани // Академический юридический журнал. 2019. № 1 (75). С. 35–43.
6. Прохорова Е.А. О реализации программы реновации в городе Москве // Integral. 2019.
7. Скулкин И.С. Жилищные конституционные права человека и гражданина конституционное право граждан на жилище. Современные научные исследования: актуальные вопросы // Достижения и инновации. 2019. С. 152–155.
8. Тарута С.В., Донгак Ш.Х. Современные научно-теоретические подходы к определению понятия «реновация» // Мат. V Всерос. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. А.С. Полинского. Омск, 2019.

References

1. Barsukova V.N. Pravo cheloveka na dostoynyuyu zhizn': obshchaya kharakteristika // Sovremennoe pravo. 2016. № 1. S. 5–10.
2. Bespamyatnova Ya.B. Problema balansa chastnykh i publicnykh interesov pri realizatsii protsedury renovatsii // Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2019. № 6 (109). S. 74–78.
3. Daudi T.M. Realizatsiya zhilishchnykh i imushchestvennykh prav grazhdan na zhiloe pomeshchenie pri renovatsii zhilishchnykh fondov // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2019. № 2. S. 47–54.
4. Zhurilo P.I. Chastnye i publichnye interesy v pravovom pole pri osushchestvlenii renovatsii zhilogo fonda v g. Moskve // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 1. S. 140–142.
5. Konoval'chikova S.S. Soderzhanie konstitutsionnogo prava na zhilishche i ego struktura: novyye grani // Akademicheskii yuridicheskii zhurnal. 2019. № 1 (75). S. 35–43.
6. Prokhorova E.A. O realizatsii programmy renovatsii v gorode Moskve // Integral. 2019.
7. Skulkin I.S. Zhilishchnye konstitutsionnye prava cheloveka i grazhdanina konstitutsionnoye pravo grazhdan na zhilishche. Sovremennye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy // Dostizheniya i innovatsii. 2019. S. 152–155.
8. Taruta S.V., Dongak Sh.Kh. Sovremennye nauchno-teoreticheskie podkhody k opredeleniyu ponyatiya «renovatsiya» // Мат. V Vseros. nauch.-prakt. konf. / Pod obshch. red. A.S. Polynskogo. Omsk, 2019.

О ДОПУСТИМОСТИ ОГРАНИЧЕНИЙ СВОБОДЫ ЗАВЕЩАНИЯ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мамука Иванович Никитин, старший редактор редакции научных и периодических изданий
Управления организации научной и редакционно-издательской деятельности
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: nikitinmamuka@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа юридической литературы и законодательства о допустимости ограничений свободы завещания недвижимого имущества в Российской Федерации высказано несколько суждений: правовой основой для института завещания недвижимого имущества являются положения ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации; общие положения ч. 3 Гражданского кодекса РФ о завещании недвижимого имущества должны определяться не как принцип диспозитивности, а как общие правила наследования; ограничение свободы завещания, в том числе и недвижимого имущества, может рассматриваться как исключение из общих правил.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция РФ, федеральный закон РФ, гражданское законодательство, Гражданский кодекс РФ (ч. 1, ч. 2, ч. 3, ч. 4), гражданское право, институт, наследование недвижимого имущества, ограничения свободы завещания недвижимого имущества, недвижимое имущество.

ON THE PERMISSIBILITY OF RESTRICTIONS ON THE FREEDOM OF WILLS OF REAL ESTATE OF ORPHANED CHILDREN AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE IN RUSSIAN FEDERATION

Mamuka I. Nikitin, Senior Editor of the Editorial Board of Scientific and Periodical Publications of the Office
for the Organization of Scientific and Editorial and Publishing Activities
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: nikitinmamuka@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of legal literature and legislation on the admissibility of restrictions on the freedom of the will of immovable property in the Russian Federation, several judgements have been made: the legal basis for the institution of the will of immovable property is the provisions of Part 3 of the Civil Code of the Russian Federation; General provisions of part 3 of the Civil Code of the Russian Federation on the will of immovable property should be defined not as the principle of dispensability, but as general rules of inheritance; Restriction of the freedom of the will, including immovable property, may be considered as an exception to the general rules.

Keywords: Russian Federation, legislation, normative legal act, Constitution of the Russian Federation, Federal law of the Russian Federation, civil legislation, Civil code of the Russian Federation (part 1, part 2, part 3, part 4), civil law, Institute, inheritance of immovable property, restrictions on the freedom of will of immovable property, immovable property.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Никитин М.И. О допустимости ограничений свободы завещания недвижимого имущества детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):162–164.

Предметом данной статьи является правовое регулирование завещания недвижимого имущества и допустимость его ограничения.

Первоначально о состоянии теории.

Так, О.Ю. Виноградова обосновала следующее суждение: «Таким образом, в настоящее время, когда нормы наследственного права вполне отчет-

ливо отражают приоритет прав частных и корпоративных наследников по отношению к государству, это стремление находит выражение в расширении роли государства в самом процессе регулирования наследственных правоотношений, и в частности во все более детальной регламентации правил наследования имущества как по закону, так и по завеща-

нию. Однако последняя из названных тенденций, особенно ярко проявившаяся в нормах обновленной ч. 3 ГК РФ, представляется вполне обоснованной»¹.

Авторы — единомышленники (А.А. Ананьева и О.В. Костина) привели «анализ судебной практики по спорам, связанным с завещанием, основное содержание которого направлено на определение последующей судьбы недвижимого имущества» («Итак, особого внимания со стороны законодателя, а также нотариуса как правоприменителя требует порядок составления и удостоверения завещания, частью которого является недвижимость как наиболее ценное имущество, переход которого в наследственных правоотношениях определяется волей завещателя. В связи с вышесказанным необходимы внесение изменений и дополнений в исследуемое в статье законодательство, а также проведение Верховным Судом Российской Федерации обобщения судебной практики и разъяснений для правильного применения по таким делам»)².

Е.А. Останина при рассмотрении принципа диспозитивности в наследственном праве высказала следующее суждение: «В российской повседневности договор о продаже наследства был бы востребован в ситуации, когда наследство, по мнению наследника, невелико, а место открытия наследства (и место нахождения имущества) находится столь далеко от места жительства наследника, что наследник больше заинтересован уступить право на наследство в целом, чем тратить на услуги представителя по оформлению наследственных прав, а затем продавать наследство. Однако очевидно, что, для того чтобы зарегистрировать переход к третьему лицу (покупателю) права собственности на входящую в состав наследства недвижимость, продавец должен сначала принять наследство. Также и нормы корпоративного законодательства, определяющие, в частности, порядок внесения изменений в ЕГРЮЛ или в реестр акционеров, потребуют от наследника сначала принять наследство, а потом уж отчуждать входящие в состав наследства корпоративные права. Поэтому, несмотря на открытый перечень договоров и общее дозволение заключать договоры, как предусмотренные гражданским законодательством, так и не предусмотренные, но не противоречащие ему (ст. 421 ГК РФ), договор о продаже наследства как договор о передаче права на наследство как на единую совокупность, со всеми правами и обязанностями, как из-

вестными, так и неизвестными наследнику, заключаемый в период между открытием наследства и его принятием, в российском гражданском праве вряд ли возможен. Эта невозможность, с одной стороны, защищает кредиторов наследодателя, которым, вероятно, проще будет найти наследника, чем покупателя наследства, и, возможно, больше согласуется с буквальным толкованием воли наследодателя. С другой стороны, возможно, здесь не совсем уместно ограничивается защита интересов наследника. Целесообразность дозволения в российском гражданском праве отчуждать наследство как единый комплекс может составлять предмет дискуссий, как и многие другие вопросы, связанные с проявлением общего гражданского принципа диспозитивности в нормах наследственного права и практике их применения»³.

Противоречивые суждения ученых во многом предопределяют и несовершенство правового регулирования наследования в Российской Федерации⁴.

В Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.⁵ право наследования гарантировано ч. 4 ст. 35.

Данное конституционное положение детализировано в гражданском законодательстве⁶.

Часть 3 от 1 ноября 2001 г.⁷ (введена в действие с 1 марта 2002 г.⁸) Гражданского кодекса РФ посвящена наследованию (разд. V «Наследственное право»⁹).

¹ *Виноградова О.Ю.* Становление и развитие института наследственных правоотношений // *Нотариус.* 2009. № 5. С. 18–20.

² *Ананьева А.А., Костина О.В.* Проблемные аспекты совершения и оспаривания завещаний, основу которых составляет недвижимое имущество // *Нотариус.* 2018. № 6. С. 33–37.

³ *Останина Е.А.* Принцип диспозитивности в наследственном праве: к постановке проблемы // *Наследственное право.* 2015. № 1. С. 16–20.

⁴ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25 декабря 1991 г. для наименования государства использовать исключительно этот термин (*Галузо В.Н.* Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // *Вестник Московского университета МВД России.* 2010. № 5. С. 119–123).

⁵ *СЗ РФ.* 2014. № 31. Ст. 4398; О проблеме неоднократности опубликования Конституции РФ в официальных источниках опубликования подробнее см.: *Галузо В.Н.* Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // *Государство и право.* 2014. № 11. С. 98–102.

⁶ *Эриашвили Н.Д., Галузо В.Н.* О некоторых проблемах институционализации гражданского права в Российской Федерации // *Международный журнал гражданского и торгового права.* 2017. № 3. С. 71–74.

⁷ *СЗ РФ.* 2001. № 49. Ст. 4552; ...; 2019. № 12. Ст. 1224.

⁸ *Федеральный закон РФ от 1 ноября 2001 г. «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»* // *СЗ РФ.* 2001. № 49. Ст. 4553.

⁹ В данном случае вызывает возражение фактическое отождествление категорий гражданского права и гражданского законодательства (*Галузо В.Н.* О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // *Образование. Наука. Научные кадры.* 2009. № 4. С. 27–30).

Особо обращаем внимание на ст. 1119 ГК РФ (ч. 3): «1. Завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, включить в завещание иные распоряжения. Завещатель вправе отменить или изменить совершенное завещание в соответствии с правилами ст. 1130 настоящего Кодекса. Свобода завещания ограничивается правилами об обязательной доле в наследстве (ст. 1149). 2. Завещатель не обязан сообщать кому-либо о содержании, совершении, об изменении или отмене завещания». В названной статье ГК РФ (ч. 3) имеются отсылочные нормы, обязывающие обращаться и к ст. 1149: «1. Несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы наследодателя, подлежащие призванию к наследованию на основании п. 1 и 2 ст. 1148 настоящего Кодекса, наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону (обязательная доля), если иное не предусмотрено настоящей статьей. 2. Право на обязательную долю в наследстве удовлетворяется из оставшейся незавещанной части наследственного имущества, даже если это приведет к уменьшению прав других наследников по закону на эту часть имущества, а при недостаточности незавещанной части имущества для осуществления права на обязательную долю — из той части имущества, которая завещана. 3. В обязательную долю засчитывается все, что наследник, имеющий право на такую долю, получает из наследства по какому-либо основанию, в том числе стоимость установленного в пользу такого наследника завещательного отказа. 4. Если осуществление права на обязательную долю в наследстве повлечет за собой невозможность передать наследнику по завещанию имущество, которым наследник, имеющий право на обязательную долю, при жизни наследодателя не пользовался, а наследник по завещанию пользовался для проживания (жилой дом, квартира, иное жилое помещение, дача и тому по-

добное) или использовал в качестве основного источника получения средств к существованию (орудия труда, творческая мастерская и тому подобное), суд может с учетом имущественного положения наследников, имеющих право на обязательную долю, уменьшить размер обязательной доли или отказать в ее присуждении. 5. Наследник, имеющий право на обязательную долю и являющийся выгодоприобретателем наследственного фонда, утрачивает право на обязательную долю. Если такой наследник в течение срока, установленного для принятия наследства, заявит ведущему наследственное дело нотариусу об отказе от всех прав выгодоприобретателя наследственного фонда, он имеет право на обязательную долю в соответствии с настоящей статьей. В случае отказа наследника от прав выгодоприобретателя наследственного фонда суд может уменьшить размер обязательной доли этого наследника, если стоимость имущества, причитающегося ему в результате наследования, существенно превышает размер средств, необходимых на содержание гражданина с учетом его разумных потребностей и имеющихся у него на дату открытия наследства обязательств перед третьими лицами, а также средней величины расходов и уровня его жизни до смерти наследодателя».

Иначе говоря, в ст. 1149 ГК РФ (ч. 3) предусмотрена юридическая возможность допустимости ограничения свободы завещания, в том числе и недвижимого имущества.

Таким образом, завещание недвижимого имущества в Российской Федерации может рассматриваться в качестве комплексного правового института, нуждающегося в дальнейшем совершенствовании.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, правовой основой для института завещания недвижимого имущества являются положения ч. 3 Гражданского кодекса РФ.

Во-вторых, общие положения ч. 3 Гражданского кодекса РФ о завещании недвижимого имущества должны определяться не как принцип диспозитивности, а общие правила наследования.

В-третьих, ограничение свободы завещания, в том числе и недвижимого имущества, может рассматриваться как исключение из общих правил.

УДК 347.1
ББК 67.404

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10162
© Л.А. Чеговадзе, А.А. Куприянова, 2020

Научная специальность 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

КВАЛИФИКАЦИЯ ДОГОВОРА: ПРАВО СТОРОН ИЛИ ОБЯЗАННОСТЬ СУДА?

Людмила Алексеевна Чеговадзе, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, доктор юридических наук, профессор
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: chegov@mail.ru

Александра Александровна Куприянова, помощник заместителя председателя суда
Арбитражный суд Нижегородской области (603082, Нижний Новгород, Кремль, корп. 9)
E-mail: alex.kirillova@gmail.com

Аннотация. На основе материалов судебной практики обосновывается необходимость предоставления суду права на квалификацию (переквалификацию) договорных отношений и целесообразность нормативного закрепления такого способа защиты, как требование о квалификации договора.

Ключевые слова: договорные споры, толкование, юридическая квалификация, критерии квалификации, способы защиты.

QUALIFICATION OF THE CONTRACT: THE RIGHT OF THE PARTIES OR THE OBLIGATION OF THE COURT?

Lyudmila A. Chegovadze, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Doctor of Legal Sciences, Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: chegov@mail.ru

Aleksandra A. Kupriyanova, Assistant to the Deputy Chairman of the Court
Arbitration Court of the Nizhny Novgorod Region (603082, Nizhny Novgorod, Kreml', korp 9)
E-mail: alex.kirillova@gmail.com

Abstract. Based on the materials of judicial practice justifies the need to grant the court the right to qualify (re-qualify) the contractual relationship and the feasibility of normative consolidation of this method of protection as a requirement for the qualification of the contract.

Keywords: contractual disputes, interpretation, legal qualification, qualification criteria, methods of protection.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Чеговадзе Л.А., Куприянова А.А. Квалификация договора: право сторон или обязанность суда? Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):165–168.

Одной из самых распространенных категорий судебных споров в настоящее время являются споры из правоотношений, закрепленных договором. Будучи юридической конструкцией саморегулирования [4, с. 206], договор широко применяется во всех сферах гражданского оборота. И названные обстоятельства подчас становятся причинами большинства судебных споров, возникающих в связи с неправильным пониманием сторонами правовой природы правоотношений между ними, даже несмотря на заключение поименованного договора.

Разрешение договорного спора в суде предполагает применение той общности норм, которая предназначена для упорядочения возникшей ситуации. В этом деле главную роль играет верное толкование закона в ходе рассмотрения конкретной ситуации (случая, дела, казуса) применительно к особенностям составляющих ее обстоятельств, на которые внимание суда обращают стороны состязательного про-

цесса. И, конечно же, правильная юридическая квалификация, а подчас и переквалификация договорных правоотношений судом.

Понятие юридической квалификации договора не закреплено, о чем юристы говорят как о проблеме: «Ни одна из отраслей права, в том числе и гражданское право — «материнская отрасль права», не содержит определения института изменения юридической квалификации (переквалификации) договора (сделки)» [2]. И проблема не надуманная, учитывая интерес высших судебных инстанций РФ к ее разрешению. Неоднократно указывается, что надлежащая правовая квалификация отношений сторон и возникшего между ними спора является важным условием для правильного его разрешения¹, что, квалифицируя

¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21 апреля 1998 г. № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций» // СПС «КонсультантПлюс».

договорные отношения участников спора, следует исходить из признаков договора и из сути и содержания правоотношения сторон, а не из формы и наименования договора, названия его сторон². В общем и целом, ВС РФ нацеливает на то, что квалификация договора должна предшествовать применению норм материального права и основываться на учете существа законодательного регулирования соответствующего вида обязательств. И чтобы решить, какие нормы отдельных видов обязательств необходимо применить, суд должен соотнести признаки спорного договора и признаки договоров, предусмотренных законом или иным правовым актом, независимо от указанного сторонами наименования квалифицируемого договора, названия его сторон, наименования способа исполнения³. При этом ВС РФ реально закрепил полномочия суда осуществлять переквалификацию ненадлежащего искового требования на надлежащее, указав, что в случае ненадлежащего формулирования истцом способа защиты при очевидности преследуемого им материально-правового интереса суд... определяет, из какого правоотношения возник спор и какие нормы подлежат применению⁴. Тем самым, у суда есть обязанность применять к спорным правоотношениям ту общность норм, которые суд истолкует обеспечивающими надлежащий способ защиты при установлении факта нарушения законных прав и интересов обратившегося с требованием лица.

В то же время, при обзоре научных мнений, касающихся квалификации договора, можно выявить разность позиций относительно данного вопроса. Некоторые ученые, например, полагают, что изменение квалификации спорных правоотношений является изменением предмета иска, чего суд делать не вправе⁵. Другие замечают, что в этих ситуациях «суд сам должен сформулировать и удовлетворить требования, которые... никто не предъявлял» [1, с. 53–90]. Тем не менее, судебная практика пестрит примерами активной позиции судов, когда юридически грамотная квалификация отношений содействует правильному правоприменению⁶.

Квалификацией договора следует считать определение вида правоотношений, закрепленных в договоре, исходя из признаков договора, существа и содержания правоотношения сторон. Переквалификация (изменение юридической квалификации) договора — это надлежащая правовая квалификация закрепленных в договоре правоотношений сторон судом. Согласимся, что квалификация договора напрямую связана с применением соответствующего отраслевого законодательства, которое регулирует отношения участников сторон [2], чему предшествует толкование той общности норм, которая призвана

регулировать сложившиеся отношения сторон. Те отношения, которые по той или причине стороны квалифицируют неверно, что порождает серьезные правовые ошибки и ведет к ненадлежащему исполнению своих обязательств⁷. В этой связи становится актуальным изучение критериев, которые суды используют для правовой квалификации.

Так, в случае с квалификацией отношений из предварительного договора, суды, решая предварительный это договор или, к примеру, договор купли-продажи, исследуют цель внесения оплаты. И если платеж по предварительному договору внесен стороной в целях, иных чем оплата предмета по основному договору, а, например, в счет обеспечения штрафных санкций на случай отказа покупателя от заключения основного договора, это не свидетельствует об уплате цены и такая оплата не дает оснований для квалификации предварительного договора в качестве договора купли-продажи недвижимости с условием о предварительной оплате⁸. Тот же критерий использует правоприменитель, если денежная сумма в рамках предварительного договора внесена в качестве обеспечения неустойки и в последующем засчитана невиновной стороной как неустойка⁹.

При исполнении обязательств оказания услуг суды в качестве критерия квалификации учитывают не только условия договора сторон, но и фактические обстоятельства оказания услуг и содержание обязанностей, складывающихся в ходе реального взаимо-

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 22 октября 1997 г. № 18; постановление Конституционного суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П // СПС «КонсультантПлюс».

³ Пункт 47 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Эрделевский А.М. О судебном подходе к негативному иску // СПС КонсультантПлюс, 2013.

⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25 июня 2018 г. № Ф06-34377 по делу № А57-14932/2017, от 5 сентября 2018 г. № Ф06-36985/2018 по делу № А12-6574/2017.

⁷ Пункт 2 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 января 2013 г. № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 304-ЭС17-7216 по делу № А27-11187/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 10 мая 2017 г. по делу № А40-228055/16 // СПС «КонсультантПлюс».

действия сторон¹⁰. Поскольку «закрепленная правом форма явления заполняется совокупностью обстоятельств, формальные свойства и признаки которых учтены правом в качестве значимых» [3, с. 18–35].

Примером тому, какие критерии использует практика при квалификации отношений, возникших из договора подряда или поставки, может служить договор на изготовление товара по выбранному образцу из ПВХ профиля. Подрядчик обратился с иском к заказчику об оплате стоимости поставленного товара (изделия, изготовленные по выбранному образцу из ПВХ профиля). В удовлетворении исковых требований судом отказано, поскольку доказательств выполнения работ (подписанные сторонами акты выполненных работ) истцом не представлено. Обращаясь в суд, истец был убежден, что между ним и ответчиком возникли отношения по договору поставки, в связи с чем представил в суд товарные накладные на поставку товара. Суд разъяснил, что, исходя из сути и содержания правоотношений сторон, их следует квалифицировать как возникшие из договора подряда, где вознаграждение оплачивается по факту достижения результата работ, а не передачи материалов¹¹.

В рассмотренном случае с договором подряда выявлено неправильное оформление действий по исполнению обязательств в связи с неверной квалификацией договора в качестве договора поставки, а не подряда. Именно неправильное понимание истцом существа отношений и их законодательного регулирования привело к отказу в иске. Истец полагал, что он действовал надлежащим образом, исполняя договор поставки, а суд отказал потому, что факт сдачи-приемки результатов работ не подтвержден материалами дела. «При перечисленных обстоятельствах, — указал суд, — представленные договоры следует квалифицировать как договоры подряда, так как заказчик по договорам (ответчик), заказывал работы по изготовлению средствами и силами истца как подрядчика индивидуально-определенных вещей (по эскизам). Истец как подрядчик должен был изготовить и передать истцу индивидуально-определенные вещи (окна из профиля ПВХ). В рассматриваемых договорах поставка изделий является составляющей обязанности по передаче изготовленной индивидуально-определенной вещи и не может определять вид договора»¹².

Отсутствие нормативного правила о юридической квалификации гражданских правоотношений, разнящийся подход ученых к обязанности судов переквалифицировать правоотношения сторон приводят к правовой неопределенности вопроса. Пробел в данной части можно устранить только путем прямого закрепления в законе понятия «квалификация договора» и формирования механизма реализации

института квалификации и применения последствий переквалификации договора. В качестве механизма применения института квалификации и переквалификации договора можно предложить два варианта правового регулирования отношений юридической квалификации (переквалификации) спорных договорных отношений.

Первый вариант, могущий привести к устранению правовой неопределенности вопроса о юридической квалификации договорных отношений, — это нормативное закрепление обязанности суда при рассмотрении спора переквалифицировать договор, определив существо сложившихся правоотношений и их правовые последствия, и для разрешения дела применить соответствующую общность норм и правил. При этом следует исходить из того, что ссылка истца в исковом заявлении на не подлежащие применению в данном деле нормы права сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования¹³. Суд, выявив нарушение прав истца и квалифицировав должным образом правоотношения сторон, обязан обеспечить защиту нарушенного права, для чего после разбора спора по существу выносит решение об удовлетворении «измененных» им требований. В ином случае, когда суд не усматривает нарушения субъективного права истца в рамках переквалифицированных им правоотношений, он отказывает в удовлетворении исковых требований.

Вторым вариантом разрешения вопроса является предоставление права на подачу самостоятельного иска о квалификации договора. И такой способ защиты также должен быть нормативно закреплен. Имея возможность использовать в качестве способа защиты требование о квалификации договора (речь идет о подаче иска с требованием о признании действительного спорного договора договором другого типа, например, не договором перевозки, а договором возмездного оказания услуг), стороны договора полу-

¹⁰ Пункт 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции»; постановления: Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21 февраля 2019 г. № Ф07-1231/2019 по делу № А13-13259/2016, Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 октября 2015 г. № 13АП-20490/2015 по делу № А56-15734/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда РФ от 14 августа 2018 г. по делу № А58-1062/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 14 августа 2018 г. № 04АП-3951/2018 по делу № А58-1062/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Пункт 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

чат определенный правовой результат — установят круг своих прав и обязанностей в рамках конкретных правоотношений, исключив права и обязанности, не входящие в содержание данного вида правоотношений. Речь идет не только о защите нарушенного права, но и о предотвращении нарушения (угрозы нарушения). Поскольку договор является юридической конструкцией, при исполнении своих обязательств стороны должны руководствоваться не только действующим законодательством, но и условиями договора. В том же случае, когда условия договора не соответствуют существу законодательного регулирования фактически сложившихся между лицами отношений, действия по исполнению обязательств на условиях договора могут привести к нарушению прав и имущественных интересов участников. И такой способ защиты как квалификация договора позволит сторонам при возникновении угрозы нарушения права предотвратить нарушение, когда лица будут обязаны действовать строго в рамках определенного судом вида договорных правоотношений. Это может послужить разрешению вопросов о дальнейшем ненадлежащем исполнении сторонами своих обязательств, не дожидаясь причинения убытков или иных нарушений.

В качестве образца гражданско-правового регулирования переквалификации отношений, можно использовать пример квалификации отношений при совершении притворной сделки. Некоторые ученые считают, что изменение юридической квалификации в гражданском праве — это институт признания сделок недействительными [2]. Сделки с пороками содержания признаются недействительными вследствие расхождения условий сделки с требованиями закона (мнимые и притворные сделки). «Признание такой сделки недействительной не требует обращения в суд...», считают отдельные авторы [2]. Однако это не совсем так.

Верховный суд РФ разъяснил, что притворная сделка (совершенная с целью прикрыть другую сделку) является недействительной с момента ее совершения, независимо от признания ее таковой судом (ничтожная сделка). При наличии притворной сделки судом применяются последствия совершения притворных сделок — применение к прикрываемой сделке относящихся к ней правил с учетом существа и содержания такой прикрываемой сделки¹⁴.

Из вышеизложенного следует, что правовым результатом выявления притворной сделки является надлежащая квалификация сделки с учетом ее действительного существа и содержания. Однако, признание притворной сделки недействительной не может считаться надлежащим закреплением в гражданском законодательстве института переквалификации догово-

ра и признаваться универсальным механизмом для переквалификации договора, поскольку далеко не все сделки, нуждающиеся в переквалификации и надлежащем исполнении, являются притворными или мнимыми, т.е. совершенными с целью прикрыть другую сделку, либо без цели ее совершения. В гражданском праве презюмируется, что стороны действуют добросовестно, пока не доказано иное. В случае с притворностью речь идет о намеренном недобросовестном поведении сторон (преследуемая сторонами цель). Таким образом, можно считать, что недействительность сделок и право суда на определение надлежащей правовой квалификации сделок является закрепленной в законе частью механизма квалификации только в случае совершения оспоримой или ничтожной сделки. Остальные случаи — это неурегулированная законодательством возможность (обязанность) суда по квалификации (переквалификации) договора, заключенного сторонами без целей, определенных для недействительных сделок, однако с пороками содержания, приведшими к негативным правовым последствиям (ненадлежащее исполнение обязательств). Унифицируя институт квалификации договора в гражданском праве, можно урегулировать вопрос правовой определенности отношений сторон и, тем самым, избежать ряда существующих правовых проблем.

Литература

1. Белов В.А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 11. С. 53–90.
2. Тарусина Н.Н., Лушников А.М., Лушникова М.В. Социальные договоры в праве: Моногр. М., 2017.
3. Чеговадзе Л.А. Юридический факт как средство формальной определенности явлений // Мат. Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. И.С. Канзафаровой. Одесса, 2013.
4. Чеговадзе Л.А., Демин А.А. Договор и договорное регулирование: Моногр. Н. Новгород, 2014.

References

1. Belov V.A. «Dvadsat' pyatoe» Postanovlenie Plenuma: tolkovanie ili... zakonodatel'stvo? // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF. 2015. № 11. S. 53–90.
2. Tarusina N.N., Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Sotsial'nye dogovory v prave: Monogr. M., 2017.
3. Chegovadze L.A. Yuridicheskiy fakt kak sredstvo formal'noy opredelennosti yavleniy // Mat. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / Pod red. I.S. Kanzafarovoy. Odessa, 2013.
4. Chegovadze L.A., Demin A.A. Dogovor i dogovornoe regulirovanie: Monogr. N. Novgorod, 2014.

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДИВЕРСИЮ

Мевлуд Демуралович Давитадзе, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, доктор юридических наук, профессор
Одинцовский филиал МГИМО (У) МИД России (143007, Московская область, Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3)
E-mail: md2063@mail.ru

Аннотация. Рассматривается уголовная ответственность за диверсию. Дается расширенное толкование «иных действий» и предлагается новая редакция ст. 281 УК РФ, предусматривающей ответственность за диверсию.

Ключевые слова: диверсия, уголовная ответственность, иные действия, взрыв, поджог, социальная стабильность, экономическая безопасность, обороноспособность.

CRIMINAL LIABILITY FOR SABOTAGE

Mevlud D. Davitadze, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Doctor of Legal Sciences, Professor
Odintsovo Branch MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (143007, Moscow region, Odintsovo,
ul. Novo-Sportivnaya, d. 3)
E-mail: md2063@mail.ru

Abstract. Criminal liability for sabotage is being considered. An expanded interpretation of «other actions» is given and a new version of article 281 of the criminal code of the Russian Federation is proposed, which provides for responsibility for sabotage.

Keywords: sabotage, criminal liability, other actions, explosion, arson, social stability, economic security, defense capability.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Давитадзе М.Д. Уголовная ответственность за диверсию. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):169–173.

Среди преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства особое место занимает диверсия.

Диверсия (от лат. *Diversio* — «отклонение, отвлечение») — скрытные, тщательно подготовленные специальные мероприятия диверсионно-разведывательных групп (ДРГ) или отдельных разведчиков-диверсантов по выводу из строя наиболее важных объектов или их элементов путем подрыва, поджога, затопления, а также применения иных способов разрушения, не связанных с ведением боя для достижения цели¹.

Как известно, первоначально «диверсией» назывались военные операции, производимые незначительными специально обученными силами для дезориентации противника, отвлечения его внимания и сил с главного направления. Термин «диверсия» изменил свое значение с появлением бризантных взрывчатых веществ (таких, как динамит), что позволяло небольшим группам осуществлять в тылу неприятеля эффективную деятельность по нанесению существенного вреда противнику².

В последующем особое развитие диверсия как способ вооруженной борьбы получила в Первой и Второй мировых и Великой отечественной войнах.

Главная цель акта диверсии в период военного времени заключалась в нанесении максимального ущерба противнику путем уничтожения живой силы, вывода из строя военной техники, транспортной коммуникации и иных особо значимых объектов, обеспечивающих боеспособность, обороноспособность и его экономическую мощь.

Следует отметить, что диверсия как вооруженный метод борьбы с противником имеет место быть не только в военное время, но и в мирное, особенно в завуалированной форме, когда она может стать весьма эффективным способом дестабилизации и представлять особую угрозу основам конституционного строя и безопасности государства.

Из истории развития уголовного законодательства Советской России известно, что первоначально ответственность за преступления диверсионного характера предусматривались в ст. 58¹, 58^{1а}—58^{1г} и 58²—58¹⁴ УК РСФСР 1922 г., которые в редакции 1926 г. и более поздних редакциях устанавливали ответственность за контрреволюционную деятельность. Первого января 1961 г. ответственность за

¹ URL://<https://ru.wikipedia.org/>

² Там же.

контрреволюционные преступления была отменена в связи с вступлением в действие УК РСФСР 1960 г.³.

Статья 68 УК РСФСР, предусматривающая ответственность за диверсию, к преступлениям подобного рода относил «разрушение или повреждение взрывом, поджогом или иным способом предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи либо другого государственного или общественного имущества, совершение массовых отравлений или распространение эпидемий и эпизоотий с целью ослабления Советского государства».

За данное преступление, с учетом ее общественной опасности, предусматривалось наказание лишением свободы на срок от 8 до 15 лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества.

Преступления диверсионного характера и после развала Советского Союза не утратили свою общественную опасность и в ст. 281 УК РФ 1996 г. нашли свое отражение.

В ч. 1 указанной статьи ответственность предусматривается за «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации».

В ч. 2 ст. 281 УК РФ содержатся квалифицированные признаки диверсии. В ней ответственность предусматривается, если действия, предусмотренные в ч. 1 указанной статьи, совершены организованной группой; повлекли причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий.

А в ч. 3 ст. 281 УК РФ ответственность предусматривается за «деяния, предусмотренные ч. 1 или 2 настоящей статьи, если они повлекли умышленное причинение смерти человеку».

Если сравнить содержания ст. 68 УК РСФСР и ст. 281 УК РФ, то по описанию диверсионных преступлений они в целом идентичные, но при этом они отличаются по структуре. Если ст. 68 УК РСФСР состоит из основного (простого состава), то ст. 281 УК РФ содержит как основной (простой) состав (ч. 1), квалифицирующие признаки (ч. 2) так и особо квалифицирующий состав (ч. 3).

Ответственность и наказание за диверсию с учетом ее общественной опасности по УК РФ предусматриваются в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет (ч. 1), на срок от 12 до 20 лет (ч. 2) и на срок от 15 до 20 лет или пожизненным лишением свободы (ч. 3).

Объекты преступления как по ст. 68 УК РСФСР, так и по ст. 281 УК РФ в целом совпадают: экономическая безопасность и обороноспособность (по ст. 68 УК РСФСР — СССР) Российской Федерации.

Объективная сторона выражается в совершении взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения.

Предметом преступного посягательства являются предприятия, сооружения, пути и средства сообщения, средства связи, объекты жизнеобеспечения населения страны и др.

В качестве способа совершения данного преступления в диспозиции ст. 281 УК РФ указаны: взрыв⁴, поджог⁵ или иные действия; при этом следует отметить, что их содержание совпадает со способами совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ).

Под иными действиями в рамках данной редакции ст. 281 УК РФ понимаются деяния, направленные на уничтожение или повреждение предметов, указанных в диспозиции данной статьи, и которые могут состоять в механическом, физическом, химическом и других способах воздействия на них, в результате чего предметы уничтожаются или утрачивают свое назначение, приводятся в непригодное для целевого использования состояние. Как видно из редакции ст. 281 УК РФ, законодатель оставил перечень действий, направленных на уничтожение или повреждение предметов диверсии, открытым. Это дает основание и возможность рассматривать в качестве таковых не только общеопасные противоправные действия (обвал, затопление шахт, организация крушения на железнодорожном транспорте и т.д.), но и другие действия.

На наш взгляд, сущность и уголовно-правовая характеристика диверсии гораздо шире, чем представляется в редакции ст. 281 УК РФ.

³ URL://<https://ru.wikipedia.org/>

⁴ Согласно п. 3 ст. 2 ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ взрыв — быстрое химическое превращение среды, сопровождающееся выделением энергии и образованием сжатых газов. В результате взрыва вещество, заполняющее объем, в котором происходит освобождение энергии, превращается в сильно нагретый газ с очень высоким давлением. Этот газ с большой силой воздействует на окружающую среду, вызывая ее движение. В твердой среде взрыв сопровождается ее разрушением и дроблением.

⁵ Поджог — умышленные действия виновного, приводящие (как и при взрыве) к уничтожению и повреждению предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения.

Как известно, способы совершения диверсии и террористического акта идентичны, за исключением направленности их действий и цели совершения, однако диверсия содержит в себе гораздо более существенную опасность, чем тот же террористический акт. Известно, что террористические акты в мирное время совершаются террористическими группами (организациями) открыто и часто могут носить единичный характер. Террористические акты, несмотря на их общественную опасность, особенно в мирное время, не могут существенно повлиять на устои политической системы и обороноспособность государства.

А диверсия по своей сути, особенно в мирное время, если она осуществляется завуалировано (под прикрытием благих намерений) с далеко идущим разрушительным планом против интересов страны, представляет гораздо более существенную опасность против основ конституционного строя и безопасности государства, чем те же террористические акты или же действия, указанные в ч. 1 ст. 281 УК РФ.

В связи с вышеуказанным, на наш взгляд, «под иными действиями...» в рамках редакции ст. 281 УК РФ следует понимать действия, направленные против социальной стабильности общества, экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации, т.е. против основ конституционного строя и безопасности государства.

Под «иными действиями» в рамках ст. 281 УК РФ следует рассматривать умышленные деяния, направленные на:

- ♦ нарушение принципа незыблемости Конституции;
- ♦ узурпацию власти;
- ♦ сворачивание демократических институтов народовластиа;
- ♦ посягательство на конституционные права граждан;
- ♦ разрушение экономического потенциала страны;
- ♦ разграбление национального богатства;
- ♦ поощрение и покровительство коррупции;
- ♦ снижение благосостояния, т.е. обнищание значительной части населения;
- ♦ уничтожение или деградация институтов социального назначения;
- ♦ создание условий, негативно влияющих на демографическую ситуацию страны;
- ♦ срыв обороноспособности страны;
- ♦ умышленное нарушение общепризнанных принципов международного права и международных договоров Российской Федерации;
- ♦ разжигание межнациональной и религиозной нетерпимости и конфликтов;
- ♦ изоляцию страны от внешнего мира.

Суть указанных действий с точки зрения уголовного права понимается в следующем.

1. Под **нарушением принципа незыблемости Конституции** следует понимать внесение изменений в Конституцию с нарушением положений гл. 9 Конституции РФ.

2. **Узурпация власти** представляет собой противозаконное удержание власти путем фальсификации выборов или путем различных манипуляций, т.е. внесения соответствующих изменений в Конституцию и действующее законодательство, направленных на легитимацию власти.

3. **Сворачивание демократических институтов народовластиа** означает нивелирование, формализацию или фальсификацию, игнорирование результатов выборов, не отвечающих интересам власти и др.

4. **Посягательство на конституционные права граждан** предполагает ущемление или игнорирование конституционных прав и свобод граждан, издание законов, ущемляющих или отменяющих социальные, экономические или политические права граждан и др.

5. Под **разрушением экономического потенциала страны** понимается умышленное, целенаправленное разрушение экономического потенциала страны, порождающее массовую безработицу, пагубно сказывающееся на социальной стабильности, экономической безопасности и обороноспособности страны.

6. **Разграбление национального богатства** — это бесконтрольное и незаконное присвоение или вывоз природных богатств за пределы страны. К разграблению национального богатства следует также отнести невозвращение из-за рубежа средств, полученных за счет реализации природных богатств страны.

7. **Поощрение и покровительство коррупции** предполагает попустительство, поощрение коррупции во всех сферах жизни, особенно в высших эшелонах власти, противодействие борьбе с коррупцией. Как известно, коррупция поражает всю систему государственного управления, тем самым нанося непоправимый ущерб социальной стабильности, экономической безопасности и обороноспособности страны.

8. **Снижение благосостояния, т.е. обнищание значительной части населения**, заключается в низком уровне оплаты труда, низких пенсиях, неоправданно высоких ценах в сфере услуг, ЖКХ, на продукты питания, товары первой необходимости, а также высоких и многочисленных налогах, массовой безработице и др.

9. **Уничтожение или деградация институтов социального назначения** представляет собой целенаправленное уничтожение или сокращение объектов здравоохранения, образования и др.

10. **Создание условий, негативно влияющих на демографическую ситуацию страны;** предполагает создание условий, препятствующих гражданам, особенно молодым семьям, приобретать за доступные, минимальные цены или получать бесплатно жилье, что является главным в жизни каждого человека, особенно для молодых. Наличие жилья позволяет людям создавать семьи и вносить свой вклад в естественный рост населения. Без решения жилищного вопроса в условиях высоких цен в сфере услуг, на товары первой необходимости и низкой оплаты труда рассчитывать на решение демографических проблем не приходится, даже при наличии материнского капитала. Как известно, демографическая составляющая играет огромную роль в обеспечении экономической безопасности и обороноспособности страны.

11. **Срыв обороноспособности страны** заключается в уничтожении ВПК, срыве оборонных заказов, уничтожении экономического потенциала страны, отсутствии единого центра управления системой обороны, а также высокопрофессиональных специалистов как в оборонном секторе, так и в командном составе ВС РФ, низком уровне профессиональной подготовки войск и др.

12. **Умышленное нарушение общепризнанных принципов международного права и международных договоров Российской Федерации** служит поводом для ухудшения международного положения страны, что предполагает наступление негативных последствий для страны в деле межгосударственного, в том числе экономического, сотрудничества с зарубежными странами, особенно в сфере высоких технологий. Как известно, осложнение международных отношений страны по указанному поводу влечет применение санкционных мер, негативно влияющих не только на авторитет страны, его экономическую безопасность, но и на обороноспособность страны.

13. **Разжигание межнациональной и религиозной нетерпимости и конфликтов** — умышленные, целенаправленные действия, в том числе через средства массовой информации, сети Интернет, направленные на возбуждение межнациональной, межрасовой или религиозной вражды и нетерпимости. В многонациональном государстве, каким является РФ, такие действия могут иметь катастрофические последствия не только для социальной стабильности общества, мирного сосуществования представителей различных наций и конфессий, но и для экономической безопасности и обороноспособности страны.

14. **Изоляция страны от внешнего мира** предполагает закрытие страны т.е. доведение до минимума уровня международного сотрудничества. Изоляция страны, по сути, может превратить ее в осажденный

бастион, что соответственно повлечет за собой ухудшение социально-экономического положения страны, огромные неоправданные расходы на оборону, что в совокупности может иметь непоправимые последствия для цивилизованного развития общества и государства.

Следует отметить, что указанные действия (которые могут быть скорректированы законодателем) в целом можно признать преступлениями диверсионного характера, если они непосредственно направлены на подрыв социальной стабильности общества, экономической безопасности и обороноспособности РФ или в результате их совершения наступают соответствующие последствия.

Ввиду того, что предполагаемые вышеперечисленные «иные действия» могут быть совершены только лицом (или лицами), наделенным особым правовым статусом, т.е. должностным или служебным положением, необходимо в ч. 2 указанной статьи включить квалифицирующий признак «лицом с использованием своего служебного положения», предусматривающий ответственность для такой категории лиц.

В связи с вышеуказанным считаем целесообразным ст. 281 УК РФ изложить в следующей редакции.

Ст. 281 УК РФ «Диверсия».

1. Совершение взрыва, поджога, повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения или иных действий, направленных на: нарушение принципа незыблемости Конституции, узурпацию власти, сворачивание демократических институтов народовластия, посягательство на конституционные права граждан, разрушение экономического потенциала страны, разграбление национального богатства, поощрение и покровительство коррупции, снижение благосостояния, т.е. обнищание значительной части населения, уничтожение или деградацию институтов социального назначения, создание условий, негативно влияющих на демографическую ситуацию страны, срыв обороноспособности страны, умышленное нарушение общепризнанных принципов международного права и международных договоров РФ, разжигание межнациональной и религиозной нетерпимости и конфликтов, изоляцию страны от внешнего мира в целях подрыва социальной стабильности общества, экономической безопасности и обороноспособности РФ **наказывается лишением свободы на срок от 10 до 15 лет.**

2. Те же деяния:

а) совершенные лицом с использованием своего служебного положения;

б) совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

в) повлекшие причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий **наказываются лишением свободы на срок от 12 до 17 лет.**

3. Деяния, предусмотренные ч. 1 или 2 настоящей статьи, если они повлекли:

- ♦ подрыв социальной стабильности, экономической безопасности, обороноспособности РФ;

- ♦ умышленное причинение смерти человеку или массовую гибель людей **наказываются лишением свободы на срок от 15 до 20 лет с конфискацией имущества или пожизненным лишением свободы.**

Как правило, обязательным признаком диверсии (кроме способа и направленности) является ее конечная цель, в качестве которой выступают экономическая безопасность и обороноспособность РФ, а также, на наш взгляд, и социальная стабильность общества.

Экономическая безопасность Российской Федерации представляет собой состояние экономики, обеспечивающее достаточный уровень существования, функционирования и развития страны, а также неуязвимость ее экономических интересов к возможным внешним и внутренним угрозам.

Под **обороноспособностью** понимается уровень подготовленности экономики, населения и вооруженных сил страны к отражению внешней агрессии любого характера, защите территориальной целостности и независимости Российской Федерации.

А под **социальной стабильностью общества** следует понимать устойчивое состояние социальной системы общества и ее институтов, определяемых Конституцией страны, с учетом общепризнанных принципов международного права и законодательства страны.

К **лицам с использованием своего служебного положения** в контексте данной нормы следует относить занимающих государственные должности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами и конституциями или уставами субъектов Российской Федерации соответственно (в том числе высшие должностные лица соответствующего уровня, проходящие военную службу и службу в правоохранительных органах) для непосредственного исполнения полномочий государственных органов.

Согласно п. 3 ст. 35 УК РФ **организованной группой** признается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

Под **значительным ущербом** следует понимать реальный вред, который был причинен в результате

совершения деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 281 УК РФ. Размер ущерба в данном случае является оценочным признаком, содержание которого подлежит установлению исходя из конкретной ситуации и фактов, связанных с совершенным деянием.

Наступлением иных тяжких последствий является срыв выполнения оборонных заказов, остановка производства социально значимых объектов, вывод из строя крупных транспортных узлов, неосторожное причинение смерти, умышленное или неосторожное причинение вреда здоровью человека и др.

Подрыв социальной стабильности — это разрушение социальных институтов, дестабилизация общественных отношений в стране, подрыв доверия населения к органам власти и др.

Подрыв экономической безопасности страны заключается в выводе из строя особо важных промышленных, сельскохозяйственных и социальных объектов страны или отдельного региона, нарушающее стабильное функционирование всего экономического механизма страны или региона.

Под **подрывом обороноспособности страны** следует признать нарушение единого механизма управления вооруженными силами, разрушение военно-промышленного комплекса, невыполнение оборонного заказа, недостаточное материально-техническое обеспечение войск, расстановка на ответственных командных постах некомпетентных лиц, срыв морально-боевой подготовки войск, армии, низкий уровень социальной защиты военнослужащих и др.

Массовая гибель людей в результате преступлений диверсионного характера — причинение смерти неопределенному количеству лиц (множеству людей).

Следует отметить, что все деяния, описанные в предложенной редакции ст. 281 УК РФ, начиная от взрыва, поджога, повреждения предприятий и заканчивая созданием условий, негативно влияющих на демографическую ситуацию страны (и др.), могут весьма губительно сказаться на социальной стабильности общества, экономической безопасности и обороноспособности страны.

Субъективная сторона диверсии характеризуется прямым умыслом и специальной целью — подорвать социальную стабильность, экономическую безопасность и обороноспособность РФ.

Субъект диверсии — как общий, т.е. лицо, достигшее возраста 16 лет, так и специальный.

Предложенные изменения в ст. 281 УК РФ на современном этапе будут способствовать восполнению существующего пробела в прежней редакции и всецело могут охватить ответственность за преступления диверсионного характера.

УДК 343
ББК 67.4

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10164
© С.В. Иванцов, А.И. Добренков, 2020

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ФУНКЦИИ И ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Сергей Вячеславович Иванцов, профессор кафедры криминологии, доктор юридических наук, профессор Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: isv1970@mail.ru

Алексей Иванович Добренков, преподаватель кафедры организации деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения Московский областной филиал ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» (143100, Московская область, Рузский район, пос. Старотеряево)
E-mail: aidobrenkov@mail.ru

Аннотация. Раскрывается место органов внутренних дел в системе субъектов предупреждения дорожно-транспортных преступлений несовершеннолетних. Анализируется роль конкретных служб и подразделений в данной работе.

Ключевые слова: дорожно-транспортная преступность, преступность несовершеннолетних, система предупреждения, органы внутренних дел.

THE INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE SYSTEM OF PREVENTING ROAD TRAFFIC CRIMES OF MINORS: FEATURES AND ISSUES

Sergey V. Ivantsov, Professor of Department of Criminology, Doctor of Legal Sciences, Professor Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: isv1970@mail.ru

Aleksey I. Dobrenkov, Lecturer of Department of the Organization of Activity of Divisions of Traffic Safety Moscow Regional Branch of FGKOU VO «Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'» (143100, Moscow region, Ruzskiy rayon, pos. Staroteryayevo)
E-mail: aidobrenkov@mail.ru

Abstract. The role of the internal affairs agencies in the system of subjects for the prevention of road traffic crimes of minors is revealed. The role of specific services and units in this work is analysed.

Keywords: traffic crime, juvenile delinquency, warning system, internal affairs agencies.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Иванцов С.В., Добренков А.И. Органы внутренних дел в системе предупреждения дорожно-транспортных преступлений несовершеннолетних: функции и проблемные вопросы. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):174–179.

На сегодняшний день в Российской Федерации создана государственная система профилактики правонарушений, представляющая собой конгломерат взаимосвязанных систем профилактики, действующих в отдельных сферах общественных отношений, одной из которых является предупреждение дорожно-транспортных преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Осуществляется оно субъектами профилактики, перечень которых, не ограничивается утвержденным законодателем¹, а дополняется общественными организациями, отдельными гражданами и др. Все вместе они образуют систему субъектов предупреждения, под которой понимается совокупность государственных и негосударственных органов,

организаций, учреждений, иных формирований и отдельных граждан, осуществляющих деятельность, приводящую к ликвидации факторов, способствующих совершению несовершеннолетними дорожно-транспортных преступлений.

В структуре данной системы можно выделить субъекты, которые, как сложилось на практике, в предупреждении дорожно-транспортных преступлений несовершеннолетних играют основную роль и субъекты, которые, как правило, выполняют вспомогательную функцию.

¹ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

К первым относятся:

- ♦ подразделения ГИБДД МВД России;
- ♦ подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

Ко вторым относятся:

- ♦ иные подразделения органов внутренних дел (участковые уполномоченные, следственные подразделения, подразделения уголовного розыска и др.);
- ♦ комиссии по делам несовершеннолетних;
- ♦ образовательные организации;
- ♦ учреждения здравоохранения;
- ♦ подразделения МЧС России;
- ♦ иные органы государственной власти и муниципального управления;
- ♦ общественные организации и объединения;
- ♦ отдельные граждане.

Центральное место в данной системе занимают органы внутренних дел, т.е. специализированный субъект профилактики не только преступности несовершеннолетних, но и других их общественно опасных девиаций [10, с. 72]. Более того, государственная система предупреждения преступлений во многом ассоциируется именно с ОВД [12, с. 121]. При этом сама структура ОВД отличается многообразием служб и подразделений ОВД, каждое из которых осуществляет конкретные функции, благодаря чему ОВД представляют собой своеобразную подсистему профилактики отклоняющегося от нормы поведения правонарушителей [5, с. 52]. При этом следует выделить из всей структуры ОВД службы, деятельность которых в наибольшей степени приводит к снижению дорожно-транспортных преступлений несовершеннолетних. К ним относятся следующие структуры.

1. Подразделения Государственной инспекции безопасности дорожного движения органов внутренних дел.

ГИБДД МВД России в рамках реализации государственной функции призвана осуществлять контроль за соблюдением несовершеннолетними требований законодательства в области безопасности дорожного движения. При этом сотрудники Госавтоинспекции на постоянной основе проводят целенаправленную профилактическую работу с юными участниками дорожного движения. Вместе с тем, в структуре ГИБДД МВД России есть множество различных подразделений, которые осуществляют данную работу в рамках своей компетенции, однако, мы выделяем те, которые, по нашему мнению, выполняют основную функцию.

1.1. Подразделения дорожно-патрульной службы.

Сотрудники данной категории в своей повседневной оперативно-служебной деятельности осуществляют непосредственный контроль за соблюдением Правил дорожного движения всеми участниками дорожного движения, в том числе и несовершеннолетними. Инспекторы ДПС несут службу в местах концентрации ДТП и на потенциально-аварийных участках автодорог. При этом они не только осуществляют общую профилактику нарушений правил дорожного движения в конкретном месте, но и, путем мониторинга проходящего транспорта, а также реализации оперативной информации, пресекают нарушения несовершеннолетних водителей транспортных средств. Реализуют это они посредством остановки авто- или мототранспорта под их управлением. После этого подросток должен доставляться в ОВД по территории и передаваться для дальнейшего разбирательства сотрудникам ПДН ОВД. При этом, по нашему мнению, главным профилактическим фактором будет то, что транспортное средство выбыло из владения несовершеннолетнего.

Также необходимо отметить, что серьезное превентивное воздействие оказывают профилактические беседы сотрудников ДПС с подростками во время и непосредственно после его задержания, а также с его родителями или иными родственниками, которые прибыли к месту остановки транспорта под управлением несовершеннолетнего. Однако, направление работы сотрудников ДПС постоянно меняется в зависимости от состояния аварийности и актуальности конкретных проблемных вопросов. Так, например, они могут целенаправленно отрабатывать отдельные категории участников дорожного движения в соответствии с целями и задачами проводимых специальных мероприятий, либо определенные участки автодорог или местности, в связи с чем их работа по предупреждению ДТП несовершеннолетних зачастую уходит на второй план.

1.2. Подразделения пропаганды безопасности дорожного движения.

Сотрудники указанной категории координируют и самостоятельно осуществляют профилактическую работу с несовершеннолетними участниками дорожного движения. Пропаганда БДД является одним из сложнейших направлений деятельности ГИБДД МВД России, в связи с чем инспекторы по пропаганде должны быть компетентны в решении многих задач [8,

с. 35]. В данной связи указанная категория сотрудников постоянно интегрирует современные методы и средства донесения информации с целью максимально заинтересовать несовершеннолетних, вовлечь их в профилактическую работу, которая должна быть ориентирована на недопущение фактов незаконного управления несовершеннолетними транспортными средствами. Сегодня такая деятельность реализуется, в том числе, посредством размещения профилактической информации [2, с. 22] на официальных сайтах МВД России и ГИБДД МВД России, а также на официальных аккаунтах и группах в социальных сетях. Однако, использование данных интернет-ресурсов не эффективно, так как они не пользуются популярностью у несовершеннолетних, в отличие от интернет-ресурсов, пропагандирующих нарушение Правил дорожного движения [4, с. 52]. Это приводит к тому, что среди несовершеннолетних негативное социальное поведение приобретает привлекательность [6, с. 67]. Выходом из данной ситуации считаем создание сайтов и групп популярной тематики (например, автомобильной) в социальных сетях, пиар данных интернет-ресурсов, создание качественного контента и только потом (при их высокой популярности) размещение профилактической информации. Другой же выход — это популяризация существующих официальных ведомственных интернет-ресурсов, путем, например, проведения розыгрышей ценных призов за репосты информации и т.п.

Необходимо отметить, что «пропагандисты» постоянно взаимодействуют с образовательными организациями, органами власти, общественными организациями. Сегодня можно часто встретить примеры сотрудничества с представителями бизнеса. Так, профилактические мероприятия нередко проводятся в торгово-развлекательных центрах, которые уже давно стали местом притяжения молодежи.

Вместе с тем, для проведения профилактических мероприятий, отвечающих современным требованиям наглядности и технической оснащенности, необходимы большие денежные, а также временные и человеческие ресурсы, которые далеко не всегда имеют место быть. Однако, на наш взгляд, решением данной проблемы может послужить разработка и проведение федеральных проектов, в рамках которых сотрудники на местах обеспечивались бы всеми необходимыми методическими и наглядными материалами, а также качественным контентом для размещения в своих интернет-ресурсах.

2. Подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

Деятельность инспекторов ПДН ОВД целенаправленно ориентирована на работу с несовершеннолетними, а также с их родителями или иными законными представителями. Это позволяет определить функции данной категории сотрудников, направленные на предупреждение дорожно-транспортных преступлений, совершаемых несовершеннолетними:

- ♦ выявление потенциальных дорожно-транспортных правонарушителей среди несовершеннолетних и проведение индивидуальной профилактической работы с ними и их родителями или законными представителями;

- ♦ проведение индивидуальной профилактической работы с родителями или законными представителями, отрицательно влияющими на поведение несовершеннолетних в условиях дорожного движения;

- ♦ рассмотрение заявлений и сообщений о правонарушениях, совершенных несовершеннолетними участниками дорожного движения;

- ♦ участие в подготовке и принятии решений о применении к несовершеннолетним, их родителям или законным представителям различных мер воздействия, предусмотренных законодательством РФ;

- ♦ информирование заинтересованных лиц, органов, организаций и учреждений о правонарушениях, совершенных несовершеннолетними участниками дорожного движения, а также об их причинах и условиях.

Для этого сотрудники данных подразделений должны постоянно взаимодействовать с администрацией учебных заведений с целью сбора информации о несовершеннолетних, которые могут управлять транспортными средствами, и проводить данную работу с самими детьми, так как большинство подростков знают, кто из их сверстников регулярно управляет транспортным средством. Важно подчеркнуть, что индивидуальная профилактическая работа должна проводиться не только в отношении несовершеннолетних, совершивших дорожно-транспортное преступление или административное правонарушение, но и в отношении тех, кто обладает высокой предрасположенностью к их совершению. В ходе реализации указанного направления должны устанавливаться все обстоятельства, причины и условия противоправного деяния подростка, проводиться профилактическая работа с родителями и решаться вопрос о привлечении их к ответственности.

В научных исследованиях делается вывод об эффективности такой формы деятельности по предупреждению правонарушений как оперативно-профилактические операции [13, с. 17]. Однако, такие мероприятия, проводимые сотрудниками ПДН ОВД, в большей степени нацелены на неблагополучные семьи, а, как показало проведенное исследование, большинство подростков, совершивших дорожно-транспортное преступление, воспитывались в относительно благополучных семьях. Также необходимо отметить, что основной объем работы инспекторов ПДН приходится на подростков, уже ранее попавших в поле зрения сотрудников или стоящих на учете. Поиску новых субъектов для профилактического воздействия среди несовершеннолетних, на наш взгляд, уделяется недостаточно времени.

Поэтому большего эффекта в рассматриваемом направлении деятельности можно достичь при проведении регулярных специализированных профилактических операций, направленных на выявление лиц, которые потенциально могут передать управление транспортным средством несовершеннолетнему без законных на то оснований. Критерием для отбора таких лиц может послужить информация о количестве административных правонарушений у лиц, имеющих несовершеннолетних детей.

3. Участковые уполномоченные полиции.

Данные сотрудники должны владеть всей оперативной информацией на обслуживаемой ими территории, в связи с чем они устанавливают лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение антисоциальных действий, в особенности, подстрекающих к нарушению ПДД РФ, передающих им право управления транспортными средствами. Участковый как «главный полицейский на своем участке» оказывает содействие сотрудникам ПДН и ГИБДД в установлении мест концентрации подростков, находящихся в зоне риска, а также взрослых автолюбителей и уличных гонщиков, мест потенциальных нарушений ПДД РФ несовершеннолетними, помогает найти родителей, а также самих нарушителей. Также УПП постоянно участвуют в мероприятиях по предупреждению правонарушений несовершеннолетних². Однако, не всегда участковыми реализуются данные функции в полном объеме в силу их значительной загруженности. Выходом, по нашему мнению, может послужить снижение нагрузки на участковых путем минимизации в их деятельности несвойственных функций.

4. Следственные подразделения органов внутренних дел.

Сотрудники следственных подразделений органов внутренних дел осуществляют профилактическую работу в процессуальной форме. Суть ее заключается в установлении при производстве по уголовным делам о дорожно-транспортных преступлениях несовершеннолетних обстоятельств, которые способствовали совершению подростком уголовно наказуемого деяния. К ним относятся факторы, влияющие на формирование у несовершеннолетнего участника дорожного движения асоциальных взглядов и правового нигилизма, а также объективные причины и условия совершения преступления. Все это, согласно уголовно-процессуальному законодательству, входит в предмет доказывания, который при рассмотрении преступлений несовершеннолетних значительно шире общего [1, с. 47]. Связано это с тем, что в случаях, когда субъектом преступления является лицо, не достигшее 18-летнего возраста, требуется дополнительно установить информацию о физиологических, социально-психологических, правовых и иных характеристиках виновного подростка. В случаях установления обстоятельств, способствующих совершению несовершеннолетним преступления, сотрудник следственного подразделения выносит представление об их устранении, которое, согласно законодательству, является процессуальным решением, обязательным для исполнения. При разработке данного документа следователь, должен использовать научные достижения не только уголовно-процессуальной научной отрасли, но и криминологии [14, с. 107]. Однако, при осуществлении следователем данной функции существует ряд недостатков, среди которых — несовершенство содержания представлений, вынесение их по окончании следственных действий по уголовному делу и недостаточный контроль со стороны руководства [9, с. 16].

5. Подразделения уголовного розыска органов внутренних дел.

Оперативные сотрудники в своей профессиональной деятельности, направленной, в основном, на пресечение и раскрытие умышленных преступлений,

² Пункт 10.1 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке (утв. Приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205) // Юридическая библиотека для полицейских // URL: <https://yurlibrary.ru/prikazyi-mvd-rf/prikazy-mvd-2019-goda/prikaz-mvd-205-ot-29-03-2019-goda>

также осуществляют профилактическое воздействие, направленное на предупреждение дорожно-транспортных преступлений несовершеннолетних. Происходит это тогда, например, когда оперуполномоченные проводят мероприятия по установлению и задержанию несовершеннолетних, занимающихся преступной деятельностью. Такие лица могут использовать транспортные средства в ходе противоправных действий, в том числе совершать их кражи и угоны, в процессе чего также могут совершить ДТП. В связи с этим оперативники могут вовремя пресечь противоправную деятельность и не допустить наступления трагических последствий. Вместе с тем, необходимо отметить, что в целом в предупреждении дорожно-транспортных преступлений несовершеннолетних задействуются все подразделения и службы ОВД [3, с. 45] в различной степени.

Одной из отличительных черт предупредительной деятельности органов внутренних дел является проведение ими профилактических операций, которые могут проводиться как конкретной службой, так и совместно. Осуществление данных мероприятий способствует достижению положительных результатов в деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка и общественной безопасности, борьбе с преступностью, оказывает стабилизирующее воздействие на состояние криминальной обстановки в стране и отдельных субъектах Российской Федерации. Огромное значение здесь, как уже отмечалось ранее, имеет скоординированность деятельности субъектов предупреждения, качество их взаимодействия.

Важным фактором в предупредительной деятельности ОВД является ее качественное научное обеспечение. Для этих целей необходимо тесное взаимодействие с научными и образовательными организациями системы МВД России для создания качественно новых подходов к решению проблем предупреждения преступлений [7, с. 139].

Еще одним направлением повышения эффективности предупредительной деятельности ОВД является совершенствование системы подготовки кадров для подразделений органов внутренних дел, специализирующихся на работе с несовершеннолетними участниками дорожного движения. Безусловно, образовательные программы учитывают специфику личности несовершеннолетних, однако, ежегодные выпуски специалистов не способны в полной мере удовлетворить потребность в высококвалифицированных кадрах ор-

ганов внутренних дел всей страны. Следует уделить особое внимание проблеме формирования и развития криминологического мышления у молодых сотрудников ОВД, которое «основано на знании закономерностей существования преступности в обществе, комплекса ее детерминантов, качеств и свойств личности преступника, системы предупреждения преступлений. Без этого невозможно профессионально воспринимать ни одну из практических сторон правоохранительной деятельности в сфере контроля над преступностью» [11, с. 4]. Привитие будущим специалистам знаний о тенденциях и закономерностях дорожно-транспортных преступлений подростков, системе их детерминант, особенностях личности несовершеннолетних преступников, а также о мерах предупреждения таких явлений, должно являться одной из задач ведомственных образовательных организаций.

Подводя итог, следует отметить, что основные предупредительные функции в системе субъектов предупреждения дорожно-транспортных преступлений несовершеннолетних осуществляют подразделения ГИБДД и ПДН ОВД. В структуре подразделений ГИБДД МВД России главную роль играют дорожно-патрульная служба и подразделения по пропаганде безопасности дорожного движения. Тем не менее, все без исключения службы органов внутренних дел в разной степени задействованы в профилактической работе. Следует отметить, что в данном направлении достигнуты определенные успехи, однако на сегодняшний день необходимо применять качественно новые подходы к осуществлению данной деятельности, которые будут отвечать требованиям современных реалий.

Литература

1. Астишина Т.В., Жмурин И.Е., Зайцев А.В. Предупреждение полицией преступлений несовершеннолетних // Полицейская и следственная деятельность. 2013. № 1. С. 45–64.
2. Баранчикова М.В., Зейналов Ф.Н. Пешеходы как объекты виктимологической профилактики дорожно-транспортных преступлений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2. С. 20–23.
3. Виноградов А.В. Министерство внутренних дел Российской Федерации как субъект реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних // Академическая мысль. 2018. № 3 (4). С. 44–47.

4. Добренков А.И. Влияние ресурсов сети интернет на формирование девиантного поведения несовершеннолетних участников дорожного движения // Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. 2017. № 1. С. 50–55.

5. Зайко Т.М. О системе профилактики правонарушений несовершеннолетних // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2017. № 1 (97). С. 51–53.

6. Иванцов С.В., Ивасюк О.Н. Общесоциальные аспекты предупреждения преступности с участием несовершеннолетних // Международный журнал конституционного и государственного права. 2017. Т. 1. № 1. С. 64–69.

7. Иванцов С.В., Калашников И.А. Организованность как криминологическая особенность преступности несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 4. С. 134–139.

8. Калужный Ю.Н., Хромов В.Н. Основные направления обеспечения безопасности дорожного движения Российской Федерации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 3 (15). С. 33–36.

9. Коваленко Л.В. Воспитательно-профилактическая деятельность следователя: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.

10. Решетов Г.М., Шахматов А.В. Некоторые вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел по предупреждению и раскрытию преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 1. С. 71–76.

11. Симоненко А.В. Криминологические проблемы воспитания и его роль в предупреждении преступлений: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2005.

12. Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Культура противодействия преступности в деятельности органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 119–124.

13. Соловьев В.С. Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией (по мат. Центрального федерального округа): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

14. Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия. М., 1971.

References

1. Astishina T.V., Zhmurin I.E., Zaytsev A.V. Preduprezhdenie politseyskoy prestupleniy nesovershennoletnikh // Politseyskaya i sledstvennaya deyatel'nost'. 2013. № 1. S. 45–64.

2. Baranchikova M.V., Zeynalov F.N. Peshekhody kak obyekty viktimologicheskoy profilaktiki dorozhno-transport-

nykh prestupleniy // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 2. S. 20–23.

3. Vinogradov A.V. Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii kak subyekt realizatsii ugovnoy politiki v otnoshenii nesovershennoletnikh // Akademicheskaya mysl'. 2018. № 3 (4). S. 44–47.

4. Dobrenkov A.I. Vliyanie resursov seti internet na formirovanie deviantnogo povedeniya nesovershennoletnikh uchastnikov dorozhnogo dvizheniya // Prestupnost' v sfere informatsionnykh i telekommunikatsionnykh tekhnologiy: problemy preduprezhdeniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy. 2017. № 1. S. 50–55.

5. Zayko T.M. O sisteme profilaktiki pravonarusheniy nesovershennoletnikh // Rossiyskoe pravo: Obrazovanie. Praktika. Nauka. 2017. № 1 (97). S. 51–53.

6. Ivantsov S.V., Ivasyuk O.N. Obshchesotsal'nye aspekty preduprezhdeniya prestupnosti s uchastiyem nesovershennoletnikh // Mezhdunarodnyy zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava. 2017. Т. 1. № 1. S. 64–69.

7. Ivantsov S.V., Kalashnikov I.A. Organizovannost' kak kriminologicheskaya osobennost' prestupnosti nesovershennoletnikh // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2010. № 4. S. 134–139.

8. Kalyuzhnyy Yu.N., Khromov V.N. Osnovnye napravleniya obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya Rossiyskoy Federatsii // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. 2015. № 3 (15). S. 33–36.

9. Kovalenko L.V. Vospitatel'no-profilakticheskaya deyatel'nost' sledovatelya: Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2007.

10. Reshetov G.M., Shakhmatov A.V. Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya deyatel'nosti organov vnutrennikh del po preduprezhdeniyu i raskrytiyu prestupleniy, sovershayemykh nesovershennoletnimi // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2008. № 1. S. 71–76.

11. Simonenko A.V. Kriminologicheskie problemy vospitaniya i ego rol' v preduprezhdenii prestupleniy: Diss. ... dokt. yurid. nauk. M., 2005.

12. Simonenko A.V., Griбанov E.V. Kul'tura protivodeystviya prestupnosti v deyatel'nosti organov vnutrennikh del // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 4. S. 119–124.

13. Solov'ev V.S. Preduprezhdenie вовлечения nesovershennoletnikh v zanyatiye prostitutsiyey (po mat. Tsentral'nogo federal'nogo okruga): Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2013.

14. Yakubovich N.A. Teoreticheskie osnovy predvaritel'nogo sledstviya. M., 1971.

УДК 343
ББК 67.4

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10165
© Н.А. Кабанов, 2020

Научная специальность 12.00.08 — уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

Николай Анатольевич Кабанов, адъюнкт кафедры криминологии
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: kojlbko2012@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются последствия массовых беспорядков, выходящие за рамки того вреда, который указан в уголовно-правовой норме об ответственности за деяния, относящиеся к таким беспорядкам и обуславливающие повышенную общественную опасность соответствующих противоправных действий, а также необходимость выработки комплекса специальных мер предупреждения последних. Приводятся официальные статистические данные; анализируются точки зрения ученых и высказывается собственная позиция относительно криминологических особенностей массовых беспорядков и повышения эффективности противодействия их проявлениям.

Ключевые слова: массовые беспорядки, общественная опасность, предупреждение преступлений, криминологические последствия.

CRIMINOLOGICAL CONSEQUENCES OF MASS UNREST

Nikolay A. Kabanov, Adjunct of Department of Criminology
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: kojlbko2012@yandex.ru

Abstract. The consequences of the riots that go beyond the harm specified in the criminal law on liability for acts related to such riots, and causing an increased social danger of the corresponding illegal actions and the need to develop a set of special measures to prevent the latter, are examined. Official statistics are presented, analyzes the points of view of scientists and their own position is expressed regarding the criminological features of the riots and increase the effectiveness of countering their manifestations.

Keywords: mass riots, public danger, crime prevention, criminological consequences.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Кабанов Н.А. Криминологические последствия массовых беспорядков. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):180–183.

В Стратегии национальной безопасности РФ¹ к числу основных стратегических национальных приоритетов отнесена государственная и общественная безопасность, основы которой могут быть нарушены в результате реализации различных угроз, в том числе преступных деяний, направленных против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности. Опасность таких преступлений многократно возрастает при их осуществлении организованными группами, которые, в частности, нередко стоят за организацией массовых беспорядков, подготовкой и обучением их организаторов (руководителей) и других участников, а равно непосредственным руководством соответствующими общественно опасными акциями, одновременно посягающими на множество объектов уголовно-правовой охраны (общественная безопасность, личность, собственность, порядок управления и др.).

Общественная опасность массовых беспорядков состоит в том, что при их совершении парализуется деятельность органов власти, охраняющих обще-

ственный порядок в месте их совершения, наносится иной значительный вред различным организациям и отдельным гражданам, в результате чего подрываются сами основы общественного порядка и основы государственного управления вследствие совершения соответствующих противоправных действий большой массой людей (толпой) и их сопряженности с погромами, разрушениями, поджогами, вооруженным сопротивлением представителям власти и т.п. При этом массовые беспорядки традиционно воспринимаются как преступление толпы, представляющее собой один из наиболее опасных видов группового преступного поведения, участники которого не всегда объединены предварительным сговором, а также четко определенными целями и рамками совершаемых ими нарушений уголовного закона.

Современный период характеризуется увеличением числа и масштабов массовых беспорядков в раз-

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683) // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

личных странах мира, в том числе в Евросоюзе, при этом в основе механизма возникновения и дальнейшего развития соответствующего преступного поведения больших групп людей продолжают оставаться явно выраженные недовольство решениями и действиями властей на национальном и межгосударственном уровнях, а равно обострение межрасовой, межэтнической и (или) межконфессиональной напряженности, в том числе обусловленное экономическими и миграционными кризисами.

В каждом случае совершения массовых беспорядков причиняемые последствия можно подразделить на те, что имеют явный или скрытый, непосредственный или опосредованный характер. Кроме того, негативные последствия массовых беспорядков могут наступать в процессе или сразу же после завершения их осуществления, а равно сохранять и (или) продуцировать такие последствия в дальнейшем. Последняя особенность связана, частности, с использованием информационно-коммуникационных технологий, прежде всего, сети Интернет для размещения и обсуждения фото-, видео- или текстовых материалов, комментариев к ним для нагнетания социальной напряженности, разжигания ненависти и вражды по политическим, расовым, национальным, религиозным и иным признакам, а равно в целях создания условий для совершения новых массовых беспорядков и других преступлений, как правило, имеющих насильственный характер, а равно отличающихся экстремистской направленностью [3, с. 776–784].

О недостаточной эффективности имеющихся средств предупреждения массовых беспорядков свидетельствуют и статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ², изложенные в табл. 1 и указывающие на отсутствие устойчивой тенденции к снижению числа лиц, осуждаемых по ст. 212 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ).

В первом полугодии 2019 г. по ст. 212 УК РФ было осуждено 37 лиц, из них: 15 лиц — по ч. 1; 19 лиц —

по ч. 2 и три лица — по ч. 3 данной статьи УК РФ. Как и в предыдущие три года, осужденных по ч. 11 и 4 ст. 212 УК РФ не было.

Отметим, что статистические данные о состоянии судимости за массовые беспорядки необходимо оценивать с учетом скрытого характера противоправной деятельности по организации соответствующих преступлений и иному содействию их осуществлению. Кроме того, даже отдельно взятый факт совершения массовых беспорядков сопряжен с причинением широкого комплекса непосредственных и опосредованных вредных социальных последствий, в совокупности способных нанести ощутимый урон для состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства [1; 3, с. 776–784].

Отметим, что в уголовно-правовом понятии массовых беспорядков уже предполагается возможность причинения в результате их совершения самых различных по своему характеру общественных отношений, обеспечивающих не только общественный порядок и общественную безопасность, но еще и телесную неприкосновенность и здоровье граждан, безопасность их жизни, сохранность имущества, находящегося в различных формах собственности и т.д. Данная особенность позволяет относить массовые беспорядки к многообъектным преступлениям [4, с. 130–138], что одновременно указывает и на тяжесть их совокупных социальных последствий.

Кроме того, массовые беспорядки, особенно имеющие масштабный и продолжительный характер, обладают эффектом социального взрыва, в результате которого выплескиваются наиболее негативные эмоции различных социальных групп, что, в свою очередь, продуцирует дальнейший рост агрессии в жизни общества,

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ, разд. «Данные судебной статистики» // URL://<http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

Табл. 1

Часть ст. 212 УК РФ	Количество осужденных, по годам									
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Ч. 1	0	1	6	4	1	2	8	3	3	6
Ч. 11	—	—	—	—	—	—	—	0	0	0
Ч. 2	4	28	41	44	17	28	7	48	48	35
Ч. 3	2	1	1	7	5	0	4	3	4	1
Ч. 4	—	—	—	—	—	0	0	0	0	0
Всего:	6	30	48	55	23	30	19	54	55	42

причем проявляющийся не только в информационном пространстве, но и в конкретных актах насилия и иных общественно опасных действиях. Последствия массовых беспорядков выходят далеко за рамки того вреда, что вытекает из его описания в уголовном законе, причем они имеют комплексный, разветвленный характер и отрицательно сказываются на многих сферах жизни общества, а также деятельности государственных и общественных институтов. При этом особенности последствий отдельно взятого факта совершения массовых беспорядков зависят от конкретных места, времени, масштабов, состава участников, их мотивации и содержания совершаемых ими противоправных действий, а также других конкретных обстоятельств.

Отметим, что в России значительная часть массовых беспорядков совершается в местах предварительного заключения и исполнения наказания в виде лишения свободы, что на длительное время существенно дестабилизирует деятельность не только соответствующих учреждений, но и уголовно-исполнительной системы в целом. Например, по одному уголовному делу суд установил, что группа осужденных, отбывающих лишение свободы в колонии в Челябинской области, будучи недовольными условиями содержания и законным запретом на получение и пользование запрещенными предметами, мобильными телефонами и сетью Интернет, не желая следовать правилам внутреннего распорядка учреждения, намереваясь добиться снятия администрации колонии и оказать воздействие на нее в своих целях, используя в качестве повода требования отдельных сотрудников учреждения о передаче им денег под видом добровольной помощи, организовали в колонии и на прилегающей территории массовые беспорядки с участием других осужденных, своих знакомых, проживающих вне учреждения [6, с. 136–139].

Массовые беспорядки выражались не только в отказе осужденных от выполнения своих обязанностей и законных требований сотрудников колонии, но и в призывах к неповиновению блокировании проездов и подходов к производственным сооружениям, уничтожении и повреждении имущества учреждения, применении насилия к представителям власти и к осужденным, которые отказались участвовать в беспорядках. Непосредственными последствиями данных массовых беспорядков стали нарушение общественного порядка в колонии и на окружающей территории, создание угрозы для общественной безопасности на территории целого городского округа, также была парализована

нормальная деятельность и функционирование органов власти и управления, причинен различный по тяжести вред здоровью другим осужденным и сотрудникам ОВД, ограничена свобода представителей городской администрации, нанесен значительный имущественный ущерб³.

При изучении уголовных дел о массовых беспорядках, рассмотренных судами в 2009–2019 гг., установлено, что мотивы и цели виновных лиц с течением времени не претерпели существенных изменений — по-прежнему, массовые беспорядки в СИЗО и исправительных учреждениях совершаются в связи с недовольством условиями содержания, а также решениями и действиями администрации и сотрудников данных учреждений; иные же массовые беспорядки, не привязанные к границам последних, преимущественно осуществляются по политическим мотивам (выражение протестных настроений относительно руководства страны, региона, муниципального образования) либо по мотивам национальной, религиозной ненависти либо вражды (реакция больших групп людей на противоправные действия мигрантов, лиц определенной этнической или религиозной принадлежности).

В зависимости от места осуществления, повода и вытекающей из него ведущей мотивации, наличия или отсутствия предварительной подготовки, в том числе призывов к массовым беспорядкам, и использования для этого возможностей информационно-коммуникационных технологий, меняются и масштабы таких беспорядков и, как следствие, — характер и размер социальных последствий. В частности, для массовых беспорядков, совершаемых по мотивам, присущим преступлениям экстремистским преступлениям, справедливым представляется сравнение их социальных последствий с цепной реакцией [2, с. 12].

Помимо прочего, массовые беспорядки отвлекают на себя большие ресурсы правоохранительных органов не только в период их пресечения, но и в дальнейшем в связи с расследованием и рассмотрением соответствующих уголовных дел. Так, объем только одного из изученных нами уголовных дел в отношении 17 обвиняемых в организации массовых беспорядков составлял 185 томов, в ходе следствия по нему были признаны потерпевшими 15 лиц и допрошен 231 свидетель, в суде допрошено 167 потерпевших и

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 сентября 2019 г. № 48-АП/19-14 // URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1587498

свидетелей, само же производство по делу в целом осуществлялось более пяти лет, что было отражено в судебном решении⁴.

Массовые беспорядки монополизируют активность органов внутренних дел, войск национальной гвардии в течение всего времени своего осуществления и, тем самым, дестабилизируют их деятельность в части предупреждения иных преступлений и административных правонарушений, причем расследование и рассмотрение соответствующих уголовных дел также характеризуется повышенной сложностью и значительными временными и финансовыми затратами, что опосредованно также актуализирует повышение эффективности решения задач предупреждения таких беспорядков [5, с. 135–141; 7, с. 155–158].

Таким образом, криминологические последствия массовых беспорядков значительно выходят за рамки вреда, предусмотренного уголовным законом для отдельно взятых противоправных деяний, образующих такие беспорядки, и имеют разветвленный, многоуровневый характер. Массовые беспорядки способны производить эффект социального взрыва, что проявляется уже в процессе их осуществления, когда они дестабилизируют или даже полностью парализуют деятельность органов власти, различных учреждений и иных организаций, существенно нарушают основы общественной безопасности и общественного порядка, создают непосредственную угрозу причинения физического, имущественного и иного вреда различной степени тяжести. Наряду с этим, массовые беспорядки, после их завершения, влекут за собой самые различные негативные социальные последствия, в том числе в виде обострения конфликтов в обществе, прежде всего, на этнической, религиозной или политической почве, развивающихся по принципу цепной реакции.

Усиление социальной напряженности на глобальном и локальных уровнях, возникновение и увеличение масштабов социальных конфликтов, а равно особенности массовых беспорядков, заключающиеся, в частности, в одновременном осуществлении широкого комплекса противоправных действий, объединенных ведущей мотивацией участников соответствующих масштабных выступлений и образующих одно сложное негативное явление, требуют дальнейшего развития и применения согласованной системы специфических мер правового, организационного и специального-криминологического характера.

Литература

1. Борисов С.В., Дмитренко А.П., Осипов В.А., Рускевич Е.А. Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности: теория и практика: Учеб. пособие. М.: ИД «Юриспруденция», 2012.
2. Борисов С.В., Жеребченко А.В. Современные проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности: Учеб. пособие. М., 2018.
3. Иванцов С.В., Борисов С.В., Узембаева Г.И. и др. Актуальные проблемы совершенствования мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 776–784.
4. Карабанова Е.Н. Социально-правовая природа многообъектных преступлений // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 130–138.
5. Кabanov Н.А. К вопросу о совершенствовании профилактики и предотвращения массовых беспорядков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 135–141.
6. Кabanov Н.А. Массовые беспорядки, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, как объект криминологического исследования // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 136–139.
7. Иванцов С.В. Использование информационно-телекоммуникационных сетей для совершения преступлений: вопросы уголовно-правового воздействия и предупреждения // Сб. статей по мат. IV Всерос. науч.-практ. конф. Саратов, 2019.

References

1. Borisov S.V., Dmitrenko A.P., Osipov V.A., Russkevich E.A. Kvalifikatsiya massovykh besporyadkov, khuliganstva i prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti: teoriya i praktika: Ucheb. posobie. M.: ID «Yurisprudentsiya», 2012.
2. Borisov S.V., Zherebchenko A.V. Sovremennyye problemy kvalifikatsii prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti: Ucheb. posobie. M., 2018.
3. Ivantsov S.V., Borisov S.V., Uzembayeva G.I. i dr. Aktual'nyye problemy sovershenstvovaniya mer kriminologicheskogo preduprezhdeniya prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti, sovershayemykh s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh setey // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. 2018. T. 12. № 6. S. 776–784.
4. Karabanova E.N. Sotsialno-pravovaya priroda mnogoobektnykh prestupleniy // Zhurnal rossiyskogo prava. 2017. № 1. S. 130–138.
5. Kabanov N.A. K voprosu o sovershenstvovanii profilaktiki i predotvrashcheniya massovykh besporyadkov // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. 2019. T. 5 (71). № 2. S. 135–141.
6. Kabanov N.A. Massovyie besporyadki, sovershayemye s ispol'zovaniyem informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy, kak obyekt kriminologicheskogo issledovaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 2. S. 136–139.
7. Ivantsov S.V. Ispol'zovanie informatsionno-telekommunikatsionnykh setey dlya soversheniya prestupleniy: voprosy ugovolno-pravovogo vozdeystviya i preduprezhdeniya // Sb. statey po mat. IV Vseros. nauch.-prakt. konf. Saratov, 2019. S. 155–158.

⁴ Решение Верховного Суда РФ от 8 октября 2019 г. № АКПИ19-582 // URL: https://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=1762294

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ И ГРУППОВОГО ХУЛИГАНСТВА

Сергей Константинович Кудашкин, соискатель кафедры уголовного права
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: kudashkinsergey@gmail.com
Рецензент: доктор юридических наук, профессор **А.П. Дмитренко**

Аннотация. Рассматриваются критерии разграничения составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 212 (участие в массовых беспорядках) и ч. 2 ст. 213 (групповое хулиганство). Анализируются формы деяний, объективные и субъективные признаки составов преступлений. Исследуются проблемы разграничения указанных преступлений в зависимости от количества участников, мотивов и целей их действий. Формулируются предложения по совершенствованию соответствующих норм уголовного закона и практики его применения.

Ключевые слова: уголовная ответственность за массовые беспорядки и групповое хулиганство, критерии разграничения преступлений в зависимости от признаков их составов, участники массовых беспорядков и группового хулиганства и квалификация их действий.

TO THE QUESTION OF DELIMITATION OF MASS RIOTS AND GROUP DISORDERLY CONDUCT

Sergey K. Kudashkin, Applicant in the Department of Criminal Law
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: kudashkinsergey@gmail.com
Reviewer: Doctor of Legal Sciences, Professor **A.P. Dmitrenko**

Abstract. The article considers the criteria for distinguishing the elements of crimes provided for in p. 2 of art. 212 (participation in mass riots) and p. 2 of art. 213 (group hooliganism). The author analyzes the forms of acts, objective and subjective characteristics of the elements of crimes. The problems of differentiation of these crimes depending on the number of participants, motives and goals of their actions are investigated. Proposals are formulated to improve the relevant provisions of the criminal law and the practice of its application.

Keywords: Criminal liability for mass riots and group hooliganism. Criteria for distinguishing crimes depending on the characteristics of their composition. Participants of mass riots and group hooliganism and the qualification of their actions.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Кудашкин С.К. К вопросу о разграничении массовых беспорядков и группового хулиганства. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):184–188.

30 июля 2019 г. было сообщено, что следственный комитет РФ возбудил несколько уголовных дел по ст. 212 УК РФ (массовые беспорядки) и по ст. 318 УК РФ (применении насилия к представителям власти) в отношении ряда лиц — участников несогласованной протестной акции из-за недопуска независимых кандидатов на выборы депутатов Московской городской думы, состоявшейся 27 июля 2019 г. в центре г. Москвы. Фигурантами уголовных дел стали 15 человек, которые, игнорируя законные требования представителей власти, грубо нарушая общественный порядок, применили насилие в отношении представителей власти, прорвали оцепление, и, выйдя на проезжую часть, парализовали движение автотранспорта на Садовом кольце в г. Москве, а также совершили иные противоправные действия.

Однако, впоследствии обвинения по ст. 212 УК РФ со всех обвиняемых были сняты, действия некоторых квалифицированы по ст. 318, ст. 212.1 и 213 УК

РФ, в отношении отдельных задержанных уголовное преследование было прекращено за отсутствием состава преступления. Например, Е.Ж. первоначально обвинялся по ст. 212 УК РФ, по версии следствия, он направлял толпу в ходе протестной акции. 3 сентября 2020 г. это обвинение с него было снято, но вместо него предъявлено обвинение по ст. 280 УК РФ («Публичные призывы к экстремистской деятельности»). 6 декабря Кунцевский районный суд приговорил Е.Ж. к трем годам условно с запретом администрировать интернет-ресурсы в течение двух лет. 13 февраля 2020 г. Мосгорсуд признал законным вынесенный Е.Ж. приговор¹.

К.Ж. обвинялся по ст. 212 и 318 УК РФ. По версии следствия, он пытался сорвать защитный шлем с сотрудника Росгвардии. Сам обвиняемый утверждал, что просто потрогал каску сотрудника, пытаясь при-

¹ URL://<http://ru.wikipedia.org>

влечь его внимание. 17 августа 2019 г. ему было предъявлено окончательное обвинение по ч. 1 ст. 318 УК РФ. 4 сентября Тверской суд Москвы приговорил К.Ж. к трем годам колонии общего режима².

А.М. задержан на Трубной площади; обвинялся в участии в массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212 УК РФ). Сам он отрицал свою вину и утверждал, что был задержан после окончания несогласованной акции. 2 августа 2020 г. Пресненский районный суд избрал меру пресечения в виде заключения под стражу до 27 сентября. 15 августа Мосгорсуд рассмотрел апелляцию на избрание меры пресечения и оставил в силе решение суда первой инстанции. 26 сентября Басманный суд г. Москвы освободил А.М. и прекратил дело за отсутствием в его действиях состава преступления³.

И.П. задержан по подозрению в совершении массовых беспорядков (ст. 212 УК РФ), окончательное обвинение предъявлено по ст. 318 УК РФ за то, что он распылил из баллончика слезоточивый газ в сторону сотрудников Росгвардии. И.П. признал свою вину. 3 сентября Тверской районный суд приговорил его к трем годам колонии⁴.

С.Р. был задержан на несанкционированном митинге. По версии следствия, он бросил пластиковую бутылку с водой в сторону силовиков. 29 июля Мещанский районный суд рассмотрел административное дело по ч. 6.1 ст. 20.2 КоАП РФ (участие в несанкционированном митинге) и арестовал С.Р. на 10 суток. 2 августа 2020 г. ему предъявлено обвинение по совокупности преступлений (ст. 212 и 318 УК РФ), Пресненский районный суд избрал меру пресечения в виде заключения под стражу. 14 августа Мосгорсуд рассмотрел апелляцию на избрание меры пресечения и оставил в силе решение суда первой инстанции. Окончательное обвинение предъявлено по ст. 318 УК РФ. 24 декабря Тверской районный суд признал его виновным и назначил штраф 100 тыс. руб., но освободил от наказания из-за уже отбытого в заключении времени.

С.Ф. обвинялся по ст. 212 УК РФ, добровольно сдался полиции после объявления в розыск. 12 сентября был переведен под домашний арест. В конце концов СК РФ прекратил уголовное преследование С.Ф., но в его действиях были усмотрены признаки административного правонарушения, в связи с чем материал был направлен в соответствующий ОВД.

По ст. 212 УК РФ также были привлечены в качестве обвиняемых С.А., который по версии следователей якобы бросил бумажный стаканчик в полицейского, В.Б. и Д.К., которые по первоначальной версии следствия, «координировали массовые беспорядки». 3 сентября эти лица были освобождены, обвинения против всех них были сняты в связи с отсутствием в их действиях состава преступления.

Вместе с тем, в действиях указанных лиц усмотрены признаки административного правонарушения, материалы дела направлены в ОВД⁵.

Помимо этих 15 человек, были привлечены и другие лица, в том числе К. Котов. 5 сентября 2019 г. он был осужден к четырем годам лишения свободы по ст. 212.1 УК РФ («Неоднократное нарушение установленного порядка проведения митингов»), однако в акции 27 июля он не участвовал. В Главном следственном управлении СК РФ по г. Москве сообщали, что в течение полугода Котов неоднократно привлекался к ответственности по административной статье о нарушении правил проведения митинга. После этого в Конституционный суд РФ поступило обращение от представителей Котова с просьбой проверить ст. 212.1 УК РФ на соответствие Конституции РФ. 27 января Конституционный суд РФ постановил пересмотреть приговор Котову. КС РФ указал, что при вынесении приговоров по ст. 212.1 УК РФ, по которой осужден Котов, суды обязаны изучить все обстоятельства дела и могут назначать наказание в виде лишения свободы, только если будет достоверно установлено, что действия подсудимого на публичном мероприятии несли реальную угрозу общественному порядку. 2 марта 2020 г. Второй Кассационный суд отправил дело Котова на пересмотр в апелляционную инстанцию Мосгорсуда⁶. Большинство специалистов полагают, что дело в отношении Котова будет прекращено.

Все эти примеры показывают несовершенство юридических конструкций ст. 212, 212.1, 213 и 318 УК РФ, отсутствие четких критериев разграничения преступлений, ответственность за которые предусмотрена данными статьями. Тем более, что ряд задержанных, которым было предъявлено обвинение, были признаны невиновными, хотя содержались в условиях изоляции, они получили право на реабилитацию. Не следует забывать, что отдельные преступления, по которым были задержаны подозреваемые, впоследствии признанные невиновными, отнесены законодателем к тяжким преступлениям и предусматривали весьма серьезное наказание.

По поводу ст. 212.1 УК РФ уже были решения высших судебных органов. В 2011–2015 гг. гр-н Дадин регулярно участвовал в пикетах и акциях оппозиции, за что неоднократно задерживался правоохранительными органами и привлекался к административной ответственности. В начале 2015 г. в отношении него было возбуждено первое в России уголовное дело по

² URL://<http://ru.wikipedia.org>

³ URL://<http://ru.wikipedia.org>

⁴ URL://<http://ru.wikipedia.org>

⁵ URL://<http://ru.wikipedia.org>

⁶ URL://<http://kommersant.ru/doc/4275409>

введенной в УК РФ в 2014 г. ст. 212.1, предусматривающей уголовную ответственность за неоднократное нарушение порядка проведения митингов. В декабре 2015 г. Дадин был приговорен к трем годам лишения свободы. 24 января 2017 г. Конституционный суд РФ потребовал пересмотра приговора Дадину. Суд отказался признать ст. 212.1 УК РФ противоречащей Конституции, но предложил российскому парламенту внести в нее изменения, пояснив, что уголовная ответственность может применяться только в том случае, если действия митингующего повлекли за собой вред гражданам, общественной безопасности или конституционно охраняемым ценностям. 22 февраля приговор в отношении Дадина был отменен Президиумом Верховного суда РФ, уголовное дело прекращено, за ним признано право на реабилитацию⁷.

Но до настоящего времени никаких изменений в диспозицию ст. 212.1 УК не внесено, и вновь она применяется в том же виде.

Таким образом, можно говорить о сложностях в законодательной сфере.

Более четкие критерии требуются также и для разграничения таких опасных преступлений, как групповое хулиганство и массовые беспорядки.

Действительно, признаки этих преступлений имеют внешнюю схожесть. Массовые беспорядки совершаются многочисленной группой лиц, групповое хулиганство может совершаться также группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. Конечно, массовые беспорядки более масштабные действия; предполагается, что это поведение толпы под влиянием организаторов. Тем не менее, это тоже не исключительный критерий. Практика показывает, что в групповом хулиганстве могут принимать участие десятки участников.

Есть некоторые отличия в объекте посягательства. При массовых беспорядках, по мнению многих специалистов, ущерб причиняется общественной безопасности в целом. При групповом хулиганстве в основном нарушается общественный порядок. Но и эти признаки трудно установить сразу при осмотре места происшествия.

При массовых беспорядках может применяться оружие, взрывные устройства, взрывчатые вещества. Групповое хулиганство также может быть совершено с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Массовые беспорядки очень часто сопряжены с насилием над гражданами и сопровождаются оказанием вооруженного сопротивления представителю власти. Групповое хулиганство нередко связано с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране обще-

ственного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка, при его совершении тоже применяется насилие.

Как видим, внешнее совпадение объективных признаков имеет место. Хотя не следует забывать, что насилие является обязательным признаком состава массовых беспорядков, а для хулиганства это есть лишь факультативный признак объективной стороны. Но судебное толкование по массовым беспорядкам до настоящего времени отсутствует, поэтому не совсем ясно, какое насилие охватывается составом массовых беспорядков.

Можно сказать, что по этому поводу существуют разные позиции ученых. Во-первых, позиция одних состоит в том, что насилие при массовых беспорядках может быть только физическим⁸. Позиция других заключается в том, что термин «насилие» охватывает как физическое насилие, так и психическое⁹. Под психическим насилием следует понимать угрозу причинения вреда здоровью или жизни, которая обладает признаками реальности и действительности. Во-вторых, физическое насилие, по мнению многих ученых, охватывает причинение гражданину легкого, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью, а также в нанесении побоев, ударов, ограничении свободы передвижения. Но этом в общем понимании физического насилия. Применительно для массовых беспорядков есть также разные позиции. По мнению одних ученых, насилие, применяющееся в ходе массовых беспорядков, охватывает причинение побоев, легкого и средней тяжести вреда здоровью. На наш взгляд, речь идет о насилии, не опасном для жизни или здоровья, содержание которого раскрыто с помощью судебного толкования¹⁰. Причинение тяжкого вреда здоровью или смерти требуют дополнительной квалификации по ст. 111 или 105 УК РФ¹¹.

По хулиганству Пленумом Верховного Суда РФ дано разъяснение о том, что оно может охватывать насилие, если используется оружие или иные пред-

⁷ URL://<http://ria.ru/20170210/1487669144.html>

⁸ Дуонов В.К. Уголовное право России. Общая и Особенная части. М.: РИОР, 2008. С. 487; Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Уголовное право. М.: Юрист, 1999. С. 423.

⁹ Чучаев А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Инфра-М, Контракт, 2010. С. 625.

¹⁰ В соответствии с п. 21. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 16 мая 2017 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.).

¹¹ Кажжеева Б.С. Некоторые аспекты насилия как признака массовых беспорядков по законодательству РФ и РК С // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 4. С. 111–113.

меты¹². Но особенность в оценке таких действий при хулиганстве состоит в том, дополнительно разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, что состав преступления, предусмотренный ст. 213 УК РФ, не содержит такого признака объективной стороны преступления, как применение насилия (причинение вреда здоровью человека различной степени тяжести), и с учетом того, что при хулиганстве умысел направлен на грубое нарушение общественного порядка, в случаях, когда в процессе совершения хулиганства потерпевшему, а также лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка либо пресекающему хулиганские действия, нанесены побои или причинен вред здоровью различной степени тяжести из хулиганских побуждений, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей ч. 2 ст. 213 УК РФ и частью (пунктом части) соответствующей статьи Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за преступление против личности¹³. В этом можно усмотреть некоторые критерии различия данных составов преступлений.

По поводу субъектов этих преступлений есть ряд замечаний. При хулиганстве не может быть активных и пассивных участников преступных деяний. Все участники группового хулиганства, как правило, признаются соисполнителями (редко они рассматриваются как соучастники с распределением ролей).

Участники массовых беспорядков с позиций теории соучастия рассматриваются с особой спецификой. Во-первых, по ч. 1 ст. 212 УК РФ ответственности подлежат организаторы альтернативно указанных в диспозиции действий, достигшие 16 лет. Если организатор лично принимает активное участие в массовых беспорядках, то он уже с 14 лет может быть привлечен к ответственности, но только по ч. 2 ст. 212 УК РФ. При групповом хулиганстве организатор также может быть привлечен к ответственности, но наряду с другими соучастниками и не за организацию, а за участие в групповом хулиганстве. Возраст привлечения к уголовной ответственности за групповое хулиганство установлен законодателем в 14 лет.

Жаль, что отсутствует судебное толкование по поводу оценки хулиганства, совершенного организованной группой. Полагаем, что все участники подобной организованной группы должны признаваться соисполнителями.

Во-вторых, теория и судебная практика исходит из того, что ответственности за участие в массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212 УК РФ) подлежат только активные участники, достигшие 14 лет, которые непосредственно выполняют действия, обозначенные в ч. 1 ст. 212 УК РФ¹⁴. Таким образом, признаки субъекта также могут рассматриваться в качестве

незначительных критериев различия указанных составов преступлений.

Как показал социологический опрос, из признаков состава преступления особая роль в отграничении массовых беспорядков от группового хулиганства принадлежит субъективным признакам (в поддержку этого вывода высказались более 75% опрошенных респондентов).

При групповом хулиганстве виновные действуют с хулиганским мотивом, содержанием которого является их желание грубо нарушить общественный порядок и выразить явное неуважение к обществу и его институтам. Участники хулиганской группы действуют с прямым умыслом, который может быть определенным и заранее обдуманным.

Участники массовых беспорядков также действуют с прямым умыслом, но в большинстве случаев рядовые участники совершают подобные действия с неопределенным умыслом, в редких случаях с внезапно возникшим умыслом. Мотивы участников массовых беспорядков могут быть разные (экономические, политические и пр.), исключая хулиганские мотивы.

Есть проблемы квалификации при совершении массовых беспорядков, совершаемых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В настоящее время этот мотив не входит в число обязательных субъективных признаков состава преступления, поэтому действия организатора и участников массовых беспорядков, совершенные по таким мотивам, на наш взгляд, следует квалифицировать по совокупности преступлений: ч. 1 или 2 ст. 212 и ч. 2 ст. 282 УК РФ. Однако, есть предложения дополнить состав массовых беспорядков таким квалифицирующим признаком. Это предложение поддержали почти 80% опрошенных респондентов.

Вместе с тем, в отличие от массовых беспорядков, данный мотив является обязательным признаком состава хулиганства, но такое решение вызывает недоумение. Во-первых, действия, оцениваемые по ст. 213 УК РФ, должны быть совершены с хулиганским мотивом, а не с каким иным. Если такие действия совер-

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Уголовное право России: Учебник. В 2 т. Т. 2: Особенная часть / Под ред. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 398; Кудашкин С.К. К вопросу об объективных признаках составов преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 212 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 101–106.

шаются по мотиву экстремизма, то их никак нельзя отождествлять с хулиганством, так как умысел виновных является определенным, заранее обдуманным и направлен не на грубое нарушение общественного порядка, а на подрыв общественной безопасности, возбуждение ненависти или вражды. На это указывал и Пленум Верховного Суда РФ¹⁵.

Получается так, что законодатель объединил в одном составе преступления два совершенно разных мотива. Но если речь идет о хулиганстве, то об экстремистском мотиве говорить не следует. В этой части законодательное решение и судебное толкование, на наш взгляд, не соответствуют доктрине уголовного права, которая предполагает совершение действий, предусмотренных ст. 213 УК РФ, исключительно с хулиганским мотивом. В связи с этим, как нам представляется, экстремистский мотив должен быть исключен из состава хулиганства. Такое предложение поддерживают более 60% опрошенных респондентов.

По нашему мнению, группового хулиганства не может быть в местах лишения свободы, здесь время от времени происходят специфические беспорядки, в том числе и весьма массовые, ответственность за которые следует по-иному отразить в законодательстве¹⁶.

Можно ли представить ситуацию, когда массовые беспорядки совершаются из хулиганских побуждений? Полагаем, что такая ситуация с учетом доктринального толкования не может иметь место, но групповое хулиганство, на наш взгляд, может перерасти в массовые беспорядки, в случае совершения участниками группового хулиганства действий, предусмотренных диспозицией ч. 1 ст. 212 УК РФ, включая их совершение большой группой лиц (толпой).

Таким образом, если подвести краткие итоги, то можно сделать следующие выводы.

При разграничении группового хулиганства и массовых беспорядков необходимо учитывать ряд факторов, характеризующих объективные и субъективные признаки составов этих преступлений.

Во-первых, важно обращать внимание на количество лиц, совершающих общественно опасные действия, предусмотренные уголовным законом: в массовых беспорядках речь идет о действиях большого количества людей, создающих эффект толпы, осуществляющей воздействие на отношения, обеспечивающие общественную безопасность в целом. Но к ответственности за участие в массовых беспорядках привлекаются активные участники, которые совершают все опасные действия, указанные в диспозиции ч. 1 ст. 212 УК РФ. При групповом хулиганстве преступному воздействию подвергается более узкая сфера общественной безопасности, характеризующая общественный порядок. Участников группового хулиганства нельзя назвать толпой, они все нацелены на грубое наруше-

ние общественного порядка и выражают явное неуважение к обществу. В этом случае не происходит выделение активных и пассивных участников. Ответственности подлежат все, кто относится к группе, осуществляющей хулиганские действия.

Во-вторых, основные критерии, которые лежат в основе разграничения, характеризуют признаки объективной стороны, имеют лишь внешнюю схожесть, при этом обладая рядом отличий: действия при массовых беспорядках более опасны, всегда должны сопровождаться насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти (все эти действия должны быть, на наш взгляд, в совокупности); состав группового хулиганства не охватывает применение насилия, погромы и поджоги, уничтожения имущества, применения отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказания вооруженного сопротивления.

В-третьих, при совпадении признаков объективной стороны (применение группой хулиганов оружия, взрывных устройств и взрывчатых веществ) важнейшим критерием разграничения выступают субъективные признаки: мотив и цель осуществления общественно опасных действий (для массовых беспорядков характерны экономические, политические, социальные мотивы и разрушение существующих основ безопасности как цель таких действий, для группового хулиганства определяющим является хулиганский мотив поведения участников, проявление явного неуважения к обществу, стремление грубо нарушить общественный порядок).

Как представляется, требуется более тщательное судебное толкование оценки группового хулиганства и массовых беспорядков и уточнение критериев их разграничения.

¹⁵ В частности, в п. 3 постановления Пленума ВС РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» разъяснено: «Квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, по п. «а» ч. 2 ст. 105, или по п. «е» ч. 2 ст. 111, или по п. «е» ч. 2 ст. 112, или по п. «б» ч. 2 ст. 115, или по п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам указанных частей этих статей, предусматривающим иной мотив или цель преступления (например, из хулиганских побуждений)» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Есть предложения о том, чтобы дополнить ст. 321 УК РФ таким квалифицирующим признаком, как дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, сопряженная с массовыми беспорядками. Автор полагает, что данный признак следует использовать для выделения квалифицированного состава преступления в ст. 212 УК РФ.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Алексей Владимирович Чиненов, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина (308024, Белгород, ул. Горького, д. 71)
E-mail: Ale-chinenov2011@yandex.ru

Аннотация. Анализируются принимаемые государством меры по предупреждению преступлений, совершаемых при ликвидации юридического лица; рассмотрены возникающие при этом проблемы; предложены пути их решения.

Ключевые слова: преступление, юридическое лицо, экономика, ликвидация юридического лица, система предупреждения преступлений.

CRIMINOLOGICAL FEATURES OF THE SPECIAL PREVENTION OF CRIMES COMMITTED DURING THE LIQUIDATION OF A LEGAL ENTITY

Alexey V. Chinenov, Lecturer of the Department of Operational and Investigative Activities
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilina (308024, Belgorod,
ul. Gor'kogo, d. 71)
E-mail: Ale-chinenov2011@yandex.ru

Abstract. Analyzed the measures taken by the state to prevent crimes committed during the liquidation of a legal entity, considers the problems that arise in this case, and suggests ways to solve them.

Keywords: crime, legal entity, economy, liquidation of a legal entity, crime prevention system.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Чиненов А.В. Криминологические особенности специального предупреждения преступлений, совершаемых при ликвидации юридического лица. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):189–192.

Предупреждение преступлений, совершаемых при ликвидации юридических лиц, на сегодняшний день определенно является уязвимым звеном в системе борьбы с экономической преступностью. Такое положение вещей не только формирует криминологическую особенность, но и актуализирует необходимость своевременности решения задачи действенного противодействия криминальным ликвидациям со стороны государства [1, с. 15]. Предупредительная деятельность может осуществляться опосредованно (общесоциальными мерами) либо специально, мерами, приводимыми в действие конкретными уполномоченными на то субъектами, участие которых позволяет реализовывать возложенные на них задачи, в том числе и те, которые способствуют избавлению общества от конкретных криминальных явлений [6, с. 77–83]. И в нашем случае именно целенаправленная деятельность конкретных субъектов позволит обеспечить не только устранение имеющихся криминальных явлений, но и в перспек-

тиве попытаться упредить саму возможность их совершения.

Принимая во внимание тот факт, что экономическая сфера, как никакая другая, находится под государственным контролем, основными субъектами предупреждения преступлений в нашем случае будут являться субъекты государственной системы [7, с. 375–380].

Размышляя о применении мер государственного воздействия на экономическую сферу, закономерно включающую в себя и теневые (криминальные) сектора (в том числе и преступные ликвидации), нам вспоминается содержание классического учебника экономической теории известного по институтскому курсу экономики. В нем авторы, рассматривая дискуссионную проблему пределов вмешательства государства в экономические отношения, предлагают две теоретические модели: модель максимально возможного ограничения участия государства в экономике и модель обязательности присутствия государ-

ства в регулировании экономических отношений. На практике же все обстоит намного сложнее [5, с. 90–93]. Годы реформ, уводивших нас от командной, государственной экономики с ее сильными и слабыми сторонами к рыночной, явственно показали, что уход государства из экономики принес не только пользу, но и вред. Пропорции полезности и бесполезности вызывают спорность, но бесспорен лишь факт, что вмешательство государства в определенное время, в определенных условиях должно иметь и определенные разумные пределы. За прошедшие два десятка лет множество оформившихся из государственных, вновь созданных на заре рынка отечественных предприятий ушли с него именно потому, что руководителями страны за основу была взята классическая идея о саморегулирующихся рыночных отношениях. Как показала российская действительность, экономическая система, действительно, саморегулируется, но с определенной, и при чем немалой, долей криминализации. А потому следует вывод о том, что роль государства в регулировании экономических отношений должна быть такова, чтобы не возникали критические значения ее криминализации [2, с. 35].

В то же время, заметим, свобода предпринимательской (коммерческой) деятельности и экономическая самостоятельность, регламентированные Конституцией, априори предполагают определенную долю ответственности предпринимателя за организацию и осуществление охраны своего бизнеса. Более того, в условиях рыночных отношений актуальность защиты экономических интересов собственника капитала возрастает, так как уже ложится не только и не сколько на государство, но и, в том числе, на него самого (предпринимателя). Говоря о роли законодательной власти Российской Федерации, а также законодательных органов субъектов Федерации, считаем уместным поднять вопрос о необходимости законодательного решения проблемы установления ответственности руководителей (учредителей) не ликвидированных в законном порядке предприятий, находящихся в различных стадиях ликвидации с признаками криминальности, а также наличия действенной ответственности должностных лиц предприятий за необеспечение сохранности, утерю бухгалтерской и иной документации [4, с. 160–164].

До сегодняшнего дня законодательно не урегулированы вопросы, касающиеся регистрации и пере-

регистрации предприятий. Сегодня не существует объективных контрольных мероприятий относительно документального установления отсутствия у предпринимателя задолженностей перед бюджетом, кредиторами, в том числе и по оплате труда, что все еще облегчает возможность ликвидации, в том числе и законным порядком [3, с. 64–75].

Значительная роль в предупредительной деятельности отводится органам исполнительной власти, и, в частности, правоохранительным органам.

Организационная, методическая и тактическая сложность выявления, доказывания и предупреждения криминальных ликвидаций требует от органов внутренних дел определенных сил и средств. Определенный опыт по предупреждению различных видов экономических преступлений на сегодняшний день ими уже накоплен. В частности, это касается криминальных банкротств, мошенничества, уклонения от погашения различных видов кредиторских обязательств и других составов преступлений, имеющих место при осуществлении криминальных ликвидаций. Безусловно, он требует систематизации и теоретического осмысления с целью дальнейшего практического развития.

Но в то же время, по нашему мнению, предупреждение криминальных ликвидаций уже сегодня должно явиться отдельно выделенным направлением деятельности органов внутренних дел (подразделений ЭБ и ПК). Только в этом случае правоохранительные органы смогут действительно защитить экономические интересы и государства, и частного собственника. А для этого органы внутренних дел должны, как минимум, выполнить следующие мероприятия:

- 1) сформировать комплекс мер, направленных на устранение и нейтрализацию причин и условий криминальных ликвидаций в системе борьбы с экономической преступностью;
- 2) проводить профилактическую работу с целью устранения условий, способствующих совершению криминальных ликвидаций;
- 3) мониторить и анализировать происходящие в экономике и обществе негативные явления и процессы, связанные с криминальными ликвидациями.

Результаты проведенного нами исследования позволяют сделать вывод о том, что успех в противодействии криминальным ликвидациям может быть достигнут в результате определенных профилактиче-

ских мероприятий, проводимых органами внутренних дел, основанных на знаниях особенностей криминологической характеристики изучаемых преступлений, причин и условий, способствующих их совершению, а также личности преступника.

Также органам внутренних дел необходимо на постоянной основе проводить мониторинг экономических субъектов, находящихся в стадии банкротства, направленный на недопущение совершения криминальных ликвидаций. В процессе его проведения могут быть выявлены физические либо юридические лица, осуществляющие услуги, способствующие исключению экономического субъекта из числа действующих и, как следствие, влекущие невозможность отвечать по своим кредиторским обязательствам.

Результат предупредительной деятельности преступлений, совершаемых при ликвидации юридических лиц, зависит не только от работы подразделений экономической безопасности, но и, в частности, от тех профилактических мер, которые осуществляются ими совместно с иными государственными органами. Безусловно, считаем необходимым постоянный и качественный обмен криминологической информацией с ГУИН РФ относительно лиц, освобождающихся из мест лишения свободы и отбывших наказание за экономические преступления [8, с. 173–175].

Не вызывает сомнения и необходимость повышения внимания вопросам взаимодействия правоохранительных органов МВД, ФСБ, прокуратуры, ФТС, следственного комитета с ФНС России.

Если раньше определенную и, что немаловажно, немалую работу по выявлению фирм-однодневок, потенциальных банкротов и неплательщиков налогов и сборов, субъектов, злостно уклоняющихся от погашения кредиторской задолженности, выполняла ныне упраздненная федеральная служба налоговой полиции, то сегодня такого, либо подобного, специально уполномоченного органа не существует.

Нам видится очевидной необходимость объединения усилий всех правоохранительных структур, «обслуживающих» сферу экономики со службами министерств финансов, федеральной налоговой службы, министерства экономического развития, труда и социальной защиты промышленности и торговли, юстиции. В этой связи как один из возможных вариантов модернизации системы противодействия криминальным ликвидациям нам представляется создание самостоятельной правоохрани-

тельной структуры, выполняющей контроль и надзор за деятельностью экономических субъектов, формирующих не только свою собственную прибыль и финансовые результаты, но и обеспечивающих эффективное функционирование социального государства путем уплаты налогов и сборов, предоставления рабочих мест и возмещающих затраты человеческого труда его оплатой, определяющих здоровое экономическое пространство в стране, а также в случае необходимости наделенной полномочиями принятия правовых мер воздействия на нарушителей [9, с. 149–154].

Конечно, предложенная идея, может быть, на сегодняшний день и является в некотором роде утопической, но, согласимся, она имеет право на появление, существование и дальнейшее развитие.

Также считаем что необходимо, законодательно закрепить обязанность предупреждения экономических преступлений непосредственно и за предпринимателем. Как известно, отдельные охранительные функции предприниматель на сегодняшний день уже выполняет, но все еще по своему усмотрению, как то: проверку партнеров и контрагентов на предмет деловой репутации, регистрации, лицензирования; определение степени платежеспособности и т.п. Тем самым будут не только минимизироваться экономические риски, но и профилактироваться экономическая среда [6, с. 77–83].

Как свидетельствует отечественный и зарубежный опыт работы государственных органов и служб безопасности, детективных и охранных агентств, только четкое распределение функциональных обязанностей по защите экономической деятельности может гарантировать положительный результат. Государство должно проводить общепрофилактическую работу по предупреждению преступлений, раскрывать совершенные преступления. В то же время, собственник капитала, администрация предприятий должны осуществлять охрану своей собственности в целях недопущения ее хищения, кражи либо противоправного использования.

Таким образом, специально-криминологическое предупреждение преступлений представляет собой социальный процесс, основой которого является применение специальных методов и приемов, знаний и навыков регулирования отношений в обществе с целью ликвидации последствий, способствующих совершению преступлений.

Литература

1. Криминология: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 5-е изд. М.: Юнити-Дана, 2010.
2. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность». 2-е изд. М.: Юнити-Дана, 2015.
3. Чиненов А.В. Анализ составов преступлений, совершаемых при ликвидации юридического лица // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 1 (88). С. 64–75.
4. Иванцов С.В. Молчанова Т.В. Применение статьи 169 УК РФ как формы уголовно-правовой охраны предпринимательской деятельности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 160–164.
5. Чиненов А.В. Криминологические особенности преступлений, совершаемых при ликвидации юридического лица // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4. С. 90–93.
6. Антонян Ю.М. Преступность, криминология, общество. Юридическая наука и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 77–83.
7. Иванцов С.В. Организованная преступность в системе криминально-экономических отношений // Российский криминологический взгляд. 2012. № 1. С. 375–380.
8. Чиненов Е.В., Чиненов А.В. Отдельные вопросы ретроспективного анализа экономической преступности, связанной с функционированием юридического лица. В сб.: Россия в системе мировых цивилизаций: история и современность // Мат. Междунар. науч.-практ. конф. 2013.
9. Солоденко А.О., Черняков С.А. Проблемы повышения эффективности целей наказания в современных Российских условиях. В сб.: Уголовно-правовые аспекты выявления, раскрытия и расследования преступлений // Мат. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 300-летию Российской полиции. 2018.

References

1. Kriminologiya: Uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Yurisprudentsiya». 5-e izd. M.: Yuniti-Dana, 2010.
2. Preduprezhdenie prestupleniy i administrativnykh pravonarusheniy organami vnutrennikh del: Uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Yurisprudentsiya» i «Pravookhranitel'naya deyatel'nosti». 2-e izd. M.: Yuniti-Dana, 2015.
3. Chinenov A. V. Analiz sostavov prestupleniy, sovershayemykh pri likvidatsii yuridicheskogo litsa // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii. 2019. № 1 (88). S. 64–75.
4. Ivantsov S. V. Molchanova T. V. Primenenie stat'i 169 UK RF kak formy ugovovno-pravovoy okhrany predprinimatel'skoy deyatel'nosti // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2018. № 3 (43). S. 160–164.
5. Chinenov A. V. Kriminologicheskie osobennosti prestupleniy, sovershayemykh pri likvidatsii yuridicheskogo litsa // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 4. S. 90–93.
6. Antonyan Yu. M. Prestupnost', kriminologiya, obshchestvo. Yuridicheskaya nauka i praktika // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. 2019. № 1 (45). S. 77–83.
7. Ivantsov S. V. Organizovannaya prestupnost' v sisteme kriminal'no-ekonomicheskikh otnosheniy // Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad. 2012. № 1. S. 375–380.
8. Chinenov E. V., Chinenov A. V. Otdel'nye voprosy retrospektivnogo analiza ekonomicheskoy prestupnosti, svyazannoy s funktsionirovaniyem yuridicheskogo litsa. V sb.: Rossiya v sisteme mirovykh tsivilizatsiy: istoriya i sovremennost' // Mat. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2013.
9. Solodenko A. O., Chernyakov S. A. Problemy povysheniya effektivnosti tseley nakazaniya v sovremennykh Rossiyskikh usloviyakh. V sb.: Ugolovno-pravovyye aspekty vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy // Mat. Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoy 300-letiyu Rossiyskoy politzii. 2018.

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И ЕЕ СОХРАНЕНИИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Вадим Викторович Миронов

Издательство «Юнити-Дана» (123298, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1)

E-mail: office@unity-dana.ru

Аннотация. Рассматривается актуальная проблема, связанная с установлением значения стадии возбуждения уголовного дела для российского уголовного судопроизводства. Выделяются позиции ученых, являющихся как сторонниками, так и противниками сохранения и развития данной стадии уголовного судопроизводства, а также высказывается и обосновывается собственная точка зрения относительно данного вопроса.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, стадии уголовного процесса, уголовное судопроизводство.

ON THE IMPORTANCE OF THE STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND ITS PRESERVATION IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Vadim V. Mironov

Unity-Dana publishing house (123298, Moscow, ul. Irina Levchenko, d. 1)

E-mail: office@unity-dana.ru

Abstract. The current problem related to the determination of the significance of the stage of initiation of criminal proceedings for Russian criminal proceedings is considered. The positions of scientists, who are both supporters and opponents of the preservation and development of this stage of criminal proceedings, are highlighted, as well as their own views on this issue are expressed and justified.

Keywords: initiation of legal proceedings, stages of criminal proceedings, criminal proceedings.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Миронов В.В. К вопросу о значении стадии возбуждения уголовного дела и ее сохранении в российском уголовном процессе. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):193–196.

В настоящее время в российском уголовном судопроизводстве существует устоявшаяся система стадий, начинающаяся с возбуждения уголовного дела. Вместе с тем, с течением времени не прекращается и даже усиливается научная дискуссия относительно правовой, практической и экономической целесообразности существования данной стадии. При этом имеющиеся доктринальные позиции по этому вопросу можно подразделить на те, что отстаивают необходимость сохранения этапа возбуждения уголовного дела и его дальнейшего совершенствования, и те, что предлагают отказаться от него в связи с несоответствием такового современным требованиям в области противодействия преступности и обеспечения прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Так, по мнению одних ученых, стадию возбуждения уголовного дела необходимо сохранить, однако продолжить законотворческую деятельность по совершенствованию соответствующего уголовно-про-

цессуального института, прежде всего, направленного на устранение пробелов в его регламентации, заключающемся в конкретизации и расширении поводов для возбуждения уголовного дела, установления процедуры передачи сообщения о преступлении по подследственности, включая порядок исчисления срока его направления, закрепления прав участников проверки полученного сообщения о преступлении, а также перечня следственных действий, при производстве которых могут быть получены результаты, которые без дополнительных условий признавались бы доказательствами в последующих стадиях уголовного судопроизводства [4, с. 138–145; 5, с. 23–26; 6, с. 27–31; 7, с. 49–53; 8, с. 109; 12, с. 32]. Принимается во внимание и значение стадии возбуждения уголовного дела для защиты прав и законных интересов предпринимателей, в отношении которых решается вопрос об инициировании уголовного преследования [1, с. 95–96], что, впрочем, относится ко всем гражданам. Также выделяется проблема существен-

ного роста расходов из федерального бюджета, которая неизбежно возникнет при отказе от рассматриваемого этапа уголовного судопроизводства. Например, А.Г. Волеводз, опираясь на результаты исследований Института повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации, указывает, что в 2012 г. себестоимость расследования одного уголовного дела в соответствующем ведомстве составила свыше 248 тыс. руб., поэтому упразднение рассматриваемой стадии и проведения расследования по каждому сообщению о преступлении приведет, по прогнозам данного автора, к тому, что расходы на обеспечение деятельности только следственных подразделений составят около 50% всех бюджетных расходов государства [2, с. 80–83].

Другие же авторы, наоборот отмечают, что исключение стадии возбуждения уголовного дела будет способствовать устранению необходимости перепроверки с помощью следственных действий обстоятельств, уже установленных на данной стадии, что приведет к уменьшению бюджетных расходов [3, с. 46]. Одновременно указывается ряд следующих проблем правоприменительного характера, связанных с данной стадией уголовного процесса и являющихся, по мнению отдельных ученых, аргументами в пользу позиции об исключении последней: значительное стеснение граждан в их праве на доступ к правосудию, существенные затруднения при использовании полученных на данном этапе сведений в качестве доказательств, а также в выявлении признаков, характеризующих определенные преступления; наличие элемента неопределенности в правовом статусе лиц, которых касается проверка, что потенциально способно приводить к нарушению их прав [10, с. 45–46]. Вместе с тем, полагаем, что соответствующие проблемные моменты могут быть решены посредством устранения указанных выше пробелов правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела, тогда как исключение этой стадии способно породить дополнительные проблемы, в том числе связанные с необоснованным, преждевременным уголовным преследованием лиц, причастность которых к преступлению еще не была установлена и проверена.

Актуализации данной дискуссии способствовали положения такого модельного документа, как «Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации»¹

(далее — Дорожная карта), согласно которым предложено возложить на следователя, дознавателя, а равно орган дознания обязанность начинать производство по уголовному делу непосредственно после поступления заявления или иного сообщения о преступном деянии (п. 4.5). По сути, тем самым разработчики этого документа объявили о намерении в дальнейшем отказаться от стадии возбуждения уголовного дела и соответствующего уголовно-процессуального института с преобразованием таковых в стадию и институт, условно обозначаемые как начало уголовного судопроизводства. Указанное намерение было, в частности, выражено в проекте федерального закона, в котором теми же разработчиками было предложено уйти от положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации об отказе в возбуждении уголовного дела [11, с. 46–48].

В Дорожной карте также предлагается включить в институт начала уголовного судопроизводства определенную систему процессуальных действий, осуществляемых органами предварительного расследования, основывающихся при этом на законе и учитывающих закрепленные в Конституции Российской Федерации гарантии прав и свобод человека и гражданина. По мнению авторов Дорожной карты, в эту систему должны входить четыре группы действий:

- 1) принятие, регистрация заявления или иного сообщения о преступлении;
- 2) проверка поступившего заявления (сообщения) о преступлении, включающая собирание доказательственной информации;
- 3) применение такой меры процессуального принуждения, как задержание на срок до 48 часов без судебного решения;
- 4) производство ряда следственных действий, включая допрос потерпевшего, подозреваемого, свидетеля, обыск, прослушивание и запись телефонных переговоров, а также иные неотложные следственные действия.

Считаем, что приведенные положения Дорожной карты не имеют под собой необходимой теоретико-правовой основы, поскольку при их формули-

¹ Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации // Российская газета. 2013, 4 февр.

ровании авторы исходили из интересов реформирования деятельности органов внутренних дел, а не системы уголовного судопроизводства в целом, и не использовали для обоснования своей позиции обобщенные результаты научных исследований в данной области. В связи с этим мы поддерживаем точку зрения М.М. Макаренко и С.В. Ермакова, согласно которой необходимо принимать во внимание сформировавшийся исторический опыт деятельности всех правоохранительных органов в связи с существующим построением уголовного судопроизводства, в том числе имеющуюся систему организации их деятельности, а также взаимодействия таковых на внутриведомственном и межведомственном уровнях, особенности контроля и надзора за деятельностью таких органов и т.д., что в совокупности указывает на то, что такие органы не готовы к одномоментному и кардинальному изменению системы стадий уголовного процесса [6, с. 28–29]. При этом ссылка на опыт других стран, отказавшихся от выделения стадии возбуждения уголовного дела (например, Казахстан, Украина, Молдова), на наш взгляд, сама по себе не может признаваться весомым аргументом в пользу целесообразности принятия аналогичного законодательного решения относительно российского уголовного судопроизводства.

По нашему мнению, авторы предложений об исключении стадии возбуждения уголовного дела не в полной мере учитывают ее значение для фактической реализации задач и принципов уголовного судопроизводства. Между тем, как обоснованно отмечают М.О. Румянцева и М.А. Ажибеков, данная стадия не состоит лишь в одномоментном акте принятия соответствующего процессуального решения, а представляет собой полноценный, самостоятельный этап уголовного судопроизводства, имеющий собственное содержание осуществляемой при этом процессуальной деятельности, результатом которой выступает решение вопроса о том, является ли целесообразным инициирование уголовного преследования, поскольку именно здесь устанавливается, наличествует ли в поступившем сообщении достаточная совокупность признаков, указывающих на совершение определенного преступления или нет [9, с. 6–7].

Таким образом, значение стадии возбуждения уголовного дела складывается из специфики ее содержания и решаемых в ее рамках задач, что в совокупности указывает на необходимость сохранения дан-

ного этапа, являющегося неотъемлемым элементом в общей системе стадий уголовного процесса, позволяющем сформировать предпосылки для эффективного производства по делу в рамках его предварительного расследования и последующего рассмотрения в суде. Исследуемая стадия уголовного процесса призвана не допустить незаконного и необоснованного уголовного преследования, равно как и отказа в его осуществлении в связи с недостаточностью сведений, вытекающих из поступившего сообщения о преступлении. Кроме того, анализ теоретических трудов, в которых высказывается предложение о необходимости исключения стадии возбуждения уголовного дела, показал, что в них не учитывается, что реализация такого предложения на практике приведет к тому, что содержание рассматриваемого этапа уголовного процесса юридически и фактически «перетечет» в стадию предварительного расследования и будет выступать его первоначальным этапом, не имеющим четких границ своего начала и завершения. Тогда как сохранение стадии возбуждения уголовного дела, напротив, способствует четкому обозначению данных границ, имеющих значение как для правоохранительных органов и их должностных лиц, так и для иных потенциальных участников уголовного процесса. В связи с этим считаем необходимым сохранить стадию возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе, однако предпринять комплекс мер, направленных на ее совершенствование, опирающихся на результаты теоретико-прикладных исследований, выделяющих актуальные законодательные, доктринальные и практические проблемы в данной области и предлагающих конкретные пути их решения. Взаимодействие представителей законодательных и правоохранительных органов, правозащитных и иных заинтересованных организаций, а также образовательных и научно-исследовательских учреждений по соответствующим вопросам может иметь своим итогом разработку дорожной карты по совершенствованию правовой основы стадии возбуждения уголовного дела и практики применения регламентирующих ее уголовно-процессуальных норм.

Литература

1. Алистархов В. Механизмы защиты предпринимателей на этапе до возбуждения уголовного дела // Административное право. 2019. № 2. С. 89–96.

2. *Волеводз А.Г.* Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 80–83.

3. *Каретников А.С., Коретников С.А.* Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела? // Законность. 2015. № 1. С. 41–46.

4. *Косенко А.М.* Критический обзор системы поводов для возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 138–145.

5. *Костенко К.А.* Эволюция стадии возбуждения уголовного дела: процесс неизбежный и пока что незавершенный! // Российский следователь. 2019. № 4. С. 23–26.

6. *Макаренко М.М., Ермаков С.В.* Возбуждение уголовного дела: проблемные вопросы // Российский следователь. 2015. № 6. С. 27–31.

7. *Ростова В.Н.* Правосубъектность участников уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2019. № 3. С. 49–53.

8. *Ростова В.Н.* Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела: зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 104–110.

9. *Румянцева М.О., Ажибеков М.А.* Понятие и значение стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Института мировых цивилизаций. 2017. № 14. С. 6–11.

10. *Смирнова И.Г., Шадрин М.Ю.* К вопросу об экономической целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2019. № 6. С. 44–47.

11. *Цоколова О.В., Безруков С.С., Куприянов Е.И.* О проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части отказа в возбуждении уголовного дела) // Научный портал МВД России. 2018. № 3. С. 46–48.

12. *Шалумов М.С.* Использование материалов, собранных до возбуждения уголовного дела, в качестве доказательств // Уголовный процесс. 2005. № 3. С. 28–32.

References

1. *Alistarkhov V.* Mekhanizmy zashchity predprinimateley na etape do возбужdeniya ugovnogo dela // Administrativnoye pravo. 2019. № 2. С. 89–96.

2. *Volevodz A.G.* Uprazhnenie stadii возбужdeniya ugovnogo dela: tsena voprosa // Ugolovnyy protsess. 2014. № 1. С. 80–83.

3. *Karetnikov A.S., Koretnikov S.A.* Nuzhna li stadiya возбужdeniya ugovnogo dela? // Zakonnost'. 2015. № 1. С. 41–46.

4. *Kosenko A.M.* Kriticheskiy obzor sistemy povodov dlya возбужdeniya ugovnogo dela // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2019. № 1. С. 138–145.

5. *Kostenko K.A.* Evolyutsiya stadii возбужdeniya ugovnogo dela: protsess neizbezhnyy i poka chto nezavershenyy! // Rossiyskiy sledovatel'. 2019. № 4. С. 23–26.

6. *Makarenko M.M., Ermakov S.V.* Возбуждение ugovnogo dela: problemnye voprosy // Rossiyskiy sledovatel'. 2015. № 6. С. 27–31.

7. *Rostova V.N.* Pravosubyechnost' uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva na stadii возбужdeniya ugovnogo dela // Zakonnost'. 2019. № 3. С. 49–53.

8. *Rostova V.N.* Pravovoe regulirovanie stadii возбужdeniya ugovnogo dela: zarubezhnyy opyt // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2019. № 9. С. 104–110.

9. *Rumyantseva M.O., Azhibekov M.A.* Ponyatie i znachenie stadii возбужdeniya ugovnogo dela // Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsiy. 2017. № 14. С. 6–11.

10. *Smirnova I.G., Shadrin M.Yu.* K voprosu ob ekonomicheskoy tselesoobraznosti sokhraneniya stadii возбужdeniya ugovnogo dela // Rossiyskiy sledovatel'. 2019. № 6. С. 44–47.

11. *Tsokolova O.V., Bezrukov S.S., Kupriyanov E.I.* O proyekte federal'nogo zakona «O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (v chasti otказа v возбужdenii ugovnogo dela) // Nauchnyy portal MVD Rossii. 2018. № 3. С. 46–48.

12. *Shalumov M.S.* Ispol'zovanie materialov, sobrannykh do возбужdeniya ugovnogo dela, v kachestve dokazatel'stv // Ugolovnyy protsess. 2005. № 3. С. 28–32.

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Алексей Михайлович Попов, заведующий кафедрой «Безопасность и правопорядок», кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет» (ТГТУ) (392000, Тамбов, ул. Советская, д. 106)
E-mail: pamtambov@yandex.ru
Светлана Валентиновна Медведева, доцент кафедры «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции», кандидат юридических наук
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет» (ТГТУ) (392000, Тамбов, ул. Советская, д. 106)
E-mail: Sv-medvedeva@mail.ru

Аннотация. Расширение состязательных начал в уголовном судопроизводстве и повышение объективности процесса доказывания должно осуществляться в соответствии с логикой, смыслом и духом действующего уголовно-процессуального законодательства. Поэтому все доказательства, установленные в соответствии с уголовно-процессуальным законом, должны проверяться с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности. Провозглашение самостоятельности суда изменяет его значение в уголовном судопроизводстве. Поэтому возникает вопрос совершенствования процесса доказывания и выявление роли суда в нем, поскольку изменилось само назначение уголовного судопроизводства — защита прав, законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Еще одним направлением, подтверждающим актуальность исследования, является необходимость разграничения роли суда и сторон в процессе доказывания.

Ключевые слова: доказывание, доказательства, оценка доказательств, относимость, допустимость, достоверность, судебное разбирательство, суд, уголовное дело.

FEATURES OF EVIDENCE IN CRIMINAL CASES IN THE COURT OF FIRST INSTANCE

Aleksey M. Popov, Head of the Department «Security and Law and Order», Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
FGBOU VO «Tambov State Technical University» (TG TU) (392000, Tambov, ul. Sovetskaya, d. 106)
E-mail: pamtambov@yandex.ru
Svetlana V. Medvedeva, Associate Professor of the Department «Criminal Law and Applied Informatics in Jurisprudence», Candidate of Legal Sciences
FGBOU VO «Tambov State Technical University» (TG TU) (392000, Tambov, ul. Sovetskaya, d. 106)
E-mail: Sv-medvedeva@mail.ru

Abstract. The expansion of adversarial principles in criminal proceedings and the improvement of the objectivity of the proof process should be carried out in accordance with the logic, meaning and spirit of the current criminal procedure legislation. Therefore, all information established in accordance with the criminal procedure law must be checked in terms of its relevance, admissibility and reliability. This constitutional requirement must be strictly observed when improving the criminal procedure law. The Declaration of independence of the court changes its role and significance in criminal proceedings. Therefore, there is a question of improving the process of proof and identifying the role of the court in it, since the very purpose of criminal proceedings has changed — protection of the rights and legitimate interests of persons and organizations who have suffered from crimes; protection of the individual from illegal and unfounded charges, convictions, restrictions on her rights and freedoms. Another area that confirms the relevance of the study is the need to distinguish the role of the court and the parties in the process of proof.

Keywords: proof, evidence, evaluation of evidence, relevance, admissibility, reliability, trial, court, criminal case.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Попов А.М., Медведева С.В. Особенности доказывания по уголовным делам в суде первой инстанции. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):197–202.

Доказывание является одним из важнейших институтов в уголовном процессе, поскольку во многом определяет содержание процессуальных решений при производстве по уголовным делам. В связи с этим отсутствие законодательно закрепленной дефиниции уголовно-процессуального доказывания обуславливает необходимость более подробного изучения дан-

ного вопроса с целью установления наиболее значимых признаков, позволяющих определить понятие доказывания в уголовном судопроизводстве. Н.Н. Ковтун считает, что «проблемы доказывания фактических обстоятельств дела составляют основу уголовно-процессуальной теории и практической деятельности уполномоченных органов и лиц, связанной с рассле-

дованием, раскрытием и рассмотрением по существу уголовных дел» [6, с. 70]. Однако, до настоящего времени не сформировано единого подхода к определению понятия уголовно-процессуального доказывания. Рассмотрим позиции ученых-процессуалистов относительно понятия доказывания.

В научной юридической литературе выделяют три основных подхода по данному вопросу. В частности, «под доказыванием понимают: мыслительную деятельность, в ходе которой устанавливается истина о наличии события и состава преступления либо об их отсутствии; эмпирическую деятельность субъектов доказывания, направленную на собирание сведений, имеющих доказательственное значение; процесс познания, осуществляемый в специфической процессуальной форме, включающей в себя кроме собирания, также проверку и оценку доказательств» [3, с. 12].

Первая группа исследователей, сторонников логической концепции данного термина, отождествляет уголовно-процессуальное доказывание с логическим понятием «доказательство». В связи с этим Б.Т. Безлепкин справедливо отмечает, что «основной задачей уголовно-процессуального доказывания, как правило, является установление значимых для уголовного дела обстоятельств, которые находят свое отражение в итоговом решении по данному делу. Таким образом, процесс доказывания, как полагает ученый, не ограничивается исключительно мыслительной деятельностью, логическими операциями с соответствующими понятиями и сведениями» [2, с. 83].

Вторая позиция заключается в том, что доказыванием является эмпирическая деятельность субъектов доказывания по собиранию доказательственной информации. Как утверждает А.А. Пиантковский, указанный процесс чувственного восприятия в самых простых ситуациях может способствовать установлению объективной истины по уголовному делу, в том числе, вины лица, подозреваемого в совершении расследуемого преступления [9, с. 22].

Суть третьего подхода к понятию доказывания заключается в представлении об уголовно-процессуальном доказывании как о познании событий прошлого, которое осуществляется в «особой процессуальной форме — путем собирания, проверки и оценки доказательств» [11, с. 140].

Следует обратить внимание также на точку зрения процессуалистов, «которые под доказыванием понимают непосредственную и опосредованную уголовно-

процессуальным законом практико-мыслительную деятельность уполномоченных уголовным законом субъектов по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу» [3, с. 12–13].

Помимо приведенных подходов к определению понятия доказывания, на наш взгляд, необходимо выделить еще один, четвертый подход, согласно которому под доказыванием понимается «процесс установления фактов и обстоятельств, имеющих значение для разрешения конкретного уголовного дела» [10, с. 190–192].

В рамках указанной концепции определяются пределы осуществления уголовно-процессуального доказывания. Таким образом, под процессом доказывания понимается деятельность по обнаружению, восприятию и фиксации только тех сведений, которые имеют значение для уголовного дела, а также формирования, закреплению, проверке и оценке доказательств, которые могут быть использованы участниками уголовного процесса при разрешении данного уголовного дела в суде.

Вышеизложенные третий и четвертый подходы заняли в современном уголовном процессе доминирующее положение, что отразилось на позиции отечественного законодателя. В ст. 85 УПК РФ доказывание сформулировано как деятельность, состоящая в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

По нашему мнению, указанный элементный состав процесса доказывания необходимо дополнить таким элементом, как использование доказательств по уголовному делу.

Такое дополнение обусловлено тем, что деятельность уполномоченных субъектов доказывания по собиранию, проверке и оценке доказательств не имела бы практического значения, если бы все доказательства по уголовному делу, прошедшие вышеуказанные этапы доказывания, не были бы отражены в основе соответствующего правоприменительного решения и, таким образом, использованы.

Доказывание в уголовном процессе является сложным информационно-познавательным процессом, состоящим из взаимосвязанных элементов. В связи с этим указанным элементам уделяется особое внимание при исследовании содержания процесса доказывания, о чем свидетельствует большое количество научных работ в области уголовно-процессуального права [8, с. 9]. Согласно ст. 85 УПК РФ до-

казывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

В теории доказательственного права аналогичной позиции в части определения конструкции структурных элементов процесса доказывания придерживается большинство ученых процессуалистов [4, с. 120].

Рассмотрим, на наш взгляд, наиболее значимые из них. Первым элементом доказывания по уголовному делу является собирание доказательств. Указанный элемент определяет познавательную и удостоверительную деятельность субъектов процесса доказывания и характеризуется обнаружением, восприятием и фиксацией сведений, имеющих значение для конкретного уголовного дела в порядке, определенном уголовно-процессуальным законом. Несмотря на то, что собирание доказательств в качестве самостоятельного элемента структуры доказывания является устоявшейся доктринальной категорией [14, с. 55], в уголовно-процессуальной науке существует точка зрения, согласно которой первым этапом доказывания является формирование доказательств [12, с. 140].

В обоснование данной позиции С.А. Шейфер выдвинул тезис о том, что в природе не существует готовых доказательств (в частности, протоколов следственных и судебных действий, показаний сторон, заключений экспертов и специалистов). «В связи с этим в объективной реальности имеется только полезная информация, которой придается надлежащая процессуальная форма в ходе познавательно — удостоверительной деятельности субъектов доказывания, наделенных соответствующими полномочиями» [13, с. 10].

Вместе с тем, представляется, что процесс формирования применим только к доказательствам, которые получают следственные и судебные органы в результате активных действий (показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; протоколы следственных и судебных действий). Однако, в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ предусмотрены также вещественные доказательства и иные документы, которые уже в естественном состоянии являются готовыми доказательствами по уголовному делу и не подвергаются формированию. Указанные доказательства по уголовному делу подлежат скорее процессуальному закреплению путем их представления, истребования или изъятия, чем формированию. И, таким образом, начальный этап доказывания ха-

рактеризуется не только обнаружением, восприятием и фиксацией сведений, имеющих значение для конкретного уголовного дела, но и процессом формирования и закрепления доказательств.

Вторым этапом уголовно-процессуального доказывания является проверка доказательств. Проверка доказательств представляет собой процессуальную деятельность дознавателя, следователя, прокурора и суда по сопоставлению их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Представляется необходимым обратить внимание, что в юридической литературе существует позиция, в соответствии с которой проверка доказательств отождествляется с их исследованием.

Такая позиция, по нашему мнению, является не вполне обоснованной в силу того, что в уголовно-процессуальной науке термин «исследование» применяется в основном в значении исследования обстоятельств уголовного дела и исследования доказательств (экспертного и следственного) по уголовному делу. В случае исследования доказательств определяется лишь способ их проверки.

Кроме того, некоторые ученые процессуалисты указывают на то, что понятие «проверка доказательств» является более узким, поскольку в исследование доказательств включают также процесс их получения [5, с. 22–23].

Следующим, третьим этапом доказывания, является оценка доказательств. Оценка доказательств является важнейшим элементом структуры доказывания по уголовному делу, от результатов проведения которой зависит правильность применения норм уголовного законодательства и законность вынесения основных процессуальных решений.

На основании анализа положений ст. 297, 305, 307 УПК РФ отметим, что оценка доказательств является мыслительной деятельностью, которая должна иметь своей конечной целью использование доказательств при вынесении процессуального решения и, прежде всего, приговора суда [7, с. 226]. Рассмотрим пример из судебной практики одного из авторов, в результате которого суд, оценив представленные доказательства, постановил оправдательный приговор. В данном примере отражается, каким образом суд, принимая решение, оценивает доказательства с точки зрения относи-

мости, допустимости, достоверности. Так, К. в нарушение п. 2.7 «Правил дорожного движения РФ», находясь в состоянии алкогольного опьянения, управляя личным, технически исправным автомобилем ГАЗ-3110 гос. номер с пассажиром К. двигался по своей полосе движения, прямолинейно, со скоростью, не превышающей 60 км/ч по автодороге, проходящей по ул. К., с. С. в направлении г. Тамбова. В районе дома № 14 он совершил наезд на пешеходов С.В.Н., С.М.Н. и О.В.В., стоявших на автобусной остановке в нарушение п. 4.8 «Правил дорожного движения РФ» на проезжей части, после чего, нарушая требования п. 2.5 «Правил Дорожного Движения РФ» с места ДТП скрылся. В результате ДТП О.В.В. и С.М.Н. от полученных телесных повреждений скончались, а С.В.Н. причинены телесные повреждения, квалифицируемые как тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни.

Оценивая доказательства, приведенные в обвинительном заключении и представленных государственным обвинителем и потерпевшими в судебном заседании, суд, пришел к выводу, что они как каждое в отдельности, так и в совокупности не дали оснований для вывода о виновности подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления. Сторона обвинения в обоснование нарушения К. п.п. 8.1 и 9.9 «Правил дорожного движения РФ» ссылается на противоречивые показания свидетеля Л.В.А. от 22 ноября 2002 г., данные им при производстве предварительного расследования и оглашенные в судебном заседании в порядке ч. 3 ст. 281 УПК РФ, согласно которым около 19 ч. со своей женой он шел на остановку по ул. К. с. С. Тамбовского района. На улице было темно. Не доходя где-то 30 м до остановки, он увидел на ней троих мужчин. Двое из них стояли на краю проезжей части на расстоянии примерно 20 см от обочины, а третий стоял на обочине, у кромки асфальта. Мужчины стояли лицом друг к другу. Водитель машины никаких сигналов не подавал и схему к этому протоколу допроса, на которой один из потерпевших указан стоящим на обочине, а двое на проезжей части дороги. А также на показания потерпевшего С.В.Н., показавшего, что он, С.М.Н. и О.В.В. в момент наезда стояли на обочине.

Указанные доказательства не могут быть положены в основу обвинения подсудимого, поскольку, в судебном заседании Л.В.А. эти показания не подтвердил и пояснил, что не видел точное местонахождение потерпевших по причине темного времени суток, большого расстояния до потерпевших, а также скоротечности

произшедшего. На схеме к допросу правильно указано только как относительно друг друга стояли потерпевшие, но не где они стояли. Противоречивость показаний Л.В.А. состоит и в том, что во время предварительного расследования он давал показания, оглашенные в судебном заседании в порядке ч. 3 ст. 281 УПК РФ, согласно которым около 19 ч. 15 мин. он со своей женой шел на остановку. Не доходя 30 м до остановки, он увидел, что во встречном им направлении двигался автомобиль. В это время около остановки стояли трое мужчин. Они стояли вместе на краю проезжей части дороги. Машина сбита всех троих. Противоречия в показаниях свидетеля Л.В.А. предварительным следствием не устранены и объективных оснований для принятия за основу показаний Л.В.А. и непринятия показаний стороной обвинения суду не представлено.

Что касается показаний потерпевшего С.В.Н., то государственный обвинитель в обоснование вины подсудимого принимает во внимание его показания в части фактического нахождения пострадавших — на обочине, без учета, указанного потерпевшим расстояния до проезжей части, полагая, что С.В.Н. мог плохо ориентироваться, поскольку находился в момент ДТП в состоянии алкогольного опьянения. Признание государственным обвинителем части показания потерпевшего С.В.Н. соответствующими действительности, а части показаний не соответствующими, суд считает недопустимым, так как он был подробно допрошен по этому вопросу и, оценивая его показания, находит их противоречивыми, несостоятельными и не согласующимися с материалами дела в целом, поскольку, даже согласно схеме к протоколу осмотра места ДТП, обнаруженные, но не идентифицированные автомобильные следы на обочине находятся на максимальном удалении от проезжей части на расстоянии 0,4 м, что исключает наезд на потерпевшего исходя, из его показаний. Кроме того, физически невозможно нахождение треугольником троих мужчин на участке обочины в 40 см, тем более, при указанном С.В.Н. расстоянии между ними в 70 см.

Также, в качестве доказательств превышения К.А.С. скорости движения и выезда на обочину (нарушение п.п. 8.1, 9.9, 10.2 «Правил дорожного движения РФ») суду представлены показания потерпевших О.Н.Е., С.Т.В., представителя потерпевшего С.В.Н., свидетелей Е.Л.Н., В.Т.Н. и П.И.Н., из которых следует, что от жены подсудимого К.О.А. они знают о том, что К.А.С., находясь в состоянии алкогольного опьянения, двигался со скоростью свыше 100 км/ч, выехал на обо-

чину и совершил наезд на пешеходов. Также суду представлен протокол осмотра места происшествия со схемой, согласно которым на обочине обнаружен автомобильный след.

Суд считает, что показания потерпевших и представленных ими свидетелей не могут быть положены в основу обвинения подсудимого, поскольку они не были очевидцами ДТП, их показания опровергаются доказательствами, исследованными в судебном заседании, а сами потерпевшие и свидетели являются родственниками между собой и с погибшими, что не исключает их заинтересованности. Кроме того, кроме свидетеля К.О.А., также и свидетели стороны защиты Р.Н.П. и Р.В.А., которые присутствовали при разговорах между К.О.А. и потерпевшими, в которых К.О.А. предлагала помощь, отрицают ведение разговора об обстоятельствах ДТП.

Каких-либо доказательств ограничения скоростного режима на участке дороги, где произошло ДТП, кроме как п. 10.2 «Правил дорожного движения РФ», суду не представлено и судом не добыто.

Также нельзя признать достоверным, что К.А.С. допустил выезд на обочину на основании протокола осмотра места происшествия и схемы к нему (л.д. 3–8), поскольку след автомобиля на обочине не идентифицирован (заключение трасологической экспертизы л.д. 423), а из показаний очевидца ДТП свидетеля Л.В.А. следует, что автомобиль К.А.С. двигался прямолинейно по проезжей части и на обочину не выезжал.

Таким образом, ни государственным обвинителем, ни потерпевшими не представлены, и судом не добыто доказательств, бесспорно свидетельствующих о превышении К.А.С. допустимой скорости, движении по обочине и нахождении потерпевших за пределами проезжей части вне полосы движения автомобиля К.А.С. Давая оценку исследованным в судебном заседании доказательствам и с учетом ст. 49 Конституции РФ, когда все неустранимые сомнения трактуются в пользу обвиняемого и ч. 3 ст. 14 УПК РФ, согласно которой все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого, суд приходит к убеждению, что все трое потерпевших С.В.Н., С.М.Н. и О.В.В., в момент ДТП в нарушение п. 4.8 «Правил дорожного движения РФ», находились на проезжей части в полосе движения автомобиля К.А.С., движение автомобиля К.А.С. было прямолинейным по проезжей части со скоростью 60 км/ч.

Достоверно судом установлено, что К.А.С. нарушены вмененные ему п. 2.5 и 2.7. «Правил дорожного движения РФ», однако, исходя из анализа доказательств, наступившие последствия не находятся в причинно-следственной связи с допущенными К.А.С. нарушениями «Правил дорожного движения РФ», в связи с чем по делу должен быть постановлен оправдательный приговор.

По другому уголовному делу судом было установлено, что в вечернее время в купе № вагона поезда «Ташкент–Москва» неустановленным лицом было совершено убийство Х.Х.Р. а также разбойное нападение, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением оружия в отношении потерпевших И.Х.З., К.З.И., А.Г.Ж., Х.Х.Р. Что касается доказательств, представленных государственным обвинителем, то они как каждое в отдельности, так и в совокупности не дают оснований для вывода о виновности подсудимого в совершении преступлений. В судебном заседании государственный обвинитель, сославшись на показания, данные потерпевшими на предварительном следствии, считает, что личность обвиняемого бесспорно установлена. Однако, в показаниях потерпевших в части описания лица, совершившего убийство и разбойное нападение, имеются существенные противоречия. Оpozнание подсудимого А.Ф.И. на предварительном следствии проведено не было. Таким образом, ссылка государственного обвинителя на показания потерпевших, как на доказательство того, что именно подсудимый А.Ф.И. совершил убийство Х.Х.Р. и разбойное нападение, не состоятельна. Показания потерпевших противоречивы также и по обстоятельствам совершения преступления. Суд, оценив доказательства, пришел к выводу, что имеются неустранимые сомнения в установлении личности лица, совершившего рассматриваемые преступления: противоречия в части описания лица в показаниях потерпевших, отсутствие опознания А.Ф.И. в ходе предварительного следствия, пояснения свидетеля И. о том, что подсудимого он видел один раз, что согласуется с показаниями А., отсутствие в показаниях потерпевших и свидетелей указания на существенную, по мнению суда, примету, указанную подсудимым (не опровергнутую стороной обвинения), а именно наличие у него при передвижении бадика; сомнения в установлении личности потерпевших; сомнения в установлении обстоятельств совершения рассматриваемых преступлений (преступления).

Кроме того, из материалов дела не усматривается, по каким основаниям органы предварительного следствия привлекли к уголовной ответственности за рассматриваемые преступления именно А.Ф.И.: нет данных о том, что А.Ф.И. был застигнут при совершении преступления или непосредственно после него; никто из очевидцев не указывает на А.Ф.И., как на лицо, совершившее преступление; следов преступления, орудий совершения преступления, указывающих на совершение преступления А.Ф.И., не обнаружено. Все неустрашимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого. Поэтому А.Ф.И. по предъявленному обвинению по ч. 1 ст. 105 УК РФ, ч. 2 ст. 162 УК РФ и ч. 2 ст. 162 УК РФ был оправдан по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Подводя итог, мы полагаем, что оценка доказательств и их использование не являются тождественными элементами процесса доказывания, несмотря на то, что в практической деятельности уполномоченных органов указанные этапы тесно взаимосвязаны, могут осуществляться совместно или параллельно друг другу.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что под доказыванием необходимо понимать регулируемую уголовно-процессуальным законом мыслительную и практическую деятельность субъектов доказывания по собиранию, проверке, оценке и использованию доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, а равно установления материальной и процессуальной истины по уголовному делу.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Безлепкин Б.Т. Доказательства в советском уголовном процессе / Под ред. В.П. Божьева. М., 1990.
3. Громов Н.А. Макаров Л.В., Францифиров Ю.В. Сущность уголовно-процессуального доказывания // Следователь. 2001. № 1. С. 12.
4. Зажицкий В.И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб.: Юридический центр Пресс. 2015.
5. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Концептуальные основы. Ижевск, 2002.
6. Ковтун Н.Н. Спорные вопросы в теории доказательств (об устранении действительных и мнимых противоречий в уголовном процессе // Государство и право. 1997. № 6. С. 70.
7. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.

8. Кузнецов Н.П. Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Воронеж, 1998.

9. Пиантковский А.А. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики // Советская криминалистика на службе следствия. М., 1955.

10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968.

11. Ульянова А.Т. Доказательства в уголовном процессе. Общие положения. М., 2018.

12. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М., 2008.

13. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972.

14. Якимович Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. Томск, 2015.

References

1. Uголовno-protsessual'nyy kodeks RF ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ // SZ RF. 2001. № 52 (ch. I). St. 4921.
2. Bezlepkina B.T. Dokazatel'stva v sovetskom ugovnom protsesse / Pod red. V.P. Bozh'eva. M., 1990.
3. Gromov N.A. Makarov L.V., Frantsifirov Yu.V. Sushchnost' ugovno-protsessual'nogo dokazyvaniya // Sledovatel'. 2001. № 1. S. 12.
4. Zazhitskiy V.I. Dokazatel'stva i dokazyvaniye po UPK RF. SPb.: Yuridicheskiy tsentr Press. 2015.
5. Zinatullin Z.Z. Uголовno-protsessual'noe dokazyvanie. Kontseptual'nye osnovy. Izhevsk, 2002.
6. Kovtun N.N. Spornye voprosy v teorii dokazatelstv (ob ustranении deystvitel'nykh i mnimyykh protivorechiy v ugovnom protsesse // Gosudarstvo i pravo. 1997. № 6. S. 70.
7. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. Uголовnyy protsess: dokazatel'stva i dokazyvaniye. Voronezh, 1995.
8. Kuznetsov N.P. Dokazyvanie i ego osobennosti na stadiyakh ugovnogo protsessa Rossii: Avtoref. diss. ... dokt. yurid. nauk. Voronezh, 1998.
9. Piantkovskiy A.A. K voprosu o teoreticheskikh osnovakh sovetskoy kriminalistiki // Sovetskaya kriminalistika na sluzhbe sledstviya. M., 1955.
10. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa. Osnovnye polozheniya nauki sovetskogo ugovnogo protsessa. T. 1. M., 1968.
11. Ul'yanova A.T. Dokazatel'stva v ugovnom protsesse. Obshchie polozheniya. M., 2018.
12. Ul'yanova L.T. Predmet dokazyvaniya i dokazatel'stva v ugovnom protsesse Rossii. M., 2008.
13. Sheyfer S.A. Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse. M., 1972.
14. Yakimovich Yu.K. Dokazatel'stva i dokazyvanie v ugovnom protsesse Rossii. Tomsk, 2015.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Екатерина Александровна Прохорова, заместитель начальника кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: prokhorovae@mail.ru

Виктор Анатольевич Саморока, доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: samoroka@yandex.ru

Михаил Сергеевич Балаянц, доцент кафедры административного и уголовного права юридического факультета, кандидат юридических наук
Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (302028, Орел, б-р Победы, д. 5А)
E-mail: balayani300181@icloud.com

Аннотация. Рассмотрены проблемы дифференциации уголовно-процессуальной формы предварительного расследования. Обоснована необходимость реформирования института дознания, наделения его новыми чертами, соответствующими потребностям современной практики.

Ключевые слова: дифференциация уголовно-процессуальной формы предварительного расследования, предварительное следствие, дознание, дознание в сокращенной форме, реформирование института дознания.

ABOUT DIFFERENTIATION OF THE CRIMINAL PROCEDURAL FORM OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Ekaterina A. Prokhorova, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: prokhorovae@mail.ru

Viktor A. Samoroka, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: samoroka@yandex.ru

Mikhail S. Balayants, Associate Professor of the Department of Administrative and Criminal Law of the Faculty of Law, Candidate of Legal Sciences
Central Russian Institute of Management — Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (302028, Orel, b-r Pobedy, d. 5A)
E-mail: balayani300181@icloud.com

Abstract. The problems of differentiation of the criminal procedure form of preliminary investigation are considered. The necessity of reforming the Institute of inquiry, giving it new features that meet the needs of modern practice is justified.

Keywords: differentiation of the criminal procedure form of preliminary investigation, preliminary investigation, inquest, inquiry in abbreviated form, reforming the Institute of inquiry.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Прохорова Е.А., Саморока В.А., Балаянц М.С. Дифференциации уголовно-процессуальной формы предварительного расследования. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):203–206.

В российском уголовном судопроизводстве предварительное расследование традиционно осуществляется в двух формах — предварительное следствие и дознание.

Дифференциация формы досудебного производства путем выделения дознания большинством ученых объясняется попыткой разгрузить следственный аппарат, возложив на дознавателей расследо-

вание уголовных дел о большинстве преступлений небольшой и средней тяжести, не представляющее значительной сложности, не требующее длительного производства и допускающее некоторые изъятия из общих правил производства предварительного следствия.

Одним из основных отличий дознания от предварительного следствия является сокращенный срок.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в первоначальной редакции предусматривал, что дознание производится в течение 15 суток с возможностью продления этого срока не более чем на 10 суток.

Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ¹ этот срок был увеличен до 20 суток с возможностью продления не более чем на 10 суток.

Важной особенностью дознания, по сравнению с предварительным следствием, являлось то, что оно производилось только по уголовным делам, возбуждаемым в отношении конкретных лиц, т.е. в уголовном деле с момента его возбуждения имелся подозреваемый. Именно это обстоятельство во многом обуславливало возможность расследования в кратчайшие сроки, поскольку задача раскрытия преступления в таком случае перед дознавателем не ставилась.

Правовое регулирование сроков и порядка производства дознания полностью соответствовало сущности анализируемой формы предварительного расследования — ускоренное производство, осуществляемое в упрощенном порядке.

Вместе с тем, практика показала, что дознаватели не всегда укладывались в отведенный для них срок.

Учитывая, что возможности продления срока, установленного ст. 223 УПК РФ, свыше 25, а в последующем 30 суток, законодатель не предусмотрел, что дознаватель в сложившейся ситуации мог принять единственное решение — о направлении уголовного дела для производства предварительного следствия. В итоге, вместо «разгрузки», органы предварительного следствия получили дополнительную «нагрузку», причем не обусловленную фактическими обстоятельствами в виде усложнения уголовного дела. Следователи оказались завалены «мелкими» делами, которые дознаватели просто не успели расследовать.

Решение проблемы требовалось на законодательном уровне путем создания дознавателям гарантий реализации установленных сроков, например, правовой регламентации сокращенных сроков производства экспертизы.

Но внесение изменений в УПК РФ Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ² показало, что законодатель избрал иной путь, приблизив дознание по своей сущности к предварительному следствию.

Срок дознания был увеличен до 30 суток с возможностью продления на 30 суток, а затем, в необходимых случаях, — до 6 и даже, в исключительных случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помо-

щи, — до 12 месяцев. И хотя срок дознания все равно остается меньше срока предварительного следствия, назвать ускоренным такое производство уже нельзя.

Лишилось дознание и главного условия, дающего возможность произвести расследование в кратчайшие сроки, — производство только по уголовным делам, возбуждаемым в отношении конкретных лиц.

На первый взгляд, дознание продолжает оставаться упрощенным, по сравнению с предварительным следствием, производством ввиду наличия особого основания для наделения лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, процессуальным статусом подозреваемого — уведомления о подозрении, а также слияния моментов наделения лица процессуальным статусом обвиняемого и окончания дознания. Тем не менее, детальный анализ этих особенностей позволяет провести аналогию между уведомлением о подозрении и предъявлением обвинения, составлением обвинительного акта и обвинительного заключения.

Наиболее существенным отличием двух форм расследования остается распределение уголовных дел между следователями и дознавателями. Согласно ч. 3 ст. 150 УПК РФ, дознание производится по уголовным делам о большинстве преступлений небольшой и средней тяжести. Но данное обстоятельство не может считаться ключевым признаком дознания, поскольку отнесение уголовного дела, в зависимости от тяжести и характера преступления, к ведению различных органов предварительного расследования является не чем иным, как предметным видом подследственности, который лежит и в основе распределения уголовных дел между следователями.

Вместе с тем, даже при таких обстоятельствах дознание имело бы право на существование, если бы не одно «но»...

Дознаватели по-прежнему умудряются не укладываться в отведенные для них сроки. При этом объяснить это объективными обстоятельствами становится все труднее — неужели для производства экспертизы и других следственных действий недостаточно 6 месяцев? Такие случаи встречаются, но являются единичными.

¹ Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

² Федеральный закон от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

Руководство Следственного департамента МВД России в обзорах состояния законности указывает, что в 10% случаев незаконное привлечение граждан к уголовной ответственности допущено по причине низкого качества дознания и следствия по уголовным делам, поступившим из подразделений дознания и органов предварительного следствия других ведомств.

Анализ причин, послуживших почвой для выявленных нарушений, позволяет сделать вывод, что часто процессуальные решения о возбуждении уголовного дела и привлечении к уголовной ответственности фигуранта дознавателем принимаются преждевременно, ввиду ненадлежащего контроля со стороны начальника подразделения дознания и начальника органа дознания, однако это выявляется лишь в ходе предварительного следствия, когда уголовное дело передано из дознания в следствие.

Интервьюирование руководителей следственных органов показывает, что, как правило, материалы уголовных дел, переданные из дознания, «сырые» «заволокиченные». Встречаются примеры, когда в уголовном деле основной объем процессуальных документов занимают постановления о продлении сроков дознания, при том, что к моменту истечения шестимесячного срока расследования объем уголовного дела априори должен быть значительным.

Глубинными причинами такой ситуации является нежелание органов дознания принимать итоговое процессуальное решение, сопряженное с возможной последующей реабилитацией лица. После передачи уголовного дела решение о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям вынужден принимать следователь, ухудшая статистические показатели своего подразделения и беря на себя «бремя ответственности» за это «непопулярное» решение.

В итоге ситуация складывается таким образом, что опять нагружен следственный аппарат, но при этом еще и страдают интересы сторон уголовного судопроизводства — расследование затягивается на неопределенный срок, ввиду чего говорить о защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод уже не приходится.

Очередной попыткой реформировать дознание явилось введение в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ³ понятия «дознание в сокращенной форме».

Сразу следует оговорить, что буквальное толкование нового понятия не позволяет считать его видом дознания, наряду с дознанием, регламентированным гл. 32 УПК РФ, по той причине, что именно гл. 32 УПК РФ носит название, идентичное дефиниции, закрепленной п. 8 ст. 5 УПК РФ.

Учитывая, что нормы, посвященные дознанию в сокращенной форме, включены в разд. VIII «Предварительное расследование» УПК РФ, логично считать данный вид досудебного производства самостоятельной формой предварительного расследования.

Тем не менее, считаем данный факт очередным несовершенством правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности в части терминологии уголовного-процессуального закона и разделяем позицию ученых, согласно которой дознание в сокращенной форме представляет собой проявление дифференциации не форм предварительного расследования, а внутри их [1, с. 325], т.е. дознание в сокращенной форме является разновидностью дознания [2, с. 35].

Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации существует два вида дознания: дознание в общем порядке, регламентированное гл. 32 УПК РФ, и дознание в сокращенной форме, регламентированное гл. 32.1 УПК РФ.

Дознание в сокращенной форме переняло основные черты дознания, существовавшего до внесения изменений Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ.

Этот вид дознания является ускоренным производством — его срок составляет не более 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме и может быть продлен до 20 суток.

Дознание в сокращенной форме производится при наличии условий, которые обуславливают возможность упрощения его порядка и сокращения срока — уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица, т.е. в уголовном деле с самого начала имеется подозреваемый, при этом подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела.

³ Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

Дознание в сокращенной форме оправдывает свое наименование, процедура производства в таком случае существенно отличается от предварительного следствия — по предмету, процессу доказывания, порядку окончания и т.д.

Именно данный вид дознания наделен гарантиями реализации быстроты уголовного судопроизводства — законодательно закрепленная возможность не дублировать действия, произведенные на стадии возбуждения уголовного дела, установление трехсуточного срока ознакомления обвиняемого и его защитника с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела и др.

В целом же, анализ законодательных изменений института дознания с момента принятия УПК РФ свидетельствует об их непоследовательности и указывает на отсутствие у законодателя четкой концепции по данному вопросу.

Сущность дознания, на наш взгляд, состоит в следующем.

Согласно п. 8 ст. 5 УПК РФ, дознание — форма предварительного расследования, осуществляемого дознавателем (следователем), по уголовному делу, по которому производство предварительного следствия необязательно.

Производство дознания дознавателем не является основным признаком данного понятия, тем более что, как следует из определения, дознание может производиться и следователем.

Ключевой фразой в рассматриваемой дефиниции является «производство предварительного следствия необязательно»; соответственно, именно это обстоятельство дает возможность произвести расследование в иной, отличной от предварительного следствия, форме.

Предварительное следствие необязательно по причине того, что расследование некоторых преступлений не представляет сложности по ряду причин.

Одной из таких причин является небольшая и средняя тяжесть расследуемого преступления — именно данный критерий положен в основу ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Такой признак позволяет предположить, что расследование уголовного дела не будет чрезмерно трудоемким, поскольку все значимые обстоятельства «лежат на поверхности» либо устанавливаются без лишних усилий. Тем не менее, он также не является определяющим хотя бы потому, что рас-

следование не всех преступлений небольшой и средней тяжести осуществляется в форме дознания.

Помимо этого, должны быть какие-либо обстоятельства, свидетельствующие о том, что расследование может быть произведено в упрощенной форме — с меньшим количеством процессуальных действий, отсутствием некоторых традиционных для предварительного следствия этапов, краткостью некоторых процессуальных процедур. Таким обстоятельством может выступать, например, наличие в уголовном деле с момента его возбуждения подозреваемого, согласие подозреваемого с подозрением и т.п.

Названные обстоятельства позволяют обеспечить реализацию одного из внешних признаков дознания — сокращенного срока.

На настоящий момент сущности дознания в большей степени соответствует дознание в сокращенной форме, а дознание в общем порядке оказалось лишено основных ключевых признаков рассматриваемого понятия.

Изложенное свидетельствует о том, что назрела необходимость реформирования института дознания, основными направлениями которого должны стать упразднение дознания в общем порядке и дальнейшее развитие и усиление гарантий реализации норм о производстве дознания в сокращенной форме.

Литература

1. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / Под ред. А.В. Ендольцевой, О.В. Химичевой, Е.Н. Клешиной. М., 2014.

2. Химичева О.В., Химичева Г.П. Дифференциация как основной тренд современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 35.

References

1. Ugolovno-protsessual'noe pravo (Ugolovnyy protsess): Uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyu podgotovki «Yurisprudentsiya» / Pod red. A.V. Endol'tsevoy, O.V. Khimichевой, E.N. Kleshchinoy. M., 2014.

2. Khimicheva O.V., Khimicheva G.P. Differentsiatsiya kak osnovnoy trend sovremennogo ugolovnogogo sudoproizvodstva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 1. S. 35.

УДК 343.2/7
ББК 67.73

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10171
© И.Н. Клименков, 2020

Научная специальность 12.00.11 — судебная деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ КОНКУРЕНЦИИ МЕЖДУ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ФАС РОССИИ

Илья Николаевич Клименков, начальник 24 отдела Управления «Б»
ГУЭБиПК МВД России (107078, Москва, ул. Новорязанская, д. 8а, стр. 3)
E-mail: iklimenkov@mvd.ru

Аннотация. Проанализирована компетенция ФАС России и органов внутренних дел по обеспечению конкуренции в Российской Федерации. Необходимость анализа этой системы обусловлена целями формирования сбалансированной конкурентной среды и исключения картельных сговоров в Российской Федерации. Рассмотрены основные нормативные правовые акты, регулирующие деятельность ФАС России и органов внутренних дел в сфере обеспечения конкуренции; сделан вывод об основных направлениях реализации их компетенции в данной сфере.

Ключевые слова: Федеральная антимонопольная служба, конкуренция, монополия, органы внутренних дел, законодательство.

SOME ISSUES OF DELIMITATION OF COMPETENCE TO ENSURE COMPETITION BETWEEN LAW ENFORCEMENT BODIES AND THE FAS RUSSIA

Илья N. Klimenkov, Head of 24 of Department «B»
GUEBiPK of the Ministry of internal Affairs of Russia (107078, Moscow, ul. Novoryazanskaya, d. 8a, str. 3)
E-mail: iklimenkov@mvd.ru

Abstract. Analyzed the competence of the FAS Russia and internal affairs bodies to ensure competition in the Russian Federation. The need for analysis of this system is due to the goals of creating a balanced competitive environment and eliminating cartel conspiracies in the Russian Federation. Considers the main regulatory legal acts regulating the activities of the FAS Russia and internal affairs bodies in the field of ensuring competition and concludes on the main directions for the implementation of their competence in this area.

Keywords. Federal Antimonopoly Service, competition, monopoly, internal affairs bodies, legislation.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Клименков И.Н. Некоторые вопросы разграничения компетенции по обеспечению конкуренции между органами внутренних дел и ФАС России. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):207–212.

Согласно подп. 7 п. 16 «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» одной из задач развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики выступает осуществление контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд и предотвращение картельных сговоров.

Такая задача в полной мере может быть реализована только через эффективно работающий механизм обеспечения конкуренции в Российской Федерации.

Антимонопольное законодательство в своем понятийном аппарате достаточно часто употребляет словосочетание «обеспечение конкуренции», при этом легально, например, в Федеральном законе «О

защите конкуренции», данное понятие не раскрывается¹. Законодатель только раскрывает содержание самого понятия конкуренция, указывая на то, что это соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке.

В федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспече-

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (в ред. от 8 января 2020 г.) «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

ния государственных и муниципальных нужд»² (ст. 8) говорится о принципах обеспечения конкуренции, при этом указывается, что контрактная система в сфере закупок направлена на создание равных условий для обеспечения конкуренции между участниками закупок.

Таким образом на законодательном уровне не раскрывается содержание значения дефиниции «обеспечение конкуренции», при этом указывается на принципы осуществления такой деятельности в различных сферах экономики.

В правовой доктрине дефиниция «обеспечение конкуренции» раскрывается через описание механизма осуществления данной деятельности. Так, например, М.А. Егорова предлагает под мерами обеспечения конкуренции понимать меры государственного принуждения, применяемые к физическим и юридическим лицам, а также органам государственной власти и местного самоуправления в случае нарушения ими антимонопольного законодательства или наличия информации о планировании ими действий, способных привести к нарушению антимонопольного законодательства. Сами меры обеспечения конкуренции М.А. Егорова классифицирует на меры защиты конкуренции (применяются исключительно антимонопольным органом) и меры ответственности за нарушение антимонопольного законодательства (применяются не только антимонопольным органом, но иными органами государственной власти, в том числе органами внутренних дел, в процессе привлечения нарушителя антимонопольного законодательства к гражданско-правовой, административно-правовой и уголовно-правовой ответственности) [2, с. 451].

Разделяя мнение автора о научной проработанности данной классификации, отметим, что меры защиты конкуренции, по своей правовой природе, являются мерами оперативного воздействия на нарушителей антимонопольного законодательства, которые позволяют предотвратить его нарушение и причинить ущерб как экономике Российской Федерации, так правам и законным интересам отдельных участников экономической деятельности. При этом особенность применения таких мер явно выражена в том, что они могут быть реализованы только через компетенцию антимонопольного органа. Однако, учитывая общественную опасность антиконкурентных соглашений и иных нарушений антимонополь-

ного законодательства, для всестороннего и полного закрепления доказательственной базы в данной сфере считаем, что уже на стадии применения мер оперативного воздействия антимонопольный орган должен своевременно взаимодействовать с органами внутренних дел для обеспечения эффективного оперативного сопровождения выявленных нарушений и пресечения преступного поведения в данной сфере.

Завершая исследование доктринальных подходов к определению сущности дефиниции «обеспечение конкуренции» отметим, что в правовой науке неоднократно указывалось на необходимость совершенствования понятийного аппарата антимонопольного законодательства. Так, по мнению А.В. Габова «Анализируя состав антимонопольного законодательства, нельзя обойти вниманием следующую проблему: Закон о защите конкуренции, являясь базовым, не дает определения понятия «поддержка конкуренции». Важнейшее конституционное понятие остается, по сути, нераскрытым... Нормы этого Закона начинают пересекаться с областью гражданского законодательства, в результате чего пропадает целостность нормативного акта... Принимая во внимание изложенное, можно заключить, что выводы отдельных исследователей относительно того, что формирование антимонопольного законодательства «как отдельной отрасли законодательства завершено» [4, с. 13, 20], преждевременны» [1, с. 10].

В настоящее время в правовой доктрине сформирована точка зрения, согласно которой в процессе обеспечения конкуренции центральное место принадлежит антимонопольному органу. Так, в монографии Н.Н. Надежина отмечено, что обеспечение конкуренции выступает самостоятельным направлением государственного регулирования, для осуществления которого создан специализированный орган исполнительной власти, сегодня именуемый «Федеральная антимонопольная служба РФ» [3, с. 101]. В свою очередь, М.А. Егорова указывает, что центральным звеном в системе субъектов конкурентного права является государство, которое действует в лице Федеральной антимонопольной

² Федеральный закон Российской Федерации от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 9 марта 2020 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

службы как органа, уполномоченного на осуществление контроля за соблюдением антимонопольного законодательства [2, с. 114].

В целом с высказанными точками зрения можно согласить лишь от части, так как в условиях современных экономических отношений, принимая во внимание несовершенство антимонопольного законодательства, реализация компетенции ФАС России по обеспечению конкуренции встречает определенные затруднения. Так, в правоприменительной практике, в случае, когда антимонопольный орган сам выявил, доказал, принял решение в отношении нарушителя антимонопольного законодательства, т.е. реализовал свою компетенцию, в результате чего выявил признаки преступления (в том числе предусмотренного ст. 178 УК РФ) и уже готовый материал отправил в правоохранительные органы, привлечь к уголовной ответственности подозреваемого, а как следствие — эффективно обеспечить конкуренцию, становится фактически невозможным. Так как все, что можно уничтожить, уже уничтожили, а на тех доказательствах, которые достаточны для того, чтобы доказать вину юридических лиц, зачастую невозможно доказать вину физических или должностных лиц в уголовном процессе.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что в части применения мер оперативного реагирования ФАС России в сфере обеспечения конкуренции занимает центральное место, однако в дальнейшем в процессе защиты конкуренции (как способа обеспечения конкуренции), эффективность реализации компетенции ФАС России во многом зависит от своевременного взаимодействия с органами внутренних дел, реализующих свою компетенцию в данной сфере.

При этом полномочия ФАС России как антимонопольного органа определены как на уровне подзаконных актов, так и федеральными законами. Например, из постановления Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. № 331, следует, что к функциям антимонопольных органов относятся, в частности:

- ♦ развитие предпринимательства и конкуренции на товарных рынках Российской Федерации;
- ♦ контроль за соблюдением антимонопольного законодательства, предупреждение и пресечение недобросовестной конкуренции, монополистической деятельности, ограничений конкуренции;

♦ контроль за соблюдением законодательства о рекламе;

♦ надзор и контроль за соблюдением законодательства о естественных монополиях;

♦ контроль в сфере размещения государственных заказов;

♦ контроль иностранных инвестиций;

♦ контроль за экономической концентрацией;

♦ контроль за соблюдением антимонопольных требований при проведении торгов³.

В соответствии со ст. 23 Федерального закона «О защите конкуренции» ФАС России осуществляет такие полномочия, как:

♦ возбуждение и рассмотрение дел о нарушениях антимонопольного законодательства;

♦ выдача в случаях, указанных в этом Законе, обязательных для исполнения предписаний, направленных на прекращение нарушений и устранение их последствий;

♦ привлечение к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства;

♦ выдача предупреждений о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства, в случаях, указанных в Законе;

♦ направление в Центральный банк Российской Федерации предложения о приведении в соответствие с антимонопольным законодательством принятых им актов и (или) прекращении действий, в случае если такие акты и (или) действия нарушают антимонопольное законодательство;

♦ проведение проверок соблюдения антимонопольного законодательства;

♦ направление предостережений о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства; привлечение к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства [2, с. 115].

В рамках настоящего исследования будет проанализирована компетенция органов внутренних дел, наделенных полномочиями на осуществление оперативно-разыскной деятельности и уголовного преследования в сфере обеспечения конкуренции. К органам внутренних дел, реализующих полномочиями по проведению оперативно-разыскной дея-

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. № 331 (в ред. от 30 ноября 2018 г.) «Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3259.

тельности, уголовному преследованию, в том числе за нарушение антимонопольного законодательства, относится МВД России и его структурные подразделения⁴, которое является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в сфере миграции, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере внутренних дел⁵.

Учитывая специфику осуществления такой деятельности, как обеспечение конкуренции, которая является частью экономической безопасности Российской Федерации, а также содержание ст. 178 УК РФ⁶, непосредственное осуществление мероприятий, направленных на обеспечение конкуренции в Российской Федерации, осуществляют подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России.

В структуре МВД России создано Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГУЭБиПК МВД России)⁷. Главное управление в установленном порядке осуществляет взаимодействие по вопросам своей деятельности с подразделениями системы МВД России, соответствующими подразделениями правоохранительных органов, государственных и муниципальных органов, общественными объединениями и организациями, а также в соответствии с международными договорами Российской Федерации с правоохранительными органами иностранных государств и международными полицейскими организациями.

Можно выделить следующие основные функции ГУЭБиПК МВД России в сфере обеспечения конкуренции в Российской Федерации:

1) осуществление комплексного анализа эффективности мер, принимаемых территориальными органами МВД России, их структурными подразделениями, по реализации основных направлений государственной политики, отнесенных к компетенции Главного управления;

2) определение приоритетных направлений совершенствования служебной деятельности территориальных органов МВД России, их структурных

подразделений по вопросам, относящимся к компетенции Главного управления;

3) анализ и мониторинг оперативной обстановки в установленной сфере деятельности, разработка мер по оперативному реагированию на ее изменение, а также подготовка проектов стратегических решений по вопросам, отнесенным к компетенции Главного управления, на основе проводимого анализа прогнозов изменения оперативной обстановки;

4) осуществление оперативно-разыскной деятельности в полном объеме;

5) участие в проведении оперативно-поисковых и оперативно-технических мероприятий;

6) проведение совместно с подразделениями экономической безопасности оперативно-разыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экономической и коррупционной направленности;

7) разработка, организация и проведение в установленном порядке специальных операций и оперативно-профилактических мероприятий по вопросам деятельности Главного управления;

8) организация и участие в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений экономической и коррупционной направленности, в том числе совершенных организованными группами, преступными сообществами (преступными организациями), носящими транснациональный или межрегиональный характер либо вызывающими большой общественный резонанс, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших при финансировании целевых программ и национальных проектов, сопровождении крупнейших инвестиционных проектов, размещении заказов для

⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 2 декабря 2019 г.) «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 (в ред. от 25 декабря 2019 г.) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 52 (ч. V). Ст. 7614.

⁶ Федеральный закон Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29 февраля 2020 г.) «Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁷ Приказ МВД России от 16 марта 2015 г. № 340 «Об утверждении положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации». Официальный сайт МВД России // URL://<https://xn--b1aew.xn--plai/mvd/structure1>

государственных и муниципальных нужд; в бюджетной сфере и при ограничении конкуренции;

9) осуществление в пределах своей компетенции оперативного сопровождения уголовных дел;

10) организация и проведение исследований финансово-хозяйственных документов и ревизий в целях выявления, пресечения и раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений экономической и коррупционной направленности, в том числе совершенных организованными группами, преступными сообществами (преступными организациями), носящими транснациональный или межрегиональный характер либо вызывающими большой общественный резонанс;

11) принятие в пределах своей компетенции мер по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений экономической и коррупционной направленности;

12) документирование преступлений экономической и коррупционной направленности⁸.

На уровне субъектов РФ обеспечение конкуренции осуществляется подразделениями ЭБиПК территориальных органов МВД России. Подразделения ЭБиПК территориальных органов МВД России непосредственно осуществляют оперативно-разыскную и профилактическую деятельность на приоритетных направлениях борьбы с преступлениями экономической и налоговой направленности на соответствующей территории.

По официальным данным МВД России за январь–декабрь 2019 г. подразделениями ЭБиПК территориальных органов МВД России выявлено 16 (+8) преступлений, предусмотренных ст. 178 УК РФ (ограничение конкуренции), в том числе 16 (+8) — в крупном или особо крупном размере, по которым возбуждено 14 (+11) уголовных дел.

Преступления выявлены на территории Ставропольского края (2), Республики Хакасия (2), Свердловской области (1), г. Москвы (1), Московской области (2), г. Санкт-Петербурга (1), Приморского края (1), Мурманской области (1), Республики Карелия (1), Карачаево-Черкесской Республики (1), Республики Чувашия (1), Ямало-Ненецкого автономного округа (1), Самарской области (1)⁹.

Кроме оперативно-разыскной деятельности, компетенция органов внутренних дел в сфере обеспечения конкуренции реализуется через осуществление полномочий по уголовному преследованию за нарушение антимонопольного законодательства.

УПК РФ относит производство предварительного следствия по ст. 178 УК РФ к компетенции следователей органов внутренних дел Российской Федерации¹⁰. Расследование преступлений, в том числе ограничивающих конкуренцию, является одной из задач МВД России. Реализация данной задачи возложена на Следственный департамент МВД России, который является самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации, обеспечивающим и осуществляющим в пределах своей компетенции функции Министерства по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию, а также правоприменительные полномочия в сфере расследования преступлений, отнесенных к подследственности следователей органов внутренних дел Российской Федерации, а также исполнения законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве¹¹.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Деятельность всех уполномоченных субъектов по обеспечению конкуренции в Российской Федерации является базовым (основополагающим) инструментом, обеспечивающим формирование экономической безопасности, противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности, предотвращение кризисных явлений в ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах, а также недопущение снижения качества жизни населения.

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что в части применения мер оперативного воздействия на нарушения антимонопольного законодательства, таких как предостережение о недопустимости нарушения антимонопольного зако-

⁸ Приказ МВД России от 16 марта 2015 г. № 340 «Об утверждении положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации». Официальный сайт МВД России // URL://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1

⁹ Статистика и аналитика МВД России. Официальный сайт МВД России // URL://https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101761

¹⁰ Федеральный закон Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (в ред. от 4 ноября 2019 г.) «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

¹¹ Приказ МВД России от 1 июля 2011 г. № 780 «Об утверждении положения о Следственном департаменте Министерства внутренних дел Российской Федерации». Официальный сайт МВД России // URL://https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/

нодательства; предупреждение о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства; выдача антимонопольным органом предписаний; направление антимонопольным органом в Центральный банк Российской Федерации предложений о приведении в соответствие с антимонопольным законодательством принятых им актов и (или) прекращении действий, в случае если такие акты и (или) действия нарушают антимонопольное законодательство; внесение антимонопольным органом в лицензирующие органы предложений об аннулировании, отзыве лицензий на осуществление хозяйствующими субъектами, нарушающими антимонопольное законодательство, отдельных видов деятельности или о приостановлении действия таких лицензий, ФАС России в сфере обеспечения конкуренции занимает центральное место, однако в дальнейшем в процессе защиты конкуренции (как способ обеспечения конкуренции), эффективность реализации компетенции ФАС России во многом зависит от своевременного взаимодействия с органами внутренних дел, реализующих свою компетенцию в данной сфере.

МВД России и его структурные подразделения (ГУЭБиПК МВД России, а также подразделения ЭБиПК территориальных органов МВД России) в сфере обеспечения конкуренции осуществляют оперативно-разыскную деятельность в полном объеме в данной сфере. Участвуют в проведении оперативно-поисковых и оперативно-технических мероприятий в данной сфере. Помимо осуществления оперативно-разыскной деятельности в сфере обеспечения конкуренции в Российской Федерации МВД России, через реализацию полномочий Следственного департамента и его структурных подразделений, осуществляет уголовное преследование (предварительное следствие), чем реализует достаточно широкий спектр мер по обеспечению конкуренции в Российской Федерации.

Также считаем, что необходимо принципиально изменить подход к совместной реализации компетенции ФАС России и МВД России по обеспечению кон-

куренции, пересмотрев вопрос об участии сотрудников органов внутренних дел в оценке материалов, по которым предполагается проведение проверочных действий работниками антимонопольных органов. Основной упор должен быть сделан на информировании органов внутренних дел на ранней стадии выявления антимонопольными органами признаков картельных сговоров. Только своевременное подключение сотрудников органов внутренних дел к проверочным мероприятиям может создать условия для эффективного сбора доказательственной информации, прежде всего, в части доказывания субъективной стороны как должностных лиц организаций-конкурентов, так и должностных лиц государственных и муниципальных органов (представителей заказчика).

Литература

1. Амангельды А.А., Беляева О.А., Варламова А.Н. и др. Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений: Моногр. / Отв. ред. А.В. Габов. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2016.
2. Конкурентное право: Учебник / Под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. М.: Юстицинформ, 2018.
3. Надежин Н.Н. Гражданско-правовое обеспечение предпринимательства в России. М.: Статут, 2019.
4. Нельговский И.Е. Административно-правовое регулирование режима естественных монополий в Российской Федерации: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2004.

References

1. Amangel'dy A.A., Belyaeva O.A., Varlamova A.N. i dr. Konkurentsia v rynochnoy ekonomike: predely svobody i ogranicheniy: Monogr. / Otv. red. A.V. Gabov. M.: IZiSP, Yurisprudentsiya, 2016.
2. Konkurentnoe pravo: Uchebnik / Pod obshch. red. M.A. Egorovoy, A.Yu. Kineva. M.: Yustitsinform, 2018.
3. Nadezhin N.N. Grazhdansko-pravovoe obespechenie predprinimatel'stva v Rossii. M.: Statut, 2019.
4. Nel'govskiy I.E. Administrativno-pravovoe regulirovanie rezhima estestvennykh monopolii v Rossiyskoy Federatsii: Avtoref. diss. ... dokt. yurid. nauk. M., 2004.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В МВД РОССИИ

Сергей Александрович Попов, старший оперуполномоченный по особо важным делам 24 отдела Управления «Б»
ГУЭБиПК МВД России (107078, Москва, ул. Новорязанская, д. 8а, стр. 3)
E-mail: spopov_1978@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены основные доктринальные подходы к организации антикоррупционной системы безопасности в МВД России; проанализированы нормативные правовые акты в данной сфере; делается вывод об особенностях организации деятельности МВД России в данной сфере.

Ключевые слова: коррупция, теоретический анализ, противодействие коррупции, правоохранительные органы, система.

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF AN ANTI-CORRUPTION SECURITY SYSTEM IN THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey A. Popov, Senior Special Officer 24 departments of the Department «B»
GUEBiPK Ministry of Internal Affairs of Russia (107078, Moscow, ul. Novoryazanskaya, d. 8a, str. 3)
E-mail: spopov_1978@mail.ru

Abstract. The paper considers the main doctrinal approaches to organizing an anti-corruption security system in the Ministry of Internal Affairs of Russia, analyzes the regulatory legal acts in this area, and also draws a conclusion about the features of the organization of activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in this area.

Keywords: corruption, theoretical analysis, anti-corruption, law enforcement, system.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Попов С.А. Особенности организации антикоррупционной системы безопасности в МВД России. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):213–216.

Современное состояние системы противодействия коррупции в органах внутренних дел можно обозначить как в целом сформировавшуюся и достаточно эффективную. В.М. Костеников и А.А. Макаров указывают, что «под коррупцией в органах внутренних дел необходимо понимать любое противоправное использование сотрудниками ОВД своего статуса в целях незаконного получения каких-либо преимуществ для себя либо незаконное предоставление преимуществ любым другим лицам вне зависимости от совершения данных деяний лично или через посредников, вопреки законным интересам личности, общества и государства» [3, с. 136].

А.Д. Сафронов выделяет наиболее типичные виды коррупционных правонарушений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел: 1) использование статуса сотрудника ОВД для вмешательства в деятельность государственных и негосударственных органов; 2) оказание незаконного предпочтения при принятии решений, входящих в полномочия сотрудника; 3) представление интересов третьих лиц в

органе, где сотрудник проходит службу; 4) использование в личных целях информации, которая стала ему известной по службе; 5) нарушение порядка принятия и рассмотрения заявлений, жалоб, обращений физических и юридических лиц; 6) необоснованный отказ в предоставлении информации или передача недостоверной или неполной информации, а также затягивание ее представления; 7) незаконные требования о предоставлении информации; 8) незаконное создание препятствий физическим и юридическим лицам в реализации их прав и законных интересов [5, с. 18].

С.Ю. Щукин перечисляет следующие наиболее характерные виды коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД: 1) взятки, получаемые сотрудниками ГИБДД за нереагирование на дорожные правонарушения; 2) получение прибыли с коммерческих организаций за «защиту» и нереагирование на извлечение прибыли преступным путем; 3) организация провокаций с последующим вымогательством крупных материальных средств у предпринимателей;

4) вымогательство взяток с использованием административного давления [7, с. 24].

Основная обязанность осуществлять противодействие коррупции в системе МВД возложена на Главное управление собственной безопасности Министерства внутренних дел РФ, а также подразделения собственной безопасности территориальных органов МВД России. Деятельность указанных подразделений регламентирована приказом МВД России от 16 июня 2011 г. № 679 «Об утверждении положения о Главном управлении собственной безопасности Министерства внутренних дел РФ», а также приказами региональных УМВД об утверждении положения об Управлении собственной безопасности территориальных органов УМВД России. Помимо этого, важное значение в регулировании деятельности имеет Концепция обеспечения собственной безопасности системе Министерства внутренних дел РФ, которая была утверждена приказом от 2 января 2013 г. № 1 «Об утверждении Концепции обеспечения собственной безопасности системе Министерства внутренних дел РФ».

Следует отметить, что разработка и принятие указанных нормативных актов были обусловлены реалиями жизни, так, например, уже в 2007 г.

Л.И. Мирнова констатировала, что среди сотрудников ОВД можно наблюдать широкие масштабы злоупотребления должностным положением, взяточничество и вымогательство, кроме того, по ее мнению, начали обозначаться тенденции установления покровительства организованным преступным группам, а также возникают случаи сращивания органов внутренних дел с преступной средой [4, с. 40]. А.Н. Варыгин указывает, что в период с 1989 по 2007 гг. общее число преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел увеличилось более чем в пять раз; так, в 2007 г. 4367 работника правоохранительных органов совершили 5180 преступлений. При этом 39,5% из этих преступлений были связаны с посягательством на собственность, 13,6% — на жизнь, 10,6% — здоровье, 6,9% — половую свободу и только 12,4% составили коррупционные преступления [1, с. 21]. На 2017 г. структура преступности изменилась и количество коррупционных преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел, уже составило 1/3 от всех видов преступных посягательств.

Например, А. Куриной приводит следующие цифры: в 2017 г. силовики совершили 12 тыс. из 1 млн 117 тыс. расследованных преступлений, т.е.

около 1,07%; треть из преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, — это деяния против государственной власти и интересов госслужбы. Большая часть преступлений в 2017 г. совершили сотрудники МВД — на них приходится 28,8% таких случаев¹.

Доля сотрудников ОВД из общего количества лиц, привлеченных к ответственности за совершение коррупционных преступлений по данным статистики за 2013–2017 гг. составляет: в 2013 г. — 16 167/695 (4,3%), в 2014 г. — 15 893/737 (4,6%), в 2015 г. — 16 926/916 (5,4%), в 2016 г. — 12 916/1010 (7,8%), в 2017 г. — 10 584/630 (6,0%) [6, с. 88]. Причем в 2018 г. было выявлено больше коррумпированных сотрудников органов внутренних дел так, наблюдался небольшой рост с 956 в 2017 г. до 971 в 2018 г., т.е. имело место увеличение на 1,6%².

Кроме того, некий аспект коррумпированности органов внутренних дел отражен в практике применения нормы, позволяющей производить увольнение сотрудников органов внутренних дел в связи с утратой доверия, которое связано с несоблюдением ограничений и запретов, установленных для них законом, и требований, связанных с урегулированием и предотвращением конфликта интересов, а также с неисполнением обязанностей, предусмотренных для сотрудников ОВД в области противодействия коррупции. В 2018 г. на основании ст. 15 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ начал действовать «Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия». Анализ данных этого реестра позволяет прийти к выводу о том, что около 16% всех уволенных — это работники органов внутренних дел, среди них большее всего сотрудников ГИБДД (26%), участковых (12%) и сотрудников уголовного розыска (9%)³.

Основными причинами такого большого распространения коррупции в правоохранительных органах выступают: несовершенство действующего законодательства, низкая эффективность управления, слабая развитость гражданского общества и низкий уровень правосознания.

¹ Куренной А. Генпрокуратура раскрыла статистику преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов // URL://<http://infopressa.com/2018/10/31/genprokuratya-raskryla-statistiku-prestuplenii-sovershennyh-sotrydnikami-pravoohranitelnyh-organov/>

² Генпрокуратура назвала ущерб от коррупционных преступлений за 2018 г. // URL://<https://ria.ru/20190409/1552499622.html>

³ Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия // URL://<https://gosszluzhba.gov.ru/reestr>

В сложившейся ситуации перед Главным управлением собственной безопасности Министерства внутренних дел РФ был поставлен ряд задач в области противодействия коррупции в системе МВД, важнейшими из которых являются: 1) формирование и реализация основных направлений государственной антикоррупционной политики; 2) совершенствование нормативно-правового регулирования деятельности ГУСБ МВД России по антикоррупционным вопросам; 3) разработка и реализация антикоррупционных мер; 4) предупреждение, выявление и пресечение коррупционных правонарушений в системе МВД России; 5) профилактика коррупционных правонарушений в системе МВД России, а также выявление и устранение условий, способствующих их совершению; 6) осуществление ведомственного контроля за деятельностью органов, организаций и подразделений системы МВД России по вопросам соблюдения сотрудниками, гражданами служащими и работниками системы МВД России установленных ограничений и запретов; 7) организационное и методическое обеспечение подразделений собственной безопасности территориальных органов МВД России в области противодействия коррупции в системе МВД России.

Для разрешения перечисленных задач Главному управлению собственной безопасности Министерства внутренних дел РФ предоставлен ряд функций. Так, в разд. 3 приказа МВД России от 16 июня 2011 г. № 679 «Об утверждении положения о Главном управлении собственной безопасности Министерства внутренних дел РФ» указаны основные функции ГУСБ МВД России по противодействию коррупции в системе МВД России, а именно: 1) анализ состояния и реализации государственной политики по вопросам противодействия коррупции в системе МВД России, а также анализ эффективности мер противодействия коррупции, определение путей их совершенствования и прогнозирование развития противодействия коррупции в системе МВД; 2) участие в проведении мониторинга правоприменительной практики по вопросам противодействия коррупции в системе МВД России, ее обобщение и выработка правовых, организационных и иных мер по повышению эффективности, а также разработка предложений по совершенствованию нормативных правовых актов по вопросам противодействия коррупции в системе МВД России; 3) координация деятельности органов, организаций и подразделений системы МВД России по вопросам, свя-

занным с противодействием коррупции в системе МВД, выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению коррупционных правонарушений, а также предупреждение, выявление и пресечение коррупционных правонарушений с стороны сотрудников ОВД; 4) осуществление оперативно-разыскных мероприятий в целях добывания информации, необходимой для принятия решений о достоверности и полноте сведений о доходах, об имуществе, обязательствах имущественного характера и соблюдении требований к служебному поведению (в отношении претендентов на замещение должностей в системе МВД России, действующих и уволенных сотрудников; 5) согласование совершения федеральными государственными унитарными предприятиями, находящимися в ведении МВД России, крупных и иных сделок; 6) рассмотрение поступивших в Главное управление обращений граждан (организаций) и иной информации о нарушениях законности сотрудниками системы МВД России и проведение по ним проверок; 7) участие в кадровом обеспечении системы МВД России.

Для реализации указанных функций Главному управлению собственной безопасности Министерства внутренних дел РФ для противодействия коррупции в системе МВД России предоставлены особые права: 1) осуществлять оперативно-разыскную деятельность; 2) проводить по вопросам, связанным с противодействием коррупции, проверки деятельности органов, организаций и подразделений системы МВД России, а также формировать рабочие группы и комиссии по этим вопросам; 3) запрашивать от государственных и негосударственных организаций информацию и документы, необходимую для принятия решений по вопросам противодействия коррупции в системе МВД и получать объяснения от работников системы МВД России, по вопросам касающихся осуществления ими оперативно-служебной деятельности; 4) участвовать в организации проведения научных исследований по вопросам, связанным с противодействием коррупции в системе МВД России и привлекать научно-исследовательские, образовательные и иные учреждения системы МВД России, а также ученых и специалистов, в том числе на договорной основе.

Таким образом, необходимо отметить, что в органах внутренних дел существует специализированное структурное подразделение, которое имеет все необходимые полномочия для эффективного противодейст-

вия коррупции в системе МВД. Главное управление собственной безопасности Министерства внутренних дел РФ представляет собой полноценный орган, способный обеспечить внутреннюю безопасность системы МВД России от коррупционных правонарушений.

Литература

1. *Варыгин А.Н.* О преступности сотрудников органов внутренних дел и ее тенденциях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 1 (11). С. 21.
2. *Киричек Е.В.* Взаимодействие полиции и институтов гражданского общества в РФ // Административное право и процесс. 2015. № 7. С. 30.
3. *Костенников М.В., Макаров А.А.* Противодействие коррупции в системе органов внутренних дел. М., 2011.
4. *Миронова Л.И.* Роль подразделений собственной безопасности в предупреждении преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД // Юридический мир. 2007. № 6. С. 40.
5. *Сафронов А.Д.* Организационно-правовые аспекты предупреждения коррупции среди сотрудников органов внутренних дел. М., 1993.
6. *Черепанов А.С.* Криминологическая характеристика коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Matters of Russian and International Law. 2018, Vol. 8, Is. 5A, P. 88.
7. *Щукин С.Ю.* Проблема коррупции в правоохранительных органах (сравнительный анализ) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 6. С. 24.
8. Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии по вопросам противодействия коррупции на территории города-героя Новороссийска // URL: <http://www.kpk-rf.ru/>
9. Указ Президента Российской Федерации от 23 мая 2011 г. № 668 (в ред. от 24 июля 2015 г.) «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах» // СЗ РФ. 2011. № 22. Ст. 3154.
10. Федеральный закон РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 2 декабря 2019 г.) «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
11. Федеральный закон РФ от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213.
12. Федеральный закон РФ от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2017 г.) «Об участии граждан в охране общественного порядка» // СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1536.

References

1. *Varygin A.N.* O prestupnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del i ee tendentsiyakh // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2013. № 1 (11). S. 21.
2. *Kirichek E. V.* Vzaimodeystvie politzii i institutov grazhdanskogo obshchestva v RF // Administrativnoe pravo i protsess. 2015. № 7. S. 30.
3. *Kostennikov M. V., Makarov A. A.* Protivodeystvie korruptsii v sisteme organov vnutrennikh del. M., 2011.
4. *Mironova L. I.* Rol' podrazdeleniy sobstvennoy bezopasnosti v preduprezhdenii prestupleniy, sovershayemykh sotrudnikami OVD // Yuridicheskiy mir. 2007. № 6. S. 40.
5. *Safronov A. D.* Organizatsionno-pravovye aspekty preduprezhdeniya korruptsii sredi sotrudnikov organov vnutrennikh del. M., 1993.
6. *Cherepanov A. S.* Kriminologicheskaya kharakteristika korruptsionnykh prestupleniy, sovershayemykh sotrudnikami organov vnutrennikh del // Matters of Russian and International Law. 2018, Vol. 8, Is. 5A, P. 88.
7. *Shchukin S. Yu.* Problema korruptsii v pravookhranitel'nykh organakh (sravnitel'nyy analiz) // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2016. № 6. S. 24.
8. Soglasenie o sotrudnichestve i vzaimodeystvii po voprosam protivodeystviya korruptsii na territorii gorodageroya Novorossiyska // URL: <http://www.kpk-rf.ru/>
9. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 23 maya 2011 g. № 668 (v red. ot 24 iyulya 2015 g.) «Ob obshchestvennykh sovetakh pri Ministerstve vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii i ego territorial'nykh organakh» // SZ RF. 2011. № 22. St. 3154.
10. Federal'nyy zakon RF ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ (v red. ot 2 dekabrya 2019 g.) «O politzii» // SZ RF. 2011. № 7. St. 900.
11. Federal'nyy zakon RF ot 21 iyulya 2014 g. № 212-FZ (v red. ot 27 dekabrya 2018 g.) «Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiyskoy Federatsii» // SZ RF. 2014. № 30 (ch. I). St. 4213.
12. Federal'nyy zakon RF ot 2 aprelya 2014 g. № 44-FZ (v red. ot 31 dekabrya 2017 g.) «Ob uchastii grazhdan v okhrane obshchestvennogo poryadka» // SZ RF. 2014. № 14. St. 1536.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ АДВОКАТОМ ЗАЩИТЫ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Павел Валентинович Смирнов, адвокат

Издательство «Юнити-Дана» (123298, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1)

E-mail: black2121@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности осуществления адвокатской защиты в рамках уголовного судопроизводства, в частности, обязанности адвоката перед подзащитным в случае выявления конфликта интересов. Проводится обзор законодательства, регулирующего адвокатскую деятельность в этой части, а также выявляются пробелы в законодательном регулировании на основании анализа мнений юристов-исследователей и зарубежной практики.

Цель данной статьи — всесторонний анализ ограничений и запретов, существующих в законодательстве Российской Федерации относительно действий адвоката при осуществлении защиты по уголовному делу.

Актуальность исследования заключается в том, что в российском законодательстве, регулирующем юридические последствия конфликта интересов в уголовно-правовой деятельности адвоката, обнаруживаются значительные пробелы, что говорит о необходимости его модернизации.

По результатам проведенной работы можно сделать вывод о том, что российским законодателем не урегулирован целый ряд вопросов, касающихся устранения адвоката от участия в уголовном деле в случае выявления конфликта интересов и нуждающихся в законодательном закреплении.

Ключевые слова: конфликт интересов, защита по уголовному делу, устранение от участия, самоотвод, обязанности перед доверителем, пробел в законодательстве.

LEGAL CONSEQUENCES OF A CONFLICT OF INTEREST WHEN A LAWYER IS DEFENDING A CRIMINAL CASE

Pavel V. Smirnov, Lawyer

Unity-Dana publishing house (123298, Moscow, ul. Irina Levchenko, d. 1)

E-mail: black2121@bk.ru

Abstract. The peculiarities of the exercise of legal protection in criminal proceedings are considered, in particular, the obligation of counsel to the defendant in case of detection of conflict of interest. The legislation governing the legal profession in this area is being reviewed and gaps in the legislative regulation are being identified on the basis of an analysis of the opinions of legal researchers and foreign practices.

The purpose of this article is a comprehensive analysis of the limitations and prohibitions existing in the legislation of the Russian Federation regarding the actions of a lawyer in the defense of a criminal case.

The relevance of the study is explained by existence of significant gaps in the regulation of lawyer's actions consequences in case of a conflict of interest in the criminal law proceeding, which indicates the need for its modernization.

The results of the work are the following: Russian legislators have not resolved a number of issues regarding the removal of a lawyer from participation in criminal proceedings in case of a conflict of interest and requiring legal regulation.

Keywords: conflict of interest, defense in a criminal case, elimination from participation, self-rejection, obligations to the principal, gap in the legislation.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Смирнов П. В. Юридические последствия конфликта интересов при осуществлении адвокатом защиты по уголовному делу. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):217–220.

В случае выявления конфликта интересов, адвокат должен расторгнуть соглашение с доверителем. Данный вывод основан на ч. 9 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которой, если после принятия поручения, кроме поручения на защиту по уголовному делу, на предварительном следствии и в суде первой инстанции выявляются обстоятельства, при которых адвокат был не вправе принимать поручение, он должен расторгнуть соглашение¹.

В случае нарушения данной обязанности, к адвокату могут быть применены меры дисциплинарной ответственности, а именно:

◆ замечание;

¹ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всерос. съездом адвокатов 31 января 2003 г.). Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ // URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/>

- ♦ предупреждение;
- ♦ прекращение статуса адвоката.

Рассмотрим вопрос о последствиях конфликта интересов при осуществлении защиты по уголовному делу.

Так, как следует из непосредственного толкования ч. 9 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат, выполняя поручение на защиту по уголовному делу, на предварительном следствии и в суде первой инстанции не может расторгнуть соглашение по своей инициативе даже, несмотря на выявление обстоятельств, при которых он был не вправе принимать поручение. Это следует также из подп. 6 п. 4 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», ч. 7. ст. 49 УПК РФ, в соответствии с которыми адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого².

Аналогичным образом трактуются данные нормы и Квалификационной комиссией Адвокатской палаты г. Москвы. Так, квалификационная комиссия в заключении № 122/952 по дисциплинарному производству в отношении адвоката Л. от 30 сентября 2009 г. указала, что Кодекс профессиональной этики адвоката прямым запретом исключает право адвоката расторгнуть соглашение на защиту подозреваемого (обвиняемого) «на предварительном следствии и в суде первой инстанции», если после принятия поручения выявятся обстоятельства, при которых адвокат был не вправе принимать поручение. Вместе с тем, в указанном заключении комиссия выразила обеспокоенность в связи с существованием данного запрета и сомнение в его обоснованности и логичности. Означает ли это, что адвокат вправе продолжить осуществление защиты при наличии конфликта интересов? Думается, что нет. В литературе отмечается, что закон устанавливает обязанность защитника устраниваться от участия в деле при наличии оснований для отвода.

А.С. Таран конкретизирует данное утверждение и указывает на процессуальную обязанность адвоката заявить о самоотводе при наличии определенных обстоятельств [3].

Обратимся непосредственно к положениям закона, устанавливающим правовое регулирование в этой части.

Запрет участвовать в качестве защитника (а также представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика) в случае конфликта интересов установлен ч. 1 ст. 72 УПК РФ³.

Так, согласно данной норме защитник, представитель потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика не вправе участвовать в производстве по уголовному делу, если он:

1) ранее участвовал в производстве по данному уголовному делу в качестве судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, секретаря судебного заседания, свидетеля, эксперта, специалиста, переводчика или понятого;

2) является близким родственником или родственником судьи, прокурора, следователя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, секретаря судебного заседания, принимавшего либо принимающего участие в производстве по данному уголовному делу, или лица, интересы которого противоречат интересам участника уголовного судопроизводства, заключившего с ним соглашение об оказании защиты;

3) оказывает или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам защищаемого им подозреваемого, обвиняемого либо представляемого им потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика.

Часть 2 ст. 72 УПК РФ устанавливает возможность отвода защитника при наличии обстоятельств, указанных в ч. 1 данной статьи. Часть 1 ст. 62 УПК РФ, в свою очередь, предусматривает, что при наличии оснований для отвода, предусмотренных гл. 9 УПК РФ, защитник, а также представители потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика обязаны устраниваться от участия в производстве по уголовному делу.

А.В. Гриненко требование устраниваться от участия в производстве по уголовному делу подвергает критике. Автор указывает, что при наличии подобных «конфликтов интересов» адвокат должен иметь возможность прекратить оказывать юридическую помощь в отношении одного из обвиняемых, которому он начал оказывать юридическую помощь позже, который изменил ранее данные показания, стал соучастником и т.д., и остаться защитником другого обвиняемого. В качестве основания такого тезиса им приводится значительное время, которое адвокат потратил на подготовку к делу [2, с. 17].

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001, 22 дек.

³ Там же.

Вместе с тем, следует не согласиться с таким подходом и высказаться в поддержку законодателя. Осуществляя защиту по уголовному делу, адвокат должен устраниться от представления интересов обоих конфликтующих субъектов. В противном случае, тем более, имеется риск нарушения права на защиту одного из них.

Схожие положения содержатся и в Разъяснениях Совета АП г. Москвы «О поведении при выявившихся противоречиях в интересах подзащитных».

Так, согласно данным разъяснениям в случаях, когда адвокат защищает двух подозреваемых или обвиняемых и в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства интересы одного из них вступают в противоречие с интересами другого, адвокату, который не вправе, согласно ч. 6 ст. 49 УПК РФ, далее продолжать защищать обоих, следует выйти из дела. Предпочтение одного подзащитного другому будет профессионально неэтичным.

Как отмечается в литературе, форма и процедура реализации обязанности адвоката «устраниться от участия в производстве по делу» не ясна. Так, законом не урегулировано, выходит ли в этом случае адвокат из дела в одностороннем порядке или он для этого должен вступить в какие-либо правоотношения со следователем [3]. Также в стороне остается вопрос и о том, вправе ли адвокат–представитель потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика устранить от дела путем расторжения соглашения, а не заявления самоотвода.

Как отмечает А.С. Таран, при наличии обстоятельств, исключающих участие адвоката в деле, он должен заявить самоотвод с целью «обнародования» данных обстоятельств и поставить вопрос о своем дальнейшем участии в деле перед субъектом, ведущим уголовное судопроизводство. Так, автором отмечается, что в противном случае, обстоятельства, исключающие его участие в деле, не повлекут всех необходимых процессуальных последствий, не ограничивающихся только выбытием адвоката из процесса [3].

Какие это могут быть последствия?

В частности, участие в уголовном деле адвоката при наличии оснований для отвода может быть квалифицировано как нарушение права на защиту и послужить основанием для отмены приговора, направления уголовного дела на новое судебное разбирательство. Имеется обширная судебная практика по признанию нарушением права на защиту участия в судебном

разбирательстве в качестве представителя потерпевшего адвоката, ранее являвшегося защитником обвиняемого. Аналогично признается нарушением права на защиту (и как следствие, основанием для отмены приговора) представление интересов двух обвиняемых, интересы которых противоречат друг другу⁴.

Между тем, данное последствие является не единственным. Так, осуществление защиты двух подозреваемых с различными интересами одним адвокатом в ходе предварительного расследования может повлечь признание недопустимыми доказательствами протоколов допросов подозреваемых, протоколов проверки показаний подозреваемого на месте преступления⁵.

В связи с вышеизложенным, вслед за А.С. Таран, полагаем важным фиксировать обстоятельства, ставшие основанием для отстранения адвоката от участия в деле, путем заявления самоотвода. При этом автор отмечает, что самоотвод должен оформляться заявлением адвоката (письменным или устным) с занесением его в протокол следственного действия или судебного разбирательства с изложением конкретных оснований для самоотвода [3].

Учитывая важность указанных положений, считаем, что они должны получить свое закрепление не только на теоретическом, но и на законодательном уровне. Между тем, в настоящий момент порядок «устранения адвоката от участия в уголовном деле» представляет собой пробел в праве.

Вышеизложенное позволяет сделать выводы, что в случае возникновения ситуации конфликта интересов, адвокат должен устранить от оказания юридической помощи доверителям с конфликтующими интересами.

Для этого, по общему правилу, адвокат расторгает соглашение. Однако, в случае оказания юридической помощи доверителю по уголовному делу, адвокат должен не просто расторгнуть соглашение с доверителем, но заявить о самоотводе с целью процессуальной фиксации наличия конфликтной ситуации. Полагаем, что соответствующие положения (а также положения, регулирующие порядок заявления о самоотводе) должны быть включены в УПК РФ, так как регулирование ст. 62 УПК РФ является недостаточным.

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 10 ноября 2015 г. № 20-УД15-8 СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2015 г. № 74-О15-1 // СПС «КонсультантПлюс».

Неисполнение адвокатом указанных обязанностей, несвоевременное устранение от дела могут повлечь также иные правовые последствия, такие как:

- ♦ отмена приговора и направление дела на новое рассмотрение (в связи с нарушением права на защиту);
- ♦ признание доказательств недопустимыми;
- ♦ применение мер дисциплинарной ответственности к адвокату.

В литературе отмечается, что клиент, заключив договор с адвокатской фирмой (бюро), разумеется, вправе рассчитывать, что эта фирма не заключит договор с его оппонентом. Важно, чтобы адвокат не просто избегал конфликта интересов применительно к его индивидуальной практике; важно избегать конфликта интересов между клиентами одного адвокатского бюро (фирмы). Так, М. Барщевским отмечается, что применительно к практике адвокатских бюро конфликтующие интересы включают в себя обязательства не одного лишь конкретного адвоката, но также обязательства его партнеров или помощников адвоката по отношению к клиенту [1, с. 76].

Между тем, как отмечалось выше, законодателем соответствующие обязанности адвоката не установлены (в отличие от аналогичных обязанностей партнеров в отношении адвокатской тайны, установленных ч. 8 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Единственное упоминание о конфликте интересов, возникающем в деятельности адвокатов, оказывающих юридическую помощь совместно на основании партнерского договора, содержится в ч. 2 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката. Как уже отмечалось ранее, ч. 2 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает, что, если в результате конкретных обстоятельств возникнет необходимость оказания юридической помощи лицам с различными интересами, а равно при потенциальной возможности конфликта интересов, адвокаты, оказывающие юридическую помощь совместно на основании партнерского договора, обязаны получить согласие всех сторон конфликтного отношения на продолжение исполнения поручения и обеспечить равные возможности для правовой защиты этих интересов.

Между тем, данная норма не предостерегает адвокатов, оказывающих юридическую помощь совместно, от принятия поручения в ситуации конфликта интересов. Даже при расширительном толковании указанной нормы, нельзя признать установленным запрет на принятие адвокатом поручения на

оказание юридической помощи лицу, чьи интересы противоречат интересам доверителя его коллеги.

Вместе с тем, соглашаясь с М. Барщевским о важности для доверителя гарантий, связанных с оказанием юридической помощи совместно, мы полагаем необходимым предусмотреть норму (в ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» или Кодексе профессиональной этики адвоката), распространяющую действие запретов, связанных с конфликтом интересов в деятельности адвоката, на адвокатское образование (бюро) в целом.

Аналогичная норма содержится в правовом регулировании США, в нормативных правовых актах ряда европейских стран, а также в Общем кодексе правил для адвокатов стран Европейского сообщества.

Также полагаем неурегулированным вопрос предоставления согласия сторонами конфликтного отношения. Так, ч. 2 ст. 11 Кодекса профессиональной этики адвоката допускает получение адвокатами, оказывающими юридическую помощь совместно на основании партнерского договора, согласия всех сторон конфликтного отношения на продолжение исполнения поручения.

Между тем, Кодекс не предъявляет требований к такому согласию. В отличие от американского права, российское не содержит требований о том, что согласие клиентов должно быть: а) информированным; б) получено в письменной форме.

Аналогичным образом не установлен и перечень ситуаций, в которых получение такого согласия недопустимо и не исключает обязанность адвоката выйти из дела.

Литература

1. Барщевский М.Ю. Адвокатская этика. 2-е изд. М., 2000.
2. Гриненко А.В. Обеспечение права на защиту: законодательное закрепление и правоприменительная практика // Российский судья. 2015. № 8. С. 17–20.
3. Таран А.С. Отвод адвоката судом на отдельных этапах производства по уголовному делу // Lex Russica. 2015. № 10.

References

1. Barshchevskiy M. Yu. Advokatskaya etika. 2-e izd. M., 2000.
2. Grinenko A. V. Obespechenie prava na zashchitu: zakonodatel'noe zakreplenie i pravoprimeritel'naya praktika // Rossiyskiy sud'ya. 2015. № 8. S. 17–20.
3. Taran A. S. Otvod advokata sudom na otdel'nykh etapakh proizvodstva po ugovnomu delu // Lex Russica. 2015. № 10.

Научная специальность 12.00.12 — криминалистика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ МОЛОДЕЖНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИИ

Галина Вячеславовна Акимова, старший преподаватель кафедры специальной тактики учебно-научного комплекса специальной подготовки, подполковник полиции
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: galina.akimova.74@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются общие и практические вопросы организации и осуществления противодействия молодежному экстремизму. Приводятся статистические данные и теоретические положения. Определяются приоритетные направления противодействия молодежному экстремизму силами подразделений МВД РФ.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, молодежный экстремизм, противодействие, преступность.

ON THE ISSUE OF COUNTERING YOUTH EXTREMISM IN RUSSIA

Galina V. Akimova, Senior Lecturer of the Department of Special Tactics of the Educational and Scientific Complex of Special Training, Police Lieutenant Colonel
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: galina.akimova.74@mail.ru

Abstract. General and practical issues of organization and implementation of opposition to youth extremism are considered. Statistical data and theoretical provisions are provided. Priority areas of opposition to youth extremism are defined by the units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Keywords: extremism, youth, youth extremism, counteraction, crime.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Акимова Г.В. К вопросу о противодействии молодежному экстремизму в России. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):221–227.

Россия является многонациональным государством, у нее есть своя национальная политика, которая способствует урегулированию межэтнических отношений, а также способствует предотвращению национализма и разрешению межэтнических конфликтов с помощью мирного урегулирования. Также национальная политика России способствует развитию культурной среды, но при условии соблюдения условий, которые способствуют сохранности государства в целом.

Деятельность, как экстремистская, так и противоправная, направлена на разрушение государственных устоев; она на разрушение прав и свобод, которые гарантируются государством. Также оказывает влияние на развитие России, ее целостность и безопасность.

Одно из мнений автора, а именно: «Возникновение политического и этноконфессионального экстремизма как значимого явления это — тревожный сигнал для государства, для всего общества» [14].

Экстремизм направлен на насильственное распространение противоправных и негативных взглядов о политическом, правовом, экономическом устройстве общества и государства в целом, об улучшении межгосударственных отношений.

В широком смысле экстремизм (от лат. *extremus* — крайний) определяется как приверженность к крайним взглядам, мерам, в узком — как деятельность, направленная на истребление оппонентов, основанная на принципах неравенства [12, с. 9].

С.В. Борисов имеет свой взгляд на противоправный экстремизм [1, с. 8].

Экстремизм имеет свойство условности, но также имеет большое значение в его противодействии. В данной работе мы отметим именно молодежный экстремизм, поскольку именно он — наиболее опасный.

В настоящее время не выработано единого, в том числе и международно-признанного критерия, по которому можно отграничить молодежь от других

групп населения. Существуют различные социологические, психологические, физиологические, демографические, а также традиционные классификации, сформировавшиеся в тех или иных научных школах.

Молодежь — это своеобразная группа общества, которой присущи определенные характеристики, определенное общественное положение и социологические свойства; примером может служить возраст, либо принадлежность к конкретной социальной группе.

Следует отметить причины и распространения экстремизма, когда организаторами экстремистских акций чаще всего выступают лица, не достигшие 30-летнего возраста, а именно мужского пола, а остальная малая часть — это лица, не достигшие совершеннолетнего возраста [5, с. 127].

При этом также отмечается как актуальная для многих российских городов проблема, связанная с участвовавшими фактами проявления молодежного экстремизма, усилением националистических и профашистских настроений [15, с. 101], так и то обстоятельство, что информация о местонахождении лидеров и идеологов экстремистских организаций подвергается тщательному сокрытию. А это, в свою очередь, приводит к тому, что под контроль правоохранительных органов попадают рядовые участники экстремистских акций и именно среди них наибольшее количество лиц несовершеннолетнего возраста, т.е. молодежь все чаще становится орудием в руках организаторов преступлений [7, с. 133].

Основные категории несовершеннолетних правонарушителей представляют собой [13, с. 13]:

- ♦ субъекты, которым присуща положительное состояние личности, но совершили преступление в результате непредвиденных обстоятельств;
- ♦ субъекты, которым присуща неустойчивость поведения, но при этом они оказались в ситуации, в результате которой совершили преступление;
- ♦ субъекты, в поведении которых есть отрицательная направленность, к этому еще нет точной позиции по социальному устройству;
- ♦ и непосредственно субъекты, у которых явно выражена позиция против социума, и которые совершают преступления регулярно.

Важно отметить, что некоторые особенности правонарушителей способствуют определенному подходу для предоставления и реализации следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий [2, с. 216–222].

Ученый Е.Н. Павленко выделил классификацию преступлений экстремистской направленности, которые совершаются несовершеннолетними [11, с. 53]:

- ♦ преступления, связанные с экстремистской деятельностью, которые повлекли летальный исход, а так выраженные в форме причинения вреда здоровью в любой степени тяжести, и побои;
- ♦ преступления, связанные с экстремистской деятельностью, а именно организационного характера, к этому ко всему еще преступления, которые были осуществлены с помощью компьютерных ресурсов. Создание экстремистских организаций, финансирование их противоправной деятельности, создание экстремистских акций и проч.

Во исполнение поручения Министра внутренних дел Российской Федерации от 17 апреля 2015 г. № 43/1444 и п. 1.1.1 Плана НИР ФГКУ «ВНИИ МВД России» на 2018 г. был проведен Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации (с 2013 по 2017 г. включительно) с указанием расчетных вариантов ее развития, в ходе проведения которого было установлено, что в течение последних пяти лет число преступлений экстремистской направленности продолжало увеличиваться (+4,9%; 1521). Таким образом, эти преступления, в отличие от других, имеют ярко выраженную тенденцию роста.

Выделим причины роста преступлений экстремистской деятельности до 2018 г.:

- ♦ с решением задач, определенных для органов внутренних дел Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., план реализации которой утвержден Правительством Российской Федерации;
- ♦ реализацией в рамках положений Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» мероприятий, направленных на предупреждение межнациональных конфликтов, способных спровоцировать эскалацию напряженности и массовые беспорядки;
- ♦ осуществлением комплекса организационных и практических мероприятий, направленных на повышение эффективности противодействия всем видам экстремистских проявлений — от бытовой ксенофобии до сепаратизма и терроризма;
- ♦ реализацией Межведомственного плана по противодействию экстремизму на 2013–2018 гг.;

♦ реализацией мероприятий по противодействию деятельности международных неправительственных организаций и фондов, направленных на поддержку носителей протестного потенциала.

Структуру преступлений, связанную с экстремистской деятельностью, составляют составы: возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ; 64,8%; 985) как и публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ; 20,4%; 310).

Так, в экстремистские организации чаще всего пытаются вовлечь детей и подростков, ведь в таком возрасте они подвержены к изменению своего сознания.

Постоянно расширяющиеся возможности информационно-телекоммуникационных сетей сохраняют повышенный интерес к информационной сфере представителей экстремистских организаций. В результате возрастает число преступлений экстремистской направленности (+17,5%; всего — 1151) и террористического характера (+9,7%; всего — 206), совершаемых с использованием сети Интернет.

Основные течения преступлений экстремистского характера можно определить перемещением в виртуальную сферу:

♦ нужно проводить психологическую работу в отношении лиц, которые в силу своего молодого возраста могут стать преступниками в сфере экстремизма;

♦ противодействие новым формам противоправного поведения в сети Интернет носит уведомительный характер, заключающийся во введении режима ограничения доступа к информационным ресурсам, что не в полной мере обеспечивает комплексное и системное реагирование на актуальные вызовы и угрозы.

Исходя из вышесказанного, в этом году можно спрогнозировать рост преступлений, которые будут отнесены непосредственно к террористическим, экстремистским организациям Российской Федерации.

Стоит заметить, что данные тенденции отметили в своих докладах руководители различных органов и подразделений.

Министр внутренних дел РФ в своем докладе на расширенном заседании коллегии МВД России отметил, что: «2018 г. был насыщен важными для нашей страны общественно-политическими событиями, крупными спортивными мероприятиями

международного уровня. Они во многом определили приоритеты в организации оперативно-служебной деятельности нашего Министерства».

Для борьбы с экстремизмом создали некоторые меры по предупреждению, профилактике конфликтов между представителями разных этнических групп.

Активно применялся алгоритм взаимодействия с Роскомнадзором и Генеральной прокуратурой по ограничению доступа к интернет-ресурсам, содержащим запрещенный контент.

Также важно отметить, что развиваются контакты с органами правоохранительной деятельности зарубежных стран (СНГ, ШОС, ОДКБ). В скором времени Министр иностранных дел будет завершать процедуру ратификации Конвенции ШОС по противодействию экстремизму. Правовой основой является формирование механизма международного партнерства в области противодействия экстремизму.

Благодаря целенаправленной профилактической работе, «пресечению деятельности экстремистских организаций удалось добиться сокращения общего количества преступлений данной направленности»¹.

Важно сказать, что вышеперечисленные данные говорят о том, что существуют положительные тенденции в противодействии преступной деятельности, которая имеет экстремистскую направленность. Поэтому, можно отметить, что деятельность по пресечению и предупреждению, которая проводится государством, и уполномоченными на то органами, а также подразделениями и должностными лицами способствует проявлению экстремистской деятельности.

В связи с тем обстоятельством, что молодежный экстремизм в настоящее время в России еще недостаточно изучен, для организации эффективного противодействия ему необходимо выявить условия и причины, создающие предпосылки для противоправного поведения.

Так можно данные причины классифицировать на несколько групп:

- 1) экономические,
- 2) политические,
- 3) нравственные,
- 4) социальные и т.д.

Некоторые авторы применяют классификацию причин поведения экстремистской направленности:

¹ URL://<https://мвд.рф/document/16959138>

- ♦ характерные черты молодого возраста: романтизм, активность и достижение цели;
- ♦ поиск схожести: понимание, что есть общего между ними в плане характерных черт;
- ♦ авторитарная личность, т.е. какие есть авторитеты внутри группы, каков статус и желание власти;
- ♦ господствующая культура социума, а именно культура насилия в обществе: признание насилия как социальной ценности;
- ♦ неблагоприятные социально-экономические условия и неудовлетворенность своим положением: накапливающееся у молодых людей состояние фрустрации [6, с. 95–99; 9, с. 22–26; 14; 10].

Отмечаем важное, что молодежный экстремизм никак не закреплён на законодательном уровне.

Данные МВД свидетельствуют о том, что в наше время в Российской Федерации существуют более 150 экстремистских групп, которые состоят порядка из 100 тыс. человек, это и указывает на то, что молодёжь в массовом количестве привлекают в неформальные организации.

Исходя из нормативных документов, которые показывают деятельность ОВД по противодействию экстремизму, можно выделить следующие задачи и функции в этой области:

- ♦ недопущение противоправных экстремистских проявлений в области охраны общественного порядка;
- ♦ предупреждение и пресечение экстремистских преступлений и административных правонарушений;
- ♦ осуществление оперативно-разыскной деятельности в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия данных преступлений, а также розыска лиц, скрывающихся от органов следствия, и уклоняющихся от уголовной ответственности;
- ♦ предварительное расследование в двух формах по уголовным делам о преступлениях, связанных с экстремистской деятельностью;
- ♦ экспертно-криминалистическая деятельность.

Данные сферы деятельности разграничиваются между подразделениями территориальных органов ОВД и центральным аппаратом.

Так, Главное управление по противодействию экстремизму и его территориальные подразделения являются головным субъектом системы противодействия экстремизму и экстремистским преступлениям.

Основными задачами ГУПЭ МВД России являются:

- ♦ создание и разработка основных направлений государственной политики в сфере экстремистской деятельности;
- ♦ противодействие деятельности экстремистского характера;
- ♦ взаимодействие подразделений Министерства с федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по вопросам своей компетенции;
- ♦ взаимодействие территориальных органов МВД России и подразделений центрального аппарата МВД России по вопросам деятельности ГУПЭ МВД России;
- ♦ организационно-методическое обеспечение и оказание практической помощи территориальным органам МВД России и их структурным подразделениям по вопросам своей деятельности.

В помощь подразделениям противодействия экстремизму в деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экстремистской направленности существует Главное управление уголовного розыска и его территориальные подразделения.

Противодействие экстремизму делим на три группы:

- 1) предупреждение экстремистских преступлений и правонарушений;
- 2) выявление, раскрытие и расследование преступлений экстремистского характера и производство по делам об административных правонарушениях в сфере экстремизма;
- 3) обеспечение правопорядка в общественных местах в части недопущения экстремистских проявлений.

Необходимо отметить, что существует профилактика проверки лиц, в отношении которых проводятся оперативно-разыскные мероприятия, в частности оперативное наблюдение, для установления местонахождения преступников. Это способствует оперативной осведомленности лиц, которые относятся к категории преступников [8, с. 55].

Согласно ФЗ от 25 июля 2002 г. № 114 (ред. от 2019 г.), а именно принципами, организации, нацеленным на противодействие экстремизму, в которых отражаются безопасность государства, применение наказания за экстремистскую деятельность.

К мероприятиям антитеррористической деятельности предъявляют следующие требования: наступа-

тельность, всесторонность, непрерывность, маневренность, конспиративность, эффективность [3].

Такие же требования и к организации противодействия молодежному экстремизму.

Анализ законодательных актов, которые непосредственно оказывают и определяют правовую основу экстремизма в сфере молодежи, позволяет сделать вывод, что Российская Федерация помогает развитию профессиональной деятельности в данной области.

Чем же обусловлено такое широкое распространение экстремизма?

Во-первых, несмотря на то, что на сегодняшний день информационные технологии высокоразвиты, современная молодежь все равно не в полной мере проинформирована об опасности такого явления, как экстремизм. Многие молодые люди не до конца понимают, что это незаконное деяние, которое может иметь гораздо серьезные последствия, чем просто публичные призывы. Молодежь всегда привлекают активные общественные движения, будь это положительные или отрицательные. Экстремистское направление — не исключение.

Во-вторых, молодежь, особенно в подростковом возрасте, подвержена многим комплексам, некоторые из которых — это невострребованность в жизни, недостаток внимания со стороны взрослых, непонимание своего пути в жизни, а также дефицит общения. Поэтому их влечет все то, чем они могут привлечь к себе внимание и каким-либо образом выделиться из толпы своих сверстников. И также действует следующий закон: «запретный плод сладок». Молодые люди понимают некую противоправность своих действий, но это и призывает их поступать именно таким способом.

Также на повышенную активность молодежи в данной сфере влияют и ряд других социально-экономических причин, которые являются и причинами других явлений таких, как наркомания, алкогольная зависимость и так далее. Это социальное неравенство, сложности с трудоустройством, низкий уровень образования как в школах, так и в высших учебных заведениях, недостаточно хорошее воспитание в семье, общение молодых людей с криминальной средой и другие.

Еще одной причиной развития экстремизма является большое количество источников экстремистской направленности, в том числе и интернет-

ресурсов. На данный момент насчитывается около 10 тыс. сайтов экстремистской и террористической направленности, примерно 200 из которых являются русскоязычными. И, если литературу об экстремизме можно найти в открытом доступе, то таким образом большое количество людей может ею заинтересоваться, просто случайно «наткнувшись» на нее в сети Интернет.

В России существует большая проблема этнической и национальной нетерпимости из-за того, что наша страна многонациональна и каждый народ имеет свои особенности как внешние, так и внутренние. Все это строится на теории превосходства исключительно русской национальности на территории РФ. К тому же эту теорию часто поддерживают и пропагандируют в СМИ. Данная проблема должна первоочередно волновать наше государство, потому что тут угроза стоит не только непосредственно правам и свободам отдельного человека, но и территориальной целостности и миру в Российской Федерации.

Самая главная причина — это недостаточно эффективная профилактика экстремизма.

Выделяются следующие задачи по борьбе с экстремизмом:

1) формирование основ политики в области борьбы с экстремистской деятельностью;

2) усовершенствование правовых актов в сфере выявления различных видов экстремизма и его профилактики;

3) разработка методологических оснований для определения, устранения и оздоровления социальных причин, условий, которые способствуют их развитию, а также для мониторинга текущего состояния угрозы и прогнозирования развития экстремизма в будущем;

4) профилактическая работа с молодежной средой.

Для предотвращения вовлечения молодежи в экстремистскую сферу и для обеспечения государственной и общественной безопасности необходимо создать некоторые мероприятия:

1) совершенствование системы выявления и анализа угроз в сфере информационной безопасности;

2) противодействие экстремистской направленности;

3) усиление безопасности граждан и общества в целом от информационного воздействия экстремистских организаций, а также иностранных специальных служб и пропаганды;

4) развитие подразделений правоохранительных органов, а также специальных служб для укрепления гарантий в обществе сотрудникам, техническая поддержка деятельности правоохранительных органов;

5) понимание на будущую перспективу развития специальных средств, а также техники и профессиональной подготовки специалистов, которые борются за государственную безопасность и противодействуют экстремистской деятельности в молодежной среде;

7) усовершенствование уровня социальной, а также профессиональной ответственности органов, обеспечивающих государственную и общественную безопасность;

8) проведение профилактических мер, начиная со школьного воспитания и обучения, а именно: встречи в рамках беседы школьников совместно с представителями правоохранительных органов, показ фото- и аудиосюжетов по противодействию экстремизму в молодежной среде. Давать разъяснения и пояснения по видеороликам, направленным на борьбу с экстремизмом среди молодежи, направить силы на пропаганду у молодежи патриотизма и гражданственности, систематизировать воспитательные мероприятия, связанные с проблемами развития духовности молодого поколения, уважения ко всем народам, их правам, интересам и ценностям. Несмотря на все проводимые в данном направлении мероприятия, в обществе все равно наблюдается тенденция потери указанных основ государства. Большую роль также играет психология подросткового и юношеского возраста. Такое психологическое явление, как юношеский максимализм, заставляет молодых людей поверить именно в свое «Я» и совершать противоправные и безнравственные поступки.

Структурные подразделения полиции являются главными субъектами обеспечения общественного порядка и безопасности на том или ином мероприятии. На сотрудников полиции возлагаются специфические обязанности и задачи, в том числе и создание наиболее благоприятных и спокойных условий для их проведения. И, чтобы достичь положительных результатов, следует разрабатывать профилактические и организационные мероприятия, количественный и качественный состав участников согласовывать и уточнять, время, место проведения и порядок действия при возникновении различных ситуаций. И эффективность действий сотрудников ОВД зависит от повышения уровня профессионального мастерства,

их физической подготовленности, а также соблюдения мер личной безопасности.

Литература

1. *Борисов С.В.* Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2012.
2. *Варданян Г.А.* Общие положения допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых как теоретико-методологический ориентир для повышения результативности расследования преступлений экстремистской направленности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1–2.
3. *Грачев С.И.* Терроризм и контртеррористическая деятельность: вопросы теории: Учеб. пособие / Под общ. ред. О.А. Колобова. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2010.
4. *Давыдов Д.Г.* Причины молодежного экстремизма и его профилактика в образовательной среде // Социология образования. 2013. № 10. С. 4–18.
5. *Джумаева Р.Х.* Экстремизм в России: Причины возникновения и распространения // Теория и практика общественного развития. 2014. № 14.
6. *Котлярова В.В., Шубина М.М., Сысоева О.Н.* Молодежный экстремизм в социальных сетях: специфика и теоретическое осмысление // ALMA MATER. Вестник высшей школы, 2016. № 5. С. 95–99.
7. *Куртынов И.В., Скориков Д.Г.* Тактические особенности выявления вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской направленности // Совершенствование законодательства: проблемы толкования и правоприменения: Сб. науч. трудов. Волгоград, 2012.
8. *Кулешов Р.В.* Оперативно-боевая профилактика в структуре оперативно-боевого противодействия террористической и экстремистской деятельности // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2013. № 2 (26). С. 54–58.
9. *Никитина Л.Е.* Молодежный экстремизм: понятие, сущность, меры противодействия // ALMA MATER. Вестник высшей школы, 2016. № 5. С. 22–26.
10. *Павленко Е.Н.* Современные тенденции экстремистских преступлений, совершаемых несовершеннолетними, как объект криминалистического изучения // Юрист-Правоведь. 2018. № 1 (84)

11. *Петрянин А.В., Коннов И.А., Кузнецов М.В.* Понятие, признаки и виды экстремизма: Учеб. пособие. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019.

12. *Пономарева Н.С.* и др. Расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними: Учеб. пособие. Воронеж, 2015.

13. *Решетников М.* Психологический портрет террориста URL://<http://psyfactor.org/lib/terror12.htm>

14. *Фридинский С.Н.* Борьба с экстремизмом (уголовно-правовой и криминологический аспекты): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д.: Ростовский юридический институт МВД России, 2003.

15. *Шляхтин Е.П., Степаненко Р.Ф.* Противодействие деятельности экстремистских организаций и сообществ: актуальные проблемы теории и практики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 100–104.

References

1. *Borisov S.V.* Prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti: problemy zakonodatel'stva i pravoprimeneniya: Diss. ... dokt. yurid. nauk. M., 2012.

2. *Vardanyan G.A.* Obshchie polozheniya doprosa nesovershennoletnikh podozrevayemykh, obvinyayemykh kak teoretiko-metodologicheskii oriyentir dlya povysheniya rezul'tativnosti rassledovaniya prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2016. № 1–2.

3. *Grachev S.I.* Terrorizm i kontrterroristicheskaya deyatel'nost': voprosy teorii: Ucheb. posobie / Pod obshch. red. O.A. Kolobova. N. Novgorod: NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2010.

4. *Davydov D.G.* Prichiny molodezhnogo ekstremizma i ego profilaktika v obrazovatel'noy srede // Sotsiologiya obrazovaniya. 2013. № 10. S. 4–18.

5. *Dzhumayeva R.Kh.* Ekstremizm v Rossii: Prichiny vozniknoveniya i rasprostraneniya // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 14.

6. *Kotlyarova V.V., Shubina M.M., Sysoeva O.N.* Molodezhnyy ekstremizm v sotsial'nykh setyakh: spetsifika i teoreticheskoe osmyslenie // ALMA MATER. Vestnik vysshey shkoly, 2016. № 5. S. 95–99.

7. *Kurtynov I.V., Skorikov D.G.* Takticheskie osobennosti vyyavleniya vovlecheniya nesovershennoletnikh v soversheniye prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti // Sovershenstvovanie zakonodatel'stva: problemy tolkovaniya i pravoprimeneniya: Sb. nauch. trudov. Volgograd, 2012.

8. *Kuleshov R.V.* Operativno-boyevaya profilaktika v strukture operativno-boyevogo protivodeystviya terroristicheskoy i ekstremistskoy deyatel'nosti // Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii. 2013. № 2 (26). S. 54–58.

9. *Nikitina L.E.* Molodezhnyy ekstremizm: ponyatiye, sushchnost', mery protivodeystviya // ALMA MATER. Vestnik vysshey shkoly, 2016. № 5. S. 22–26.

10. *Pavlenko E.N.* Sovremennyye tendentsii ekstremistskikh prestupleniy, sovershayemykh nesovershennoletnimi, kak obyekt kriminalisticheskogo izucheniya // Yurist-Pravoved. 2018. № 1 (84)

11. *Petryanin A.V., Konnov I.A., Kuznetsov M.V.* Ponyatie, priznaki i vidy ekstremizma: Ucheb. posobie. N. Novgorod: NIU RANKhiGS, 2019.

12. *Ponomareva N.S.* i dr. Rassledovanie prestupleniy, sovershennykh nesovershennoletnimi: Ucheb. posobie. Voronezh, 2015.

13. *Reshetnikov M.* Psikhologicheskii portret terrorista URL://<http://psyfactor.org/lib/terror12.htm>

14. *Fridinskiy S.N.* Bor'ba s ekstremizmom (уголовно-правовой и криминологический аспекты): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д.: Ростовский юридический институт МВД России, 2003.

15. *Shlyakhtin E.P., Stepanenko R.F.* Protivodeystvie deyatel'nosti ekstremistskikh organizatsiy i soobshchestv: aktual'nye problemy teorii i praktiki // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2 (28). S. 100–104.

О РОЛИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕГЛАМЕНТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Светлана Геннадьевна Гусева, старший научный сотрудник Отделения планирования и координации научной деятельности Управления организации научной и редакционно-издательской деятельности Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: skvorzov2007@mail.ru

Коняхина Татьяна Яковлевна, научный сотрудник Отделения планирования и координации научной деятельности Управления организации научной и редакционно-издательской деятельности Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: skvorzov2007@mail.ru

Скворцова Анна Петровна, заместитель начальника научно-исследовательского отдела, начальник Отделения планирования и координации научной деятельности Управления организации научной и редакционно-издательской деятельности Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: skvorzov2007@mail.ru

Аннотация. На основе анализа юридической литературы и законодательства об административных регламентах в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации обосновано несколько суждений: в теории и в законодательстве термины «орган внутренних дел» и «полиция» необходимо соотносить как родовидовые: орган внутренних дел включает в себя и полицию; организация и деятельность органов внутренних дел может быть урегулирована в Федеральном законе «Об органах внутренних дел в Российской Федерации»; деятельность органов внутренних дел следует рассматривать как совокупность полномочий, а не функций; правотворческий опыт регулирования отдельных «функций» органов внутренних дел посредством принятия подзаконных нормативных правовых актов об административных регламентах — оценивать негативно.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, Конституция Российской Федерации, федеральный конституционный закон РФ, Федеральный конституционный закон РФ «О Правительстве Российской Федерации» от 14 мая 1997 г., федеральный закон, Федеральный закон «О полиции» от 28 января 2011 г., исполнительная власть, государственный орган, федеральное министерство, Министерство внутренних дел Российской Федерации, административный регламент.

ON THE ROLE OF ADMINISTRATIVE REGULATIONS IN ACTIVITIES BODIES OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Svetlana G. Guseva, Senior Researcher of the Department-Head of the Department of Planning and Coordination of Scientific Activities of the Department of Organization of Scientific and Publishing Activities Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: skvorzov2007@mail.ru

Tatyana Ya. Konyakhina, Senior Researcher from the Division of Planning and Coordination of Scientific Activity of the Department of Organization of Scientific and Publishing Activity Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: skvorzov2007@mail.ru

Anna P. Skvortsova, Deputy Head of Research Department, Head of the Department of Planning and Coordination of Scientific Activities of the Department of Organization of Scientific and Publishing Activities Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: skvorzov2007@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of legal literature and legislation on administrative regulations in the activities of internal Affairs bodies of the Russian Federation justifies several judgments: in theory and in legislation, the terms «internal Affairs body» and «police» should be related as generic: the internal Affairs body includes the police; the organization and activities of internal Affairs bodies can be regulated in the Federal law «On internal Affairs bodies in the Russian Federation»; the activities of internal Affairs bodies should be considered as a set of powers, not functions; the law-making experience of regulating certain «functions» of internal Affairs bodies through the adoption of subordinate normative legal acts on administrative regulations should be assessed negatively.

Keywords: Russian Federation, legislation, normative legal act, Constitution of the Russian Federation, Federal constitutional law of the Russian Federation, Federal constitutional law of the Russian Federation «On the Government of the Russian Federation» of may 14, 1997, Federal law, Federal law «On police» of January 28, 2011, Executive power, state body, Federal Ministry, Ministry of internal Affairs of the Russian Federation, administrative regulations.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Гусева С.Г., Коняхина Т.Я., Скворцова А.П. О роли административных регламентов в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):228–230.

Предметом данной статьи является деятельность органов внутренних дел Российской Федерации и ее регулирование в административных регламентах.

Первоначально о состоянии теории.

Так, по мнению В.И. Сургутскова, «главной целью разработки административного регламента является повышение качества исполнения государственных функций» («В заключение отметим, что несмотря на подзаконность административных регламентов нельзя недооценивать их роль в административной деятельности милиции и, в частности, лицензионно-разрешительном надзоре. В будущем они способны полностью заменить действующие в настоящее время ведомственные нормативные правовые акты в сфере оборота гражданского и служебного оружия, частной детективной и охранной деятельности. При этом произойдет качественный переход в сторону упорядоченности административных процедур и действий, их открытости и доступности, исключения двоякого толкования, эффективности взаимодействия заинтересованных сторон и, в конечном счете, повышения эффективности лицензионно-надзорной деятельности милиции в целом, в том числе путем полного устранения избыточных и дублирующих функций»)¹.

А.В. Яцкин утверждает следующее: «Административная реформа является одной из основных задач российского государства на краткосрочную и среднесрочную перспективу. Именно повышение эффективности и результативности государственного управления, реализуемое через инструменты административной реформы, создает условия для всех аспектов деятельности органов власти страны. Административная реформа предусматривает реализацию мероприятий по ряду направлений. Каждое из них может быть предметом внимательного рассмотрения с точки зрения его правового регулирования, поскольку, будучи инструментом оптимизации власти, административная реформа выражается в правовых формах»².

Л.Ю. Гварамия оригинально обосновывает «регламентное регулирование»: «Проведенная радикальная структурная реорганизация выявила определенные проблемы в административно-правовом обеспечении реформы. Основные цели реформы — повышение качества и доступности государственных услуг, прекращение избыточного государственного регулирования и повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти — пока не были достигнуты»³.

К.В. Давыдов исследовал «проблему административных регламентов федеральных органов исполнительной власти». «Реформа и оптимизация государст-

венного управления относятся к важнейшим проблемам теории и практики административного права. Совершенствование административных процедур, безусловно, является одним из ключевых направлений проводимой в Российской Федерации административной реформы. В числе главных инструментов процедурного направления последней следует признать административные регламенты органов исполнительной власти. Роль и количество этих правовых актов управления неуклонно растут. Их внедрение, как представляется, должно ознаменовать качественную реформу административно-правового регулирования взаимоотношений субъектов государственного управления и населения. Однако проблема административных регламентов федеральных органов исполнительной власти ранее столь обстоятельно и всесторонне не исследовалась и, по сути, является новой для науки административного права», — пишет он⁴.

Не столь совершенные результаты научных исследований относительно регулирования деятельности органов внутренних дел определяют и несовершенство законодательства Российской Федерации⁵.

Первоначально обращаемся к нормативному правовому акту с наивысшей юридической силой на территории Российской Федерации⁶: это — Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.⁷, в которой обнаруживаем упоминание Правительства РФ как высшего звена системы органов исполнительной ветви власти.

Организация и деятельность Правительства РФ урегулированы в Федеральном конституционном законе РФ «О Правительстве Российской Федерации» от 14 мая 1997 г.⁸.

¹ Сургутсков В.И. Административные регламенты исполнения государственных функций в деятельности ОВД // Административное и муниципальное право. 2009. № 3.

² Яцкин А.В. Правовое регулирование разработки административных регламентов // Журнал российского права. 2006. № 10.

³ Гварамия Л.Ю. Административная реформа и регламентное регулирование в РФ // Юридический мир. 2008. № 2.

⁴ Давыдов К.В. Административные регламенты федеральных органов исполнительной власти РФ: вопросы теории. М., 2010.

⁵ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25 декабря 1991 г. для наименования государства использовать исключительно этот термин (См.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119–123).

⁶ Галузо В.Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28–30; он же: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27–30.

⁷ СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398; Галузо В.Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98–102.

⁸ СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5712; ...; 2017. № 1 (ч. I). Ст. 3.

В систему органов исполнительной ветви власти входят и органы внутренних дел, обладающие также и статусом «правоохранительный орган»⁹.

Организация и деятельность фактически урегулирована в Федеральном законе РФ «О полиции» от 28 января 2011 г., в ст. 2 которого регламентированы «основные направления» деятельности органов внутренних дел: защита личности, общества, государства от противоправных посягательств; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам; розыск лиц; производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний; обеспечение правопорядка в общественных местах; обеспечение безопасности дорожного движения; государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, судей, прокуроров, следователей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, а также других защищаемых лиц; осуществление оперативно-криминалистической деятельности.

«Основные направления» деятельности органов внутренних дел детализированы в подзаконных нормативных правовых актах об административных регламентах¹⁰.

Так, приказом МВД РФ от 3 октября 2017 г. № 760¹¹ утвержден Административный регламент Министерства внутренних дел РФ по предоставлению государственной услуги по лицензированию деятельности, связанной с оказанием услуг по трудоустройству граждан РФ за пределами территории РФ.

Приказом МВД РФ от 9 ноября 2017 г. № 846¹² утвержден Административный регламент Министерства внутренних дел РФ по предоставлению государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство в РФ.

Приказом МВД РФ от 10 сентября 2019 г. № 611¹³ утвержден Административный регламент Министерства внутренних дел РФ по предоставлению государственной услуги по выдаче свидетельства о допуске транспортных средств к перевозке опасных грузов.

В подобных подзаконных нормативных правовых актах в качестве правового обоснования использованы три нормативных правовых акта с большей юридической силой: ФЗ РФ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 7 июля 2010 г.¹⁴; ФЗ «О полиции» от 28 января 2011 г.; постановление Правительства РФ «О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг» от 16 мая 2011 г. № 373¹⁵.

Здесь обращаем внимание на недопустимость использования в качестве правового обоснования Федерального закона РФ от 7 июля 2010 г. и постановление Правительства РФ от 16 мая 2011 г. № 373, что сопряжено с возможной утратой органами внутренних дел статуса «правоохранительный орган». Все-таки органы внутренних дел предназначены для противодействия преступности¹⁶, а не оказания государственных услуг гражданам Российской Федерации.

Таким образом, деятельность всех звеньев органов внутренних дел в РФ урегулирована множеством нормативных правовых актов с разной юридической силой, что вызывает проблемы при осуществлении комплексного правоприменения.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, в теории и в законодательстве термины «орган внутренних дел» и «полиция» необходимо соотносить как родовидовые: орган внутренних дел включает в себя и полицию.

Во-вторых, организация и деятельность органов внутренних дел может быть урегулирована в Федеральном законе «Об органах внутренних дел в Российской Федерации».

В-третьих, деятельность органов внутренних дел следует рассматривать как совокупность полномочий, а не функций.

В-четвертых, правотворческий опыт регулирования отдельных «функций» органов внутренних дел посредством принятия подзаконных нормативных правовых актов об административных регламентах оценивается негативно.

⁹ Галузо В.Н. Теория правоохраны — новое направление в юридической науке? // Закон и право. 2009. № 12. С. 15–16; Он же: Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra // Государство и право. 2012. № 11. С. 110–113; Он же. Правоохранительные органы: Учебник для студентов вузов. М., 2019.

¹⁰ Административный регламент Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требования в области безопасности дорожного движения. М., 2010; Административный регламент предоставления Федеральной миграционной службой государственной услуги по оформлению и выдаче паспортов гражданам Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации. М., 2013; Новый административный регламент ГИБДД. М., 2019; Новый административный регламент ГИБДД. М., 2020.

¹¹ URL://<http://www.pravo.gov.ru>, 27.10.2017

¹² URL://<http://www.pravo.gov.ru>, 04.12.2017

¹³ URL://<http://www.pravo.gov.ru>, 30.12.2019

¹⁴ СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179; ...; РГ. 2019, 28 дек.

¹⁵ СЗ РФ. 2011. № 22. Ст. 3169; ...; 2018. № 46. Ст. 7050.

¹⁶ Галузо В.Н. Борьба с преступностью в России: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2008. № 7. С. 35–36; Он же: О реформировании органов внутренних дел в Российской Федерации и роли в этом прокурора // Закон и право. 2011. № 7. С. 20–21.

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И УЧЕБА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В КОРОЛЕВСТВЕ НИДЕРЛАНДОВ

Татьяна Анатольевна Прудникова, профессор кафедры административного права, доктор юридических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: prudi1@rambler.ru

Аннотация. Раскрываются особенности трудовой деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства, получения разрешения на работу, в том числе и для квалифицированных специалистов в Королевстве Нидерландов.

Ключевые слова: иностранный гражданин, трудовая деятельность, миграционные процессы, регулирование, мигранты, учеба, разрешение, правила, убежище.

EMPLOYMENT AND STUDY OF FOREIGN CITIZENS IN THE KINGDOM OF THE NETHERLANDS

Tatyana A. Prudnikova, Professor of Department of Administrative Law, Doctor of Legal Sciences
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: prudi1@rambler.ru

Abstract. The features of the work of foreign citizens and stateless persons, obtaining work permits, including for qualified specialists in the Kingdom of the Netherlands, are disclosed.

Keywords: foreign citizen, labor activity, migration processes, regulation, migrants, study, permission, rules, asylum.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Прудникова Т.А. Трудовая деятельность и учеба иностранных граждан в Королевстве Нидерландов. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):231–233.

Изучение практики и специальной литературы показало, что в Королевстве Нидерландов (далее — Нидерланды) отсутствует система квот для мигрантов в целом и для трудящихся мигрантов в частности. Также следует отметить, что, в отличие от многих других европейских стран, у Нидерландов отсутствуют двусторонние миграционные соглашения с другими странами по регулированию рынка труда с привлечением иностранных работников.

Некоторые виды трудовой деятельности и определенные категории мигрантов были освобождены от требований в отношении разрешения на работу, потому что не имеют намерения становиться частью национального рынка труда и находятся в стране временно для оказания услуг, например, занимаются установкой и ремонтом оборудования или программного обеспечения, предоставленного работодателем.

Разрешение на работу обязательно в течение первых трех лет проживания, по прошествии которых трудящийся мигрант может получить свободный доступ к рынку труда Нидерландов. В случае смены работы до истечения данного срока, необходимо обращаться за новым разрешением и проводить испытание на рынке труда¹.

Испытание на рынке труда означает, что разрешение на работу может быть выдано только, если на данную позицию нельзя найти работника из Нидерландов или Европейского Союза (далее — ЕС), поэтому разрешения на работу в основном выдаются в области квалифицированного труда. Однако, существует ряд обстоятельств, при которых требование испытания на рынке труда снимается, например, перевод сотрудников внутри компании. Специальные правила применяются к определенным профессиям, таким как спортсмены, художники, работники здравоохранения и представители духовенства.

Если работодатель или трудящийся мигрант не отвечают критериям по схеме квалифицированных мигрантов² или предпочитает не использовать данную схему, он должен обращаться по установленному порядку для получения разрешений на работу. Фактически разрешение на работу может быть вы-

¹ Закон Королевства Нидерландов от 23 ноября 2000 г. «Об иностранных гражданах».

² Закон Королевства Нидерландов от 21 декабря 1994 г. «О трудоустройстве иностранцев».

дано министерством социальных дел и занятости³ только, если среди граждан Нидерландов нет подходящих сотрудников для данной работы. Для продления разрешения на работу проведение испытания рынка труда не требуется. Ограниченная проверка на предмет минимальной заработной платы, возраста и жилья проводится в отношении сотрудников, переводимых внутри компании, лиц, проходящих профессиональную подготовку и трудящихся мигрантов из государств Европейского Союза⁴.

Для прохождения испытания на рынке труда работодатель должен сообщить о вакансии в соответствующие органы за пять недель до обращения за разрешением на работу, провести активную деятельность по найму, предложить выплату по крайней мере минимальной заработной платы и условия трудоустройства в соответствии со стандартами в данной конкретной области, при том, что, если какое-либо из этих требований не соблюдено, органы занятости могут отказать в выдаче разрешения.

В отношении многих категорий квалифицированного труда требование испытания рынка труда не применяется. Просители убежища могут быть трудоустроены в течение 12 недель в году без проведения испытания рынка труда. Кроме того, существуют некоторые исключения из требования, касающиеся найма, когда работодатель попадает под специальную категорию. Требования об уведомлении о вакансии, попытки найма на внутреннем рынке труда или о минимальной заработной плате не применяются в отношении работы в сферах образования, профессиональной подготовки, международного студенческого обмена или других программ культурного обмена.

Важным условием для адмиссии⁵ в качестве квалифицированного мигранта является то, что работодатель должен подписать соглашение с Департаментом иммиграции и натурализации (ДИН)⁶. Работодатели, нанимающие квалифицированных мигрантов, не должны получать разрешения на работу. Исходя из этого, только Департамент иммиграции и натурализации отвечает за осуществление процедур по адмиссии в Нидерланды и на рынок труда.

Разрешение на проживание выдается на пять лет, если мигрант имеет контракт о трудоустройстве на неопределенный период; те, кто имеют контракт о трудоустройстве на конкретный период, получают разрешение на период действия контракта.

Работодатель может быть квалифицирован как работодатель квалифицированного мигранта, если он может доказать, что соблюдал все требования, установленные законодательством, и имеет доста-

точный по социальным выплатам и налоговым отчислениям оборот для выплаты заработной платы потенциального квалифицированного мигранта. Работодатель получает код компании и имя пользователя, которое он использует для распечатки анкет из Интернета.

Если Департамент иммиграции и натурализации считает, что анкета заполнена правильно, и компания, и квалифицированный мигрант отвечают критериям, в течение двух недель положительная рекомендация направляется в посольство Нидерландов в стране проживания мигранта. После этого мигрант должен заполнить анкету на получение разрешения на проживание и оплатить соответствующий сбор. Требование экзамена по интеграции не применяется в отношении работников и квалифицированных работников. В результате процесс не занимает больше двух недель⁷.

Важно отметить, что данная процедура достаточно эффективна, если Департамент иммиграции и натурализации⁸ принимает заявления без дальнейших вопросов. Однако, если Департамент иммиграции и натурализации решит, что анкета была неправильно заполнена, с использованием неточных сведений, срок вынесения решения составляет до шести месяцев. Если Департамент иммиграции и натурализации находит технические ошибки в анкете, он может связаться с заявителем или направить ему письмо с просьбой о прояснении. В некоторых случаях у мигранта может быть запрошено доказательство наличия навыков, необходимых для данной работы.

Следует отметить, что трудящиеся мигранты могут быть приняты для выполнения сезонной работы на период, не превышающий 24 недель подряд, данный статус является временным и не подлежит продлению по прошествии срока действия. Новое разрешение на сезонный труд может быть выдано, если мигрант не имел разрешения на проживание, дающего ему право на работу в течение предыдущих 28 недель. Разрешение на проживание необходимо, если сезонный работник пребывает в Нидерландах свыше трех месяцев, и редко применяется на практике, так как превышает период сбора урожая.

³ Закон Королевства Нидерландов от 23 ноября 2000 г. «Об иностранных гражданах».

⁴ Закон Королевства Нидерландов от 30 ноября 2006 г. «Об интеграции».

⁵ Адмиссия — разрешение на пребывание в стране.

⁶ URL://<https://www.niderlandy-i-vy.nl>

⁷ Закон Королевства Нидерландов от 21 декабря 1994 г. «О трудоустройстве иностранцев».

⁸ URL://<https://www.niderlandy-i-vy.nl>

Для того чтобы получить разрешение на проживание с целью учебы, мигрант-студент должен представить: свидетельство регистрации или приема в соответствующее учебное заведение; доказательство медицинского страхования; декларацию об осведомленности, в которой он заявляет о том, что он осознает, что его адмиссия носит временный характер; доказательство наличия финансовых средств. Если учеба финансируется третьей стороной, необходимо представить специальные дополнительные документы.

Мигрант-студент имеет право на работу в течение десяти часов в неделю в период учебы и полное рабочее время в летние месяцы. Работодатель должен получить разрешение на работу, но испытание на рынке труда не требуется при рассмотрении соответствующего заявления. Если профессиональная практика является частью учебной программы, данный вид работы не может занимать более 50% учебного времени студента. Если практика занимает более 50% учебного времени, студенту необходимо обратиться за изменением статуса с учебы на занятость и выполнить все соответствующие требования в отношении данного статуса [1, с. 150].

Трудящийся мигрант может получить разрешение на временное проживание в качестве практиканта или лица, проходящего профессиональную подготовку, если его «работодатель» получит разрешение на работу для данного мигранта. Разрешение на работу дает практиканту право на въезд в Нидерланды с целью получения опыта, необходимого для выполнения подобной работы в стране происхождения⁹. Разрешение на работу и разрешение на проживание могут быть выданы на период, не превышающий 24 недель; проведение испытания на рынке труда не требуется. Предварительно трудящийся мигрант должен пройти профессиональную подготовку, а его работодатель должен иметь заключенное с Нидерландской компанией соглашение относительно данной подготовки [1, с. 210]. План профессиональной подготовки должен быть представлен вместе с заявлением, наряду с заявлением компании, подтверждающим, что ей известно о том, что практиканту будет предложена работа по завершении обучения. К тому же, число лиц, проходящих профессиональную подготовку в компании должно быть соразмерным общему числу сотрудников.

Разрешение на проживание и разрешение на работу могут быть выданы лицу, проходящему профессиональное обучение, на период до одного года, если обучение необходимо для завершения образования мигранта, и он получил соответствующее профессио-

нальное образование в стране своего происхождения¹⁰. Испытание на рынке труда и требование о доходе не применяются к данной категории.

Мигранты, имеющие разрешение на проживание с целью учебы или ожидающие решения по предоставлению убежища в период прохождения учебы, могут получить разрешение на работу для лица, проходящего профессиональную подготовку, на период более одного года при условии, что подготовка не занимает более 50% от учебного времени. Существуют также некоторые исключения в отношении определенных национальностей, которые позволяют выдачу разрешения на работу на срок более одного года. В общем, число лиц, проходящих профессиональную подготовку в компании, ограничено десятью процентами от общего числа сотрудников, но данная квота не применяется к мигрантам-студентам и просителям убежища.

В заключение следует отметить, что проблемы Нидерландской иммиграционной системы, как показывает изучение практики, не являются свидетельством несовершенства законодательства, причина неэффективности реализации миграционных норм кроется в особенностях их применения. В настоящее время, деятельность уполномоченных органов в сфере миграции нацелена на то, чтобы не допускать иммигрантов в страну и использовать в национальном рынке труда привлечение высококвалифицированных специалистов.

Литература

1. Прудников А.С., Дутов П.О. и др. Государственно-правовые основы миграции населения в Российской Федерации: Учеб. пособие. М., 2020.

2. Прудников А.С., Прудникова Т.А., Харламов С.О. Деятельность подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции. Правовые и организационные аспекты: Учеб. пособие. М., 2018.

References

1. Prudnikov A.S., Dutov P.O. i dr. Gosudarstvenno-pravovye osnovy migratsii naseleniya v Rossiyskoy Federatsii: Ucheb. posobie. M., 2020.

2. Prudnikov A.S., Prudnikova T.A., Kharlamov S.O. Deyatel'nost' podrazdeleniy organov vnutrennikh del po voprosam migratsii. Pravovye i organizatsionnye aspekty: Ucheb. posobie. M., 2018.

⁹ Закон Королевства Нидерландов от 21 декабря 1994 г. «О трудоустройстве иностранцев».

¹⁰ Закон Королевства Нидерландов от 30 ноября 2006 г. «Об интеграции».

СООТНОШЕНИЕ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА, ВОЛИ, УСМОТРЕНИЯ И ИНТЕРЕСА СО СПОСОБНОСТЬЮ ЛИЦ С ОСОБЕННОСТЯМИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОНИМАТЬ ЗНАЧЕНИЕ СВОИХ ДЕЙСТВИЙ ИЛИ РУКОВОДИТЬ ИМИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Лариса Евгеньевна Киселевская, адвокат Коллегии адвокатов г. Москвы «Московский Присяжный Поверенный»
Издательство «Юнити-Дана» (123298, Москва, ул. Ирины Левченко, д. 1)
E-mail: nksmgs@mail.ru

Аннотация. Исследуется вопрос о соотношении способности понимать значение своих действий лиц с особенностями правового статуса, с их здравым смыслом, волей, интересом и усмотрением в гражданском судопроизводстве. Сделано заключение, что все понятия неразрывно связаны между собой и представляются в качестве критериев, определяющих дееспособность гражданина как субъекта прав и человека как разумного существа. Сформулированы предложения по совершенствованию ГПК РФ.

Ключевые слова: способность понимать значение действий, воля, интерес, усмотрение, соотношение.

THE RELATIONSHIP OF COMMON SENSE, WILL, DISCRETION AND INTEREST WITH THE ABILITY OF PERSONS WITH LEGAL STATUS TO UNDERSTAND THE MEANING OF THEIR ACTIONS OR TO LEAD THEM IN CIVIL PROCEEDINGS

Larisa E. Kiselevskaya, Lawyer of the Moscow Bar Association «Moscow Jury Attorney»
Unity-Dana publishing house (123298, Moscow, ul. Irina Levchenko, d. 1)
E-mail: nksmgs@mail.ru

Abstract. The question of the relationship of the ability to understand the meaning of their actions to persons with particular legal status, with their common sense, will, interest and discretion in civil proceedings is investigated. It is concluded that all concepts are inextricably linked and presented as criteria that determine the capacity of a citizen as a subject of rights and a person as a rational being. Suggestions for improving the Code of Civil Procedure of the Russian Federation are formulated.

Keywords: ability to understand the meaning of action, will, interest, discretion, balance.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Киселевская Л.Е. Соотношение здравого смысла, воли, усмотрения и интереса со способностью лиц с особенностями правового статуса понимать значение своих действий или руководить ими в гражданском судопроизводстве. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):234–238.

Одним из актуальных вопросов науки гражданского процессуального права является вопрос о соотношении способности понимать значение своих действий лиц с особенностями правового статуса с их волей, интересом, усмотрением и здравом смыслом, а решение данного вопроса имеет как теоретическое, так и практическое значение.

В научной литературе представлены позиции психологов, психиатров, педагогов, социологов по данному вопросу [16; 8; 14, с. 5; 15, с. 4]. Юристы к данной проблеме обращались крайне редко [7, с. 19–25; 12, с. 53–60; 3].

Прежде всего, отметим, что способность понимать значение своих действий или руководить ими, воля, интерес, усмотрение — категории материального права, а здравый смысл — категория материального и процессуального права. Бесспорно, все эти

понятия могут представляться и категориями гражданского процессуального права, в ином аспекте.

Гегель писал, что «здравый человеческий смысл заключает в себе образ мышления, максимы и рассудки своего времени и определения мысли этого времени, управляют им совершенно бессознательно для него» [4, с. 28–29].

В судебной практике по гражданским делам, связанным с договорными отношениями и по многим другим категориям дел возникает вопрос о выяснении способности участника сделки в ее участии (переговорах, заключении и т.д.).

Способность в такой ситуации рассматривается как возрастная категория и в качестве сугубо дееспособности [10, с. 24–30; 1; 5, с. 3–8; 2; 13; 6; 11, с. 130–144]. На действительность юридически значимого действия, например, сделки влияет и волевая

способность, осознание интереса и собственное усмотрение. В ГК РФ, ГПК РФ положения о способности гражданина понимать значение своих действий содержатся в ст. 29, 30, 177, 178, 179 ГК РФ и некоторых других; ст. 37, гл. 31 ГПК РФ и некоторых других.

Необходимо отметить объективную связь норм материального права и норм процессуального права в правовом механизме исследования такой способности.

В таких случаях суд, в рамках ст. 79 ГПК РФ, назначает судебно-психиатрическую и/или иные экспертизы, ибо решение этого вопроса требует специальных познаний в области психиатрии, психологии, биологии и т.д.

В настоящее время исследование данного вопроса ограничивается изучением психической способности лица осознавать свое поведение и/или руководить своим поведением. Как правило, суд выясняет, страдал ли участник сделки, иного юридически значимого действия, психическими заболеваниями в момент их совершения и способен ли был понимать значение своего поведения и/или руководить им. Анализируя вопросы, сформулированные судом для экспертного исследования можно заключить, что вопросы о здравом смысле, воле, интересе и усмотрении в рамках выяснения способности понимать значение своего поведения и/или руководить им остаются за сферой исследования.

Надо полагать, что эксперт при проведении соответствующей экспертизы выясняет косвенно или прямо и вопросы о здравом смысле, воле, интересе и усмотрении, ибо способность понимать значение своих действий объективно связана со здравым смыслом лица, его волей способностью, осознанием собственного интереса и определенностью собственного усмотрения.

Представляется, что способность понимать значение своих действий включает в себя и выяснение способности здраво, по своей воле и своему усмотрению рассуждать, и в целом действовать, которая включает не только психическую способность, но и способность умственную (интеллектуальную), волевою, мыслительную, определяемые собственным усмотрением.

Согласно Уставу (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) (принят в г. Нью-Йорке 22 июля 1946 г.) здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального

благополучия, а не только отсутствием болезней или физических дефектов¹. Следовательно, психическое, умственное, волевое состояние здоровья различаются и имеют объективную связь и зависимость между собой.

Психическая (душевная), умственная (духовная) части здоровья, волевое осознанное поведение, интерес различаются между собой и имеют общее, схожее содержание. Психическое здоровье — это состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество². Психическое здоровье следует понимать как состояние человека, способного по психическим критериям самостоятельно определять свое поведение в соответствии с целями, стоящими перед ним в какой-либо момент его жизнедеятельности. Умственное здоровье — есть состояние человека, способного логично и адекватно мыслить, определять свое поведение в соответствии с целями, стоящими перед ним в какой-либо период его жизнедеятельности.

Воля — элемент психического, умственного и иного состояния гражданина, включает в себя состояние здоровья, мировоззрение, культуру и опыт. Собственное усмотрение и интерес также включает в себя элементы юридического, физического, психического, умственного и иного свойства.

В свою очередь, они неразрывно связаны между собой, так как определяют или не определяют самостоятельность и полноценность поведения. Выясняя психическую способность лица одновременно исследуется и вопрос об его умственной способности, воле и интересе.

В нашем случае исследуются одновременно все аспекты состояния здоровья: духовного, умственного и интеллектуального; степень развития и образованности; волеспособность и интерес.

Среди заболеваний, относящихся к психическим, имеются и сугубо умственные расстройства, которые утверждены «Международной классификацией болезней МКБ-10»³.

Категория «психическая способность» является и медицинской, и юридической.

¹ СПС «Консультант Плюс».

² URL://<https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response>

³ НИИ им. Н.А. Семашко, М., 1999.

Категория «здравый смысл» — категория социальная, правовая, умственная, психическая и в целом собирательная. Она включает и нравственный элемент [9]. Воля — понятие и психологическое, и умственное, и иное, определяемое как цель, назначение желания и поведения, направленные на осуществление данного желания. Воля связана с потребностью, интересом в целом. Интерес — понятие емкое, включающее в себя удовлетворение потребностей. Усмотрение — состояние воли, интереса, здравого смысла.

Таким образом, суд, назначая судебно-психиатрическую экспертизу должен выяснить и вопрос об обладании лицом здравым смыслом, волей, усмотрением: путем постановленных вопросов, и путем выводов эксперта по данным вопросам в своем заключении. Определение способности здраво мыслить, по своей воле и в своем интересе в период юридически значимого и фактического поведения проверяется не только экспертным путем. Суд исследует поведение лица и путем оценки других доказательств, относящихся к характеристике здоровья, развития, образования, мировоззрения, опыта жизнедеятельности: объяснения сторон, представителя; показания свидетелей; исследование письменных доказательств и т.д. [9].

В настоящее время суд самостоятельно рассуждает по поводу здравого смысла, воли и интереса по своей инициативе либо по инициативе сторон в процессе.

В «Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г.) разъяснено, что «если правила, содержащиеся в части первой данной статьи, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон»⁴.

В п. 39 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» разъяснено, что «недействительность сделки, во исполнение которой передано имущество, не свидетельствует сама по себе о его выбытии из владения, передавшего это имущество лица помимо его воли.

Судам необходимо устанавливать, была ли воля собственника на передачу владения иному лицу»⁵.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в определении от 29 ноября 2016 г. № 78-КГ16-61 отметила, что «основание недействительности сделки, предусмотренное в указанной норме, связано с пороком воли, т.е. таким формированием воли стороны сделки, которое происходит под влиянием обстоятельств, порождающих несоответствие истинной воли такой стороны ее волеизъявлению, вследствие чего сделка, совершенная гражданином, находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, не может рассматриваться в качестве сделки, совершенной по его воле»⁶.

Анализ данных и иных судебных актов⁷ позволяет заключить, что при исследовании способности гражданина понимать значение своих действий как эксперты, так и суд приняли во внимание умственное и психическое состояние лица: слабоумие, интеллектуально-мнестическое снижение с нарушением социальной адаптации и интеллектуального функционирования и т.д.

Надо полагать, что при установлении в рамках гражданской процессуальной формы способности лиц с особенностями правового статуса понимать значение своих действий необходимо исследовать и волю такого лица, и наличие здравого смысла.

Способность или неспособность понимать значение своих действий определяется и состоянием воли физического лица, ибо воля, являясь субъективным критерием, воздействует на поведение такого лица.

В свою очередь, воля влияет на способность лица понимать значение своих действий. Воля, как и обозначенная способность, связаны с психическим и умственным состоянием лица. Здравый смысл в поведении физического лица выходит за рамки воли и психической и умственной способности физического лица понимать значение своих действий. Здравый

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 12.

⁵ Российская газета. 2010, 5 мая.

⁶ СПС «Консультант Плюс».

⁷ Апелляционное определение Московского городского суда от 28 января 2016 г. по делу № 33-3041/201 // СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 28 октября 2019 г. по делу № 33-41305/2019 // СПС «Консультант Плюс».

смысл включает в себя мировоззрение физического лица, его общую и специальную культуру, логику, мышление и иные обстоятельства, позволяющие в целом самостоятельно определять свое осознанное поведение, действовать в своем интересе, по своему усмотрению, добросовестно, разумно, осмотрительно, с определенной целью, насколько это дозволено нормами права, нравственности, обычными нормами и человеческими установками в целом.

Бесспорно, все названные понятия объективно связаны между собой, они касаются жизнедеятельности физического лица.

Общее между ними состоит в том, что все эти понятия имеют единое назначение — действовать в правовых и фактических отношениях с целью собственного благополучия, а в отдельных случаях и с целью благополучия лиц, о которых такое физическое лицом должно заботиться в силу норм права, нравственности, обычных норм, ценностей и традиций.

Кроме того, осознанно исполнять свои обязанности как гражданина государства.

Различие определяется существом каждого из названных явлений, их объективной выраженностью, природой.

При рассмотрении и разрешении гражданских дел, связанных с оспариванием воли, здравого смысла, психическая и умственная способности понимать значение своих действий, определяя обстоятельства, имеющие значение для дела (ст. 56 ГПК РФ) основывается на объективной связи данных социально-биологических, умственных, нравственных и правовых явлений.

Любое состояние лица с особым правовым статусом выясняется комплексом мер судебного познания, начиная от внешнего наблюдения суда за поведением такого лица до специальных познаний.

Представляется, что способность лица с особым правовым статусом понимать значение своих действий, его воля и здравый смысл могут быть представлены как самостоятельные явления, так и единое состояние такого лица, определяемое элементами социальными, биологическим, интеллектуальными, нравственными, психическим, умственными, правовыми.

Изложенное позволяет заключить следующее.

Категория «способность понимать значение своих действий» в целом юридическая, связана с дееспособностью гражданина.

Категория «здравый смысл» в целом социальная, также связана с дееспособностью гражданина. Категории воля, интерес и усмотрение представляются категориями правовыми, биологическими и социальными.

Все понятия неразрывно связаны между собой и представляются в качестве критериев, определяющих дееспособность гражданина как субъекта прав и человека как разумного существа.

В связи с этим гл. 6 ГПК РФ следовало бы дополнить ст. 79.1 «Специфика назначения судебно-психиатрических экспертиз», которую изложить в следующей редакции: *«Обсуждая вопрос о назначении и проведении судебно-психиатрической экспертизы, суд принимает во внимание обстоятельства, связанные с психической, умственной, социальной, физической и иной способностью лица понимать значение своих действий или руководить ими, и его способностью здраво, по своей воле, в своем интересе и по своему усмотрению мыслить и определять свое поведение по своей воле, в своем интересе в момент совершения юридически значимых действий. При необходимости суд исследует обстоятельства, имеющие значение для дела до совершения юридически значимого действия и некоторое время после его совершения».*

Главу 6 ГПК РФ дополнить ст. 87.1 «Доказательства, определяющие способность лица понимать значение своих действий, добрую волю, интерес, усмотрение и здравый смысл», которую изложить в следующей редакции: *«Суд исследует доказательства, позволяющие с высокой степенью объективности исследовать способность лица понимать значение своих действий, его добрую волю и здравый смысл, интерес и усмотрение».*

Литература

1. Абросимова Е.А., Андреев В.К., Афанасьева Е.Г. Предпринимательское право: современный взгляд: Моногр. / Отв. ред. С.А. Карелина, П.Г. Лахно, И.С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2019.
2. Алексеев С.С., Алексеева О.Г., Беляев К.П. и др. Гражданское право: Учебник / Под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М.: Статут, 2018.
3. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации: Моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015.
4. Гегель. Лекции по истории философии. Сочинения. Кн. Вторая. Т. 10. М.—Л., 1932.

5. Долинская В.В. Проблемы гражданского оборота // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 6.
6. Зайков Д.Е. Гражданская процессуальная дееспособность: классификация и особенности правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 216–224.
7. Занковский С.С., Мотуренко С.М. Проблемы сделок дееспособного лица в состоянии, когда оно не могло понимать значение своих действий или руководить ими // Юрист. 2018. № 12. С. 19–25.
8. Золотухина-Аболина Е.В. Здравый смысл и иррациональное // Epistemology & Philosophy of science. 2016. № 2.
9. Киселевская Л.Е. Способность лица к участию в сделке и здравый смысл: процессуальный аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 1.
10. Ротань В.Г., Олефир В.А. К вопросу о делкоспособности несовершеннолетних граждан // Власть Закона. 2016. № 2. С. 24–30.
11. Рузанова Е.В. Деликтоспособность как предпосылка участия несовершеннолетних граждан в деликтных обязательствах // Власть Закона. 2016. № 2. С. 130–144.
12. Рябинин Н.А., Казанцева К.Ю. Совершение законодательства, регулирующего правовой статус лица, ограниченного в дееспособности // Современное право. 2017. № 7. С. 53–60.
13. Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. М.: Статут, 2019.
14. Харитонов Н.К., Сафуанов Ф.С., Малкин Д.А. Экспертная оценка делкоспособности по гражданским делам в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. М., 2005.
15. Харитонов Н.К., Корзун Д.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза лиц с органическими психическими расстройствами, заключивших имущественные сделки. М., 2006.
16. Яковлева Л.И. Понятие здравого смысла и традиция, его конституирующая // Вестник Московского университета. 2007. № 4.
2. Alekseev S.S., Alekseeva O.G., Belyaev K.P. i dr. Grazhdanskoe pravo: Uchebnik / Pod red. B.M. Gongalo. 3-e izd., pererab. i dop. T. 1. M.: Statut, 2018.
3. Bespalov Yu.F. Semeyno-pravovoe polozhenie rebenka v Rossiyskoy Federatsii: Monogr. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2015.
4. Gegel'. Lektsii po istorii filosofii. Sochineniya. Kn. Vtoraya. T. 10. M.–L., 1932.
5. Dolinskaya V.V. Problemy grazhdanskogo oborota // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2019. № 6.
6. Zaykov D.E. Grazhdanskaya protsessual'naya deyesposobnost': klassifikatsiya i osobennosti pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2018. № 10. S. 216–224.
7. Zankovskiy S.S., Moturenko S.M. Problemy sdelok deyesposobnogo litsa v sostoyanii, kogda ono ne moglo ponimat' znachenije svoikh deystviy ili rukovodit' imi // Yurist. 2018. № 12. S. 19–25.
8. Zolotukhina-Abolina E.V. Zdravyy smysl i irratsional'noye // Epistemology & Philosophy of science. 2016. № 2.
9. Kiselevskaya L.E. Sposobnost' litsa k uchastiyu v sdelke i zdravyy smysl: protsessual'nyy aspekt // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. 2020. № 1.
10. Rotan' V.G., Olefir V.A. K voprosu o sdelkosposobnosti nesovershennoletnikh grazhdan // Vlast' Zakona. 2016. № 2. S. 24–30.
11. Ruzanova E.V. Deliktosposobnost kak predposylka uchastiya nesovershennoletnikh grazhdan v deliktnykh obyazatelstvakh // Vlast' Zakona. 2016. № 2. S. 130–144.
12. Ryabinin N.A., Kazantseva K.Yu. Sovershenstvovanie zakonodatel'stva, reguliruyushchego pravovoy status litsa, ogranichenного v deyesposobnosti // Sovremennoe pravo. 2017. № 7. S. 53–60.
13. Sklovskiy K.I. Sdelka i ee deystvie. Kommentariy glavy 9 GK RF. Printsip dobrosovestnosti. 4-ye izd., dop. M.: Statut, 2019.
14. Kharitonova N.K., Safuanov F.S., Malkin D.A. Ekspertnaya otsenka sdelkosposobnosti po grazhdanskim delam v ramkakh kompleksnoy sudebnoy psikhologo-psikhiatricheskoy ekspertizy. M., 2005.
15. Kharitonova N.K., Korzun D.N. Sudebno-psikhiatricheskaya ekspertiza lits s organicheskimi psikhicheskimi rasstroystvami, zaklyuchivshikh imushchestvennye sdelki. M., 2006.
16. Yakovleva L.I. Ponyatie zdravogo smysla i traditsiya, ego konstituiruyushchaya // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2007. № 4.

References

1. Abrosimova E.A., Andreev V.K., Afanas'eva E.G. Predprinimatel'skoe pravo: sovremennyy vzglyad: Monogr. / Otv. red. S.A. Karelina, P.G. Lakhno, I.S. Shitkina. M.: Yustitsinform, 2019.
16. Yakovleva L.I. Ponyatie zdravogo smysla i traditsiya, ego konstituiruyushchaya // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2007. № 4.

ЭКСПЕРТНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Дмитрий Сергеевич Гольцев, старший преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии, кандидат экономических наук
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: dragon8705@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, посвященные профилактической деятельности экспертов-экономистов, а также основные задачи в области экспертной профилактики, решение которых позволит повысить эффективность деятельности экспертно-криминалистических подразделений; перечисляются проблемы в методическом, информационном и организационно-правовом обеспечении их проведения и пути их решения.

Ключевые слова: судебно-экономическая экспертиза, экспертная профилактика, экономические коэффициенты, методическое обеспечение, финансовый анализ, бухгалтерская отчетность.

EXPERT PREVENTION IN CASES ON ECONOMIC VIOLATIONS

Dmitriy S. Goltsev, Senior Lecturer of the Department of Arogyavardhini and Trace Analysis, Candidate of Economic Sciences
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: dragon8705@mail.ru

Abstract. Issues related to preventive activities of expert economists are considered, the main tasks in the field of expert prevention are considered, the solution of which will increase the efficiency of activities of expert and forensic units, problems in methodological, information and organizational-legal support of their implementation and ways of their solution are listed.

Keywords: forensic economic expertise, expert prevention, economic ratios, methodological support, financial analysis, financial statements.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Гольцев Д.С. Экспертная профилактика по делам об экономических правонарушениях. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):239–241.

На современном этапе развития рыночной экономики в условиях длительного кризиса, а также из-за влияния антироссийских экономических санкций огромное значение имеет обеспечения стабильной работы экономических механизмов, выявление и предотвращение преступлений в сфере экономики. Одним из эффективных инструментов обеспечения экономической безопасности государства является экспертно-профилактическая деятельность экспертов экономистов.

Экспертная профилактика — это деятельность, направленная на выявление обстоятельств, способствующих совершению правонарушения, и разработку мер по их устранению.

Возможности эксперта в разработке профилактических предложений по делам об экономических правонарушениях ограничены пределами специальных знаний и материалами, предоставляемыми на экспертизу. Следователи и суды располагают более широкими возможностями, чем эксперты. Ос-

новными задачами профилактической деятельности экспертов по делам об экономических правонарушениях являются следующие.

1. Максимальное использование возможностей экономических экспертиз для установления фактов неправомерной экономической деятельности организации.

Производство финансово-аналитической экспертизы подразумевает выполнение следующих основных действий:

1) ознакомление с представленными объектами исследования;

2) анализ достаточности объектов исследования; заявление ходатайства о предоставлении необходимых дополнительных документов, в случае, если документов недостаточно;

3) установление динамики финансового состояния исследуемого лица, в том числе изучение критичности снижения уровня финансового состояния (если происходило снижение);

4) оценка степени влияния на финансовое состояние исследуемого лица выделенных экономических факторов;

5) формулирование выводов и оформление результатов исследования.

Для наиболее полной характеристики финансового состояния при решении большинства экспертных задач целесообразно включить в данную систему следующие финансовые коэффициенты:

- ◆ коэффициент абсолютной ликвидности;
- ◆ коэффициент быстрой (операционной) ликвидности;
- ◆ коэффициент текущей ликвидности;
- ◆ коэффициент обеспеченности собственными средствами;
- ◆ коэффициент обеспеченности обязательств должника всеми его активами;
- ◆ коэффициент обеспеченности обязательств должника его оборотными активами;
- ◆ величины чистых активов;
- ◆ коэффициент оборотных средств в расчетах;
- ◆ рентабельность продаж;
- ◆ коэффициент финансовой автономии.

При расчете финансовых коэффициентов для предприятий реального сектора экономики эксперт опирается на нормативные правовые акты, регламентирующие порядок составления бухгалтерской отчетности¹.

Формулы расчета указанных финансовых коэффициентов сформулированы ведущими учеными в области финансового анализа и используются в практике финансового менеджмента.

После установления изменения коэффициентов, характеризующих финансовое состояние организации, необходимо дать оценку критичности их снижения.

2. Разработка в рамках экспертного исследования профилактических мер.

В результате проведения экспертного исследования устанавливаются основные коэффициенты экономической деятельности хозяйствующего субъекта.

На основе обобщения научной литературы предлагаются следующие значения коэффициентов, характеризующих платежеспособность:

- ◆ коэффициент абсолютной ликвидности — не менее 0,2;
- ◆ коэффициент быстрой ликвидности — не менее 0,7;
- ◆ коэффициент текущей ликвидности — не менее 1,2–1,5;
- ◆ коэффициент обеспеченности собственными средствами — не менее 0,1;
- ◆ коэффициент обеспеченности обязательств должника всеми его активами — не менее 1;

◆ коэффициент обеспеченности обязательств должника его оборотными активами — не должно быть отрицательной динамики в долгосрочном периоде;

◆ величины чистых активов — не должно быть отрицательного значения;

◆ коэффициент оборотных средств в расчетах — не более 3;

◆ рентабельность продаж — не менее 0,08;

◆ коэффициент автономии — не менее 0,3.

Сравнение установленных коэффициентов с нормативными значениями позволяет выявить проблемы в хозяйственной деятельности предприятия, а также разработать комплекс профилактических мер, направленных, на устранение возникших на предприятии экономических и организационных проблем.

3. Создание комплексных методик проведения экспертного исследования в целях выработки рекомендаций предупредительного характера.

В виду несовершенства или отсутствия типовых методик проведения судебно-экономических экспертиз в настоящее время часто встречаются следующие экспертные ошибки:

1) недостаточность и не репрезентативность выборки коэффициентов, которые используются для определения составляющих финансового состояния;

2) применение экспертами части нормативов, заданных федеральным органом исполнительной власти в сфере банкротства в 90-х гг. прошлого века;

3) формулирование выводов исключительно на основе технического расчета коэффициентов, без раскрытия факторов, приведших к формированию полученных значений;

4) механическое наложение установленного экономического содержания отдельных осуществленных финансово-хозяйственных операций на общий тренд динамики, исследуемой составляющей финансового состояния;

5) ошибки в построении правовой модели обязательств, возникающих на основе установленных фактов хозяйственной деятельности [2].

Исходя из анализа экспертной деятельности в целом и наиболее часто встречающихся экспертных ошибок в частности можно сделать вывод о необходимости скорейшей разработки и утверждения типовых методик по каждому виду судебно-экономических экспертиз в целях повышения качества их проведения. Разработка типовых экспертных методик также позволит улучшить качество подготовки экс-

¹ Приказ Минфина РФ от 22 июля 2003 г. № 67н «О формах бухгалтерской отчетности организаций»; Приказ Минфина РФ от 6 июля 1999 г. № 43н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Бухгалтерская отчетность организации» ПБУ 4/99».

пертных кадров в области экономических экспертиз учебными заведениями как системы МВД России, так и иных ведомств [1, с. 134–138].

4. Расширение взаимодействия эксперта с дознавателем, следователем и судом с целью координации профилактической детальности.

Для успешного расследования преступлений той или иной категории следователь должен располагать определенными знаниями о компетенциях экспертов различных специальностей, а также о современных возможностях различных видов и родов экспертиз. Это позволит квалифицированно готовить материалы для экспертизы, правильно формулировать задание эксперту и оценивать экспертное заключение.

Вопросы должны быть четко сформулированы без возможности двоякого толкования.

Следователь, не имеющий достаточных знаний в современных возможностях судебной экспертизы, по нашему мнению, перед назначением экспертизы обязательно должен консультироваться со специалистом до ее назначения. При этом следователь должен быть заинтересован в ее результатах и для этого тщательно продумывать вопрос о предоставлении материалов дела для экспертизы. Недостаточно просто ознакомить эксперта с фабулой дела. Следует ознакомить специалиста со многими тонкостями, особенно в той области, которая напрямую будет ожидать экспертной оценки.

Анализ следственной и экспертной практики показывает, что именно на этапе подготовки объектов экспертизы допускаются невосполнимые упущения. Как правило, при назначении судебно-экономических экспертиз не проводится четкий отбор, систематизация и оформление передаваемых в экспертное учреждение объектов исследования. В результате эксперту-экономисту поступает вся первичная и бухгалтерская документация, изъятая на фирме или предприятии. В лучшем случае, ее систематизация проводилась работниками бухгалтерии предприятия в процессе хозяйственного оборота, в худшем — следователь формирует полученные документы, приобщая к материалам дела лишь отдельные фрагменты документальных свидетельств фактов налогового нарушения. Восполнить недостающие объекты исследования впоследствии не удастся из-за значительного разрыва во времени между изъятием документации и назначением экспертизы. Поэтому нужно обращать внимание при проведении выемки, обыска на полноту и качество изъятия документов.

Существенную помощь в отборе данных, относящихся к предмету планируемой в рамках расследуемого дела экономической экспертизы, может оказать использование специальных экономических

знаний сотрудников ЭКП и отделов документальных проверок и ревизий, при их участии в следственных действиях.

Материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта, должны относиться к предмету экономической экспертизы. Согласно п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования. Кроме того, в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 204 УПК РФ в заключении эксперта указываются объекты исследований и материалы, представленные для производства судебной экспертизы.

Таким образом, совокупность положений данных статей и п. 4 ч. 1 ст. 195 УПК РФ указывает на необходимость при вынесении постановления о назначении экономической экспертизы точного и подробного перечисления всех предоставляемых на исследование объектов.

Недопустимо ограничиваться ссылками на протоколы осмотра или выемки, указанием предоставляемых томов уголовного дела. Если в данных томах находятся объекты, предназначенные для экспертного исследования, они должны быть перечислены с указанием их местонахождения (том, лист).

Литература

1. Гольцев Д.С. Проблемы стандартизации информационно-методического обеспечения судебно-экономических экспертиз: Сб. докладов по мат. Междунар. науч.-практ. конф. «Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы» (16–17 мая 2019 г.). Н. Новгород, 2019.

2. Прорвич В.А. Научно-методические и информационно-технологические основы развития судебно-экономической экспертизы в уголовном судопроизводстве // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: Сб. науч. трудов I Междунар. форума (7–8 июня 2017 г.). М., 2017.

References

1. Gol'tsev D.S. Problemy standartizatsii informatsionno-metodicheskogo obespecheniya sudebno-ekonomicheskikh ekspertiz: Sb. dokladov po mat. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Mezhdunarodnye i natsional'nye tendentsii i perspektivy razvitiya sudebnoy ekspertizy» (16–17 maya 2019 g.). N. Novgorod, 2019.

2. Prorvich V.A. Nauchno-metodicheskie i informatsionno-tekhnologicheskie osnovy razvitiya sudebno-ekonomicheskoy ekspertizy v ugolovnom sudoproizvodstve // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy: mezhdunarodnyy opyt, problemy, perspektivy: Sb. nauch. trudov I Mezhdunar. foruma (7–8 iyunya 2017 g.). M., 2017.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С СОВРЕМЕННЫМИ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Николай Пиманович Купрещенко, профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета, доктор экономических наук, профессор
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: kuper52@mail.ru

Ася Аслановна Кушхова, адъюнкт ФПНПиНК кафедры экономики и бухгалтерского учета
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: kushkhova_mvd@mail.ru

Аннотация. Исследуется сложный и актуальный вопрос понимания миграционных процессов и их влияния на экономическую безопасность стран–доноров и стран–реципиентов. Миграция порождает как возможности для обеспечения экономической безопасности, так и угрозы. Также раскрывается вопрос о том, как миграционная политика позволяет снизить угрозы экономической безопасности и использовать возможности, создаваемые миграционными процессами.

Ключевые слова: экономическая безопасность, миграционные процессы, миграция, миграционная политика, экономическое развитие, рынок труда.

THE ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA IN CONJUNCTION WITH MODERN MIGRATION PROCESSES

Nikolay P. Kupreschenko, Professor of Economics and Accounting Department, Doctor of Economic Sciences, Professor
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: kuper52@mail.ru

Asya A. Kushhova, Adjunct FPNPiNK of Economics and Accounting Department
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: kushkhova_mvd@mail.ru

Abstract. The complex and topical issue of understanding migration processes and their impact on the economic security of donor countries and recipient countries is investigated. Migration creates both opportunities for economic security and threats. It also raises the question of how migration policy can reduce threats to economic security and take advantage of the opportunities created by migration processes.

Keywords: economic security, migration processes, migration, migration policy, economic development, labor market.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Купрещенко Н.П., Кушхова А.А. Экономическая безопасность России во взаимодействии с современными миграционными процессами. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):242–245.

Миграционные процессы — это сложное явление, затрагивающее базовые составляющие экономической безопасности как стран–доноров, так и стран–реципиентов. Данное явление сопровождало всю историю человечества, однако в современную эпоху углубляющейся глобализации ее масштабы нарастают. Миграция оказывает существенное влияние на экономическую безопасность и отправляющей, и принимающей страны, причем влияние это может быть как положительным, так и отрицательным. Именно поэтому важно рассмотреть миграционные процессы как вопрос государственной

политики в сфере управления экономической безопасностью, поскольку такой ракурс рассмотрения проблемы позволяет увидеть ряд возможностей и угроз.

Однако, прежде, чем перейти непосредственно к раскрытию вопроса связи состояния экономики конкретной страны или региона и миграционных потоков, соответствующих конкретной территории, дадим определение базовым понятиям.

Чаще всего в научной литературе под миграционными процессами подразумевается плановое или стихийное переселение людей из одной геогра-

фической зоны (населенного пункта, региона, страны) в другую с целью постоянного или временного проживания. Движущей силой миграционных процессов, определяющих их характер, а также отдельные черты, является группа факторов, формирующих притягивающее или выталкивающее воздействие [4].

При формулировании понятия «экономическая безопасность» в научной среде нет такого единства мнений, как при трактовке термина «миграционные процессы». Однако, в контексте темы работы интересной представляется формулировка М. Чекко-рули, которая под экономической безопасностью понимает такой набор свойств макроэкономической системы (например, экономики государства), который позволяет ей сохранять динамическое равновесие при постоянном стремлении воспроизводить новые модели экономических отношений. При этом ключевую роль в обеспечении экономической безопасности данный исследователь отводит человеку, объясняя это тем, что, несмотря на то, что любая экономическая система характеризуется множеством параметров, свойств и внутренних связей, но единственный элемент, который в данной системе обладает способностью целенаправленной деятельности по ее видоизменению и управлению всеми остальными составляющими процессами — это человек [2].

Следствием сказанного выше является вывод о том, что миграционные процессы, влияя на кадровый потенциал той или иной территориальной зоны, оказывают определяющее воздействие на ее экономическую безопасность. Причем миграционные процессы, вне зависимости от направления миграционных потоков (входящие и/или исходящие), могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на экономическую безопасность. Входящий миграционный поток оказывает положительное влияние на экономическую безопасность конкретной территориальной зоны лишь в случае, если имеет место приток мигрантов с определенными трудовыми навыками, в которых локальная экономическая система испытывает дефицит. Например, если «узким» местом кадровой составляющей экономической безопасности выступают специалисты в области Data Science, то приток мигрантов, обладающих данной квалификацией, создает основу для перехода экономической системы в качественно новое состояние, т.е. возникает абсолют-

но иной уровень экономической безопасности. Если же трудовые навыки, которыми обладают уже прибывшие мигранты, не находят применения в экономической среде, то возникает избыточное давление на социальную систему и инфраструктуру принявшей их территориальной зоны, т.е. с точки зрения экономической безопасности имеет место реакционный фактор [3].

В силу описанных выше зависимостей, управление миграционными процессами должно быть согласовано с базовыми составляющими экономической безопасности. Возникает новая отрасль управления в макроэкономике, которая связана с устранением «узких» мест в системе экономической безопасности территориальных зон через управление миграционными процессами. Такая система управления подразумевает реализацию интегрированного подхода к планированию и управлению всем потоком информации о фактических параметрах системы экономической безопасности и ее потребностях в кадрах, обладающих определенной квалификацией, которые возникают в экономических процессах территориальной зоны с последующим устранением возникших диспропорций через реализацию эффективной миграционной политики [5].

Планирование и реализация миграционной политики происходит как связующий элемент по всем этапам цепи управления экономической безопасностью. Основная задача государственной политики в данном случае заключается в том, чтобы организовать миграционные потоки так, чтобы сохранить баланс между оптимальным уровнем экономической безопасности и соблюдением локальных и международных законодательных актов (это важный ограничивающий фактор). В долгосрочной перспективе те страны, которые рассматривают оптимизацию своих миграционных потоков как стратегический актив в управлении экономической безопасностью, могут развиваться в среднем на 50–70% быстрее [6].

По мнению Ф. Адамсона, под экономической безопасностью понимается общая способность государства, связанная с многообразием ресурсов в его распоряжении и уровнем развития человеческого потенциала, которые проявляются в способности государственной политики адекватно реагировать на изменения внешней и внутренней среды, а также достигать преследуемые стратегические цели [1]. Как

видно из приведенного определения, из совокупности ресурсов, определяющих экономическую безопасность, исследователи особенно выделяют человеческую составляющую.

В современном мире претерпела трансформацию природа хозяйственного базиса экономического потенциала; «интеллектуальные технологии» планомерно заменяют «машинные технологии» эпохи индустриального уклада, формируются новые подходы к организации бизнес-процессов. В данной ситуации значительную роль в формировании экономической безопасности той или иной территориальной зоны играет качество его населения. Люди обладают определенным потенциалом, они способны вести целенаправленную работу по видоизменению окружающей их экономической среды. Именно поэтому передовые страны ведут целенаправленную работу по управлению миграционными процессами, работают над оптимизацией условий для привлечения высококвалифицированных специалистов и накопления критической массы людей, способных осуществлять качественные изменения экономической безопасности [8].

Безусловно, управление миграционными процессами не всегда определяется целями обеспечения экономической безопасности. Как показывает современная практика Европейского Союза, миграционные процессы могут быть обусловлены также политическими и гуманитарными причинами. Результатом смещения фокуса внимания при управлении миграционными процессами с критериев экономической безопасности в пользу иных целей становится то обстоятельство, что прибывающие кадры зачастую остаются не востребованы в экономике стран–реципиентов. Такой характер миграционных процессов находится в антагонистических отношениях с экономической безопасностью, поскольку, с одной стороны, усиливается нагрузка на бюджеты стран Европейского Союза (требуются расходы на социальное обеспечение и компенсацию роста нагрузки на инфраструктуру), с другой стороны, внутри стран–реципиентов возникает феномен выталкивающего миграционного давления, когда культурно инородные элементы набирают некую критическую массу [7].

Но не только миграционные процессы влияют на экономическую безопасность; существует и обратное воздействие. В ситуации, когда состояние

экономики в той или иной территориальной зоне не позволяет реализовать человеческий потенциал отдельных слоев населения, то люди не видят иных вариантов кроме как мигрировать в другой регион или другую страну. Существует и худшая вариация выталкивающего воздействия экономической среды, когда люди не видят иных вариантов, кроме миграции, чтобы избежать голода или даже смерти. В таком случае для страны–донора возрастает энтропия экономического потенциала вследствие того, что выталкивающая миграция провоцирует возникновение ряда необратимых процессов (так называемая «миграционная петля») [2].

Демографическая обстановка в более, чем 50% странах мира (как правило, это экономически развитые страны) на сегодняшний день характеризуется естественной убылью населения. Власти этих стран за счет миграционной политики пытаются стабилизировать численность населения в трудоспособном возрасте, тем самым, управляя процессами обеспечения экономической безопасности.

В странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) за счет мигрантов на современном этапе развития (по итогам 2018 г.) сформировано от 10 до 30% экономически активного населения. Для сравнения в 1960 г. в структуре занятого в экономике стран–членов ОЭСР населения лишь 5% составляли мигранты в первом поколении [2]. Специально акцент сделан на экономически развитых странах¹, многие из которых, во-первых, преуспели в вопросах обеспечения экономической безопасности, во-вторых, являются центрами притяжения миграционных потоков со всего мира.

Интенсификация миграционных процессов в мире наблюдается с 2000-х гг. Например, за период с 2001 по 2014 гг. общая численность мигрантов, официально проживающий в странах–членах ОЭСР, увеличилась на 20%, в то время как количество мигрантов с высоким уровнем квалификации выросло на 70%. С одной стороны, имеет место опережающая динамика роста интеллектуальной миграции по сравнению с ее суммарными характеристиками. С другой стороны, наблюдается изменение структуры миграционного потока. Для того, чтобы пояснить,

¹ Организация экономического сотрудничества и развития объединяет 36 наиболее экономически развитых стран мира, на долю которых приходится более 60% мирового ВВП, в то время как проживает на их территории около 18% населения.

что имеется ввиду приведем статистику для сравнения. В период с 1991 по 1999 гг. при общей динамике роста числа мигрантов в странах–членах ОЭСР менее 10%, прирост тех из них, кто обладает высокой квалификацией составил 130%.

М. Натан, комментируя слом тренда, говорит о том, что развивающиеся страны как источник миграционных потоков высококвалифицированных кадров, исчерпали свой потенциал воспроизводства, прямо указывая на их экономическую деградацию [5]. Из данного утверждения следует прямая связь между миграционными процессами и экономической безопасностью, когда входящие потоки высококвалифицированного человеческого ресурса привели к экономическому процветанию отдельных территорий и деградации других стран.

Дополнить картину влияния миграционных процессов на экономический потенциал тех или иных территориальных зон позволяют следующие аспекты.

Целостный взгляд на проблему влияния миграционных процессов на экономическую безопасность позволят сформировать следующие аспекты, выверенные М.А. Клеменсом [3]:

- ♦ влияние миграционных процессов на базовые характеристики экономической безопасности инерционно по своей сущности, поэтому важно разделять краткосрочный и долгосрочный эффекты;

- ♦ при обеспечении экономической безопасности через управление миграционными процессами очень важно учитывать фактор дифференциации квалификационного уровня мигрантов, а также возможность их быстрой культурной адаптации. Необходимо отметить, что без минимального уровня культурной ассимиляции мигранту практически невозможно встроиться в экономические процессы страны–реципиента, а период адаптации тем быстрее проходит, чем ближе культурные среды страны–донора и страны–реципиента.

В заключение, необходимо сделать вывод, что между экономической безопасностью и миграционными процессами существует прямая связь. Причем эта корреляция для экономической безопасности может быть как положительной, так и отрицатель-

ной, поскольку миграционные процессы в данной абстрактной двухфакторной модели представляют собой образ сил, которые обеспечивают достижение определенных экономических результатов страны–реципиента за счет ухудшения кадрового потенциала страны–донора. Поэтому миграционные процессы дуальны по своей природе, поскольку в результате их возникновения неизбежно возникают два исхода, несводимых друг к другу и даже противоположных друг другу. Дуализм природы миграционных процессов порождает возможности для одних территориальных зон и угрозы экономической безопасности для других.

Литература/References

1. Adamson F. Crossing Borders: International Migration and National Security // *International Security* № 31 (1), 2006, pp. 165–199.
2. Ceccorulli M. Migration as a security threat: internal and external dynamics in the European Union // *Forum on the Problems of Peace and War in Florence*, № 65/09, 2009, pp. 214–243.
3. Clemens M.A. Migration is a Form of Development: The Need for Innovation to Regulate Migration for Mutual Benefit, UN Population Division, Technical Paper № 2017/8. New York: United Nations, 2018.
4. Massey D.S. Economic Development and International Migration in Comparative Perspective // *Population and Development Review*, Vol. 14, № 3, 1988, pp. 383–413.
5. Nathan M. The Wider Economic Impacts Of High-Skilled Migrants: A Survey Of The Literature For Receiving Countries // *IZA Journal Of Migration* № 3(1), 2014, p. 4.
6. Niebuhr A. Migration And Innovation: Does Cultural Diversity Matter For Regional R&D Activity?: Migration And Innovation // *Papers In Regional Science*, № 89(3), 2010, pp. 563–585.
7. The Linkages between Migration, Agriculture, Food Security and Rural Development. Rome: United Nations, 2018.
8. World Migration Report 2018 by International Organization for Migration. Dublin, 2019.

УДК 339.944
ББК 65

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10180
© В.М. Маслова, 2020

Научная специальность 08.00.05 — экономика и управление народным хозяйством

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Валентина Михайловна Маслова, доцент кафедры «Управление персоналом и психология»,
кандидат экономических наук

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Москва, Ленинградский пр-т, д. 49)
E-mail: acdcn@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются основные инновационные подходы к системе управления персоналом. Представлена классификация инноваций в системе управления персоналом по признакам: фазам участия работников в профессиональном образовательно-трудовом процессе; степени радикальности, масштабности и темпам реализации. Даны примеры основных инновационных процессов в компаниях.

Ключевые слова: инновации в системе управления персоналом, кадровый потенциал, цифровизация, онбординг.

INNOVATIVE APPROACH TO PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEM

Valentina M. Maslova, Associate Professor of the Department of Personnel Management and Psychology,
Candidate of Economic Sciences

Financial University under the Government of the Russian Federation (125993, Moscow, Leningradsky pr-t, d. 49)
E-mail: acdcn@yandex.ru

Abstract. The main innovative approaches to the personnel management system are considered. The article presents a classification of innovations in the personnel management system based on the following characteristics: the phases of employee participation in the professional educational and labor process; the degree of radicality, scale and pace of implementation. Examples of the main innovation processes in companies are given.

Keywords: innovations in personnel management system, personnel potential, digitalization, onboarding.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Маслова В.М. Инновационный подход к системе управления персоналом. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):246–248.

Быстрое внедрение новых технологий, новые формы организации производства, сокращение и даже исчезновение отдельных предприятий, возникновение новых сфер занятости, электронное общение и распространение сети Интернет меняют способы ведения бизнеса и взаимодействие людей в процессе трудовой деятельности. В странах с переходной экономикой, к которым относится и Россия, эти изменения усиливаются еще и значительными социально-экономическими преобразованиями. Сегодня многократно повышается значение инноваций, в частности, инновационных социальных технологий в управлении трудовыми коллективами.

В рамках Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) президент России Владимир Путин предложил российским компаниям стать главными партнерами государства в развитии передовых технологий. «Предлагаю нашим компаниям с государственным участием, а также ведущим российским частным компаниям стать головными партнерами государства в развитии сквозных на-

учно-технологических направлений: это, как я уже говорил, — искусственный интеллект и другие цифровые технологии», — сказал президент¹.

Управление персоналом это многогранный и сложный системный процесс, который характеризуется своими специфическими особенностями и закономерностями, связанными с различными факторами. Цель управления персоналом состоит в обеспечении развития и реализации кадрового потенциала организации и фокусируется на инновационном подходе к его развитию и реализации. Инновационный подход реализуется в виде нового, усовершенствованного процесса, используемого в практической деятельности управления персоналом компании.

Основные характеристики инноваций:

1) инновации являются результатом планируемой деятельности, направленной на совершенствование существующей системы;

¹ Цифра идет в промышленность // URL://<https://subscribe.ru/archive/media.today.exportfirst/201906/08160207.html>

2) инновацией считается новшество, реализованное на практике;

3) объектами изменений могут быть различные сферы деятельности, в том числе организационно-управленческая;

4) инновации способствуют увеличению конкурентоспособности компании;

5) инновации связаны с рисками.

Управленческие инновации проявляются в целенаправленном изменении состава функций, организационных структур, технологии и организации процесса управления.

Инновации в системе управления персоналом можно классифицировать по следующим признакам (табл. 1)

Внедрение инноваций в систему управления персоналом должно проходить на основе проведенного исследования существующей системы, выявления ее возможностей и недостатков, а также с учетом последних трендов в области управления персоналом.

Основными инновациями в настоящее время является цифровизация системы управления персоналом. Готовность перестраивать процессы и технологии управления персоналом с учетом новейших IT-трендов и, в первую очередь, цифровизации — важное условие конкурентоспособности подразделений по управлению персоналом и компании в целом. В управлении персоналом цифровизация — это организация удобной цифровой среды для работников [1, с. 108–110]. Например, персонал может планиро-

Табл. 1. Классификация инноваций в системе управления персоналом

Признаки классификации	Содержание
1. По фазам участия работников в профессиональном образовательно-трудовом процессе	• профессионально-образовательные нововведения, т.е. нововведения в профессиональной подготовке в вузах, колледжах, других учебных центрах, на рабочих местах; • нововведения, связанные с поиском и отбором кадров, т.е. с формированием нового и эффективного кадрового потенциала. В данную группу входят новые методы поиска кадров на внешнем и внутреннем рынке труда; • кадровые нововведения в процессе труда. В данную подгруппу входят новые методы работы с персоналом в период оценки кадров, новое распределение трудовых функций и полномочий в существующей кадровой структуре, методы продвижения и перемещения работников, разработка новых должностных инструкций в соответствии с проф. стандартами и др.; • нововведения, связанные с профессиональной переподготовкой и повышением квалификации персонала; • нововведения в сфере сокращения персонала. Сюда входят совершенствование методов определения несоответствия работников занимаемой должности; совершенствование методов работы с кадровым балластом, сокращения и увольнения работников.
2. По степени радикальности, масштабности и темпам реализации	• кадровые нововведения эволюционного и модифицирующего характера, связанные с постепенным и частичным обновлением кадровых технологий; • кадровые нововведения радикального характера, направленные на коренное и масштабное обновление кадров и системы управления персоналом; • системные и масштабные инновации — это крупномасштабные кадровые нововведения, направленные на изменение кадровой политики и, как следствие, системы управления персоналом в соответствии с качественно новыми целями и задачами организации; • частичные и экспресс нововведения в кадровой работе, осуществляемые в сжатые сроки.
3. По отношению к элементам механизации управления персоналом	• инновации в области оценки развития потенциала персонала; • инновации в области прогнозирования и программирования развития персонала; • нововведения в сфере финансово-ресурсного обеспечения развития персонала; • нововведения в сфере мотивации и стимулирования персонала организации.

вать отпуск и командировки в виртуальном «личном кабинете». При этом не надо тратить время на поиск образцов документов, так как вся информация представлена в одном месте. В компании «Крок» автоматизировали все кадровые процессы. Сотрудник в личном кабинете выбирает нужную справку и отправляет ее сотруднику, который ставит печать. Однако, это автоматизация, а цифровизация заключается в соединении живого и неживого с помощью цифрового инструмента. Например, в компании был автоматизированный процесс заказа и управления обучением, и его обработка занимала 8 часов. При помощи платформы управления бизнес-процессами и роботов это можно выполнить за 15 мин. В чат-боты переложен процесс онбординга — адаптации новых сотрудников. Полная их адаптация проходит за год, и весь этот период отслеживается и контролируется, в том числе с помощью инструментов геймификации.

С помощью IT-решений можно создать систему электронного обучения, где каждый работник сможет выбрать набор программ повышения квалификации.

В компании Flixbility GMBH инновацией является оптимизированный процесс периода адаптации работников. За адаптацию отвечает команда, которая проводит все онбординги. Их задача заключается в том, чтобы подготовиться к выходу нового сотрудника, организовать ему комфортный и продуктивный первый день/неделю, быть на связи по возникающим вопросам во время испытательного периода до окончания его испытательного периода. Онбординг — это адаптационный период, который в каждой из стран организован со своими особенностями. Смысл онбординга:

1) знакомство нового сотрудника с компанией, ее историей и принципами. Это занимает первый день работы новоприбывшего;

2) погружение в процессы и работу других отделов путем 3–4 дней встреч с сотрудниками разных отделов;

3) интенсивная часть онбординга лежит на прямом менеджере нового работника и заключается в обсуждении первых задач и условий прохождения испытательного срока.

Необходимо поощрение инновационного мышления работников. Инновационный HR на примере компании Sony заключается в идеально налажен-

ной системе обратной связи руководства компании и рядовых сотрудников. В компании поощряются инновационные, рационализаторские предложения работников, причем премии получают даже те, чьи предложения оказались неудачными или вовсе утопическими. Это похоже на постоянный коллективный мозговой штурм. Желательным является создание такого климата в компании, когда рядовой сотрудник может смело обратиться к руководству с предложениями по улучшению, например, качества продукции, внедрению новых услуг или продукции, повышению конкурентоспособности выпускаемых товаров. В России такой опыт наблюдается только в ряде компаний; к сожалению, чаще всего, работник боится поднять глаза на руководителя компании, не говоря уж о генерировании и озвучивании смелых, подчас безумных идей. Идеально, если работник чувствует себя частью команды единомышленников².

Однако, необходимо проводить серьезные исследования до введения инноваций в области управления персоналом компании. Глава Сбербанка Герман Греф признал ошибки искусственного интеллекта, внедренные в банке. Искусственный интеллект, как правило, принимает решение в больших системах. Маленькая ошибка, закравшаяся в алгоритм, может приводить к очень большим последствиям. По словам Германа Грефа, Сбербанк потерял на этом миллиарды рублей.

Инновации в системе управления персоналом являются основой инновационного развития организации, поскольку обеспечивают условия эффективного функционирования и развития кадрового потенциала организации — его главного ресурса.

Литература

1. Маслова В.М. Современные подходы к цифровому управлению человеческими ресурсами // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 2. С. 108–110.

References

1. Maslova V.M. Sovremennyye podkhody k tsifrovomu upravleniyu chelovecheskimi resursami // Obrazovaniye. Nauka. Nauchnye kadry. 2018. № 2. S. 108–110.

² Инновации и перспективы в сфере HR: portal.ru/print/104943

ОЦЕНКА ТЕКУЩЕГО ПОЛОЖЕНИЯ И НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЕВРО КАК НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ

Андрей Алексеевич Яковлев, кандидат экономических наук, доцент
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (125993, Москва,
Волоколамское ш., д. 4)
E-mail: andrew0880@rambler.ru
Рецензент: доктор экономических наук, профессор **Н.Д. Эриашвили**

Аннотация. Характеризуется позиция относительно того, что евро, будучи единой европейской валютой, имеет абсолютно все предпосылки для того, чтобы в итоге стать одной из ведущих мировых валют. Проанализирован статус указанной наднациональной валюты в ключевых областях мировой валютной системы. При этом обосновано, что характерным для международного положения евро является его довольно ярко выраженный региональный характер. В то же время, отдельно учтен фактор интернационализации китайского юаня и создания азиатского (регионального) валютного блока как третьего базового элемента современной мировой валютной системы. Также рассмотрено использование евро в России в качестве резервной и инвестиционной валюты.

Ключевые слова: единая европейская валюта; европейское валютное пространство; мировая валютная система; обменный курс валют; валютная корзина; финансовый рынок; денежно-кредитная политика; экспортные сделки; региональный валютный блок.

ASSESSMENT OF EXISTING POSITION AND OF SOME PERSPECTIVES OF USING OF EURO AS ABOVE NATIONAL CURRENCY

Andrey A. Yakovlev, Candidate of Economics Science, Associate Professor
Moscow Aviation Institute (National Research University) (125993, Moscow, Volokolamskoe sh., d. 4)
E-mail: andrew0880@rambler.ru
Reviewer: Doctor of Economics Science, Professor **N.D. Eriashvili**

Abstract. Characterized the position, that euro (being united European currency) has absolutely all the preconditions for becoming as one of leading world currencies. The status of mentioned above national currency in target spheres of world monetary system is analyzed. Also it is based, that brightly expressed regional nature is typical for international position of euro. At the time a factor of internationalization of Chinese currency and creation of Asian (regional) monetary coalition (as the third basic element of nowadays world monetary system) is separately brought. Ways of using of euro in Russia (as a reserve and investment currency) are also examined.

Keywords: united European currency; European monetary space; world monetary system; exchange rate; currency basket; financial market; money and credit policy; export transactions; regional monetary coalition.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Яковлев А.А. Оценка текущего положения и некоторых перспектив использования евро как наднациональной валюты. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):249–253.

В качестве некоего введения следует отметить, что евро (*de facto* — единая европейская валюта) по состоянию на сегодняшний день обладает практически всеми предпосылками (задатками), чтобы превратиться в одну из ведущих (глобальных) валют в современном мире. При этом размеры, стабильность (или даже статичность), а также перспективы роста валютного пространства Европы позволили евро за сравнительно небольшой временной промежуток (т.е. с 1999 г.) занять второе по значимости место в мировых валютах (после доллара США). Но для целостной оценки предполагаемого противостояния указанных валют (равно как и рисков, связанных с дальнейшим усилением положения евро), целесооб-

разно определить реальное место, которое занимает евровалюта в мире в настоящий момент.

Итак, несмотря на то, что последствия мирового финансового кризиса (2008 г.) сравнительно негативно сказались на репутации валютного союза, евро, если можно так выразиться, довольно прочно занимает определенную позицию в мировой валютной системе, являясь (в то же время) одним из ее элементов, требующих постоянного контроля со стороны международных структур. Для того, чтобы удостовериться в сказанном, необходимо проанализировать статус данной единой европейской валюты в стратегических областях указанной системы, равно как и осознать, что евро применяется в самых различных сегментах меж-

дународных финансовых рынков как резервная, инвестиционная и, конечно же, платежная валюта. Следует сказать, что использование евро и в наличной форме вне государств, входящих в еврозону, неизменно образом растет. Сегодня ключевым определителем роли евро в мировой валютной системе можно считать его долю в валютных резервах государств мира, которая за период с момента введения до последних дней возросла до приблизительно 25%, причем доля доллара США в совокупных валютных резервах уменьшилась до примерно 3/5. Важно и то, что так называемые новые индустриальные страны перевели в евро уже около 1/3 всех своих валютных запасов.

Также необходимо отметить, что при обслуживании системы внешнеторговых операций евро оперируют не только в сделках внутри государств еврозоны, но и далеко за ее границами. Так, в последнее время для обслуживания более половины экспорта из еврозоны в государства за ее пределами (включая государства-члены Европейского Союза) используется исключительно евро, а для импорта данный показатель колеблется в пределах 1/2. При этом также около 1/2 экспорта из государств еврозоны в публично-правовые образования, не входящие в Евросоюз, позиционируется в евро. Что касается отдельных государств, то в качестве примера можно сказать, что расчеты по экспортным операциям, в которых одним из контрагентов выступает Германия (как драйвер европейской экономики), осуществляются в евро приблизительно на 60%. Более того, довольно высока и доля евро в торговых отношениях государств Центральной и Восточной Европы — членов ЕС, однако еще не входящих в границы еврозоны. Сегодня указанный показатель существенным образом превышает данные докризисного периода.

Не для кого не составляет секрета то, что целый ряд государств (и регионов) вне юридических границ Европейского Союза оперируют евро как официальной либо *de facto* официальной валютой. Нельзя не заметить, что официальной валютой евро признается в европейских государствовидных образованиях, таких, как Ватикан, Монако, Андорра, Сан-Марино, и французских заморских территориях, не входящих в Евросоюз. В Черногории и Косово, например, евро *de facto* обращается как национальная валюта по причине того, что в данных государствах в предыдущий исторический период была довольно широко распространена Deutsche Mark. Фактическое приращение

национальных валют государств, не входящих в Европейский Союз, к евро и применение его в качестве основной (якорной) валюты можно считать очень важным обстоятельством, так как стабильность денежной системы, основанной исключительно на единой валюте, максимально положительным образом отражается и на экономиках, и на торговых связях таких государств. Базой для формирования описанной схемы можно считать двусторонний договор с Европейским Союзом либо одностороннее решение соответствующего конкретного государства. В то же время, могут иметь место и договоренности самого различного вида, ведь это не противоречит здравому смыслу. Так, некоторые государства в качестве оптимума посчитали необходимым привязать курсы национальных валют к евро в соответствии с моделью *currency peg*. Однако, нельзя забывать, что финансовая система еврозоны не имеет обязательств принимать какие-либо меры для поддержания конкретного (текущего) обменного курса таких валют.

Отдельная тема — это государства, входящие в ЕС, но не в еврозону. Они наделены правом привязывать свою национальную валюту к евро, используя единый Европейский механизм поддержания обменных курсов, который в свое время был разработан в целях подготовки к переходу на использование евро. Двусторонние финансовые вливания способствуют удержанию отклонений курса обмена соответствующей валюты на евро в пределах оговоренного диапазона. Например, даже сегодня этой моделью пользуется Дания. Система односторонней привязки национальной валюты к евро характерна и для Сербии, равно как и для Македонии. В подобных случаях центральные банки государств отвечают в полном объеме за поддержание четко фиксированного курса национальной валюты к евро (Европейский центральный банк не имеет каких бы то ни было обязательств относительно курса национальных валют). Далее, ряд государств-участников Евросоюза, еще не вошедших в еврозону, применяют точно такую же схему. Это Румыния, Чехия, Хорватия. Более того, косвенная привязка валюты к евро может иметь место и в случаях, когда обменный курс национальной валюты определяется на основе так называемой «валютной корзины», состоящей из нескольких общепризнанных (общеизвестных) национальных или наднациональных валют (например, это могут быть американский доллар, евро, японская иена и проч.). Следует сказать,

что к государствам, пользующимся данным способом регулирования обменного курса, до сравнительно недавнего периода относилась и РФ, валютная корзина которой включала как доллар США, так и евро.

Таким образом, в результате отмеченных выше связей между евро и национальными валютами (как в ЕС, так и за его пределами), обращение наличного евро в мире за последние годы существенным образом расширилось; при этом темпы роста постоянно превышали данный показатель внутри самой зоны евро. В соответствии с независимыми оценками (усредненно), отток денежных знаков из еврозоны через финансовые структуры сегодня превышает сотню млрд, что составляет примерно 1/8 от общего объема наличного обращения внутри еврозоны. А учитывая и небанковские каналы, включая все виды туризма, переводы от мигрантов, можно уверенно сказать, что до 1/4 евробанкнот имеют хождение за границами государств, входящих в зону евро. Подобное подтверждает лишь то, что финансовый кризис как таковой в итоге не отразился на обращении наличности в евро вне зоны его прямого применения.

Особенностью именно сегодняшнего международного статуса евро является его предельно четко выраженный региональный характер. Следуя логике, можно предположить, что расширение зоны евро будет иметь место за счет государств-участников Евросоюза (из Центральной и Восточной Европы), не входящих в настоящее время в финансовую систему еврозоны, а также тех географически ближайших государств-кандидатов на вхождение в состав ЕС, в которых уже сегодня наблюдается жесткая (стабильная) привязка к евро, либо где евро имеет обращение как национальная валюта *de jure* или *de facto*. Это исключительно важно для возможного дальнейшего его продвижения на Восток и в Российскую Федерацию, несмотря на предельно сложную геополитическую обстановку в текущий момент (санкционные действия Запада и проч.).

Итак, сейчас в международной валютной системе сформирован так называемый евроблок, выходящий за пределы территории единой европейской валюты в прямом смысле и включающий государства, не имеющие отношения к еврозоне как таковой. Основу этой структуры составляет Европейский валютный союз, включающий в себя 19 государств, и его расширение в предстоящий период будет осуществляться в рамках Евросоюза. Этому блоку противопоставляется так на-

зываемая «долларовая» группа государств, где стратегической валютой является доллар США. Это более 60 субъектов отношений публичного порядка. По величине ВВП, представляющего в сущности совокупный общественный продукт, доля «долларового» валютного блока выше, что можно объяснить доминированием одного государства, а именно, США (в то время как в евроблоке разрыв между экономическими показателями не столь существенен, хотя государства еврозоны в нем являются лидерами).

При более глубоком анализе выясняется, что удельный вес этих двух блоков в глобальном общественном продукте (примерно 60 и 25%) практически совпадает с удельным весом каждого из них в валютных резервах (на сентябрь 2014 г. — 60,7 и 24,2%). Этим объясняется и относительная стабильность объема долларовых валютных резервов, несмотря на падение стоимости доллара по отношению к другим ведущим валютам и снижение удельного веса США в глобальной экономике за последние десятилетия. Таким образом, именно стабильность долларового валютного блока позволяет американскому доллару оставаться ведущей мировой валютой... В качестве якорной валюты доллар, как и евро, тяготеет к своему региону (государства Карибского бассейна и Центральной Америки). Но американский доллар, помимо этого, является якорной валютой для государств — экспортеров нефти, так как котировки цен на сырую нефть издавна номинируются в долларах. Поэтому доллар служит якорной валютой и для государств Ближнего Востока и Центральной Азии... И наконец, единственным европейским государством, использующим доллар в качестве якорной валюты, является Украина. Сильные позиции доллара в Центральной Азии заставляют учитывать это обстоятельство при разработке и планировании мер, направленных на усиление роли евро в Восточной Европе, России и на евразийском пространстве. К тому же именно в этот регион усиливается экономическая экспансия Китая вместе с его валютой [2, с. 56–58].

Необходимо обратить внимание на то, что привлечение международного значения евро отнюдь не связано с системой мер по поддержке со стороны финансовой системы еврозоны и Европейского центрального банка ввиду отсутствия ее как таковой. До настоящего момента огромное значение имел фактор рынка, для которого существенными всегда являются размеры валютной зоны, степень вовлеченности в

процессы глобализации, состоятельность финансовых рынков, равно как и денежно-кредитная политика европейских руководящих институтов. Поэтому сегодня нельзя дать однозначный ответ на вопрос о том, будет ли подобная позиция Европейского центрального банка и в дальнейшем достаточной для того, чтобы евро смог оптимизировать свое международное присутствие в условиях предельно острой конкурентной борьбы с иными (стремящимися к расширению) валютами, главным образом, китайским юанем. В данном случае необходимо закрепить позиции реального и финансового секторов, создав довольно ощутимые преимущества в глобальной экономической модели, так как сегодня фактор валюты занимает максимально активную позицию.

При этом следует особо подчеркнуть, что помимо гипотетического усиления евроблока (как одной из лидирующих (мировых) валютных систем), не сбрасывается со счетов и фактор последующей интернационализации юаня и образования азиатской региональной валютной коалиции, которая имеет все видимые тенденции к превращению в третий базовый компонент мировой валютной системы. Юань может фактически и продублировать опыт евро — от расчетной функции в торговых сделках к наднациональности (сформировав вокруг еврозоны весомый блок евровалюты, приобретя, тем самым, вес как расчетная валюта в новых индустриальных странах, превратившись в итоге во вторую в мире резервную валюту).

Китай, особенно после 2009 г., последовательно и, в то же время, осторожно осуществляет интернационализацию юаня для поддержки и усиления глобальной экономической экспансии своей национальной валюты. При этом заметно стремление высвободиться из «долларовой ловушки», в которую страна попала, став (наряду с Японией) одним из важнейших кредиторов США. С одной стороны, Китай форсирует использование своей валюты за рубежом страны для обслуживания своих торговых операций, с другой, — развивает офшорный рынок в Гонконге, чтобы поддержать становление здесь рынка облигаций, номинированных в юане. По некоторым оценкам, к 2020 г. Гонконг сможет войти в число ведущих мировых площадок торговли облигациями, в определенной мере повторив путь офшорного доллара (евродоллар) в Лондоне... Параллельно с меняющимся раскладом сил в мировой экономике в пользу Азии в целом и Китая в частности будет идти станов-

ление многополярной валютно-финансовой системы, покоящейся на «трех китах». Ключевую роль здесь сыграет процесс валютной интеграции в Азии и постепенное превращение юаня в региональную и мировую валюту. Номинируя торговые операции а также инвестиции в юанях и все шире практикуя валютные свопы, Китай шаг за шагом выстраивает региональную валюту с перспективой появления многополярной валютной системы с несколькими ведущими валютами. Хотя до сих пор только 24 азиатских страны пользуются юанем как резервной валютой, в сентябре 2014 г. его доля в международных расчетах достигла 1,6%, что больше, чем у швейцарского франка [2, с. 60–61].

Таким образом, все последующие этапы экономической экспансии Китая будут характеризоваться активным продвижением его валюты не только в Российскую Федерацию, но и в евразийское экономическое пространство в целом. При этом целью подобной стратегии однозначно можно считать сектор энергетики, равно как и доступ к неограниченным природным ресурсам государств данного географического региона (главным образом, конечно же, Российской Федерации). В связи с этим в договоренности о реализации значимых проектов в энергетической сфере довольно активно включается раздел об использовании национальных валют (это стало очень заметно в последний период после введения западных санкций, когда при расчетах между Китаем и РФ в целом ряде случаев не используются доллары США и евро). Подобное практикуется с целью ухода от расчетов в долларах США, что свидетельствует также и о намерении скорректировать баланс сил и добиться относительной самостоятельности как национальных экономик, так и национальных валют. Из вышеозначенного вытекает совершенно естественный вывод о том, что Евросоюз уже конкурирует с Китаем за использование сырьевого и энергетического потенциала данного региона. Не обращаясь к специалистам, можно смело предположить, что в процессе конкурентной борьбы Китай в обязательном порядке найдет применение своим валютным и финансовым возможностям, полученным в результате интернационализации юаня.

Говоря о Российской Федерации можно заявить с уверенностью, что в нашей стране, как и на глобальном уровне, евро — это фактически вторая по значимости иностранная валюта (после доллара

США) по всем параметрам использования в качестве: а) резервной, б) операционной и в) инвестиционной валюты. И далеко не в последнюю очередь это связано с отказом от доллара США как единственной базовой валюты для установления обменного курса российского рубля. Следует напомнить, что, начиная с 2000-х гг., курс рубля рассчитывался на основе так называемой «валютной корзины», включающей в себя американский доллар и евро (причем вес евро ощутимым образом увеличивался ввиду того, что Россия в валютной политике в обязательном порядке учитывала нарастающее значение Евросоюза и его валюты, в первую очередь, для внешней торговли государства). Однако, в конце 2014 г. Банк России однозначно заявил об окончании действия привязки курса обмена рубля к бивалютной корзине и переходе к гибкому (так называемому «плавающему») курсу. Конечно же, это было спровоцировано постоянно увеличивающимся давлением на рубль, курс которого в тот период стремительно снижался в связи с падением цен на нефть, равно как и в связи с введением западных санкций. При этом отказ от «долларизации» экономики РФ был объяснен и существенными объемами товарооборота с еврозоной, которые увеличивались. Данный рост был прекращен именно введенными санкциями (в связи с украинским вопросом). Однако, зависимость от таких показателей, как внешняя ликвидность и приток иностранного капитала и сегодня одна из основных характеристик отечественной экономики (и ее финансовой системы). Но нельзя также забывать, что ситуация в народном хозяйстве стала значительно ухудшаться задолго до введения санкций.

Делая выводы относительно России, можно предположить, что вовлечение государства в процессы мировой экономики все же должно идти через страны Европы и не может ограничиваться исключительно китайским направлением. Ведь именно европейский вектор способен сформировать ключевые предпосылки, чтобы реализовать ту модель модернизации, которая сможет добиться четкой диверсификации отраслей народного хозяйства, позволив уйти стране от роли сырьевого придатка мировой экономики, которую ей прочат многие игроки на мировой арене. Наверное, именно в этом и заключаются объективным образом дополняющие друг друга интересы Российской Федерации и граничащего с ней ЕС. Без сомнения, для претворения в жизнь подоб-

ного должны быть сформированы очень многочисленные предпосылки политического, экономического и иного характера, учтены аргументы сторон в сфере обеспечения экономической безопасности. Для России это приведет к адаптации и обновлению ключевых инструментов финансово-денежной политики, что позволит применить ресурсный потенциал в большем объеме. При этом Евросоюз не сможет отклониться от российского вектора (если он не готов уступить иным интеграционным полюсам), противодействуя уже многим видимому процессу вытеснения евро с лидирующих позиций.

Литература

1. Брагин Н.И., Матненко Н.Н. Особенности инновационных преобразований в условиях антироссийских санкций / Под ред. Н.И. Брагина. М., 2016.
2. Вальтер Д., Шток В., Хартманн В. Экспансия евро: границы возможного / Пер. с нем. М., 2018.
3. Гагарина Г.Ю., Громыко В.В., Окрут З.М., Сагинова О.В. Экономика Европейского союза: Учебник. М.: Экономистъ, 2003.
4. Сумароков В.Н., Сумароков Н.В. Расширение Европейского Союза и внешнеэкономические связи России. М.: Финансы и статистика, 2006.
4. Шемятенков В.Г. Европейская интеграция: Учеб. пособие. М.: Междунар. отношения, 2003.
5. Шкваря Л.В. Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве: Учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2015.

References

1. Bragin N.I., Matnenko N.N. Osobennosti innovatsionnykh preobrazovaniy v usloviyakh antirossiyskikh sanktsiy / Pod red. N.I. Bragina. M., 2016.
2. Val'ter D., Shtok V., Khartmann V. Ekspansiya evro: granitsy vozmozhnogo / Per. s nem. M., 2018.
3. Gagarina G.Yu., Gromyko V.V., Okrut Z.M., Saginova O.V. Ekonomika Evropeyskogo soyuza: Uchebnik. M.: Ekonomist, 2003.
4. Sumarokov V.N., Sumarokov N.V. Rasshirenie Evropeyskogo Soyuz a i vneshneekonomicheskiye svyazi Rossii. M.: Finansy i statistika, 2006.
4. Shemyatenkov V.G. Evropeyskaya integratsiya: Ucheb. posobie. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2003.
5. Shkvarya L. V. Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya v mirovom khozyaystve: Ucheb. posobie. M.: Infra-M, 2015.

УДК 368.013
ББК 65.271

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10182
© Н.Н. Никулина, С.В. Березина, М.Е. Шашкина, 2020

Научная специальность 08.00.10 — финансы, денежное обращение и кредит

СУЩНОСТЬ И ТЕХНОЛОГИИ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ СТРАХОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Надежда Николаевна Никулина, доцент кафедры «Финансы и кредит», кандидат экономических наук
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (603000, Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23)
E-mail: nnniculina@yandex.ru

Светлана Владимировна Березина, доцент кафедры «Финансы и кредит», кандидат экономических наук
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (603000, Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23)
E-mail: ber69@inbox.ru

Мария Евгеньевна Шашкина, доцент кафедры «Финансы и кредит», кандидат экономических наук
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (603000, Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23)
E-mail: mshashk@mail.ru

Аннотация. В соответствии с программой правительства «Цифровая экономика» в страховой индустрии началась работа по трем направлениям реализации — интернетизация, индивидуализация, дигитализация. В данной статье рассмотрены сущность и роль индивидуализации в развитии страхового рынка, в повышении значимости для потребителей (клиентов) приобретения страховой защиты имущественных интересов через интерлокеров. Систематизированы факторы развития индивидуализации страховых предложений при цифровизации.

Ключевые слова: цифровая экономика, страховая индустрия, электронные коммуникации, индивидуализация, цифровое страхование, интерлокер.

THE ESSENCE AND TECHNOLOGY OF INDIVIDUALIZATION OF INSURANCE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Nadezhda N. Nikulina, Associate Professor of the Department of Finance and Credit, Candidate of Economic Sciences
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (603000, Nizhny Novgorod, pr-t Gagarina, d. 23)
E-mail: nnniculina@yandex.ru

Svetlana V. Berezhina, Associate Professor of the Department of Finance and Credit, Candidate of Economic Sciences
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (603000, Nizhny Novgorod, pr-t Gagarina, d. 23)
E-mail: ber69@inbox.ru

Maria E. Shashkina, Associate Professor of the Department of Finance and Credit, Candidate of Economic Sciences
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (603000, Nizhny Novgorod, pr-t Gagarina, d. 23)
E-mail: mshashk@mail.ru

Abstract. In accordance with the government's Digital Economy program, work in the insurance industry has begun in three areas of implementation: internetization, individualization, digitalization. This article discusses the essence and role of individualization in the development of the insurance market, in increasing the importance for consumers — clients of acquiring insurance protection of property interests through interlockers. The factors of individualization development of insurance offers in digitalization are systematized.

Keywords: digital economy, insurance industry, electronic platform, electronic communications, individualization, digital insurance, interlocker, insurance offer, smart technologies.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Никулина Н.Н., Березина С.В., Шашкина М.Е. Сущность и технологии индивидуализации страхования в условиях цифровизации. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):254–259.

Цифровая экономика проникла во многие сферы жизнедеятельности, однако страхование — одна из менее «оцифрованных» сфер. Объясняется технологическое отставание тем, что страховая индустрия продолжительное время использовала устаревшие ИТ-технологии и только с принятием программы «Цифровая экономика» активно подключилась к этому процессу. Банк России приступил к реализации проекта «Основные направления развития фи-

нансовых технологий 2018–2020 года», в рамках данного проекта предполагается внедрение новой электронной платформы *маркетплейс* — это агрегатор способный информировать потребителей о доступных финансовых услугах с учетом индивидуальных потребностей и предпочтений¹. Удобство этой плат-

¹ Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов // URL: http://www.cbr.ru/statichtml/file/36231/on_fintex_2017.pdf

формы в условиях России с ее огромными территориями в том, что в любое время суток в режиме онлайн можно дистанционно оформить покупку любого из предложенных страховых продуктов и услуг, предполагая расширение доступа к услугам для таких категорий населения как инвалиды, мамы с малолетними детьми, прочие лица с ограниченными возможностями с учетом индивидуализации.

В соответствии со «Стратегией развития страховой отрасли в Российской Федерации на 2019–2021 годы» (далее — Стратегия) предусмотрена необходимость перехода к интенсивному росту; потенциал страховой отрасли можно раскрыть, решив ключевые проблемы рынка и сформировав стимулы для его развития, в том числе развития и совершенствования электронного страхования². В настоящее время находится в обсуждении законопроект «О регулировании электронных платформ». Единая биометрическая система (далее — ЕБС) заработала с 1 июля 2018 г., но и здесь есть определенные трудности — не хватает криптографического оборудования. Скорейшее внедрение данной платформы с учетом индивидуализации используется для страховых продуктов ОСАГО, КАСКО, ИСЖ, страхование имущества и др. У этих сегментов страхового рынка имеются многочисленные клиенты, они одновременно пользуются и банковскими услугами с учетом индивидуализации с помощью электронной платформы маркетплейс. К основным направлениям цифровизации страхового рынка относятся интернетизация, индивидуализация и дигитализация деятельности (табл. 1).

Цифровое страхование — это способ удовлетворения страхователей — потребителей страховой за-

щиты; страховые услуги, которые раньше именовались, например, страхованием электронной коммерции, страхованием киберрисков и т.д., стали рассматриваться не как самостоятельный продукт, а как дополнение к страхованию имущества [1, с. 245]. Цифровое страхование, с одной стороны порождается цифровой экономикой, с другой стороны, — оно составляющее для реализации цифровых технологий. Осуществление страховой деятельности с использованием цифровых технологий определяется как цифровизация страхового рынка.

Цифровизация определяет заинтересованность страховщиков в инновациях, в том числе: автоматизации облачной обработки данных, технологии с элементами искусственного интеллекта. Новые потребности страхователей, обусловленные цифровизацией экономики, обеспечивают для страховщиков значительные возможности роста [2, с. 59]. К основным факторам, способствующим развитию индивидуализации при цифровизации страхового рынка, относятся:

- ♦ увеличение объема информации о клиенте, объекте страхования, индивидуальная оценка риска;
- ♦ создание устройств для сбора показателей, в том числе дистанционный сбор показателей жизни и здоровья;
- ♦ проведение андеррайтинговых процедур по заявке клиента, индивидуальные предложения;
- ♦ переход на массовое производство с усреднением качества на приемлемом уровне без существенного повышения стоимости страховой продукции;

² Стратегия развития страховой отрасли Российской Федерации на 2019–2021 годы // URL: http://www.insunion.ru/as-sest/files/2018/strategy_19_21.pdf

Табл. 1. Направления цифровизации страхового рынка и их содержание

Направления цифровизации	Содержание
Интернетизация	Использование интернета с применением новых производственных технологий, беспроводной связи, облачных технологий
Индивидуализация	Разработка индивидуальных предложений клиентам по страховой защите имущественных интересов (по тарифам, рискам, общественным условиям страхования) на основе большого объема информации о страхователе, об объекте страхования
Дигитализация	Использование цифровых технологий (оцифровывание) всех составляющих бизнес-процессов в страховых организациях

♦ применение системы Wi-Fi для сбора и анализа дополнительных сведений, влияющих на оценку индивидуального риска.

Начиная с 2011 г. объемы вложений в деятельность Insurtechs постоянно растут, их динамика выглядит так (в млн долл.): 2011 — 140; 2013 — 223; 2014 — 740; 2015 — 2650; 2016 — несколько снизились и составили 1690. Ведется анализ поведения потребителя с использованием технологий искусственного интеллекта и как результат — быстрое реагирование на изменение потребностей потенциальных страхователей. Интернет и мобильные технологии позволяют страховщикам перейти к индивидуализации страхового риска, к предотвращению наступления страхового случая [3, с. 367].

Индивидуализация экономических отношений «страховщик — страхователь» — это персонализация страховых продуктов и страховых услуг с учетом эквивалентности интересов сторон и предполагает:

- ♦ индивидуальную оценку риска на этапе обсуждения существенных условий договора страхования с использованием аналитики больших данных о страхователе и объекте страхования;
- ♦ подготовку индивидуальных предложений на страхование по запросу клиента — это этап позиционирования сторон;
- ♦ возможность сформировать индивидуальные предложения без повышения стоимости страхового продукта (услуг) за счет использования современных технологий.

Одно из направлений в «Стратегии» — недостаточное развитие электронного страхования. Так, например, менее 3% страховых премий получено через

Интернет, более 80% электронного страхования приходится на ОСАГО. У российского рынка огромный нереализованный потенциал развития электронного страхования с использованием индивидуализации страховых продуктов. Страховые операции, которые, реализуя направления индивидуализации, можно выполнить при помощи интернет-сайта следующие:

- ♦ выбрать конкретный страховой продукт;
- ♦ ознакомиться с существенными условиями страхования;
- ♦ оформить необходимые документы, в том числе заявление на страхование;
- ♦ предоставить необходимые документы для оформления страхового полиса;
- ♦ получить актуарный калькулятор на страховой продукт;
- ♦ оплатить страховую премию полностью или страховой взнос в рассрочку;
- ♦ получить страховой полис (договор страхования);
- ♦ внести при необходимости изменения в договор страхования;
- ♦ подать заявление о страховом случае;
- ♦ получить страховую выплату (страховое возмещение по результатам экспертизы).

Отделение от массовых стандартизированных страховых продуктов и индивидуализация экономических отношений привели к возникновению технологий индивидуализации предложений страховых организаций (табл. 2).

Каналы, через которые поступает информация, делят на диджитальные (датчики) и софтверные (раз-

Табл. 2. Технологии индивидуализации страховой цифровизации

Цифровая технология	Сущность технологии, применение
Big Data	Обработка больших массивов данных
Интернет вещей	Получение дополнительных данных об устройствах, имеющих выход в сеть Интернет, выбор и обоснование потенциальных объектов страхования
Устройство сбора показателей жизни и здоровья, телематика	Удаленное получение дополнительной информации об объектах страхования
Получение информации из виртуальной реальности	Анализ информации, размещенной страхователем в социальных сетях
Технология беспроводной связи	Использование системы Wi-Fi — позиционирование с целью получения информации о страхователе (застрахованного)

личные программы). Например, клиентам страховых организаций сейчас нет необходимости каждый раз вводить паспортные данные, водительские права, диагностические карты при покупке страхового полиса ОСАГО; достаточно отсканировать эти документы и технологическое решение автоматически вносит эти данные на соответствующий сайт.

В индивидуализацию страхового предложения входят:

- ♦ индивидуальная оценка риска путем увеличения количества информации, которая собирается об объекте страхования и страхователе;
- ♦ индивидуальные предложения на страховую защиту по запросу страхователя.

Цифровая экономика создает возможность формирования индивидуального предложения без существенного повышения стоимости страхового продукта за счет использования современных технологий, к которым относятся: Big Data, телематика и система Wi-Fi и другие [5, с. 254].

Big Data — технология обработки больших массивов данных, это персонифицированное предложение страховых продуктов, связанных с состоянием маркетинга в конкретной страховой организации, однако успешному использованию данной технологии препятствует отсутствие адекватного инструментария по обработке больших массивов данных. Использование автоматизированных устройств по сбору информации о страхователе или объекте страхования, например, телематика, телемедицина позволяют страхователю получить расширенный список показателей для оценки риска. После чего сформировать индивидуальные условия по программе страхования.

Технология Big Data запоминает персональную информацию о субъекте, распространяет ее и позволяет «узнавать» клиента, не запрашивая каждый раз данные о нем. Например, в автостраховании подбирается страховой продукт для клиента с учетом таких индивидуальных факторов: стиль вождения, предлагается наиболее подходящий вариант сервис оценки аварийности маршрута, открывается личный кабинет с мобильным приложением и др. С помощью генетического тестирования страховщик определяет профиль риска клиента и учитывает это при составлении актуарной калькуляции страхования жизни для него. Преимущества использования технологии Big Data: ускоряется взаимодействие

«партнер–клиент», повышается лояльность привлечения клиентов, учитывается индивидуализация при работе с клиентом.

Телематика — это дистанционный сбор показателей, характеризующих жизнь и здоровье клиента, дополнительной информации о нем. Телематика — начальный этап применения телематики в моторном страховании. Так, при развитии автономных автомобилей, в которые инвестируют крупнейшие интернет-гиганты Google, Apple, а также автопроизводители, телематика и основанное на ней «умное» страхование будут универсальным решением для автовладельца. На российском рынке уже сейчас опережающими темпами растет доля продаж Каско в рамках комплексных предложений автопроизводителей. По мере развития активных систем управления все большее значение будет иметь не стаж и возраст водителя, а оснащение автомобиля.

Система Wi-Fi используется в социальных сетях для сбора информации, позиционирования торгового центра, стадиона, метрополитена. Страховщики применяют для сбора, анализа дополнительных сведений, которые влияют на оценку риска и индивидуализацию страховых предложений. Интернет вещей представляет собой сбор дополнительной информации об устройствах потенциальных клиентов, имеющих выход в Интернет. В виртуальной реальности сбор информации, размещенной в социальных сетях страхователей, ее анализ, по своей сути это появление P2P5 — одноранговая сеть, вариант взаимного страхования, в рамках которого формируется однородная группа страхователей, которые страхуются от однородных рисков. Выбирается куратор по расчету страховой премии, администрируется поэтапный процесс страхования, а по завершении срока страхования из сформированного страхового фонда выплачивается премия — это усиление технологических решений.

«Умные» технологии применимы при страховании недвижимости («умный» дом), личном страховании («умное» ДМС, использование гаджетов для дистанционной оценки состояния здоровья). Количество владельцев полисов «умного» страхования в России, по разным оценкам, колеблется в пределах 35 000–55 000.

Телематика в моторном страховании может применяться не только как средство для управления рисками страховщика и снижения стоимости полиса

для водителя, но и как инструмент для повышения удобства взаимодействия в целом. Лаборатория «умного вождения», аккредитованная Российским союзом автостраховщиков, в 2018 г. начала экспериментировать с помощью устройства «Элемент», позволяющего владельцам транспортного средства дистанционно управлять работой двигателя, открывать и закрывать двери. Лаборатория сотрудничает с ведущими страховыми организациями «Альфа-Страхование», Росгосстрах, Ингосстрах, разрабатывая новые информационно-коммуникационные технологии, пакеты услуг по страхованию квартир (домов) с учетом наличия в них «умных» систем, устанавливая систему скидок.

В сфере здоровья используются «умные» технологии в различных сферах жизни, например, фитнес-браслеты, пульсометры, датчики и другие гаджеты — их ассортимент довольно широк, они накапливают и анализируют информацию об изменении в состоянии человека (двигательную активность, частоту сердечных сокращений, поступление и расход калорий). Все эти данные передаются в облачное хранилище и с их помощью пользователь может наблюдать изменения в индивидуальном состоянии на любой временной период.

Цифровая экономика делает страховые продукты более индивидуальными в силу клиентоориентированности. Клиенты предпочитают индивидуальные страховые покрытия вместо доступных в настоящее время универсальных продуктов. Гибкие варианты покрытия, микрострахование и одноранговое страхование станут жизнеспособными вариантами в долгосрочной перспективе.

Сами страховщики начали активно заниматься исследованием цифровых платформ «сайты в сети Интернет», на которых предоставляется сравнительный анализ цен, что позволяет клиентам сравнивать интересующие их страховые продукты. Особую ценность для клиентов представляет информация о рисках. В этой ситуации страховщики могут аргументированно рекомендовать мероприятия по минимизации рисков. Практически 70% клиентов готовы загрузить в свой персональный компьютер специальное приложение от выбранной страховой организации.

В России делаются определенные шаги по развитию иншуртех, связанных с усовершенствованием и адаптацией продуктов к требованиям клиентов на

основе технологии использования больших данных. В качестве примера — телематика и «умное» страхование. Однако, определенный тормоз в развитии представляют регулярные изменения на страховом рынке ЕС. В рамках «Финтехлаб» — первого в России хаба для финтех — стартапов — создан первый страховой финтех-акселератор Insurtechlab, партнерами выступают «ВТБ-страхование», «Альфа-Страхование», «Д2-страхование». Факторы, сдерживающие развитие и совершенствование индивидуализации в цифровом страховании, следующие:

- ♦ недостаточная обоснованность степени влияния на риск;
- ♦ контролируемость законности использования собранной информации о клиенте-страхователе;
- ♦ приближение договора страхования к рискованности, практически не отличающейся от нулевого риска;
- ♦ стремление к минимизации риска при проведении после страховой экспертизы, снижение доли нетто-ставки в структуре страхового тарифа.

Правительственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» содержит технологии, способствующие развитию и продвижению страховой отрасли, однако некоторые из них не используются в страховании вовсе, другие задействованы страховщиками в разной степени: интернетизация бизнес-процессов присутствует в деятельности 93% опрошенных страховых организаций; большие базы данных — 57%; новые производственные технологии — 47%; беспроводная связь — 40%; искусственный интеллект — 30%. Национальной страховой системе сейчас нужны не просто страховые посредники (страховые агенты, страховые брокеры) как дистрибьютеры во взаимоотношениях «страховщик-страхователь», а интерлокеры — это стратегические посредники между различными сферами деятельности, комбинирующие предпринимательские схемы [4, с. 4]. В настоящее время к этой роли в наибольшей степени подходят страховые брокеры, которые в процессе одной сделки действуют и в интересах страховщика, и в интересах страхователя. Интерлокеры решают задачи интенсификации развития страхования, разрабатывают нишевые и индивидуализированные программы страховой защиты, отвечающие потребностям платежеспособности клиентов — потребителей страховых услуг.

Подводя итоги, отметим.

1. К основным проблемам индивидуализации в страховой деятельности можно отнести:

- ♦ законность применения собираемых данных о страхователе;

- ♦ недостаточная проработка степени воздействия собираемых показателей на риск;

- ♦ избыточная минимизация риска в результате анализа, снижение размера нетто-ставки значительно ниже уровня расходов компании на заключение договора страхования;

- ♦ приближение к отсутствию рискованности договора страхования, практически не отличного от нулевого риска, развитие страхового посредничества через интерлокеров — высококвалифицированных специалистов страховых продуктов с учетом индивидуализации клиентов.

2. Национальной страховой системе нужны не просто страховые посредники (страховые агенты, страховые брокеры) как дистрибьютеры во взаимоотношениях «страховщик-страхователь», а интерлокеры — это стратегические посредники между различными сферами деятельности, комбинирующие предпринимательские схемы различных форм экономической деятельности. В настоящее время к этой роли в наибольшей степени подходят страховые брокеры, которые в процессе одной сделки действуют в интересах страховщика и в интересах страхователя. Интерлокеры решают задачи интенсификации развития страхования, разрабатывая нишевые и индивидуализированные программы страховой защиты, отвечающие потребностям платежеспособности клиентов — потребителей страховых услуг.

Литература

1. Архипов А.П., Никулина Н.Н., Юлдашев Р.Т. Курс страхового бизнеса: теория и практика. М., 2014.

2. Злобин Е.В., Юлдашев Р.Т. Страхование в системе цифровой экономики — возможность трансформации (к итогам XIX международной научно-практической конференции по страхованию) // Страховое дело. 2018. № 7. С. 59–64.

3. Инвестиционная политика в условиях цифровизации / Под ред. Н.Н. Никулиной. М., 2019.

4. Лайков А. Помогают ли интерлокеры преодолению кризиса российского страхования // Страховое дело. 2019. № 5. С. 3–10.

5. Финансовые рынки и финансово-кредитные организации в условиях цифровизации: Учебник / Под ред. Н.Н. Никулиной. М., 2019.

References

1. Arkhipov A.P., Nikulina N.N., Yuldashev R.T. Kurs strakhovogo biznesa: teoriya i praktika. M., 2014.

2. Zlobin E.V., Yuldashev R.T. Strakhovanie v sisteme tsifrovoy ekonomiki — vozmozhnost' transformatsii (k itogam XIX mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po strakhovaniyu) // Strakhovoye delo. 2018. № 7. S. 59–64.

3. Investitsionnaya politika v usloviyakh tsifrovizatsii / Pod red. N.N. Nikulinoy. M., 2019.

4. Laykov A. Pomogayut li interlokery preodoleniyu krizisa rossiyskogo strakhovaniya // Strakhovoye delo. 2019. № 5. S. 3–10.

5. Finansovye rynki i finansovo-kreditnye organizatsii v usloviyakh tsifrovizatsii: Uchebnik / Pod red. N.N. Nikulinoy. M., 2019.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА УСПЕШНОСТЬ ОВЛАДЕНИЯ ПРОФЕССИЕЙ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

Роман Викторович Осин, доцент кафедры «Общая психология», кандидат психологических наук
Пензенский государственный университет (440026, Пенза, ул. Красная, д. 40)
E-mail: june-89@mail.ru

Аннотация. Исследуются профессионально важные качества сотрудников полиции для повышения качества психологического отбора, профессиональной адаптации и психологического сопровождения. Предположение о том, что в профессионально важные качества входят: низкий уровень невротического сверхконтроля, отсутствие депрессивных тенденций, низкий уровень эмоциональной мобильности, высокая нервно-психическая устойчивость, наступательность, напористость, неуступчивость, а также осторожность в отношении к окружающим людям — подтвердилось.

Ключевые слова: личностные особенности, индивидуально-психологические особенности, профессиональная группа, полиция, МВД, качества сотрудников полиции, служебная деятельность.

INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY INFLUENCING THE SUCCESS OF OWNERSHIP OF PROFESSIONAL POLICE OFFICER

Roman V. Osin, Associate Professor of the Department of General psychology, Candidate of Psychological Sciences
Penza State University (440026, Penza, ul. Krasnaya, d. 40)
E-mail: june-89@mail.ru

Abstract. The professionally important qualities of police officers are examined to improve the quality of psychological selection, professional adaptation and psychological support. The assumption that professionally important qualities include: a low level of neurotic overcontrol, the absence of depressive tendencies, a low level of emotional mobility, high neuropsychic stability, offensiveness, assertiveness, intransigence, and caution in relation to people around us were confirmed.

Keywords: personal characteristics, individual psychological characteristics, professional group, police, Ministry of Internal Affairs, the quality of police officers, performance.

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Осин Р.В. Индивидуально-психологические особенности личности, влияющие на успешность овладения профессией сотрудника полиции. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):260–262.

В настоящее время служба в полиции сопровождается экстремальными нагрузками, деятельность протекает в сложных условиях, связанных с применением оружия, физической силы, специальных средств. От добросовестности и профессионального мастерства личного состава зависят не только результаты служебной деятельности, но также жизнь и здоровье сотрудников.

Сложные виды профессиональной деятельности предъявляют повышенные психологические требования к специалисту. Повышение эффективности и удовлетворенности трудом, оптимизация процесса профессионального развития невозможны без разработки методов психологического изучения и отбора кандидатов.

Под профессионально важными качествами лиц, поступающих на службу в правоохранительные ор-

ганы, и самих сотрудников правоохранительных органов следует понимать качества человека, влияющие на эффективность его профессиональной деятельности (надежность, успешность, психические процессы, психологические свойства личности, психологические состояния) [5, с. 10–15].

В психофизиологических исследованиях, проведенных в Лаборатории медицинских проблем МВД РФ [3; 6] установлено, что профессиональная деятельность сотрудников оперативных подразделений МВД является крайне напряженной. Об этом свидетельствует анализ протекания деятельности, уровня самочувствия и других факторов.

По мнению ряда отечественных исследователей [1, с. 99–101; 2, с. 208–212; 4; 7, с. 3–15], характерными профессионально важными качествами сотрудников правоохранительных органов являются общи-

тельность, стрессоустойчивость, уравновешенность, добросовестность, дисциплинированность, ответственность, проницательность, расчетливость в поведении, умение понимать мотивы действий других лиц. Кроме того, что касается интеллектуального уровня работников правоохранительных органов, то они должны понимать абстракции, обладать более широкими интеллектуальными интересами. Среди общих психологических особенностей, необходимо отметить их серьезность, сдержанность, некоторый консерватизм, ригидность, приверженность традициям.

Комплекс мероприятий по профессиональному отбору в правоохранительные органы России в качестве обязательного элемента включает в себя психологическое изучение кандидатов. Однако, существующая система психологического изучения ориентирована на выявление психической патологии. Также отсутствует психологически обоснованная система профессиональной адаптации молодых специалистов.

Актуальность проблемы определяется необходимостью повышения качества психологического отбора и профессиональной адаптации сотрудников правоохранительных органов, а также необходимостью дополнения существующей системы профессионального отбора в правоохранительные органы психологическим этапом, направленным на оценку психологической пригодности к профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Целью исследования являются изучение профессионально важных качеств сотрудников полиции для повышения качества психологического отбора, профессиональной адаптации и психологического сопровождения сотрудников полиции.

Исследование проходило в г. Кузнецк Пензенской области на базе Отдела Министерства Внутренних Дел Российской Федерации по г. Кузнецку и ПАО Сбербанк.

Всего в исследовании приняло участие 100 человек, из них 50 человек — сотрудники полиции (40 мужчин и 10 женщин в возрасте от 22 до 30 лет, стаж работы от 1 до 5 лет) и 50 человек — офисные сотрудники ПАО Сбербанк (40 мужчин и 10 женщин в возрасте от 22 до 30 лет, стаж работы от 1 до 5 лет).

В исследовании профессионально важных качеств сотрудников полиции ОМВД России по г. Куз-

нецку применялась система психологических методов, позволяющих получить целостное описание системы «человек — профессиональная деятельность» применительно к сотрудникам полиции: тестирование, метод математической статистики (t-критерий Стьюдента). Мы использовали следующие психодиагностические методики: «Сокращенный многопрофильный опросник личности» (Дж. Кинканнон, адаптация В.П. Зайцева и В.Н. Козюли); «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин и П.А. Ковалев); опросник «САН» (В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьева, В.Б. Шарай и М.П. Мирошников); методика НПУ «Прогноз» (В.Ю. Рыбников). Данные психодиагностические методики были использованы потому, что позволяют провести исследование личностных особенностей субъекта с разных позиций.

По методике «Сокращенный многопрофильный опросник личности» было выявлено, что для сотрудников полиции, по сравнению с офисными работниками Сбербанка, характерны: низкий уровень невротического сверхконтроля ($t = 3,91$ при $p < 0,001$), отсутствие депрессивных тенденций ($t = 3,01$ при $p < 0,001$), низкий уровень эмоциональной мобильности ($t = 3,19$ при $p < 0,001$). Это говорит о том, что сотрудники полиции способны к различным адаптивным формам поведения, у них нет озабоченности своим здоровьем, присутствует наличие энергичности и деятельности, они способны успешно справляться с трудностями. У них развито ощущение собственной значимости, бодрости, силы и энергии, что является одним из факторов профессионально важных качеств сотрудников полиции. Характерен скептицизм; им также свойственна недостаточная способность к спонтанности в социальных контактах и интроверсия. Полученный результат говорит нам о том, что настороженность в работе сотрудников полиции очень важна, однако недостаточная способность к спонтанности в социальных контактах и интроверсия не вписывается в профессиональную программу сотрудников полиции, так как сотрудник полиции должен уметь устанавливать контакт с людьми, так как установленный контакт способствует продуктивной работе.

По результатам методики «Личностная агрессивность и конфликтность» установлено, что для сотрудников полиции, по сравнению с офисными работниками Сбербанка, характерны: напористость,

наступательность ($t = 4,53$ при $p < 0,001$), неуступчивость ($t = 3,93$ при $p < 0,001$) и подозрительность ($t = 4,59$ при $p < 0,001$). Это говорит о том, что сотрудники полиции готовы к требованиям, которые предъявляются их профессией. Однако, стоит обратить внимание на то, что высокие результаты по подозрительности могут и мешать в профессии.

По методике «САН» высокие показатели по шкалам «самочувствие» ($t = 3,17$ при $p < 0,01$) и «настроение» ($t = 3,01$ при $p < 0,01$) у сотрудников полиции. Различие по шкале «активность» не значительно. Сотрудникам полиции характерны высокая энергичность, здоровье и низкая утомляемость.

Далее мы провели методику «Прогноз», направленную на изучение нервно-психической устойчивости. Установлено, что сотрудникам полиции характерен высокий уровень нервно-психической устойчивости ($t = 3,98$ при $p < 0,01$).

Таким образом, профессионально-важные качества сотрудников правоохранительных органов характеризуются такими личностными характеристиками как: низкий уровень невротического сверхконтроля, отсутствие депрессивных тенденций, низкий уровень эмоциональной мобильности, высокая нервно-психическая устойчивость, наступательность, напористость, неуступчивость, а также осторожность в отношении к окружающим людям.

Полученные результаты можно использовать при приеме на работу в полицию, а также полученные данные можно использовать в системе профотбора в кадры полиции.

Литература

1. Андрианов А.С. Личностные и профессиональные качества сотрудников правоохранительных органов Российской Федерации // Приоритетные направления развития науки и образования: Мат. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29 янв. 2016 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016.
2. Байдаев М.М. Профессиональная служба и физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: проблемы и перспективы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2. С. 208–212.
3. Бовин Б.Г. Методические рекомендации по психологическому изучению и отбору кандидатов в оперативные подразделения органов внутренних дел. М., 2009.

4. Васильев В.Л. Психологические основы организации труда следователя. Волгоград: ВСШ МВД РФ, 2010.

5. Вызулин Е.А. Психолого-педагогические и этические аспекты подготовки сотрудников органов внутренних дел в условиях дополнительного профессионального образования // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 2. С. 10–15.

6. Зыбковец Л.Я., Никандрова Л.Р. Методические рекомендации по отбору сотрудников ОВД в миротворческие силы ООН. М., 2013.

7. Простяков В.В. Психологические требования к личности и профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел // Юридическая психология. 2012. № 1. С. 3–15.

References

1. Andrianov A.S. Lichnostnye i professional'nye kachestva sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov Rossiyskoy Federatsii // Prioritetnyye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya: Mat. VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 29 yanv. 2016 g.). Cheboksary: TSNS «Interaktiv plus», 2016.
2. Baydaev M.M. Professional'naya sluzhba i fizicheskaya podgotovka sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii: problemy i perspektivy // Istoriicheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2014. № 2. S. 208–212.
3. Bovin B.G. Metodicheskie rekomendatsii po psikhologicheskomu izucheniyu i otboru kandidatov v operativnye podrazdeleniya organov vnutrennikh del. M., 2009.
4. Vasil'ev V.L. Psikhologicheskie osnovy organizatsii truda sledovatelya. Volgograd: VSSH MVD RF, 2010.
5. Vyzulin E.A. Psikhologo-pedagogicheskie i eticheskie aspekty podgotovki sotrudnikov organov vnutrennikh del v usloviyakh dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya // Vestnik po pedagogike i psikhologii Yuzhnoy Sibiri. 2016. № 2. S. 10–15.
6. Zybkovets L.Ya., Nikandrova L.R. Metodicheskie rekomendatsii po otboru sotrudnikov OVD v mirotvorcheskiye sily OON. M., 2013.
7. Prostyakov V.V. Psikhologicheskie trebovaniya k lichnosti i professional'noy deyatel'nosti sotrudnika organov vnutrennikh del // Yuridicheskaya psikhologiya. 2012. № 1. S. 3–15.

УДК 159.9
ББК 88

DOI 10.24411/2073-0454-2020-10184
© В.А. Ситаров, О.А. Пашкова, 2020

Научная специальность 19.00.01 — общая психология, психология личности, история психологии

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ДОСТИЖЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕШНОСТИ СТУДЕНТОВ

Вячеслав Алексеевич Ситаров, заведующий кафедрой педагогики и психологии высшей школы,
доктор педагогических наук, профессор

Московский гуманитарный университет (111395, Москва, ул. Юности, д. 5)

E-mail: sitarov@mail.ru

Ольга Александровна Пашкова

Московский городской педагогический университет (129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4)

E-mail: olga.a.pashkova@mail.ru

Научный руководитель: доцент департамента психологии, кандидат психологических наук **Е.М. Листик**

Аннотация. Рассматриваются факторы достижения академической успешности, формирования и становления личности. Отмечается значение истинных духовных ценностей для человека; подчеркивается ценность и уникальность личности. Излагаются качества личности — разумность, свобода, творчество, духовность, нравственность. Личность своим мировоззрением и внутренней жизнью обращена к миру ценностей.

Ключевые слова: академическая успешность, личность, ценности, воля, мировоззрение, любовь.

MAIN FACTORS FOR ACHIEVING ACADEMIC SUCCESS OF STUDENTS

Vyacheslav A. Sitarov, Head of the Department of Pedagogy and Psychology of Higher School,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

Moscow University for the Humanities (111395, Moscow, ul. Yunosti, d. 5)

E-mail: sitarov@mail.ru

Olga A. Pashkova

Moscow City Pedagogical University (129226, Moscow, 2-y Sel'skokhozyaystvennyy pr-d, d. 4)

E-mail: olga.a.pashkova@mail.ru

Research supervisor: Associate Professor of Department of Psychology, Candidate of Psychological Sciences **E.M. Listik**

Abstract. Factors of achievement of academic success, formation and formation of personality are considered. The importance of true spiritual values for man is noted, the value and uniqueness of the individual is stressed. The qualities of the individual are stated — mindfulness, freedom, creativity, spirituality, morality. The personality, through his worldview and inner life, is drawn to the world of values.

Keywords: academic success, personality, values, will, outlook, love.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Ситаров В.А., Пашкова О.А. Основные факторы достижения академической успешности студентов. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):263–266.

Основными факторами достижения академической успешности студентов являются:

- ♦ целостное формирование личности на основе истинных духовных ценностей, социально ориентированной мотивации, гармоничности интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер развития личности;

- ♦ развитие способностей, качеств, мировоззрения и жизненной позиции личности с учетом ее возможностей и желаний, а также социальных требований;

- ♦ становление духовно-нравственной личности в изменяющихся условиях трудовой деятельности и повышения социальной напряженности.

Рассмотрим более подробно данные направления академической успешности.

1. Целостное формирование личности на основе истинных духовных ценностей, социально ориентированной мотивации, гармоничности интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер развития личности.

Формирование личности — это процесс становления личности человека в результате объективного влияния наследственности, среды, целенаправленного воспитания и собственной активности.

Киприан Ященко (игум.) считает, что человек стремится к идеалу, к Богу, к высшим ценностям, пытается освободиться от обыденности, т.е. одухотвориться [10, с. 19]. Для В.Н. Беляевой [1, с. 43] истинные ценности — это основной ориентир общества и человеческого базис. Н.С. Катунина полагает, что, позна-

вая истинные духовные ценности, человек преобразуется духовно и получает свой духовный опыт [8, с. 22]. И.А. Соловцова добавляет, что приобретая истинные ценности, человек духовно растет [7, с. 77]. Р.Г. Яновский истинными ценностями называет: истину, духовность, нравственность, патриотизм, ценность, добро, любовь, красоту, дружбу [9, с. 375]. Ценности социальные — общественная значимость материальных объектов, социально-политических и духовных образований для человека, коллектива, социальной группы, общества в целом [4, с. 358].

Приобретение истинных ценностей мотивирует человека на достижение цели, способствует развитию интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер личности. Мотивация достижения есть потребность личности всеми доступными средствами достичь желаемого результата.

Эмоциональность — характеристика личности, проявляющаяся в частоте возникновения разнообразных эмоций и чувств [4, с. 358]. Интеллектуальность выражается в способности человека усваивать предлагаемый материал, решать возникающие перед ним задачи и ориентироваться в новой ситуации.

В.В. Зеньковский выделяет три моральных чувства — любовь к людям, стыд и совесть. «Эти три чувства, — пишет он, — вносят в нашу душу моральный опыт, создают в нас непосредственное моральное ориентирование, дают моральную оценку в отношении трех основных объектов моральной жизни — в отношении к самой личности, в отношении к другим людям, в отношении к культуре как системе жизни, как к продукту активности» [2, с. 151]. Обладая чувством стыда, человек различает в себе добро и зло. Совесть помогает человеку оценивать свои действия.

Любовь позволяет нам увидеть в людях доброе, сострадать и дарить им радость [6, с. 8].

Воля — это способность человека сознательно управлять своим поведением, мобилизовать все свои силы на достижение поставленных целей. Это значит, что человек, с учетом истинных ценностей, сознательно настраивает себя на достижение академической успешности. Воля в сочетании с убеждениями и чувствами подводит человека к обоснованным решениям, действиям и поступкам.

Основными компонентами достижения академической успешности с помощью волевых действий являются:

♦ побуждение к совершению волевого действия (в роли побудительных сил конкретных волевых действий выступают определенные потребности и мотивы, нацеливающие человека на получение академических знаний и успешную их реализацию);

♦ представление и осмысление цели действия, средств для ее реализации (для достижения академической успешности включается определенный стимул волевого действия, выражающийся в реализации способностей человека, установлении различных связей во взаимоотношении с людьми);

♦ намерение осуществить данное действие (необходимо волевое усилие человека на принятие решения по реализации академической успешности);

♦ выполнение принятого решения (студент приступает к практическому осуществлению принятого решения; он строит свое поведение таким образом, чтобы существующий замысел воплотился в академической успешности; студент не только действует, он проявляет волю, контролирует свои действия. В каждый момент он анализирует свои знания и деятельность для эффективного достижения академической успешности).

2. Развитие способностей, качеств, мировоззрения и жизненной позиции личности с учетом ее возможностей и желаний, а также социальных требований.

Личность имеет творческую выраженность, проявляется в определенных способностях человека. Творческие способности рассматриваются в педагогике и психологии как характеристики личности, детерминированные мотивацией, ценностями, личностными качествами (Д.Б. Богоявленская, А. Маслоу, А. Танненбаум и др.); как относительно независимые от интеллекта факторы (Я.А. Пономарев, К. Тейлор и др.); в проявлении интеллекта (В.Н. Дружинин, М.А. Холодная и др.).

Личность человека ценна, уникальна, обладает способностью преодолевать себя. Основные качества личности — разумность, свобода, творчество, духовность, нравственность.

Качества личности — совокупность всех социально и биологически обусловленных компонентов, предопределяющих ее устойчивое поведение в социальной и природной среде [5, с. 117].

Человек стремится к познанию истинных ценностей, участвует в какой-либо деятельности. Его сознание обусловлено структурой самой деятельности, направленной на удовлетворение духовных и матери-

альных потребностей. Сама же деятельность выступает при этом формой активности человека, позволяющей ему совершенствовать себя и успешно строить отношения с окружающими людьми.

Личность связана с каким-либо объектом, включена в порядок жизни своим мировоззрением и внутренним состоянием.

Мировоззрение — это общее осознание существующего мира, его начала и конца, особенного предназначения человека в нем. Мировоззрение выступает как способ осмысления, понимания окружающей нас действительности. Оно является связью между существующими знаниями, понятиями и идеями. Мировоззрение определяет взаимоотношения человека с миром, его предназначение и поведение. Мировоззрение представляет собой базис и основу структуры личности; соответственно, без идеала, без истинных духовных ценностей и убеждений не может быть и полноценной личности.

С.Ю. Дивногорцева в структуре мировоззрения выделяет следующие компоненты:

- ♦ познания как овладение необходимой информацией, осведомленность о принятых нормативах поведения, деятельности и т.п.;
- ♦ эмоционального, личного отношения ко всему усвоенному;
- ♦ волевой готовности к действию (в соответствии с имеющимися взглядами и нормами) [2, с. 140].

Мировоззрение содержит в себе конкретную систему знаний. Знания, перешедшие в жизненную позицию личности, называют убеждениями.

Жизненная позиция личности — это сложившиеся моральные принципы и ценностные установки, определяющие поведение человека [5, с. 90]. Для того чтобы знания выразились в твердые убеждения, вошли в систему знаний, взглядов и ценностных ориентаций личности, они должны проникнуть в сферу чувств и переживаний.

Формирование мировоззрения — это накопление жизненного опыта человека, выработка у него определенного отношения к понятиям и явлениям, установление иерархии ценностей.

3. Становление духовно-нравственной личности в изменяющихся условиях трудовой деятельности и повышения социальной напряженности.

Каждый человек — это создание Творца. Человек занимает определенное место в обществе, выполняет конкретную общественно-полезную деятельность и

отличается от другого человека присущими только ему индивидуально- и социально-психологическими характеристиками. Понятие личности отражает как физиологические, так и духовно-нравственные характеристики человека, включает его индивидуальный опыт развития и совершенствования.

Сегодня педагогика и психология трактует личность как социально-психологический феномен, который формируется благодаря общественной жизни и деятельности. Человек как общественное существо приобретает новые (личностные) качества, когда вступает в отношения с людьми, именно эти отношения формируют его личность.

Рассматривая личность как духовно-социальный феномен, следует отметить целостность ее развития во взаимосвязи индивидуального и социального. В таком понимании личность развивается в единстве интеллектуальных, аксиологических и коммуникативных сфер. Развитие человека должно происходить в согласовании с глубинными психическими процессами. Обращает на себя внимание иерархическая модель потребностей в развитии личности, предложенная в гуманистической психологии А. Маслоу. С его точки зрения, все потребности человека, начиная с раннего возраста, в том числе и высшие, являются инстинктивными, т.е. врожденными.

Однако, представитель православной педагогической школы, педагог С.Ю. Дивногорцева, отмечает, что основой духовно-нравственного воспитания детей в семье является напряженная духовная внутренняя жизнь родителей, которую дети чувствуют и в которой они, по мере своего возрастания, будут участвовать. Основная задача такого воспитания, с позиции православной педагогической культуры, — вложить в сердца детей начатки Христовой веры, раскрыть ее как радостную полноту жизни и подготовить детей к тому, чтобы они, войдя в возраст, на любом жизненном поприще ощущали себя, членами Церкви [3, с. 56].

Духовно-нравственное воспитание говорит о необходимости становления личности, имеющей волю, склонную к добру. С.Ю. Дивногорцева говорит о наличии духовно-нравственной окружающей среды и педагогических условий, каковыми являются:

- ♦ опора духовно-нравственного воспитания на абсолютные ценности;
- ♦ ценностное наполнение образования и воспитания через создание и введение в школы базового курса нравственного содержания;

♦ создание и развитие в общеобразовательных школах системы воспитания, основанной на приоритете духовно-нравственных ценностей;

♦ более широкого использования существующего опыта духовно-нравственного воспитания в духовно-просветительских центрах в системе дополнительного образования;

♦ совместная работа государства, Церкви и школы по совершенствованию семейного воспитания;

♦ защита детей от пагубного воздействия СМИ [3, с. 60].

Итак, наличие всех перечисленных факторов зависит от возможностей и желания общества в их создании. И в этом смысле справедливы слова о том, что духовно-нравственное становление личности происходит в определенном социокультурном образовательном пространстве, особое место в котором занимает духовно-нравственная деятельность, обеспечивающая накопление духовно-нравственного опыта, и именно она может стать условием духовно-нравственного становления.

Для педагогической практики наибольший интерес здесь представляет духовно-нравственная деятельность человека как одно из условий его духовно-нравственного становления. Включение студента в деятельность, обеспечивающую накопление духовно-нравственного опыта, является важнейшим педагогическим фактором его духовно-нравственного воспитания.

Внутренним психологическим фактором достижения академической успешности является способность человека к самосовершенствованию и осознанию самого себя, но, прежде всего, своих недостатков, пороков, склонностей, искреннего желания к исправлению и доброму поведению.

Таким образом, смысл академической успешности студента заключается в приобретении знаний, истинных духовных ценностей, сформированного мировоззрения для практической деятельности в своей жизни.

Литература

1. *Беляева В.Н.* Теория и практика духовно-нравственного становления и развития личности учителя в светской и православной педагогической культуре: Дисс... докт. пед. наук. М., 1999.
2. *Дивногорцева С.Ю.* Духовно-нравственное воспитание в теории и опыте православной педагогической культуры. М.: ПСТГУ, 2008.

3. *Дивногорцева С.Ю.* Место духовно-нравственного воспитания в общей структуре содержания образования // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2007. № 4 (7). С. 56.

4. *Крысько В.Г.* Психология и педагогика. М., 2004.

5. *Мардахаев Л.В.* Словарь по социальной педагогике: Учеб. пособие. М.: Академия, 2002.

6. *Ситаров В.А.* Проблемы реализации заповеди «Возлюби ближнего как самого себя» // Педагогика. Общество. Право. 2012. № 3 (3). С. 8.

7. *Соловцова И.А.* Духовное воспитание в православной и светской педагогике: методология, теории, технологии. Волгоград: Перемена, 2006.

8. *Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития: Моногр. / Под ред. О.И. Кирикова.* Кн. 18. Воронеж: ВГПУ, 2009.

9. *Яновский Р.Г.* Патриотизм. О смысле созидającego служения человеку, народам России и Отечеству. М., 2004.

10. *Яценко Киприан (игум.).* Духовно-нравственная культура в школе. М.: ИЭОПГКО, 2009.

References

1. *Belyaeva V.N.* Teoriya i praktika dukhovno-nravstvennogo stanovleniya i razvitiya lichnosti uchitelya v svetskoy i pravoslavnoy pedagogicheskoy kul'ture: Diss... dokt. ped. nauk. M., 1999.
2. *Divnogortseva S.Yu.* Dukhovno-nravstvennoe vospitanie v teorii i opyte pravoslavnoy pedagogicheskoy kul'tury. M.: PSTGU, 2008.
3. *Divnogortseva S.Yu.* Mesto dukhovno-nravstvennogo vospitaniya v obshchey strukture soderzhaniya obrazovaniya // Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. 2007. № 4 (7). S. 56.
4. *Krys'ko V.G.* Psikhologiya i pedagogika. M., 2004.
5. *Mardakhaev L.V.* Slovar' po sotsial'noy pedagogike: Ucheb. posobie. M.: Akademiya, 2002.
6. *Sitarov V.A.* Problemy realizatsii zapovedi «Vozlyubi blizhnego kak samogo sebya» // Pedagogika. Obshchestvo. Pravo. 2012. № 3 (3). S. 8.
7. *Solovtsova I.A.* Dukhovnoe vospitanie v pravoslavnoy i svetskoy pedagogike: metodologiya, teorii, tekhnologii. Volgograd: Peremena, 2006.
8. *Filosofiya, vera, dukhovnost': istoki, pozitsiya i tendentsii razvitiya: Monogr. / Pod red. O.I. Kirikova.* Kn. 18. Voronezh: VGPU, 2009.
9. *Yanovskiy R.G.* Patriotizm. O smysle sozidayushchego sluzheniya cheloveku, narodam Rossii i Otechestvu. M., 2004.
10. *Yashchenko Kiprian (igum.).* Dukhovno-nravstvennaya kul'tura v shkole. M.: IEOPGKO, 2009.

ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА КРИМИНОГЕННОГО ОБЩЕНИЯ

Анатолий Николаевич Сухов, заведующий кафедрой социальной психологии и социальной работы, доктор психологических наук, профессор, Почетный работник высшего образования
РГУ имени С.А. Есенина (390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46)
E-mail: a.suhov@365.rsu.edu.ru; mailto:a.suhov@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Раскрывается сущность социально-психологического подхода к пониманию организованной преступности. В ее основе лежит криминальная модель достижения успеха, которая, в свою очередь, не осуществима без создания законспирированной преступной организации, а та — без традиционных и современных средств криминогенного общения. С точки зрения социальной психологии в качестве основного механизма приготовления и совершения преступлений и, в первую очередь, в рамках организованной преступности выступает криминогенное общение, которое осуществляется с помощью специальных средств. К числу традиционных средств криминогенного общения относятся: жаргон, татуировки, тайнопись и др. Что касается современных, то в качестве них выступают шифрование информационных сообщений с помощью математических методов преобразования информации и т.д. Также рассматривается практика противодействия современным средствам криминогенного общения.

Ключевые слова: социально-психологический анализ, организованная преступная группа, теория, криминальная организация и модель достижения успеха, традиционные и современные средства криминогенного общения.

TRADITIONAL AND MODERN MEANS OF CRIMINAL COMMUNICATION

Anatoly N. Sukhov, Head of the Department of Social Psychology and Social Work, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Education
Yesenin Russian state University (390000, Ryazan, ul. Svobody, d. 46)
E-mail: a.suhov@365.rsu.edu.ru; mailto:a.suhov@365.rsu.edu.ru

Abstract. The reveals the essence of the socio-psychological approach to understanding organized crime. It is based on the criminal model of success, which in turn is not feasible without the creation of a secret criminal organization, and that without traditional and modern means of criminal communication. From the point of view of social psychology, the main mechanism for the preparation and Commission of crimes, and primarily within the framework of organized crime, is criminal communication, which is carried out using special means. Among the traditional means of criminal communication are: jargon, tattoos, secret writing, etc. as for modern ones, they are the encryption of information messages using mathematical methods of information conversion, etc. Discussed the practice of countering modern means of criminal communication.

Keywords: socio-psychological analysis, organized criminal group, theory, criminal organization and model of success, traditional and modern means of criminal communication.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Сухов А.Н. Традиционные и современные средства криминогенного общения. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):267–272.

Постановка проблемы. Приходится констатировать, что преступность идет в ногу, так сказать, со временем, не отстает от научно-технического прогресса. Об этом со всей очевидностью говорят результаты «модернизации» средств криминогенного общения. «Цифровизация» и здесь сказала свое весомое слово. Правда, лучше было бы, если бы в данном случае все обстояло наоборот. Регресс здесь уместен. Но, увы. Вместо традиционных, в настоящее время стали использоваться современные средства, что значительно увеличивает возможности криминального мира. Поэтому со всей остротой встает задача, связанная с разработкой технологий по противодействию современным средствам криминогенного общения. В этом заключается актуальность рассматриваемой проблемы.

Анализ последних исследований и публикаций по теме. Впервые природа криминогенного общения исследована в докторской диссертации «Психология

криминогенного общения в среде осужденных» [12]. Здесь было сформулировано понятие, сущность, структура, средства, функции данного социально-психологического явления, а также изложено его концептуальное обоснование. В научный оборот оно было введено в ходе работы над докторской диссертацией.

В то время понятие «криминогенное общение» было совершенно новым и потому было не просто вводить его в научный оборот. В 1991 г., в момент защиты докторской диссертации об этом прямо не говорилось, но подразумевалось. В тот период речь шла о традиционных средствах криминогенного общения. Оно увязывалось с межличностными, групповыми криминальными конфликтами и групповыми эксцессами и т.д.

В то же время, в докторской диссертации была доказана самостоятельная роль криминогенного общения в приготовлении, совершении и маскировке

преступлений в рамках общеуголовной преступности. Такой подход к пониманию природы преступности расходился с общепринятой точкой зрения. Естественно, это порождало трудности и сопротивление новому взгляду на явления из области криминального мира и, прежде всего, организованной преступности.

В основном, в ранее опубликованных работах, речь шла только о традиционных вербальных и невербальных средствах криминогенного общения. Имеются в виду учебные пособия А.Н. Сухова, в частности, такие, как «Жесты как невербальные средства общения осужденных», «Общение осужденных в чрезвычайных ситуациях», «Внеколлективное поведение осужденных», «Криминогенное общение в среде осужденных» [13; 14], статьи, методические разработки и альбомы Ю.А. Алферова, В.М. Анисимова, А.Г. Бронникова, И.В. Каретникова, Д.С. Лихачева, Л.А. Мильяненко, В.Ф. Пирожкова, А.В. Усса, Г.Ф. Хохрякова и др. [1; 3–6].

В последние десятилетия вышло всего несколько методических разработок Ю.А. Алферова, А.Г. Бронникова, Ю.А. Вакутина, Ю.П. Дубягина, Л.А. Мильяненко, В.Ф. Пирожкова, А.Н. Сухова, посвященных данной теме. Но их тиражи были небольшими [11; 14].

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Современные средства криминогенного общения оставались долгое время вне поля зрения исследователей.

Только в 2015 г. в статье «Организованная преступность и коррупция» автор предельно четко показал, что криминогенное общение — это ключ для понимания природы организованной преступности. Более емко этот вывод был раскрыт затем в 2016 г. в соответствующей монографии.

Современные средства криминогенного общения в той или иной степени затрагивались автором в ряде публикаций, в частности, в таких учебных пособиях, как «Социальная психология», переизданная десятки раз, монографии «Социальная психология организованной преступности», а также ряде статей, например, таких, как «Криминогенное общение как механизм организованной преступности» и т.д. [15; 16].

Постановка задачи. В качестве основной задачи выступает необходимость теоретико-сравнительного анализа традиционных и современных средств криминогенного общения, их роли в приготовлении и совершении преступлений в рамках организованной преступности и разработки рекомендаций по противодействию им.

Изложение основного материала. На основе результатов анализа практики и ряда конкретных исследований, сделаны следующие теоретические выводы.

Действительно, с точки зрения социальной психологии, в качестве основного механизма приготовления и совершения преступлений, в первую очередь, в рамках организованной преступности выступают как традиционные, так и современные средства криминогенного общения. Но роль и возможности последних при этом значительно выросли.

Само собой разумеется, что криминогенное общение имеет место не только в местах лишения свободы. Однако, именно здесь оно проявляется наиболее рельефно.

В его основе лежат различные виды деформации общения. В этом состоит сущность криминогенного общения в среде осужденных.

Деформация общения осужденных — это количественно-качественная трансформация феномена общения под влиянием изоляции, негативных социально-психологических явлений и криминального профессионализма. Наблюдаются три вида деформации общения осужденных: изоляционная, нравственная, криминальная.

Необходимость маскировки преступной деятельности, страх и боязнь разоблачения, стремление правонарушителей уйти от ответственности приводят к созданию специальной системы общения, его криминальной деформации. С помощью общения происходит обмен преступным опытом, подготовка, маскировка и совершение преступлений путем психического (информационного) насилия.

К числу признаков криминальной деформации общения относятся условные средства связи. Они основаны на взаимной договоренности определенного круга участников общения о системе кодирования и декодирования (ключе) и технологии маскировки знаков, выступающих в качестве только им понятного способа передачи информации.

Вообще говоря, условные средства общения имеют знаковую природу. Поэтому любой знак может быть использован для передачи сообщений: цветы на подоконнике, черта на столбе, нанесенная губной помадой и т.п. Надо только договориться, что это значит.

Условные средства общения — это своеобразный способ ухода субъекта от ответственности за подготовку и «успешное» совершение антиобщественных действий. Попытка уйти от ответственности достигается с помощью условных средств общения в целях сокрытия преступных действий.

Во многих случаях условные средства общения используются для достижения эффекта внезапности, создания дефицита времени для объекта и, тем самым, неотвратимости осуществления преступных целей и действий. О степени владения осужденными сред-

ствами условного общения следует судить не только по частоте их употребления, но и по знанию значения данных средств, умению кодировать, декодировать, а также незаметно передавать (конспирировать).

В качестве условных средств общения осужденные используют: а) вербальные средства; б) невербальные средства.

К вербальным средствам общения относится жаргон («блатная феня»), а к невербальным — татуировки, информация, передаваемая по коду (перестукивание через канализационные и отопительные системы), книги, свист, условные жесты, позы, средства тайнописи. Чаще всего используют жесты рук, жаргон, особенности голоса и тайнопись.

Традиционные средства криминогенного общения связаны с особенностями тайного общения, в том числе уголовным жаргоном, блатной музыкой, условными звуковыми сигналами, аудиовизуальным тайным общением, особенностями тайного письменного общения, техническими средствами и др.

Традиционные вербальные средства криминогенного общения. К традиционным вербальным средствам криминогенного общения относится жаргон. Этимология этого слова такова.

Фразеологизма «ботать по фене» означает говорить на жаргоне.

Данный фразеологизм возник в языковой среде офеней. «Офени» — это торговцы мелким товаром, имевшие свой условно-профессиональный язык, который они использовали при обмане покупателей, в опасных ситуациях, когда нужно было скрыть свои намерения и действия. Жаргон выполняет ряд функций: конспиративную, узнавания своих и эмоционально-выразительную.

Преступный жаргон насчитывает около 10 тыс. слов и выражений. Можно выделить три основные группы жаргона: общеуголовный, тюремный и специально-профессиональный.

Несмотря на универсальный характер, жаргон сугубо дифференцирован и профилирован для каждой группы преступников (карманных воров, карточных шулеров, мошенников и др.).

Особую роль в криминогенном общении играют клички. Они несут немалую информационную нагрузку.

Традиционные невербальные средства криминогенного общения. Как известно, невербальные средства общения делятся на три группы: 1) визуальные; 2) акустические; 3) тактильные.

Татуировки относятся к традиционным невербальным средствам криминогенного общения осужденных. До 80-х гг. XX в. информация о татуировках была закрытой.

В нашей стране специальных достаточно глубоких исследований по этому вопросу, к сожалению, не проводилось.

В XVIII–XIX вв. в России преступников отмечали «внешними неизгладимыми знаками». Например, применялось клеймение — нанесение раскаленным железом изображения букв на лицо преступника (буква «Б» обозначала, что человек бунтовщик, «В» или «ВОР» — вор; «СК» — ссыльно-каторжный; «СП» — ссыльный поселенец).

В XIX в. для этой процедуры употреблялась пластина с медными иглами, составляющими буквы. Она накладывалась на грудь, спину, плечи, после чего места уколов натирались краской.

Для представителей криминального мира татуировка — это знак принадлежности к особой касте и верности ее законам, возможность продемонстрировать свое «мужество» и безразличие к боли. Это символ, пример из области символического интеракционизма. Сколько в стране обладателей татуировок, точно — неизвестно.

Различают декоративно-бытовые, блатные, уголовные татуировки [3].

Уголовная татуировка наносится, как правило, в местах лишения свободы, в колониях-поселениях. Она может иметь различную тематическую направленность, например, обозначать «специализацию» («воровская масть», наркоманы, осужденные по определенной статье), роль и статус татуированного в преступном мире.

По содержанию, качеству и статусу их носителей выделяют три типа татуировок: 1) «регалки» (знаки отличия); 2) «портачки» (портачить — портить) — самоделки, нанесенные кустарно; 3) «нахалки» (или позорные) делают преступнику насильно (нахально), либо под угрозой применения силы. Они выполняют функцию позорного клейма (стигмы).

Большинство татуировок имеют зашифрованный смысл, сообщают сведения о «хозяине». Татуировки на поверхности тела наносятся обычно в форме: 1) даты (цифр); 2) отдельных букв, слов или сочетания букв (набора); 3) текста; 4) рисунка; 5) условного знака-символа; 6) комбинированных вариантов указанных форм. Татуировки бывают различного характера: этнического, профессионального, псевдохудожественного, мифологического и культурного, антирелигиозного, эротического, агрессивного, памятного и др.

Л. Мильяненко выделяет следующие виды татуировок: перстни, крестики, точки, тайные знаки, художественные, иностранные, членов триады, женские, религиозные, знаки Зодиака в понятии осужденных, аббревиатуры, иноязычные слова и крылатые выражения [9].

Типичный вид татуировки — перстни. Надписи-татуировки часто представляют собой аббревиатуры. Татуировки могут наноситься добровольно и насильно. Сила применяется при «клеимлении» отверженных. Рисунки и надписи в этом случае носят циничный, оскорбительный характер.

Функции татуировок: сигнально-обособительные; стратификационно-информативные; личностно-установочные; тюремно-атрибутивные; сексуально-эротические; юмористические; декоративно-художественные; сентиментальные и др. За каждой из татуировок стоит соответствующая социально-ролевая функция ее обладателя. Интерпретация изображения зависит от места и формы его расположения на теле.

Осужденные часто используют тайнопись как традиционное средство криминогенного общения.

В среде осужденных успешно применяется и язык «тамтама» — специально разработанный свист, когда каждому типу звучания соответствует определенная фраза или слово. Многие из тех, кто освоил эту систему оповещения, стали искусными мастерами художественного свиста.

В этом контексте прибегают и к другим условным средствам.

Для совершения и маскировки преступлений осужденные используют жесты. В криминальной среде не терпят многословия, почти все понимается с полуслова, порой по одному взгляду или позе.

Язык жестов может быть охарактеризован как шифр или сигнализация. Каждый жест есть намек на действие, которое необходимо выполнить в определенной обстановке.

Жесты позволяют передавать публично информацию тайного содержания, причем на значительное расстояние или при невозможности использовать речь. Они обеспечивают быстроту передачи информации и понятность ее определенному кругу лиц.

В контексте борьбы с криминальной деформацией общения сотрудники правоохранительных органов, в том числе ИУ, должны обладать социально-психологической компетентностью. Так, знание воровского жаргона необходимо, но им нельзя злоупотреблять.

Изучение татуировок у осужденных позволяет выявить среди них активных носителей «воровской» (тюремной) субкультуры. Для этого необходимо систематически проводить осмотр осужденных медицинскими работниками, вести учет вновь прибывших осужденных, имеющих татуировки, с фиксацией их содержания, с занесением их в медицинскую карту и личное дело.

Татуировка преступника может оказать помощь в оперативно-разыскной деятельности, при прове-

дении регистрационных проверок, следственных действий (подготовка образцов для опознания или планирования контакта при допросе), когда о подследственном нет достаточных данных.

Современные средства криминогенного общения.

К сожалению, модернизация коснулась и затронула принципиальным образом и средства криминогенного общения, в том числе и в среде осужденных. Если традиционные средства криминогенного общения использовались для реализации задач, прежде всего, в формате общеуголовной преступности, ее приготовления, совершения и прикрытия, то в настоящее время ситуация изменилась. Традиционные средства криминогенного общения подверглись трансформации. Они претерпели модернизацию.

Хотя татуировки приобрели масштабно-модный характер, но они перешли в сферу бизнеса, утрачивая свою первоначальное криминальное предназначение. Татуировки стали выступать в качестве технологии управления впечатлениями.

Вместе с тем, массовое увлечение со стороны осужденных «воровскими» татуировками проходит. Часть из них не наносят татуировки, чтобы при выходе на свободу не выделяться среди окружающих.

Что касается жаргона, то он перешел в разряд обычной лексики и перестал нести специальную функцию. Представители криминального мира им стараются не пользоваться, как и татуировками. Это риск для них.

Итак, традиционные средства криминогенного общения претерпели существенные изменения, хотя пользоваться ими не перестали. Имеется в виду шифрованная переписка с помощью книг, тайнописи и пр.

Как известно, для подготовки криминогенных ситуаций часто используются средства тайнописи, начиная от симпатических (невидимых) чернил и кончая шифрованной перепиской с помощью различных технологий.

Однако, на смену традиционным, пришли современные средства криминогенного общения. Речь, прежде всего, идет о шифровании информационных сообщений с помощью математических методов преобразования информации, передачи информации через специальные интернет-каналы. Такое происходит не только в условиях свободы, но и в исправительных учреждениях при обмене информацией.

Современные средства криминогенного общения привели к росту возможностей криминального мира. Имеются в виду хакерские атаки по съему денег со счетов, подготовка террористических актов с помощью интернет-технологий, т.е. закрытых каналов связи, операции с криптовалютой, мошенничество в

рамках цифрового учета недвижимости, рейдерство, взлом базы данных, тотальный электронно-информационный контроль, что по своим последствиям тяжелее изоляционной деформации и пр.

Современное криминогенное общение — это особый вид общения, который используется для подготовки, конспирации и совершения преступлений на более профессиональном уровне. Оно выполняет те же специфические функции, что и раньше, но их возможности значительно, к сожалению, возросли.

Как уже отмечалось, модернизация затронула как вербальные, так и невербальные средства криминогенного общения. Речь идет о передаче разговорной речи через каналы, доступ к которым крайне ограничен и возможен только при наличии ключа. Но на этом примеры не заканчиваются. Что касается невербальных средств, то здесь, прежде всего, имеется в виду возможности шифрования сообщений с помощью криптографии.

Коммуникативно-атрибутивная функция позволяет производить прием и передачу сообщений, необходимых для подготовки, совершения и конспирации преступлений, на современной профессиональной основе. При этом прием и передача сообщений происходит с помощью не только традиционных средств, но и модернизированных специальных средств.

Как известно, они представляют собой знаковую систему, которая имеет конвенциональную природу на основе взаимной договоренности определенного круга участников общения о системе кодирования, декодирования и технологии маскировки знаков, выступающих в качестве только им одним понятного способа передачи информации.

К числу современных специальных средств общения относится передача шифрованных сообщений с помощью математических методов преобразования информации, интернет-технологий и т.п. «Цифровизация» сказала свое слово и здесь.

Характеристика возможностей современных средств криминогенного общения раскрыта в недавно опубликованных статьях авторов [16].

Современные средства криминогенного общения не обошли стороной и осужденных.

В настоящее время есть все основания говорить о типичных представителях организованной преступности, в том числе, отбывающих уголовное наказание в ИУ, которые, к сожалению, в своей практике профессионально используют возможности современных средств криминогенного общения, что позволяет им нередко уходить от уголовной ответственности и совершать крайне тяжелые преступления в различных сферах.

Криминальная карьера этих лиц означает продвижение по ступеням криминальной иерархии в целях достижения успеха. Она невозможна без наличия профессионализма в области знания о современных средствах криминогенного общения.

Созданы и нелегально функционируют специальные подразделения под пристойными вывесками, но фактически в рамках организованной преступности, которые в своей деятельности используют современные средства криминогенного общения для достижения криминальных целей. При этом имеются в виду не только хакеры.

Выводы из данного исследования и перспективы его реализации. Итак, традиционные и современные средства криминогенного общения имеют самое непосредственное отношение к организованной преступности, так как ее природа носит информационный характер. Но «котировки» современных, модернизированных средств криминогенного общения значительно выросли. Противодействовать криминогенному общению можно лишь с позиции комплекса мер, в том числе — криптологии.

Борьба с современными средствами криминогенного общения невозможна без криптологии.

Проблемой защиты информации путем ее преобразования занимается криптология (kryptos — тайный, logos — наука). Криптология разделяется на два направления — криптографию и криптоанализ. Цели этих направлений прямо противоположны.

Криптография занимается поиском и исследованием математических методов преобразования информации. Сфера интересов криптоанализа — исследование возможности расшифровывания информации без знания ключей.

Современная криптография включает в себя четыре крупных раздела.

1. Симметричные криптосистемы.
2. Криптосистемы с открытым ключом.
3. Системы электронной подписи.
4. Управление ключами.

Основные направления использования криптографических методов — передача конфиденциальной информации по каналам связи (например, электронная почта), установление подлинности передаваемых сообщений, хранение информации (документов, баз данных) на носителях в зашифрованном виде.

Криптографические методы защиты информации в автоматизированных системах могут применяться как для защиты информации, обрабатываемой в компьютерах или хранящейся в различного типа запоминающих устройствах, так и для защиты информации, передаваемой между различ-

ными элементами системы по линиям связи. Криптографическое преобразование как метод предупреждения несанкционированного доступа к информации имеет многовековую историю.

В качестве информации, подлежащей шифрованию и дешифрованию, рассматриваются тексты, построенные на некотором алфавите. Под этими терминами понимается следующее.

Алфавит — конечное множество используемых для кодирования информации знаков.

Текст — упорядоченный набор из элементов алфавита.

Шифрование — преобразовательный процесс: исходный текст, который носит также название открытого текста, заменяется шифрованным текстом.

Дешифрование — обратный шифрованию процесс. На основе ключа шифрованный текст преобразуется в исходный.

Ключ — информация, необходимая для беспрепятственного шифрования и дешифрования текстов.

Таким образом, борьба с криминогенным общением в различных сферах невозможна без повышения уровня информационной безопасности и профессиональной компетентности сотрудников правоохранительных органов.

Литература

1. Алферов Ю.А. Пенитенциарная соционика. Тайна межперсональных отношений в преступной среде. Домодедово, 1999.
2. Аудиовизуальная психодиагностика осужденных. Рязань, 1997.
3. Бронников А.Г. Татуировки осужденных. М., 1982.
4. Вакутин Ю.А. Словарь жаргонных слов и выражений. Татуировки. Омск, 1979.
5. Гернет М.Н. В тюрьме. Очерки тюремной психологии. М., 1925.
6. Грачев М. Язык из мрака. Блатная феня. Н. Новгород, 1996.
7. Кириленко Г.Л. Проблема исследования жестов в зарубежной психологии // Психологический журнал. 1987. Т. 8. № 4.
8. Лихачев Д.С. Черты первобытного примитивизма // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., 1992. С. 364–365.
9. Мильяненко Л. По ту сторону закона. М., 1994.
10. Олейник А.И. Тюремная субкультура. М., 2001.
11. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. М., 2000.
12. Сухов А.Н. Психология криминогенного общения в среде осужденных: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. Ленинград: ЛГУ, 1991.

13. Сухов А.Н. Криминогенное общение в среде осужденных. Рязань, 1993.

14. Сухов А.Н., Ильм У.Р. Жесты как невербальные средства общения осужденных. Рязань, 1988.

15. Сухов А.Н. Социальная психология организованной преступности. М., 2017.

16. Сухов А.Н. Криминогенное общение как механизм организованной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5.

17. Сухов А.Н. Социальная психология преступности. М., 2007.

References

1. Alferov Yu.A. Penitentsiarnaya sotsionika. Tayna mezhpersional'nykh otnosheniy v prestupnoy srede. Domodedovo, 1999.
2. Audiovizual'naya psikhodiagnostika osuzhdennykh. Ryazan', 1997.
3. Bronnikov A.G. Tatuировки osuzhdennykh. M., 1982.
4. Vakutin Yu.A. Slovar' zhargonnykh slov i vyrazheniy. Tatuировки. Omsk, 1979.
5. Gernet M.N. V tyur'me. Ocherki tyuremnoy psikhologii. M., 1925.
6. Grachev M. Yazyk iz mraka. Blatnaya feny. N. Novgorod, 1996.
7. Kirilenko G.L. Problema issledovaniya zhestov v zarubezhnoy psikhologii // Psikhologicheskii zhurnal. 1987. T. 8. № 4.
8. Likhachev D.S. Cherty pervobytnogo primitivizma // Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona. M., 1992. S. 364–365.
9. Mil'yanenkov L. Po tu storonu zakona. M., 1994.
10. Oleynik A.I. Tyuremnaya subkul'tura. M., 2001.
11. Pirozhkov V.F. Kriminal'naya psikhologiya. M., 2000.
12. Sukhov A.N. Psikhologiya kriminogenno obshcheniya v srede osuzhdennykh: Avtoref. diss. ... dokt. psikhol. nauk. Leningrad: LGU, 1991.
13. Sukhov A.N. Kriminogennoe obshchenie v srede osuzhdennykh. Ryazan', 1993.
14. Sukhov A.N., Il'm U.R. Zhesty kak neverbal'nye sredstva obshcheniya osuzhdennykh. Ryazan', 1988.
15. Sukhov A.N. Sotsial'naya psikhologiya organizovannoy prestupnosti. M., 2017.
16. Sukhov A.N. Kriminogennoe obshcheniye kak mekhanizm organizovannoy prestupnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 5.
17. Sukhov A.N. Sotsial'naya psikhologiya prestupnosti. M., 2007.

МЕТОДОЛОГИЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ В ИНТЕРЕСАХ УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Людмила Валерьевна Шманева, заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя по заочному обучению, кандидат философских наук, доцент
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12)
E-mail: shmaneva_luda@mail.ru

Сергей Владимирович Шманев, профессор департамента экономической теории
ФГБОУ ВО «Финансового университета при Правительстве Российской Федерации»,
профессор кафедры экономики предприятий ФГБОУ ВО «Орловский университет экономики и торговли» (ОрелГУЭТ),
доктор экономических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (125993, Москва,
Ленинградский пр-т, д. 49)
E-mail: shmanev_s_v@mail.ru

Аннотация. Методология прогнозирования мировых и региональных экономических кризисов в интересах совершенствования национальной системы стратегирования социально-экономического развития и укрепления национальной безопасности должна обеспечивать достижение поставленных целей и решение конкретных задач в сложившейся экономической ситуации. Методология «Форсайт» предполагает рассмотрение процесса взаимодействия государства, общества и бизнеса как сложное образование, представляющее часть более общей системы. Она позволяет изучать объекты исследования любой сложности, выявлять законы формирования структурных отношений и динамику развития прямых и обратных связей, рассматривать процессы, как в количественном, так и качественном виде. Методология «Форсайт» позволяет, исходя из поставленных целей и задач, прогнозировать результаты управляющих воздействий по формированию условий социально-экономического развития государства и обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: система, управление, Форсайт, методология, методы, модели, прогнозирование, социально-экономическое развитие.

METHODOLOGY FOR FORECASTING ECONOMIC CRISES IN THE INTERESTS OF STRENGTHENING NATIONAL SECURITY

Ludmila V. Shmaneva, Deputy Chief for Distance Education of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' (117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12)
E-mail: shmaneva_luda@mail.ru

Sergey V. Shmanev, Professor of the Department of Economic Theory of Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economics of Enterprises of Orel State University of Economics and Trade, Doctor of Economic Sciences, Professor
Financial University under the Government of the Russian Federation (125993, Moscow, Leningradskiy pr-t, d. 49)
E-mail: shmanev_s_v@mail.ru

Abstract. The methodology for forecasting global and regional economic crises in the interests of improving the national system for strategizing socio-economic development and strengthening national security should ensure the achievement of goals and the solution of specific tasks in the current economic situation. The foresight methodology considers the interaction between the state, society and business as a complex entity that is part of a more General system. It allows you to study the objects of research of any complexity, to identify the laws of formation of structural relations and the dynamics of the development of direct and feedback, to consider the processes, both in quantitative and qualitative form. The «foresight» methodology allows, based on the set goals and objectives, to predict the results of control actions for the formation of conditions for the socio-economic development of the state and ensuring national security.

Keywords: system, management, foresight, methodology, methods, models, forecasting, socio-economic development.

Сitation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Для цитирования: Шманева Л.В., Шманев С.В. Методология прогнозирования экономических кризисов в интересах укрепления национальной безопасности. Вестник Московского университета МВД России. 2020;(3):273–278.

Под методологией прогнозирования следует понимать систему подходов, принципов, методов и моделей разработки, обоснования и проведения прогнозов. В настоящее время максимальной охват

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации.

соответствующих методологических принципов обеспечивает «Форсайт».

Задачей данной методологии является получение прогнозных материалов и формирование скоординированного видения возможности наступления мировых и региональных экономических кризисов в интересах совершенствования национальной системы стратегирования социально-экономического развития и укрепления национальной безопасности.

Особое место Форсайт-методологии и моделей, разработанных в ее рамках, связано с возможностью прогнозировать закономерности социально-экономических процессов, их направления и динамики в условиях неопределенности и риска [5]. Важной их характеристикой является то, что они позволяют

при качественном использовании управленческих, научных и других инструментов отодвигать в будущее границу прогнозирования, предлагая ряд вариантов [1, с. 59–66; 2, с. 58–67; 3, с. 727–740; 4, с. 5].

Под Форсайт-моделированием понимают последовательность мероприятий, проводимых для достижения поставленных целей и задач, сопряженных с реализацией государственной социально-экономической политики [6, с. 2621–2648].

Предлагаемая Форсайт-модель прогнозирования мировых и региональных экономических кризисов в интересах совершенствования национальной системы стратегирования социально-экономического развития и укрепления национальной безопасности, представленная на рис. 1, позволит уточнить цели

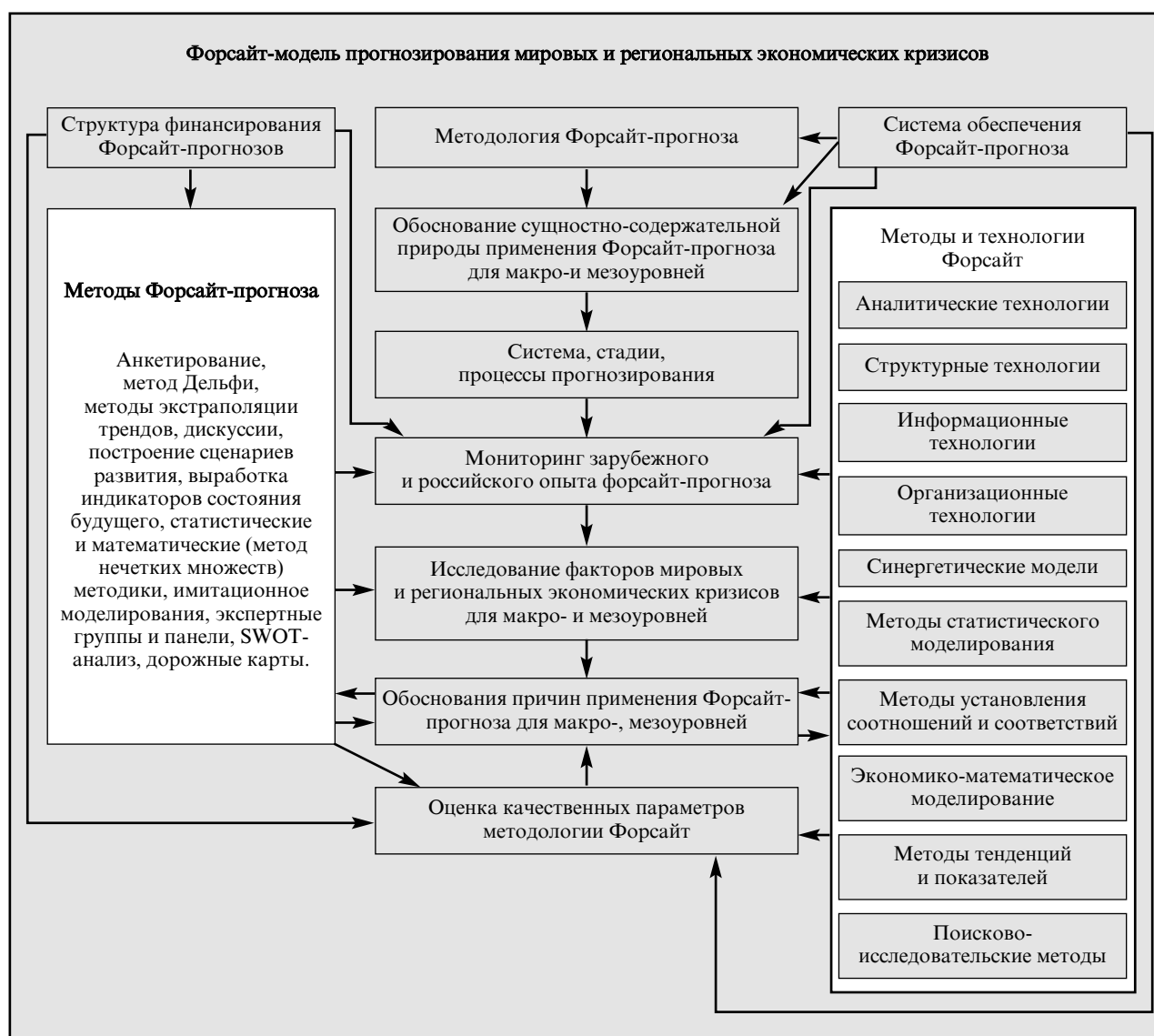

Рис. 1. Форсайт-модель прогнозирования мировых и региональных экономических кризисов в интересах совершенствования национальной системы стратегирования социально-экономического развития и укрепления национальной безопасности

прогнозирования, определить задачи для ее достижения, указать необходимый уровень требований к компетенциям специалистов, на которых будет возложено выполнение задания. Это, в свою очередь, будет способствовать получению адекватной оценки качества прогнозов.

Мы считаем, что весь набор данных по обоснованию причин и необходимости применения Форсайта для макро- и мезоуровней следует разделить на три составляющие (рис. 2).

Из рис. 2 следует, что формирование информационного поля по обоснованию причин и необходимости применения Форсайта для прогноза мировых и региональных экономических кризисов в интересах совершенствования национальной системы стратеги-

рования социально-экономического развития и укрепления национальной безопасности создает целостную управляющую систему, обеспечивающую тесное взаимодействие государства, общества и бизнеса по созданию инфраструктурного комплекса, повышая эффективность мер по достижению поставленных целей.

При этом производится количественная и качественная оценка существующих тенденций и последствий их развития, основанная не только на методах, но и знаниях привлеченных к работе экспертов (при использовании Форсайта часто применяется сочетание методов и технологий).

Оценка качественных параметров Форсайта при прогнозе указывает на то, будут ли достигнуты запланированные результаты.

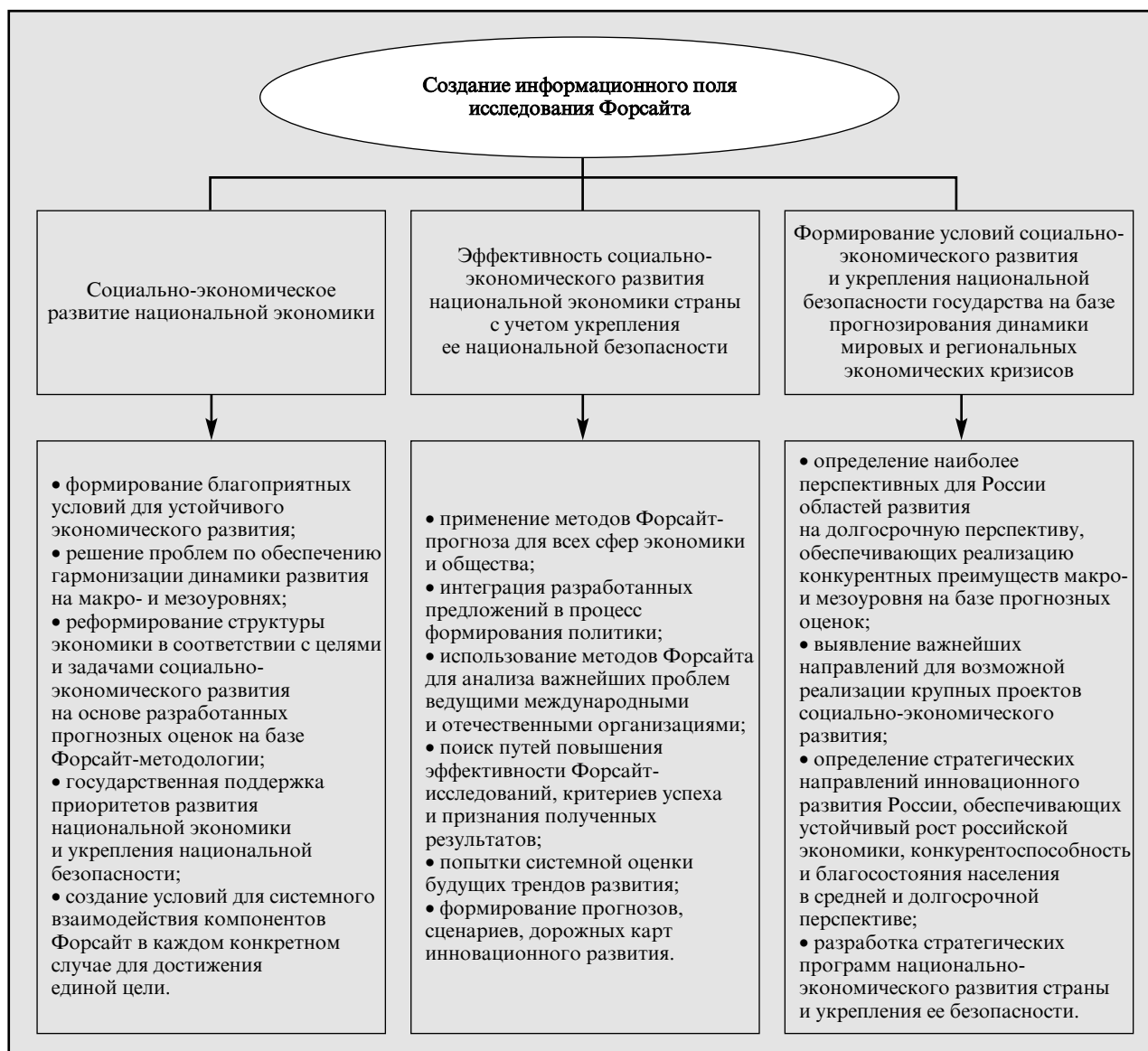

Рис. 2. Формирование информационного поля развития социально-экономических процессов на основе динамики мировых и региональных экономических кризисов на базе Форсайт-технологии

Поиск направлений и форматов моделирования создает необходимые условия для применения в России нового практического подхода к прогнозированию и планированию инновационной практики работы с будущим. Для нашей страны в сложившихся реалиях важно динамичное вхождение в процессы глобализации и международной конкуренции [6, с. 2621–2648; 7, с. 223–238].

Современный мир представляет собой довольно неустойчивую, неравновесную, а потому постоянно изменяющуюся систему. Поэтому, с точки зрения теории прогнозирования, социально-экономические системы, созданные творческим усилием человечества, являются крайне децентрализованными структурами. Управляющие действия независимых субъектов, поведение которых основано на иррациональном мышлении, имеющих разный психологический портрет, различные цели, квалификацию, а, следовательно, функционирующих на разных уровнях информационного поля, на первый взгляд кажутся бессмысленными. Однако практика показывает, что управление не только возможно, но и необходимо [8, с. 78–90]. Все дело в том, как влиять, когда и на какие системы.

В реальности состояние равновесия для социально-экономических процессов — это частный случай в целом неравновесного и неустойчивого состояния, которое и является условием развития, а, в итоге, приводит к внутренней устойчивости системы. Источником неравновесия становятся множество факторов, такие как НТП, смена потребительских предпочтений, динамика экономического развития, ограниченность ресурсов, амбиции и интересы отдельных субъектов и т.д. [7, с. 223–238].

Эти и другие факторы имеют логическое обоснование. Должен существовать генератор, вызывающий трансформационные изменения в государстве, обществе, производстве. Этот генератор инициирует периодически или непрерывно «фоновые» (слабые) и «толчковые» (кратковременные большой мощности) импульсы определенного направления и силы, механизм действия которых аналогичен механизму инновационных «толчков» И. Шумпетера. Вступая в резонанс, они создают «базисные» факторы, порождая при этом конструктивные изменения в социально-экономических системах.

К «базисным» факторам можно отнести те, которые, собственно, вызывают неравновесность, т.е.

НТП, потребительские интересы субъектов и пр., а также систему культурных ценностей, уровень образования, национально-исторические особенности, психологический портрет общества и индивидов и т.д. [9, с. 24–28].

Действие названных факторов изменяет характер инфраструктуры социально-экономической системы, что приводит к дальнейшей трансформации и расширению области нашего незнания о механизме и процессах, протекающих в ней. Это формирует новые нечеткие отношения и алгоритмы. Поэтому одной из основных задач управления является своевременное и адекватное реагирование на текущие и возможные (прогнозные) трансформации воздействия внешней среды, а также на изменение структуры и связей в самой системе. Адекватность реагирования подразумевает правильную оценку изменения уровня воздействия на систему, как внутренних, так и внешних факторов, характер и продолжительность этого воздействия. Ее (адекватность) обеспечивает своевременность, интенсивность, объем и качество информации, поступающей управленцам разного уровня.

Если руководитель смог правильно оценить ситуацию, сделать верный прогноз развития системы на перспективу и выработать систему мер, способную устранить внутренние напряжения, то управляемая система выживает. Если же это сделать не удастся, то система становится нестабильной и, в конечном счете, может погибнуть либо в результате дестабилизирующих действий, порожденных процессами в самой системе, либо в результате конкурентной борьбы с другими [8, с. 78–90; 10, с. 367].

Для разных стадий развития системы характерна различная чувствительность к внешним воздействиям. Особенно чувствительна она к ним, когда наступают кризисные периоды, т.е. когда процессы, протекающие в системе, имеют высокий уровень хаотичности. В значительной степени такую хаотичность порождают субъекты управляющей системы. Ее деятельность подвержена рефлексии по поводу оценки результатов их работы руководителями более высокого уровня, коллегами и подчиненными. Корректировка своей деятельности под влиянием окружающей среды без жесткой привязки к реальности порождает дополнительную внутреннюю неустойчивость системы. Она может усилиться еще и тем, что интересы, и, следовательно, деятель-

ность отдельных субъектов не всегда совпадают. Устранить эти факторы позволит только четко налаженное управление, причем интенсивность управляющих воздействий при этом должна превышать так называемый «порог синхронизации» или, как его еще именуют, «минимальный уровень стабилизации». В противном случае система распадается.

Кроме субъективных факторов неустойчивости следует назвать еще временной интервал достоверного прогноза наступления хаотических явлений в системе. В научной литературе его определяют как «горизонт прогнозирования». Он обусловлен объективной сложностью прогнозирования динамики развития социально-экономических процессов на длительную перспективу из-за технической трудности разработки модели, способной предсказать характер изменения воздействия различных факторов на управляемую систему. Более того, значение прогнозных оценок с усложнением социально-экономических систем возрастает. Предвидение ситуаций и времени наступления хаоса в системе дает возможность разработать управляющие меры по предотвращению наступления хаотических процессов и, если они все-таки наступили, то своевременно нивелировать негативные последствия.

Принятие решений, связанных с управлением всей системы в целом, или ее отдельных звеньев; условия осуществления управляющих воздействий, а также критерии оценки уровня достижения поставленных целей во многом субъективны и имеют вероятностную основу. Это порождает нечеткие отношения, вероятностные значения, что со временем приводит к изменению свойств, целей и задач, стоящих перед системой.

Нечеткие отношения, допускающие нечеткие алгоритмы, а, следовательно, и нечеткие инструкции довольно широко распространены во всех видах человеческой деятельности. Они дают возможность описать необходимые действия в условиях недостатка информации и позволяют анализировать последствия принятия решения относительно сложных систем, когда известные количественные методы мало эффективны. К таким сложно регулируемым системам относятся социально-экономические процессы, анализируемые на уровне государства, региона, отрасли. С помощью нечетких алгоритмов можно моделировать неопределенность динамики развития сложной системы и давать прог-

нозную оценку последствиям принимаемого решения в условиях, когда, например, центр управления не имеет достаточно полной информации о процессах, протекающих в различных регионах или отраслях экономики.

Открытость управляемых систем, неравномерность их развития вследствие взаимодействия с окружающей средой ставят перед управленцем целый ряд трудно разрешимых вопросов:

- ♦ неопределенность ситуации, а, следовательно, сложность при описании проблем, мешающих достижению поставленных социально-экономических задач;
- ♦ определение и измерение необходимых показателей эффективности функционирования систем;
- ♦ обеспечение качества исполнительской дисциплины на разных уровнях;
- ♦ допущение ошибок в моделировании динамики социально-экономической системы и процессов, протекающих в ней и т.д. [10, с. 367].

Все эти сложности определяют нечеткость в моделировании. В связи с этим до недавнего времени при разработке моделей управляющих воздействий во избежание множественной неопределенности, моделировали либо отдельные процедуры управляемой системы, либо отдельные этапы процесса принятия решения, что лишало управленца представления об общей динамике происходящих изменений.

Кроме того, руководителем нередко приходилось принимать волевое решение, так как на согласование предоставлялось несколько проектов, в которых методы, подходы и критерии оценки сильно различались, а это приводило к значительному возрастанию риска не достигнуть поставленной цели.

Разумеется, принятие решения всегда сопряжено с неопределенностью, и она в разных ситуациях довольно сильно варьируется. Поэтому мы считаем необходимым обратить внимание на неравновесность, как естественное состояние открытых нелинейных систем, и на множественность путей их развития. Это позволит свести в единую систему методы прогнозной экстраполяции, методы моделирования и экономико-математические методы, в частности метод теории нечетких множеств, что расширит возможности и достоверность прогнозов.

В совокупности полученные результаты будут способствовать формированию обоснованных рекомендаций по принятию тех или иных действий, пред-

принимаемых в рамках реализации мероприятий, направленных на совершенствование национальной системы стратегирования социально-экономического развития, упредят наступление негативных явлений, а также предоставят возможность заранее подготовить комплекс мер по устранению или снижению риска.

Литература

1. Бруммер В., Коннола Т., Сало А. Многообразие в Форсайт-исследованиях. Практика отбора инновационных идей // Форсайт. 2010. № 4. С. 59–66.
2. Вишневский К.О., Карасев О.И. Прогнозирование развития новых материалов с использованием методов Форсайта // Форсайт. 2010. № 2. С. 58–67.
3. Вартанова М.Л. Анализ и оценка рисков и угроз финансово-экономической безопасности Российской Федерации: влияние экономических санкций на развитие валютной политики // Экономические отношения. 2018. Т. 8. № 4. С. 727–740.
4. Гохберг Л.М. Новые тенденции в российской практике форсайт-исследований // Форсайт. 2009. № 3(11). С. 5.
5. Греченко А.А. Форсайт как инновационный инструмент прогнозирования и реализации научных и технологических приоритетов // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. М.Ф. Решетнева. 2010. № 1.
6. Дробот Е.В., Вартанова М.Л. Экономическая безопасность: концептуальные основы и оценка обеспечения безопасности личности в странах Евразийского экономического союза // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 4. С. 2621–2648.
7. Мусаева В.А. Методологические подходы прогнозирования и планирования в экономической системе // Кыргызский экономический университет имени М. Рыскулбекова. 2017. № 1(39). С. 223–238.
8. Нестик Т. Психологические аспекты корпоративного Форсайта // Форсайт. 2018. Т. 12. № 2. С. 78–90.
9. Осипов М.П. Формирование модели Форсайт инновационного развития хозяйствующей систе-

мы // Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова. 2013. № 3. С. 24–28.

10. Шманев С.В., Сухарев О.С., Курьянов А.М. Синергетика инвестиций // Финансы и статистика. 2014. С. 367.

References

1. Brummer V., Konnola T., Salo A. Mnogoobrazie v Forsayt-issledovaniyakh. Praktika otbora innovatsionnykh idey // Forsayt. 2010. № 4. S. 59–66.
2. Vishnevskiy K.O., Karasev O.I. Prognozirovaniye razvitiya novykh materialov s ispol'zovaniem metodov Forsayta // Forsayt. 2010. № 2. S. 58–67.
3. Vartanova M.L. Analiz i otsenka riskov i ugroz finansovo-ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: vliyaniye ekonomicheskikh sanktsiy na razvitiye valyutnoy politiki // Ekonomicheskie otnosheniya. 2018. T. 8. № 4. S. 727–740.
4. Gokhberg L.M. Novye tendentsii v rossiyskoy praktike forsayt-issledovaniy // Forsayt. 2009. № 3(11). S. 5.
5. Gretchenko A.A. Forsayt kak innovatsionnyy instrument prognozirovaniya i realizatsii nauchnykh i tekhnologicheskikh prioritetov // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. M.F. Reshetneva. 2010. № 1.
6. Drobot E.V., Vartanova M.L. Ekonomicheskaya bezopasnost': kontseptual'nye osnovy i otsenka obespecheniya bezopasnosti lichnosti v stranakh Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza // Ekonomicheskie otnosheniya. 2019. T. 9. № 4. S. 2621–2648.
7. Musaeva V.A. Metodologicheskie podkhody prognozirovaniya i planirovaniya v ekonomicheskoy sisteme // Kyrgyzskiy ekonomicheskiy universitet imeni M. Ryskulbekova. 2017. № 1(39). S. 223–238.
8. Nestik T. Psikhologicheskie aspekty korporativnogo Forsayta // Forsayt. 2018. T. 12. № 2. S. 78–90.
9. Osipov M.P. Formirovaniye modeli Forsayt innovatsionnogo razvitiya khozyaystvuyushchey sistemy // Institut mezhdunarodnogo prava i ekonomiki imeni A.S. Griboedova. 2013. № 3. S. 24–28.
10. Shmanev S.V., Sukharev O.S., Kur'yanov A.M. Sinergetika investitsiy // Finansy i statistika. 2014. S. 367.